

13.
895
5

СѢВЕРНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

Май № 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева (бывш. Н. Лебедева). Невскій просп., 8.

1895.

Контора «Сѣвернаго Вѣстника» покорнѣйше просить гг. подписчиковъ въ разсрочку послѣдить уплатою за вторую четверть (съ апрѣля) во избѣжаніе приостановки въ дальнѣйшей высылкѣ журнала.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

СТРАН.

I. — ОТВЕРЖЕННЫЙ. Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ Д. Мережковского	1
II. — ПАПА ЛЕВЪ XIII. Л. Рускина.	36
III. — ЗАКОННЫЯ ЖЕНЫ. Очеркъ третій. Записки мужа. О. Шапиръ	73
IV. — КРАСАВИЦѢ. Стихотвореніе. Е. Льдова.	104
V. — УСТАЛЫЕ ЛЮДИ. Романъ Арне Гарборга. Переводъ съ датскаго. О. Петерсонъ	105
VI. — КЪ ВОПРОСУ О СИНДИКАТАХЪ. (По поводу книги И. Янжула о синдикатахъ). Проф. А. Исаева	136
VII. — ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ. Очеркъ VII. Героиня „Фауста“. Проф. Д. Овсянико-Куликовского	148
VIII. — ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ РЕФОРМА 1893 ГОДА ВЪ БЕЛГІИ. В. Спасовича	183
IX. — ИЗЪ ОСЕННИХЪ МЕЛОДІЙ. Стихотвореніе. О. Чюминой	208
X. — ЗАПИСКИ А. О. СМІРНОВОЙ. Смерть Пушкина.	290
XI. — „QUO VADIS“. Романъ изъ времянь Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго Е. Льдова	223
XII. — ЛЕОНАРДО ДА ВИНЧИ. Стихотвореніе. Д. Мережковского	250
XIII. — ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Д. И. Писаревъ. Polemica съ „Русскимъ Вѣстникомъ“. — Писаревъ и Герцень о Кірьевскомъ. — Писаревъ о Петрѣ Великомъ.—Историческія, естественно-научныя, философскія и педагогическія статьи Писарева.—«Темное царство» въ новомъ освѣщеніи. — Реалистическій взглядъ на любовь и ревность.—Первые нападки на искусство. — Пушкинъ и Бѣльскій.—Разрушеніе эстетики.—Два романа съ эмансипаторскими идеями.—«Новые типы». — Проблескъ новыхъ настроеній. А. Волынскаго.	251

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

I. — ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ. Провинціальная печать. Очищеніе русскаго языка.—Слова католикаса редакціи «Приазовскаго Края» о призваніи печати.—Какъ инныя газеты понимаютъ это призваніе. — «Сарат. Листокъ» о «Сарат. Дневникѣ». — Итальянцы въ Сибири и итальянцы въ Одессѣ. — Въ защиту «мазинистокъ».—Двѣ выставки въ Одессѣ и будущая въ Нижнемъ.—«Самарская Газета» о томъ, какъ пьютъ въ Балаковѣ.—«Водка новой моды».—«Сибирскій Вѣстникъ» о доходѣ общественныхъ кабаковъ.—Несчастный случай на дорогѣ въ Ковнѣ и общество „Россія“. — Ивановъ самоубійца и Ивановъ виновникъ самоубійства. — Подлогъ, въ которомъ можно было оправдать. — Оставленная богатыми родными. Л. Прозорова.	1
---	---

II. — ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ. Положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ. Университетскія поселенія. — Уроки покоя и отдыха. — Гигіена „христіанской науки“	31
III. — ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Реформа нашей денежной системы. — Речи ген. Кирѣева и полк. Комарова въ славянскомъ благотворительномъ обществѣ. — Назначеніе въ Сибирь высшей комиссіи по постройкѣ желѣзной дороги. — Спидблатъ сахарозаводчиковъ. — Общій вопросъ о стачкахъ промышленниковъ и торговцевъ. — Дѣло по иску съ заводчицы Баскаковой. — Публичныя чтенія. — Организація мѣстной юстиціи. — Судебная служба	31
IV. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ. Дипломатическая интервенція въ дѣлѣ между Японіею и Китаемъ. — Преждевременная военная тревога нашихъ газетъ. — Вопросъ о Памирахъ и походъ англичанъ на Читраль. — Новый спикеръ и новые законы въ палатѣ общинъ. — Законопроектъ противъ партіи переворота въ Германіи. — Кн. Гогенлоз, г. фонъ-Келлеръ и гр. Эйленбургъ. — Нѣсколько новыхъ спичей Бисмарка. — Выборы въ Сербіи и одобреніе скупщиной переворота. — Генераль Баратьери и пересмотръ избирательскихъ списковъ въ Италіи. Л. Полонскаго.	47
V. — СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ. М. Стивала	64
VI. — КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ. Библиографія. — I. Литература для дѣтей и для народа. — II. Общественныя науки. — III. Естествознаніе и медицина.	82
VII. — ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ. Бисмаркъ на судѣ общественнаго мнѣнія. — А. Ф. Федотовъ и первая попытка основанія народнаго театра. — Женскій медицинскій институтъ.	91
VIII. — ИЗЪ ДНЕВНИКА ЖУРНАЛИСТА. Пьеса Гауптмана „Ганнеле“. Л. Г.	100
IX. — ОТЪ РЕДАКЦІИ.	105
X. — КНИГИ, поступившія въ редакцію для отзыва.	
XI. — ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ОТВЕРЖЕННЫЙ.

(Послѣдняя борьба христіанъ съ язычниками въ IV в.).

Историческій романъ въ 2-хъ частяхъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

X.

Въ Великой Антиохіи, столицѣ Сиріи, въ переулкѣ, недалеко отъ главной улицы Сингонъ, находились великолѣпныя Теплыя бани, такъ называемыя Термы.

Бани были модныя и дорогія. Многіе приходили сюда, чтобы услышать послѣднія городскія новости.

Между раздѣвальной (apodyterium) и прохладной комнатой (frigidarium) была роскошная зала, вымощенная разноцвѣтными мраморами и мозаикой, назначенная для потѣнія. Ее называли sudatorium, или lacopiscium.

Изъ сосѣднихъ залъ слышалось непрерывное паденіе широкихъ водяныхъ струй въ звонкія ванны, въ огромные бассейны, плескъ и смѣхъ купающихся. Смуглые рабы, голые банщики бѣгали, суетились, откупоривали амфоры съ благовоніями. Въ Антиохіи на бани смотрѣли не какъ на забаву или необходимость, а какъ на главную предѣсть жизни, какъ на высокое и разнообразное искусство. Не даромъ столица Сиріи славилась по всему міру обиліемъ, чуднымъ вкусомъ и чистотой воды своихъ. Наполненная ванна или ведро казались пустыми, — до такой степени вода антиохійскихъ акведуковъ была прозрачна.

Сквозь жаркія молочныя облака пара, подымавшагося изъ мраморныхъ отдѣшинъ, въ судаторіумѣ, залѣ для потѣнія, видѣлись красныя голыя тѣла знатныхъ гражданъ Антиохіи. Иные полудлежали, дру-

гіе сидѣли, нѣкоторые банники патирали масломъ: всѣ разговаривали, съ важнымъ видомъ, и потѣли,—съ глубокою серьезностью предаваясь этому утонченному, модному искусству. Красота древнихъ статуй, разставленныхъ въ нишахъ Антиноевъ и Адонисовъ, еще болѣе обнаруживала уродство живыхъ тѣлъ.

Изъ горячей ванны вышелъ жирный старикъ, величественной и безобразной наружности. Это былъ купецъ Бузирисъ, державшій въ рукахъ своихъ всю торговлю антиохійскаго хлѣбнаго рынка. Стройный молодой человекъ почтительно поддерживалъ его подъ руку. Хотя оба были голы, но сейчасъ можно было отличить, кто господинъ, кто кліентъ.

— Поддай жару,—проговорилъ Бузирисъ повелительнымъ, хриплымъ голосомъ. По одной густотѣ этого звука легко было заключить, какими милліонами ворочаетъ хлѣбникъ.

Открыли два мѣдныхъ крана. Горячій паръ съ шипѣніемъ вырвался изъ отдушны и густымъ туманомъ окружилъ старика. Какъ чудовищный богъ въ апопеезѣ, стоялъ онъ въ бѣломъ, влажномъ облакѣ, сопѣлъ, кряхтѣлъ отъ наслажденія и похлопывалъ жирными ладонями по красному, мясистому брюху, звучавшему, какъ барабанъ.

Тутъ-же, на корточкахъ, сидѣлъ бывший смотритель страннопріимныхъ домовъ и больницъ Аполлона, чиновникъ квестуры Маркъ Авзоній. Крохотный, худенькій, рядомъ съ жирной громадой купца, онъ казался оципанымъ и замороженнымъ цыпленкомъ.

Насмѣшникъ Юній Маврикъ никакъ не могъ вызвать пота на своемъ жилистомъ, сухомъ какъ палка, костлявомъ тѣлѣ, пропитанномъ желчью.

Гаргиліанъ лежалъ, растянувшись, на мозаичномъ полу, дебелий, дряблый и мягкій, какъ студень, огромный, какъ туна борова. Шафлагонскій рабъ, задыхаясь отъ натури, теръ ему пухлую спину мокрой суковкой.

Разбогатѣвшій стихотворецъ Публій Порфирій Опатіанъ, съ меланхолическимъ выраженіемъ, смотрѣлъ на свои ноги, изуродованныя подагрой.

— Знаете-ли, друзья мои,—спросилъ поэтъ,—письмо бѣлыхъ быковъ римскому императору?

— Не знаемъ. Говори.

— Всего одна строчка: «Если ты побѣдишь Персовъ,—мы погибли».

— Какъ? И все?

— Чего-же больше?..

Бѣлая туна Гаргиліана затряслась отъ хохота:

— Клянусь Палладію,—коротко, но вѣрно! Если императоръ вернется побѣдителемъ изъ Персіи, онъ принесетъ въ жертву олимпійцамъ

такое множество бѣлыхъ быковъ, что эти животныя сдѣлаются болѣе рѣдкостью, чѣмъ египетскій Аписъ. Рабъ, поясицу, поясицу!.. Сильѣе!..

И туша, медленно перевернувшись, съ такимъ звукомъ шлепнулась на другой бокъ, какъ-будто на полъ бросили кучу мокраго бѣлья.

— Хэ, хэ, хэ! — засмѣялся Юній тоненькимъ, разсыпчатымъ и желчнымъ смѣхомъ.—Говорятъ, изъ Индіи, съ острова Тапробана, привозятъ несмѣтное количество бѣлыхъ рѣдкостныхъ птицъ. А откуда-то изъ ледяной Скиѣи—огромныхъ дикихъ лебедей. Все для боговъ. Римскій императоръ откармливаетъ Олимпійцевъ. Что-же дѣлать? Усѣли проголодаться бѣдненькіе, со времянь Константина!

— Боги объѣдаются,—воскликнулъ Гаргиліанъ,—а мы постимся. Вотъ уже три дня, какъ на рынкѣ ни одного колхидскаго фазана, ни одной порядочной рыбы.

— Молокосось!—замѣтилъ хлѣбный купецъ отрывисто.

Всѣ обернулись, почтительно умолкнувъ.

— Молокосось!—повторилъ Бузирисъ еще болѣе важнымъ и сильнымъ голосомъ.—Я говорю, что если бы вашему римскому кесарю прищипить губки или носикъ, молоко изъ нихъ потекло-бы, какъ у двухнедѣльнаго сосунка. Хотѣлъ сбить цѣну на хлѣбъ, запретилъ продавать по той, которую сами назначили. 400,000 мѣръ египетской пшеницы вышесаль...

— Ну, и что-же? Сбилъ?

— А вотъ, слушайте. Подговорилъ я купцовъ. Заперли амбары. Лучше, думаемъ, лишеницу сгноимъ, а не покоримся. Египетскій хлѣбъ сѣзли,—нашего не даемъ. Самъ заварилъ,—самъ расхлебывай.

Бузирисъ съ торжествомъ хлопнулъ себя по брюху ладонями.

— Довольно пару... Лей,—приказалъ купецъ, и молодой красивый рабъ, съ длинными кудрями, похожій на Антиноя, откупорилъ надъ его головой тоненькую амфору съ драгоценной аравійской кассіей. Ароматы полились обильными струями по красному потному тѣлу, и Бузирисъ растиралъ густыя капли съ наслажденіемъ. Потомъ, умастившись, съ важностью вытеръ толстые пальцы о золотныя кудри раба, наклонившаго голову.

— Твоя милость,—съ поклономъ началъ угодливый прихлебатель-кліентъ,—твоя милость совершенно вѣрно изволила замѣтить,—императоръ Юліанъ ничто иное, какъ молокосось. Недавно выпустилъ онъ пасквиль на гражданъ Антиохіи подъ названіемъ «Независтникъ бороды» (Мизопогонъ), въ коемъ на ругань черни отвѣтствуетъ еще болѣе паглою руганью, прямо объявляя: «вы смѣтаетесь надъ моею грубостью, надъ моею бородой, — смѣйтесь, сколько угодно. Самъ я буду смѣяться надъ собою. Не надо мнѣ ни суда, ни доносовъ, ни тюремъ, ни казней». Но, спрашивается, достоинъ-ли сіе римскаго императора?..

— Блаженной памяти Кесарь Констанцій—наставительно замѣтили Бузирисъ,—не чета Юліану. Сразу, по одеждѣ, по осанкѣ видно было,—Кесарь. А этотъ, прости Господи — выкидывъ боговъ, коротконогая обезьяна, медвѣдь косолапый, шляется по улицамъ, небритый, нечесаный, неумытый, съ чернильными пятнами на пальцахъ. Смотрѣть тошно. Книжки, ученость, философія,—подожди, прочимъ мы тебя за вольнодумство. Съ этимъ шутить нельзя. Народъ надо держать—вотъ какъ! Распустишь,—не соберешь...

Тогда Маркъ Авзоній, до тѣхъ поръ молчавшій, проговорилъ задумчиво:

— Все можно-бы простить, но зачѣмъ отнимаетъ онъ у насъ послѣднюю радость жизни — циркъ, сраженія гладіаторовъ? Друзья мои, видъ крови всегда доставлялъ и будетъ доставлять людямъ неизъяснимое блаженство. Это священная и таинственная радость. Безъ крови нѣтъ веселія, нѣтъ величья на землѣ, запахъ крови — запахъ Рима.

На лицѣ послѣдняго потомка Авзоніевъ вспыхнуло слабое, странное чувство. Онъ вопросительно обвелъ слушателей наивными, не то старческими, не то ребяческими глазами.

Откормленная туша Гаргиліана зашевелилась на полу; поднявъ голову, онъ уставился на Авзонія.

— А вѣдь хорошо сказано,—запахъ крови — запахъ Рима! Продолжай, продолжай, Маркъ—ты сегодня въ ударѣ...

— Я говорю то, что чувствую, друзья. Кровь сладостна людямъ. Юліанъ дѣлаетъ ошибку. Отнимая у народа циркъ, онъ отнимаетъ веселіе крови. Чернь простила-бы все, но этого не простить.

Послѣднія слова Маркъ пропнелъ торжественнымъ голосомъ. Вдругъ провелъ рукою по тѣлу и лицо его просіяло.

— Потѣнешь?—спросилъ Гаргиліанъ съ участіемъ.

— Потѣю...—отвѣчалъ Авзоній съ тихой, восторженной улыбкой.— Три, три—скорѣе спину три, пока не простыль...

Онъ легъ. Ванщикъ началъ растирать жалкіе, безкровные члены его, подернутые синевагою блѣдностью, какъ у мертвеца.

Изъ порфирowychъ нишъ, сквозь млечное облако пара, гордя эллискія изваянія иныхъ временъ смотрѣли съ презрѣніемъ на безобразныя тѣла.

А между тѣмъ въ переулкѣ, у входа въ термы, собиралась толпа. Ночью Антиохія блистала огнями, особенно — главная улица Сингонъ, прямая, пересѣкавшая городъ, на протяженіи 36 стадій, съ портиками и двойными колоннадами во всю длину, съ роскошными лавками.

Передъ лѣстницей бань, озаряя пеструю толпу, пылали уличные свѣгильники, раздуваемые вѣтромъ. Смолистая копоть растилалась клубами съ желѣзныхъ подвѣшниковъ.

Въ толпѣ слышались насмѣшки надъ императоромъ. Уличные мальчишки шныряли, выкрикивая сатирическіе анекдоты. Старая поденщица, схвативъ одного изъ маленькихъ насмѣшниковъ и задрвавъ ему рубашенку на голову, ударила по розовому голому задку звонкой подошвой сандаліи, приговаривая:

— Вотъ тебѣ, вотъ тебѣ! Будешь, чертенокъ, пѣть срамныя пѣсни!..

Смуглолицый мальчикъ кричалъ пронзительно.

Другой, вскарабкавшись на спину товарищу, углемъ чертилъ карикатуру на бѣлой стѣнѣ, — длиннородаго козла въ императорской діадемѣ. Мальчикъ постарше, должно быть, школьникъ, съ милымъ, бойкимъ и плутоватымъ лицомъ, выводилъ подъ рисункомъ надписи крупными буквами: «се нечестивый Юліанъ».

Стараясь сдѣлать свой голосъ грубымъ и страшнымъ, переваливаясь съ ноги на ногу, какъ медвѣдь, онъ не пѣлъ, а рычалъ:

Мясникъ идетъ,
Мясникъ идетъ,
Острый ножъ несетъ,
Бородой трясетъ,
Съ шерстью черною,
Съ шерстью длиною,
Бородой своей козлиною!

Прохожій, старый человекъ, въ темныхъ одеждахъ, должно быть, церковникъ, остановился, послушалъ мальчика, покачалъ головою, поднявъ глаза къ небу и обратился къ рабу-носильщику:

— Сказано — изъ устъ младенца правда неходитъ. Не лучше-ли вѣкъ намъ жилое при Каишѣ и Хи?

— Что это значить: при Каишѣ и Хи?

— Не разумѣешь? Греческой «Каишой» (Κ) начинается имя «Констанцій», а Хи (Χ) первая буква въ словѣ «Христосъ». Я желаю сказать, что Констанцій и Христосъ не сдѣлали жителямъ Антиохіи никакого зла, — не то, что разные проходимцы-философы.

— Что вѣрно, то вѣрно. При Каишѣ и Хи намъ лучше жилое!

Пьяный оборванецъ подслушалъ остроуту и съ торжествующимъ видомъ помчался разносить ее по улицамъ.

— При Каишѣ и Хи — недурно жилое! — кричалъ онъ, — да здравствуютъ Κ и Χ...

Эта шутка должна была облетѣть всю Антиохію и понравиться черни безсмысленной неопровержимостью.

Еще большее веселіе царствовало въ кабакѣ, противъ бань, принадлежавшемъ каппадокійскому армянину Сирофениксу. Онъ давно уже перенесъ торговлю изъ окрестностей Цезареи близъ Мацеллума, въ Антиохію.

Изъ козыхъ мѣховъ, изъ огромныхъ глиняныхъ амфоръ щедро цѣдилось вино въ оловянные кубки. Говорили, какъ и вездѣ, объ императорѣ. Особеннымъ краснорѣчіемъ отличался маленькій сиріецъ-солдатъ, Стромбикъ, тотъ самый, который участвовалъ въ походѣ цезаря Юліана противъ сѣверныхъ варваровъ Галліи. Рядомъ съ нимъ былъ его неизмѣнный спутникъ и другъ, исполинскаго роста сарматъ Арагарій.

Стромбикъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ. Больше всего въ мірѣ любилъ онъ всевозможные бунты и возмущенія.

Онъ собирался произнести рѣчь.

Старуха тряпичница сообщила новость:

— Погибли, погибли мы все до одинаго... Покаралъ Господь! Вечоръ сосѣдка такое сказывала, что сперва не повѣрили.

— Что-же, старушка, — Расскажи...

— Въ Газѣ, милые, въ городѣ Газѣ случилось. Напали язычники на женскую обитель. Выволокли монахинь, раздѣли, привязали къ столбамъ на площади, разѣкли тѣла ихъ, и обсыпавъ ячменемъ, трепещущія внутренности кинули свиньямъ!..

— Я самъ видѣлъ, — добавилъ молодой прядильщикъ съ блѣднымъ, упрямымъ лицомъ, — въ Геліополисѣ Ливанскомъ язычникъ пожиралъ сырую печень убитаго діакона.

— Экая мерзость! — проговорилъ мѣдникъ, нахмурившись.

Многіе перекрестились.

При помощи Арагарія, Стромбикъ вскарабкался на грязный, липкій столикъ съ лужами вина, и принявъ величественную позу оратора, — обратился къ толпѣ. Арагарій, одобрительно кивая головою, указывалъ на него съ гордостью:

— Граждане! — началъ Стромбикъ, — доколь-же не возмутимся и не возстанемъ? Знаете-ли вы, что Юліанъ покаялся, вернувшись изъ Персіи побѣдителемъ, собрать святыхъ мужей и бросить на съѣденіе звѣрямъ въ амфитеатрахъ. Притворы базиликъ обратить въ сѣновалы, внутреннюю часть церквей — въ конюшни!..

Въ это мгновеніе въ двери кубаремъ вкатился горбатый старичокъ, блѣдный отъ страха, мужъ тряпичницы, — стекольщикъ. Онъ остановился, въ отчаяніи ударилъ себя обѣими руками по лямкамъ, обвелъ всехъ глазами и пролепеталъ:

— Слышали? Вотъ такъ штука!.. Двѣсти мертвыхъ тѣлъ — въ колодцахъ и водосточныхъ трубахъ!

— Когда? Гдѣ? Какихъ мертвыхъ тѣлъ? Что такое?..

— Тихе, тихе, — замахалъ руками стекольщикъ и продолжалъ таинственнымъ шопотомъ, — говорятъ, Отступникъ давно уже гадаеть по внутренностямъ живыхъ людей — все о войнѣ съ персами, о побѣдѣ надъ христіанами!..

И, задыхаясь отъ наслажденія, онъ сообщилъ:

— Въ подвалахъ антиохійскаго дворца отыскали ящики съ костями. Кости-то человѣчьи!.. А въ городѣ Гаррахъ, недалеко отъ Эдессы, христіане въ подземномъ капищѣ нашли трупъ беременной женщины, подвѣшенной за волосы,—животъ распоротъ, младенецъ вынутъ изъ чрева. Юліанъ гадалъ по печени народившагося о будущемъ, все о проклятой войнѣ съ персами...

— Эй, Глутуринъ, правда-ли, что въ клоакахъ находятъ человѣчьи кости?.. Ты долженъ знать,—спросилъ сапожникъ, большой скептикъ.

Глутуринъ, чистильщикъ клоакъ, стоялъ у дверей, не смѣя войти, потому что отъ него дурно пахло. Когда ему предложили вопросъ, онъ началъ, по обыкновенію, застѣнчиво улыбаться и моргать воспаленными вѣками:

— Нѣтъ, почтенные,—отвѣчалъ онъ кротко,—младенцевъ находили. Вотъ еще ослиные и верблюжьи остовы. А человѣчьи какъ будто не видать...

Когда Стромбикъ снова заговорилъ, чистильщикъ клоакъ смотрѣлъ на оратора благоговѣйно, и почесывая голую ногу о косякъ двери, слушалъ, съ неизъяснимымъ наслажденіемъ:

— Мужи-братья, отометимъ! — восклицалъ ораторъ, съ необыкновеннымъ жаромъ,—умремъ, какъ древніе римляне!..

— Чего глотку дерешь?—разсердился вдругъ сапожникъ,—какъ до дѣла,—первый улизнешь, а другихъ на смерть посылаешь...

— Трусы вы, трусы! — вмѣшалась въ разговоръ нарумявленная и набѣленная женщина, въ пестромъ, бѣдномъ нарядѣ, уличная блудница, поклонниками попросту называемая Волчихой.

— Знаете-ли вы,—продолжала она съ негодованіемъ,—что сказали палачамъ святые мученики Македоній, Θεодуль и Татіанъ?

— Не знаемъ... Говори, Волчиха!

— Сама слышала. Въ Миррѣ Фригійской, три юноши, Македоній, Θεодуль и Татіанъ ночью вошли въ эллинскій храмъ и сокрушили идоловъ во славу Божью. Проконсулъ Амахій схватилъ исповѣдниковъ, и положивъ на желѣзные сковороды, велѣлъ развести огонь. Они-же говорили: «если ты, Амахій, хочешь испробовать жаренаго мяса, повероти насъ на другой бокъ, чтобы мы для твоего вкуса не показались недопеченными». И всѣ трое засмѣялись и плюнули проконсулу въ лицо. И многіе видѣли, какъ ангелъ слетѣлъ съ тремя вѣнцами. Небось, вы-бы такъ не отвѣтили? Только за свою шкуру трястись умѣете... Смотрѣть тошно!..

Волчиха отвернулась съ презрѣніемъ.

Съ улицы долетѣли крики.

— Ужъ не идоловъ-ли бьютъ? обрадовался стекольщикъ.

— Впередъ граждане, за мною!—размахиваль руками Стромбикъ и хотѣлъ соскочить со стола, но поскользнувшись, грохнулся-бы на полъ, если-бы неизмѣнный Арагарій не принялъ его съ нѣжностью въ объятья.

Всѣ кинулись къ дверямъ. Съ главной улицы Сингонъ двигалась громная толпа и, запруднивъ тѣсный переулочекъ, остановилась передъ банями.

— Старецъ Памва, старецъ Памва! — сообщали другъ другу съ радостью—изъ пустыни пришелъ народъ обличить, великихъ низвергнуть, малыхъ спасти.

ХІ.

У старца было грубое лицо съ широкими скулами. Онъ весь обросъ волосами. Въмѣсто тунки, облекаль его холщевый заплатаанный мѣшокъ, вмѣсто хламиды—пыльный бараній мѣхъ, съ куколемъ для головы. Онъ позвякиваль на ходу длинною палкой съ острымъ наконечникомъ. Двадцать лѣтъ не мылся Памва, потому что считаль всякую опрятность грѣховной и вѣрилъ, что есть особый дьяволъ тѣлесной чистоты. Въ страшной пустынѣ,—Береѣ Халибонской, на востокъ отъ Антиохіи, гдѣ змѣи и скорпіоны гнѣздятся на днѣ выжженныхъ колодець, въ изсохшемъ водоемѣ, называвшемся по сирійски «кубба», питаясь пятью стеблями въ день особаго тростника, мучнистаго и сладкаго, онъ едва не умеръ отъ изнуренія. Ученики стали спускать пищу въ колодець на веревкахъ. Семь лѣтъ употребляль онъ половину секстарія чечевицы, смоченной водою. Зрѣніе ослабѣло. Кожа покрылась чесоткою и шелудями. Онъ прибавиль немного масла. Но сталъ обвинять себя въ чревоугодіи.

Памва узналь отъ учениковъ, что овецъ Христовыхъ гонить лютой Антихристъ, императоръ Юліанъ, покинулъ пустыню и пришелъ въ Антиохію, чтобы укрѣпить ослабѣвающихъ въ вѣрѣ.

— Слушайте, слушайте, старецъ будетъ говорить!

Памва взошелъ на лѣстницу передъ банями и остановился на мраморной площадкѣ, у подножія свѣтильника.

Глаза его сверкнули суровымъ огнемъ. Онъ обвелъ рукою, указывая черни на дворцы, языческіе храмы, термы, лавки, судилища, памятники Антиохіи.

— Камня на каміѣ здѣсь не останется. Все пройдетъ, все погибнетъ. Вспыхнетъ огонь и пожретъ міръ. Небеса съ шумомъ совяются, какъ обугленный свитокъ. Се—страшный судъ Христовъ,—необъятное зрѣлище! Куда обращаю мои взоры? Чѣмъ люблююсь? Не тѣмъ-ли, какъ вопять цари, низринутые во тьму кромѣшную? Не тѣмъ-ли, какъ Аф-

родита, богиня любви, съ маленькимъ сыномъ Эротомъ, трепещеть въ наготѣ своей, передъ лицомъ Распятаго? Не тѣмъ-ли, какъ Зевсъ, съ потухшими громами, и всѣ олимпійскіе боги бѣгутъ отъ громовъ Всевышняго? Торжествуйте, мученики! Веселитесь, гонимые! Гдѣ ваши судьи, — римскіе начальники, проконсулы? Вотъ охвачены они пламенемъ сильнѣе того, на которомъ жгли христіанъ. Философы, гордившіеся суетною мудростью, покраснѣютъ отъ стыда передъ своими учениками, пылая въ гееннѣ, и уже не помогутъ имъ ни силлогизмы Аристотеля, ни доказательства Платона! Завопятъ трагическіе актеры, какъ не вопили ни въ одной трагедіи Софокла и Эсхила! Запрыгаютъ канатные плясуны на адекомъ огнѣ, съ еще не виданнымъ проворствомъ! Тогда мы, — люди грубые и невѣжественные, — содрогнемся отъ радости и скажемъ сильнымъ, разумнымъ и гордымъ: вотъ, смотрите, — осмѣянный, — вотъ Распятый. Сынъ плотника и поденницы, вотъ — царь Іудей, покрытый багрянцемъ и вѣячанный терніемъ!.. Вотъ Нарушитель Субботы, Самаритянинъ. одержимый бѣсомъ! Вотъ, кого связали вы въ преторіи, кому плевали въ лицо, кого напоили желчью и укусомъ! И улышимъ мы въ отвѣтъ вопль и свержеть зубовой, и посмѣемся, и насытимъ сердце наше веселіемъ. Ей, гради, Господи Іисусе!

Глутуринъ, чистильщикъ клоаки упалъ на колѣни и моргая воспаленными вѣками, какъ-бы видя сходящаго Христа, простиралъ къ нему руки. Мѣдникъ, крѣпко сжавъ кулаки, замеръ, какъ быкъ, готовый сдѣлать яростный прыжокъ. Блѣднолицый долговязый прядильщикъ, дрожа всѣми членами, бессмысленно улыбался и бормоталъ: «Господи, дай пострадать!»

На грубыхъ лицахъ бродягъ и чернорабочихъ выражалось злорадное торжество слабыхъ надъ сильными, рабовъ надъ господами. Блудница Волчиха, оскаливъ зубы, тихонько смѣялась, и неукротимая жажда мести сверкала въ ея глазахъ, пьяныхъ и грозныхъ. Вдругъ послышалось бряцаніе оружія, стройный тяжкій топотъ.

Изъ за угла появились римскіе легіонеры, — ночная стража. Впереди шель префектъ Востока, Саллюстій Секундъ. У него была чиновничья римская голова, четверугольная, съ горбатымъ орлинымъ носомъ, съ широкимъ голымъ черепомъ, съ очень умнымъ, спокойнымъ и добрымъ взглядомъ. Его облекала простая сенаторская латиклава. Во всей осанкѣ не было никакой напыщенности, но самоувѣренность и благородство древняго патриція.

Изъ-за круглой далекой крыши Пантеона, воздвигнутаго Антиохомъ Селевкомъ, медленно выплывала громадная, тускло-багровая луна, и зловѣщіе отблески задрожали на римскихъ мѣдныхъ щитахъ, панцыряхъ и шлемахъ.

— Разойдитесь, граждане, — обратился Саллюстій къ толпѣ, — по-

вѣднѣемъ блаженнаго Августа воспрещены на улицахъ Антиохіи ночныя собранія.

Чернь загудѣла и заволновалась. Уличныя мальчики подняли свистъ, визгливый, дерзкій голосокъ затынулъ пѣсенку:

Ку-ку-ре-ку...
 Горе бѣднымъ пѣтушкамъ,
 Горе бѣленькимъ бычкамъ,
 Перебѣтъ ихъ императоръ
 Въ жертву мерзостнымъ богамъ!..

Раздался быстрый, грозный лязгъ желѣза: это римскіе легіонеры, всѣ сразу, вынули мечи изъ ноженъ, готовые кинуться въ толпу.

Старецъ Памва застучалъ желѣзнымъ остриемъ кляки о мраморныя плиты и закричалъ:

— Здравствуй, храброе сатанинское воинство, здравствуй, премудрый начальникъ римскій!.. Вспомнили, должно быть, старину, когда вы насъ жгли, древней философіи учили, а мы за васъ Богу молились. Ну, что-жь—добро пожаловать!..

Легіонеры подняли мечи. Префектъ остановилъ ихъ движеніемъ руки.

Онъ видѣлъ, что толпа въ его власти.

— Чѣмъ вы грозите намъ, глупые?— продолжалъ Памва, обращаясь къ Саллюстію, — что вы можете? Довольно намъ одной темной ночи, двухъ, трехъ факеловъ, чтобъ отомстить. Вы боитесь аламановъ и персовъ, мы—страшнѣе аламановъ и персовъ! Мы—всюду, мы—среди васъ, безчисленные и неуловимые! Нѣтъ у насъ предѣловъ, нѣтъ отечества, мы признаемъ одну республику,—вселенную! Мы—вчерашніе, и уже наполняемъ міръ,—ваши города, крѣпости, острова, муниципіи, совѣты, лагеря, трибы, декуріи, дворцы, сенатъ, форумъ,—только храмы еще оставляемъ вамъ. О, какъ истребили-бы мы васъ, если-бы только не наше смиреніе, не наше братолюбіе, если-бы не хотѣли мы лучше быть убиваемы, чѣмъ убивать. Не надо—ни меча, ни огня! Насъ такъ много, что стоитъ вѣмъ сразу удалиться, и вы погибли,—города опустѣютъ, вы ужаснетесь своему одиночеству,—молчанію міра!.. Всякая жизнь остановится, пораженная смертью. Помните-же: римская имперія сохраняется только нашимъ христіанскимъ милосердіемъ!..

Взоры были обращены на Памву. Никто не замѣтилъ, какъ человѣкъ, въ грубой, старой хламидѣ странствующаго философа, съ желтымъ исхудалымъ лицомъ, съ косматыми волосами и длинной черной бородой, окруженный нѣсколькими спутниками, быстро прошелъ среди римскихъ легіонеровъ, почтительно передъ нимъ разступившихся. Онъ наклонился къ префекту Саллюстію и шепнулъ ему:

— Зачѣмъ медлишь?

— Если подождать, — отвѣчалъ Саллюстій, — сами разойдутся. У галилеянъ и безъ того слишкомъ много мучениковъ, чтобы намъ дѣлать новыхъ. Они летятъ на смерть, какъ пчелы — на медъ.

Человѣкъ въ одеждѣ философа, выступивъ, произнесъ громкимъ яснымъ голосомъ, какъ полководецъ, привыкшій повелѣвать:

— Разогнать толпу! Схватить мятежниковъ!

Всѣ сразу обернулись. Раздался крикъ ужаса:

— Августъ, августъ Юліанъ!

Вонни бросились съ обнаженными мечами. Повалили старушку-тряпичницу. Она барахталась въ ногахъ легионеровъ и визжала. Нѣкоторые бѣжали. Прежде всѣхъ скрылся маленькій Стромбикъ. Произошла свалка. Полетѣли камни. Мѣдникъ, защищая Памву, бросилъ камень въ легионера, но попалъ въ стоявшую рядомъ Волчиху. Она слабо вскрикнула и упала, обливаясь кровью, думая, что умираетъ мученицей.

Воннъ схватилъ Глутурину. Но чистильщикъ клоакъ отдался съ такою готовностью — (положеніе страдальца, всеми почитаемаго, казалось ему раемъ въ сравненіи съ его обыкновенною жизнью впроголодь) — и отъ его отрешенья такъ дурно пахло, что легионеръ тотчасъ-же съ отвращеніемъ выпустилъ плѣнника.

Въ середину толпы, съ осломъ, нагруженнымъ свѣжей канустой, нечаянно затесался погонщикъ. Все время, съ разинутымъ ртомъ, слушалъ онъ старца. Замѣтивъ опасность, хотѣлъ убѣжать, но оселъ заупрямился. Напрасно погонщикъ сзади колотилъ его палкой и понукалъ. Упершись въ землю передними ногами, пригнувъ уши и поднявъ хвостъ, животное издавало оглушительный ревъ.

И долго этотъ ослиный крикъ звучалъ надъ толпой, побѣдоносный и недѣльный, заглушая стоны умирающихъ, брань солдатъ, молитвы галилеянъ.

Врачъ Орибазій, бывший среди спутниковъ Юліана, подошелъ къ императору:

— Юліанъ, что ты дѣлаешь? Достойно-ли твоей мудрости?..

Августъ посмотрѣлъ на него, нахмурившись. Орибазій зашнулся и не окончилъ.

Юліанъ не только измѣнился, но и постарѣлъ въ послѣднее время: на осунувшемся лицѣ его было то жалкое, страшное выраженіе, которое бываетъ у людей, одержимыхъ медленной неисцѣлимой болѣзью или всепоглощающей мыслью, близкой къ сумасшествію. Въ сильныхъ рукахъ онъ рвалъ и комкалъ, самъ того не замѣчая, случайно попавшій въ нихъ папирусный свитокъ.

Наконецъ императоръ произнесъ глухимъ сдержаннымъ шопотомъ, заглянувъ прямо въ глаза Орибазію:

— Поди ты прочь отъ меня, и всѣ вы подите прочь, съ вашими совѣтами, глупцы! Я знаю, что дѣлаю... Съ негодяями, невѣрующими въ

боговъ, нельзя говорить, какъ съ людьми, надо петрелять ихъ, какъ хищныхъ звѣрей. И, наконецъ, что за бѣда, если десятокъ галилеянъ будутъ убиты рукою одного эллина?

У Орибазія невольно мелькнула мысль: «какъ онъ теперь похожъ на своего двоюроднаго брата Констанція въ минуты ярости».

Юлианъ закричалъ толпѣ голосомъ, который самому ему показался чужимъ и страшнымъ:

— Пока еще, милостью боговъ, я—императоръ,—слушайте меня, галилеяне!.. Вы можете смѣяться надъ бородой и одеждой моею, но не надъ римскимъ закономъ. Помните, я казню васъ не за вѣру, а за мятежъ. Въ цѣши—негодяи!

Дрожащей рукою онъ указалъ на Памву. Старца схватили два бѣлокурыхъ, голубоглазыхъ батава, съ добродушными лицами.

— Лжешь, богохульникъ!..—вопилъ торжествующій Памва,—за вѣру казнишь!.. Зачѣмъ ты меня не милуешь, какъ нѣкогда Мариса, халкедонскаго слѣпца?.. Что-же ты, по своему обычаю, не прикрываешь насиліе ласкою, уду — приманкою?.. Гдѣ твоя философія?.. Или времена ужъ не тѣ?.. Далеко зашелъ?.. Братья, убоимся не кесаря римскаго, а Бога Небеснаго!

Теперь никто не думалъ бѣжать. Страдальцы заражали другъ друга безстрашіемъ. Батавы и кельты ужасались этой готовности умереть, смѣющимся, кроткимъ и безумнымъ лицамъ. Даже дѣти кидались подъ удары мечей и копій. Юлианъ хотѣлъ остановить побѣдѣ, — было поздно. Пчелы летѣли на медъ. Онъ могъ только воскликнуть, съ отчаяніемъ и презрѣніемъ:

— Несчастные! Если жизнь вамъ надоѣла, развѣ трудно найти веревки и пропасть?

А Памва, связанный, поднятый на воздухъ, кричалъ еще радостяфе:

— Избивайте, избивайте насъ, римляне,—да преумножимся!. Цѣши—ваша свобода, слабость—наша сила, побѣда наша—смерть!..

ХП.

Внизъ по теченію Оронта, въ сорока стадіяхъ отъ Антиохіи, была знаменитая роща Дафнэ, посвященная Аполлону.

Однажды дѣвственная нимфа — рассказывали поэты — бѣжала отъ преслѣдованій Аполлона съ береговъ Пеней и остановилась на берегахъ Оронта, изнеможенная и настигаемая богомъ. Она обратилась съ мольбою къ своей матери Латонѣ, и та, чтобы избавить ее отъ объятій Солнца, превратила въ лавровое дерево — Дафнэ (*Δάφνη*). Съ тѣхъ поръ Аполлонъ, больше всѣхъ деревьевъ, любилъ Дафнэ, и ея гордою зеленью, непроницаемою для лучей солнца и все-таки вѣчно имъ ласкаемою, обвиваетъ

свою лиру и свои кудри. Фэбъ посѣщаетъ мѣсто превращенія Дафнэ, густую рощу лавровъ въ долину Оронта и груститъ, и вдыхаетъ благовоиэ темной листвы, согрѣтой, но непобѣжденной солнцемъ, таинственной и печальной, даже въ самый яркй полдень. Здѣсь люди воздвигли ему храмъ и ежегодно празднуютъ священныя торжества — «панэгрйи» въ честь бога Солнца.

Юліанъ выѣхалъ изъ Антиохіи рано утромъ, нарочно никого не предупредивъ. Ему хотѣлось узнать, помнятъ-ли антиохійцы священное празднество Аполлона. По дорогѣ все время мечталъ онъ о торжествѣ, ожидая увидѣть толпы богомольцевъ, хоры въ честь Аполлона, возліанія, дымъ куреній, отроковъ и дѣвъ, восходящихъ по ступенямъ храма, — въ бѣлой одеждѣ, — символѣ непорочной юности.

Дорога была трудная. Съ каменистыхъ равнинъ Береи Халибонской дулъ порывами знойный вѣтеръ. Воздухъ былъ пропитанъ ѣдкой гарью лѣсного пожара, синеватой мглой, разстлавшейся изъ дремучаго ущелія горы Казія. Пыль раздражала глаза и горло, хрустѣла на зубахъ. Сквозь дымную воспаленную мглу солнечный свѣтъ казался болѣзненнымъ и краснымъ.

Но только-что императоръ вступилъ въ заповѣдную рощу Аполлона Дафнійскаго, благоуханная свѣжесть охватила его. Трудно было повѣрить, что этотъ рай находится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ знойной дороги. Роща имѣла въ окружности 80 стадій. Здѣсь, подъ непроницаемыми сводами гигантскихъ лавровъ, разроставшихся въ теченіе многихъ столѣтій, царили вѣчныя сумерки.

Императоръ былъ удивленъ пустынною рощи: ни богомольцевъ, ни жертвъ, ни омиама, — никакихъ приготовленій къ торжеству панэгрій. Онъ подумалъ, что народъ близъ храма, и пошелъ дальше.

Съ каждымъ шагомъ роща становилась пустыннѣе. Странная тишина не нарушалась ни однимъ звукомъ, какъ на покинутыхъ кладбищахъ. Даже птицы не пѣли: онѣ залетали сюда рѣдко. Тѣнь лавровъ была слишкомъ мрачной. Цикада начала было стрекотать въ травѣ, но тотчасъ-же умолкла, какъ будто испугавшись собственного голоса. Только въ узкой солнечной полоскѣ, полуденныя насѣкомыя жужжали слабо и сонно, не смѣя вылетѣть изъ луча въ окрестный сумракъ.

Иногда Юліанъ выходилъ на болѣе широкія аллеи, между двумя бархатистыми титаническими стѣнами вѣковыхъ кипарисовъ, кидавшихъ черную, какъ уголь, почти ночную тѣнь. Отъ нихъ вѣяло сладкимъ и зловѣщимъ ароматомъ.

Кое-гдѣ скрытыя подземныя воды питали мягкй мохъ. Всюду струились ключи, холодные, какъ только что растаявшій снѣгъ, но беззвучные, онѣмѣвшіе отъ грусти, какъ все въ этомъ очарованномъ лѣсу.

Въ одномъ мѣстѣ изъ щели камня, обросшаго мхомъ, медленно сочились свѣтлыя капли и падали, одна за другой, но глубокіе мхи заглушали ихъ паденіе. Капли были безмолвны, какъ слезы нѣмой любви.

Попадались цѣлыя луга дико-растущихъ нарциссовъ, маргаритокъ, лилій; здѣсь было много бабочекъ, но не пестрыхъ, а черныхъ. Лучъ полуденнаго солнца, съ трудомъ пронизывая лавровую и кипарисовую чащу, дѣлался блѣднымъ, почти луннымъ, траурнымъ и нѣжнымъ, какъ будто проникалъ сквозь черную ткань или дымъ похороннаго факела.

Казалось, Фэбъ навѣки поблѣднѣлъ отъ неутѣшной скорби о Дафнѣ, которая подъ самыми жгучими лобзаньями бога оставалась все такою же темною и непроницаемою, все такъ-же хранила подъ своими вѣтвями ночную прохладу и тѣнь. И всюду въ роцѣ царили запустѣніе, тишина, сладкая грусть влюбленнаго бога.

Уже мраморныя величавыя ступени, фронтоны и колонны Дафнійскаго храма, воздвигнутаго во времена Діадоховъ, сверкнули, ослѣпительно-бѣлые среди кипарисовъ, — а Юліанъ еще не встрѣтилъ ни одного богомольца.

Наконецъ увидѣлъ онъ мальчика лѣтъ десяти, который шелъ по дорожкѣ, густо заросшей гиацинтами. Это было слабое, должно быть, больное дитя. Странно выдѣлялись черные глаза, съ глубокимъ сіяніемъ, на блѣдномъ личикѣ древней, чисто-эллинской красоты. Золотые волосы падали мягкими кольцами на тонкую шею, и на вискахъ его видѣлись голубоватыя жилки, какъ на слишкомъ прозрачныхъ лепесткахъ цвѣтовъ, выросшихъ въ темнотѣ.

— Не знаешь-ли ты, дитя, гдѣ жрецы и народъ? — спросилъ Юліанъ.

Ребенокъ ничего не отвѣтилъ, какъ будто не слышалъ вопроса.

— Послушай, мальчикъ, — не можешь-ли провести меня къ верховному жрецу Аполлона?

Онъ тихо покачалъ головою и улыбнулся.

— Что съ тобою? Отчего ты не отвѣчаешь?

Тогда маленькій красавецъ указалъ на свои губы, потомъ на оба уха, и еще разъ, уже не улыбаясь, серьезно покачалъ головою.

Юліанъ подумалъ: «должно быть, глухо-нѣмой отъ рожденія».

Мальчикъ, приложивъ палецъ къ блѣднорозовымъ губамъ, смотрѣлъ на императора неподобья.

— Дурное предзнаменованіе! — прошепталъ Юліанъ, — и ему сдѣлалось почти страшно, въ тишинѣ, запустѣніи и сумракѣ Аполлоновой рощи, съ этимъ глухо-нѣмымъ ребенкомъ, пристально и загадочно смотрящимъ ему въ глаза, прекраснымъ, какъ маленькій богъ. На-

конецъ онъ указаль императору на старичка, выходившаго изъ-за деревьевъ, — въ заплатанной и запачканной одеждѣ, по которой однако Юліанъ тотчасъ узналъ жреца. Старичокъ, сгорбленный, дряхлый, слегка пошатываясь, какъ человекъ, сильно выпившій, смѣялся и что-то на ходу бормоталъ. У него былъ красный носъ и гладкая круглая плѣшь во всю голову, обрамленная мелкими съдыми локончиками, похожими на бѣлый овечій мѣхъ, такими легкими и пушистыми, что они не падая, а почти стоя, окружали его лысину. Въ поделѣватыхъ, слезящихся глазахъ стараго пьяницы свѣтилось дѣтское добродушіе. Онъ несъ довольно большую лозниковую корзину.

— Жрецъ Аполлона?—спросилъ Юліанъ.

— Я самый и есть. Имя мое Горгій. А чего тебѣ здѣсь нужно, добрый человекъ?

— Не можешь-ли мнѣ указать, гдѣ верховный жрецъ этого храма и богомольцы?

Горгій сперва ничего не отвѣтилъ, поставилъ лозниковую корзину на землю. Потомъ началъ усердно растирать себѣ голую маковку ладонью, наконецъ подперъ бока обѣими руками, склонилъ голову на бокъ и не безъ плутовства прищурилъ лѣвый глазъ.

— А почему-бы мнѣ самому не быть верховнымъ жрецомъ Аполлона?—произнесъ онъ съ разстановкой—и о какихъ это богомольцахъ говоришь ты, сынъ мой?—да помилуютъ тебя олимпійцы!..

Отъ него сильно пахло виномъ. Юліанъ, которому этотъ верховный жрецъ показался непристойнымъ, уже собрался сдѣлать строгій выговоръ.

— Ты, должно быть, пьянъ, старикъ...

Горгій ничуть не смутился, только началъ еще усерднѣе растирать голую маковку и съ еще большимъ плутовствомъ прищурилъ глазъ.

— Пьянъ, — не пьянъ. Ну, а кубковъ пять хватилъ для панэгирій. И то сказать, не съ радости, съ горя пьешь. Такъ-то, сынъ мой, — да помилуютъ тебя олимпійцы! Ну, а кто-же ты самъ?.. Судя по одеждѣ, странствующій философъ, или школьный учитель изъ Антиохіи?

Императоръ улыбнулся и кивнулъ головой. Ему хотѣлось выспросить жреца.

— Ты угадалъ. Я — учитель...

— Христіанинъ?

— Нѣтъ, эллинъ.

— Ну, то-то-же, — а то много ихъ здѣсь шляется... безбожниковъ.

— Ты все еще не отвѣтилъ мнѣ, старикъ, гдѣ народъ? Много-ли пршлано жертвъ изъ Антиохіи, готовы-ли хоры?

— Жертвъ!.. Вонъ чего захотѣлъ! — засмѣялся старичокъ, и такъ

клюнулъ носомъ, что едва не упалъ.—Ну, братецъ, этого мы давно уже не видывали,—со времяя Константина...

Горгій съ безнадежностью махнулъ рукою и посвисталъ:

— Кончено! Люди забыли боговъ. Не то что жертвъ, у насъ иногда не бываетъ и горети жертвенной муки — лепешку богу испечь, ни зернышка ладана, ни капли масла для лампадъ. Ложись да помирай,— вотъ что, сынъ мой,—да помилуютъ тебя олимпійцы!.. Все монахи отягали. А еще дерутся, съ жиру бѣсятся. Наша пѣсенка спѣта. Плохія времена... А ты говоришь, не пей. Нельзя съ горя не выпить, почтенный. Если бы я не пилъ, такъ ужъ давно-бы повѣсился...

— Никто не пришелъ изъ Антиохіи къ такому великому празднику?—спросилъ Юліанъ.

— Никто, кромѣ тебя, сынъ мой. Я—жрецъ, ты—народъ. Вотъ мы вмѣстѣ и принесемъ жертву.

— Ты только что сказалъ, что тебѣ не прислали ни одной жертвы.

Горгій съ удовольствіемъ поласкалъ себя по голой маковкѣ.

— Чужой нѣтъ, своя есть. Самъ позаботился. Три дня голодали мы съ Эвфоріономъ, — онъ указалъ на глухонѣмого мальчика, — чтобы скопить деньги на жертву. Гляди!

Онъ приподнялъ лозниковую крышку корзины. Связанный гусь высунулъ голову и загоготалъ, стараясь вырваться.

— Хэ, хэ, хэ!.. Чѣмъ не жертва? — спрашивалъ старикъ съ гордостью,—хоть гусь не молодой и не жирный, а все-таки птица добрая, священная... Аполлонъ и этому долженъ быть радъ, по нынѣшнимъ временамъ. Дымокъ вкусный! Боги лакомы до гусей,—прибавилъ онъ, съ лукавымъ и проницательнымъ видомъ прищуривъ глазъ.

— Давно-ли ты живешь при этомъ храмѣ?—спросилъ Юліанъ.

— Давненько. Лѣтъ сорокъ,—можетъ быть, и больше.

— Твой сынъ? — сказалъ императоръ, указывая на Эвфоріона, который все время смотрѣлъ пристально и задумчиво, какъ будто желая угадать ихъ разговоръ.

— Нѣтъ, не сынъ. У меня ни друзей, ни родныхъ. Эвфоріонъ помощникъ мой при богослуженіи.

— Кто-же родители?

— Отца не знаю, да и едва-ли кто-нибудь знаетъ. А мать — великая сибилла Діотима, много лѣтъ жившая при этомъ храмѣ. Она не бесѣдовала, не подымала покрыва съ лица передъ мужами и была цѣломудренна, какъ весталка. Когда у нея родился ребенокъ, мы удивились и не знали что подумать... Но одинъ мудрый, столѣтній іерофантъ сказалъ намъ...

При этомъ Горгій, съ таинственнымъ видомъ, заслонилъ ладонью ротъ и прошепталъ на ухо Юліану, какъ будто мальчикъ могъ услышать:

— Герофантъ сказалъ, что ребенокъ не сынъ человѣка, а бога, сошедшаго тайно ночью въ объятія сибиллы, когда она спала внутри храма. Ты видишь, какъ онъ прекрасенъ?

— Глухонѣмой—сынъ бога...—проговорилъ императоръ съ удивленіемъ.

— Что-же? Если-бы въ такія времена, какъ наши, — возразилъ Горгій, — сынъ бога и пророчицы не былъ глухонѣмымъ, онъ долженъ-бы умереть отъ скорби. Смотри, какъ, безъ того уже, онъ худъ и блѣденъ.

— Кто знаетъ, — прошепталъ Юліанъ съ иронической улыбкой, — можетъ быть, ты правъ, старикъ, — въ наши дни пророку лучше быть глухонѣмымъ...

Вдругъ мальчикъ подошелъ къ Юліану, быстро схватилъ его руку и, заглянувъ ему въ глаза глубокимъ и страннымъ взоромъ, поцѣловалъ ее.

Юліанъ вздрогнулъ.

— Сынъ мой! — произнесъ старичокъ съ торжественной и радостной улыбкой, — да помилуютъ тебя олимпійцы, — ты, должно быть, добрый человѣкъ. Мальчикъ мой никогда не ласкается къ злымъ и нечестивымъ. Отъ монаховъ-же бѣгаетъ, какъ отъ чумы. Мнѣ кажется, онъ видитъ и слышитъ больше насъ съ тобой, только не можетъ сказать. Случалось, что я заставлялъ его одного во храмѣ: сидитъ по цѣлымъ часамъ передъ изваяніемъ Аполлона, смотритъ и радуется, какъ будто бесѣдуетъ съ богомъ.

Лицо Евфоріона омрачилось, онъ тихонько отошелъ отъ нихъ.

Горгій ударилъ себя по голой маковкѣ съ досадою, встряхнулся и проговорилъ:

— Да что это, какъ я съ тобой заболтался!.. Солнце высоко. Пора жертву приносить. Пойдемъ.

— Подожди, старикъ, — молвилъ императоръ, — я хотѣлъ спросить тебя еще объ одномъ: слышалъ-ли ты, что августъ Юліанъ задумалъ возстановить почитаніе древнихъ боговъ?

— Какъ не слышать?.. — жрецъ покачалъ головой съ недоумѣніемъ и махнулъ рукою. — Куда ему, бѣдняжкѣ!.. Ничего не выйдетъ. Пустое. Я говорю тебѣ, — конечно!

— Ты вѣришь въ боговъ, — возразилъ Юліанъ, — развѣ могутъ олимпійцы покинуть людей навѣки?

Старикъ тяжело вздохнулъ и опустилъ голову:

— Сынъ мой, ты молодъ, — сказалъ онъ наконецъ, — хотя уже ранняя сѣдина свербаеетъ въ кудряхъ твоихъ, и на лбу морщины. Но въ тѣ дни, когда мои бѣлые волосы были черными, и молодая дѣвушка засматривалась на меня, — помню, — однажды проѣзжали мы на кораблѣ недалеко отъ Фессалоникъ и увидѣли съ моря гору Олимпъ.

Подосва и середина сливались съ голубымъ туманомъ, а снѣговія вершины повисли въ воздухѣ и рѣяли, во славѣ неба и моря—недосягаемая. золотистая. И я подумалъ,—вотъ, гдѣ живутъ боги, и умилился душою. Но на томъ же кораблѣ былъ нѣкій старецъ, злой шутникъ, который называлъ себя эпикурейцемъ. Онъ указалъ на гору Олимпъ и молвилъ: «друзья, много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ путешественники взошли на вершину Олимпа. Они увидѣли, что это самая обыкновенная гора, точь въ точь такая-же, какъ другія: тамъ нѣтъ ничего, кромѣ снѣга, льда и камня». Такъ онъ молвилъ, и слово его глубоко запало мнѣ въ сердце, и я вспоминаю его всю жизнь.

Императоръ улыбнулся.

— Старикъ, вѣра твоя—дѣтская. Если нѣтъ боговъ на Олимпѣ, почему же не быть имъ выше, въ царствѣ вѣчныхъ Идей, въ царствѣ духовнаго свѣта?

Горгій еще ниже опустилъ голову и безнадежно почесалъ себѣ маковку.

— Такъ-то оно такъ... А все-же—кончено. Опустѣлъ Олимпъ!..

Юлианъ посмотрѣлъ на него молча и удивленно.

— Видишь-ли,—продолжалъ Горгій,—нынѣ земля рождаетъ людей столь-же слабыхъ, какъ и жестокосердыхъ. Боги могутъ только смѣяться надъ ними, даже гнѣваясь. Истреблять ихъ не стоитъ. Сами погибнуть отъ болѣзней, разврата и унынья. Богамъ стало скучно,—и они ушли.

— И ты думаешь, Горгій, что родъ человѣческій долженъ погибнуть?

Жрецъ покачалъ головою:

— О-хо-хо, сынъ мой,—да спасутъ тебя олимпійцы!.. Все пошло на убыль, все на ущербъ. Земля старѣетъ. Рѣки текутъ медленнѣе, цвѣты весной не такъ благоухаютъ. Недавно мнѣ рассказывалъ старый корабельщикъ, что теперь Эгнъ, подѣзжая къ Сициліи съ моря, нельзя уже видѣть на такомъ разстояніи, какъ прежде. Воздухъ сдѣлался гуще и темнѣе. Солнце потускнѣло. Приближается конецъ міра...

— Скажи мнѣ, Горгій, вѣдь на твоей памяти, были лучшія времена?..

Старикъ оживился, и глаза его загорѣлись огнемъ воспоминаній:

— Какъ я сюда пріѣхалъ, въ первые годы Константинава царства,—проговорилъ онъ радостно,—еще великія панэгирии совершались ежегодно въ честь Аполлона. Сколько влюбленныхъ юношей и дѣвъ собиралось въ эту рошу! И какъ луна сіяла, какъ пахли кипарисы, какъ пѣли соловьи! Когда ихъ пѣсни замирали, воздухъ трепеталъ отъ ночныхъ поцѣлуевъ и вздоховъ любви, какъ отъ шелеста невидимыхъ крыльевъ. Вотъ какія это были времена!

Горгій умолкъ въ печальномъ раздумьи.

Въ это самое мгновенье, изъ-за деревьевъ, явственно донеслись унылые звуки церковнаго пѣнія.

— Что это?—произнесъ Юліанъ.

— Монахи,—отвѣтилъ жрецъ, — каждый день молятся надъ костями мертваго галилеянина.

— Какъ, мертвый галилеянинъ—здѣсь, въ заповѣдной рошѣ Аполлона?..

— Да. Они называютъ его «мученикомъ Вавилою»... Тому уже лѣтъ десять, братъ императора Юліана, дезарь Галль перенесъ изъ Антиохіи мертвыя кости Вавилы въ Дафнійскую рошу и построилъ великолѣпный саркофагъ. Съ тѣхъ поръ умолкли пророчества. Храмъ оскверненъ, и богъ удалился.

— О, святотатство!..—воскликнулъ императоръ въ негодованіи.

— Въ этотъ самый годъ,—продолжалъ старикъ,—у дѣвственной сибиллы Діотимы родился глуховѣмой сынъ, что было недобрымъ знаменіемъ. Воды Кастальскаго источника, заваленныя камнемъ, оскудѣли и потеряли силу пророческую. Не изсякаетъ одинъ только изъ священныхъ родниковъ—называется онъ «Слезы Солнца»,—видишь тамъ, гдѣ теперь сидитъ мой мальчикъ. Капля за каплей струится изъ мшистаго камня. Говорятъ, это Геліосъ плачетъ о нимфѣ, превращенной въ лавръ. Эвфоріонъ просиживаетъ здѣсь цѣлые дни.

Юліанъ оглянулся. Передъ мшистымъ камнемъ ребенокъ сидѣлъ неподвижно и подставивъ ладонь, собиралъ въ нее падавшія капли. Лучъ солнца проникъ сквозь лавры, и медленныя слезы сверкали въ немъ, неутѣшныя и безмолвныя. Тѣни странно шевелились, и Юліану на мгновеніе почудилось, что два прозрачныхъ крыла трепещутъ за спиною ребенка, прекраснаго, какъ маленькій богъ. Онъ былъ такъ блѣденъ, такъ печаленъ и прекрасенъ, что императоръ невольно подумалъ: «это — самъ Эротъ, маленькій, древній богъ любви, больной и умирающій въ нашъ вѣкъ галилейскаго унынія. Онъ собираетъ послѣднія слезы любви, слезы бога о Дафнѣ, погибшей красотѣ».

Глуховѣмой сидѣлъ неподвижно, и большая черная бабочка, бархатистая и траурная, опустилась на его голову. Онъ не замѣтилъ ея и не шевельнулся. Зловѣщею тѣнью трепетала она надъ его склоненной головой. А золотыя Слезы Солнца, одна за другой, медленно падали въ розовую ладонь Эвфоріона, и надъ нимъ кружились звуки церковнаго пѣнія, похоронныя и безнадежныя, раздаваясь все громче и громче.

Вдругъ изъ-за кипарисовъ послышались голоса спорившихъ:

— Августъ—здѣсь...

— Зачѣмъ онъ одинъ поѣдетъ въ Дафнѣ?..

— Какъ-же? Сегодня великія панэгіріи Аполлона. Смотрите, вотъ онъ!.. Юліанъ, мы ищемъ тебя съ раняго утра!..

Это были греческіе софисты, ученые и риторы, обычные спутники императора. Здѣсь былъ и постникъ, неопиѳагореецъ Прискъ изъ Эпира, и желчный скептикъ Юній Маврикъ, и мудрый Саллюстій Секундъ, и тщеславнѣйшій изъ людей, знаменитый антїохійскій ораторъ Либаній.

Августъ не обратилъ на нихъ вниманія и даже не поздоровался.

— Что съ нимъ?— шепнулъ Юній Маврикъ на ухо Приску.

— Должно быть, недоволенъ, что къ празднику не сдѣлано приготовленій. Оплошали мы! Ни одной жертвы...

Юліанъ обратился къ бывшему христіанскому ритору, а нынѣ верховному жрецу Астарты,—Гекэболію:

— Пойди въ сосѣднюю часовню и передай мою волю, чтобы галилеяне, совершающіе богослуженіе надъ мертвыми костями, пришли сюда.

Гекэболій направился къ часовнѣ, скрытой деревьями, откуда доносилось пѣніе.

Горгій, держа въ рукахъ корзину съ гусемъ, стоялъ не двигаясь, съ раскрытымъ ртомъ, съ выпученными глазами. Иногда, въ отчаянной рѣшимости, принимался онъ растирать свою плѣшь. Ему казалось, что онъ выпилъ слишкомъ много вина и все это видитъ во снѣ. У бѣднаго старика холодный потъ выступилъ на лбу, когда онъ вспомнилъ, что наговорилъ этому мнимому школьному учителю объ Августѣ Юліанѣ и е боггахъ. Ноги подкосились отъ ужаса. Онъ упалъ на колѣни.

— Помилуй, кесарь!.. Забудь мои дерзкія рѣчи... Я не зналъ...

Одинъ изъ услужливыхъ философовъ хотѣлъ оттолкнуть старика:

— Убирайся, дуракъ! Чего лѣзешь?..

Юліанъ запретилъ ему:

— Не оскорбляй жреца. Встань, Горгій! Вотъ рука моя. Не бойся. Пока я живъ, никто ни тебѣ, ни твоему мальчику не сдѣлаетъ зла. Мы оба пришли на панэгіріи, оба любимъ старыхъ боговъ,—будемъ же друзьями и встрѣтимъ праздникъ Солнца радостнымъ сердцемъ.

Церковное пѣніе умоляло. Въ кипарисовой аллеѣ показались блѣдые, испуганные монахи, діаконы и самъ іерей, не успѣвшій снять облаченія. Ихъ велъ Гекэболій. Превитеръ—толстый человѣкъ, съ лоснящимся, мѣдно-краснымъ лицомъ, переваливался, пыхтѣлъ, отдувался и вытиралъ потъ. Остановившись передъ Августомъ, онъ поклонился, низко доставъ рукою землю и захрипѣлъ густымъ пріятнымъ басомъ, за который его особенно любили прихожане:

— Да помилуетъ человѣколюбивѣйшій Августъ недостойныхъ рабовъ своихъ...

Онъ поклонился еще ниже, и когда кряхтя подымался, два молодыхъ проворныхъ послушника, очень похожихъ другъ на друга, долго-

вязыхъ, съ желтыми, какъ воскъ, вытянутыми лицами, подсобляли ему съ обѣихъ сторонъ, поддерживая за руки. Одинъ изъ нихъ забылъ положить кадило, и тонкая струйка дыма подымалась съ углей. Эвфорионъ, издали увидѣвъ монаховъ, бросился стремительно бѣжать. Юлианъ сказалъ:

— Галилеяне! До завтрашней ночи повелѣваю вамъ очистить священную Дафнійскую рощу Аполлона отъ костей мертвеца. Мы не желаемъ употребить противъ васъ никакого насилія, но если воля наша не будетъ исполнена, то сами позаботимся о томъ, чтобы Геліосъ былъ избавленъ отъ кощунственной близости галилейскаго праха. Я пришлю сюда моихъ воиновъ, они выкопаютъ кости, сожгутъ ихъ и развѣютъ пепель по вѣтру. Такова наша воля, граждане.

Пресвитеръ тихонько кашлянулъ, закрывъ ротъ рукою, и наконецъ смиреннѣйшимъ голосомъ захрипѣлъ:

— Мпlostвѣйшій кесарь, сіе конечно для насъ преплачевно, ибо давно уже мощи пооятся въ освященномъ мѣстѣ по волѣ цезаря Галла. Но дѣло наше подневольное: доложимъ епископу.

Въ толпѣ послышался ропотъ. Мальчишка, спрятавшійся въ лавровую чашу, затынулъ было пѣсенку:

Мясникъ пдеть.
Мясникъ пдеть,
Острый ножъ несетъ.
Бородой трясеть,
Съ шерстью черною,
Съ шерстью длиною,
Бородой своей козлиною,—
Изъ нея веревки вей!...

Но шалуну дали такого подшлепника, что онъ убѣжалъ съ ревомъ.

Пресвитеръ, полагая, что слѣдуетъ для благопристойности заступиться за мощи, опять смиренно кашлянулъ въ руку и началъ:

— Ежели твоей мудрости благоугодно утвердить сіе по причинѣ идола...

Онъ поскорѣ поправился:

— Сирѣчь, эллинскаго бога Геліоса...

Глаза императора сверкнули гнѣвомъ:

— Идола!..—перепилъ онъ священника—идола,—вотъ ваше слово. Какими глазами почитаете вы насъ, утверждая, что мы боготворимъ самое вещество кумировъ,—мѣдъ, камень или дерево?.. Всѣ ваши проповѣдники желаютъ въ этомъ и другихъ, и насъ, и самихъ себя увѣрить. Но это — ложь! Мы чтимъ не мертвый камень, мѣдъ или дерево, а духъ, живой духъ красоты въ нашихъ кумирахъ, образцахъ чистѣйшей

прелести человѣческой. Не мы идолопоклонники, а вы — грызущіеся, какъ зѣври, изъ-за «омоузюсъ» и «омойзюсъ», изъ-за одной юты, вы, именующіе братоубійцу Констанція «вѣчностью» и «святостью». Обоготворятъ прекрасное изваяніе Фидія, дышащее олимпійскою прелестью и мудростью, не разумѣли, чѣмъ преклоняться передъ позорнымъ орудіемъ пытки?.. Краснѣть-ли за васъ, или жалѣть васъ, или ненавидѣть? Это — предѣлъ безумья и безславья для нашей родины, что потомки эллиновъ, читавшіе Платона и Гомера, стремятся — куда-же! — о мерзость! — къ отверженному племени, почти истребленному Веспасіаномъ и Титомъ, — чтобы обоготворить мертвого Іудея. И вы еще смѣете обвинять насъ въ идолопоклонствѣ!

Презвитеръ невозмутимо, всей пятерней расправляя черно-серебристую мягкую бороду, поглядывалъ искоса на Юліана, съ утомленіемъ и скукой, и вытиралъ крупныя капли пота съ лоснящагося широкаго лба.

Тогда императоръ сказалъ философу Приску:

— Другъ мой, ты знаешь древніе обряды эллиновъ. Соверши Делосскія таинства, необходимыя для очищенія Аполлонова храма отъ кощунственной близости мертвыхъ костей. Богъ возвратится въ свое жилище, древнія пророчества возобновятся, какъ только отвалитъ камень отъ Кастальскаго источника.

Презвитеръ заключилъ бесѣду нижайшимъ поклономъ, съ тѣмъ смиреніемъ, въ которомъ чувствуется непобѣдимое упорство.

— Да будетъ воля твоя, могущественный августъ. Мы — дѣти, ты — отецъ. Въ Писаніи сказано — всякая душа властямъ придержащимъ да повинуется. Нѣтъ бо власти, аще не отъ Бога.

— О, лицемѣры! — воскликнулъ императоръ, — знаю, знаю ваше смиреніе и послушаніе. Возстаньте-же на меня и боритесь, какъ люди!.. Ваше смиреніе — ваше змѣиное жало, рабы! Вы имъ уязвляете тѣхъ, передъ кѣмъ пресмыкаетесь. Хорошо сказалъ про васъ собственный Учитель вашъ, Назарянинъ: «горе вамъ, книжники и фарисеи, лицемѣры, что уподобляетесь набѣленнымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты». Воистину вы наполнили міръ набѣленными гробами и нечистотой. Вы припадаете къ мертвымъ костямъ и ждете отъ нихъ спасенія. Вы, какъ черви гробовые, питаетесь тлѣномъ. Тому-ли училъ Иисусъ? Повелѣвалъ-ли онъ ненавидѣть братьевъ, которыхъ вы называете еретиками за то, что они вѣрятъ не такъ, какъ вы? Да обратится на васъ изъ устъ моихъ слово Галилеянина: «горе вамъ книжники и фарисеи, лицемѣры! Зміи, порожденія ехиднины, какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геенну?»

Онъ повернулся, чтобы уйти, какъ вдругъ изъ толпы вышли старичокъ со старушкой и повалились въ ноги императору. Оба, въ опрятныхъ бѣдныхъ одеждахъ, благообразные, похожіе другъ на друга, съ

птичьими лицами, съ добрыми морщинками вокругъ поделѣповатыхъ глазъ, напоминали они Филемона и Бавкиду.

— Защити, праведный кесарь! — зашамкалъ старичокъ, — есть у насъ домикъ въ предмѣстїи Антиохїи, у подошвы Ставрины. Жили мы въ немъ двадцать лѣтъ. Бога чтили. Какъ вдругъ наядни приходятъ декурїоны...

При этомъ старичокъ въ отчаянїи всплеснулъ руками и старушка всплеснула: она каждымъ движенїемъ подражала сусругу.

— Приходятъ декурїоны, да и говорятъ: домикъ не вашъ. — Какъ не вашъ? Господь съ вами. Двадцать лѣтъ владѣемъ... — Владѣете, — да не по закону. Земля принадлежитъ храму бога Эскулапа. и основанїя дома сложены изъ камней разрушеннаго капища. Землю вашу отберутъ и возвратятъ Эскулапу. — Что-же это? Помилосердствуй, всемогущїй Августъ!..

Старички стояли передъ нимъ на колѣняхъ, чистые и милые, какъ дѣти, со слезами цѣлуя его ноги. Юліанъ замѣтилъ на шеѣ старушки янтарный крестикъ.

— Христїане? — спросилъ онъ, нахмурившись.

— Да.

— Мнѣ хотѣлось-бы исполнить вашу просьбу. Но что-же дѣлать? Земля принадлежитъ богу. Впрочемъ, я велю заплатить цѣну имѣнїя.

— Не надо, не надо, — взмолились старички, — мы къ мѣсту привыкли. Мы не о деньгахъ. Тамъ все наше, каждую травку знаемъ.

— Тамъ все наше, — какъ эхо, вторила старушка, — свой виноградникъ, свои маслины, курочки, и коровка, и свинки, — все свое. Тамъ и приступочка, на которой двадцать лѣтъ сидимъ по вечерамъ, старыя кости гудѣемъ на солнцѣ.

Императоръ, не слушая, обратился къ стоявшей поодаль, испуганной толпѣ:

— Въ послѣднее время осаждаютъ меня галилеяне просьбами о возвращенїи церковныхъ земель. Такъ, валентїане изъ города Эдессы Озроэнской жалуются на арїанъ, которые будто-бы отняли у нихъ церковныя владѣнїя. Чтобы прекратить распрю, я отдалъ одну часть спорнаго имущества моимъ гальскимъ ветеранамъ, другую казнѣ. Такъ поступать намѣренъ я и впредь. Вы спросите, по какому праву? Но не говорите-ли вы сами, что «легче верблюду войти въ игольное ушко, чѣмъ богатому въ царствїе Божїе». Вотъ, видите-ли, я и рѣшилъ помочь вамъ исполнить столь трудную и мудрую заповѣдь. Какъ извѣстно всему міру, вы превозносите бѣдность, галилеяне. За что-же ропщете на меня? Отнимая имущество, похищенное вами у собственныхъ братьевъ, еретиковъ, или у эллинскихъ храмовъ, я только

возвращаю васъ на путь спасительной бѣдности, прямо ведущій въ царствіе небесное.

Недобрая усмѣшка искривила его губы.

— Беззаконно терпимъ обиду!—вопили старичья.

— Ну, что-же, и потершите, — отвѣчалъ Юліанъ. — Вы должны радоваться гоненіямъ и обидамъ, какъ тому училъ Назарейнинъ. Что значать эти временныя страданія—въ сравненіи съ вѣчнымъ блаженствомъ?

Старичокъ менѣе всего приготовленъ былъ къ такому доводу. Онъ растерялся и могъ только пролепетать съ послѣдней надеждою:

— Мы—вѣрные рабы твои, Августъ! Сынъ мой служить помощникомъ стратега въ дальней крѣпости на римской границѣ, и начальники довольны его службой...

— Тоже галилеянинъ?—перебилъ Юліанъ.

— Да,—произнесъ старичокъ, испугавшись своего признанія.

— Ну вотъ, хорошо, что ты предупредилъ меня. Галилеяне, явные враги римскаго Августа, не должны отнынѣ занимать высшихъ должностей въ имперіи, особенно военныхъ. Опять и въ этомъ, какъ во многомъ другомъ, я болѣе согласенъ съ вашимъ Учителемъ, чѣмъ вы сами. Справедливо-ли, чтобы судъ по римскимъ законамъ творили ученики Иисуса, сказавшаго: не судите, да не судимы будете, или, чтобы христіане принимали отъ насъ мечъ для охраны имперіи, когда Учитель предостерегаетъ: «взявшій мечъ—отъ меча погибнетъ», а въ другомъ мѣстѣ столь-же ясно: «не противься злему насиліемъ». Вотъ почему, заботясь, о спасеніи душъ галилейскихъ, мы отнимаемъ у нихъ и римскій судъ, и римскій мечъ, да вступятъ они, съ тѣмъ большею легкостью, беззащитные и безоружные, чуждые всего земного и суетнаго, въ царствіе небесное!

Съ нѣмымъ внутреннимъ смѣхомъ, который одинъ только еще нѣсколько утоталъ его ненависть, императоръ повернулся и быстрыми шагами пошелъ къ Аполлонову храму.

Старички всхлипывали, протягивая руки:

— Кесарь! Мы не знали... Возьми нашъ домикъ, землю, все, что есть у насъ,—только сына помилуй!..

Философы хотѣли войти вмѣстѣ съ императоромъ въ двери храма. Движеніемъ руки онъ остановилъ ихъ:

— Я одинъ пришелъ на праздникъ,—одинъ принесу богу жертву.

— Войдемъ,—обратился онъ къ жрецу,—запри двери, чтобъ не вошелъ кто-нибудь изъ непосвященныхъ...

Передъ самымъ носомъ друзей-философовъ, двери захлопнулись.

— Непосвященные!.. Какъ вамъ это нравится? — проговорилъ озадаченный Гаргиліанъ.

Либаній вздернулъ носъ и молча надулся.

Мавригъ, съ таинственнымъ видомъ, отвель собесѣдниковъ въ уголъ портика и что-то прошепталъ, указывая на лобъ:

— Понимаете?

Всѣ удивились.

— Неужели?

Онъ принялся считать по пальцамъ:

— Во-первыхъ—блѣдное лицо, горящіе глаза, растрепанные волосы, неровные шаги, несвязныя рѣчи. Во-вторыхъ—чрезмѣрная раздражительность и жестокосердіе. Въ-третьихъ—эта нелѣпѣйшая война съ персами,—клянусь Палладою!—да вѣдь это уже явное безуміе!..

Друзья сошлись еще тѣснѣе и зашептали, засплетничали радостно.

Саллюстій, стоя поодаль, смотрѣлъ на это совѣщаніе, съ горькой усмѣшкой.

Внутри храма, Юліанъ нашель Эвфоріона. Мальчикъ обрадовался и часто, во время богослуженія, заглядывая императору въ глаза, улыбался загадочно, какъ-будто у нихъ была общая тайна.

— Озаренное солнцемъ, гигантское изваяніе Аполлона Дафнійскаго возвышалось по срединѣ храма: тѣло—слоновая кость, одежда—золото, какъ у Фидіева Зевса въ Олимпѣ. Богъ, слегка наклоняясь, творилъ изъ чаши возліаніе Матери-Земли съ мольбою о томъ, чтобы она возвратила ему Дафию.

Налетѣла легкая тучка, тѣни задрожали на золотистой отъ старости слоновой кости, и Юліану показалось, что богъ наклоняется къ нимъ съ благосклонной улыбкой, принимая послѣднюю жертву послѣднихъ поклонниковъ,—дряхлаго жреца, императора-боготетупника и глухонѣмого сына пророчицы.

— Вотъ моя награда,—молился Юліанъ, съ дѣтскою радостью,—и не хочу я иной славы, Аполлонъ! Благодарю тебя за то, что я проклятъ и отверженъ толпою, какъ ты, за то, что одинъ живу, одинъ умираю, какъ ты! Тамъ, гдѣ молится чернь,—Бога нѣтъ. Ты—здѣсь, въ поруганномъ святилищѣ. О богъ, осмѣянный людьми, — теперь ты прекраснѣе, чѣмъ въ тѣ времена, когда люди поклонялись тебѣ! Въ день, и мнѣ назначенный Царкою, дай соединиться съ тобою, о радостный, дай умереть въ тебѣ, о Солнце,—какъ на алтарѣ огонь послѣдней жертвы умираетъ въ твоемъ сіяніи!..

Такъ молился императоръ, и тихія слезы струились по щекамъ его, и тихія капли жертвенной крови падали, какъ слезы, на потухающіе угли алтаря.

XIII.

Въ Дафнійской роцѣ царилъ мракъ. Знойный вѣтеръ гналъ тучи. Ни одной капли дождя не падало на землю, сожженную засухой. Лавры

трепетали черными вѣтками, простертыми къ небу. Титаническія аллеи кипарисовъ шумѣли, и шумъ этотъ былъ похожъ на разговоръ гнѣвныхъ стариковъ.

Два человѣка осторожно пробирались въ темнотѣ, вблизи Аполлонова храма. Низенькій, у котораго глаза были кошачьи, зеленоватые, прекрасно видѣвшіе ночью, вель за руку высокаго.

— Ой, ой, ой, племянничекъ! Сломимъ мы себѣ шею гдѣ-нибудь въ оврагѣ.

— Да тутъ и овраговъ нѣтъ. Чего трусишь? Съ тѣхъ поръ, какъ крестился, ты сдѣлался настоящей бабой.

— Бабой! Сердце мое билось ровно, когда въ Гирбанійскомъ лѣсу хаживалъ я съ рогатиной на медвѣдя. Да здѣсь—не то!.. Болтаться намъ съ тобою бокъ-о-бокъ на одной висѣлицѣ, племянничекъ!

— Ну, ну, молчи, дуракъ!

Низенькій снова потащилъ высокаго, у котораго была огромная занка соломы за плечами и заступъ.

Они подкрались къ задней сторонѣ храма.

— Вотъ здѣсь,—сначала заступомъ,—прошенталъ низенькій, ощущывая въ кустахъ проломъ стѣны, небрежно задѣланный кирпичами,—а внутреннюю деревянную обшивку руби топоромъ...

Удары заступа заглушались шумомъ вѣтра въ деревьяхъ. Вдругъ раздался крикъ, подобный плачу больного ребенка.

Высокій задрожалъ всеми членами.

— Что это?

— Нечистая сила,—воскликнулъ низенькій, выпучивъ отъ ужаса зеленые кошачьи глаза и вѣдчившись въ одежду товарища,—ой, ой, не покидай меня, дядюшка!..

— Да это филинъ... Экъ мы перетрусели!..

Огромная ночная птица, потревоженная людьми, вспорхнула, шурша крыльями, и понеслась въ даль, съ долгимъ плачемъ.

— Бросимъ,—сказалъ высокий,—все равно не загорится.

— Какъ можетъ не загорѣться? Дерево гнилое, высушенное солнцемъ, источенное червями,—тронь, такъ и разсыпается. Отъ одной искры вспыхнетъ. Ну, ну, почтенный, руби—не зѣвай...

И низенькій толкалъ высокаго отъ нетерпѣнія.

— Теперь солому въ дыру... Вотъ такъ, еще, еще! Во славу Отца и Сына и Св. Духа...

— Да чего ты вьнешся, какъ угорь, чего зубы скалишь?—огрызнулся высокий.

— Хэ, хэ, хэ,—какъ-же не смѣяться?.. Теперь ангелы ликуютъ на небесахъ. Только помни, дядюшка, ежели попадемся,—не отрекаться

ся! Мое дѣло—сторона... Веселенькій запалимъ огонечекъ. Вотъ огниво,—выбивай.

— Убирайся-же ты къ дьяволу!—попробовалъ оттолкнуть его высокій,—не обольстишь меня, окаянный змѣенышъ, тфу!.. Поджигай самъ.

— Эге, на попятный дворъ... Шалишь, братъ!

Низенькій затрясся отъ бѣшенства и вѣпился въ рыжую бороду гиганта.

— Я первый донесу на тебя!.. Мнѣ повѣрятъ...

— Ну, ну, отстань, чертенюкъ... Давай огниво! Дѣлать нечего, надо кончать.

Посыпались искры. Низенькій, для удобства, легъ на животъ и еще болѣе сдѣлался похожимъ на змѣеныша. Огненные струйки побѣжали по соломѣ, облитой дегтемъ, дымъ заклубился, затрещала смола. Вспыхнуло пламя и озарило багровымъ блескомъ испуганное лицо исполина Арагарія и хитрую обезьяню рожицу крохотнаго сирійца Стромбика. Онъ похожъ былъ на уродливаго бѣсенка, хлопалъ въ ладоши, подпрыгивалъ, смѣялся, какъ пьяный, или сумасшедшій.

— Все разрушимъ, все разрушимъ,—во славу Отца и Сына и Св. Духа. Хэ, хэ, хэ! Змѣйки, змѣйки-то, какъ бѣгаютъ? А?.. Веселенькій огонекъ, дядюшка!..

Въ его сладострастномъ смѣхѣ было вѣчное звѣство толпы,—восторгъ разрушенія.

Арагарій, указывая въ темноту, произнесъ:

— Слышишь?

Роца была попрежнему пустынной. Но въ завываніи вѣтра и въ шелестѣ кипарисовъ поджигателямъ чудился шопотъ и голоса. Арагарій со всѣхъ ногъ бросился бѣжать.

Стромбикъ уцѣпился за край его тунги и завизжалъ:

— Дядюшка, возьми меня на плечи. У тебя ноги длинные! А то, если попадусь, все взвалю на тебя.

Арагарій остановился на мгновеніе.

Стромбикъ вспрыгнулъ, какъ бѣлка, на плечи къ сармату, и они помчались. Маленькій сиріецъ крѣпко стиснулъ ему бока дрожащими колышками и обвилъ шею руками, чтобы не свалиться. Несмотря на ужасъ, онъ неудержимо смѣялся, тихонько взвизгивая отъ шаловливой рѣзвости.

Поджигатели миновали роцу и выбѣжали на гладкое поле, гдѣ пыльные, тощіе колосья приникли къ сожженной землѣ. Между тучами, на горизонтѣ, свѣтлѣла полоса заходящей луны. Вѣтеръ свисталъ пронзительно. Скорчившись на плечахъ гиганта, маленький Стромбикъ со своими кошачьими зеленоватыми зрачками походилъ на злого духа или оборотня, осѣдлавшаго жертву. Суевѣрный ужасъ овладѣлъ Арагаріемъ: ему вдругъ показалось, что не Стромбикъ, а самъ дьяволъ, въ образѣ

огромной кошки, сидить у него за плечами и царапаетъ ему лицо, и визжитъ, и хохочетъ, и гонить его въ бездну. Гигантъ дѣлалъ отчаянные прыжки, отбиваясь отъ цѣпкой ноши. Волосы встали у него дыбомъ, и онъ завылъ отъ ужаса. Чернѣя двойною огромною тѣнью на блѣдной полосѣ горизонта, мчались они такъ, по мертвому полю, съ пыльными колосьями, прикикшими къ сожженной и окаменѣлой землѣ .

. . . . . Въ это время, въ опочивальнѣ антиохійскаго дворца Юліанъ велъ тайную бесѣду съ префектомъ Востока, Саллюстіемъ Секундомъ.

— Откуда-же, милостивый кесарь, достанемъ мы хлѣба для такого войска?

— Я разослалъ трирѣмы въ Сицилію, въ Египетъ, въ Апулію, — всюду, гдѣ урожай, — отвѣтилъ императоръ. — Говорю тебѣ, хлѣбъ будетъ...

— А деньги? — продолжалъ Саллюстіи. — Не благоразумнѣе ли отложить до будущаго года, подождать?..

Юліанъ все время ходилъ по комнатѣ большими шагами; вдругъ онъ остановился передъ старикомъ.

— Подождать! — гнѣвно воскликнулъ онъ, — всѣ вы точно сговорились твердить одно и то-же. Подождать! Какъ-будто я могу теперь ждать, и взвѣшивать, и колебаться. Развѣ галилеяне ждуть? Пойми-же, старикъ, я долженъ совершить невозможное, я долженъ возвратиться изъ Персіи страшнымъ и великимъ, или совсѣмъ не возвращаться. Примиренья больше нѣтъ. Середины нѣтъ. Что вы говорите мнѣ о благоразуміи? Или ты думаешь, Александръ Македонскій благоразуміемъ побѣдилъ міръ? Развѣ такимъ умѣреннымъ людямъ, какъ ты, не казался сумасшедшимъ этотъ безбородый юноша, выступившій съ горстью македонцевъ противъ владыки Азіи? Кто-же даровалъ ему побѣду?

— Не знаю, — отвѣчалъ префектъ уклончиво, съ легкой усмѣшкой, — мнѣ кажется, что самъ герой...

— Не самъ, — воскликнулъ Юліанъ, — а боги! Слышишь, Саллюстіи, олимпійскіе боги могутъ и мнѣ даровать побѣду, — еще большую, чѣмъ Александру, если захотятъ. Я началъ въ Галліи, кончу въ Индіи. Я пройду весь міръ, отъ заката до восхода солнечнаго, какъ великій Македонецъ, какъ богъ Діонисъ. Посмотримъ, что скажутъ тогда галилеяне, посмотримъ, какъ нынѣ издѣвающіеся надъ простой одеждой мудреца, — посмѣются надъ мечемъ римскаго императора, когда онъ вернется побѣдителемъ Азіи!..

Глаза его загорѣлись безумнымъ блескомъ. Саллюстіи хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ. Когда-же Юліанъ снова принялся ходить по

комнатѣ большими безпокойными шагами, префектъ покачалъ головой и жалость засвѣтилась въ мудрыхъ глазахъ стараго римлянина.

— Войско должно быть готово къ походу, — продолжалъ Юліанъ, — я такъ хочу, слышишь? Никакихъ отговорокъ, никакихъ промедленій! У насъ тридцать тысячъ человѣкъ. Армянскій царь Арзакій обѣщалъ союзъ. Хлѣбъ есть. Чего-же больше? Мнѣ нужно знать, что я могу выступить противъ персовъ каждое мгновеніе. Отъ этого зависитъ не только моя слава, спасеніе римской имперіи, но и побѣда вѣчныхъ боговъ надъ галлелеянами...

Широкое окно было открыто. Пыльный жаркій вѣтеръ, врываясь въ комнату, колебалъ три тонкихъ огненныхъ языка въ лампадѣ съ тремя свѣтильнями. Прорѣзая мракъ неба, падучая звѣзда сверкнула и потухла. Юліанъ вздрогнулъ. Это было зловѣщее предзнаменованіе.

Постучали въ дверь. Послышались голоса.

— Кто тамъ? Войдите, — сказалъ императоръ.

То были друзья-философы. Впереди шелъ Либаній. Онъ казался болѣе напыщеннымъ и надутымъ, чѣмъ обыкновенно.

— Чего вы хотите? — спросилъ Юліанъ холодно.

Либаній сталъ на колѣни, сохраняя надменный видъ.

— Отпусти меня, Августъ. Долѣе не могу жить при дворѣ. Истощилось терпѣніе мое. Каждый день переношу неслыханныя оскорбленія...

Онъ долго говорилъ о какихъ-то подаркахъ, о денежныхъ наградахъ, которыми его обошли, о неблагодарности, о своихъ заслугахъ, о великолѣпныхъ панегирикахъ, которыми онъ прославилъ римскаго кесаря.

Но Юліанъ, уже не слушая, смотрѣлъ съ брезгливою скукою на знаменитаго оратора и думалъ: «неужели это тотъ самый Либаній, рѣчами котораго я такъ зачитывался въ юности? Какая мелочность! Какое тщеславіе!»

Потомъ все философы заговорили сразу. Они спорили, кричали, обвиняли другъ друга въ безбожьи, въ лихоимствѣ, въ развратѣ, пускали въ ходъ глупѣйшія сплетни. Это была постыдная домашняя война не мудрецовъ, а прихлебателей, взбѣсившихся отъ жиру, готовыхъ растерзать другъ друга отъ тщеславія, злобы и скуки.

Наконецъ, императоръ произнесъ тихимъ голосомъ слово, которое заставило ихъ опомниться:

— Учители!

Все сразу умолкло, какъ испуганное стадо болтливыхъ сорокъ.

— Учители, — повторилъ онъ съ горькой усмѣшкой, — я слушалъ васъ довольно. Позвольте и мнѣ рассказать басню. У одного египетскаго царя были ручныя обезьяны, приученныя исполнять на сценѣ военную пиррійскую пляску. Ихъ наряжали въ шлемы и маски, прятали хвосты подъ царственный пурпуръ, и когда онѣ плясали, трудно было

повѣрить, что это не люди. Зрѣлище правилось долго. Но однажды кто-то изъ зрителей бросилъ на сцену пригоршню орѣховъ. И что-же? Актеры разодрали пурпуръ и маски, обнажили хвосты, стали на четвереньки, завизжали и начали грызться изъ-за орѣховъ. Такъ нѣкоторые люди съ важностью исполняютъ пиррійскую пляску мудрости—до первой подачки. Но стоитъ бросить пригоршню орѣховъ, и мудрецы превращаются въ обезьянъ: обнажаютъ хвосты, визжать и грызутся. Какъ вамъ нравится эта басенка, учителя?

Всѣ безмолвствовали.

Вдругъ Саллюстій тихонько взялъ императора за руку и указалъ на открытое окно.

По чернымъ складкамъ тучъ медленно расплзлось, колеблемое сильнымъ вѣтромъ, багровое зарево.

— Пожаръ! Пожаръ!—заговорили всѣ.

— За рѣкой,—соображали одни.

— Не за рѣкой, а въ предметѣхъ Гарандамá!—поправляли другіе.

— Нѣтъ, нѣтъ,—въ Гезирѣ, у жидовъ...

— Не въ Гезирѣ и не въ Гарандамá, — воскликнулъ кто-то съ тѣмъ неудержимымъ весельемъ, которое овладѣваетъ толпою при видѣ пожара,—а въ роцѣ Дафнійской!

— Храмъ Аполлона, — прошепталъ императоръ, — и вдругъ вся кровь прихлынула къ сердцу его.

— Галилеяне! — закричалъ онъ страшнымъ, безумнымъ голосомъ, и кинулся къ двери, потомъ на лѣстницу.

— Рабы!.. Скорѣ!.. Коня и пятьдесятъ легіонеровъ!

Черезъ нѣсколько мгновений все было готово. На дворъ вывели черного жеребца, дрожавшаго всѣмъ тѣломъ, опаснаго, сердито косившаго зрачекъ, налитый кровью.

Юліанъ помчался по улицамъ Антиохіи, въ сопровожденіи пятидесяти легіонеровъ. Толпа въ ужасѣ разсыпалась передъ ними. Кого-то сшибли съ ногъ, кого-то задавили. Крики были заглушены громомъ копытъ, бряцаніемъ оружія.

Выѣхали за городъ. Больше двухъ часовъ длилась скачка. Трое легіонеровъ отстали. Коня свалилвсь.

Зарево становилось все ярче. Пахло дымомъ. Поля съ пыльными колосьями озарались багровымъ отблескомъ. Любопытные стремились отовсюду, какъ ночныя бабочки на огонь. То были жители окрестныхъ деревень и антиохійскихъ предметій. Юліанъ замѣтилъ радость въ голосахъ и лицахъ, словно люди эти бѣжали на праздникъ, на увеселительное зрѣлище.

Огненные языки засверкали наконецъ въ клубахъ густого дыма, надъ черными зубчатыми вершинами Дафнійской рощи.

Императоръ вѣхалъ въ священную ограду. Здѣсь бушевала толпа. Многіе перекидывались шутками и смѣялись. Тихія аллеи, столько лѣтъ покинутыя всѣми, кишѣли народомъ. Чернь оскверняла рошу, ломала вѣтви древнихъ лавровъ, мучила родники, топтала нѣжные, сонные цвѣты. Нарциссы и лиліи, умирая, тщетно боролись послѣднею свѣжестью съ удушливымъ зноемъ пожара, съ дыханіемъ черни.

— Божье чудо!—Божье чудо!—носился надъ толпою радостный говоръ.

— Я видѣлъ самъ, какъ молнія упала съ неба и зажгла крышу...

— А вотъ и не молнія, врешь: утроба земная, разверзлась, изрыгнувъ пламя, внутри капища, подъ самымъ кумиромъ...

— Еще-бы!.. Какую учинили мерзость!.. Мощи потревожили.. Думали даромъ пройдетъ... Какъ-бы не такъ!.. Вотъ тебѣ и храмъ Аполлона, вотъ тебѣ и прорицанія водъ Кастальскихъ!.. По дѣломъ, по дѣломъ!..

Юліанъ увидѣлъ въ толпѣ женщину, полуодѣтую, растрепанную, должно быть, только что вскочившую съ постели. Она тоже любовалась огнемъ, съ радостной и бессмысленной улыбкой, баюкая грудного младенца. Слезинки сверкали на его рѣсницахъ. Онъ плакалъ, но затихъ, и съ жадностью сосалъ смуглую, толстую грудь, причмокивая, упершись въ нее одной ручкой, протянувъ другую, пухленькую, съ ямочками, къ огню, какъ будто желая достать блестящую, веселую игрушку.

Императоръ остановилъ коня. Дальше нельзя было сдѣлать ни шагу. Въ лицо вѣялъ жаръ, какъ изъ печи. Легіонеры ждали приказаній. Онъ понималъ, что храмъ погибъ.

Это было великолѣпное зрѣлище. Зданіе пылало сверху до низу. Внутренняя обшивка, гнилыя стѣны, высохшія балки, сваи, бревна, стропила,—все превратилось въ раскаленные головни. Онѣ съ трескомъ падали, и огненными вихрями искры взлетали до неба, которое опускалось все ниже, зловѣщее и кровавое. Пламя лизало тучи длинными языками, билось по вѣтру и грохотало, какъ тяжкая завѣса.

Листья лавровъ корчилились отъ жара, какъ отъ боли,—и свертывались. Верхушки кипарисовъ загорѣлись яркимъ смолянымъ огнемъ, какъ исполнскіе черные факелы. Бѣлый дымъ ихъ казался дымомъ жертвенныхъ куреній. Капли смолы струились обильно, словно вѣковья деревья, современники храма, плакали о богъ золотыми слезами.

Юліанъ смотрѣлъ безумнымъ, неподвижнымъ взоромъ на огонь. Онъ хотѣлъ что-то приказать легіонерамъ, но только вырвалъ мечъ изъ ноженъ, вздернулъ коня на дыбы и прошепталъ стиснувъ зубы, въ безсильной ярости:

— О, мерзавцы, мерзавцы!..

Вдали послышался ревъ толпы. Онъ вспомнилъ, что позади храма—сокровищница съ богослужебной утварью и у него промелькнула мысль, что галилеяне грабятъ святыню. Онъ сдѣлалъ знакъ и бросился съ воинами въ ту сторону, гдѣ была сокровищница. На пути ихъ остановило печальное шествіе.

Нѣсколько римскихъ стражей, должно быть, только что подоспѣвшихъ изъ ближайшаго селенія Дафнэ, несли на рукахъ носилки.

— Что это?—спросилъ Юліанъ.

— Галилеяне побили камнями жреца Горгія, — отвѣчали римляне.

— А сокровищница?

— Цѣла. Стоя на порогѣ, жрецъ заслонилъ дверь и не далъ осквернить святыню. Онъ не сдвинулся съ мѣста, пока не свалился, пораженный въ голову камнемъ. Потомъ убили мальчика. Галилейская чернь, растоптавъ ихъ, вломилась-бы въ дверь, но мы пришли и разогнали толпу.

— Живъ?—спросилъ Юліанъ.

— Едва дышитъ.

Императоръ соскочилъ съ коня. Носилки тихонько опустили. Онъ подошелъ, наклонился и осторожно откинулъ край знакомой, запачканной хламиды жреца, покрывавшей оба тѣла.

На подстилкѣ изъ свѣжихъ лавровыхъ вѣтвей лежалъ старикъ. Глаза были закрыты. Грудь подымалась медленно. Въ сердце Юліана проникла жалость, когда онъ взглянулъ на этотъ красный носъ пьяницы, который казался ему недавно такимъ непристойнымъ, когда онъ вспомнилъ тощаго гуся въ лозниковой корзинѣ, послѣднюю жертву Аполлону. На пушистыхъ, бѣлыхъ, какъ свѣтъ, волосахъ выступили капли крови, и острые черные листья лавра сплелись вѣнцомъ надъ головой жреца.

Рядомъ, на тѣхъ же носилкахъ покоилось маленькое тѣло Эвфориона. Лицо, покрытое мертвенной блѣдностью, было еще прекраснѣе, чѣмъ живое. На спутанныхъ золотистыхъ волосахъ алѣли кровавыя капли. Прислонившись рукою къ щекѣ, онъ какъ будто дремалъ легкимъ сномъ. Юліанъ подумалъ:

«Такимъ и долженъ быть Эротъ, сынъ богини любви, побитый камнями галилеянь»...

И римскій императоръ благоговѣнно опустился на колѣни передъ мученикомъ олимпійскихъ боговъ. Несмотря на гибель храма, несмотря на безмысленное торжество черни, Юліанъ чувствовалъ присутствіе Бога въ этой смерти. Сердце его смягчилось, даже ненависть печезла, и со слезами умиленія наклонился онъ и поцѣловалъ руку святого старика.

Умирающій открылъ глаза:

— Гдѣ мальчикъ?—спросилъ онъ тихо.

Юліанъ осторожно положилъ его руку на золотыя кудри Эвфоріона.

— Здѣсь—рядомъ съ тобою...

— Живъ?.. спрашивалъ Горгій, прикасаясь къ волосамъ ребенка съ послѣднею лаской.

Онъ былъ такъ слабъ, что не могъ повернуть къ нему голову. Юліанъ не имѣлъ духу открыть истину умирающему. Жрецъ обратилъ къ императору взоръ, полный мольбы:

— Кесарь... тебѣ поручаю его... Не покидай!..

— Будь спокоенъ, я сдѣлаю все, что могу для твоего мальчика.

Такъ Юліанъ принялъ на свое попеченіе того, кому и римскій кесарь не могъ больше сдѣлать на землѣ ни зла, ни добра.

Горгій не подымалъ своей коченѣющей руки съ кудрей Евфоріона. Вдругъ лицо его оживилось, онъ хотѣлъ что-то сказать, но пролепеталъ безсвязныя слова:

— Вотъ они! вотъ они!.. Я такъ и зналъ... Радуйтесь!..

Онъ взглянулъ передъ собой широко открытыми глазами, вздохнулъ, остановился на половинѣ вдоха,—и взоръ его померкъ.

Юліанъ закрылъ лицо усопшему.

Вдругъ торжественныя звуки церковнаго пѣнія грянули. Императоръ оглянулся и увидѣлъ: по главной кипарисовой аллеѣ тянулось шествіе, несмѣтная толпа,—старцы-іерей, въ золототканыхъ облаченіяхъ, усыпанными дорогими камнями, важные діаконы, съ бряцающими каддами, черные монахи, съ восковыми свѣчами, дѣвы и отроки, въ бѣлыхъ одеждахъ, дѣти, съ пальмовыми вѣтвями. И въ высотѣ, надъ толпою, на великолѣпной колесницѣ, сіяла рака св. Вавилы. Пламя пожара дробилось въ ея блѣдномъ серебрѣ. Это были мощи, изгоняемая повелѣніемъ Кесаря изъ Дафіэ въ Антиохію. Изгнаніе превратилось въ побѣдовое шествіе. Народъ пѣлъ древній псаломъ царя Давида во славу Бога Израиля:

«Облако и мракъ окрестъ Его»—заглушая свѣтъ вѣтра, гулъ пожара, летѣла торжествующая пѣснь галилеянъ къ небу, освѣщенному заревомъ,—«Облако и мракъ окрестъ Его.

«Предъ нимъ идетъ огонь и вокругъ пополаетъ враговъ Его».

«Горы, какъ воскъ, таютъ отъ лица Господа, отъ лица Господа всей земли».

И Юліанъ поблѣднѣлъ, услышавъ, какая дерзость и лигованіе звучали въ послѣднемъ возгласѣ:

«Да постыдятся служащіе истуканамъ, хвалящіеся идолами. Поклонитесь предъ Нимъ всѣ боги!»!

Тогда императоръ вскочилъ на коня, обнажилъ мечъ и воскликнулъ:
— Солдаты, за мной!

Онъ хотѣлъ броситься въ середину толпы, разогнать эту подлую торжествующую чернь, опрокинуть раку съ мощами и разметать мертвыя кости.

Но чья-то рука схватила коня императора за поводъ.

— Прочь съ дороги! — закричалъ онъ въ ярости и уже поднялъ мечъ, чтобы ударить. Но въ то-же мгновеніе рука его опустилась. Предъ нимъ былъ мудрый старикъ, съ печальнымъ и спокойнымъ лицомъ, — Саллюстій Секундъ, вовремя подоспѣвшій изъ Антиохіи.

— Кесарь! Не нападай на безоружныхъ. Опомнись.

Юліанъ вложилъ мечъ въ ножны.

Мѣдный шлемъ давилъ и жегъ ему голову, какъ раскаленный. Сорвавъ его и бросивъ на землю, онъ вытеръ крупныя капли пота. Потомъ, одинъ, безъ воиновъ, съ обнаженной головою, подѣхалъ къ толпѣ и остановилъ шествіе мановеніемъ руки.

Всѣ узнали его. Цѣнне умолкло.

— Антиохійцы! — произнесъ Юліанъ, почти спокойно, сдерживая себя страшнымъ усиленіемъ воли, — знайте, — мятежники и поджигатели Аполлонова храма будутъ наказаны безъ пощады. Вы смѣтаетесь надъ моимъ милосердіемъ, — посмотримъ, какъ посмѣтаете вы надъ моимъ гнѣвомъ. Римскій Августъ могъ-бы стереть съ лица земли городъ вашъ такъ, чтобы люди забыли о Великой Антиохіи. Но вотъ, я только ухожу отъ васъ. Я выступаю въ походъ противъ Персовъ. Если боги судили мнѣ вернуться побѣдителемъ, — горе вамъ, мятежники! Горе тебѣ, Плотниковъ Сынъ, Назарянинъ!..

Онъ простеръ мечъ надъ толпой.

Вдругъ ему показалось, что странный, какъ будто нечеловѣческій голосъ проговорилъ за нимъ явственно:

— Гробъ тебѣ готовитъ Назарянинъ, Плотниковъ Сынъ.

Юліанъ вздрогнулъ, обернулся, но никого не увидѣлъ. Онъ провель рукою по лицу:

— Что это?.. Или мнѣ почудилось?.. — сказалъ онъ чуть слышно и разсѣянно.

Въ это мгновеніе, внутри пылавшаго храма, раздался оглушительный трескъ — часть деревянной крыши рухнула прямо на исполнскую статую Аполлона. Кумиръ грохнулся съ подножья. Золотая чаша, которою онъ творилъ вѣчное возліаніе Праматери-Землѣ, жалобно зазвенѣла. Искры огненнымъ снопомъ взлетѣли къ тучамъ. Стройная колонна въ портикѣ пошатнулась, и коринфская капитель, съ нѣжною прелестью въ

самомъ разрушеніи, какъ бѣлая лилія—съ надломленнаго стебля, склонилась и упала на землю. Юліану казалось, что весь пылающій храмъ, обрушившись, задавитъ его.

А древній псаломъ Давида, во славу Бога Израиля, возносился къ ночному небу торжественно, заглушая ревъ пожара и паденіе кумира:

«Да постыдятся служащіе истуканамъ, хвалящіеся идолами. Поклонитесь предъ Нимъ все божіе!»

Д. Мережковскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Папа Левъ XIII.

Боккачю въ своемъ Декамеронѣ рассказываетъ, между прочимъ, такую исторію: Въ Парижѣ жили два большихъ друга, оба зрѣлыхъ лѣтъ и зрѣлаго ума; оба хорошіе, честные люди; одинъ—ревностнѣйшій католикъ, другой преданный своей вѣрѣ—еврей. Еврейство друга мучило католика и онъ постоянно убѣждалъ его обратиться къ католицизму. Еврей долго не сдавался, наконецъ, уважая умъ и чувства друга, рѣшился съѣздить въ Римъ съ тѣмъ, чтобы убѣдиться у самого источника католицизма въ томъ, стоитъ ли на него мнѣять законъ Моисея. Онъ торжественно обѣщаль другу, что, въ случаѣ благоприятнаго результата своихъ изслѣдованій, онъ тотчасъ же по возвращеніи въ Парижъ приметъ крещеніе. Вернувшись во Францію, еврей подробно рассказалъ пріятелю французу, что видѣлъ, слышалъ и наблюдалъ въ Вѣчномъ Городѣ. Оказалось, что духовенство развращено и невѣжественно; что церковными дѣлами завѣдуютъ алчные, себялюбивые, часто жестокіе плуты, что во имя религіи творятся великіе грѣхи, вопіющія беззаконія и т. д. Обо всемъ этомъ еврей рассказалъ такъ убѣдительно своему парижскому другу, что послѣдній не могъ не повѣрить и совершенно упалъ духомъ.—«Значитъ теперь ты уже навѣрно не перейдешь въ католицизмъ?» воскликнулъ онъ.—«Напротивъ, отвѣчалъ еврей, теперь-то я и перейду, ибо по моему мнѣнію велико должно быть внутреннее достоинство церкви и ученія, положеннаго въ ея основаніе, если, невзирая на такую безправственность ея служителей и правителей, она пользуется въ мірѣ великой силой и вліяніемъ».

Европейское общественное мнѣніе нашего вѣка напоминаетъ своими воззрѣніями на католическую церковь и на ея представителей, напѣ,— одного изъ этихъ друзей, а именно—француза католика. Прошлое папства дискредитировано цѣлымъ рядомъ историческихъ дѣяній. Оно было на глазахъ, можно сказать, нашего XIX вѣка унижено Наполео-

номъ I-мъ; едва оправившись, оно систематично, въ теченіе полувѣка становилось поперекъ дороги прогрессу, какъ научному, такъ и политическому; его вожаки, за нѣкоторыми свѣтлыми исключеніями, преслѣдовали во имя христіанства личныя цѣли, а если и цѣли не всегда были личныя, то средства ихъ по большей части являлись недостойными христіанскаго ученія. Пій IX, обманувъ (хотя можетъ быть и не по своей волѣ и не воплію сознательно), на первыхъ же порахъ своей дѣятельности, надежды итальянскихъ патріотовъ—прогрессистовъ, окружилъ себя грубыми, хотя и даровитыми обскурантами, съ Антонелли во главѣ, и, по совѣту ихъ, самое политическое существованіе папства поддерживалъ французскими штыками, столь ненавистными для новыхъ итальянцевъ, въ Вѣчномъ Городѣ, который они имѣли основаніе считать столицей обновленной родины. Съ этихъ поръ Европа стала смотрѣть на папство и связанную съ нимъ католическую церковь, какъ на отживающія установленія, сыгравшія свою историческую роль, установленія, продолжительность агоніи которыхъ отнынѣ зависитъ лишь отъ упроченія новаго государственнаго устройства Апеннинскаго полуострова. Услуги, въ свое время оказанныя католицизмомъ и папами цивилизаціи и человѣчеству, были забыты, затушеванныя событіями иного порядка; блестящая эпопея итальянскаго возрожденія 60-хъ годовъ окончательно затмила весь блескъ папства; занятіе Рима войсками Виктора Эмануила—обратило католицизмъ, если можно прибѣгнуть къ такому сравненію, въ безсильнаго, одряхлѣвшаго льва, съ которымъ едва-ли стоило считаться дипломатич.

Вопросъ о значеніи католической церкви и папства былъ окончательно сведенъ на вопросъ, въ европейскомъ смыслѣ, маловажный, на мѣстно-итальянскій. Ликованія партій, одержавшихъ въ Италіи и Римѣ побѣду, были громки; масса католическаго народа и общества оставалась безмолвна и инертна; Европа принимала это молчаніе побѣжденныхъ за знакъ согласія. Безсильный же гнѣвъ, угрозы и жалобы Ватикана вызывали иронию, если не насмѣшки.

Между тѣмъ такое возрѣвіе на папство было крайне ошибочно.

Несомнѣнно симпатичный, прогрессивный государственный строй новой Италіи далеко не былъ такъ упроченъ и существо папства и католической церкви не было такъ обезсилено, какъ это могло казаться. Казалось же это отчасти потому, что итальянскій клерикализмъ (гораздо болѣе распространенный, нежели вообще привыкли думать) какъ-бы замеръ въ Италіи на время, не подавалъ внѣшнихъ признаковъ жизни. Между тѣмъ онъ подготавливалъ молча силы для своего реванша, изыскивалъ въ тишинѣ пути для него въ будущемъ. Папа же Пій IX, руководимый своими совѣтниками, уязвленный непосредственно нанесенной ему раной,—лишеніемъ свѣтской власти даже въ Римѣ,—также по преимушеству сосредоточилъ всю свою дѣятельность и вниманіе на вопросѣ

о возстановленіи свѣтской власти. Онъ, подобно всей Европѣ, какъ бы забылъ, что онъ есть духовный глава 300 слишкомъ миллионовъ католиковъ, разсѣянныхъ крупными группами по всѣмъ почти государствамъ Европы и Америки. А главное онъ какъ бы упустилъ изъ виду, что католицизмъ, направленіе котораго въ значительной степени находилось въ его рукахъ, во всякомъ случаѣ заключалъ въ себѣ нравственно философскую силу, пустившую глубокіе корни въ разныхъ направленіяхъ, что эта нравственно философская мощь должна быть примѣнена къ духу времени, согласована насколько возможно съ наукой. Совѣтники Пія IX не были ни расположены, ни даже способны иначе относиться къ новому положенію дѣлъ.

Только одинъ прелатъ царствованія Пія, кардиналъ Іоакимъ Печчи, котораго Антонелли въ теченіе 32 лѣтъ держалъ въ почетномъ изгнаніи, въ Перуджѣ, никогда не упускалъ изъ виду того, что забылъ старый папа и его окружающіе. Печчи понималъ, гдѣ и въ чемъ, при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ, кроется слабость папства и католической церкви, но онъ зналъ также, гдѣ сохранилась ихъ сила. Сила для него представлялась прежде всего въ нравственно философскомъ значеніи католической церкви, затѣмъ въ 300 миллионахъ католиковъ, жившихъ внѣ Италіи. Слабость-же — въ грубой, самонадѣянной борьбѣ съ духомъ времени, съ прогрессомъ знаній и новымъ политическимъ строемъ. Въ своемъ изгнаніи кардиналъ Печчи, самъ человекъ знающій и просвѣщенный, слѣдилъ за наукой и политикой, за новыми общественными теченіями и вѣяніями и обдумывалъ средства, какими можно было-бы воспользоваться для возстановленія значенія католической церкви. Предусматривалъ-ли архіепископъ Перуджѣ, что ему придется нѣкогда занять святѣйшій престолъ, мы рѣшить не беремъ. Но изученіе всей его жизни, его дѣятельности и его личности убѣждаетъ насъ, что онъ лучше чѣмъ кто-либо изъ кардиналовъ—современниковъ былъ подготовленъ къ той роли, которая выпала на его долю послѣ Пія IX.

I.

Папа Левъ XIII, въ мѣрѣ Іоакимъ—Викентій—Рафаэль, графъ Печчи, происходитъ отъ старинной фамиліи тосканскихъ дворянъ, эмигрировавшей около XIII вѣка, вслѣдствіе политическихъ волненій, въ папскія владѣнія. Та вѣтвь этой фамиліи, къ которой непосредственно принадлежитъ Левъ XIII, съ 1300 года жила въ Сиенѣ и дала мѣстной республикѣ нѣсколько сановниковъ, оставившихъ за собой историческій слѣдъ. Самъ Іоакимъ—Викентій—Рафаэль родился 2 марта 1810 года, въ мѣстечкѣ Карпинетто, мѣстопребываніи своихъ ближайшихъ предковъ. Карпинетто одно изъ живописныхъ «орлиныхъ гнѣздъ», красиво разбросанныхъ по вольскимъ горамъ. Оно лежитъ въ просторномъ склонѣ

ущелья; по сторонамъ высятся сторожевые утесы; сзади вздымается на 5,500 слишкомъ футъ величавая гора *Semperviva*. Карпинетто, маленький, тихій городокъ, съ 6,000 жителей; ярко бѣлый августинскій монастырь, господствующій надъ нимъ, еще тише и спокойнѣе; кругомъ лѣса, зелень, поэтическій нагорный просторъ.

Отецъ Иоакима былъ человѣкъ, по своему времени, весьма образованный и носилъ, несмотря на свой кроткій и миролюбивый нравъ, почетное званіе полковника мѣстной милиціи. Впослѣдствіи Наполеонъ I переименовалъ Печчи въ «*Colonel Honoraire de la Grande armée*» и назначилъ мэромъ всего округа. Мать Иоакима была рожденная Проспери и происходила по прямой, хотя и женской линіи, отъ знаменитаго римскаго трибуна, Коладди-Риензи. Одинъ изъ дядей Иоакима былъ епископомъ. Мальчикъ былъ остеръ, боекъ, во все вглядывался своими небольшими, но блестящими, черными глазами, во все вникалъ своимъ пытливымъ умомъ. Куда направить образованіе сына—родители колебались. Графъ, вообще благоговѣвшій передъ личностью Наполеона I, прочилъ сыну военную карьеру. Мать, весьма набожная женщина, подъ вліяніемъ дяди епископа, думала иначе, тѣмъ болѣе, что старшаго сына Иосифа оба супруга рѣшили готовить къ духовному званію. Однажды графъ и графиня прогуливались въ горахъ вмѣстѣ съ сыномъ. Видъ передъ ихъ глазами открывался грандіозный и обширный. Вдали виднѣлись съ одной стороны городокъ Аквино, съ другой Монтекассино, до нашихъ дней знаменитое своимъ монастырскимъ учебнымъ заведеніемъ, въ которое либеральные дѣятели новой Италіи, враги папства, отдають своихъ дѣтей, вмѣсто того чтобы помѣщать ихъ въ гимназіи.

— Это Аквино, указалъ Иоакимъ отцу, тамъ родился Тома Аквинскій... А это Монтекассино; вѣдь онъ тамъ выучился грамотѣ, баббо *), правда?

Отецъ былъ изумленъ, что мальчикъ вообще знаетъ о Томѣ Аквинскомъ. Но разспросивъ его подробнѣе, удивился еще болѣе. Оказалось, что Иоакимъ знаетъ и о францисканскомъ философѣ такъ-же много, какъ самъ графъ о великомъ корепканцѣ.

— А я то хотѣлъ изъ Иоакима сдѣлать генерала, серьезно огорченный обратился старый Печчи къ женѣ.

— Ну, что-же. Сдѣлай изъ него папу, улыбаясь отвѣчала графиня.

Кромѣ этого родительскаго пророчества, о которомъ рассказываетъ М-гъ Bayer d'Agen въ своей книгѣ «*Leon XIII devant ses contemporains*», въ Италіи разсказывается не мало анекдотовъ подобнаго-же пророчательскаго свойства. Говорятъ, между прочимъ, что старый слуга Ріо Стосе, съ юности никогда не покидавшій Иоакима Печчи, говаривалъ, когда тотъ былъ еще скромнымъ аббатомъ:—«Вы будете папой, вашего

*) Babbo—отецъ.

старшаго брата Иосифа сдѣлаете кардиналомъ, а меня своимъ тайнымъ камергеромъ». Все это сбылось. Но всѣ эти рассказы могли быть придуманы *argès soup*, какъ это часто случается относительно лицъ, достигшихъ высокаго положенія. Несомнѣнно-же и документально доказано пророчество нѣкоего аббата Джесси, земляка Иоакима по Карпинетто. Когда Печчи въ 1843 году былъ назначенъ нунціемъ въ Бельгію, этотъ аббатъ, занимавшійся не безъ успѣха версификаціей, написалъ длинную оду «Il Formale», въ которой посвятилъ нѣсколько строфъ ея молодому дипломату и между прочимъ восклицалъ:

Io leggo scritto nel eterno fatto
Che avrà triregno in fronte é scettro a lato *).

Стихи эти были напечатаны въ свое время и нѣкоторые экземпляры сохранились доселѣ.

Какъ-бы то ни было, родители несомнѣнно желали ему быть тройственнымъ вѣнценосцемъ и рѣшили готовить его въ духовное званіе. Въ то время были вновь возстановлены въ Италіи права іезуитовъ. Они открывали новыя коллегіи и школы. Одна изъ лучшихъ коллегій была устроена въ Витербо. Туда отдали обоихъ братьевъ. Родители, въ особенности мать, женщина весьма образованная и энергичная (Карпинетская область обязана ей введеніемъ шелководства, увеличившаго заработокъ и благосостояніе рабочаго класса), до самой смерти тщательно любовно слѣдившая лично за развитіемъ и научными успѣхами дѣтей, часто навѣщала ихъ. Въ школѣ, какъ и дома, Иоакимъ отличался жаждой знаній, трудолюбіемъ, вдумчивостью. Онъ быстро овладѣлъ классическими языками, 12-ти лѣтъ уже писалъ весьма недурные латинскіе стихи. Нравъ у него былъ воспріимчивый, даже пылкій и горячій, но онъ еще въ ранней юности такъ умѣлъ собою владѣть, что скромности и сдержанности его поведенія, его мягкія отношенія къ товарищамъ доставили ему въ заведеніи лестное прозвище: «*Mater Pietatis*».

Послѣ смерти матери, въ 1824 г., сыновья были переведены въ высшія учебныя заведенія. Старшій братъ, Иосифъ, былъ зачисленъ въ орденъ іезуитовъ, младшій Иоакимъ опредѣленъ въ знаменитую *Collegio Romano* въ Римѣ, находившуюся также въ значительной степени подъ вліяніемъ всюду прошивавшихъ іезуитовъ. Конечно, преподаваніе не могло не быть тенденціознымъ и въ значительной степени одностороннимъ, но велось оно весьма серьезно. Профессора были замѣчательные, умѣвшіе не только вліять на юношей, но и прививать имъ любовь къ труду и къ предлагаемой наукѣ. По своему живому, пылкому темпера-

---

* Я читаю въ книгѣ предвѣщаній судьбы, что онъ (т. е. Иоакимъ Печчи) будетъ имѣть на головѣ тиару и скиptrъ въ рукѣ.

менту Печчи рисковалъ въ Римѣ увлечься свѣтской стороною жизни, что, при его происхожденіи и связяхъ, могло, особенно въ тѣ времена, быть вполне совмѣстимо съ служеніемъ католической церкви и духовной карьерой. Однако пылливость ума, жажда знаній и дарованія взяли верхъ надъ темпераментомъ. Къ тому-же успѣхи и доставляемые ими почетныя отличія льстили его самолюбію и вознаграждали за отсутствіе развлеченій. Семинаристъ, студентъ и затѣмъ юный аббатъ велъ весьма скромный, почти анахоретскій образъ жизни. Прогулки съ товарищами по Риму, чашка кофею въ излюбленной кондитерской на Piazza di Spagna составляли единственные развлечения, которыя онъ себѣ позволялъ. Лѣтомъ, пріѣзжая на каникулы въ родное Карпинетто, онъ давалъ больше простору своимъ склонностямъ и особенно увлекался охотой. Все остальное время онъ работалъ, обогащая умъ познаніями и, въ своей погонѣ за ними, заходилъ едва ли не далѣе предѣловъ, начертанныхъ учителями. Быстро овладѣвъ, благодаря своей феноменальной памяти, классическими языками, онъ еще въ ранней юности имѣлъ достаточно времени, чтобы заниматься философіей, особенно интересовавшей его, и рано пріучилъ свой умъ самостоятельно и критически относиться къ ея выводамъ. Въ этомъ отношеніи ему много помогало основательное изученіе чистой математики, физики и химіи. На испытаніяхъ 1828 г. онъ получилъ первую награду за успѣхи въ этихъ послѣднихъ наукахъ, а по окончаніи курса въ «Collegio Romano» былъ даже назначенъ репетиторомъ математическихъ и физическихъ наукъ въ Германской коллегіи (Collegio Germanico). Впослѣдствіи нѣкоторое время онъ преподавалъ и философію. Во время юбилея папы Льва XII, юноша Печчи былъ поставленъ во главѣ депутаціи, приносившей отъ лица учебнаго заведенія поздравленія святѣйшему отцу, главнымъ образомъ потому, что онъ былъ уже и тогда весьма искуснымъ ораторомъ, свободно и изяшно владѣлъ латинскимъ и греческимъ языками. Личность Льва XII, перваго папы, съ которымъ будущему римскому первосвященнику пришлось придти въ соприкосновеніе, а можетъ быть и пышная обстановка такъ обаятельно подѣйствовала на воображеніе Іоакима, что онъ съ этихъ поръ всегда сохранялъ теплое воспоминаніе о Левѣ XII и впослѣдствіи, самъ занявъ Святѣйшій Престоль, пожелалъ принять дорогое ему по отроческимъ воспоминаніямъ имя.

На экзаменахъ, на разнаго рода академическихъ диспутахъ онъ постоянно первенствовалъ, заслуживалъ награды, преміи, похвалы и оваціи не только со стороны равныхъ, но и высокопоставленныхъ лицъ. Послѣ Collegio Romano, въ которомъ онъ окончилъ курсъ со званіемъ доктора философіи, Печчи слушалъ лекціи въ «Academia dei Nobili ecclesiastici», въ которую допускались только молодые люди аристократическаго происхожденія, готовящіеся на административную или дипломатическую службу

при папскомъ престолѣ. Закончилъ-же онъ курсъ своего образованія въ римскомъ университетѣ «Sapienza», гдѣ въ 1835 году, будучи уже членомъ «Academia della Sapienza», получилъ крупную денежную премію и званіе «почетнаго» (in Honoris causa) доктора богословія.

Блестящія способности, блестящіе успѣхи и лавры, доставляемые этими успѣхами, не могли не обратить на молодого аббата вниманіе вліятельныхъ сановниковъ католической церкви. Къ тому-же этотъ аббатъ по происхожденію принадлежалъ къ старинной аристократіи. Печчи покровительствовали кардиналы Пакка, бывший напереникъ Пія VII, Одескальки, генераль-викарій папы Григорія XVI и Сала, особенно послѣдній, по ходатайству котораго Іоакимъ Печчи, почти тотчасъ-же послѣ окончанія курса въ «Sapienza», былъ назначенъ «Prelato domestico», нѣчто въ родѣ камеръ-юнкера. Кардиналъ Сала пользовался большимъ вліяніемъ при папскомъ дворѣ и репутаціей дѣятельнаго и мудраго прелата. Онъ понималъ, что синекурная придворная должность для Печчи должна служить только ступенью къ положенію самостоятельному и отвѣтственному, которое давало-бы ему возможность примѣнить непосредственно къ практикѣ и къ жизни свои педюжинныя способности и знанія. Кардиналъ и воспользовался первымъ представившимся удобнымъ случаемъ. Въ 1837 году въ Римѣ свирѣпствовала жестокая холерная эпидемія. Сала былъ поставленъ во главѣ санитарной комиссіи, и однимъ изъ ближайшихъ его помощниковъ сдѣлался аббатъ Печчи. Ему было тогда 27 лѣтъ; это былъ его первый опытъ непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью и народомъ. Онъ выдержалъ это испытаніе такъ же удачно, какъ и всѣ свои экзамены. Онъ никогда не сидѣлъ сложа руки, дѣлалъ то, что нужно было дѣлать, принималъ во всемъ личное участіе и безо всякаго страха приходилъ въ непосредственное соприкосновеніе съ эпидеміей; самъ ходилъ за больными, утѣшалъ ихъ, заботился о сиротахъ и вдовахъ лично.

Въ томъ-же 1837 году Печчи былъ посвященъ въ іерея кардиналомъ Одескальки въ церкви польскаго святаго Станислава Костка, что въ Квириналѣ, и служилъ свою первую обѣдню на altarѣ, воздвигнутомъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ Костка скончался.

Съ тѣхъ поръ Печчи быстро дѣлаетъ карьеру, переходя отъ одной видной и отвѣтственной должности къ другой. Черезъ 2 мѣсяца послѣ посвященія, онъ былъ посланъ въ качествѣ папскаго делегата (намѣстника или губернатора) въ герцогство Беневенто. Новому делегату предстояло много не только труднаго, но и опаснаго дѣла. Къ тому-же тотчасъ по пріѣздѣ въ Беневенто онъ заболѣлъ такъ серьезно, благодаря простудѣ, которую схватилъ, проѣзжая въ распутицу по отвратительнымъ дорогамъ,—что опасались за его жизнь. Часть мѣстнаго населенія, во главѣ котораго стояли родовитые аристократы, извлекавшіе выгоды изъ бѣдственнаго положенія страны, рассчитывала, что если

новый делегатъ и выздоровѣть, то съ нимъ не трудно будетъ сладиться. Ихъ надеждамъ, однако, не суждено было осуществиться. Печчи, едва выйдя изъ опасности, еще не вставая съ постели, принялся за дѣла съ такимъ осмысленнымъ рвеніемъ и находчивостью, какихъ Беневенто долготѣ у папскихъ делегатовъ не видывать.

Въ 1841 году, когда дѣла беневентскаго герцогства были приведены имъ въ порядокъ, онъ получилъ повышение. Его перевели сначала въ Сполетто, а черезъ нѣсколько времени—въ Перуджію.

Въ Перуджіи, какъ и въ Беневенто, молодой делегатъ—ему едва было 30 лѣтъ—явился энергичнымъ преобразователемъ. Онъ лично посѣтилъ все городки и мѣстечки Умбрии, произвелъ коренныя реформы въ мѣстныхъ муниципальныхъ и сельскихъ управленіяхъ, освѣжилъ составъ суда, обновилъ обветшалыя, весьма податливыя къ злоупотребленіямъ формы судопроизводства, объединилъ большинство судовъ, устроилъ для новаго, центрального, удобное помѣщеніе, принялъ мѣры, чтобы правосудіе отпиралось легально и безъ томительныхъ для лицъ, имѣющихъ съ нимъ дѣло, затяжекъ.

Въ 1844 году Печчи, возведенный въ санъ архіепископа дамьетскаго, былъ назначенъ папскимъ нунціемъ въ Бельгію, гдѣ римское правительство подмѣчало усиленіе элементовъ, неблагоприятныхъ для католической церкви. Король Леопольдъ былъ скептикъ; въ правительственные словно получившаго независимость королевства дѣйствительно начинали приливать элементы болѣе чѣмъ равнодушно относившіеся къ прерогативамъ католическихъ патеровъ и враждебно къ вліянію римской церкви вообще. Не мудрено, что при дворѣ новый нунцій былъ принятъ весьма холодно. Король вначалѣ не скрывалъ, что расходится съ представителемъ папы во взглядахъ на весьма существенные вопросы тогдашней политики. Печчи-же былъ прозорливъ, осмотрителенъ, настойчивъ, искусенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ добродушно-искрененъ. Во время путешествія изъ Рима въ Брюссель, онъ выучился французскому языку и вскорѣ умѣлъ имъ владѣть свободно не только въ грамматическомъ, но и въ дипломатическомъ смыслѣ. По манерамъ онъ былъ скромный, но свѣтски благовоспитанный человекъ; по уму и познаніямъ—весьма пріятный собесѣдникъ. Благодаря этимъ качествамъ, онъ въ короткое время сумѣлъ преодолѣть предубѣжденіе, которое питалъ противъ него король, настолько, что Леопольдъ сталъ обращаться къ нунцію за совѣтомъ по многимъ вопросамъ, даже не касавшимся непосредственно сношеній съ церковью. Понятно, что при дворѣ спльно интриговали противъ Іоакима. Но это не мѣшало ему, съ одной стороны, дѣлать свое дѣло и тихими, но вѣрными шагами идти къ намѣченной цѣли—возстановленія католическаго вліянія въ странѣ, а съ другой—сосредоточивать на себѣ вниманіе интеллигентнаго общества, окружающаго Леопольда I. Это

последнее обстоятельство возбуждало еще большую зависть въ придворныхъ.

Однажды за придворнымъ обѣдомъ нѣкій дипломатъ, изрядный циникъ, желая публично сконфузить «монаха Іоакима», показалъ ему портретъ женщины. Портретъ былъ исполненъ художественно, женщина была очень красива, но ея поза и обнаженность формъ были откровенны до полной непристойности. Печчи, нимало не смущаясь, поглядѣлъ на портретъ и, возвращая его дипломату, громко,—такъ, что все присутствующіе могли слышать, замѣтилъ:

— Да, красавица! Это ваша супруга?

Все расхохотались къ великому негодованію и конфузу дипломата.

Никогда не упуская случая обогащаться полезными для своего положенія свѣдѣніями, Печчи изъ Брюсселя проѣхалъ въ Англію и Францію. Въ Англіи онъ обратилъ вниманіе на зарождавшееся уже тогда въ англійскомъ высшемъ обществѣ расположеніе къ католицизму и усиленіе въ средѣ самой англійской церкви вліянія, такъ называемаго, «High Church» *). Предвидя, что подмѣченное имъ движеніе съ теченіемъ времени усилится, Печчи собиралъ свѣдѣнія о положеніи въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи католическаго духовенства и католической пропаганды, а также о средствахъ упроченія этой пропаганды въ будущемъ. Всеми этими свѣдѣніями, которыя онъ, благодаря своей богатой памяти, никогда не упускалъ изъ виду, онъ воспользовался во время своего папства. Въ этотъ пріѣздъ въ Лондонъ, Печчи былъ представленъ королевѣ Викторіи. Во Франціи онъ былъ принятъ весьма радушно королемъ Людовикомъ-Филиппомъ и также изучалъ отношеніе католицизма къ новымъ потребностямъ общества и государства.

Возвратясь въ Римъ, Печчи засталъ Григорія XVI на смертномъ одрѣ. Черезъ нѣсколько дней тиара перешла къ Масапа-Феррети, принявшему имя Пія IX. Пій IX на первыхъ шагахъ своей политической дѣятельности возбудилъ такія надежды въ сердцахъ либеральныхъ итальянцевъ, что республиканецъ Мадзини предлагалъ ему свое содѣйствіе, а Гарибальди — свою шпагу для объединенія ихъ родины при содѣйствіи и подѣ протекторатомъ святѣйшаго престола. Пій IX не сумѣлъ воспользоваться выгоднымъ положеніемъ. Нельзя, однако, ручаться, по нашему по крайней мѣрѣ мнѣнію, за то, чтобы Левъ XIII, невзирая на всю свою политическую осторожность и умѣренность, невзирая на время отъ времени появляющіеся слухи о его расположеніи къ примиренію съ нынѣшнимъ главой объединенной Италіи, не подготавливалъ въ настоящую минуту путей,—если не для себя, то для своихъ

*) Часть официально англійской церкви, стремящейся приблизиться къ католической.

преемниковъ,—ведущихъ къ исправленію ошибки сдѣланной Пиемъ IX-мъ въ 1842 г. Ниже мы будемъ имѣть случай подробно коснуться этого. важнаго не только для Италіи, но и для Европы, вопроса и попытаемся доказать, что наше предположеніе не безосновательно. Можетъ статься даже, что и политика Пія IX пошла-бы по иному пути, если-бы Печчи оставался при немъ во время его царствованія. Но Іоакимъ Печчи былъ отозванъ изъ Брюсселя Григоріемъ XVI для занятія архіепископской кафедры въ Перуджіи, гдѣ его присутствіе считалось необходимымъ по разнымъ соображеніямъ. Пій IX, вступивъ на престолъ, не могъ отмѣнить рѣшенія, только-что скончавшагося предѣстника, хотя видимо желалъ имѣть Печчи при себѣ въ качествѣ совѣтника. Въслѣдствіи онъ неоднократно выказывалъ расположеніе призвать Іоакима Печчи ко двору, но мощный, хитрый и завистливый министръ, кардиналъ Антонелли, умѣлъ въ теченіе 32-хъ лѣтъ отклонять папу отъ этого и держать Печчи въ почетномъ изгнаніи. Только послѣ смерти Антонелли, давшаго уже весьма рѣзкое, трудно поправимое и печальное направленіе политикѣ Пія IX, послѣдній назначилъ Іоакима Печчи своимъ камерленго и тѣмъ даже какъ-бы намѣтилъ въ немъ своего преемника.

Какъ-бы то ни было, Печчи, далеко не безплодно для себя и для будущихъ успѣховъ папской политики, провелъ 32 года въ Перуджіи, которую считаетъ и донинѣ своей второй родиной. Въ Перуджіи и во всей Умбріи онъ, какъ архіепископъ, являлся смѣлымъ реформаторомъ. Онъ, разумѣется, заботился объ интересахъ и усиленіи власти католицизма и римскаго престола, но заботился онъ обо всемъ этомъ по новому, постоянно считаясь съ культурными и общественными потребностями своего времени. Такъ, напримѣръ, въ 1849 году, когда прокатился первый громъ революціи, направленной противъ папства и разьединенія итальянскихъ областей, въ гор. Сполетто Печчи устроилъ съѣздъ епископовъ, долженствовавшій опредѣлить образъ дѣйствія духовенства въ виду неотразимаго переворота. Въ адресѣ, представленномъ сполетскимъ съѣздомъ папѣ, выражалось твердое желаніе поддерживать законы, ограждающіе нужды и свободу церкви, но категорически была выяснена необходимость преобразованій, въ духѣ новаго времени, католическихъ учебныхъ заведеній, положенія духовенства, клерикальной прессы и проч.

Еще до назначенія въ Бельгію, во время своего краткаго делегатства. Печчи оставилъ по себѣ весьма добрую память въ Умбріи. И нынче въ такихъ даже городахъ, какъ Миланъ, извѣстныхъ не только либерализмомъ, но и рѣзкимъ радикализмомъ нѣкоторой части своихъ жителей, вновь назначенныхъ архіепископовъ населеніе встрѣчаетъ съ оваціями и торжественной помпой. Нечего, слѣдовательно, удивляться, что вся Умбрія, вообще, и Перуджія въ особенности въ 1846 г. чуть-ли

не по-царски привѣтствовала своего стараго знакомаго — архіепископа. Въѣздъ его былъ весьма торжественный и приемъ задумешный.

Иоакимъ Печчи завѣдывалъ умбрійской епархіей въ теченіе 32 лѣтъ. Печчи получалъ награды, былъ въ 1853 году возведенъ въ званіе кардинала, его дѣянія официально одобрялись, но ко двору онъ не допускался, ибо Антонелли опасался его вліянія на папу. И личная ревность, и опасеніе за политическіе принципы, которыхъ упрямо, вопреки обстоятельствамъ и непреоборимымъ потребностямъ времени, держался умный, но мало просвѣщенный, государственный секретарь, объясняютъ его отношенія къ Печчи. Нынче нѣкоторые писатели, сравнивая направленіе политики Пія IX съ политикой его преемника, признаютъ, что та и другая почти діаметрально противоположны. Въ сущности, это едва-ли такъ: основные принципы и цѣли у обонхъ одни и тѣ-же—усиленіе вліянія католической церкви. Левъ XIII не менѣе Пія IX убѣжденъ въ благодѣтельности для всего человѣчества такого вліянія. Только система дѣйствій того и другого разнятся весьма отчетливо. Эта разница происходитъ отъ воззрѣній того и другого папы на силу церкви въ данный моментъ. Пій IX не допускалъ, что политическія событія и новые пути, по которымъ направилась европейская культура, поколебали вліяніе папства и католицизма на міръ. Онъ вооружилъ противъ Ватикана даже пѣлыя группы преданныхъ церкви, но уважающихъ усѣбхи цивилизаціи, католиковъ. Левъ-же XIII, съ самаго начала своего царствованія, понялъ, что политическая сила католицизма и папы въ данный моментъ являлась ослабленною. Однако, вѣря въ основную несокрушимость церкви, онъ вѣрилъ въ возрожденіе авторитета ея главы. Пользуясь каждымъ благопріятнымъ ему обстоятельствомъ, и, какъ мы увидимъ, въ относительно короткое время, онъ достигъ результатовъ, которыми, несомнѣнно, гордился-бы его предмѣстникъ, просидѣвшій на папскомъ престолѣ болѣе 30 лѣтъ. Насколько въ ошибкахъ этого долгаго царствованія былъ виновенъ самъ Пій IX, насколько его политическій alter ego, Антонелли, не будемъ разбирать — это завело-бы насъ за предѣлы нашего очерка. Отмѣтимъ только, что Пій IX тотчасъ послѣ смерти послѣдняго, приблизилъ къ себѣ Иоакима Печчи, предоставивъ ему новыя вліятельныя должности, возвышавшія его положеніе, какъ-то: званіе верховнаго канцлера римскаго университета, протектора ордена св. Франциска и др. Особенно-же отчетливо выразилось расположеніе, не только личное, но и политическое, такъ сказать, папы къ кардиналу Печчи при назначеніи послѣдняго камерленгомъ. Званіе камерленго едва-ли не самое важное въ средѣ членовъ Sacra Collegio. Камерленго псравляетъ административныя обязанности и пользуется веѣми административными правами папы въ періодъ междуцарствія — отъ момента кончины римскаго первосвященника до избранія новаго. Назначивъ кардинала Печчи

камерленгомъ, Пій IX какъ-бы намѣтилъ въ немъ себѣ преемника тѣмъ даже, что это назначеніе состоялось чуть не наканунѣ кончины стараго папы. Онъ умеръ 7-го февраля 1878 г.

Кардиналъ Печчи, какъ того требуетъ законъ, прежде всего долженъ былъ, въ качествѣ камерленго, лично удостовѣриться, что первосвященникъ дѣйствительно отошелъ въ вѣчность. Для этого камерленго ставъ на колѣни у смертнаго одра, троекратно ударяетъ покойнаго по лбу серебрянымъ молоткомъ, призывая его каждый разъ по имени, данному при крещеніи. Не получая отзыва, камерленго объявляетъ присутствующимъ, что «папы — нѣтъ». И съ этого момента, за исключеніемъ духовныхъ правъ первосвященника, вступаетъ самъ во все права и обязанности, сопряженныя съ папскимъ званіемъ. Конечно, его главные заботы сосредоточиваются на созывѣ конклава, долженствующаго избрать новаго главу католической церкви. Вотъ что говоритъ публицистъ либеральнаго новоитальянскаго лагеря *) о томъ, какъ себя держалъ въ это знаменательное время кардиналъ Печчи: «Сознавая огромную отвѣтственность своего положенія, онъ выказалъ такую энергію и самостоятельную рѣшимость, какой Ватиканъ не видывалъ многіе и многіе годы. Въ первые два дня мѣры, принятыя имъ, навели буквально страхъ на всѣхъ. И прелаты, и кардиналы боялись говорить, боялись двигаться. Зная, что конклаву предшествуетъ обыкновенно цѣлый рядъ непрерывныхъ злоупотребленій, Печчи распорядился такъ, что круто положилъ имъ конецъ. И въ то время, когда въ Ватиканѣ и свѣтскія и духовныя лица были смущены, взволнованы, даже растеряны въ виду конклава, долженствовавшаго открыться при совершенно небывалыхъ условіяхъ, одинъ онъ оставался невозмутимо спокоенъ и неустанно раздавалъ ясныя и точныя приказанія, никогда не задумываясь». Это былъ первый конклавъ послѣ паденія свѣтской власти папы въ Римѣ. Итальянское правительство, какъ подозрѣвали въ Ватиканѣ, имѣло въ виду подчинить его своему влиянію, дабы избраніемъ подходящаго къ измѣнившимся обстоятельствамъ папы покончить съ безпокойнымъ римскимъ вопросомъ. Въ высшихъ сферахъ духовной іерархіи царил интрига и разладъ. Кардинала Печчи большинство не могло не уважать, признавая его заслуги и дарованія, но большинство-же не одобряло его политики и втайнѣ не сочувствовало его суровому отношенію къ «нелегальности» и безнравственности, пустившимъ глубокіе корни въ средѣ католическаго духовенства. Словомъ, обстоятельства были затруднительныя, приходилось дѣйствовать осторожно и вмѣстѣ рѣшительно, немедленно, хотя-бы для охраненія независимости конклава отъ вѣнскихъ и внутреннихъ враговъ.

Печчи искусно провелъ конклавъ между Сциллой и Харибдой. Итальянское правительство осторожными и предусмотрительными мѣрами камер

*) G. B. Ghirardi.

ленго было поставлено въ невозможность вмѣшиваться. Вліяніе остальныхъ державъ легче было устранить, ибо вниманіе всей Европы было тогда отвлечено результатами только-что окончившейся русско-турецкой войны, такъ-что ни одна изъ католическихъ державъ не воспользовалась даже правомъ «*veto*» при избраніи новаго папы.

Конклавъ обставленъ по закону и обычаю такими сложными условіями, что каждый разъ приходится для него устраивать особыя приспособленія въ папскомъ дворцѣ. Въ теченіе 10 дней надъ этими приспособленіями работало болѣе 500 человекъ плотниковъ, столяровъ, каменщиковъ, маляровъ, обойщиковъ и т. д. Было рѣшено, что засѣданія *Sacro Collegio* будутъ происходить въ обширной сикстинской капеллѣ Ватикана, извѣстной знаменитыми *al-freschi* Микель Анджело. Тамъ и были приготовлены богатыя сѣдалища подъ балдахинами для каждого кардинала: фіолетовыя—для кардиналовъ, назначенныхъ только-что скончавшимся папой, зеленыя (всего четыре)—для кардиналовъ предшествующаго царствованія; предъ каждымъ—письменный столъ. Въ совѣщательной-же залѣ устраивается каминъ, въ которомъ сжигаются избирательныя записки кардиналовъ каждый разъ, когда подача голосовъ не приводитъ еще къ избранію новаго папы. Труба изъ камня выводится наружу дворца, такъ-что народъ, толпящійся обыкновенно на площади св. Петра, имѣетъ возможность, видя дымъ въ извѣстные часы дня, знать, что духовнаго главы еще нѣтъ. Иного-же способа освѣдомляться о томъ, что творится на конклавѣ, для лицъ непосредственно въ немъ не участвующихъ, не существуетъ, ибо кардиналы не имѣютъ права во все время засѣданій сообщаться съ внѣшнимъ міромъ. Для нихъ при залѣ засѣданій готовятся комнаты, по три для каждого, въ которыхъ они и живутъ все время со своими секретарями и слугами, также подверженными временному заточенію.

На конклавѣ 1878 года съѣхалось 62 кардинала (изъ общаго числа 65), изъ нихъ 40 итальянскихъ, 7—германскихъ и австрійскихъ, 7—французскихъ, 4—испанскихъ, 2—великобританскихъ и по одному изъ Бельгіи и Португаліи. Конклавъ открылся 18 февраля. Кардиналы изъ залы, въ которой собрались предварительно, прошли въ сикстинскую капеллу между выстроенными шпалерами благородной гвардіи (*Guardia Nobile*) кирасирскаго отряда папы въ живописномъ средневѣковомъ одѣяніи. Каждый солдатъ этой гвардіи кровный старинный аристократъ. Кардиналъ камерленго замыкалъ шествіе, окруженный швейцарской стражей. Въ *Capella Paolina* по обычаю былъ отслуженъ молебенъ Св. Духу, внушеніе котораго призывалось избирателями, и когда былъ пропѣтъ «*Veni Creator*», всѣ постороннія лица были удалены. Главный церемоніймейстеръ папскаго двора, князь Киджи, замкнувъ двери, отдѣляющія помѣщеніе для конклава отъ остальнаго міра, положилъ ключи въ карманъ.

Каждое утро конклавъ начинается обѣдней, послѣ которой приступаетъ къ подачѣ голосовъ записками. Если $\frac{2}{3}$ голосовъ не сгруппировалось около одного имени—записки сжигаются. Въ 4 часа пополудни голосованіе повторяется. И такъ ежедневно до тѣхъ поръ, покуда не образуется надлежащее большинство. Обыкновенно засѣданія длятся нѣсколько дней, а случалось и недѣль. На этотъ-же разъ онъ продолжался только два дня. Утромъ 20 февраля за кардинала Печчи было подано 44 голоса (изъ общаго числа вотировавшихъ—61). По сообщеніямъ, которыя мы заимствуемъ у Gherardi, Печчи, уже при предшествовавшемъ голосованіи, когда за него высказались 38 голосовъ и когда обозначилась неизбѣжность его окончательнаго избранія, былъ весьма взволнованъ: на глазахъ у него навертывались слезы, руки дрожали, онъ выронилъ перо, которое держалъ.

— *Coraggio!*—постарался ободрить его сидѣвшій рядомъ и поднявшій перо французскій кардиналъ Дармэ — здѣсь рѣчь не о васъ лично, а о церкви и о будущности міра.

Печчи не былъ въ силахъ отвѣчать. Передъ третьей подачей голосовъ, несомнѣнно окончательно ему благоприятной, онъ, еще болѣе взволнованный, всталъ и сказалъ:

— Не могу болѣе сдерживать себя; я долженъ обратиться къ *Sacro Collegio*. Боюсь, что произойдетъ непоправимая ошибка. Меня считаютъ весьма ученымъ и мудрымъ. Но я ни то, ни другое. Предполагаютъ, что я обладаю всѣми качествами, необходимыми для папы, и заблуждаются. Вотъ, что я хотѣлъ сказать кардиналамъ.

Послѣ долгихъ убѣжденій было приступлено къ новому голосованію. По мѣрѣ того, какъ при чтеніи избирательныхъ записокъ все чаще и чаще повторялось имя «Печчи», его тревога возрастала. Сначала онъ видимо былъ подавленъ своими думами, потомъ сталъ взволнованъ, безпокоенъ и, наконецъ, почти лишился чувствъ. Кардиналы окружили избранника, онъ трепеталъ, закрывъ лицо руками. Наконецъ, нѣсколько оправившись, на категорическій вопросъ—принимаетъ-ли онъ избраніе или нѣтъ,—словно стряхнувъ съ себя малодушіе, онъ дрожащимъ голосомъ отвѣчалъ, что хотя и считаетъ себя недостойнымъ, но обязанъ подчиниться рѣшенію *Sacro Collegio* и принимаетъ имя Льва XIII.

Въ это мгновеніе, по обычаю, были спущены балдахины надъ всѣми кардинальскими креслами, кромѣ занимаемаго избранникомъ и началось его облаченіе.

По древнему обычаю, еще наканунѣ конклава въ ризницѣ сикстинской капеллы были изготовлены три комплекта папскаго одѣянія, на разный ростъ. Новый папа тотчасъ былъ облаченъ въ то, которое подходило для него, надѣлъ на указательный палець перстень св. Петра (*l'anneau du pêcheur*) и былъ перенесенъ на *Sedia Gestatoria* (троны на

носилахъ) къ алтарю, кардиналы простерлись въ прахъ передъ своимъ новымъ главою и старѣйшій изъ нихъ, дряхлый кардиналъ Катерини, провозгласилъ съ историческаго балкона, высящагося надъ портикомъ собора св. Петра, традиціонную формулу: «*annuntio a Vobis gaudium magnum Habemus Parat*» *) и т. д.; въ тотъ-же моментъ съ Loggia слетѣлъ, какъ требовалъ того церемоніаль, пергаментный листъ, на которомъ были начертаны слова, произнесенныя Катерини.

Левъ XIII былъ избранъ рѣдимъ на конклавахъ большинствомъ голосовъ и это какъ-бы давало право предполагать, что въ будущемъ высшее католическое духовенство будетъ искренно поддерживать его политику и мѣропріятія. Народъ привѣтствовалъ возвѣщеніе объ его избраніи искренними оваціями на площади св. Петра; вечеромъ Римъ, въ особенности затибрскій, гдѣ находится Ватиканъ, былъ иллюминированъ такъ пышно, что злѣйшіе враги папства должны были печатно признать за клерикализмомъ гораздо болѣе распространенности, силы и значенія, чѣмъ они предполагали со дня занятія столицы. Толпа буйнаго плебса попыталась однако разгромить все украшенія и иллюминацію. Въслѣдствіе принятаго клерикальною партіей правила, со времени паденія свѣтской власти папства, силою не противиться злу, буйны сначала дѣлали свое дѣло безпренятственно. Но вскорѣ народъ сталъ выражать негодованіе и достаточно было роты солдатъ, чтобы прекратить безпорядки. Въ остальныхъ городахъ Италіи, особенно тамъ, гдѣ знали о продолжительной дѣятельности кардинала Печчи, какъ архіепископа Перуджини, и средніе и высшіе классы были довольны его избраніемъ. Вообще говоря, повсюду были довольны и либералы, сторонники новаго государственнаго устройства Апеннинскаго полуострова и паллисты, клерикалы, приверженцы старыхъ порядковъ.

Все либеральныя газеты отзывались о новомъ папѣ съ большой похвалой, при чемъ похвалы расточались не только рядовыми публицистами но и видными политическими дѣятелями объединенія, сановниками и министрами итальянскаго короля, депутатами и учеными. Слава новѣйшей итальянской историко-философской литературы, профессоръ и министръ народнаго просвѣщенія, Бонги, присоединилъ свой голосъ къ привѣтственному хору, такъ-же, какъ и Ратацци, ревностный приверженецъ обновленія Италіи, сподвижникъ короля-объединителя. Ратацци признаетъ въ шлеме (напечатанномъ имъ въ *Gazzeta d'Italia*), что Левъ XIII человекъ мудрый, благоразумный и неподкупно честный (въ обширномъ смыслѣ этого слова), честный до того, «что онъ внушаетъ дѣтелямъ нашего (т. е. ново-итальянскаго) правительства непроборимый страхъ. Его преданность святѣйшему престолу—

*) «Извѣщаю вамъ великую радость.—мы пѣвемъ папу» и т.

безгранична, его рѣшимость—весьма энергична. его стойкость—непоколебима, даже упряма. У него нѣтъ почти никакихъ слабостей. Нельзя не признать въ немъ духовное лицо, достойное всякаго уваженія, даже восхищенія, человѣка великой политической прозорливости и къ тому-же весьма просвѣщеннаго ученаго...»

II.

Политическая дѣятельность папы Льва XIII началась съ самаго дня его избранія. Характеръ, цѣли и программа этой дѣятельности не могла удивить тѣхъ, кто былъ ранѣе знакомъ съ образомъ мыслей Іоакима Печчи. За все время пребыванія въ Перуджии онъ, правда, не принималъ участія въ политическихъ и административно-церковныхъ дѣяніяхъ Ватикана, но при управленіи своей епархіей руководился совершенно самостоятельными воззрѣніями. Свои же досуги онъ и тогда посвящала сочиненію пастырскихъ посланій, наставленій, издавая книги, брошюры и т. д. Съ 1857 года онъ издалъ нѣсколько сочиненій, въ которыхъ отчетливо намѣчены его воззрѣнія на отношенія папства и католической церкви къ современной Европѣ *). Всѣ его политическія мѣропріятія, какъ папы, представляютъ практическое развитіе идей, изложенныхъ въ этихъ работахъ; всѣ его многочисленныя и обширныя энциклики, написанныя за 17 лѣтъ царствованія, захватывающія основные, политическіе, общественные и культурные вопросы, которые занимаютъ нынѣ современную Европу, представляютъ развитіе теорій, изложенныхъ въ прежнихъ писаніяхъ. Его дипломатическіе и политическіе приемы, его личныя отношенія и образъ жизни, какъ папы, тоже могли быть предугаданы.

Надежды *непримиримыхъ* клерикаловъ, что онъ, сдѣлавшись первосвященникомъ, подчинится ихъ вліянію и пойдетъ по стопамъ Пія IX. такъ-же мало оправдались, какъ и надежды организаторовъ новой Италии на то, что онъ примирится съ лишеніемъ свѣтской власти. Левъ XIII не любитъ подчиняться лично чьему-либо вліянію, не любитъ даже, чтобы его въ этомъ подозрѣвали. Его характеръ твердъ по природѣ. Его убѣжденія стойки, они вырабатывались въ теченіе десятковъ лѣтъ и глубоко обдумывались; увѣренность его въ самомъ себѣ велика, отчасти уже потому, что почти всѣ мѣропріятія его увѣнчивались успѣхомъ. Политическое и даже духовное наслѣдіе, завѣщанное Піемъ IX-мъ, было весьма тернистое. Отношенія къ итальянскому правительству, занявшему въ 1870 году Римъ и предоставившему папѣ только Ватиканъ.

*) Главнѣйшія изъ этихъ произведеній суть: а) *Свѣтская власть папы*; б) *Прерогативы католической церкви*; в) *Римскій первосвященникъ*; г) *Католическая церковь въ XIX вѣкѣ*; д) *Церковь и цивилизація*; е) *Распространенныя заблужденія на счетъ церкви*; ж) *Борьба христіанства*; з) *Гражданскій бракъ*; и) *Злоупотребленіе магнетизмомъ* и др.

въ которомъ, по мнѣнію большей части массы итальянскаго населенія, святой отецъ живеть настоящимъ узникомъ, были обострены, возбуждали ежедневно новыя заботы, усложненія и опасенія. Въ Германіи Kulturkampf, руководимый самимъ Бисмаркомъ, былъ въ полномъ разгарѣ. Миниатюрная Швейцарія съ такой-же энергіей, какъ и Бисмаркъ и въ томъ-же направленіи вела борьбу съ римскою куріей. Въ Бельгіи либеральное министерство подготовляло законъ о полной секуляризаціи народнаго образованія и другія, враждебныя вліянію католическаго духовенства мѣропріятія. Послѣ крупныхъ несогласій съ Ватиканомъ, Россія въ 1877 г. прервала дипломатическія сношенія съ папой. Восточныя и армянскія церкви, признававшія видимаго главу церкви—папу, грозили отпаденіемъ. Во Франціи орденъ іезуитовъ былъ только что подвергнутъ остракизму; Гамбетта и Жюль Ферри проводили законы, подобныя бельгійскимъ и прусскимъ, цѣль которыхъ была изъять юношество, даже готовящееся къ духовному званію, изъ рукъ католическихъ патеровъ; назрѣвалъ, ненавистный Ватикану, законъ о гражданскомъ бракѣ и т. д. Англичане видѣли въ римскою курію виновника и подстрекателя нрландскаго революціоннаго движенія.

Словомъ—почти всюду на римскую церковь и ея первосвященника смотрѣли, какъ на враговъ прогресса, просвѣщенія и даже правительства. Въ самихъ католическихъ сферахъ и парламентскихъ партіяхъ царило опасное разногласіе между клерикалами, доходившее до явныхъ раздоровъ.

Вотъ въ какомъ видѣ получилъ Левъ XIII наслѣдіе Св. Петра. Какія выгоды онъ сумѣлъ постепенно извлечь изъ всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ—мы увидимъ въ своемъ мѣстѣ; покуда отмѣтимъ его первые шаги на политическомъ поприщѣ.

Первымъ актомъ собравшагося послѣ смерти Пія IX конклава было составленіе протеста противъ занятія Рима итальянскимъ правительствомъ, противъ всѣхъ законовъ и распоряженій послѣдняго, клонящихся къ ограниченію вѣковой политической самостоятельности римскаго первосвященника и его свѣтской власти. Этотъ документъ, резюмировавшій и подтверждавшій политику покойнаго папы, былъ написанъ ранѣе, чѣмъ кардиналы приступили къ выборамъ новаго, и тотчасъ-же сообщенъ дипломатическимъ представителямъ Ватикана при тѣхъ правительствахъ, которыя еще поддерживали официальные сношенія съ куріей. Левъ XIII въ день избранія подтвердилъ тѣмъ же дипломатическимъ путемъ этотъ протестъ кардиналовъ. Одновременно съ этимъ однако въ Римѣ распространился слухъ, будто-бы вновь избранный папа намѣренъ, какъ и всѣ его предшественники, не считавшіе себя узниками, торжественно показаться народу съ исторической Лоджіа *) собора Св. Петра и дать оттуда

*) Большой центральный балконъ надъ церковной папертью.

свое пастьрское благословеніе христіанскому міру. Слухъ этотъ имѣлъ основаніе. Въ Ватиканѣ и соборѣ дѣлались приспособленія къ торжеству и имѣющей вслѣдъ за нимъ совершиться всенародно коронаціи. Однако приготовленія не были доведены до конца; Левъ XIII отменилъ свое намѣреніе; обѣ церемоніи имѣли мѣсто внутри собора, хотя и совершились весьма торжественно, пышно. при огромномъ стеченіи всѣхъ классовъ населенія, привѣтствовавшаго новаго первосвященника.

Съ 1870 г., съ тѣхъ поръ, когда итальянцы заняли вѣчный городъ, пословица, гласящая, что нельзя быть въ Римѣ, не видавъ папы, конечно не имѣетъ смысла, ибо папа не выѣзжаетъ, не выходитъ за предѣлы своихъ, относительно обширныхъ для городской резиденціи, ватиканскихъ владѣній. Однако доступъ къ нему для иностранцевъ всѣхъ вѣроисповѣданій, а также итальянцевъ, не заявившихъ явно своихъ враждебныхъ католической церкви взглядовъ, не затруднителенъ. Для того, чтобы представиться папѣ, не надо никакихъ особыхъ рекомендацій, даже паспорта можно не вынимать изъ своего чемодана. Достаточно лично—непремѣнно лично—зайти въ канцелярію камергеро-церемоніймейстера папскаго двора и заявить о своемъ желаніи. Чиноупки—патеры примуть васъ любезно, мягко; запишутъ адресъ, имя и проч. Несомнѣнно о васъ наведутъ потомъ справки. Папская, неофициальная полиція въ Римѣ едва-ли не искуснѣе и прозорливѣе королевско-итальянской, которая неофициально приставлена наблюдать за тѣмъ, что дѣлается въ Ватиканѣ. Если вы не окажетесь, напримѣръ, Зола, написавшимъ «Лурдъ», или г. Des Noix, черезчуръ откровеннымъ писателемъ,—хотя и папистомъ, то вы вскорѣ получите извѣщеніе, когда именно будете приняты его святѣйшествомъ. Въ началѣ своего царствованія, когда Левъ XIII былъ крѣпче здоровѣе и не установились еще многочисленныя, почти ежегодно, со всѣхъ концовъ свѣта стекающіяся по разнымъ поводамъ паломничества, приемы имѣли мѣсто почти каждую недѣлю. Мужчины, представляются папѣ обязательно облеченные въ черный фракъ, женщины въ черное платье съ чернымъ вуалемъ на головѣ. Шляпки и чепчики, перчатки и золотыя украшенія безусловно не допускаются. При Пии IX приемы носили довольно торжественный характеръ. Папа появлялся окруженный блестящей свитой, требовалъ, чтобы всѣ посѣтители, которыхъ иногда скопляется нѣсколько сотъ, становились на колѣни, обходилъ ихъ ряды, правда ласково улыбаясь, но большею частью молча, рѣдко съ кѣмъ заговаривалъ, а удаляясь, давалъ только общее благословеніе. Его преемникъ поступаетъ проще. Левъ XIII не требуетъ колѣнопреклоненій, — особенно отъ иновѣрцевъ, — не даетъ цѣловать своей руки лицамъ, не выказывающимъ къ тому желанія, и никому не навязываетъ оптоваго или личнаго благословенія. Одна знакомая намъ лютеранка, принадлежащая къ высшему дрезденскому

обществу, только изъ любопытства посѣтившая папу въ Римѣ, почувствовала нѣкоторую неловкость, когда всѣ ея сосѣди получили благословеніе. Она сначала по принципу хотѣла было отъ него уклониться, но рѣшивъ, что это было-бы невѣжливо, опустилаь таки на колѣни и обратилась къ папѣ:

— Ваше святѣйшество, сказала она,—я сама лютеранка, но у меня есть большой другъ, родственница—католичка, она будетъ весьма осчастливлена, если вамъ будетъ угодно черезъ мое посредство дать ей ваше благословеніе.

Папа улыбнулся и исполнилъ просьбу еретички.

Левъ XIII говорить почти со всѣми, кто ему представляется, и съ тѣми, кто его интересуеть въ какомъ либо отношеніи, даже заговаривается относительно подолгу. Левъ XIII хорошаго, пожалуй высокаго роста и для своихъ лѣтъ онъ держится прямо, даже стройно. У него красивый складъ головы, широкій и высокій лобъ; блѣдное лицо, какъ и вся его фигура, весьма худощаво. Слишкомъ удлинившійся отъ худобы носъ и слишкомъ большой, съ довольно тонкими губами, ротъ придаютъ нѣсколько острое выраженіе всей его фізіономіи, но этотъ недостатокъ искупается взглядомъ рѣдко встрѣчающихся красивыхъ темныхъ глазъ. Странно, но мнѣ эти глаза, своей юношеской свѣжестью взгляда и даже юношеской, глубокотемной окраской, напоминали всегда глаза покойнаго Гарябальди.

Голосъ у него пріятный, не громкій, но твердый (когда онъ не утомленъ), почти глубокій; интонація чисто итальянская, гибкая, выразительная, когда онъ чутьчку позволяетъ себѣ увлечься разговоромъ. Онъ красиво, аристократически жестикулируетъ изящными руками, съ тонкими длинными пальцами.

Правильно организованныя паломничества, какъ изъ разныхъ итальянскихъ провинцій, такъ и изъ иноземныхъ католическихъ странъ, стали на поклонъ къ папѣ стекаться около половины 80-хъ годовъ. Вначалѣ ихъ пріемы еще не имѣли того пышнаго характера, который привился впоследствии во время юбилейныхъ празднествъ.

Вотъ въ краткихъ словахъ описаніе видѣннаго нами въ этотъ начальный періодъ паломничества.

Представлялись тогда довольно многочисленныя группы богомольцевъ (мужчинъ, женщинъ, патеровъ—помнится женщины и патеры преобладали), прибывшія изъ сѣверо-итальянскихъ провинцій. Всѣ были введены въ одну изъ залъ, извѣстныхъ подъ названіемъ галлерей Рафаэля (*Loggia di Raffaele*). Посѣтители были въ порядкѣ, шеренгами сгруппированы по провинціямъ; почти каждая группа имѣла свою хоругвь, вышитую руками благочестивыхъ панистовъ. Папскіе придворные, палатинскіе гвардейцы, швейцарскіе солдаты декоративно украшали своимъ присутствіемъ

залу. Въ 10 часовъ было возвѣщено, что святой отецъ вышелъ изъ своихъ апартаментовъ. Водворилась мертвая тишина. Черезъ нѣсколько минутъ появилась бѣлая, стройная фигура Льва XIII. Въ глубинѣ залы на фонѣ громаднаго темно-пунцоваго гобелена, казалось обрисовалось какое-то видѣніе: тонкая изящная фигура первосвященника въ бѣло-снѣжной одеждѣ возсѣдала на огромномъ золоченомъ креслѣ, украшенномъ художественной рѣзбой. Блѣдныя губы папы слабо улыбались, правая рука время отъ времени подымалась и благословляла. Правая нога, выдвинутая чутьчку впередъ, обута въ священную, вышитую жемчугомъ туфлю, покоилась на высокой подушкѣ. Вокругъ стояли полукругомъ кардиналы, епископы, прелаты, придворные, въ длинныхъ духовныхъ одѣяніяхъ, съ торжественно-серьезными лицами, съ сосредоточенными взглядами.

Началось поклоненіе. Группа за группой, шеренгами, богомольцы потянулись къ папскому сѣдалищу. Навстрѣчу каждой группѣ выступалъ изъ свиты, окружавшей тронъ, архіепископъ или епископъ соответствующей провинціи и представлялъ паломниковъ папѣ. Богомольцы падали на колѣни, одинъ за другимъ прикладывались къ священной туфлѣ, принимали папское благословеніе. Со многими св. отецъ разговаривалъ. Всѣ были, очевидно, глубоко умилены, многіе—до слезъ.

Подобныя приемы внушительны, но они все-таки носятъ характеръ почти домашній и блѣднѣютъ передъ появленіемъ папы «во славу» во время особенно торжественныхъ празднествъ, юбилейныхъ или церковныхъ, въ Соборѣ св. Петра или въ тронныхъ залахъ. Не сотни, а десятки тысячъ народа,—народа въ обширномъ значеніи этого слова—и плебеевъ и патриціевъ, «вѣрующихъ въ папу»,—собираются на эти церемоніи, и папа, появляющійся во славу, со своимъ символическимъ тройственнымъ вѣнцомъ на головѣ, окруженный духовенствомъ, войскомъ, гражданскими властями, всегда поражалъ, поражаетъ и, вѣроятно, долго еще будетъ поражать воображеніе вѣрующихъ.

Сначала обыкновенно идетъ или стоитъ шпалерами блестящая палатинская гвардія, старѣйшая и живописнѣйшая въ Европѣ гвардія, какъ бы прямой потомокъ тѣлохранителей римскихъ цезарей и цезарскаго палатина; за ней идетъ *Guardia Nobile*, кирасиры, патриціи современной Италіи, между которыми вы увидите князей Колонна, Орсини, Руффо и т. д. Далѣе отрядъ швейцарскихъ солдатъ въ средневѣковыхъ костюмахъ и современныхъ каскахъ. Потомъ слѣдуютъ гражданскія власти папы, прелаты, въ длинныхъ сутанахъ, въ мантияхъ съ переливающимся золотымъ шитьемъ шлейфами, въ черныхъ кружевныхъ ротондахъ; князья Рима (обязанные папамъ возвышеніемъ) въ горностаевыхъ мантияхъ; сотни духовныхъ лицъ, генералы католическихъ монашескихъ орденовъ, въ присвоенныхъ каждому облаченіяхъ; аббаты и нештатные

епископы въ серебряныхъ митрахъ, съ окаймленными золотой бахромой накидками на плечахъ; архіепископы, епископы и патріархи униатизированныхъ восточныхъ церквей, въ одеждахъ древневизантійскихъ и александрійскихъ патріарховъ. Потомъ движется длинный пурпурный рядъ кардиналовъ, каждый въ особой накидкѣ, смотря по занимаемой должности, на нѣкоторыхъ бѣлые, шитые золотомъ доломаны, на другихъ накидки изъ серебряной и золотой парчи. Каждый кардиналъ окруженъ своей свитой: лиловыми и сиреневыми фигурами бритыхъ патеровъ, десятками млотовидныхъ мальчиковъ и отроковъ въ цвѣтныхъ подрясникахъ съ кружевами на плечахъ.

Наконецъ, знаменитая *Seddia Gestatoria*—тронныя носилки. А на *Seddia Gestatoria* самъ папа. Тутъ все—золото, слоновая кость, драгоценные камни, парча, тончайшая художественная работа. Кругомъ столько свѣту и блеска, что трудно уяснить себѣ, гдѣ кончается тронъ, гдѣ начинается самъ папа. Голова его увѣнчана тиарой, высокой конусообразной тройственной короной. Изъ-подъ золота носилокъ мелькаютъ малиновые ноги носильщиковъ; кругомъ *Seddia* идутъ флабеллы въ длинныхъ одѣяніяхъ, напоминающихъ фигуры ассирійскихъ барельефовъ, открытых лордомъ Лейярдомъ. Въ рукахъ у нихъ огромныя круглыя малиновыя опахала изъ страусовыхъ перьевъ. Въ лѣвой рукѣ первосвященникъ держитъ золотой посохъ въ видѣ латинскаго креста, весьма изящной работы; правая рука не перестаетъ благословлять благоговѣнно коленнопреклоненную толпу.

Добавьте ко всей этой пышности колоссально величавую, но тонкоэстетическую декорацію собора св. Петра или залъ Ватикана, украшенный альфресками Рафаэля и статуями Микель Анджело, дивную музыку, пѣніе, фиміамъ—и вы поймете, какъ могущественно дѣйствуетъ на толпу видѣніе папы во славу.

Въ Ватиканѣ папа живетъ уединенно, занимая довольно скромные апартаменты и дорожа доступнымъ въ его положеніи уединеніемъ. Встаетъ Левъ XIII и зимой и лѣтомъ въ 6 часовъ утра. Послѣ краткой литургіи, которую совершаетъ самъ въ маленькой домашней церкви, онъ выпиваетъ чашку шоколада, съѣдаетъ два яйца въ смятку и принимается за работу. Первая половина дня, до ранняго обѣда, посвящается по преимуществу государственнымъ дѣламъ. Сначала онъ работаетъ со своимъ государственнымъ секретаремъ, который сообщаетъ ему донесенія, полученныя отъ нунціевъ, делегатовъ, архіепископовъ, представляетъ проекты разныхъ депешъ, нотъ, распоряженій и проч. Все это папа самъ просматриваетъ, обсуждаетъ, исправляетъ; ничего не подписываетъ, не прочитавъ и не вникнувъ тщательно. Послѣ государственнаго секретаря являются съ докладомъ, въ назначенные дни, начальники различныхъ самостоятельныхъ учрежденій Ватикана. Какъ ни сузились съ 1870 г.

владѣнія папы, они доселѣ представляютъ цѣлое государство въ государствѣ. Кромѣ Eminentissimo Cardinale Segretario di Stato (должность нынѣ занимаемая кардиналомъ Рампола), есть множество начальниковъ отдѣльныхъ частей: министры внутреннихъ дѣлъ, финансовъ, земледѣлія и промышленности и общественныхъ работъ, есть нѣчто въ родѣ военнаго министра ministro delle armi. Последнее званіе принадлежитъ главнокомандующему папскимъ войскомъ. Папскѣ войско однако послѣ 1870 г. подверглось значительнымъ сокращеніямъ: распущены инженерскій и интендантскій корпуса, а также волонтеры первосвященника, карабинеры, линейная пѣхота и чины папскаго флота. Впрочемъ служившіе въ этихъ частяхъ не уволены еще въ чистую отставку, а только въ безрочный отпускъ и обязаны явиться по первому призыву. Настоящая, доннынѣ существующая *Armata Pontifica* конечно отличается болѣе блестящими внушительно-декоративными мундирами и многочисленностью офицеровъ, даже генераловъ, чѣмъ количествомъ нижнихъ чиновъ. Въ составъ этого войска входятъ 100 съ небольшимъ человекъ швейцарской гвардіи, 300 человекъ дворцовой гвардіи (Palatina), около 50 жандармовъ и нѣсколько артиллеристовъ, состоящихъ при двухъ полевыхъ батареяхъ. Кромѣ наемнаго войска при римскомъ первосвященникѣ состоитъ Guardia Nobile, войско почетное, организованное въ старину, въ эпоху самаго пышнаго расцвѣта папства. Многія учрежденія папскаго государства весьма ветхи; есть такія, которыя будучи созданы еще Сикстомъ V доселѣ руководятся утвержденнымъ имъ регламентомъ. Затѣмъ есть суды, совѣтъ юстиціи — La Rote. La Rote состоитъ изъ 12 кардиналовъ, которые называются *черными кардиналами*, ибо только эти кардиналы носятъ черный трауръ въ случаѣ кончины папы. Между прочимъ существуетъ обветшавшая должность *распространителя католической вѣры*, еще въ средніе вѣка прозваннаго остряками *чертовымъ адвокатомъ* avvocato del Diavolo *).

При всѣхъ учрежденіяхъ состоитъ множество служащихъ: кардиналовъ и патеровъ, римскихъ патриціевъ и разнородныхъ плебеевъ. Но большинство этихъ чиновъ ничего не дѣлаютъ, ибо дѣлъ нѣтъ; самый внутренній смыслъ учрежденій давно утратился. Должности—настоящія спякуры, нерѣдко наследственныя, часто благотворительныя. Вся средневѣковая бюрократическая машина поддерживается нынѣ съ политической цѣлью и то отрицательной: уничтоженіе ея вызвало-бы множество неудобствъ, неудовольствій, личныхъ раздраженій, опасныхъ для идейной, существенной стороны дѣла. Левъ XIII конечно мало интересуется ненужнымъ; однако часть его времени уходитъ на заботы о поддержаніи эфемернаго существованія ненужностей. Даже смотры войску приходится

*) Mettere al lindice.

раза два въ годъ производить. Тогда папа, окруженный своимъ дворомъ, садится на террасѣ, выходящей на обширную площадь внутренняго двора; его генераль-главнокомандующій проводитъ передъ нимъ войска церемониальнымъ маршемъ; артиллерійская пальба сливается съ колокольнымъ звономъ, и на солдатское «*Evviva il Papa!*» первосвященникъ отвѣчаетъ пастырскимъ благословеніемъ.

Дѣлами серьезными, касающимися дипломатическихъ сношеній, распространіянія католической вѣры, пропаганды излюбленныхъ идей, реформъ, клонящихся къ возвышенію нравственнаго уровня духовенства, Левъ XIII, конечно, занимается весьма усердно. По окончаніи работъ церковно-государственныхъ, онъ просматриваетъ корреспонденцію. Писемъ получается много и весьма разнообразнаго содержанія. Кто проситъ папу помочь въ нуждѣ, кто шлетъ лепту св. Петра; кто излагаетъ отчеты о разныхъ папа и Богу угодныхъ мѣропріятіяхъ; многіе испрашиваютъ благословенія. Въ послѣднемъ случаѣ къ письмамъ прилагаются платки, ленты, перчатки, кольца, повязки, предназначенныя для наложенія на страждущихъ. Намъ рассказывали одинъ изъ приближенныхъ Льва XIII, что однажды послѣдній получилъ письмо отъ какой-то молодой женщины съ приложеніемъ платка, который она умолила благословить для наложенія его «на сердце, одержимое преступною страстью, отвращающей ее отъ святой католической церкви». Телеграммы, испрашивающія благословеніе для умирающихъ *in articulo mortis*, принимаются папой во всякое время дня и ночи и на нихъ тотчасъ-же посылаются отвѣты, при чемъ первосвященникъ добросовѣстно произноситъ краткую молитву.

Въ часъ пополудни папа обѣдаетъ. Пій IX ѣлъ много, сладко, любилъ приглашать къ столу пріятныхъ собесѣдниковъ. Расходы на столъ его самого и двора не считались даже. Левъ XIII отдѣлилъ кухню для придворныхъ отъ своей собственной и самъ ведетъ свое хозяйство помѣщански. Съ вечера заказываетъ онъ себѣ обѣдъ для слѣдующаго дня. Его поварь, въ сопровожденіи кухоннаго мальчика съ корзиной, каждое утро отправляется закупать провизію на рынокъ. Въ часъ папѣ подають обѣдъ. Впрочемъ, къ великому огорченію повара, онъ часто, увлекшись работой, опаздываетъ къ столу. Кушаетъ и пьетъ онъ весьма умѣренно. Послѣ обѣда онъ иногда часокъ отдыхаетъ, въ прохладное время года катается и гуляетъ по ватиканскимъ садамъ, остальное-же время дня посвящаетъ опять работѣ, чтенію; онъ слѣдитъ за главнѣйшими отраслями европейской литературы и руководящими общественное мнѣніе журналами. Ультрамонтанскіе клерикальные журналы всѣхъ отѣнковъ присылаются ему, по его официальному повелѣнію, всѣ до единого. Вечеромъ-же, по преимуществу, онъ готовится и пишетъ свои энциклики; а въ часы пріятнаго досуга охотно бесѣдуетъ съ музами, подругами его юности. Онъ доселѣ пишетъ латинскіе стихи и, по отзывамъ компетент-

ныхъ лицъ, весьма недурные стихи, какъ по формѣ, такъ и по содержанию.

По природѣ Левъ XIII человекъ общительный; онъ любитъ поговорить и умѣетъ говорить интересно: и умъ у него крупный, и знанія много, и логика выдрессирована, да и память феноменальная. Онъ увлекаетъ всѣхъ слушателей, когда самъ увлекается. Когда онъ разговорится о чемъ-либо, живо его интересующемъ, то и до сихъ поръ, невзирая на свою старость и слабость, оживляется чрезвычайно. Голосъ, обыкновенно слабый, становится звученъ, рѣчь образна, жесты красивыхъ рукъ размашисты, лицо оживляется, глаза блестятъ. Эта способность быть, когда онъ себя позволяетъ, увлекательнымъ, почти беззавѣтно-искреннимъ, при стойкости его принциповъ и идеаловъ, много содѣйствовала привлеченію къ нему сердцецъ людей, его окружающихъ. Однако вѣроятно именно потому, что самъ способенъ къ увлеченію, онъ, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ папой, избѣгаетъ разговоровъ и бесѣдъ внѣ официальныхъ пріемовъ. Кромѣ того, несомнѣнно, что вспышки увлеченія, нынче, когда его силы слабѣютъ, а заботы усиливаются изо дня въ день, изрядно его утомляютъ. Послѣ нихъ почти всегда наступаетъ реакція.

Самое близкое и въ домашнихъ, такъ сказать, дѣлахъ самое вліятельное лицо при папѣ—его камердинеръ, Піо Кроче, возведенный въ званіе тайнаго камергера. Это типъ старинныхъ слугъ, съ дѣтства преданныхъ семье своего барина. Кроче почти однихъ лѣтъ со Львомъ XIII и служить ему съ тѣхъ поръ, какъ Іоаннима Печчи помѣстили въ витербскую коллегію. Онъ еще тогда предсказывалъ возвышеніе своего барина, а слѣдовательно и свое. Какъ никто онъ знаетъ интимную жизнь, личныя заботы и нравъ владыки католическаго міра. Говорятъ даже, что одному ему извѣстны до тонкости личныя денежныя дѣла папы, его распоряженія на случай смерти, что Кроче-же хранить ключи отъ сундуковъ съ золотомъ, которые (по стереотипнымъ рассказамъ, блуждающимъ въ Италіи) св. отецъ держитъ въ своей спальнѣ. Нѣкоторые говорятъ, даже подъ кроватью. Поводъ къ этимъ слухамъ подаютъ конечно съ одной стороны убѣжденіе весьма распространенное, что папы и цари всегда какъ сыръ въ маслѣ катаются въ золотѣ, а съ другой скромная личная обстановка Льва XIII, наводящая на мысль о скудости и объ огромныхъ сбереженіяхъ.

Черезъ руки папы дѣйствительно проходитъ много денегъ въ видѣ лепты св. Петра, которую ему шлютъ со всѣхъ концовъ свѣта и подносятъ лично черезъ посредство паломниковъ, прибывающихъ въ Римъ. Въ царствованіе Льва XIII паломничества, юбилеи, привлекающіе въ Ватиканъ преданныхъ католиковъ, имѣютъ мѣсто гораздо чаще, чѣмъ при его ближайшихъ предшественникахъ. Никто не является съ пустыми руками. Лепта лично папѣ подносится непременно золотомъ въ шкатулочкахъ,

и Левъ XIII при представленіяхъ не торжественныхъ просто беретъ такую шкатулочку и уноситъ въ свой кабинетъ или въ спальню, что и даетъ поводъ даже самымъ чистосердечнымъ папистамъ предполагать, что онъ имѣетъ право и пользуется лично для себя и для своихъ родственниковъ золотомъ, которое насыпано въ шкатулочки.

Но дѣло обстоитъ иначе. Какъ ни часты случаи поднесенія лепты, сама лепта св. Петра, т. е. главный, почти единственный доходъ Ватикана, за послѣдніе годы въ общемъ значительно понизилась. Доходъ этотъ главнымъ образомъ составляется изъ пожертвованій, болѣе или менѣе определенныхъ, стекающихся изъ различныхъ частей свѣта къ мѣстнымъ представителямъ папы. Послѣдніе-же пересылаютъ его въ Римъ. Эти, болѣе или менѣе упорядоченныя пожертвованія во многихъ мѣстностяхъ умаляются настолько, что усиленіе пожертвованій черезъ посредство паломничества не уравновѣшиваетъ уменьшенія. Настоящій папа издерживаетъ на себя и свой дворъ гораздо менѣе, чѣмъ издерживалъ его предшественникъ; бюджетъ содержанія Ватикана имъ сокращенъ насколько возможно. Мы видѣли выше, сколько въ Ватиканѣ, этомъ государствѣ въ государствѣ, бесполезныхъ, отжившихъ учрежденій и вѣдомствъ. Уничтоженіе ихъ было-бы опасно, ибо успило-бы разъединеніе ватиканскихъ партій въ направленіи, враждебномъ перуджинской, руководимой самимъ папой и наиболѣе просвѣщенной группѣ. Съ этими омертвѣлыми учрежденіями приходится считаться. Правда, Левъ XIII и тутъ внесъ возможную бережливость, но образовавшаяся экономія съ избыткомъ уходитъ на удовлетвореніе нѣкоторыхъ расходовъ практическихъ и неминусомо требовавшихъ увеличенія. Самъ Ватиканъ, его галереи, бібліотеки, архивы поглощаютъ на свое поддержаніе весьма крупныя суммы. Это дворецъ, съ которымъ даже по размѣрамъ можетъ соперничать только Зимній дворецъ въ Петербургѣ. Во дворцѣ 4,422 зала обширныхъ покоевъ, величавыхъ галерей и лоджій; кромѣ того, множество домашнихъ капеллъ, церквей, разныхъ кладовыхъ и антресолей и т. д. Все это требуетъ для поддержки большихъ суммъ, все это при Левѣ XIII содержится въ порядкѣ, экономно, но прилично. И все таки не Ватиканъ, его дворъ и соборъ св. Петра составляютъ главную расходную статью папскаго бюджета, и даже не содержаніе дипломатическихъ нунціатуръ и духовенства, раскиданныхъ по всему лицу земного шара. Главныя заботы папы, какъ мы знаемъ, сосредоточиваются на распространеніи католичества, на воссоединеніи церковей греко-россійской, англиканской и т. д. Конгрессы, юбилейныя торжества, выставки и гостепріимныя приемы паломниковъ въ Ватиканѣ, все это направлено къ главной цѣли и все это стоитъ огромныхъ денегъ.

Словомъ, расходы курій при Левѣ XIII, если не умножились, то и не уменьшились, доходы-же во всякомъ случаѣ не возросли. Средства, къ

которымъ прежніе папы, какъ и вообще католическіе прелаты и патеры, прибѣгали для приумноженія своихъ капиталовъ, суть биржевые обороты. Левъ XIII тоже не сумѣлъ изыскать иного способа. Лента св. Петра подносится пока всегда, какъ сказано, золотыми монетами; при неустойчивѣ итальянскихъ финансовъ, въ Италіи, несмотря на узаконенный обязательный размѣнъ кредитныхъ билетовъ золотомъ, на этотъ металлъ существуетъ довольно высокій лажъ, доходящій иногда до 12 и болѣе процентовъ. Папа этимъ лажемъ пользовался тщательно; и затѣмъ значительную часть преувеличеннаго такимъ образомъ капитала пускалъ въ оборотъ на биржѣ. Этими оборотами непосредственно завѣдывали нѣкоторые изъ его приближенныхъ, въ особенности церемоніймейстеръ монсиньоръ Маццоллини, оберъ-линейдеръ Стербиніо, по своей придворной обязанности присутствующій при трапезѣ святѣйшаго отца и бесѣдующій съ нимъ въ это время съ глаза на глазъ о финансовыхъ дѣлахъ.

Колоссальные банковые крахи и скандалы, обнаружившіеся въ Италіи за послѣдніе два года, нанесли изрядный изъяснъ доходамъ Ватикана, но благодаря тонкому чутью и прозорливости его агентовъ, лента св. Петра пострадала менѣе, нежели остальные капиталисты, и даже менѣе чѣмъ самое итальянское правительство. Но все-таки Ватикану за послѣдніе два года приходится искать иныхъ спекулятивныхъ путей; въ самой-же Италіи—довольствоваться менѣе, чѣмъ прежде, выгодными, зато менѣе рискованными оборотами.

Почти одновременно съ ущербомъ, понесеннымъ отъ саморазоренія итальянскихъ банковъ, ватиканскіе капиталы пострадали и отъ небрежности или злоупотребленія лицъ, непосредственно завѣдывавшихъ кассой ленты св. Петра. Главнымъ виновникомъ обыкновенно считаютъ монсиньора Фальки, удаленнаго папой отъ должности казначея. Трудно выяснить, былъ-ли виноватъ Фальки только въ небрежности, или въ корыстолюбіи. Несомнѣнно, однако, что часть ватиканскихъ суммъ была израсходована имъ неправильно, хотя и не своекорыстно. По его весьма правдоподобному объясненію, онъ не имѣлъ духу не давать деньги заимообразно нѣкоторымъ аристократамъ папштамъ, которыхъ банковые разгрома поставили, временно, въ весьма затруднительное положеніе.

Кстати замѣтить, что Левъ XIII пользуется иногда нѣкоторыми привилегіями, предоставленными ему въ денежномъ отношеніи, извѣстными «Закономъ о гарантіяхъ», но только не для своихъ личныхъ выгодъ. Такъ, напримѣръ, въ 1887 году скончался одинъ изъ его любимцевъ, монсиньоръ Катаaldi. Вскрытіе его завѣщанія вызвало-было оскорбительные для Льва XIII толки. У Катаaldi остались родственники, живущіе почти въ нуждѣ, а между тѣмъ все его крупное имущество оказалось завѣщаннымъ папѣ, и папа не отказался ни отъ одного гроша въ пользу бѣдняковъ, прямыхъ наследниковъ. «Какая аччность и без-

сердечіе!» восклицали антипаписты, не зная, что папа, вступивъ во владѣніе наслѣдствомъ, подарилъ его родственникамъ покойнаго и что завѣщаніе было, по его совѣту, написано въ виду ихъ-же выгодъ, ибо по закону о папскихъ гарантіяхъ римскіе первосвященники не платятъ пошлинъ ни съ наслѣдствъ, ни съ дара. Будь-же завѣщаніе написано въ пользу родственниковъ, чуть-ли не четверть имущества улетучилась-бы въ итальянскую казну.

III.

Мы имѣемъ въ виду подробнѣе, чѣмъ другими эпизодами политической дѣятельности Льва XIII, заняться борьбой куріи съ Бисмаркомъ,—во-первыхъ, потому, что борьба велась съ такой крупной, политической личностью, какъ Бисмаркъ; во-вторыхъ потому, что средства, къ которымъ прибѣгала Левъ XIII въ этой борьбѣ характерны; въ-третьихъ, борьба эта, начатая казалось при условіяхъ безнадежныхъ для папы Пія IX окончилась чуть не апофеозомъ Льва XIII.

Kulturkampf, борьба прусскаго правительства съ куріей, началась въ 1872 году за 7 лѣтъ до избранія Льва XIII. Бисмаркъ выступилъ въ походъ противъ государственнаго и воспитательнаго вліянія католическаго духовенства вообще, и іезуитовъ въ особенности, во имя цивилизаціи свѣта; ему сочувствовали даже его политическіе враги; Франціи, Швейцаріи и Великобританіи, каждая по своему, но въ томъ-же направленіи, во имя культуры, вели атаку противъ католицизма.

19 июня 1872 г. былъ прусскою палатою утвержденъ законъ объ уничтоженіи іезуитскаго ордена въ предѣлахъ государства. Были пересмотрѣны и измѣнены статьи прусскою конституціи 1850 г., предоставлявшія католическимъ церквамъ широкую автономію. Надъ проповѣдниками былъ установленъ цензурный надзоръ. Законъ 11 мая 1872 г. подчинилъ свѣтскому государственному надзору все духовновоспитательныя католическія заведенія. Назначенія на должности въ приходахъ подлежали утвержденію гражданской власти. Вакансіи, открывающіяся въ приходахъ, мѣстные епископы обязаны были замѣщать священниками не позже, какъ черезъ годъ; епископы, не озаботившіеся этимъ, подвергались штрафу (1000 тал.) или тюремному заключенію. Всякое лицо, выполняющее какія-либо обязанности священника, и не удовлетворяющее требованіямъ закона 11 мая, подвергалось тоже штрафамъ или тюрьмѣ.

12 мая палата признала, что дисциплинарная власть надъ католическимъ духовенствомъ въ Пруссіи не принадлежитъ папѣ, а мѣстному германскому духовенству. Вслѣдствіе этого новый законъ предоставлялъ право устранять отъ должности католическихъ священниковъ и епископовъ, если того потребуютъ государственные и общественные соображенія и интересы. Установлены были особые суды, для разбирательства противозаконныхъ дѣяній приходскихъ патеровъ и епископовъ.

Таковы были основныя положенія знаменитыхъ майскихъ законовъ, развитыя и усиленныя законами послѣдующихъ годовъ. Такъ въ 1875 г. между прочимъ уничтожено было право приходскихъ патеровъ на сборы натурой; воспрещено пребываніе въ предѣлахъ Пруссіи какимъ-бы то ни было католическимъ конгрегаціямъ и орденамъ, кромѣ челоуѣколюбивыхъ обществъ, занимающихся уходомъ за больными.

Папа Пій IX и его курія неоднократно пытались реагировать, но безуспѣшно. На практикѣ-же Бисмаркъ встрѣтился съ упорствомъ нѣмецко-католическаго духовенства и даже значительной части населенія. Это его, однако, не остановило. Познанскій архіепископъ Ледеховскій, Кельнскій—Мельхерсъ, епископы треаскій, подербарнскій, познанскій викарный епископъ, отказавшіеся подчиниться майскимъ законамъ, были лишены своего званія и посажены въ тюрьму.

Таково было положеніе дѣлъ, когда скончался Пій. Его преемникъ тотчасъ-же по вступленіи на св. престолъ извѣстилъ императора Вильгельма о семъ событіи и въ письмѣ, написанномъ по этому случаю, упомянулъ о желаніи возстановить «вѣковыя добрыя отношенія между папскимъ и королевскимъ престолами», прерванныя культуркампомъ; Вильгельмъ въ отвѣтномъ письмѣ выразилъ желаніе возстановленія прежнихъ добрыхъ отношеній, а также и надежду, что папа заставитъ германскихъ епископовъ подчиниться новымъ законамъ, въ видахъ государственной пользы. Затѣмъ Вильгельмъ I и Левъ XIII еще обмѣнялись нѣсколькими письмами. Бисмаркъ, скрѣпявшій всѣ письма императора, доказывалъ, что высшее католическое духовенство даже примѣромъ вредно вліяло на свою паству, дотолѣ подчинявшуюся государственнымъ законамъ, что оно возстановляло ее во многихъ отношеніяхъ враждебно противъ центральнаго правительства. Левъ XIII между тѣмъ подробно развивалъ мысль о томъ, что католическое населеніе Германіи, руководимое высшимъ римскимъ духовенствомъ, было всегда гораздо менѣе лютеранскаго проникнуто революціонными тенденціями. Оно, по словамъ папы, и въ будущемъ явится надежнѣйшей опорой монархической власти и законности, если будетъ руководимо представителями своей церкви, но для этого необходимо, чтобы церковь и ея представители были свободны по-прежнему въ сферѣ своего вліянія на паству. Словомъ, необходимо отмѣнить майскіе законы.

И папа, и ультрамонтанская печать пользовались всѣми случаями, чтобы подчеркнуть лояльность чувствъ католическаго населенія. Когда-же, вскорѣ послѣ покушенія Геделя, Бисмаркъ внесъ въ палату проектъ закона противъ социалстовъ, то проектъ былъ отвергнутъ большинствомъ 251 голоса противъ 57. Католическая партія вотировала, конечно, противъ, мотивируя свое положеніе тѣмъ, что опасность не въ социалистахъ, а въ лишеніи народа надлежащихъ духовныхъ пастырей и учителей. Надо

замѣтить, что католическая партія въ палатѣ была невольнымъ созданіемъ «непогрѣшимого» германскаго папы, князя Бисмарка, она возникла одновременно съ Kulturkampfомъ и усиливалась постепенно съ усиленіемъ анти-католическаго законодательства. Въ маѣ 1879 года она представляла уже силу, съ которой нельзя было не считаться. Черезъ три недѣли послѣ покушенія Геделя, императоръ Вильгельмъ былъ равенъ другимъ злоумышленникомъ, Нобелингомъ, который ранѣе, чѣмъ его успѣли арестовать, нанесъ себѣ смертельную рану, унесшую его скоро въ могилу. Въ его комнатѣ найдены были нумера ультрамонтанской германской газеты «Germania» и карточки злоумышленника, къ имени котораго было прибавлено: сотрудникъ газеты «Germania». Слѣдствіе однако обнаружило, что Нобелингъ не имѣлъ никакого касательства къ «Germania» и далеко не принадлежалъ къ католической партіи.

Это вторичное покушеніе на императора произвело потрясающее впечатлѣніе на всю страну. Рейхстагъ былъ распущенъ; новые выборы были произведены подъ такимъ давленіемъ Бисмарка, что новая палата дала большинство, тотчасъ-же утвердившее проектъ закона противъ социалстовъ. Однако католическій центръ (число его на новыхъ выборахъ увеличилось съ 95 до 103) попрежнему подаль единодушно отрицательные голоса. Папа, разумѣется, вновь написалъ императору и еще настойчивѣе указывалъ на необходимость возвращенія католическому духовенству, какъ важнѣйшему оплоту противъ социализма, коммунизма и анархизма, свободы въ сферѣ воспитательной и церковной. На это письмо отвѣчалъ кроунъ-принцъ, повторявшій, что правительство его родителя, подобно самому папѣ, желаетъ прекращенія борьбы, что взаимныя уступки возможны, но что касается собственно отмены майскихъ законовъ, то, «ни одинъ прусскій король не могъ-бы на это согласиться, ибо независимость монархіи была-бы ослаблена, если свободное движеніе ея законодательства было-бы поставлено въ зависимость отъ власти, резидирующей въ этой монархіи» (т. е. папы).

Письмо это, какъ и предыдущія, было скрѣвлено Бисмаркомъ. Оно представляетъ кульминаціонный пунктъ Kulturkampf'a.

Бисмаркъ уже тогда начиналъ предвидѣть неблагоприятное для его политики усиленіе въ палатѣ католической партіи. Она усиливалась численно съ каждымъ почти новымъ выборомъ, при каждомъ новомъ столкновеніи оказывалась все болѣе и болѣе дисциплинированной, вступила въ неестественный союзъ съ социалстической партіей и грозила вообще стать поперегъ законодательнаго теченія, руководимаго желѣзнымъ канцлеромъ.

Это озабочивало Бисмарка, ибо именно въ это время онъ замышлялъ осуществленіе своего плана коренныхъ финансово-экономическихъ реформъ. Къ тому-же самъ императоръ Вильгельмъ по разнороднымъ

причинамъ неоднократно выражалъ желаніе смягчить распри съ куріей. вступитъ, если не официально, то по крайней мѣрѣ конфиденціально въ переговоры съ Римомъ. Бисмаркъ еще не терялъ надежды, путемъ палліативныхъ уступокъ, найти примиряющій *modus vivendi*. Онъ искалъ средствъ къ примиренію. Мелкія нарушенія католиками майскихъ законовъ почти перестали подвергаться преслѣдованію; самъ Бисмаркъ искалъ случая конфиденціально лично объясниться съ представителями папы, особенно съ вѣнскимъ нунціемъ кардиналомъ Якобини, а потомъ съ баварскимъ Алонза Мазелла, но они уклонялись. Свиданіе съ этимъ послѣднимъ состоялось только лѣтомъ съ разрѣшенія папы. Это совѣщаніе не имѣло однако никакихъ непосредственно практическихъ послѣдствій главнымъ образомъ потому, что Бисмаркъ предлагалъ палліативы, уступки въ формѣ, а папа черезъ своего представителя наставлялъ на полной отмѣнѣ майскихъ законовъ. Кромѣ того, папа не только не склонялъ кардиналовъ, епископовъ и другихъ духовныхъ лицъ, подпавшихъ подъ кару исполнителей майскихъ законовъ, уступать прусскому правительству, но даже благословлялъ и восхвалялъ ихъ мученическое поведеніе. Его пассивное сопротивленіе выражалось однако при непосредственныхъ сношеніяхъ съ правительствомъ германскаго императора въ такой мягкой и прямодушной формѣ, что даже Фалькъ въ одной изъ своихъ парламентскихъ рѣчей высказалъ увѣренность въ искренности миролюбія Льва XIII. Это заявленіе Фалька не примирило однако съ нимъ центра. Чтобы избѣгнуть оппозицій всѣмъ новымъ проектамъ, правительству пришлось вступить въ переговоры съ вождемъ католической партіи Виндгоретомъ. Виндгорестъ далъ понять, что его партія «готова» поддерживать финансово-экономическій проектъ правительства, ибо сознаетъ его практическую пользу, но подъ условіемъ, чтобы оно пожертвовало Фалькомъ. Виндгорестъ конечно предвидѣлъ, что устраненіе Фалька не будетъ имѣть непосредственнымъ слѣдствіемъ удовлетвореніе всѣхъ требованій куріи, но имѣлъ основаніе полагать, что отставка этого министра будетъ «началомъ конца» *Kulturkampf*'а. Канцлеръ, со своей стороны сознававшій, что онъ зашелъ слишкомъ далеко въ этой борьбѣ, пожертвовалъ Фалькомъ. Замѣна этого министра Путкамеромъ повидимому не измѣнила отношеній бисмарковскаго правительства къ центру и куріи. Однако при Путкамерѣ былъ значительно облегченъ доступъ католическимъ патерамъ къ преподаванію въ школахъ, были возобновлены дипломатическія официальные отношенія съ римской куріей, прерванныя при Фалькѣ. Лѣтомъ 1879 года Бисмаркъ на водахъ въ Гаштейнѣ свидѣлся съ кардиналомъ Якобини, папскимъ нунціемъ при вѣнскомъ дворѣ, и съ обѣихъ сторонъ было выражено желаніе сговориться по вопросамъ *Kulturkampf*'а. Переговоры съ Якобини продолжались въ Вѣнѣ, куда былъ посланъ д-ръ Гюбнеръ. На условія, формулированныя Бисмаркомъ, рас-

положеннымъ сдѣлать уступки формально поверхностныя и уступающимъ мало по существу, папа опять-таки не согласился и въ мартѣ 1880 г. препроводилъ свои условія, которыя однако были въ свою очередь отвергнуты Бисмаркомъ, ибо, хотя и весьма умѣренные, съ точки зрѣнія клерикальной партіи, эти условія требовали все-таки отмены существа майскихъ законовъ. Заключение предполагаемаго конкордата оказывалось такимъ образомъ невозможнымъ. Папа, избѣгавшій вредныхъ, по его мнѣнію, католической церкви уступокъ, не желалъ однако порвать нить мирныхъ переговоровъ и предложилъ прусскому правительству заключить съ нимъ, вмѣсто конкордата, покуда конвенцію, которая обезпечивала бы пересмотръ майскихъ законовъ, не предрѣшая результата этого пересмотра. Министерство Бисмарка не согласилось; поддерживающая его пресса и парламентская партія стали вновь открыто обвинять центръ въ союзѣ съ социалистами, въ систематической оппозиціи министерству по всемъ законодательнымъ вопросамъ, а папу въ томъ, что онъ вдохновляетъ центръ и руководитъ его опасной, почти революціонной тактикой. Тѣмъ не менѣе Бисмаркъ, понимая опасность такого положенія, не прерывалъ полуофициальныхъ переговоровъ съ куріей черезъ посредство Якобини. Послѣдствіемъ этихъ переговоровъ былъ проектъ закона, какъ-бы усиливавшаго права вмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла. Министерству предоставлялось право: 1) не требовать отъ вновь назначенныхъ епископовъ установленной майскими законами присяги; 2) не задерживать содержаніе епископовъ; 3) разрѣшить возстановленіе нѣкоторыхъ католическихъ орденовъ. Въ сущности же этотъ законъ былъ первымъ отступленіемъ отъ линіи майскихъ законовъ. Онъ былъ принятъ палатой, при чемъ ультрамонтанскій центръ былъ такъ увѣренъ въ дальнѣйшемъ успѣхѣ своего дѣла, что даже оппонировалъ этому закону, вслѣдствіе его недостаточной дескать уступчивости. Законъ этотъ имѣлъ существенныя практическія послѣдствія. Въ моментъ удаленія Фалька изъ министерства, 12 прусскихъ епархій оставались безъ епископовъ; нѣсколько епископовъ и патеровъ сидѣло въ тюрьмахъ, 185 приходскихъ священниковъ (curato) и 645 викарныхъ (vicario) выбыло изъ строя въ силу майскихъ законовъ, мѣста ихъ оставались вакантными, и множество приходоу оставалось безъ пастырей. Законъ 14 іюля 1880 г. въ значительной степени содѣйствовалъ заполненію всехъ этихъ пробѣловъ. Выборъ епископовъ для нѣкоторыхъ епархій былъ даже предоставленъ Бисмаркомъ непосредственно самому папѣ.

Въ сентябрѣ 1881 г. германскій дипломатъ Шлѣцеръ, какъ бы проездомъ заѣхавшій въ Римъ, имѣлъ аудіенцію у папы; а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ посланникомъ прусскаго короля при св. престолѣ, главнымъ образомъ для того, чтобы убѣдить папу удовольствоваться закономъ 14 іюля. Но папа, видимо довольный вообще назначеніемъ Шле-

цера, такъ твердо стоялъ на своемъ, что Бисмаркъ нашелъ необходимымъ сдѣлать новыя уступки: закономъ 30 марта 1882 г. министерству предоставлялось право: 1) вновь водворять на ихъ кафедрахъ опальныхъ епископовъ, 2) не требовать сдачи государственнаго экзамена отъ молодыхъ патеровъ. Помимо того, правительство сдѣлало значительныя уступки, напр. сняло секвестръ съ большинства имущества проштрафившихся епископовъ. Въ концѣ 1882 г. императоръ въ тронной рѣчи выразилъ удовольствіе по поводу установленія дипломатическихъ сношеній съ Ватиканомъ; затѣмъ между папой и Вильгельмомъ произошелъ обменъ дружескихъ писемъ, послѣдствіемъ которыхъ было заявленіе Льва XIII, что онъ готовъ и ранѣе коренного пересмотра майскихъ законовъ употребить свое вліяніе на подчиненіе епископовъ и католическаго духовенства практической и временной государственной необходимости. При этомъ онъ оговорился, однако, что исполнѣ полезнымъ можетъ быть только тогда, когда ему окончательно будутъ развязаны руки.

Въ томъ же году германскимъ правительствомъ были сдѣланы новыя уступки: облегчены условія назначенія приходскихъ священниковъ, окончательно снята опала съ 1500 патеровъ.

Въ томъ же году кронъ-принцъ Фридрихъ, посѣтившій союзника своего отечества итальянскаго короля Умберта, въ Римѣ, посѣтилъ и соперника послѣдняго—Льва XIII. Самое посѣщеніе было обставлено весьма характерно въ политическомъ отношеніи. Официально предполагалось, что папѣ вовсе неизвѣстно о пребываніи германскаго кронъ-принца въ квинриналѣ, дворцѣ, отнятомъ у папы «узурпаторомъ». Фридрихъ, въ день визита къ папѣ, сначала провелъ нѣсколько часовъ въ домѣ германскаго представителя при ватиканскомъ дворѣ и затѣмъ изъ этого посольства, какъ-бы съ германской территоріи, выѣхалъ въ Ватиканъ къ папѣ.

Въ 1885 году со стороны германскаго императора, и конечно по инициативѣ Бисмарка, было выказано вновь особое уваженіе и довѣріе къ Льву XIII. Между Германіей и Испаніей, какъ извѣстно, возникло разногласіе по поводу Каролинскихъ острововъ, и германское правительство обратилось къ папѣ съ просьбой взять на себя посредничество и окончательное рѣшеніе дѣла. Достоинно вниманія, что съ тѣхъ поръ императоръ Вильгельмъ, Бисмаркъ и всѣ ихъ дипломатическіе представители, письменно и словесно обращаясь къ папѣ, величаютъ его Sire (государь), чего прежде тщательно избѣгали. Несмотря на то, что рѣшеніе папы по дѣлу о Каролинскихъ островахъ склонилось въ пользу Испаніи, германскій императоръ изъявилъ папѣ благодарность въ самыхъ изысканныхъ и повидимому искреннихъ выраженіяхъ.

Съ тѣхъ поръ при Бисмаркѣ, при Каприви, при Гогенлоэ (который кетати замѣтить, родной братъ одного изъ ближайшихъ къ Льву XIII-му кардиналовъ) германское и прусское правительства шли на уступки курии.

Даже орденъ иезуитовъ вновь пробивается въ Германію (Баварское правительство его допустило еще въ прошломъ 1894-мъ году). Въ то время, когда мы ищемъ эти строки (въ 1895 г.), этимъ вопросомъ занимается рейхстагъ.

Молодой императоръ Вильгельмъ II со своей стороны выказываетъ открыто желаніе жить въ мирѣ съ католической церковью и съ ея главой. Когда, вскорѣ послѣ его вступленія на престоль, евангелическій союзъ представилъ ему адресъ, въ которомъ, выясняя свои цѣли (распространеніе и упроченіе протестантства въ Германіи), указывалъ на препятствія, которыя встрѣчаетъ въ постоянно усиливающемся иезуитизмѣ католической церкви, императоръ отвѣчалъ, что, сочувствуя распространенію протестантизма, онъ надѣется, что еванг. союзъ какъ на дѣлѣ, такъ и на словахъ, сумѣетъ уважать вѣрованія своихъ противниковъ. Извѣстно также, съ какимъ уваженіемъ отнесся Вильгельмъ II къ Бангарету, главѣ ультрамонтанской партіи въ Германіи.

Посѣтивъ Римъ, какъ гость короля Умберта въ 1890 и въ 1893 годахъ, молодой императоръ оба раза посѣтилъ и Льва XIII. При чемъ второе посѣщеніе было обставлено еще болѣе тонкими знаками вниманія къ папѣ, чѣмъ первое; и самое свиданіе было продолжительнѣе, знаменательнѣе, и судя по тому, что проникло въ печать, еще благопріятнѣе перваго, для положенія католическихъ духовенства и церкви въ Германіи.

Изъ бѣлаго обзора исторіи Kulturkampf'a можно усмотрѣть, съ какимъ искусствомъ и твердостью Левъ XIII велъ борьбу и какихъ благопріятныхъ для католицизма результатовъ онъ добился въ Германіи. Католическому духовенству, начиная съ иезуитовъ, de facto возвращены всѣ права и вліяніе, которыхъ оно было лишено майскими законами. Кромѣ того, въ парламентѣ образовалась, дотолѣ не существовавшая, вліятельная партія, стоящая на стражѣ интересовъ католической церкви, съ которой приходится серьезно считаться всѣмъ другимъ партіямъ и самому правительству.

Подобныя-же результаты дипломатическо-церковной дѣятельности Льва XIII усматриваются и относительно другихъ европейскихъ государствъ, начиная со скромной швейцарской республики и кончая Россійской Имперіей.

Во Франціи Левъ XIII не только сумѣлъ въ значительной степеніи примирить республику съ католицизмомъ, но явился даже какъ бы опорой республики. Онъ призвалъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ римской церкви дѣйствовать дружно для упроченія установившейся формы правленія. Не далѣе какъ 17 (5) февраля текущаго года въ засѣданіи французской палаты министръ Пуанкаре, отъ имени правительства протестуя противъ предложенія социалиста Шавена (исключить изъ бюджета статью расходовъ на культъ), заявилъ, что утверждая бюджетъ этихъ расходовъ,

палата совершить дѣяніе разумно политическое, «либеральное и полезное для республики». Палата большинствомъ 375 голосовъ противъ 155 утвердила этотъ бюджетъ. Внесенное вслѣдъ затѣмъ предложеніе социалистовъ объ уничтоженіи конкордата и о секуляризаціи церковныхъ имуществъ было отвергнуто большинствомъ 579 голосовъ противъ 111. На предложеніе Мориса Фора о томъ, чтобы министерство «въ видахъ упроченія республики» занялось подготовкой проекта объ отдѣленіи церкви отъ государства, президентъ совѣта министровъ. Рибо, въ странной рѣчи выяснилъ, что подобный проектъ не упрочитъ, «а напротивъ ослабитъ республику», внеся раздоръ въ ряды республиканцевъ и возбудивъ тревогу въ странѣ; что примирительныя услуги римской куріи, сдѣланныя уже французскимъ правительствомъ, нисколько не умалили силы и достоинства республики. Предложеніе М. Фора было отвергнуто огромнымъ большинствомъ палаты.

Отношенія куріи къ Великобританіи также серьезно улучшились за послѣднія 10—14 лѣтъ. Недовѣріе англійскаго правительства и націи къ Ватикану, по поводу ирландскаго вопроса, болѣе чѣмъ ослабѣло съ тѣхъ поръ, какъ Левъ XIII, вызвавшій въ Римъ для совѣщанія съ нимъ ирландскихъ епископовъ, открыто высказалъ свое мнѣніе о необходимости улучшить мирными законодательными мѣрами положеніе рабочихъ классовъ въ Ирландіи и свое намѣреніе дать инструкціи мѣстнымъ представителямъ католической церкви дѣйствовать умиротворительно на ирландскій народъ. Незирая на нескрываемое папой желаніе усилить значеніе католицизма въ Великобританіи англійское правительство и общество настолько прониклись довѣріемъ къ политикѣ и личности Льва XIII, что королева Викторія по церковнымъ дѣламъ острова Мальты прислала къ папѣ чрезвычайное посольство съ сэръ Линтономъ Симмонсомъ во главѣ. Россія также сперва возобновила дипломатическія сношенія съ Ватиканомъ, потомъ командировала въ Римъ особое лицо для веденія переговоровъ съ куріей. Въ настоящее время Россія имѣетъ своего постоянного представителя при папѣ и носятся слухи о желаніи папы учредить нунціатуру при петербургскомъ дворѣ *).

Отношенія куріи къ востоку также закрѣпляются все болѣе и болѣе. Мы уже не говоримъ о стараніяхъ папы закрѣпить положеніе католическаго духовенства на Балканскомъ полуостровѣ: въ Черногоріи, Сербіи, Болгаріи и т. д. Льву XIII удалось не только предупредить отпаденіе отъ католицизма армянской церкви, но обнаружить свое вліяніе на эту церковь столь ясно, что султанъ въ началѣ настоящаго года обратился къ нему съ просьбой о принятіи на себя посредничества по соглашенію

*) Въ канцеляріи папы хранятся цѣлые 5 большхъ томовъ переписки папы съ Россіей. Документы частью собственноручно писаны, частью диктованы Львомъ XIII.

проектированныхъ Портой для Арменіи реформъ съ установленіями берлинской конференціи. Довѣріе, которое Левъ XIII успѣлъ приобрести въ сердцѣ султана и въ Россіи дало ему также возможность въ 1893 г. съѣхать въ Іерусалимъ, подъ главенствомъ французскаго кардинала Ланженье, католическихъ прелатовъ на евхаристическую конференцію. На крайнемъ христіанскомъ востокѣ такое собраніе имѣло мѣсто впервые. Оно было обставлено пышно, дѣйствовало на воображеніе населенія и имѣло цѣлю подготовить воссоединеніе въ лонѣ католицизма колеблющихся или слабо связанныхъ съ нимъ церквей. За конференціей въ Іерусалимъ слѣдоваль (въ 1894 г.) съѣздъ восточныхъ патріарховъ въ Римѣ, для всесторонняго обсужденія вопроса о воссоединеніи церквей. Почти одновременно папа совѣщался съ сѣверо-американскими епископами объ усиленіи и распространеніи католицизма въ Новомъ Свѣтѣ. Японія, Китай, Индія въ томъ-же смыслѣ обратили на себя вниманіе папы и ему удалось значительно облегчить дѣятельность миссіонеровъ повсюду и въ особенности упорядочить ее въ Индіи. Онъ не упустилъ изъ вида и вопросы о невольничествѣ; его прелаты, при содѣйствіи соответствующихъ правительствъ, принимаютъ серьезное участіе въ борьбѣ съ этимъ зломъ въ Африкѣ. Какъ въ видахъ содѣйствія успѣшности этой борьбы, такъ и въ видахъ распространенія католицизма въ восточной Африкѣ, папа вошелъ въ соглашеніе съ итальянскимъ правительствомъ по установленію епископской каѳедры въ африканскихъ владѣніяхъ Италіи и въ сосѣднихъ съ нею областяхъ.

Вообще-же въ Италіи Левъ XIII добился результатовъ, которыхъ, казалось, невозможно было и ожидать при его вступленіи на престолъ. Правда, 20 лѣтъ тому назадъ въ Европѣ ошибочно понимали положеніе папства въ Италіи, смѣшивая политическое значеніе Рима для объединенной націи съ религіознымъ значеніемъ для нея католической церкви—папства. Римъ былъ нуженъ новой Италіи для увѣчанія политическаго зданія, возведеннаго на новыхъ основахъ, тѣмъ не менѣе, какъ аристократія, такъ и народъ, равно какъ и значительная часть буржуазіи продолжали и продолжаютъ чтить папу, какъ главу церкви, и остаются ревностными католиками. Правительство обновленнаго государства пыталось было не считаться съ папой по вопросамъ внутренней и внѣшней политики, но мало-по-малу пришло къ убѣжденію въ своей ошибкѣ.

IV.

Мы отмѣтили только наиболѣе выдающіяся черты политической дѣятельности Льва XIII. Нельзя не признать ихъ весьма крупными. Въ своихъ многочисленныхъ энцикликахъ онъ подробно развиваетъ мысли о практическомъ (земномъ, такъ сказать) рѣшеніи самыхъ обширныхъ во-

просовъ (международномъ мирѣ, отношеніи труда къ капиталу; уничтоженіи пролетаріата, просвѣщеніи массъ, уничтоженіи невольничества, политической свободѣ и т. д.) на основаніи только Евангелія, истолкованнаго серьезно образованными служителями римско-католической церкви, единой и единственно истинной, по его мнѣнію. Много воззрѣнія отъ католическаго первосвященника, конечно, ни ожидать, ни требовать невозможно. Изъ этого-же воззрѣнія Льва XIII само собой вытекаетъ его увѣренность въ благодѣтельность для всего человѣчества (не только относительно загробной, но и земной жизни) воссоединенія въ лонѣ «единой апостольской римско-католической церкви». Конечно, этого желали всѣ папы, но мотивы ихъ желаній далеко не были такъ идеальны, какъ побужденія, руководящія Львомъ XIII, и едва-ли кто изъ его предшественниковъ столь энергично на практикѣ стремился къ цѣли, какъ онъ. Всѣ остальные ближайшія и болѣе видныя со стороны цѣли, къ которымъ онъ стремится, суть для него только средства. Впрочемъ, его энергія не означаетъ поспѣшности, насилуванія обстоятельствъ, нежелація считаться съ духомъ времени. Напротивъ, Левъ XIII не спѣшитъ. дѣйствуетъ крайне осмотрительно, избѣгая что-либо и кого-либо оскорблять, но однако онъ ничего не упускаетъ изъ виду и поступаетъ всегда мягко, но самоувѣренно. Уступаетъ-же онъ только тогда, когда считаетъ вполне обеспеченными желаемыя имъ уступки со стороны противника. Добиваясь расширенія вліянія католическаго духовенства на общественное мнѣніе, школу и даже политику, онъ заботится о поднятіи какъ нравственнаго, такъ и образовательнаго уровня этого духовенства, не жалѣя на это ни матеріальныхъ средствъ, ни трудовъ. Онъ пытается освободить католическую церковь отъ обвиненія въ обскурантизмѣ и враждебномъ отношеніи къ наукѣ, и даетъ указанія, какъ согласовать неопровержимые выводы науки съ данными священнаго писанія *).

Все это конечно не мало содѣйствовало успѣхамъ церковной политики Льва XIII внѣ Италіи и распространенію его вліянія въ различныхъ сферахъ христіанскаго міра, даже не католическаго. Папа-идеалистъ не могъ не произвести впечатлѣнія на ищущее и жаждущее идеаловъ современное общество. На сколько его идеалы, опирающіеся исключительно на римскую церковь, приближаются къ истинѣ,—вопросъ, который мы не имѣемъ въ виду разсматривать въ настоящей статьѣ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что онъ искренно и неустанно ищетъ истины въ этихъ идеалахъ.

Пособникомъ Льва XIII было новое воспитанное имъ поколѣніе клерикаловъ, руководимое выдающимися дѣятелями перуджинской партіи.

*) Нѣкоторые доводы его энцикликъ по этому предмету напоминаютъ писанія о томъ-же Феофана Прокъ повича.

Эта-же годъ отъ году разрастающаяся во всѣхъ католическихъ странахъ группа послѣдователей Іоакима Печчи могла-бы явиться продолжательницей его дѣла послѣ его смерти. Но едва-ли это будетъ такъ.

Косное старовѣрство еще далеко не вымерло въ католическихъ сферахъ; іезуиты не сложили еще своего обоюдо-остраго оружія. И старовѣры, и іезуиты нынѣ не могли не признать рѣднаго превосходства Льва XIII и его заслугъ передъ католицизмомъ. Они понимаютъ, что было-бы и непрактично, и опасно противодѣйствовать ему, тѣмъ болѣе, что папа въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ самъ считается съ ними. Но старовѣры и іезуиты, понимая, какое выгодное положеніе для ихъ церкви создалъ Печчи, конечно готовятся при его преемникахъ воспользоваться плодами его успѣховъ. Если воспользуются, то по всей вѣроятности не съ тѣми идеально-христіанскими цѣлями, которыми проникнуть Левъ XIII.

Это надо всегда имѣть въ виду. Итальянская пословица гласитъ: *avvisato, mezzo salvato* (кто предупрежденъ объ опасности, тотъ на половину спасенъ).

Л. Рускинъ.

Неаполь, 1895 г.

Законныя жены.

(очеркъ третій).

Записки мужа.

(Продолженіе).

Послѣ обѣда я направлялся къ себѣ въ кабинетъ, когда меня остановила Лида.

— Куда-же вы опять, Вольдемаръ?! Странная у васъ завелась нынче привычка сидѣть на разныхъ концахъ дома! Право, мнѣ остается только дѣлать отдѣльные визиты вамъ и Варѣ.

— Владиміръ Ивановичъ съ нѣкоторыхъ поръ мраченъ, какъ ночь! — замѣтила саркастически Варя.

Если я мраченъ—то это непроизвольно. Подозрѣваль, что я бываю иногда черезчуръ разсѣянъ, занятый разными мыслями. Несомнѣнно, что прежде я былъ занятъ исключительно только Варей и ея желаніями... Конечно, человѣкъ не имѣетъ права измѣнять своего отношенія къ другимъ безъ видимой причины—вопросы внутренняго устройства ни до кого не касаются.

Лида сказала, что это какая-то несчастная квартира: у насъ никогда еще не было такой скуки, какъ нынче.

— А именно нынче мы собирались много веселиться,—припомнилъ я, глядя на новые золотые стулья.

Варя порывисто встала съ своего мѣста.

— О, я ничего, ничего больше не хочу! — выговорила она запальчиво и повернулась къ двери.

— Позволь, Варя, одну только минуту! — задержалъ я ее. — Я-бы очень желалъ знать, отчего вдругъ такая перемѣна въ твоемъ настроеніи?

Она остановилась, не глядя на меня, и заговорила съ горечью: оттого, что она напередъ знаетъ все, что ей предстоитъ! Устраивать вечера и катанья для нашихъ барышень, веселить всю эту *sainte parenté*. Удивительно забавно, нечего сказать! Какъ нашъ знаменитый балъ, про который «эти дуры» рѣшили, что онъ данъ былъ съ цѣлью затмить всѣхъ своимъ туалетомъ... Что за мудреная задача, подумаешь, затмить ихъ туалеты!! Нѣтъ, она еще не настолько стара, чтобы ей могло быть занимательно веселить другихъ.

— Однако, Варя, вѣдь это-же отъ тебя одной зависитъ!?!—воскликнула обиженно Лида, почувствовавъ себя представительницей этой *parenté*.

Варя небрежно повернулась къ ней:

— Надѣюсь, что мои слова не относятся до тебя, и ты можешь и не обижаться!

Ну, казалось-бы, и я также не повиненъ въ *sainte parenté*, которая теперь вдругъ почему-то оказывается несносной, но выходитъ, что все-таки я виноватъ! Я новый человѣкъ въ Петербургѣ, у меня нѣтъ служебнаго положенія, которое вводитъ въ извѣстный кругъ. Веселятся по настоящему только въ свѣтѣ: тамъ это дѣлается просто и естественно, тамъ каждый балъ не составляетъ «семейнаго происшествія» и не вызываетъ мѣщанскаго переполоха.

Варя ушла, нетерпѣливо оборвавъ разговоръ:

— Впрочемъ, толковать объ этомъ совершенно бесполезно!..

Я также не вижу пользы отъ слишкомъ запоздалаго открытія, что я не свѣтскій человѣкъ.

Лида начала извиняться за неудачный разговоръ, начатый ею. Однако, мы оба удивительно какъ перемѣнились, по ея мнѣнію. Вообще, это была какая-то злополучная поѣздка—она до сихъ поръ не можетъ понять, что именно произошло у насъ въ Крыму?

Дался-же ей этотъ Крымъ! Въ Крыму ровно ничего не произошло, кромѣ того, что Варя все время была недовольна и раздражительна.

— Но почему-же!?! неужели тамъ скучно? вѣдь были-же у насъ тамъ какіе-нибудь знакомые?—допрашивала Лида съ смѣшной настойчивостью.

У нея, конечно, своя точка зрѣнія веселящейся барышни. Для чего, спрашивается, ей знать теперь, какіе были знакомые въ Крыму?

Она замѣтила, что меня сердятъ нелѣпые вопросы и заговорила о другомъ.

Я перемѣнился. Допустимъ, что это такъ. Нельзя обязать быть всегда веселымъ, но должно-же быть въ жизни что-нибудь, помимо настроеній?! Нѣчто устойчивое, что выдерживало-бы все колебанія, вѣшнія и внутреннія...

Я переѣхался, но что-же случилось со всѣмъ *остальнымъ*? Гдѣ то, что исходило-бы не отъ меня, что не было-бы въ зависимости отъ моей собственной беззаботности, довѣрчивости, влюбленности? Гдѣ то, что вкладывали въ наше счастье другіе, а не я?.. Да, во мнѣ какой-то странный, возмутительный упадокъ, но отчего-же—отчего меня никто не поддержит?.. На что мнѣ опереться?..

Точно сорвался якорь, на которомъ я держался. Да неужели-же и все остальное держалось на томъ-же якорѣ? . . . . .

... Надо-ли продолжать закрывать глаза сознательно?

Семь лѣтъ я одинъ усиливался создавать что-то, чего въ сущности нѣтъ и никогда не было... Счастье заразительно. Свѣтъ отраженный—все-таки свѣтъ! Моего восторга хватало на двоихъ. *Любили жизнь*,—а мнѣ казалось, что это меня любят!

Было счастье, пока цѣла была увѣренность, что оно *должно быть*, что иначе быть не можетъ... Иному, пожалуй, и на всю жизнь хватить! Хватило-бы, можетъ быть, и мнѣ при нѣкоторой помощи съ другой стороны...

Но тамъ устали *стараться* еще раньше, чѣмъ я усталъ все черпать изъ собственной души...

Спалъ сегодня въ кабинетѣ. У меня упорная бессонница. Все время боюсь помѣшать ей спать, и это окончательно не даетъ забыться. Можетъ быть будетъ лучше, если я ни о чемъ не буду думать.

Варя посмотрѣла мнѣ въ лицо непроницаемымъ взглядомъ, но ничего не сказала. Послѣ завтрака я собирался выйти изъ дому, когда меня потребовали въ будуаръ.

Не желаю-ли я посовѣтоваться съ Гаспаромъ Гаспаровичемъ, онъ долженъ сейчасъ пріѣхать? Онъ мнѣ пропишетъ какіе нибудь порошки отъ бессонницы.

... Отчего вѣтъ такимъ холодомъ отъ всякой заботы обо мнѣ? Почему только новая горечь поднимается въ душѣ?..

Я отказался и уѣхалъ. Безъ всякаго сомнѣнія, такъ поступать мнѣ не слѣдовало...

Вотъ фраза, которую я особенно часто говорю въ моей жизни, но безъ всякаго поучительнаго результата.

Нелѣпный вышелъ споръ съ Ключевымъ! . . . . .

Не могу я слышать хладнокровно, когда о семейной жизни пускаются разсуждать съ апломбомъ подобные *jeunes premiers*ы, пробавляющіеся салоннымъ ухаживаніемъ за молодыми дамами и дѣвками. Эти господа убѣждены, что и дѣйствительная жизнь можетъ быть продолженіемъ беззаботнаго раута, гдѣ они пожинаютъ свои дешевые лавры...

Но еще досадиѣ слышать, когда такая умница, какъ Варя, горячо поддерживаетъ подобныя нелѣпости!

Къ счастью, я скоро замѣтилъ, что черезчуръ раздражаюсь, и поспѣшилъ оставить ихъ поддакивать другъ другу. Весь разговоръ выѣденнаго яйца не стоитъ, но я цѣлый день ношу въ себѣ слѣдъ раздраженія...

Неужели-же возвышенныя воззрѣнія состоятъ въ томъ, чтобы помѣщать свои вкусы внѣ истинной жизни, т. е. считать пизменными и скучными самыя серьезныя человѣческія обязанности? Откуда взялись такія мнѣнія!? Не можетъ-же быть, чтобы я раньше не обращалъ на нихъ вниманія—нѣтъ, конечно, я не слыхалъ ничего подобнаго!

Однако, это невѣроятно, надо-же разсуждать логично! Мнѣнія не являются съ вѣтра, тѣмъ болѣе такія мнѣнія, въ которыхъ сердце высказывается больше, чѣмъ умъ. Правда, я не слыхалъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что ихъ и не было; возможно даже, что она и сама раньше *не слыхала!*

Если мы, избирая себѣ подругу жизни, можемъ не озабочиваться воззрѣніями, отъ которыхъ зависитъ вся грядущая жизнь,—если такъ поступаемъ мы, старшіе, опытные и отвѣтственные за жизнь во всей ея совокупности, то почему-же требовать этого отъ нихъ?! Отъ женщинъ, которыхъ все и вся учитъ только жить готовыми мнѣніями! Разумѣется, каждая дѣвушка знаетъ, что она должна быть хорошей женой и хорошей матерью—но очень можетъ быть, что она считаетъ это своимъ природненнымъ свойствомъ, какъ крылья для птицъ или жабы для рыбъ.

Вотъ совсѣмъ иное дѣло, если-бъ вопросъ выходить замужъ или не выходить существовалъ для женщинъ въ такомъ-же видѣ, какъ для мужчины вопросъ желитьбы—ну, тогда, конечно, и онѣ справлялись-бы своевременно съ собственными вкусами и знали-бы, что онѣ любятъ и чего не любятъ. Теперь-же семейныя обязанности просто являются условіемъ *sine qua non* ихъ полноправнаго существованія. Женщины не раздумываютъ надъ этимъ, какъ... ну, напримѣръ, какъ не раздумываютъ люди надъ тѣмъ, *хотятъ-ли* они умирать... Смерть приходитъ—и люди умираютъ. Жизнь развивается и мы мало-по-малу узнаемъ, что именно мы въ ней любимъ и каковы наши истинные вкусы.

Да, я начинаю понимать, почему люди, не обзаведшіеся семьею лѣтъ этакъ до тридцати-пяти, всего чаще остаются холостяками: Море по колѣно только дѣтямъ—и пьянымъ!

Вотъ и кидаются безстрашно въ это море, пока любовь опяняетъ...

Совсѣмъ неожиданный оборотъ!—Повидимому господинъ Ключевъ не даромъ занялъ дилеммами семейной жизни.

Сегодня, разговаривая съ Лидой, я припомнилъ вчерашній споръ и собрался высказать свое мнѣніе о немъ,—какъ вдругъ моя барышня приняла это совершенно неожиданнымъ образомъ: какъ только я произнесъ имя Ключева, Лида густо покраснѣла и бросила на меня точно испуганный взглядъ...

Такъ вотъ оно что!.. у нихъ затѣвается еще новое сватовство?.. Вотъ, стало быть, чѣмъ объясняется снисходительность Вари къ ея крымскому противнику!

Если меня что-нибудь убѣждаетъ въ справедливости такой догадки, такъ это именно гнѣвъ Лиды. Она вспыхнула и запальчиво твердила на всѣ лады, что я ошибаюсь, что ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ! Лида черезчуръ горячилась; обыкновенно барышни не особенно обижаются, если имъ и припишутъ нечаянно несущаго поклона. Тутъ я очевидно затронулъ слишкомъ преждевременно большое мѣсто. Вопросъ еще не рѣшенъ... Она, быть можетъ, не совсѣмъ еще увѣрена въ немъ...

Я, конечно, не сталъ ее мучить и пересталъ говорить о Ключевѣ; но, пожалуй, что именно тутъ-то мнѣ и слѣдовало высказать вполне откровенно мое мнѣніе, хотя-бы его никто и не спрашивалъ. Ключевъ безъ сомнѣнія *хорошая партія*, но печально, если Лида попадетъ въ такія руки. У нея доброе сердце подъ вѣшнимъ легкомысліемъ, привитымъ пустотой петербургской жизни.

Впрочемъ, и у Ключева, можетъ быть, тоже сердце доброе, а серьезные взгляды еще никому не гарантируютъ счастья! Во всякомъ случаѣ, мнѣ стало грустно... Я не вѣрю, чтобы Лида любила Ключева—я вѣдь не одинъ разъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ. Нѣтъ, это все послѣдовательныя трельевскія понятія, вѣчныя матримоніальныя заботы тапан... Опять чье-то существованіе выбирается и оцѣнивается, точно какая-нибудь покупка въ лавкѣ! . . . . .

Давно пора прислушаться къ этимъ нескончаемымъ разговорамъ о богатыхъ невѣстахъ и выгодныхъ женихахъ. Нѣтъ, если-бъ я былъ женщиной, по крайней мѣрѣ я поостерегся-бы въ присутствіи мужчины (хоть и самаго близкаго) обсуждать замужество съ точки зрѣнія выгодной карьеры. Но... съ близкими людьми никому нѣтъ охоты церемониться! Люди не настолько дальновидны, чтобы принимать въ расчетъ возможныя обобщенія...

Во всякомъ случаѣ, я не понимаю, почему Варя тоже не хочетъ быть со мною откровенной? Когда я спросилъ ее, она такъ на меня взглянула, какъ будто, по ея мнѣнію, это никакимъ образомъ не должно было придти мнѣ въ голову. Она дала мнѣ все досказать и холодно пожала плечами: очень можетъ быть... Она ничего не знаетъ.

Моя догадливость никому не по душѣ, женщины любятъ обдѣлывать свои планы въ секретѣ. Но со стороны Вари это не совсѣмъ благородно; ей-бы слѣдовало во время подумать о томъ, что матеріальная сторона дѣла всячески не можетъ миновать меня — вѣдь не изъ пенсін-же маманъ будетъ дѣлаться приданое Лиды!

Увы, тогда Варя найдетъ, по обыкновенію, что «всего нѣсколько тысячъ» — это сущіе пустяки для семейнаго Ротшильда...

Какой въ этомъ контрастъ съ скромными понятіями Сашеньки Косухиной! Помню, какъ нескромно смущала бѣдняжку такая разорительная роскошь, какъ первая наша московская поѣздка... А вѣдь ея юный супругъ былъ въ сущности настоящимъ крезомъ, въ сравненіи съ петербургскимъ Владиміромъ Ивановичемъ Громилинымъ, разсыпавшимъ свои щедроты направо и налево. Поистинѣ удивительное недоразумѣніе!..

Видитъ Богъ, я никого не хочу вводить въ заблужденіе, я никогда не стремился прослыть за богача! Дѣлалъ-же я нѣкоторыя попытки колебать пріятный самообманъ Вари — слабыя попытки, надо сознаться, но, мнѣ кажется, все-же достаточныя, при нѣкоторомъ желаніи смотрѣть на вещи серьезно...

Впрочемъ, съ какой-же стати желать смотрѣть на вещи серьезно, если это идетъ въ разрѣзъ со всеѣми вкусами?!

Я малодушно отступалъ передъ полнымъ непониманіемъ жизни... зачѣмъ лицемѣрить? — отступалъ еще больше передъ рискомъ оказаться несостоятельнымъ въ ея глазахъ... Отступать передъ рискомъ, конечно, не значитъ по бѣдить опасность, но этотъ узелъ запутывается самъ собою, разъ что затянута первая неосторожная петля.

Она только *такъ* понимаетъ жизнь, — но развѣ каждый не въ правѣ понимать жизнь по своему? Возможно-ли отказать — возможно-ли *не дать* того, чего ждуть отъ насъ, чего отъ насъ требуютъ?.. . . .

Для меня это невозможно. Я не знаю, гдѣ тутъ можетъ быть граница, кромѣ прямой физической невозможности. Я не понимаю, какими словами могъ-бы я торговаться съ человѣкомъ, который зависить отъ одной моей доброй воли во всемъ и безусловно... Кто можетъ быть оцѣнщикомъ чужихъ запросовъ?..

Когда могла она узнать жизнь? Прямо изъ палаты институтскихъ попала въ княжескія хоромы... Чужая роскошь ослѣпила, очаровала, пробудила страстное желаніе обладать тѣмъ-же. Развѣ это не вполне естественно для того, кому достался одинъ изъ высшихъ ценовъ человѣческой судьбы — красота?!. . . . .

Ее любили, въ ея положеніи гувернантки не было пока ничего тягостнаго. Я не могъ доставить ей всего того, чѣмъ она пользовалась въ княжескомъ домѣ, никогда не задавался вопросомъ откуда что берется и во что обходится. Она была только гувернантка — но ей могла

показаться мизерной моя обстановка, настолько та жизнь была блестяще и беззаботна...

Надо быть справедливымъ—развѣ это не самое простое объясненіе ея презрѣнія къ деньгамъ, ея разочарованія передъ необходимостью считать и передъ моей плебейской разсчетливостью?..

Себя я отнюдь не выгораживаю. Нѣтъ, я ничего, ничего не сумѣлъ! Ни разсѣять ребяческаго невѣдѣнія жизни, ни отстоять своего собственного разумнаго пониманія. Влюбленный мужъ никогда не будетъ учителемъ! Но я и не заразился чужимъ безразсудствомъ—хуже того: я сложилъ оружіе...

Впрочемъ, я ничѣмъ не задавался, кромѣ одной мечты: сдѣлать ее счастливой. Какая скромная задача и какая мудреная! Вотъ и Сашенька Косухина тоже жила единственно для моего счастья... Впрочемъ, мы и сошлись и разстались дѣтьми!

Что-то сдѣлала безпощадная жизнь изъ скромнаго ребенка, такъ просто посторонившагося, чтобы дать дорогу нашей блистательной колесницѣ... Узнаю-ли я это когда-нибудь?..

...Можетъ быть, можетъ быть онѣ правы—я сталъ «раздражителемъ, грубъ, невозможенъ» должно быть это такъ!

Дѣло не въ этомъ—но для всего есть свой предѣлъ. Я дѣлаю все, что могу и чего въ сущности и не могу—но сдѣлать сознательную недобросовѣстность... нѣтъ, этого я не хочу! Родственная услужливость не можетъ распространяться на нашу совѣсть, этого Варя не въ правѣ требовать отъ меня.

Впрочемъ, Варя не требуетъ... Вообще никто никогда отъ меня ничего не требуетъ; все совершается какъ нельзя болѣе мягко и благовоспитанно, и только я одинъ позволяю себѣ рѣзкія слова и запальчивыя жестыкуляціи. Просто-напросто смыкается глухой кругъ: скрытымъ давленіемъ, при помощи единственно только возвышенныхъ чувствъ и похвальныхъ побужденій, я быстро придвигаюсь къ желанному поступку...

Конечно, Костенька родной братъ Вари—но вѣдь это негодяй, которому я не довѣрилъ-бы самаго крохотнаго дѣла! Съ какимъ-же лицомъ буду я просить генерала Похлестова, въ личное одолженіе мнѣ, опредѣлить его къ себѣ на службу!? Чтò я отвѣчу, когда старикъ, братъ моей матери, спроситъ, ручаюсь-ли я за порядочность моего протеже?!—Я, надъ кѣмъ совершенно столько безцеремонныхъ, мошенническихъ продѣлокъ!..

Женщинамъ легко разсуждать о томъ, что «на живомъ человѣкѣ грѣшно ставить крестъ... всякій можетъ образумиться... раскаяться никогда не поздно... Кому никто не хочетъ протянуть руки помощи, тому остается только свалиться въ яму» и пр., и пр. Это разумѣется

очень великодушно—но вѣдь женщины только разсуждаютъ! это я долженъ пойти и сознательно обмануть другого—обмануть въ дѣлѣ, гдѣ на каждомъ лежитъ гражданскій долгъ добросовѣстности, помимо личной чести.

И какъ будто я не продѣлывалъ уже для Костеньки того-же самаго, только не въ казенномъ, а въ частномъ дѣлѣ! Я опредѣлилъ его на калужскій заводъ, гдѣ онъ ничего не хотѣлъ дѣлать, задолжалъ всемъ и каждому и наконецъ обманно, моимъ именемъ, забралъ впередъ жалованье и исчезъ въ самую нужную минуту. Я послалъ Костеньку въ Соколки, сочинилъ для него какую-то нелѣпую синектуру, пока онъ не выкинулъ неприличной мошеннической продѣлки съ коноплей на ярмаркѣ. Никто не считалъ, сколько денегъ я передавалъ ему, сколько разъ выкупалъ заложенные чужія вещи, платилъ по подозрительнымъ вексялямъ, экипировалъ, содержалъ...

Я прошу только: «Пошлите ему опять сто, двѣсти рублей—сколько хотите, но только не требуйте, чтобы я опредѣлялъ его куда-вибудъ на мѣсто!»

Тогда Варвара Николаевна съ негодованіемъ говоритъ объ «оскорбительныхъ подачкахъ». (Костенька ничуть не считаетъ «оскорбительнымъ» сорвать съ кого возможно хоть десять, хоть пять рублей). Надо же когда-нибудь избавить всю семью отъ этой унижительной заботы, отъ вѣчнаго скандала...

— Но почему-же именно я!?!—вырывается у меня.

— Конечно потому, что онъ мой братъ! Насъ только трое... Маман не можетъ—Лидя дѣвушка—значить, къ Похлестову поѣду я, такъ какъ вы отказываетесь.

Женщины не говорятъ: я требую! Онѣ говорятъ: ты не хочешь—въ такомъ случаѣ я поѣду сама и едѣлаю твоимъ именемъ.

Маман рыдаетъ. Нѣтъ она не допустить, чтобы Варя поѣхала! Она пойдетъ сама... если бъ только она могла удержаться отъ слезъ! Но пусть, пусть... пусть этотъ Похлестовъ видитъ, каково матери!...

Маман будетъ рыдать въ кабинетѣ Похлестова... А потомъ онѣ можетъ-быть вздумаютъ послать къ нему Лиду—почему-же не испробовать силу молодыхъ улыбокъ, если слезы окажутся средствомъ черезчуръ избытымъ... И все это ради Костеньки!.. Для всѣхъ и каждаго это былъ-бы просто обманщикъ и негодяй, если бъ онъ носилъ всякую другую фамилію—но онъ фонъ-Трель, и потому самая элементарныя понятія переворачиваются вверхъ дномъ.

... Надѣюсь, что Варя по крайней мѣрѣ не окажется на высотѣ семейнаго культа. Въ крайнемъ случаѣ я предпочитаю, чтобы маманя попыталась растрогать суроваго генерала. Она мать, ей можно простить недочетъ по части гражданской честности. Маман способна клятвенно

завѣрять кого угодно, что на этотъ разъ Костеньба навѣрное исправится.

Выдерживаю, съ Божьей помощью! Однако, изъ того, что и дамы не предпринимаетъ рѣшительныхъ дѣйствій, заключаю, что моя капитуляція въ принципѣ рѣшена. Вполнѣ понятно!—въ прошломъ опытѣ нельзя найти примѣровъ достойной обороны. Осадная артиллерія та же самая...

Въ сущности, мой каждый день долженъ-бы начинаться соображеніемъ: что именно требуется отъ меня сегодня? Сопротивленіе есть нѣчто, какъ-бы вовсе не предусмотрѣнное...

Во всякомъ случаѣ — нѣчто угнетающее меня самого, еще сильнѣе чѣмъ другихъ.

Мнѣ кажется, что Лида намѣренно избѣгаетъ меня... Хитрая дѣвочка! Конечно она знаетъ о моемъ *бытьи*: она предвидитъ затруднительный моментъ, когда я категорически спрошу ея собственнаго мнѣнія о шекотливомъ «рождественномъ» вопросѣ.

Тщетная надежда, все равно ей не избѣжать неудобнаго вопроса! Съ нѣкоторыхъ поръ я чувствую за собой какъ-бы воспитательныя обязанности по отношенію къ моей молоденькой своячицѣ. Не шутя, я думаю, что жизнь значительно упорядочилась-бы и избавилась отъ многихъ напрасныхъ конфликтовъ, если-бы юныя головы приобрѣтали своевременный навыкъ относиться осмысленно къ явленіямъ повседнежнаго существованія. Пусть даже образованная барышня будетъ не очень тверда въ сложномъ тройномъ правилѣ или въ хронологіи великаго переселенія народовъ — лишь-бы она сумѣла выяснить себѣ самой логическую связь возвышенныхъ теоретическихъ мнѣній съ самыми крохотными и ничтожными фактами ея собственнаго житейскаго обихода... Но, къ сожалѣнію, мелкіе факты и повседневная «проза» ни у кого не обрѣтаются въ такомъ высокомѣрномъ презрѣніи, какъ у милыхъ барышень! И чѣмъ барышня милѣе, тѣмъ сильнѣе ея порыванія въ даль и въ высъ отъ всякой житейской прозы...

Понятный и прелестный идеализмъ, если-бы онъ не создавалъ тумана, въ которомъ высокія понятія и идеальныя требованія витаютъ оторванныя отъ дѣйствительности, — а тѣмъ временемъ житейская пошлость на полномъ просторѣ затягиваетъ въ свои ничтожныя петли философствующаго идеалиста...

Люди не думаютъ о томъ, что не существуетъ ни пошлаго, ни высокаго помимо насъ самихъ. Въ насъ однихъ и возможность и обязанность привести въ гармонію все крупныя и мелкіе элементы нашего существованія. Но мы въ большинствѣ случаевъ ничего для этого не

дѣлаемъ, мы хотимъ, чтобы намъ поднесли готовую, точно подарокъ—желанную гармонию... Мы не всегда даже сознаемъ, что безъ этой гармоніи непрочно никакое счастье.

Мы сами не знаемъ подчасъ, почему кричимъ мы о разочарованіи?..

Я взялъ, что называется, *нахрапомъ*: Столкнулся съ Лидой въ прихожей, когда она успѣла уже надѣть элегантную шапочку на свою безукоризненно причесанную головку—я преспокойно отнял у нея муфту и насильно отвелъ ее подъ руку къ себѣ въ кабинетъ.

— Все это пустое, Лидія Николаевна! Никакія государственныя дѣла васъ не ждутъ. Но такое продолжительное упражненіе въ малодушіи можетъ, чего добраго, вредно повліять на васъ.

Что называется—взять быка за рога.

Лидя назвала меня грубіяномъ и сдѣлала видъ, что не обратила вниманія на конецъ моей фразы.

— Вы становитесь не позволительнымъ капризникомъ! — сердилась она.—Ну, скажите на милость, кто позволяетъ себѣ такія выходки?!

— Тотъ, кто желаетъ иногда поставить на своемъ, отвѣтилъ я добродушно.—Почему-же только вамъ позволительно хитрить и маневрировать, чтобы избѣгать разговора со мной?

Барышня сдѣлала удивленное лицо.

— Это еще что? съ какой стати?..

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, все равно... Во всякомъ случаѣ, мнѣ нужно поговорить съ вами, а вы, какъ нарочно, очень рѣдко показываетесь у насъ это время.

Лидія Николаевна сообразила должно быть, что въ прятки играть безцѣльно.

— Еще бы! что мнѣ за охота участвовать въ супружескихъ распряхъ!—сказала она съ досадой.

Я ее внимательно разглядывалъ.

— Не сомнѣваюсь, что вы вполне *au courant*? Удивляюсь, если вы считаете распрю супружеской...

Лидя подозрительно посмотрѣла на меня и промолчала, занявшись сниманіемъ своей шапочки.

— Это вопросъ не супружескій, а семейный, Трельевскій, и потому онъ касается васъ столько-же, какъ и всѣхъ остальныхъ. Но, кромѣ того, это вообще вопросъ, серьезно затрагивающій нравственныя понятія, обязательныя для каждаго порядочнаго человѣка...

Лидя повертѣла въ рукахъ барашковую шапочку и вдругъ подняла на меня насмѣшливые глаза.

— Послушайте, Вольдемаръ... Если ужъ это совершенно неизбежно, то не можете-ли вы по крайней мѣрѣ выражаться не такъ торжественно?.. Я не привыкла, вы знаете!..

Я невольно расхохотался и сѣлъ около нея на отоманку.

...Готовъ трактовать вопросъ въ какомъ ей угодно тонѣ, но только подъ условіемъ, что она будетъ вполнѣ чистосердечна и не станетъ пытаться хитрить. Я прибавилъ:

— Пора вамъ понять разъ навсегда, Лида, что это бесполезно... Слышите-ли?—без-по-лез-но!

Она насмѣшливо прищурилась на меня.

— Слышу, слышу... и трепещу!! Впрочемъ, не знаю, что именно я должна скрывать по вашему мнѣнію?

— Не то чтобы прямо скрывать... Вы просто не любите оглядываться въ нѣкоторыхъ случаяхъ, а мнѣ именно часто хочется довести васъ до этого.

Она молчала съ какой-то неопредѣленной усмѣшкой на губахъ.

— Вы конечно знаете, чего отъ меня требуютъ?—приступилъ я. Лида молча кивнула головой.

— Ну-съ—какого-же вы мнѣнія?

— О чемъ?

Меня взорвало:

— Какъ, о чемъ?!—вотъ вопросъ!

— Нѣтъ, именно — о чемъ? объясните мнѣ! — повторила Лида настойчиво.

...Костенькиной характеристикой заниматься, понятно, не стоить... Однако каждому человеку надо-же какъ-нибудь существовать на свѣтѣ? Только по ея мнѣнію, Варя напрасно настаиваетъ, если мнѣ это неприятно... ну, да и я также неизвѣстно почему придалъ вдругъ такую торжественную важность!.. Какъ будто такъ не дѣлается всюду и на каждомъ шагѣ?.. Никто еще своей честью не ручается за всякаго, о комъ приходится хлопотать. Это самыя обыкновенныя, житейскія дѣла, такъ рѣшительно всё дѣлаютъ и я просто не знаю, потому что никогда самъ не служилъ. Навѣрное Похлестовъ нисколько не удивится, что я прошу за брата своей жены... Онъ вовсе не будетъ въ претензіи, если Костенька не окажется идеальнымъ чиновникомъ... Почему-же, наконецъ, я могу это знать?? и т. д. и т. д.

Надо слышать при этомъ, съ какимъ апломбомъ все это утверждается! О, женщины превосходно *все знаютъ*, когда имъ это нужно! для нихъ не существуетъ никакихъ затрудненій. «Такъ всё дѣлаютъ»... «такъ вездѣ принято»...—вотъ ихъ излюбленный аргументъ въ тѣхъ случаяхъ, когда не существуетъ логическихъ доводовъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя-же прямо утверждать, что позволительно злоупотреблять

чужимъ незнаемъ и доверимъ!—но... «всѣ такъ дѣлаютъ» — стало быть и разсуждать нечего: Что за претензія и въ самомъ дѣлѣ быть щепетильнѣе другихъ! «Никого вы этимъ не удивите»... «Что хотите вы этимъ доказать?» и пр. и пр. и пр. . . . .

Женщины обладаютъ удивительнымъ умѣніемъ игнорировать значеніе вещей по существу: у нихъ на все имѣются свои случайные масштабы. Пустяки и мелочи, ни съ того ни съ сего, вдругъ вырастаютъ въ величину жизненныхъ интересовъ—а самые глубокіе вопросы, трактуемые плоско и близоруко, съ непостижимой легкостью проскальзываютъ среди нагроможденныхъ вами тяжеловѣснѣйшихъ аргументовъ и неопровержимѣйшихъ возраженій...

То, въ чемъ вы только что усматривали подводный камень для своего достоинства и добросовѣтно погружались въ дебри цивической философіи—оказывается просто-напросто дѣломъ минутной сговорчивости, любезнаго настроенія или даже благоразумной эгоистической дальновидности... Весь фокусъ заключается въ томъ, чтобы и въ вашемъ умѣ произвести ту-же, мгновенную перетасовку понятій. Серьезный вопросъ, выхваченный съ подлежащаго ему мѣста, теряетъ свои истинные размѣры—попросту онъ *не умщается* въ микроскопическихъ рамкахъ случайныхъ настроеній и узкихъ желаній . . . . .

Лидя очевидно удивляется, что я не беру въ толкъ самой понятной вещи: что лично для меня несравненно покойнѣе и выгоднѣе одинъ разъ пристроить Костеньку къ мѣсту, нежели десятки разъ выручать его, все съ той-же докучной перспективой впереди. Но, понявъ мою точку зрѣнія, барышня не выставляетъ передо мною этихъ соображеній цѣликомъ—ни въ какомъ случаѣ! Это только сквозить и мелькаетъ среди ея шуточекъ и безпечныхъ замѣчаній. Ея цѣль—показать, что не стоитъ ничего принимать близко къ сердцу, и ужъ рѣшительно не стоитъ ссориться съ собственной женой изъ за Костеньки и генерала Похлестова . . . . .

Да, Варя и Лидя почти всегда сходятся въ существѣ ихъ воззрѣній, но внѣшняя манера у нихъ совершенно различная... О, я увѣренъ, что семейная жизнь моей хорошенькой пріятельницы сложится въ высшей степени легко и гладко!

Лидія Николаевна вступить въ жизнь, хорошо вооруженная своимъ и чужимъ опытомъ; не даромъ она, какъ младшая, осталась жить въ семьѣ. Она видитъ близко чужую, если и не нужду, то всячески несоотвѣтствіе матеріальныхъ условій съ фамильными традиціями, съ барскимъ воспитаніемъ и широкими запросами всѣхъ Трелей. Лидя знаетъ жизнь ближе и вѣрнѣе, чѣмъ ея замужняя сестра и мать четверыхъ дѣтей: въ приемахъ. Вари гораздо больше цѣльности и нетерпимости, больше и горячности и наивности.

Я увѣренъ, что Лида не потребуешь для себя пьедестала богини и не будетъ обидно разочарована тѣмъ, что существованіе красивой женщины состоитъ не изъ одного сплошного культа... Она это знаетъ заранее. Лида сумѣетъ прекрасно устроиться и на положеніи простой смертной, и при томъ мнѣ кажется, что она позаботится о томъ, чтобы легко жилось не ей одной. . . . .

Конечно Лидія Николаевна критикуетъ насъ — мы съ Варей не умѣемъ жить (надо сознаться, что въ этомъ она совершенно права). Я впередъ вижу, какъ ея собственное веселенькое существованіе покажется точно по рельсамъ. Все вѣдь дѣло въ томъ, какъ и когда «проводить» свои желанія... вотъ что сквозить изъ всего; что барышня говорила мнѣ въ назиданіе и въ утѣшеніе.

Самые затруднительные и щекотливые вопросы будутъ рѣшаться на лету—въ то время, какъ она застегиваетъ на рукѣ перчатку, или поднимается рядомъ съ мужемъ по бальной лѣстницѣ. Словомъ, въ такія именно минуты, когда нельзя сердиться, когда некогда углубляться въ вопросъ и невозможно спорить. А если потомъ и пожелать на досугѣ восполнить пробѣлъ—то не трудно убѣдиться, что сила перваго впечатлѣнія утрачивается безвозвратно.

Да, все дѣло въ моментѣ и въ аксессуарахъ—въ томъ, что дѣйствуетъ непосредственно на нервы и чего мы, мужчины, никогда не умѣемъ оформить. Я также этого не умѣю, но я твердо знаю, что той женщиной, которая никогда не будетъ пренебрегать этимъ, должно все удаваться.

И Лидіи Николаевнѣ будетъ все удаваться, никакая другая женщина не сумѣетъ съ такой непринужденностью протащить верблюда сквозь игольное ушко. Но въ чемъ-же секретъ?.. Отчасти быть можетъ въ добротѣ, ей несомнѣнно присущей. У Лиды есть нѣкоторое представленіе о томъ, что не слѣдуетъ ничего брать даромъ . . . . .

Что-же случилось, однако, съ моими практическими уроками, съ цѣлію разсѣять «идиллическій туманъ юныхъ головъ»?..

О, вѣчная, упрямая слѣпота! о, несокрушимая, подкупающая иллюзія хорошенькихъ глазокъ и молодыхъ улыбокъ!..

Вмѣсто того не поступить-ли мнѣ самому въ науку къ хорошенькой свояченицѣ?..

Мамаи перестала бывать у насъ.

Миссъ Гартонъ, съ свойственной ей систематичностью, заводитъ объ этомъ рѣчь за каждымъ завтракомъ и обѣдомъ. Варя снисходитъ до объясненій, предназначенныхъ спеціально для меня. Дѣти спрашиваютъ о бабушкѣ. Сегодня ихъ торжественно отправили къ ней съ визитомъ.

Варя больна. Гаспаръ Гаспаровичъ поетъ о спокойствіи и о вредѣ огорченій. Не знаю, о чемъ поетъ Ключевъ, усердно развлекающій Варвару Николаевну въ ея затворничествѣ.

Какъ все это скучно!..

Со мною холодно любезны. Это слѣдующая степень за простой холодною, когда не глядятъ и не разговариваютъ. Это означаетъ, что получить прощеніе будетъ очень и очень трудно... послѣ того, какъ я побываю у генерала Похлестова . . . . .

...Откуда взялась у меня такая закоренѣлость!? Право, я готовъ иногда пожалѣть о безумныхъ минутахъ, когда мнѣ ничего не стоило терять голову въ переполохѣ всѣхъ чувствъ и мыслей... Тогда я барахтался по горло въ живыхъ и грозныхъ волнахъ, а минутами такъ и совсѣмъ, съ головой исчезалъ подъ ними. Теперь — созерцаю издали, съ своего отвоеваннаго сухого бережка, бесплоднаго, мертваго...

Издали причудливыя волны являются правильными, строго рассчитанными, однообразными, одна, какъ другая...

Гдѣ — въ чемъ ихъ очарованіе? . . . . .

За завтракомъ подали письмо «отъ генеральши», какъ называется прислуга.

Варя прочла, швырнула письмо на столъ и залилась слезами.

...Для чего, для чего ее столько терзаютъ?! Какъ будто она что-нибудь можетъ! О, да, когда-то одного ея слова было совершенно достаточно — но времена перемѣнились... Теперь она можетъ сколько угодно просить и сокрушаться, это никого больше не трогаетъ! Женщины глупо вѣрятъ, когда имъ расточаютъ клятвы «носить ихъ на рукахъ цѣлую жизнь, всегда исполнять малѣйшее желаніе» и пр. и пр. Онѣ не понимаютъ, что такъ нужно для того, чтобы взять ихъ молодость, красоту — а потомъ... ха!.. стоитъ-ли церемониться?! Потомъ являются на сцену затрудненія, благоразуміе, цѣлыя горы препятствій изъ-за каждой мелочи...

Женскія желанія всегда «мелочи» для насъ и всегда страшно важны для нихъ — иначе не бываетъ. Но какимъ-же образомъ выходитъ, что онѣ совсѣмъ и не видятъ въ жизни ничего кромѣ желаній?! Одни желанія являются мѣриломъ всего: довольства, счастья, нашей любви къ нимъ, всей судьбы ихъ! «Онѣ исполняютъ ея малѣйшее желаніе» — существуютъ-ли другой идеалъ женскаго счастья, я-бы хотѣлъ знать?..

И какимъ маленькимъ, ничтожнымъ, обезличеннымъ чувствуешь себя, точно вымѣренный весь на какой-то лавочный аршинъ . . . . .

Да, да! *клялся* всю жизнь носить на рукахъ, исполнять каждое желаніе... видитъ Богъ, не для того только, чтобы «взять молодость и красоту!»... Любить — значитъ сдвигаться во едино всѣми побужденіями

и желаніями, вотъ почему это такъ легко! Потому люди совершенно искренно провозглашаютъ: «Пожелай—и я брошусь изъ этого окна!»..

Сливаться веѣми желаніями... но что-же знаемъ мы объ этомъ?! Мы знаемъ пока лишь одно желаніе, подавляющее, вытѣсняющее все остальное... И только когда начнеть блѣднѣть зарево могучаго пожара—жизнь выступаетъ въ своихъ истинныхъ очертаніяхъ. Только тогда начинаютъ узнавать, каковы тѣ вкусы и желанія, которые обязались поставить своимъ закономъ . . . . .

Долго она говорила. Страстно, проклиная прошлое, издѣваясь надъ своимъ ребяческимъ невѣдѣніемъ, негодуя и рыдая... Забывшись, не обращая вниманія на то, что ее слушаютъ... Мое молчаніе, какъ будто, только сильнѣе раздражало ее.

Не о Костенькиной судьбѣ, конечно, шла тутъ рѣчь.

Миссъ Гартонъ, въ переполохѣ, все совалась къ ней со стаканомъ воды, пока однимъ негодующимъ жестомъ стаканъ вышибло у нея изъ рукъ и онъ со звономъ полетѣлъ на полъ.

Варя убѣждала къ себѣ. Англичанка понеслась за ней слѣдомъ, осыпая ее своей убѣдительною скороговоркой.

Въ столовой разомъ точно упала свинцовая тишина.

Дѣти ошеломленные, неподвижныя на своихъ мѣстахъ, смотрѣли большими глазами то на меня, то на луку на полу, съ крупными осколками стекла.

Что творилось въ этихъ оглушенныхъ головкахъ?..

Вотъ—вотъ та артиллерія, передъ которой должна пасть осажденная крѣпость!..

... Пусть-бы отравляли колодцы, отводили живую воду—гарнизону не все-ли равно погибать такъ или иначе? Но вѣдь подъ прикрытіемъ могучей крѣпости всегда ютятся мирныя селенія, не обязанныя героизмомъ. . . . .

Такая жизнь невозможна.

Постараюсь припомнить все по порядку.

Старикъ оказался въ особенно добродушномъ настроеніи и продержалъ меня больше часа. Много говорилъ о матери и припоминалъ разные интересные эпизоды изъ ихъ дѣтства и юности.

— Н-да! Могу сказать, не ожидалъ я, чтобы изъ тебя вышелъ когда-нибудь герой сенсаціоннаго романа!—огорошилъ онъ меня совершенно неожиданно, разглядывая безцеремонно своими ястребиными глазами.

Я весь покраснѣлъ, какъ школьникъ, захваченный врасплохъ.

— Извини, братецъ, а былъ ты совсѣмъ-таки невзрачный деревенскій мальчонка, забалованный до гадости. Ну, ну, не сердись!.. Ста-

рику не грѣхъ сболтнуть лишнее... Видно, не въ мать уродился,—мы, Похлестовы, въ герон не годимся, куда намъ! Папенка это въ тебѣ. кудесникъ, бурлить...

— Я сидѣлъ точно на угольяхъ, и не знаю ужъ, что выходило изъ моихъ ушей улыбаясь снисходительно... Старикъ ласково поблескивалъ своими сердитыми глазами.

— Ну, ну!.. Чай видать королевну-то твою... Красавица писанная, что и толковать! Тутъ не мудрено, что и дядю старика какъ-нибудь невзначай вспомнешь... Ха, ха, ха!.. Всего доведется!..

«Самое обыкновенное дѣло, такъ всегда дѣлается!»—пронеслась въ моей памяти самоувѣренная интонація Лиды.

— А тебя-то самого на службу пока не опредѣлили еще?.. Жаль, жаль... доброе-бы дѣло! Въ безсмѣнномъ нарядѣ на ординарцахъ состоять почище будетъ и служба государевой... или неправда?.. Да ты, другъ, не смущайся!.. У кого жизнь за плечами, того, знаешь-ли, ничѣмъ ужъ не удивить... Слухомъ земля полнится. У бабъ этихъ и все такъ: ахи да вздохи, нытье да жалобы, а кто на повѣрку волю свою творить? а? Какая на нихъ узда, я тебя спрошу? Обдѣленные... безправныя... рабыни... тфу!

Онъ яростно стукнулъ кулакомъ по столу.

— Правда истинная, что про бабъ законъ не писанъ, только это онѣ либо съ дуру, либо отъ лицемѣрія одного на судьбу свою плачутся... Законъ-то, батюшка, небось о-го-го!.. тяжеленько на загривкѣ лежитъ!.. А имъ что? Ни субординаціи, ни инстанціи никакой и во снѣ не снятся! Онѣ, шельмецы, прямо... со всякой своей фантазіей, на Высочайшее имя жарятъ!.. Ха, ха, ха!..

Старикъ зычно, продолжительно расхохотался, очень довольный собственной метафорой.

Признаюсь, не слишкомъ лестно чувствовать себя мальчишкой, тѣмъ манекеномъ, на котораго многоопытные старцы любятъ примѣривать свою житейскую мудрость.

Одно хорошо: совѣтъ мою дядюшка не искушалъ, никакихъ аттестаций Костенькинымъ добродѣтелямъ не потребовалось. Замѣтивъ, что меня коробитъ отъ его безцеремоннаго тона, онъ обуздалъ себя и принялся подробно разсирасивать про нашу родню.

— Ничего, семейка благодатная... видно, что нѣмецкаго корня!—пошутилъ онъ добродушно.—А что я еще спросить тебя хотѣлъ... ужъ извини, Владиміръ Ивановичъ! вижу, что ты щепетилень изрядно, да вѣдь, какъ-ни-какъ, не чужимъ и мнѣ доводишься... Болтаютъ и пустиковъ довольно!..

Я уже поднялся уходить, и мы стояли другъ противъ друга въ серединѣ большого кабинета.

— Правда-ли, что первая твоя... какъ бишь?.. Косухина? будто она давно ужъ въ Петербургѣ здѣсь живетъ?

Меня точно всего кипяткомъ обдало. Самъ чувствовалъ, какъ блѣднѣю подъ его пытливымъ взглядомъ... Точно старикъ подстеречь меня хотѣлъ... Что онъ думалъ? Богъ его вѣдаетъ!

Въ первую минуту я просто не повѣрилъ и началъ горячо разувѣрять, точно съ перепуга.

Онъ долго слушалъ, покручивая усы.

— Да... что-жъ ты, братецъ, такъ горячишься?.. Можетъ брешуть, а можетъ и правда—все возможно! Думалъ, ты не знаешь-ли чего вѣрнаго? Невѣроятнаго тутъ ничего нѣтъ.

... Конечно—ничего невѣроятнаго! . . . . .

Отъ кого дядя слышалъ? Онъ не могъ или не хотѣлъ назвать. Все равно, теперь я узнаю!..

Кажется, дядюшка заподозрѣлъ меня въ чемъ-то?..

Да, безъ сомнѣнія, въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго.

Дверь открылась, и передо мною стояла Саша...

Теперь мнѣ это кажется до-нельзя просто: кажется прямо немислимымъ, чтобы никогда не встрѣтились, когда мы оба живы... Но въ ту минуту не знаю, какъ я устоялъ на ногахъ!

— Ахъ, Господи!.. вы?.. входите, входите, пожалуйста...

Она посторонилась, и я вошелъ. Не знаю, какъ раздѣлся, какъ очутился въ комнатѣ. И сейчасъ-же поспѣшно сѣли къ какому-то столу. Смутно видѣлъ очень блѣдное лицо...

Нѣтъ, жизнь еще стоитъ чего-нибудь, пока возможны случайности. Рѣшился-ли-бы я пойти къ Желтковымъ, если бъ зналъ, что меня ждетъ тамъ? Нѣтъ, конечно не рѣшился-бы! Какое благополучіе, что я ничего не зналъ, какъ теперь я благодаренъ Еленѣ Федоровнѣ за ея скрытность!

Вернулся отъ Похлестова самъ не свой и рѣшилъ завтра-же отправиться къ моимъ москвичамъ, чтобы провѣрить нелѣпый слухъ. Фхалъ форменнымъ школьникомъ, подавленный сознаниемъ, что со мною могутъ поступить совершенно какъ имъ заблагоразсудится... Даже руки дрожали, когда звонилъ у невзрачной двери въ пятомъ этажѣ скверной лѣстницы.

Передо мною стояла Саша!!! . . . . .

Если бъ я готовился къ встрѣчѣ, я вѣроятно волновался-бы гораздо сильнѣе... Наташилъ-бы, какъ водится, всякихъ пустяковъ, всѣхъ этихъ грошовыхъ соображеній, которыя намъ кажутся необыкновенно глубоко-мысленными. Но я не готовился, и было только жуткое впечатлѣніе ошеломяющей внезапности...

Сегодня я радуюсь, теперь я ликую — но тогда меня охватила только ничѣмъ не прикрашенная серьезность момента... Да, ничего *серьезнѣе* этой встрѣчи я не переживалъ въ моей жизни. Ничего правдивѣе того, что мы говорили другъ другу...

Она перемѣнилась. Чѣмъ дольше смотришь, тѣмъ перемѣна больше. Бываетъ, что узнаешь человѣка не сразу, а какъ присмотришься, мало-по-малу и находишь старое... Наоборотъ: въ первый мигъ я увидалъ Сашу—потомъ передо мной сидѣла совсѣмъ другая женщина. Та была дѣвочка. Эта ее напоминаетъ только...

Она очень скоро оправилась и заговорила безъ всякаго смущенія. Спросила отъ кого я узналъ, что она живетъ у Желтковыхъ.

Отвѣтилъ, что ничего не зналъ, что никогда не посмѣлъ бы прійти, не получивъ предварительно ея разрѣшенія на то.

Она опустила глаза... А когда подняла ихъ, въ нихъ было такое ласковое, открытое выраженіе, что я понялъ: вотъ, сейчасъ она скажетъ что-то хорошее...

— Я очень рада, что вижу васъ. Можетъ быть они правы, что это неловко... (она чуть-чуть запнулась), но вы вѣдь знаете меня, Владиміръ Ивановичъ, какой я простой человѣкъ... Я думаю, что неловкость пустяки... Не правда-ли? Есть вещи гораздо, гораздо болѣе важныя...

Она это сказала, большая, взрослая Александра Васильевна, напоминающая нашу маленькую Сашу!! Мнѣ хотѣлось молча взять ея руки и благоговѣйно цѣловать ихъ...

... Ей давно хотѣлось, чтобы я *успокоился* на ея счетъ. Она была увѣрена, что я не забылъ ея и что мнѣ необходимо знать, какъ ей живется.

Сѣрые глаза смотрѣли на меня серьезно и ясно. Что выражало мое лицо, не знаю... Въ груди точно саднило ощущеніе необъятной вины...

— И мнѣ самой хотѣлось знать, какъ вы живете. Не вѣрю я, чтобы нужно было когда-нибудь бороться противъ добраго чувства... Что-же дѣлать!.. Мы оба поступили одинаково опрометчиво—изъ этого разумѣется, не могло выйти ничего хорошаго... Слава Богу, что такъ кончилось!..

«Слава Богу»—и съ какимъ глубокимъ убѣжденіемъ! Если-бъ я тревожился еще насчетъ неизлѣчимости ея ранъ, то теперь все подобныя сомнѣнія должны разсѣяться.

Я посвѣшилъ дать другое направленіе разговору: я спросилъ, почему она въ Петербургъ, и какъ идетъ ея грачевская школа?..

Да, я спросилъ... не подозрѣвая всей глубины позорнаго эгоизма, какой таится въ моемъ вопросѣ.

Ея школа!..

Въ роковую минуту она схватила за школу, чтобы создать себѣ какое-нибудь мѣсто въ жизни, какую-нибудь почву подъ ногами. Она была только неопытный ребенокъ, она не знала жизни и не подозрѣвала всей важности шага, сдѣланнаго съ великодушной отвагой.

... Она была ребенокъ—но я—я?! Я тоже многого не зналъ тогда и я былъ невмѣняемъ въ моей горячкѣ... Правда. Но вотъ и теперь, черезъ семь лѣтъ, я беззаботно задалъ свой вопросъ!.. За цѣлую полосу жизни я не вышелъ изъ заколдованнаго личнаго міра съ его бурями...

Въ первую минуту я не могъ понять ея смущенія; удивлялся, почему она избѣгаетъ смотрѣть мнѣ въ глаза и начала вдругъ какъ-то невразумительно комкать слова...

... Нѣтъ, школа не состоялась... Никакъ нельзя было. Она не знала раньше... Она прожила два года съ братомъ и тамъ учила ребятъ... Немного... Школа въ Грачевкѣ не могла состояться...

Однако я до тѣхъ поръ спрашивалъ, почему и отчего могло такъ случиться, пока не вырвалъ наконецъ смысла ея уклончивыхъ отвѣтовъ. Вотъ когда я сгорѣлъ со стыда за свое недомысліе!

И такъ, г-нъ Громилинь, вы не потрудились даже взвѣсить всѣхъ послѣдствій развода для женщины, которая возвратила вамъ свободу! Вы не знали, что женѣ, разведенной такимъ образомъ, никогда не разрѣшатъ вести школу, какъ не позволили бы воспитывать даже и собственныхъ дѣтей, если-бъ они у нея были... Васъ такъ утѣшала эта школа! Было такъ успокоительно воображать, что она къ чему-то пристроилась въ жизни, послѣ того какъ ее бросили на распути . . . . .

Три года какъ она въ Петербургѣ учится на фельдшерскихъ курсахъ; черезъ годъ съ небольшимъ кончаетъ курсъ и уѣдетъ прямо на мѣсто фельдшерицы въ нашъ Т—ской уѣздъ.

Однако одинъ пунктъ такъ и остался невыясненнымъ: почему же собственно она не осталась жить съ братомъ, а вздумала уѣхать въ Петербургъ на курсы? Повидимому, въ этомъ тоже кроется какое-то щекотливое обстоятельство...

Она только повторяла на всѣ лады, что «все къ лучшему», что теперь только она попала на настоящую дорогу и можетъ быть совершенно спокойна за свое будущее. Очень возможно, что это такъ. У нея виолнѣ счастливый, увѣренный тонъ, и она всячески старалась убѣдить меня...

Но во мнѣ, точно раны, горѣли всѣ темные намеки и внезапныя догадки... Я смутно понимаю теперь, что ей пришлось вѣроятно вынести много такого, о чемъ я даже и не думалъ никогда,—чего я должно быть никогда не узнаю!..

... Да, конечно, я не могъ сомнѣваться, что разбиваю ея счастье — и мнѣ необходимо нужно было повѣрить въ ея ребяческія иллюзіи!.. Я жадно схватился за ея собственную мечту...

... Саша поселилась съ братомъ, ея Вася въ ней души не чаетъ и оставить ей свою Грачевку. У Саши есть школа, она можетъ посвятить свою жизнь дѣтямъ. Она обожаетъ дѣтей... Саша вернулась домой, въ родную Грачевку.

... Какъ не трудно успокоиться на чужой счетъ, чтобы устранить съ дороги тревожащій призракъ!..

Никогда я бы не повѣрилъ, что это возможно: что когда-нибудь такъ просидимъ вмѣстѣ долго—часъ, быть можетъ—и она просто и дружески будетъ рассказывать свои дѣла, безъ тѣни горечи, или бравады, или смущенія... Будетъ смотрѣть на меня оживленными и серьезными, знакомыми и въ то же время совершенно чужими глазами.

... Послѣднее время я иногда думалъ о томъ, что мы можемъ когда-нибудь встрѣтиться... Случайно. Мнѣ казалось, что это будетъ тяжело... жутко... что оба мы будемъ смущены и взволнованы... Казалось, что въ нашихъ ощущеніяхъ на первомъ мѣстѣ должна быть наша прошлая близость... И какъ я ошибался!.. Одно, о чемъ я ни разу не вспомнилъ во время всего нашего разговора.

... Да, это одно исчезаетъ изъ жизни безслѣдно — и только оно держитъ насъ въ своей власти всецѣло.

Для меня—это только женщина, незаслуженно обманутая въ своемъ довѣрїи ко мнѣ. Она видѣла человѣка, который сдѣлалъ ей зло, но хотѣла утѣшить его, потому что когда-то любила и не хотѣла повѣрить, чтобы онъ сталъ негодяемъ. Ничего больше. Мужа и жены какъ будто никогда не было. Натура человѣческая чище, чѣмъ сами мы нерѣдко о себѣ думаемъ.

Я забылъ, какъ я любилъ ее... Помнить любовь нельзя. Но неужели когда-нибудь я перестану помнить, что гдѣ-то на свѣтѣ бьется одинокое существо, у котораго я все отнял!..

Въ сущности, вѣдь это одно, что я узналъ:—что она совершенно одинока. Та опора, на которую я надѣялся для нея, какъ на каменную гору,—не состоялась, по причинамъ мнѣ неизвѣстнымъ. Ее ждали крушенія, разочарованія, какихъ она не подозрѣвала... Вѣроятно и еще многое, о чемъ я никогда не узнаю.

Послѣдній итогъ подведемъ: я ее видѣлъ, мнѣ нечего больше желать! Я выслушалъ все, что она готова была сказать мнѣ, и не имѣю права любопытствовать, о чемъ она разсудила умолчать...

Я не думаю, чтобы это было справедливо! все, что было и будетъ еще дурного въ ея судьбѣ—все это меня касается самымъ существеннымъ образомъ, потому что такъ или иначе все зло исходитъ отъ меня.

Вотъ совѣтъ иное дѣло всея плюсы ея новаго существованія! — въ нихъ я, разумѣется, не играю никакой роли.

Она не изнемогла подъ ударомъ. Она сидѣла передо мною, возмужавшая, увѣренная и спокойная — и этимъ она себя одной обязана, никому больше.

... Удивительно, однако, что я не чувствую ни малѣйшаго облегченія. Никакой камень не «свалился съ моей души», какъ говорится въ подобныхъ случаяхъ, послѣ всехъ ея успокоительныхъ рѣчей. . . . .

Какъ-бы то ни было, теперь вопросъ этотъ пора сдать въ архивъ развѣ навсегда — иначе онъ грозитъ разрастаться съ быстротой сибѣрнаго кома. Надо кончить съ нелѣпой двойственной жизнью.

Я все узналъ. Попросту поѣхалъ въ желѣзнодорожное управление и разыскалъ тамъ Матвѣя Петровича Желткова.

Конечно, я напередъ зналъ, что почтенный супругъ Елены Федоровны ничуть не расположенъ возобновлять нашего знакомства — но для меня это въ значительной степени безразлично. Я охотно избавилъ-бы его отъ непріятности, если-бъ видѣлъ другой способъ.

Правда, было нѣсколько неожиданно, что старичокъ откровенно началъ съ очень горячаго, желчнаго реприманда... Они съ женою никакимъ образомъ не ожидали отъ меня, чтобы я могъ позволить себя нарушить покой Александры Васильевны. Съ моей стороны это не только безтактно, но можно даже сказать безсердечно и т. д., и т. д.

Очевидно, благородное негодование затемнило и безъ того не особенно мощную логику Матюши: по крайпей мѣрѣ мои настойчивыя указанія на то обстоятельство, что я не подозрѣвалъ даже, что Александра Васильевна живетъ съ ними, не возымѣли никакого смягчающаго дѣйствія.

... Порядочные люди не врываются въ дома насильно... Тотъ, кто нанесъ другому смертельное оскорбленіе, обязанъ по крайпей мѣрѣ оставить въ покоѣ свою жертву и, здорово живешь, не растревлять ея ранъ...

Долженъ-ли я заключить изъ этого, что наша встрѣча взволновала ее?..

Весь урокъ прописной морали пришлось выслушивать терпѣливо, для того, чтобы вырвать у расхваливаемаго старика тѣ свѣдѣнія, за которыми я пришелъ. Это сдѣлалось сравнительно уже легко: Матвѣю Петровичу очевидно доставляло какъ-бы нѣкоторое удовлетвореніе бросить мячъ въ лицо все, что усугубляетъ трагичность положенія...

«Каменная гора», на которую я безопасно свалилъ неудобную ношу, оказалась надежной ровно столько-же, какъ и я самъ: Василій Васильевичъ Косухинъ женился! Совѣтная жизнь съ его супругой оказалась совершенно невозможной для его сестры!

... На мнѣ лежитъ такое количество всевозможныхъ запретовъ, что я поневолѣ научился обходиться безъ правъ: права сами по себѣ, а мысли и чувства тоже сами по себѣ...

Признаю охотно, что именно я *не имю права* удивляться — но безъ малѣйшаго права я все таки сражень—сражень изумленіемъ!! Василій женился... Женился на женщицѣ, которая выжила изъ дому Сашу... Женился на разбитной, дебелий купчихѣ, открывшей лавочку по соседству съ Грачевкой. . . . .

Т—ская купчиха, превратившись въ помѣщицу, находитъ неприличной для своего сана близость съ особой, «оскандальной на всю губернію»... У нея, безъ сомнѣнія, имѣются вполнѣ опредѣленные планы насчетъ достоянія и самой персоны землевладѣльца Косухина.

Помимо всего этого, Матвѣй Петровичъ доставилъ себѣ удовольствіе воспроизвести передо мною вкратцѣ все оскорбительныя перипетіи грубаго столкновенія съ подлежащими властями изъ-за Грачевской школы...

Теперь мнѣ легче: есть нѣкоторое вѣроятіе, что я все узналъ, что подъ безмятежной улыбкой Александры Васильевны не скрывается больше никакихъ черныхъ загадокъ. . . . .

... Боже правый!—да чѣмъ-же существуетъ она три года здѣсь, въ Петербургѣ??... Какъ могъ я забыть объ этомъ вчера!?..

Быль ошеломленъ разказомъ Желткова. Этой лавочницей, хозяйничавшей въ старомъ Грачевскомъ домѣ, гдѣ выросла Саша, гдѣ мы переживали столько свѣтлыхъ, поэтическихъ часовъ—куда она вернулась отъ меня къ себѣ, *домой*. . . . .

Чѣмъ—чѣмъ она можетъ существовать въ Петербургѣ!?! Она ничего не согласилась взять. У нея ничего и никого не было, кромѣ ея Васи. Безъ сомнѣнія, т—ская купчиха прежде всего признаетъ недѣлимость скромныхъ доходовъ Грачевки—и понятное дѣло, что ея воля тамъ законъ...

Люди не женятся безнаказанно на лавочницахъ.

Куда-же пойду я теперь, чтобы выяснитъ себѣ все это??..

Мама торжественно приѣхала благодарить меня.

Она расплакалась, и во что-бы то ни стало пожелала произнести до конца свой патетическій спичъ: какъ ей тягостно, что ея семья постоянно вынуждена пользоваться моими услугами... Какое у меня ангельское сердце... Какой камень я снимаю съ ея души... Какія благословенія посылаетъ мнѣ спасенный Костенька...

О, Господи!!..

Почему непременно надобно сдирать съ одного вола двѣ шкуры, и ему и себѣ на муку??.. Довольно-бы, кажется: получилъ, чего хотѣлъ,

заставилъ едѣлать по своему, противъ воли и совѣсти—ну, и радуйся, оставь наконецъ въ покоѣ!!.. Къ чему эта дикая смѣсь лицемѣрныхъ словъ и искреннихъ слезъ?!

Какое тутъ, къ чорту, «ангельское сердце», коли у васъ вырываютъ что-то, приставивъ ножъ къ горлу?! Возможно-ли повѣрить въ «тягостность моихъ благодѣяній», когда несравненно естественнѣе усмотрѣть, какъ все помыслы и дѣянія только къ тому и направлены, чтобы при моей помощи насаждать возможно большее благосостояніе въ обширной колоніи фонтъ-Трелей?

И при этомъ, какія горячія слезы, какой правдивый тонъ! Не знаешь, право, что это такое? Наивная-ли вѣра въ искупающую силу хорошихъ словъ, или только нахальство, не желающее ничѣмъ поступиться: и богатство пріобрѣсть, и невинность соблюсти.

И зачѣмъ, собственно, мы позволяемъ женщинамъ считать насъ такими дураками?! Будто ужъ невозможно хоть когда-нибудь вывести, что называется, на чистую воду такую благодѣтельницацу?

Гм... это, конечно, логически возможно. Но... но на практикѣ нельзя не отступить передъ тѣмъ, сколько придется выслушивать!.. О, слова—это великая сила женщинъ! и именно потому, что онѣ не умѣютъ или быть можетъ не желаютъ говорить такъ, какъ мы говоримъ. Къ ихъ прихотливымъ импровизаціямъ мудрено предъявить какія-нибудь формальныя требованія.

Не угодно-ли попытаться доказать мамашѣ что-нибудь, чего она не желаетъ признавать... нѣтъ, нѣтъ! Я гораздо охотнѣе заключилъ-бы съ почтенной маман маленькое нотаріальное условіе, по которому она обязалась-бы не приносить мнѣ никакихъ традиціонныхъ благодарностей и словословіи, по имѣющимъ быть впредь отъ сего числа проявленіямъ моего ангельскаго сердца.

Костенька тоже имѣлъ пламенное желаніе лично принести мнѣ свою благодарность, если-бъ не былъ отвлеченъ заботамъ первостепенной важности: приведеніемъ въ приличный видъ своего гардероба, для предстоящаго представленія генералу Похлестову.

Еще и это не миновало-бы меня, если-бъ не выручили старые брюки милаго шурина.

Вотъ это—негодованіе Варп, я напередъ зналъ. Здѣсь, по крайней мѣрѣ, нѣтъ лицемѣрія! Однако, почему-бы именно здѣсь не быть простому побужденію справедливости? . . . . .

Я, пожалуй, понимаю, какъ тяжело... но нѣтъ! самое понятіе колеблется тамъ, гдѣ выборъ совершенно свободенъ. Не *понимаю* я, а только *вижу*... Чѣмъ для меня труднѣе исполнить предъявленное мнѣ требованіе. тѣмъ пріемъ холоднѣе и неприязненнѣе... поразительно, но это именно такъ!

И никогда не было иначе. Даже тогда... Мои жертвы — все, что я долженъ былъ превозмочь и опрокинуть для того, чтобы завоевать эту любовь—заслугой никогда не были. Точно воевъ и не признавалось жертвы въ этихъ перевернутыхъ судьбахъ, разбитыхъ сердцахъ, во всѣхъ пережитыхъ мукахъ! Я виноватъ, что путь не лежалъ свободнымъ и открытымъ... Это *мнѣ* приносили жертву, соглашаясь вступить на него, вопреки всему...

О, наши ощущенія безошибочны! Я никогда и не ждалъ признательности, сочувствія... Только рабски молилъ позволенія схватиться съ судьбою и вырвать драгоценный призъ... Я не считалъ жертвъ, расплатъ и усилий—есть жертвы и усилия, которыя не идутъ въ счетъ...

И это всегда самыя тяжкія.

Такъ повторяется и до сихъ поръ, во всѣхъ мелочахъ. Напримѣръ, мнѣ цѣлое лѣто не могли простить Крыма, да въ сущности и не простили. Развѣ это не извращенная гордость какая-то?.. добровольно *требовать*—и въ то-же время возмущаться передъ необходимостью протянуть руку, чтобы взять... Но, наконецъ, не въ моей-же власти обойти и эту неприятную стадію!!.

Или, можетъ быть, я только не умѣю, не догадываюсь, какъ это надо едѣлать?..

«Я воображаю, что легко просить, что сладко принимать!.. Я считаю, что для женщины только естественно зависѣть отъ мужа во всѣхъ своихъ потребностяхъ, желаніяхъ и даже въ самыхъ безкорыстныхъ побужденіяхъ... Ничего подобнаго *мы* не испытываемъ и потому не можемъ понять. Мы всегда дѣлаемъ только то, чего мы сами хотимъ (!?)...»

Очевидно, что ничего подобнаго я никогда не говорилъ, такъ никогда не думалъ,—но это совершенно все равно: раздражаютъ не мои слова, а самый фактъ. Слова и мысли мнѣ приписываются произвольно для того, чтобы объяснить себѣ какъ-нибудь собственное раздраженіе. Только такъ я и могу это понять! . . . . .

Однако—что дѣлать? гдѣ средства противъ этого? вѣдь такъ идти это не можетъ, такъ жить нельзя!!.

Уступивъ, сдавшіеся (постыднѣйшимъ образомъ!), я чувствую себя какимъ-то палачемъ: мамап раболѣпствуетъ, Варя чувствуетъ себя униженной, точно оскорбленной. Я не смѣю подойти къ ней—ничьи глаза никогда не обдавали меня такимъ отчуждающимъ холодомъ... Какъ разобратъ въ такомъ хаосѣ?! Какъ понять, въ чемъ заключается моя виновность!?

Варя—сама искренность: ея слезы, негодованіе, ея вражда ко мнѣ въ такія минуты... Человѣкъ не можетъ заставить себя чувствовать иначе; вольны мы только надъ своими поступками, а поступки фатально оказываются всегда на моей сторонѣ. Стало быть, я долженъ поступать

иначе для того, чтобы у нея не было такихъ извращенныхъ ощущеній...

Боже мой, пора-же кому-нибудь начать мыслить логично—не существуетъ вѣдь никакого другого средства разобратся въ хаосѣ!..

...Мнѣ не слѣдовало бороться. Въ самомъ дѣлѣ—*зачѣмъ?*.. Все осталось совершенно въ томъ-же видѣ, какъ было-бы и безъ моего сопротивленія... Что такое борьба безъ возможности побѣды?!.. «Пасть со славой на полѣ брани...» Увы, житейская борьба—не поле чести, и павшимъ славы нѣтъ. Въ результатѣ — потерянное время и отравленная жизнь; мы оказываемся оба одинаково измученными и униженными: она—своей побѣдой, я—своимъ поражениемъ. Бесплодныя муки и раздраженіе... Никакія муки не проходятъ безслѣдно, раздраженіе накапливается—но развѣ-же это не безуміе?! Это прямая опасность!..

Хладнокровіе, Громилинь, хладнокровіе прежде всего!!

...Она не можетъ заставить себя чувствовать иначе, я тоже не могу измѣнить своихъ мыслей. Но въ этомъ и нѣтъ прямой надобности... Зачѣмъ ей знать мои думы, когда для всеобщаго мира и благоденствія важны только одни факты?.. Если, въ концѣ концовъ, я неизбежно сдѣлаю такъ, какъ она хочетъ, то нужно-ли ей знать, въ какой мѣрѣ это противорѣчитъ моему образу мыслей или ломаетъ мои вкусы!? Вѣдь это ни на іоту не облегчаетъ моей задачи и несомнѣнно ухудшаетъ ея положеніе.

Давно, давно слѣдовало понять это! Идти навстрѣчу желаніямъ—совсѣмъ не такая ужъ мудреная задача. Разъ, что я вынужденъ сдѣлать что-нибудь—почему это не можетъ быть въ то-же время и моимъ желаніемъ? Желанія касаются только насъ самихъ... Какъ удивительно упрощается все дѣло!!..

Только побольше логики, Громилинь!

Если вы не желаете, то и не дѣлайте. Если вы дѣлаете, то и желайте. Это одно придастъ вашему облику цѣльность и ясность, дѣйствующую успокоительно на окружающихъ. Диссонансы раздражаютъ нервы...

Вы должны принимать холодныя ванны и вы боитесь холодной воды. Но это неизбежно—и потому приучите себя нырять въ ледяную пучину съ бодрымъ смѣхомъ. Зрители будутъ съ удовольствіемъ созерцать ваши молодецкія упражненія и одобрительно кивать вамъ головой. Чего вы достигнете, если вмѣсто этого дадите волю своимъ нервамъ, станете содрогаться и испускать жалобные вопли?..

Вода не сдѣлается теплѣе. Только публика получитъ право презрительно тѣшиться вашимъ безволіемъ.

Не даромъ гладіаторы приучались даже умирать въ красивой позѣ и съ улыбкой на устахъ! . . . . .

Фиктивная—искусственная—но все-же гармонія... о, ея выгоды неисчислимы! И прежде всего, въ интересахъ «мирныхъ селеній»: вѣдь они могутъ процвѣтать только подъ сѣнью мпра!—вѣдь они погибнуть должны отъ одного грохота палящей изъ всѣхъ своихъ орудій крѣпости!..

... Вы не даромъ отвоевали себѣ недосыгаемый бережокъ, Громилинь, вы не даромъ научились размышлять... Никто не виноватъ, что научились вы этому черезчуръ поздно.

Искренность... слияніе душъ... но вѣдь это только *счастіе!* То, что дается даромъ, то, что есть или нѣтъ—какъ красота, какъ талантъ... Это даже не объектъ для размышлений—отверзи сердце твое и вмѣсти!

Но во всемъ существуютъ градаціи. Возможно еще сознательное упорядоченіе отношеній—гармонія видимая, дающая внѣшнее благообразіе вмѣсто ежеминутныхъ стычекъ обоюдной искренности, вмѣсто бурныхъ и бесплодныхъ сценъ, стихійно разражающихся на глазахъ у цѣлаго дома.

Это должно быть достигнуто!

Да, я вижу средство, и оно въ моей власти. Да, это значитъ взять *все* на себя одного—но другого средства я не вижу.

Вѣроятно-ли, чтобы и другая сторона сочла нужнымъ и въ свою очередь изыскала такое средство?.. Надежды должны быть обоснованы какъ-нибудь, иначе это только ребяческой самообманъ!

Искренность!..

Парусъ могучій и коварный... Любо довѣриться его силѣ на вольномъ просторѣ глубокаго, родного моря! Но кому суждено зимовать въ бурной и скалистой гавани—тотъ пусть припасаетъ себѣ во время якорь потяжелѣе, да канаты покрѣпче. Тотъ пусть припрячетъ подальше опаснаго спутника, увлекающаго безъ оглядки впередъ и впередъ...

«Владиміръ Ивановичъ!

«Я только что узнала, что вы видѣлись съ Матвѣемъ Петровичемъ въ Правленіи, и какой вышелъ у васъ разговоръ. Я такъ огорчена этимъ, что не въ силахъ молчать—хочу по крайней мѣрѣ высказать все до конца, если ужъ должно было такъ случиться... Голые факты такъ неприглядны, что легко вообразить себѣ цѣлую трагедію, и совершенно несправедливо. Желтковы превосходные люди, но они имѣютъ слабость выставять меня всегда несчастной жертвой... Не могу-же я допускать это, какъ ни велика моя благодарность за ихъ участіе и дружбу ко мнѣ! Правда все-таки выше всего, и вы имѣете полное право потребовать ее отъ меня.

«Я намѣренно умолчала о женитьбѣ брата и ужасно, ужасно жалѣю объ этомъ! Теперь не пришлось-бы писать письма, а оно вѣроятно сильно удивить васъ въ первую минуту. Я смотрю на эту женитьбу единственно со стороны его личнаго счастья, о чемъ конечно распространяться нѣтъ никакой надобности—но развѣ не возмутительно, что на Васю нападаютъ *изъ-за меня*, какъ будто братъ обязанъ былъ обречь себя на вѣчное одиночество, ради меня!? Точно мы, женщины, непремѣнно должны вѣкъ своей тяготѣть обузой на чьихъ-нибудь плечахъ, тормозить чужую жизнь, точно ужъ оно и быть иначе не можетъ!..

«Я легко представляю себѣ, что долженъ былъ наговорить вамъ почтенный Матвѣй Петровичъ, и вы можете быть думаете, что я хоть отчасти раздѣляю понятія моихъ друзей... Вѣдь я была совѣмъ еще дѣвочка, когда вы знали меня, да и ни о чемъ подобномъ мнѣ тогда и думать не приходилось. Вотъ что заставило меня взяться за перо.

«Владиміръ Ивановичъ! Я всею сердцемъ сокрушаюсь за Васю, и совѣмъ другой участи онъ заслуживаетъ за свою честную душу и доброе сердце, но я могу поклясться вамъ, что для меня лично все сложилось къ лучшему. Если-бъ братъ не женился—я конечно всегда жила бы съ нимъ. Ну, а какая же это жизнь? Планы мои, какъ вы тоже знаете, все рухнули; и значить оставалось для меня только одно хозяйство на всю мою жизнь... Я вѣдь никогда не рѣшилась бы оставить Васю, да и онъ, конечно, не пустилъ бы меня никуда. А теперь все само собою сдѣлалось, потому что никакъ иначе нельзя было. И теперь я тоже буду жить въ деревнѣ—но какая разница! Есть у меня живое, прекрасное дѣло и есть собственный кусокъ хлѣба на всю жизнь. Кому же и посвящать себя такому дѣлу, если не молодымъ, одинокимъ женщинамъ? И это почти уже достигнуто. Учиться было не трудомъ—а наслажденіемъ. Только теперь я что-нибудь знаю, только теперь я вышла изъ дѣтства! Вотъ когда слѣдовало бы начинать сознательную, серьезную жизнь, не правда-ли? О, если-бъ все дѣвушки начинали съ этого! Если-бъ вы знали, до чего минутами стыдно имѣть за плечами такой горькій опытъ—двѣ безмысленно невоверканныхъ судьбы... И, право же, нестерпимо, когда изъ-за меня столько клянуть другихъ! Развѣ вы сами не были почти такимъ же ребенкомъ, какъ и я!?. Слава Богу, не всегда ошибки непоправимы, да только сами люди всего меньше любятъ свободу: *терпи* и не смѣй сдѣлать спасительнаго смѣлаго шага... И никакими доводами, никакими фактами ихъ не переубѣдишь!

«Я столько перестрадала изъ-за этого, что, кажется, теперь я смѣю сказать, что я дѣйствительно люблю свободу и признаю ее не для себя одной. Собственно, мой поступокъ еще ничего самъ по себѣ не доказываетъ — это былъ молодой порывъ великодушія, не больше. Только люди, Владиміръ Ивановичъ, мало-по-малу осмыслили его для меня

самой—и все хорошіе, любящіе меня люди... Теперь я *подтверждаю* собственный поступокъ вѣдѣмъ сознаніемъ моего ума и сердца, вѣдѣмъ убѣжденіями моими! Я счастлива, что мы встрѣтились и я могу сказать вамъ: Знайте, что никогда, ни одной минуты я не пожалѣла о томъ, что сдѣлала.

«Конечно, я страдала, конечно много и горько плакала... Зачѣмъ скрывать, когда вы это и сами знаете? Но вѣдь страдала бы я гораздо больше — вѣдь я плакала бы и до этого дня, если-бъ сердце не подсказало мнѣ того, чего не могъ еще обнять тогда мой умъ... И вотъ настала же минута, когда отъ страшной ошибки не осталось и слѣдовъ. Мы оба теперь счастливы! Но я не хочу лежать вѣчнымъ камнемъ на вашей совѣсти, не хочу отравлять вашего счастья. Простите, что я позволяю себѣ сказать—я это прочла въ глазахъ вашихъ, когда мы такъ неожиданно свидѣлись... Какъ же мнѣ увѣрить васъ? Я раскрою передъ вами мою душу, и вы сами увидите.

«Я васъ не обвиняла никогда, вы знаете. Но все-таки я считала, что принесла вамъ жертву, и это было моимъ единственнымъ утѣшеніемъ въ то время. Очень можетъ быть, что сама я и не разсталась-бы съ любезной мечтой, если-бъ меня не отрезвили другіе. Меня столько жалѣли и превозносили, и столько безъ конца осуждали васъ—осуждали безъ всякаго милосердія и справедливости—что во мнѣ, наконецъ, заговорила совѣсть. Я спросила себя: чѣмъ-же сама ты была застрахована отъ подобной-же переменъ въ чувствахъ, надъ которыми у человѣка нѣтъ власти? Что было-бы съ тобою на его мѣстѣ? И все это красивое зданіе самоотверженной жертвы распалось прахомъ... Я увидѣла только самый простой, неизбѣжный шагъ—то, что собственная совѣсть моя непремѣнно потребовала-бы отъ васъ въ обратномъ положеніи. Въ чемъ, наконецъ, жертва, если меня первую она вывела на просторъ осмысленной, самостоятельной жизни!? Сняла съ меня страшный рясель преждевременныхъ обязательствъ (мнѣ было семнадцать лѣтъ тогда!), дала возможность сызнова начать жизнь, гдѣ казалось, что все уже кончено и все погублено... А люди все таки упрямо называютъ это жертвой, а не спасеніемъ!

«Но что намъ до людей, Владиміръ Ивановичъ? Это только вопросъ нашей совѣсти, до чего никому нѣтъ дѣла, лишь-бы въ насъ самихъ не оставалось ничего ложнаго и несправедливаго. Я надѣюсь, что вы мнѣ повѣрите, да мнѣ кажется, что вамъ и невозможно не повѣрить мнѣ. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы вы вспоминали безъ всякой горечи о нашей далекой общей юности. Конечно, счастливъ тотъ, кто избѣжалъ испытаній, счастливъ, кто нашелъ сразу свою дорогу... Но счастье еще не прарота, какъ и ошибка не преступленіе.

«Въ одномъ только я безутѣшна,—что она, дорогая мама, не до-

жила до минуты, когда могла-бы успокоиться за меня. Она, бѣдная, унесла въ могилу свое горе!.. Тутъ не можетъ быть никакого утѣшенія, это наша общая, горькая расплата».

Вотъ ея письмо.

...Съ чѣмъ это сравню? Какъ будто иѣжная рука бережно коснулась до наболѣвшаго тѣла. Точно внезапно родной голосъ прозвучалъ на далекой чужбинѣ...

...Что за чудо? Кто-то говорить обо мнѣ... Кто-то позаботился о моемъ покоѣ... даль себѣ трудъ заглянуть въ мою душу и спросилъ себя: каково-то ему?..

Было время отвыкнуть отъ всего подобнаго!

...Безъ моей просьбы, не выжидая моего перваго шага, съ полнымъ довѣріемъ и все съ той-же дѣтской простотой... «...Прочла въ глазахъ вашихъ, когда мы свидѣлись»... Она не думаетъ, что я утратилъ всякое право на довѣріе, она не разучилась вѣрить моимъ глазамъ—она, она!..

...Нѣтъ, какое право имѣю я удивляться?!.. Что другое видѣлъ я отъ этого человѣка, кромѣ доброты и благородства? Съ чего-же взялъ я, что несчастіе могло пересоздать его?!.. Изъ ребенка выросла женщина, и все что было въ ней добраго и великодушнаго, выросло съ нею вмѣстѣ.

...Почему ей не подойти безстрашно къ этому прошлому? Никакія нити не привязываютъ ее къ нему, никакое угрызеніе не отравляетъ ея воспоминаній, никакая тяжесть не гнететъ ея души. Она больше не страдаетъ. Во имя мимолетнаго юнаго счастья, или изъ одной любви къ моей матери ей захотѣлось разогнать мрачную тѣнь, тяготѣющую надъ «моимъ счастьемъ», надъ жизнью ея сына...

Прошлое умерло для нея. Ей кажется, что отъ ея ласковаго дуновения разлетится сумрачная тѣнь—и прошлое умретъ также и для меня. Если страданіе не оставляетъ даже горечи—это ужъ настоящая, безповоротная смерть. А кто дѣйствительно глубоко страдалъ, тотъ высвободился навсегда изъ-подъ жалкой власти самолюбія. Крупныя вещи неизбѣжно заслоняютъ собой все мелкое.

Какая наивность! Она силится увѣрить меня, что передъ нею открыто новое будущее... какъ будто въ этомъ я сомнѣваюсь!.. Развѣ это меня терзаетъ? Не это, а мучительная и постыдная проза: я не знаю чѣмъ она существуетъ—вотъ что я долженъ узнать, чего не знать я не имѣю права!

«Простите ради Бога, что я сама не догадалась и вынудила васъ спросить меня объ этомъ! Просто не подумала, потому что занята была

гораздо болѣе важнымъ... Вы совершенно напрасно беспокоитесь—многоли надо одному человѣку, да еще занятому всецѣло ученіемъ? И притомъ, вѣдь я живу не у чужихъ, значитъ, меня не погонять съ квартиры и безъ обѣда не оставятъ, если даже и произойдетъ маленькій беспорядокъ въ моихъ финансахъ. Это сущіе пустяки, увѣряю васъ!—и все самое трудное у меня давно за плечами—а вѣдь черезъ годъ, немного больше, я уже буду состоять на службѣ въ Т—мъ земствѣ... Право это даже обидно, Владиміръ Ивановичъ, что столь солидное для женщины общественное положеніе производитъ на васъ такъ мало впечатлѣнія! Впрочемъ, я не должна забывать, что у васъ все остается по старому, и вы не можете догадаться, какъ я далека теперь отъ прежняго празднаго барства... Вамъ все еще кажется, что я полуобразованная барышня-бѣлоручка, которой необходимо состоять подъ чьимъ-нибудь крылышкомъ, для того, чтобы не погибнуть... Нѣтъ, самое лучшее—не думайте-ка объ этомъ вовсе! Жизнь развела насъ съ вами въ такія различныя сферы, что ваши масштабы все равно никуда не годятся для моего обихода... И вы все равно ничего не поймете! Повѣрьте на слово, что мнѣ не пришлось ни голодать, ни холодать, и избавьте отъ скуки перечислять вамъ всѣ мои ресурсы. А въ случаѣ какой-нибудь стихійной бѣды вѣдь у меня всегда остается мой Вася—вы какъ-будто совѣмъ уже забыли о немъ!

«Я невыразимо тронута всѣмъ, что вы пишете... но только зачѣмъ вы такъ преувеличиваете?.. Не знаю, съ какой стати вы усматриваете возвышенное великодушіе въ самомъ простомъ и даже скорѣе эгоистическомъ побужденіи!.. Чтобы не путаться въ такихъ вещахъ, стоитъ вѣдь только поставить себя на чужое мѣсто: вы добрый человѣкъ, вамъ легко понять какъ должно быть тяжело сознавать себя для кого-нибудь источникомъ мучительныхъ воспоминаній...

«Владиміръ Ивановичъ, голубчикъ, стоитъ-ли портить себѣ жизнь пустыми предразсудками?! Какими-то безжизненными фикціями!.. Ну не все-ли равно, какой *видъ* со стороны имѣетъ положеніе человѣка, если самъ онъ чувствуетъ себя въ этомъ положеніи прекрасно? Развѣ мало еще настоящаго, реального горя, чтобы добровольно изводить себя какими-то призраками?.. «Я такъ много, много передумала обо всемъ этомъ, и меня всегда удивляетъ, когда я вижу, что кто-нибудь еще принимаетъ все это на вѣру, еще считается съ жизнью по всѣмъ старозавѣтнымъ инвентарнымъ спискамъ... Я всегда себѣ говорю: ну, должно быть ты очень счастливъ, коли тебѣ даже и задумываться не приходилось!—вѣдь это тотъ ветхій хламъ, который цѣль только пока до него не дотронешься!..

«Только пожалуйста не подумайте, что я бравирую передъ вами. Въ самомъ дѣлѣ я такъ основательно разобралась въ разныхъ житей-

скихъ вопросахъ, что немного уцѣлѣло такого, чего я теперь боюсь въ жизни... Все упрощается, и такъ хорошо, свободно себя чувствуешь, когда привыкнешь смотрѣть въ глубь вещей... Не подумайте, что я претендую на глубокомысліе! Нужда пляшетъ, нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ... — и еще: нужда думаетъ — много, много думаетъ! Иногда этого и бываетъ совершенно достаточно.»

Безъ сомнѣнія, Александра Васильевна увѣрена, что она вполне удовлетворила мое безпокойство, не сказавъ мнѣ ни одного яснаго и опредѣленнаго слова! Однако, для меня совершенно очевидно, что не сказала она ничего яснаго только потому, что не умѣетъ лгать... Ужъ конечно, она предпочла-бы прописать опредѣленную цифру, коротко и ясно, вмѣсто того, чтобы выкручиваться при помощи какихъ-то туманныхъ фразъ! Только дѣло въ томъ, что у нея никакой опредѣленной цифры не имѣется, и теперь на этотъ счетъ не можетъ уже быть никакого сомнѣнія...

Чего добраго, она и теперь уже существуетъ за счетъ будущаго роскошнаго жалованія земской фельдшерицы!? И мнѣ очень весело предлагается «вовсе не думать объ этомъ!»...

Если я сдѣлаю новый набѣгъ на Желткова въ его Правленіи, удастся-ли мнѣ на этотъ разъ вырвать у него что нибудь? Но всего вѣроятнѣе, что Матюша ничего и не знаетъ на этотъ счетъ! Это «дамскія дѣла», въ которыхъ Елена Федоровна всегда держала себя весьма самостоятельно, а ужъ Саши-то и подавно не для чего исповѣдываться ему.

Или не написать-ли ужъ мнѣ самой Еленѣ Федоровнѣ?.. Нѣтъ, тоже никуда не годится! Они вѣроятно и не знаютъ о нашей перепискѣ...

...*Справедливо-ли* это, я васъ только спрашиваю, Александра Васильевна!.. Будь я самъ Ротшильдъ — вы съ такой-же увѣренностью въ собственной правотѣ убивали-бы здоровье и время на грошовый заработокъ!.. Надо думать, что это одна изъ тѣхъ немногихъ вещей, которыя «уцѣлѣли» послѣ ея разборки . . . . .

Не ужасно-ли, что смыслъ самыхъ важныхъ вещей можетъ зависѣть отъ точки зрѣнія!?. Я могу собственныя руки изгрызть отъ злости и все-таки я *не въ правѣ* ни на чемъ настоять!..

И при этомъ она воображаетъ что смотритъ «въ глубь вещей» и увѣрена, что она отбросила все пустые предрасудки! . . . . .

Ольга Шапиръ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

УСТАЛЫЕ ЛЮДИ.

Романъ Арне Гарборга.

Переводъ съ датскаго О. М. Петерсонъ.

XIX.

Фрекенъ Бернеръ прѣѣхала въ городъ; сегодня, отдавая воскресный визитъ, я встрѣтилъ ее у Клема, который доводится ей чѣмъ-то въ родѣ двоюроднаго брата.

Она будетъ жить здѣсь, — у пастора Лехена, женатаго на ея двоюродной сестрѣ, или что-то въ этомъ родѣ.

Мнѣ было очень пріятно видѣть ее. Ужъ она-то во всякомъ случаѣ принадлежить къ порядочному обществу. Въ этомъ даже не можетъ быть и тѣни сомнѣнія. Существо изъ высшаго этажа, гдѣ воздухъ чистъ и свѣтитъ солнце. Если у нея была въ прошломъ какая-нибудь исторія, то можно быть увѣреннымъ въ томъ, что исторія эта такого рода, что ей не пришлось-бы отпираться отъ нея... или-же она была-бы достаточно скрыта.

Свѣтъ, чистый воздухъ! Спокойствіе! великая увѣренность!—Плохо опускаться внизъ, въ пучину народа.

Прочь отъ всего этого! Повыше,—къ дневному свѣту, къ залитымъ солнцемъ берегамъ...

«Гдѣ волны тепло такъ на солнцѣ играютъ»...

* * *

26-го марта

Я окончательно вычеркиваю ее изъ памяти. Этому существуетъ только одно объясненіе: она самая тонкая, расчетливая комедіантка.

То, что я слышалъ сегодня, словно ударомъ ножа мясника, сразу вырвало изъ моей груди все мое уваженіе и всякое дружеское чувство къ ней. Это было очень больно, и до сихъ поръ еще ощущаю я внутри

себя эту боль. Я и не зналъ, что она стала мнѣ такъ дорога. И смѣшно и горько. Но хорошо, что все это уже кончилось.

Какъ это я не понималъ этого прежде!—вѣдь это-же можно вычислить просто-напросто, какъ какую-нибудь задачу на тройное правило. Вычисленіе это представилъ мнѣ чловѣкъ, хорошо знающій положеніе дѣлъ въ этихъ кружкахъ. При восьмидесяти кронахъ въ мѣсяцъ порядочная женщина терпитъ нужду, такъ что-же будетъ при сорока?

Ха, ха! Теперь понимаю я все, что тогда казалось мнѣ такъ неясно. Вся эта увѣренность, опытность, эта хладнокровная «игра съ огнемъ», эта готовность, съ которою она позволяла чловѣку сомнительной репутаціи таскать себя по окрестностямъ... разумѣется! Ей нечего было терять. Что за важность, если-бы къ ней вдругъ пристали съ какою-нибудь нахальной навязчивостью? Она опытна и это для нея не ново. Она знаетъ, какъ выйти изъ подобнаго положенія; тутъ вопросъ лишь въ одномъ—какая цѣна?

Боже мой, до чего вся она вдругъ мѣняется въ моихъ глазахъ! Превращается во что-то отвратительное и вмѣстѣ съ тѣмъ горькое для меня. Она умираетъ для меня и на ея мѣстѣ остается лишь труль.

Но она все-таки сохранила внѣшній обликъ честности для того, чтобы была еще возможность заполучить какого-нибудь дурака-мужа. И, разумѣется, очень искусна въ разыгрываніи нравственной особы. (Дѣйствительная добродѣтель производитъ гораздо менѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ подражательная, подобно тому, какъ фальшивые брильянты превосходятъ блескомъ натуральные. Она рассчитала, что я былъ настолько наивенъ и такъ далеко стоялъ отъ ея прежней жизни, что стоило рискнуть разставить сѣти. Боже, какъ смѣялась она въ душѣ надъ моимъ почтеніемъ!).

Но неужели я, покушавшій, лучше ея, продававшей?—Но вѣдь это не болѣе, какъ фраза. Въ сущности, цѣлая бездна раздѣляетъ съ поконъ вѣку того, кто кѣмъ-либо пользуется, отъ того, кто допускаетъ собою пользоваться,—и никакія фразы не могутъ уничтожить ея.

Я до такой степени обезсилѣлъ и душевно охладѣлъ и загрязнился, что не могу больше писать. Перо вываливается изъ рукъ. Способность писать совершенно парализуется.

Смѣшно. Гадко. Чортъ возьми, что мнѣ-то до этого за дѣло? Основательную дозу виски...

XX.

Я и не зналъ, что она стала мнѣ такъ дорога!

Я брожу, какъ чловѣкъ, разбитый параличомъ, какъ чловѣкъ, убитый позоромъ. Точно будто мнѣ пришлось услышать, что мать моя аре-

стована за утаеніе ребенка. Бываютъ минуты, когда я готовъ ревѣть отъ горя, бываютъ минуты, когда стыдъ давитъ меня въ своихъ ледяныхъ тискахъ.

Какая-то ужасная путаница чувствъ. Нѣтъ силъ ни предаться вполне горю, ни окончательно замкнуться въ своемъ презрѣніи. Я задыхаюсь: душа моя напрасно жаждетъ свѣжаго воздуха. Это какая-то борьба со змѣями подъ шерстянымъ ковромъ. Умъ точно въ лихорадкѣ: жаръ смѣняется ознобомъ.

Я не смѣю смотрѣть людямъ въ глаза. Ха-ха! Такъ это онъ имѣлъ дѣло съ этой хорошенькой особой полусвѣта! Ха-ха! Онъ былъ совсѣмъ ужъ на пути къ тому, чтобы *in optima forma* просить руки и сердца содержанки, ха-ха! Ха-ха! Ужъ эти старые холостяки!

Я никакъ не могу перестать бичевать себя этими скорпіонами. Это какое-то терзающее, мучительное, отвратительное наслажденіе... какъ для больного экземой царапать себя до крови.

* *
*

Какъ это удачно, что пріѣхала фрѣкенъ Бернеръ. Я прибѣгаю къ ней, какъ къ своего рода средству спасенія. Она снова подымаетъ меня на ту высоту, гдѣ есть воздухъ, свѣжій, чистый воздухъ.

Она умѣетъ разговаривать; она одѣвается со вкусомъ; она играетъ Бетховена; она употребляетъ прекрасные духи... Тутъ все — несомнѣнность, гармонія, чистота; не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы дрожать отъ страху, какъ-бы не оказалось на платкѣ виннаго пятна...

Я хватаюсь за все это крѣпко обѣими руками. Сравниваю и сравниваю, и изъ всѣхъ силъ стараюсь выяснитъ самому себѣ всѣ преимущества. Я прощаю ей и то, что она не молода, и то, что она, въ сущности, некрасива; въ концѣ-концовъ, какую можетъ это имѣть цѣнность? Что я цѣню,—такъ это возможность полного довѣрія, увѣренность, чистоту аккордовъ; мнѣ отвратительна красота, на которую нельзя положиться, красота безъ изящныхъ духовъ.

* *
*

Пенависть, презрѣніе, бѣшенство до такой степени мучили меня, что я рѣшился еще увидаться съ нею и высказать ей всю правду.

И я встрѣтилъ ее. И почувствовалъ сердцебіеніе. Мнѣ стало и страшно и стыдно за то, что я собирался сказать; страшно и стыдно. точно я былъ воромъ, между тѣмъ, какъ я, въ сущности, скорѣе являлся здѣсь судьей; и по мѣрѣ того, какъ съ каждымъ шагомъ приближалась она ко мнѣ, по мѣрѣ того, какъ прояснялось ея лицо, превращаясь въ одну сплошную улыбку, восхищенную, краснѣющую улыбку... разсѣивались мои подозрѣнія и рѣшимость моя пропадала, и я, пораженный удивленіемъ, тщетно старался удержать ихъ.

Вѣдь *это* же была совсѣмъ не та «фрекенъ Гольмсенъ», которую нарисоваль я себѣ за эти жалкіе дни! Эта атмосфера чистой совѣсти, этотъ отпечатокъ непоколебимаго чувства собственнаго достоинства, это знакомое мнѣ, наивное выраженіе безграничнаго товарищескаго довѣрія... все это окончательно обезоружило меня.

Я побѣдилъ свое волненіе и старался смотрѣть, какъ ни въ чемъ не бывало.

Малодушіе! Свойственное мужчинамъ малодушіе. Въ то время, какъ стояла она такъ передо мною съ большими, грустными, вдругъ прорисованными глазами, съ бѣлымъ лбомъ и темными разлетающимися во всѣ стороны прядями волосъ и завитками, которыхъ не въ силахъ была скрыть даже ея широкополая шляпа, я чувствовалъ себя бессильнымъ и растроганнымъ, какъ передъ прелестнымъ ребенкомъ, съ улыбкой, въ припрыжку бѣгущимъ мнѣ навстрѣчу, не подозревая, что его ждетъ наказаніе.

Но она разсердила меня тѣмъ, что была очень дурно одѣта. Какая-то ужасная кофта придавала ей отвислыя плечи и дѣлала ее плоскогрудой, а громадная, широкополая коричневая соломенная шляпа придавливала ее къ землѣ. И она вдругъ, сразу-же, принялась за свои жалобы на скуку, на безотрадность жизни и т. д.; въ этомъ послышалась мнѣ какая-то полувоспитанность, дурной тонъ. Господи, Боже! Жизнь, наконецъ, такова, какова она есть; и трудно сказать что-нибудь новое о негодности міра. Такимъ образомъ намъ пора быть взрослыми людьми, приспособляться къ обстоятельствамъ, каковы-бы они ни были, или-же, — безмолвно и гордо — повѣситься. Да и къ тому же, много-ли можетъ знать о жизни такая 24—25 лѣтняя неопытная дѣвушка!..

Я сталъ не въ духѣ, и злыя мысли снова подняли голову.

Что хочетъ она сказать, напѣвая эти жалобы? Теперь недовольна она школой... и что это за рѣчи о томъ, чтобы быть «правдивой», о томъ, какъ гадко «лгать», «лицемѣрить» и т. п... Господи Боже! По долгу службы внушить нѣсколькимъ уличнымъ мальчишкамъ запасъ идей, хотя можетъ быть и довольно спутанныхъ, но которыя во всякомъ случаѣ стоятъ безконечно выше тѣхъ понятій, что приносятъ изъ дому упомянутые молодцы, — вѣдь это-же не можетъ быть ужъ такъ ужасно. Если сама она стоитъ на высшей еще точкѣ зрѣнія, — ну, что-жъ? — тѣмъ лучше для нея; но тѣмъ не менѣе это не помѣняло-бы ей поднятъ этихъ маленькихъ готтентотовъ на ту относительную высоту воззрѣній, которую представляетъ собою лютеровскій катехизисъ...

Однако, она жалуется. Ужъ не прикрытая-ли это просьба освободить ее? Сдѣлать ее дамой, имѣющей прислугу? Я сердился, и молчалъ. А такъ какъ уже было рѣшено, что слѣдовало покончить съ этимъ знакомствомъ, то все равно это могло совершиться и сейчасъ; для этого вовсе

не было нужды выкладывать все, что человекъ думалъ; можно было сдѣлать это и не въ такой грубой формѣ.

Я началъ съ того, что предостерегъ ее противъ ея друзей. Бѣдное дитя, это произвело на нее сильное впечатлѣніе; да, можетъ быть, оно и дѣйствительно было жестоко. Послѣ цѣлой жизни борьбы за свою чистоту и честь вдругъ увидѣть себя подъ сомнѣніемъ, — беззащитною жертвою какой-нибудь пары равнодушныхъ и болтливыхъ «друзей» и «подругъ»... Мнѣ казалось, будто я оказалъ ей услугу палача. Но вѣдь *надо-же* избавить человека отъ подобной дружбы; *надо-же* ей было узнать, въ какихъ рукахъ находилось ея благополучіе и ея честь. Я кончилъ тѣмъ, что осторожно намекнулъ ей, въ какомъ невѣроятномъ положеніи оказываюсь я самъ по отношенію къ особѣ, которую я такъ мало знаю и, наконецъ, не безъ усилія, произнесъ-таки то, что въ сущности только и нужно было сказать:

— Выходите замужъ... за какого-нибудь хорошаго человека, котораго вы знаете, и который *васъ знаетъ*... — Наступило тягостное молчаніе и вскорѣ она торопливо простилась.

Я нѣсколько приостановился передъ ея дверью; я ощущалъ нѣчто въ родѣ того, что долженъ чувствовать убійца, нанеся рѣшительный ударъ... а сверху, съ темной лѣстницы, казалось мнѣ, доносилось до меня отчаянное, но подавленное рыданіе.

Безъ силъ, печально шелъ я домой. Такъ все это было ужасно, безобразно, и грубо, и больно. И теперь сижу я здѣсь въ какомъ-то странномъ, надломленномъ, размягченномъ настроеніи. Я чувствую какое-то безконечное стремленіе, — странное, бессмысленное, но почти непобѣдимое, — написать ей и сказать: Дорогая, восхитительная Фанни, я люблю тебя выше всякой мѣры! Откажись отъ своей школы и отъ всѣхъ твоихъ «друзей» и обвиняйся со мной черезъ недѣлю...

XXI.

3-го, т. е. 4-го апрѣля, 2 ч. ночи.

Собственно говоря, разсудокъ далеко не прочно сидитъ въ головѣ человека.

Какой-то странный страхъ нападаетъ на меня, когда я послѣ подобной отчаянной ночи возвращаюсь домой и невольно подхожу къ зеркалу для того, чтобы посмотрѣть, каковъ у меня видъ... и нахожу, что я сильно блѣденъ, но, вообще, ничего, — *all right*... и тутъ вдругъ случайно взглядываю себѣ въ глаза.

Они красивы, эти глаза, каріе, правдивые, хотя и съ отпечаткомъ нѣкоторой грусти и покорности во взорѣ; они притягиваютъ меня къ себѣ. И разъ поймавъ меня, они притягиваютъ все сильнѣе и сильнѣе,

пока мною не овладѣваетъ своего рода головокруженіе, — окружающіе предметы исчезаютъ. Я чувствую себя такъ страшно одинокимъ передъ этимъ безмолвнымъ существомъ, которое, впривѣвъ въ меня зрачки, пронизываетъ меня до самаго мозга, все глубже, и глубже, все съ большимъ и большимъ ужасомъ; и кажется мнѣ, что я вотъ-вотъ утрачу сознание: мнѣ приходится вырываться на свободу, подобно тому, какъ во снѣ приходится вырываться изъ-подъ власти кошмара.

Зеркало — страшный инструментъ.

Человѣкъ стоитъ лицомъ къ лицу со своимъ двойникомъ, — можетъ быть, чувствуетъ даже нѣкоторое смутное стремленіе броситься на этого малаго и придушить его; какого чорта нужно ему отъ меня? или-же стоишь словно какъ-бы лицомъ къ лицу со своею душой, — явленіе, наполняющее меня какимъ-то религиознымъ страхомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ безстыдно-наглымъ любопытствомъ. Наконецъ-то представляется случай завладѣть этимъ привидѣніемъ, стоящимъ за спиною всего моего существованія, но которое никомъ образомъ не дается мнѣ въ руки! — не дается даже полной увѣренности въ томъ, что оно вообще существуетъ. То есть, конечно, что-нибудь да должно-же тамъ быть, — какой-нибудь двигатель, маховое колесо, по всей вѣроятности, съ помощью какого-нибудь передаточнаго ремня стоящее въ связи съ трансцендентальной міровой машиной; и почему-бы и ему съ такимъ-же удобствомъ не носить названія души? Можетъ быть, это сама міровая душа сидитъ тамъ за своими ширмами, какъ какой-нибудь директоръ кукольнаго театра, и дергаетъ нити, заставляющія покрытый мясомъ скелетъ подпрыгивать и танцовать и совершать всѣ эти безсмыслицы, которыя такъ забавляютъ его въ его младенчески невинномъ невѣдѣніи.

Сегодня вечеромъ все время говорили о «женщинѣ». Становился на сторону разнообразнѣйшихъ теорій, и то обвинялъ, то защищалъ ее попеременно. Никто не понималъ, что скрывалось за этимъ. Агентъ Лунде, который, разумеется, пьетъ, подобно всѣмъ неудачнымъ мужьямъ, дойдя до полного опьяненія, сообщилъ намъ, что онъ развелся съ своею женою за то, что она «чавкала, когда ѣла»; этому я охотно готовъ вѣрить. Одинъ пожилой противный холостякъ, котораго я видѣлъ въ первый разъ, разсказывалъ, что онъ былъ такимъ добрымъ другомъ, что когда пріѣзжали къ нему въ гости товарищи изъ провинціи, онъ временно уступалъ имъ свою любовницу, что вызвало много веселаго смѣху въ холостомъ лагерѣ, но съ примѣсю нѣкотораго удивленія. «Неужели вы действительно дѣлаете это?» говорили они, глядя на него съ открытымъ ртомъ. Они никакъ не думали, чтобы такая дружба могла существовать въ Израилѣ. И они сидѣли и курили, и дымили съ красными, разгоряченными лицами въ родѣ тѣхъ, что видны въ желѣзнодорожныхъ купе по воскресеньямъ въ послѣобѣденное время. Какой-то молодой, зеленый

еще литераторъ, явился адвокатомъ женщинъ и съ пьянымъ одушевленіемъ защищалъ идеальный бракъ...

«Оба они должны быть вмѣстѣ во всемъ, дѣлать *все!*» — «Можетъ быть, вы хотѣли-бы, чтобы женщина участвовала съ мужемъ даже и въ кутежахъ?» спросилъ агентъ.—«Да, разумѣется! Это-то и было-бы самымъ смѣлымъ шагомъ!» отвѣчалъ нѣсколько свысока юноша. Я подержалъ этого молодого человѣка: «При участіи женщины, сами кутежи станутъ болѣе цивилизованны». Агента передернуло.

«О да, правда! Ужъ эти холостяки! Женщины въ трактирѣ! Съ девяти часовъ жена начинаетъ ужъ зѣвать. Въ половинѣ десятаго глаза у нея становятся маленькіе и красные, и сама она такъ блѣдна и такой у нея страдальческій видъ, когда мужъ въ простотѣ душевной гребуетъ себѣ еще бутылку. Тогда стонетъ она изъ-за его плеча:

«Нѣтъ, неужели ты дѣйствительно будешь еще пить?»

Онъ такъ передразнилъ похожій на мяуканье голосъ мученицы, что я вдругъ могъ заглянуть сразу прямо въ глотку всей компаніи, хохотавшей во все горло.

Съ недовольствомъ въ душѣ и тоскою и болью въ груди я всталъ и пошелъ къ Матильдѣ.

* *
*

Нѣтъ ничего столь банально вѣрнаго, какъ то, что жизнь есть мука: потому-то и кажется такъ безтактно говорить объ этомъ.

Тѣ, что жалуются, не внушаютъ мнѣ никакого сочувствія. Страданіе ихъ не можетъ быть глубоко, если у нихъ хватаетъ духу пытаться выражать его словами.

* *
*

Фрекенъ Бернеръ легко могла-бы быть года на два помоложе; въ общемъ-же въ ней нѣтъ ничего дурного. Несомнѣнно есть что-то аристократичное въ этомъ, на первый взглядъ такомъ незначительномъ лицѣ, которое однакоже выигрываетъ при ближайшемъ знакомствѣ; и глаза ея, хотя они и не велики, и не болѣзненны, обладаютъ твердымъ, сдержаннымъ взглядомъ хорошо воспитаннаго человѣка,—въ нихъ нѣтъ ни застѣнчивости, ни смущенія, ни вызова; можно спокойно заглядывать въ эти окошки,—дальше гостинной ничего не увидишь. Внутреннія комнаты плотно прикрыты дверьми и портьерами, какъ это бываетъ во всѣхъ хорошихъ домахъ.

И ротъ ея тоже не проболтается. Онъ довольно великъ, довольно правильной формы, съ совершенно выдержаннымъ выраженіемъ; не улыбается безъ видимой причины, что производитъ впечатлѣніе большой цивилизованности. Господи! до чего надоѣдаетъ эта вѣчная очаровательная дамская улыбка—какъ при утраченныхъ, такъ и при сохранившихся

еще зубахъ! Голосъ у нея увѣренный и твердый, рѣчь сдержанна и спокойна. Въ концѣ концовъ «для нашего круга» она является на рѣдкость хорошо воспитаннымъ существомъ; производитъ невыразимое словомъ и недоступное подражанію впечатлѣніе особы, выросшей въ просторной, мирной обстановкѣ, въ богатствѣ и изысканной роскоши.

Подобное-же впечатлѣніе производитъ она и духовной своей стороной. Ея воззрѣнія или, вѣрнѣе,—мнѣнія во всѣхъ отношеніяхъ вполне соотвѣтствуютъ нашему времени, но при этомъ она съ вѣрнымъ инстинктомъ избѣгаетъ всего того, что дѣйствуетъ такъ дисгармонично въ современныхъ домахъ. По отношенію къ мужчинамъ она проявляетъ приличную хорошо воспитанной особѣ, почтительную терпимость. Что-же касается до себя лично, то она безъ протестацій вѣрна приличіямъ, консервативна, выдержанна. Прекрасно разыгрываетъ роль невѣдѣнія въ любви—*les affaires d'amour*,—приличнаго невѣдѣнія.

Я замѣчаю, что въ ея обществѣ и я начинаю поддерживать салонный разговоръ. Это довольно скучно, но пріятно. При этомъ чувствуешь себя какъ-то на высотѣ, какъ-будто духовно хорошо одѣтымъ, неуязвимымъ. Придя домой, я не въ силахъ вспомнить, о чемъ мы говорили,—во всякомъ случаѣ, я не могъ-бы записать этого; но таковъ и долженъ быть разговоръ благовоспитанныхъ людей.

По отношенію ко мнѣ она съ большимъ тактомъ играетъ роль ангела-спасителя, и старается ввести меня въ общество, которое могло-бы содѣйствовать моему исправленію. Я предоставляю ей всюду таскать меня за собой и отважно скучаю; всѣ эти маленькія развлеченія, можетъ быть, въ сущности являются весьма разумнымъ средствомъ въ моей жалкой борьбѣ... Я собралъ, наконецъ, весь сохранившійся еще во мнѣ остатокъ энергіи, чтобы вернуть себѣ свободу. Я сучусь и спорю, даже танцую, и такимъ образомъ удается мнѣ на часть вечера вытѣснить ее изъ моей памяти; я чувствую ее только въ самой глубинѣ моей души въ видѣ какой-то томительной пустоты.

Но когда усядусь я опять тутъ, дома, съ послѣдней панирской и послѣднимъ стаканомъ...

...А если-бы я все-таки, все-таки, все-таки рѣшился на этотъ скачокъ? Одинъ единственный разъ? Всѣ мои сомнѣнія начинаютъ казаться мнѣ такими незначительными, такую мелочностью холостяка. Что, если-бы я все-таки рѣшился на это? Вѣдь ужъ скоро, пожалуй, наступитъ конецъ моему льготному времени. Вѣроятно, я никогда ужъ больше не влюблюсь такъ сильно. И пусть они говорятъ, что хотятъ, эти мужья, и пусть она говоритъ, что хочетъ, эта фрекенъ Бернеръ!.. Я охотно отдалъ-бы жизнь за мѣсяць счастья съ тою, которую я люблю.

И, побѣжденный тоской и мукой, я беру перо и пишу — не этюды и не замѣтки,—*Impressions* для своего «романа», но письма къ

ней на трехъ листахъ. Молю, бранюсь, хнычу; грубъ на одномъ листѣ, полонъ пропіи—на другомъ, сентименталенъ и при смерти на третьемъ; переписываю первый листъ; переписываю второй; два раза переписываю третій; наконецъ, снова переписываю первый листъ еще и еще разъ... ложусь въ постель съ бьющимися висками, съ встревоженными нервами и съ горломъ, сдавленнымъ слезами.

Какъ только выпить утренній кофе, я хладнокровно сжигаю письмо. Чортъ возьми, вѣдь рѣшено ужъ, что объ этомъ не надо больше и думать...

XXII.

О Шопенгауэръ, Шопенгауэръ!

Страдать значить жить, жить значить страдать. И то, и другое—одно и то-же.

Лишеніе, чувство лишенія,—это ненасытный огонь, палящій душу и окружающій человѣка ночнымъ мракомъ среди подводныхъ скалъ и обманчиво свѣтящагося моря; это ночное, обманчиво-свѣтящееся море съ его скалами и называемъ мы жизнью. Лишеніе, лишеніе сосущее, истощающее лишеніе, подтачивающее силы, палящее, терзающее чувство лишенія.

Удовлетвореніе?—минута успокоенія съ примѣсью страданія: потомъ—пустота, отвращеніе, утомленіе. Хотѣлъ-ли бы я, чтобы теперь, сейчасъ, была она здѣсь? Да! но не ради той отрады, которую могла-бы она дать мнѣ, а лишь для того, чтобы потушить это жгучее чувство лишенія.

Смерть, должно быть, прекрасное мгновеніе, — чудное, безконечное мгновеніе успокоенія съ примѣсью страданія. Мучительно-блаженное угасаніе всякаго чувства лишенія, и даже самого пожирающаго пламени жизни.

* * *

Старинные мнѣи толкуютъ о сатанѣ. Шопенгауэръ открылъ, что такое скрывалось за этими мнѣями, и поставилъ на мѣсто сатаны «генія рода».

Это онъ причина всякаго страданія и всякаго зла. Для него не существуетъ индивидуумовъ, а только экземпляры. Съ помощью гарпуна и каната подтягиваетъ онъ другъ къ другу мужской и женскій экземпляръ для того лишь, чтобы произвели они новые экземпляры, которые онъ опять могъ-бы подтягивать другъ къ другу съ помощью гарпуна и каната. Разъ цѣль его достигнута, онъ забываетъ старыхъ ради новыхъ, и тѣ остаются на всю жизнь биться, опутанные его канатомъ, пока они не переполнятся ядомъ и злобой, и не убьютъ другъ друга. Тотъ, кто вздумаетъ сорваться съ его гарпуна, остается сидѣть на мѣстѣ, какъ

я, съ гарпуномъ, глубоко вонзившимся въ тѣло, между тѣмъ, какъ даинный канатъ, развертываясь, все тянетъ и тянетъ его непрерывно.

* * *

Мнѣ нужно божество. Мнѣ нуженъ для моей души еще центръ № 2...
Время становится легче, когда есть съ кѣмъ его раздѣлить.

Я чувствую потребность въ божествѣ, и я нахожу его. И я молюсь. молюсь: даруй мнѣ безуміе, если оно принесетъ съ собою вѣру!.. или пошли мнѣ смерть.

* * *

Зло изгоняется зломъ. Дьяволъ вытѣсняетъ Вельзевула; женщина вытѣсняетъ женщину.

Матильда съ одной стороны и фрекенъ Бернеръ съ другой,—земная Венера и небесная Дружба—неужели обѣ онѣ вмѣстѣ не въ состояніи изгнать изъ моей памяти маленькое блѣдное лицо съ темноволосою головою?

Но только-бы не эти глаза—большіе, грустные глаза! Но... епін. и ихъ также. И ихъ также, разумѣется. Наступитъ день, когда и они явятся передъ моимъ духовнымъ взоромъ, какъ двѣ погасающія закатающіяся звѣзды... нѣтъ!.. Я не хочу!—Молчи, осель. Ты хочешь.

Да, фрекенъ Бернеръ вовсе не дурна. Въ ней есть то, что мнѣ прежде всего и больше всего нужно,—что-то успокоительное,—выдержка. благовоспитанность. Держи ухо остро! Не кричи, не смѣйся громко!—Она—олицетвореніе этого изреченія.

У ней нѣтъ опасныхъ глазъ и ея черные какъ смоль волосы, совершенно безъ глянца, гладко лежатъ на ея головѣ и никому не разставляютъ сѣтей. Она—то, что мнѣ нужно, и что нужно именно теперь. А потомъ, съ другой стороны, Матильда съ ея легкомысліемъ.

Прощай-же ты, сирена, вынырнувшая вдругъ изъ пучины со своими длинными каштановыми волосами и темными глубокими глазами.

* * *

А на смѣну Георгъ Ионатанъ. Онъ шевелитъ мою мысль и пробуждаетъ мою гордость.

И развлекаетъ мою фантазію.

Разумѣется, я не вѣрю въ его утоніи; но тѣмъ не менѣе мнѣ все-таки какъ будто вѣрится въ нихъ, пока онъ говоритъ.

А тѣ грезы о «поступательномъ движеніи впередъ человѣчества», которыя необходимо поддерживать въ себѣ для того, чтобы не утратить возможности существовать, грезы эти почерпаютъ въ его мирныхъ фангазіяхъ такой мобильный запасъ пищи, что онъ мѣшаетъ окончательному ихъ вымиранію.

— «На основаніи моихъ исчисленій,—а я далеко не сангвиникъ,—лѣтъ черезъ сто Норвегія будетъ имѣть до 20 милліоновъ жителей.—

Чрезмѣрная скученность населенія?—Пустыя рѣчи больныхъ людей! Въ то время земля будетъ обрабатываться такимъ способомъ, что одного кв. фута ея будетъ совершенно достаточно для пропитанія одного человѣка. И, надо замѣтить—для пропитанія его по-царски. Ужъ и теперь достигли того, что производить пшеницу, дающую 10,000 зеренъ на одно зерно... но это еще пустяки. Главное дѣло въ томъ, что лѣтъ приблизительно черезъ сто люди станутъ совершенно независимы отъ климата. Вся та часть земной поверхности, которая доступна обработкѣ, будетъ прикрыта стекломъ; необходимое тепло повсюду и въ любое время будетъ сообщаться ей при помощи электричества, и тогда явится возможность разводить финки въ Бодѣ и виноградъ на Шницбергенѣ. Норвежскія долины во всю ширину ихъ на протяженіи отъ одной горы до другой будутъ имѣть стеклянную кровлю, подъ которою будетъ процвѣтать вся роскошная растительность юга. А черезъ 300 лѣтъ страна будетъ въ состояніи прокормить до 100 милліоновъ, и прошу замѣтить, не какихъ-либо мужиковъ или рабовъ, а настоящихъ джентльменовъ. Во всей странѣ не найдется стѣны, на которой не висѣло-бы масляной картины въ милліонъ кровъ цѣною; на каждый квадратный километръ придется по театру, на которомъ будутъ исполнять Шекспира. И очевидно, что среди такого множества образованныхъ людей, каждый будетъ находить себѣ друзей именно такихъ, какихъ ему нужно, и подружъ, способныхъ своими поцѣлуями прогнать къ чорту всякую шихондрію».

Почему я альтруистъ? Разумѣется, изъ эгоизма.

Я ненавижу бѣдняковъ, отщепенцевъ, оборванцевъ: они оскорбляютъ во мнѣ чувство красоты и портятъ мнѣ аппетитъ.

Поэтому,—долой ихъ! Видъ нищеты и скотоподобія унижаетъ меня, какъ человѣка. Какъ-такъ? Мы хотимъ быть разумными существами и не въ состояніи освободиться отъ грязи? Разумныя существа—и живемъ посреди болота? Нѣтъ, это, видите-ли, совсѣмъ не годится. Это, черезчуръ печально. Homo sapiens, классъ, къ которому я принадлежу, не можетъ оказаться глупѣ остальныхъ земныхъ тварей.

Каждая лиса имѣетъ свою нору и каждый медвѣдь—свой малинникъ: мы же, люди, взамѣнъ того, должны имѣть каждый свой дворецъ, и каждый своего гуся на обѣдъ.

Тогда только, когда все это придетъ въ порядокъ,—можно будетъ жить гордымъ, поистинѣ самолюбивымъ, людямъ. Выдающійся человѣкъ выказываетъ себя во всемъ блескѣ лишь при полной свободѣ конкуренціи. Тогда всѣ будутъ такъ сильны, что будетъ приятно стоять во главѣ такого войска, а женщины будутъ такъ красивы, что обладаніе красивѣйшей изъ нихъ дѣйствительно и будетъ имѣть смыслъ.

— Да, а какъ-же на счетъ равенства? спрашиваю я.

— Равенство? (пожимает плечами). Оно заключается въ равенствѣ оружія. Вѣдь нѣтъ-же никакой нужды имѣть одинаковой длины носы.

— Да, но дать въ руки толпы такое-же оружіе,—можетъ быть, это нѣсколько сильно...

— Я чувствую себя выше толпы... даже несмотря на равенство оружія.

* *
*

А съ другой стороны... пасторъ Лехенъ. Цѣлая армія противъ одной жалкой дѣвочки.

Комичное сопоставленіе: бандитъ Габріэль Грамъ и обращенный разбойникъ... Но пасторъ Лехенъ въ сущности не глупъ, и во всемъ его пасторскомъ облигѣ есть что-то такое, успокоительно дѣйствующее на усталые нервы. Я однакоже не могу удержаться, чтобы не подразнить его немного—цитирую ему Толстого и т. п. Но задорный спорщикъ во мнѣ почти уже умеръ. На это я ужъ больше не способенъ. Все это черезчуръ ужъ устарѣло; это ясно каждому новичку; тутъ критика черезчуръ легка, остроуміе слишкомъ банально. Напротивъ того, по временамъ я открываю, что эта старая ткань можетъ быть даже очень красива; а кто подниметъ свое копьѣ противъ фееріи, противъ волшебной комедіи? Одни только школьники изъ старшихъ классовъ способны разить:

— Но вѣдь фей нѣтъ на свѣтѣ...

Пусть все прекрасное не болѣе, какъ фантастическая ткань (можетъ быть и *должно* быть ею? Правда — безобразна!), тѣмъ не менѣе она имѣетъ свое оправданіе.

* *
*

Матильда все болѣе и болѣе распускается. Она знаетъ, какое значеніе приписываю я иллюзіи, а между тѣмъ, стоитъ ей только равеселиться, чтобы утратить всякое чувство мѣры.

Впрочемъ сегодня вечеромъ меня прогнало нѣчто другое. На меня нашель припадокъ чувствительности, и я не могъ удержаться, чтобы не спросить о «Фанни»,—«та дѣвочка, что показывалась здѣсь время отъ времени, дочь твоей хозяйки?»—«О, это она-то», небрежно отвѣчала Матильда, «она ведетъ теперь дѣло на свой рискъ».—«Какъ? Что такое? Какъ такъ на свой рискъ?»—«Ну, да! Вѣдь не мало-же есть господъ, которые желаютъ имѣть ихъ какъ разъ въ этомъ возрастѣ».

Я умолкъ. Мною овладѣлъ какой-то ужасъ или отвращеніе. Матильда начала рассказывать что-то отвратительное, и чтобы заставить ее замолчать, я спросилъ: какъ-же смотрѣли родители на то, что дочь ихъ вступила уже на такой путь?

— Ну, имъ остается только радоваться, что Фанни тоже начала уже приносить деньги въ домъ,—отвѣчала Матильда; потомъ засмѣялась и,

повиснувъ всѣмъ своимъ полиющимъ корпусомъ на моей рукѣ, похлопала меня по плечу и сказала:

— Вѣдь не всѣ-же такъ благодѣтельны, какъ ты, мой цыцленокъ!

Я положилъ на столъ пару монетъ и удалился.

Да, да, да! Что тутъ говорить? Это такъ, и тутъ ничего не подѣлаешь. По крайней мѣрѣ, если не желаешь «перестраивать общество» по способу Ионатана. Но вѣдь это совершается не въ одинъ день. И, къ тому-же, это неизбежно. Необходимо-же намъ имѣть высшее общество, болѣе изящную публику; но никакая изящная публика не можетъ существовать безъ порядочныхъ жѣнщинъ; а порядочныя женщины не могутъ существовать безъ извѣстной опрятности отношеній; а потому, естественно, необходимо должна существовать и подобная армія продажныхъ жѣнщинъ, а армія эта какъ-нибудь должна пополняться. Разъ допускаешь цѣль, то поневолѣ приходится мириться и со средствами, съ помощью которыхъ она достигается. Конечно, было-бы хорошо, если-бы при этомъ шадилась дѣти: дитя всегда представляетъ собой возможность чего-нибудь лучшаго въ будущемъ. Но... дочери подобныхъ хозяекъ... для нихъ это, конечно, естественный путь. Немного раньше, немного позже...

На меня въ этомъ случаѣ такъ особенно неприятно подѣйствовала, разумеется, эта глупая случайность, что она носитъ это имя. Будь ея имя Матеа или Индіана...

Бѣдное дитя!

Да, да; много-ли пользы моей Фанинѣ въ томъ, что она шла путемъ добродѣтели? Въ настоящее время есть одинъ только человѣкъ, мнѣніемъ котораго она дорожитъ, и этому единственному человѣку довольно какой-нибудь пары сомнительныхъ намековъ того или другого посторонняго лица, случайно столкнувшагося съ нимъ въ кафе—для того, чтобы онъ употребилъ подобныя выраженія, какъ содержанка. При этомъ, я плюю самому себѣ въ свою проклятую рожу...

XXIII.

— Да, у этихъ насторовъ готовъ отвѣтъ на все и они найдутъ выходъ изъ всякаго положенія. Но когда я подумаю, что лучшія головы человѣчества въ теченіе цѣлыхъ 17 и 18 вѣковъ сидѣли и трудились надъ выработкой этой системы, то это перестаетъ удивлять меня. Система дѣйствительно прекрасна.

Пасторъ Лехенъ тихо улыбнулся. «Да, но въ сущности не замѣчательно-ли», заговорилъ онъ,—«что лучшія головы человѣчества въ теченіе цѣлыхъ 17 и 18 вѣковъ могли сидѣть и трудиться надъ выработкою этой «системы», какъ ты ее называешь?»

— Буддизмъ, возразилъ я, тоже очень старая религія, которая въ свою очередь занимала не мало хорошихъ головъ въ теченіе очень и очень долгаго времени.

— И въ буддизмъ много правды,—уклонился онъ,—но замѣчательно тотъ чисто историческій фактъ, что буддійская Азія давно уже находится въ состояніи застоя, между тѣмъ какъ христіанская Европа все время неуклонно шла впередъ.

— Христіанская Европа подвигалась впередъ въ періоды времени, когда церковь утрачивала свою власть надъ умами.

— Да, да, время отъ времени церковь утрачиваетъ—таки свою власть, что обыкновенно происходитъ по ея-же собственной винѣ. Но замѣтите, что послѣ подобныхъ крупныхъ періодовъ упадка челоѣчество снова обращается къ церкви, что указываетъ на то, что и она во всякомъ случаѣ не исключена изъ этого поступательнаго движенія. Это указываетъ также и на то, что люди, какъ ни быстро они растутъ, во всякомъ случаѣ не вырастаютъ изъ религіи. Вы и сами, конечно, замѣтили, что въ настоящее время, послѣ этого послѣдняго и самаго тяжелаго времени упадка, тамъ, за-границей, въ великихъ культурныхъ странахъ, пробуждается уже нѣсколько болѣе религіозное настроеніе умовъ; и это естественно. По мѣрѣ того, какъ подвигается впередъ развитіе, растетъ и то, что мы называемъ скукой жизни, отвращеніемъ отъ всего міра, міровою скорбью и отчаяніемъ. А противъ этой болѣзни, конечно, самой тяжелой и самой ужасной изъ всѣхъ болѣзней, до сихъ поръ нашелся еще только одинъ врачъ и врачъ этотъ тотъ, кто сказалъ и дѣйствительно могъ сказать: «Приидите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и я успокою васъ».

Покой! Чудное, заманчивое слово. Я пересталъ поддерживать этотъ въ полушутливомъ тонѣ веденный споръ и сказалъ:

— Да! кто знаетъ! Въ сущности я понимаю это.

* * *

Меня забавляло дразнить Георга Ионатана этими указаніями на «реакцію». Онъ пожималъ плечами:

— All right,—говорилъ онъ.—Начинаютъ интересоваться подобнаго рода вещами,—внушеніемъ желаній, гипнотизмомъ, заклинаніемъ духовъ, и ужъ не знаю, чѣмъ еще. Цицеронъ, Marcus Tullius Cicero заманивается между двухъ простынь и говоритъ по-англійски, Юлій Цезарь стучитъ столомъ и рассказываетъ Павлу Педерсену, что братъ его, Ларсъ Педерсенъ, умеръ въ Америкѣ отъ холеры. Милліонія дамы и элегантныя кавалеры съ большимъ спиннымъ мозгомъ съ благоговѣніемъ сидятъ и слушаютъ все это и въ восторгѣ восклицаютъ въ носъ: «enfin! voilà! la vérité; la grande renaissance».

Старая буржуазная культура, понимаете, начинает возвращаться въ дѣтство. Это начало конца. До того всё дораспутничались въ Лондонѣ и Парижѣ, что ужъ не въ силахъ двинуться съ мѣста; тутъ ужъ, разумѣется, посылають за духовникомъ. Масла и мази, окуриваніе и морфій—все это нужно больнымъ людямъ. Когда старый Римъ началъ подгнивать, и тамъ народъ принялся бѣгать за кудесниками и мистеріями. Когда-же туманъ этотъ объемлетъ весь міръ до того, что люди утрачиваютъ способность разбираться въ своихъ земныхъ дѣлахъ, тогда приходятъ гунны и германцы, анархисты и люди насилія, и выметають вонъ всю эту гниль, вмѣстѣ со всѣми богами и привидѣніями. All right.

— Ну, до этого дѣло не дойдетъ,—замѣтилъ я,—подобныя-же вещи происходили и во времена романтизма, а между тѣмъ старая культура неизбежно стоитъ и понынѣ. Все дѣло въ томъ, что эти вѣчныя «лошадинныя силы» начинаютъ-таки нѣсколько надобдаться.

Георгъ Ионатанъ посмотрѣлъ на меня холоднымъ, испытующимъ взглядомъ, который заставилъ меня улыбнуться.

— Ужъ не знаю, мы «свободные мыслители», потерпимъ-ли мы свободныхъ мыслителей среди насъ самихъ?

* * *

— Читали-ли вы Стриндберга «Кредиторы?»—спросила сегодня френкенъ Бернеръ; мы сидѣли одни за чашкой кофе на верандѣ пастора Лехена.—Это такое хорошее заглавіе,—продолжала она,—что оно, конечно, могло-бы стоять въ видѣ надписи надъ многими браками по склонности. Вы спросите меня, откуда почерпаю я свои воззрѣнія на этотъ счетъ,—я думаю, что я почерпаю ихъ изъ различныхъ источниковъ. Вы-же знаете: въ качествѣ незамужней особы странствуешь изъ одной семьи въ другую и дѣлаешь свои стародѣвическія наблюденія (Улыбка). Всегда, понимаете-ли, есть замужнія пріятельницы, и такимъ образомъ, кое-что видишь, а кое-что и слышишь отъ нихъ. У меня есть пріятельница замужемъ за очень сильно влюбленнымъ въ нее человѣкомъ, котораго и она, собственно говоря, также очень любитъ; но тѣмъ не менѣе, я понимаю, какъ тяжело ей при такихъ условіяхъ. Онъ очень снисходительный и далеко не требовательный кредиторъ, но, какъ-бы то ни было, она постоянно чувствуетъ эти устремленные на нее, влюбленные глаза и это приводитъ ее въ крайне нервное состояніе. Я могу себѣ представить, каково должно быть постоянно чувствовать за собою этотъ, ничѣмъ о себѣ не заявляющій, но тѣмъ не менѣе неоплатный долгъ. Въ этомъ домѣ ощущается какой-то особый, мучительный гнетъ, и стоитъ только прожить тамъ года два для того, чтобы почувствовать своего рода ужасъ передъ этими браками по склонности.

И сидѣлъ и думалъ о миломъ моемъ другѣ, музыкантѣ Брунѣ, и о пуговкахъ его жилета.

— Но вѣдь любовь есть нѣчто такое, что настоятельно заявляетъ о своихъ правахъ; какъ-же быть въ такомъ случаѣ?

— Любовь, конечно, беретъ свое,—скромно улыбулась она,—я нахожу только, что нѣтъ нужды вносить ее въ бракъ.

— На словахъ это выходитъ хорошо,—замѣтилъ я,—но въ такомъ случаѣ намъ надо имѣть больше свободы... т. е. женщинѣ.

— Женщина и такъ пользуется такою степенью свободы, какая только ей нужна, лишь-бы только у нея хватило такту воспользоваться ею, какъ слѣдуетъ,—сказала фрекенъ Бернеръ. Впрочемъ, кажется, она покраснѣла. И она поспѣшно продолжала:—Для нея ужъ и то будетъ счастьемъ, если она сохранить въ своемъ вѣрномъ сердцѣ воспоминаніе о томъ, что было пережито ею въ молодости, память о чемъ будетъ наполнять ей жизнь, хотя-бы она потомъ и вышла замужъ.

Тутъ ужъ несомнѣнно лицо ея было красно; она взялась за свое вышиваніе, чтобы имѣть поводъ наклонить голову.

— Вы вдаетесь въ романтизмъ,—сказала я.—Вы, вѣроятно, когда-то любили въ такомъ, такъ сказать, возвышенномъ стилѣ? И неужели вы безъ горечи относитесь къ тому, что онъ выбралъ другую?

Она тряхнула головой.

— Теперь я даже рада этому,—сказала она.—Поступи я такъ, какъ Эмилія, то и онъ теперь вѣроятно тоже въ свою очередь былъ-бы какимъ-нибудь раздражительнымъ обозленнымъ мужемъ и у меня не осталось-бы въ прошломъ дорогого воспоминанія. Но теперь стоитъ онъ предомной въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ былъ онъ тогда, и въ такомъ видѣ буду я (улыбаясь) видѣть его до самой моей смерти.

— Даже если бы вы вышли замужъ?

— Ну, да!

— Но вашъ мужъ?

— (Улыбаясь). Онъ во всякомъ случаѣ... не имѣлъ-бы кредитора.

— Но онъ могъ-бы стать вашимъ кредиторомъ?

— Видите-ли, въ такомъ случаѣ я не пошла-бы за него.

— Да, это правда... бракъ по разсудку.

— Да; только по разсудку. Ну, тутъ по крайней мѣрѣ нѣтъ никакого риска. Не позволите-ли налить вамъ еще немного кофе?

— Нѣтъ, благодарю.

— Но капельку ликеру? Вы заслуживаете награды за ваше терпѣніе!

— Неужели вы думаете, что заставили меня скучать?—Это—черезчуръ большая скромность. Вы скорѣе должны нѣсколько остерегаться; въ одинъ прекрасный день я являюсь къ вамъ и буду просить вашей руки.

— Въ силу моихъ солидныхъ правилъ?

— Въ силу вашихъ либеральныхъ правилъ.

— Да, и если вы будете действительно сильно влюблены въ другую, то можетъ статься, что я и пойду за васъ.

Смѣхъ.

* * *

Любить и безумствовать, пока молодъ, а потомъ—приличный общественному положенію, разумный бракъ... Старики правы.

Отъ молодости моей остается мнѣ уже очень немного, и нынче праздную я свое послѣднее увлеченіе.

Въ такомъ случаѣ, почему же не отдаться ему?

Предложить ей это? Непонятная слабость!

Непонятная твердость. Говорять еще, что мы, мужчины, представляемъ собою слабый полъ; а между тѣмъ я, наислабѣйшій изъ слабыхъ, оказываюсь въ состояніи выдерживать самыя серьезныя испытанія добродѣтели!

Непонятно.

Это любовь пересоздаетъ насъ такимъ образомъ. Женщина, любя, становится слаба, мужчина же становится твердъ. Если мужчина попадаетъ въ такое положеніе, что онъ могъ бы соблазнить женщину, и онъ не дѣлаетъ этого,—то можно ручаться жизнью, что онъ влюбленъ въ эту женщину.

Но все имѣть свои границы, и я не въ силахъ болѣе сохранять свою твердость. Я *не могу* разстаться съ нею такимъ образомъ; мы съ нею *должны* хоть часъ быть вмѣстѣ молоды. Сколько страданія было бы устранено, если бы я раньше собрался съ духомъ и рѣшился!

Я буду говорить прямо. Я поступлю, какъ джентльменъ. Я предоставлю ей полную возможность безъ затрудненія сказать нѣтъ. Если-же она все-таки скажетъ—да, если таково будетъ ея собственное желаніе... въ такомъ случаѣ было бы чистымъ преступленіемъ съ моей стороны лишить ее того, что было бы для нея «отраднымъ воспоминаніемъ ея молодости». Глупость моя не имѣла предѣловъ. Но до какой степени всегда подтверждается, что любовь не мужское дѣло. Постоянно женщина даетъ толчекъ впередъ этому дѣлу... и на этотъ разъ, къ удивленію, посторонняя женщина.

Наконецъ-то явилось это облегчающее рѣшеніе. Какъ бы она ни отнеслась къ этому, моя обязанность предоставить ей выборъ. Надо предоставить ей этотъ случай. Я хватаюсь за это. Счастье сопутствуетъ смѣлымъ.

* * *

Написать ей—не имѣетъ смысла. Если желаешь, чтобы женщина рѣшилась на выборъ, не слѣдуетъ давать ей времени на черезчуръ хладнокровное обсужденіе. Она хочетъ-не-хочетъ, хочетъ-не-хочетъ... Необходимъ какой-нибудь внѣшній импульсъ, который заставилъ бы ее сдѣ-

латъ наконецъ то, чего она сама хочетъ. Въ исторіи всего міра не было еще случая, чтобы женщина самостоятельно приняла какое-нибудь рѣшеніе.

*
*
*

Я захожу къ ней, и не застаю ея.—О, нѣтъ; послѣ того послѣдняго разу...

Вялый и несчастный иду я къ тѣмъ «друзьямъ», въ обществѣ которыхъ я способенъ забытья. Но, вообще говоря, что это за сумасбродная идея—предложить ей «связь!»

Да, можетъ быть, если бы я выждалъ удобное время. Теперь же я спугнулъ ее. Теперь она презираетъ меня. Я никогда больше не увижу ея.

Еще разъ почувствовалъ я, что счастье наступило мнѣ на мозоль, и я не сумѣлъ поймать его. Въжливю и застѣнчиво отступилъ я въ сторону, поклонился и сказалъ: извините, фрекенъ, за то, что я попался вамъ на дорогѣ.

Я вижу, какъ пчезаетъ она за деревьями, точно бѣлое облако. Улыбка ея насмѣшлива, горька и печальна.

Вотъ уже въ третій разъ попалась она мнѣ навстрѣчу. А она не позволить смѣяться надъ собой. Это было въ послѣдній разъ... Еще въ этотъ четвергъ вечеромъ, и больше никогда. Она не какая-нибудь публичная женщина, чтобы бѣгать за мною.

Бѣдный человѣкъ! Ступай къ своимъ «друзьямъ»—и къ тѣмъ пріятельницамъ, которыхъ то бросають, то снова возвращаются къ нимъ. Ты не болѣе, какъ обломокъ разбитаго бурею судна, выброшенный на департаментскій берегъ; и тамъ останешься ты валяться, пока не истлѣешь.

ЧАСТЬ II.

I.

(26 іюня 1885 г.).

Тутъ кончаются эти замѣтки. За ними слѣдуетъ многозначительное молчаніе. Я мечталъ о счастья, сопутствующемъ храбрымъ; а на дѣлѣ вся исторія окончилась глупостью и поражениемъ. Не мало дней послѣ того отъ досады я прикусывалъ себѣ языкъ. Какая-то такая безпомощность, неворотливость: приставать къ молодой дѣвушкѣ съ банальными фразами, приличными какому-нибудь гимнасту... «Полнѣйшее товарищество», «все дѣлать», «держаться вмѣстѣ, пока хватитъ охоты...», спугнуть ее, какъ мальчишка спугиваетъ птицу, которую хочетъ поймать, вмѣсто того, чтобы просто... ну, потому-то сознаешь, въ чемъ дѣло...

Мужчина—достойное смѣху существо. Онъ умѣетъ укротить молнію и вычислить движеніе кометы, но разсчитать, какимъ образомъ поймать такую маленькую и глупую птичку, какъ молодая дѣвушка...

Да, если бы она была одна изъ тѣхъ, которыми мало дорожишь. Въ такомъ случаѣ поймать ее было бы довольно легко: такая птица едва цѣпляется за вѣтки, какъ какая-нибудь полумертвая курица. Но дикая, вольная птица, рѣдкостная, драгоценная... тогда сердце бьется у охотника и онъ теряетъ голову. Онъ видитъ, что птица задремала, сидя наверху, на деревѣ, подбѣгаетъ въ смущеніи и трясеть дерево, воображая, что она упадетъ къ его ногамъ, какъ перезрѣвшій плодъ; а когда же спугнутая такимъ образомъ птица исчезаетъ въ чащѣ лѣса, сообразительный малый остается стоять на мѣстѣ и кусаетъ себѣ языкъ.

Даже самая моя любовь какъ-будто погасла на время, потонувъ въ овладѣвшей мною страшной, холодной вялости. Для того, чтобы любить, надо имѣть хоть нѣкоторую самоувѣренность, — вѣру въ возможность взаимности; но въ тѣ дни у меня было не болѣе самоувѣренности, чѣмъ у мокрой собаки. Я чувствовалъ, что она презирала меня, такъ сказать, двояйнѣ, совмѣщая и свое, и мое собственное презрѣніе.

Тутъ не оставалось мѣста ни для какихъ усаждающихъ впечатлѣній. Я бродилъ по городу, какъ какой-нибудь отверженный, невозможный человѣкъ, котораго не принимаютъ въ расчетъ, человѣкъ, стоящій внѣ общества. Смѣшно смотрѣть на такого малаго, который все словно крадется съ опущеннымъ хвостомъ, вслѣдствіе поступка, совершеннаго имъ лишь потому, что онъ не сумѣлъ отъ него воздержаться! Но мужчина, рѣшившійся на подобную попытку и получившій отказъ, безъ всякаго сомнѣнія является самымъ жалкимъ изъ всѣхъ существъ въ мірѣ.

Разумѣется, я ходилъ къ фрекенъ Бернеръ. Мнѣ необходима была женщина, которая уважала бы меня, женщина, для которой я все еще былъ бы человѣкомъ, женщина, передъ которой я не чувствовалъ бы своего униженія. И я прилѣплялся къ ней сердцемъ, съ искренностью раненаго существа, нуждающагося въ уходѣ, съ искренностью изгнанника, молящаго дать ему мѣсто, хотя бы у порога или за печкой. Тутъ я опять воспрянулъ духомъ и поднялъ голову; я почувствовалъ себя выше своего униженія почувствовалъ себя на свойственномъ мнѣ уровнѣ, наверху, въ средѣ интеллигенціи, среди избранныхъ. Но вслѣдъ затѣмъ опять вернулась любовь... и еще хуже, чѣмъ когда-либо прежде.

Тѣмъ временемъ я отправилъ письмо, проклятое письмо, въ которомъ я выдавалъ это предумышленное... говорилъ объ этой «глупой фантазіи» (которая, разумѣется, должна была прослыть за минуту легкомыслія), изысканно-равнодушно прощался съ нею и сообщалъ ей, что я намѣревался жениться на другой, — на одной «образованной» особѣ изъ порядочнаго общества. Во всемъ этомъ, помимо лжи, заключалась еще большая доля низкой мести. Найдется-ли на свѣтѣ болѣе способное на низость существо, чѣмъ мужчина, оскорбленный въ его мужскомъ тщеславіи!

Глупость за глупостью. Итакъ, этимъ письмомъ разрушилъ я послѣднѣйшую мостъ между нею и собою и, какъ только могъ безповоротнѣе, закрылъ себѣ всякій путь къ отступленію. Я поступилъ, какъ тотъ охотникъ, который, видя, что птица улетѣла, въ досадѣ своей, напрасно тратитъ порохъ и стрѣляетъ ей вслѣдъ, хотя этимъ онъ только еще глубже угоняетъ ее въ лѣсъ.

Сегодня пріятель мой, Маркъ Оливъ, сказалъ мнѣ, что она выходитъ замужъ, «продаетъ себя» одному богатому старику. Безусловно благо-разумно съ ея стороны, разумѣется! Гораздо благоразумнѣе, чѣмъ я ожидалъ. Онѣ-таки нынче не умираютъ отъ любви! Тѣмъ не менѣе теперь сижу я здѣсь съ такимъ вытянутымъ лицомъ, что даже самъ ощущаю это. Мною овладѣла какая-то странная, безпомощная вялость. А подъ нею—подавленное, безумное горе.

Довольно объ этомъ.

Я ненавижу фрекенъ Бернеръ. Это она была чаровницей, погрузившей меня въ заколдованный сонъ; если бы удалось мнѣ очнуться въ тотъ вечеръ въ четвергъ,—ужь никогда-бы не выпустилъ я своей принцессы.

Пива, побольше пива! Водка да разумный бракъ, на это только и способенъ ты, скотина! Для великихъ восторговъ, для полного блаженства—я не созданъ. Я какой-то получеловѣкъ; «человѣкъ будущаго»: слишкомъ много мозгу и слишкомъ мало крови. Когда приходитъ моя принцесса, я беру лорнетъ и пристально разглядываю ее, и если я нахожу хоть какой-нибудь недостатокъ въ ея прическѣ, или если хоть паутинка прицѣпилась къ ея платью въ то время, какъ пробиралась она рвомъ, ведущимъ въ мой замокъ,—я морщусь и предоставляю ей вернуться назадъ. И три раза,—три четверга, по вечерамъ приходила она, и каждый разъ я давалъ ей время уйти... чортъ-бы побралъ эту фрекенъ Бернеръ съ ея бракомъ по разсудку.

Вотъ и конецъ моей сказкѣ. За ваше здоровье! *Edite, bibite, collegiales, post multa secula secula...*

* * *

Не въ состояніи писать. Изъ этого все равно не выйдетъ никакого романа. Такое вялое, безцвѣтное окончаніе.

Можетъ быть время отъ времени это поможетъ мнѣ хоть отвести душу. По временамъ вѣдь чувствуется такая потребность высказаться. Самому себѣ показать носъ. Взвѣтъ.

* * *

Тяжелое предстоитъ мнѣ время. Теперь, когда я безвозвратно утратилъ ее,—теперь только понимаю я, что она для меня—все!

И существованіе представляется мнѣ не болѣе, какъ безразсвѣтной ледяною пустынею, со смертію въ образѣ скелета, подстерегающей изъ-за

какого-нибудь камня. Безпредѣльный мракъ, исполненный слезъ и зубного скрежета.

«Галлюцинаціи» становятся почти невыносимы. Каждый вечеръ, какъ только затихнетъ все въ домѣ, украдкой пробирается она по лѣстницѣ. Я ясно слышу ея шаги. Сначала на лѣстницѣ, потомъ въ прихожей. Она не стучится въ дверь. Она только стоитъ тамъ; прислушивается, ждегъ, сдерживаетъ слезы. Я ощущаю присутствіе ея такъ осязательно, что по временамъ беру лампу и выбѣгаю, чтобы посмотрѣть, кто тамъ. Но стоитъ только лечь мнѣ въ постель, и я слышу ея дыханіе тутъ, въ самой комнатѣ.

II.

8-го іюля.

Сегодня была свадьба Бьельсвика. Тотчасъ послѣ обѣда отправился онъ со своей молодой женой на пароходъ, отходящій въ Гавръ. Эти счастливые люди будутъ жить въ Парижѣ.

Однако, это грустно. Правда, дружба наша за это послѣднее время поддерживалась больше попойками, спиртными напитками; но какъ-бы то ни было, все-же это было нѣкоторое утѣшеніе, прибѣжище въ нуждѣ, послѣдній исходъ. Кругомъ меня какъ-то все пустѣетъ и пустѣетъ. Скоро я останусь одинокъ.

У меня не хватаетъ смѣлости.

Счастливые старики, успѣвшіе жениться! Единственный другъ, не покидающій человѣка въ несчастіи,—это его жена. Это молодое, свѣтлое существо, которое приковаль онъ къ себѣ сегодня съ тѣмъ, чтобы никогда ужъ больше не оставаться одиноко, глазъ на глазъ съ самимъ собой, слегка напомнило мнѣ Фанни. Мнѣ стало грустно. Я сидѣлъ за свадебнымъ столомъ, дѣлая видъ, будто я ѣмъ, а самъ глоталъ и глоталъ слезы,—горькія слезы стараго холостяка.

Даже самый обрядъ вѣнчанія растрогалъ меня. Старый благодушный Свенъ Брунъ говорилъ просто и хорошо, и самая формула вѣнчанія прекрасна. Наивна, простосердечна, по-старинному надежна. Древняя рѣчь книги Бытія звучитъ воспоминаніями дѣтства, словно тихій, священный голось, доносящійся къ намъ изъ далекихъ временъ, голось предковъ, старыхъ, мудрыхъ предковъ. Все высказывается такъ чистосердечно откровенно, такъ отечески—строго и вмѣстѣ съ тѣмъ кротко: въ душѣ чистота, тишина и растроганность. «Тернія и волчець возраститъ тебѣ земля... Въ потѣ лица твоего будешь ты ѣсть хлѣбъ твой, пока не возвратишься въ землю... яко земля есть и въ землю отыдешь. Въ болѣзняхъ будешь ты рождать дѣтей и къ мужу твоему будетъ обращеніе твое и тотъ тобою обладать будетъ».

То самъ Богъ Отецъ говоритъ съ высоты, спокойно, какъ рокъ. predetermined, безповоротно. Съ своего рода досадой думалъ я о томъ, что эта маленькая «современная» женщина въ образѣ невѣсты можетъ быть стояла тутъ, въ глубинѣ души возмущаясь противъ мудрости предковъ... вѣдь эти прямолинейные современные люди съ ихъ отсутствіемъ религіозности положительно невыносимы.

Тутъ присоединились звуки органа, серьезные и тихіе, благоговѣнно отвѣчали они на высокую рѣчь Бога. Пѣнь, пѣтая миллиономъ душъ. пѣнь столѣтій, вѣра предковъ и полное примиренія и покорности пониманіе жизни звучало въ волнахъ этихъ звуковъ и наполняло своды простыми, величественными аккордами. Я чувствовалъ себя нравственно выше и чище; душа была полна могучаго и сладкаго волненія; всѣ заботы и мучительныя думы оставались въ сторонѣ, далеко въ сторонѣ, и становились чужды и мелки, и наконецъ исчезали, — точно странные, бессмысленные и уродливые бѣсенята, не смѣвшіе подступиться.

Я буду иногда ходить въ церковь—особенно въ католическую, я буду слушать вѣковые напѣвы и, подхваченный волнами звуковъ, буду чувствовать себя выше и чище душой. И, слушая исповѣданіе вѣры предковъ. я въ смиреніи сложу руки и буду лишь желать, чтобы и я могъ вѣрить такъ-же, какъ они.

«Блаженны вѣрующіе». Счастливые старые люди.

Существуетъ лишь одинъ единственный другъ, не покидающій человека даже въ дни бѣдствій.

Жена? Современная дама? — Какъ только жизнь начнетъ складываться печально,—она потребуетъ развода.

* *
* *
* *

На другой день.

Сегодня фрекенъ Бернеръ въ первый разъ уюмянула о ней.

А именно для того, чтобы сообщить мнѣ, что она... «кажется, ее зовутъ Гольмъ? о, Гольмсенъ, да... со своею матерью и своимъ «довольно пожилымъ уже женихомъ» со вчерашнимъ гаврскимъ парохомомъ уѣхала — въ Парижъ»...

Я ненавижу фрекенъ Бернеръ.

III.

Августъ.

Одно только въ жизни и занимаетъ меня теперь: сидѣть тутъ и писать ей письма. Я знаю, что я ихъ опять сожгу,—завтра или послѣзавтра. Я знаю, что это глупо, недостойно мужчины, бессмысленно. Можетъ быть начинается уже размягченіе мозга. У моего дяди оно началось тоже приблизительно около этого времени; можетъ быть, нѣсколько позже. Но какъ-бы то ни было, какъ-бы то ни было, только это одно и даетъ

мнѣ душевный покой. Только это одно и способно дѣйствительно заинтересовать меня. Къ тому-же, можетъ быть мнѣ наконецъ удастся-таки написать что-нибудь такое, что можно будетъ послать ей.

Какая это особая, невыносимая мука сознавать, что являешься въ сомнительномъ свѣтѣ въ глазахъ любимой женщины. Мнѣ надо, надо оправдаться передъ нею.

А между тѣмъ я знаю, что для нея теперь я не болѣе, какъ на половину уже забытый, неприятный эпизодъ. Она совершенно вычеркнула меня съ своего счета... ахъ, ты этакій снигирь! теперь для нея главное—хорошенько настроить себя для этого благоразумнаго брака, до котораго можетъ быть только я же самъ и довелъ ее.

Хо-хо! Пиши себѣ свои письма и потомъ жги ихъ, холостякъ! У тебя во всякомъ случаѣ нѣтъ ничего лучшаго, на что-бы могъ ты тратить свое время.

Къ тому-же это не мѣшаетъ тебѣ въ то-же время пить. Въ одинъ прекрасный день попадешь-таки-ты въ домъ умалишенныхъ. Я представляю собою резервуаръ для всевозможныхъ унаслѣдованныхъ семейныхъ грѣховъ и болѣзней. У меня все это выразится сумасшествіемъ вслѣдствіе пьянства.

Слава Богу, что я былъ настолько твердъ, и не втянулъ этой славной дѣвушки въ замужество съ подобнымъ трупомъ.

* *
*

Эта сосущая мука! Даже концы пальцевъ нѣмѣютъ отъ проникающей въ нихъ острой боли, такъ что мнѣ больно держать перо.

* *
*

Если я когда-нибудь женюсь, то не иначе, какъ на особѣ, которая будетъ настолько мало интересоваться мной, что безъ вздоха отошлетъ меня въ больницу, когда наступитъ, наконецъ, роковой день.

Безъ вздоха и волненія. На особѣ, способной съ спокойнымъ убѣжденіемъ произнести: «слабоуміе», «нервозъ», или какое-нибудь другое замаскировывающее дѣйствительность выраженіе. изъ тѣхъ, что употребляются нынче, когда людей поражаютъ безотрадныя болѣзни.

Короче сказать, на какой-нибудь на половину состарѣвшейся и благоразумной особѣ въ родѣ фрекенъ Бернеръ.

Она заботится обо мнѣ. Ей нужно имѣть кого-нибудь, за кѣмъ ухаживать, и кого спасать. Это особое ихъ свойство, этихъ незамужнихъ женщинъ: собаки, кошки или старые холостяки.

О, Боже, до какой степени весь міръ представляется мнѣ огромной, черной ямой!

IV.

октябрь.

Болятъ голова. Этотъ болѣзненный, тяжелый гнетъ надъ бровями. Начало конца. Одно зло вытѣсняеть другое: ни слѣда влюбленности. Нужна сидѣлка—вотъ! настоящее слово.

Отвратительно,—до чего человѣкъ теряетъ энергію, когда онъ боленъ. Теперь у меня не остается ужъ никакой охоты жить, и я пожалуй безъ труда рѣшился-бы принять мѣры. Но нѣтъ, для этого я слишкомъ вялъ. Совершенно раскисъ. А между тѣмъ нужна такая масса энергій для того напр., чтобы повѣситься, что при одной мысли... уфь!..

Или не попросить-ли у доктора Кволе морфія... уфь!.. Разыграть такую комедію... Кромѣ того... мысль о сообщникѣ...

Антипирину?..

* *
* *
* *

Въ свое время мнѣ приходилось слишкомъ часто сходитья съ врачами. Я слишкомъ мало вѣрю во всю эту ерунду.

Единственно благопріятный случай—встрѣтитъ въ лицѣ доктора субъекта, способнаго гипнотизировать, способнаго заставить пациента съ должною вѣрою глотать всѣ эти ничего не значація пилюли. Но когда знаешь докторовъ и всѣ ихъ ухищренія...

Мнѣ остается только придерживаться своего стараго способа лѣченія: Я гуляю и гуляю. Моя счастливая привычка по утрамъ обливатья холодной водой значительно поддерживаетъ мою способность противостоять болѣзни, и когда я пью много свѣжаго воздуха и ни капли коньяку... развѣ лишь немножко абсенту, чтобы не сойти съ ума вдругъ.

Всего хуже—всѣ эти думы, которыя точатъ, мучатъ и терзають нервы до того, что я почти теряю разсудокъ и становлюсь такъ пугливъ, что мнѣ всюду чюдятся какія-то видѣнія и слышатся какіе-то голоса... кажлая птица, выпорхнувшая изъ кустовъ, окаймляющихъ дорогу, пугаетъ меня чуть не до столбняка.

Надо-бы имѣть около себя человѣка по душѣ... о, Фанни. Фанни!... Всѣ другіе мучатъ меня. Особенно эта влюбленная старая дѣва, которую фрекенъ Бернеръ всюду таскаетъ за собой во время своихъ прогулокъ... эта барышня ужъ конечно не станетъ прогуливаться одна съ господиномъ нѣсколько сомнительной репутаціи; она лучше знаетъ свѣтъ и людей, чѣмъ бѣдная Фанни.

* *
* *
* *

По какому признаку узнають дѣйствительно хорошо воспитаннаго человѣка?

— По тому, говоритъ фрекенъ Бернеръ,—что онъ держитъ себя благовоспитаннымъ человѣкомъ даже по отношенію къ *пожилымъ*, незамужнимъ дамамъ.

Подъ сдержанной улыбкой скрывался булавочный уколъ. Вѣроятно, при томъ или другомъ случаѣ я какъ-нибудь провинился передъ этой старой дѣвой—ея пріятельницей. Господи Боже, при всемъ моемъ глубочайшемъ уваженіи къ этой дамѣ, я...

* * *

— Почему это такъ трудно рѣшиться умереть? говорилъ докторъ Кволе, возвращаясь домой отъ Ионатана.

Да... это жажда жизни ни за что не хочетъ изсякнуть въ насъ, пока она не испробовала все возможное. По всей вѣроятности ничего не стоило бы околѣть, предполагаю я, въ такую минуту, когда человѣкъ могъ-бы съ увѣренностью сказать самому себѣ: теперь я все уже извѣдалъ, теперь ничего ужъ мнѣ не остается; міръ ничего больше не можетъ мнѣ дать».

— Или-же, если бы человѣкъ зналъ, что ему предстоитъ жить сызнова? намекнулъ я. Въ такомъ случаѣ, вѣроятно, было-бы столь-же легко сбросить съ себя эту тѣлесную оболочку, какъ смѣнить рубашку или фракъ.

— Въ этомъ нельзя быть увѣреннымъ, замѣтилъ докторъ.—Если бы у насъ была одна только безсмертная душа, то во всякомъ случаѣ она была-бы такъ тѣсно связана съ этимъ жалкимъ тѣломъ... Но, видите-ли, есть вѣдь такъ много низшихъ душъ,—тѣлесныхъ душъ. Душа нервной системы, душа кровообращенія и т. д. и т. д. и въ ту минуту, когда главная, настоящая наша душа рѣшила-бы, что пора ей сбросить съ себя это тѣло, всѣ эти тѣлесныя души набросились-бы на нее и въ силу своей многочисленности отстранили-бы ее отъ дѣла подобно тому, какъ поступаютъ матросы, когда капитанъ напьется пьянъ и вздумаетъ посадить корабль на мель; они просто-напросто связываютъ и запрягаютъ его. Ну, да мы, впрочемъ, это еще увидимъ. Поживемъ, такъ и поживемъ. *Qui vivit vivat.*

Кажется, тутъ онъ вздохнулъ.

«Какъ это гадко, что намъ не дано быть господами своей жизни», продолжалъ я. «Въ концѣ концовъ вѣдь никто-же не убиваетъ себя, пока не сойдетъ съ ума, а тогда въ сущности нельзя уже сказать, что онъ самъ совершилъ это».

— «Но есть и такіе, что убиваютъ себя съ совершенно свѣтлой головой», замѣтилъ Кволе.

Мы зашли къ Гранду, заняли отдѣльный кабинетъ и продолжали разговоръ. Подъ конецъ, разумѣется, заговорили о бракѣ. Я защищалъ его, онъ нападалъ. Мужъ представляетъ собою точь-въ-точь того дракона Фафнира въ Вагнеровскомъ... *Зифридъ*, если не ошибаюсь...

„Ich liege
Und besitze,
Lass mich schla... fen...“

V.

Пью чай у пастора Лехена. Послѣ чаю весьма умѣренная доза шива.

Онъ добросовѣстно старается въ моемъ присутствіи слагать съ себя обликъ пастора. Но ужь не знаю, моя-ли это вина или его, но подь конецъ мы оба по уши уходимъ въ религіозные споры.

Онъ никакъ не хочетъ признаться, что ненавидитъ «современныхъ отрицателей».

— Я скорѣе чувствую извѣстнаго рода почтеніе передъ этими сильными умами, которые въ состояніи признать пустоту покинутого Богомъ существованія, и въ силахъ примириться съ этимъ ужаснымъ открытіемъ.

— Да, для этого, конечно, нужна сила духа.

— Но,—тутъ онъ сейчасъ-же хватается за свои резервные силы,— но я долженъ прибавить, что когда я читаю работы этихъ людей, у меня почти всегда является впечатлѣніе сухости, поверхностности, — хочу я сказать: впечатлѣніе будто имъ все-таки не привелось основательно заглянуть въ самую глубь «страданій міра: во всякомъ-же случаѣ не приходилось испивать до дна эту чашу.

— Но,—замѣтилъ я,—даже въ томъ случаѣ, если человѣкъ не только провидѣлъ, но даже и испыталъ все это, то своего рода гордость или нравственное чувство не позволитъ ему прятать голову, какъ страусъ. потому только, что страшно смотрѣть истинѣ прямо въ глаза!

— Да, да.—пробормоталъ онъ,—за это-то я ихъ и уважаю. Но,—продолжалъ онъ,—но, хотя ты и не можешь понять, какимъ образомъ современные люди, какъ, напримѣръ, члены англійской аристократіи, доходятъ до того, что возвращаются назадъ въ католицизмъ, я, однакоже, могу увѣрить тебя, что именно это-то сознаніе безсодержательности жизни міра и является однимъ изъ сильнѣйшихъ факторовъ, содѣйствующихъ возвращенію къ христіанству. Разъ вполне и окончательно сознана невозможность научнымъ путемъ объяснить всѣ стороны міровой жизни, наступаетъ, наконецъ, минута, когда предстоитъ лишь выборъ между безуміемъ и Христомъ,—и тогда не одна настрадавшаяся душа, выбросивъ за бортъ свою «гордость», предпочтетъ искать спасенія тамъ, гдѣ его можно найти.

— Слабѣйшія души... пожалуй, да.

— Пусть такъ. Подобная душа, можетъ быть, окажется слабѣе обыкновеннаго. Но можетъ стать также, что это будетъ и сильная душа, глубже обыкновеннаго познавшая скорбь міра...

— Разумѣется, люди всего охотнѣе готовы причислить себя къ этому послѣднему классу.

— Я, съ своей стороны, долженъ сказать, что, къ сожалѣнію, мнѣ приходится причислить себя къ слабѣйшимъ душамъ. Я, какъ ты, можешь быть помнишь, обладаю нѣсколько эстетической натурой; можешь быть, склонности мои даже главнымъ образомъ эстетическія; а эстетическія натуры не принадлежать къ числу сильнѣйшихъ натуръ. Но для меня даже самое это мое стремленіе къ красотѣ послужило своего рода рычагомъ. Когда, въ одинъ прекрасный день, весь міръ превратился въ моихъ глазахъ въ сплошную, великую, кричащую дисгармонію, тогда остался мнѣ одинъ только выходъ: идти туда, гдѣ, по крайней мѣрѣ, была гармонія.—и это было тамъ, у Христа.

— Да, да.

Но эти англійскіе аристократы положительно интересуютъ меня. У меня у самого не разъ являлась охота искать свѣта за стѣнами старинныхъ католическихъ церквей съ ихъ алтарями

* * *

Фрекенъ Бернеръ музыкантша. Большое счастье на тотъ случай, если она выйдетъ замужъ; музыка—такой хорошиій семейный громомоводъ.

— Я тоже, по временамъ, нѣсколько жажду звуковъ,—сказала я.— Въ молодости я писалъ даже ноты. Нѣтъ ни одной болѣзни, которою я не переболѣлъ-бы; музыкальную-же корь перенесъ я въ довольно сильной степени.

Но подъ конецъ это показалось мнѣ черезчуръ однообразно. Такая бѣдность! Только и всего, что эти два несчастныхъ ключа—Dur и Moll. Moll и Dur... двѣ рѣзкія противоположности и ничего примиряющаго... можете-ли вы представить себѣ что-нибудь менѣе достойное искусства? И рылся и рылся, стараясь проникнуть вглубь; хотѣлъ найти какой-то третій ключъ: тотъ, что, согласно преданію, все заставляетъ плясать и звучать... Но только всего и было, что эти два... Вальсы для тѣхъ, что хотятъ танцовать, и псалмы для набожныхъ людей и, наконецъ, и это мнѣ надоѣло—какъ и все другое.

— Конечно, это въ васъ говорила молодость, — замѣтила фрекенъ Бернеръ.

— Да, да; это такъ.

Но эти глубокіе основные тоны, въ вибраціяхъ и звукѣ которыхъ выливается все существованіе, ихъ могу я представить себѣ еще и теперь. Еслибъ мнѣ удалось поймать ихъ—какое блаженство воспроизвести ихъ и видѣть, какъ въ пѣвучихъ звукахъ уносится куда-то весь этотъ тяжелый, сѣрый міръ,—сперва къ позолоченнымъ солнцемъ облакамъ, потомъ въ синѣющую прозрачную дымку и, наконецъ, въ великое, холодное, ясное звѣздное пространство.

VI.

Существуетъ-ли на свѣтѣ что-либо, болѣе устарѣвшее и противорѣчащее разсудку, чѣмъ напр. любовь? А между тѣмъ она — дѣйствительность, и дѣйствительность въ такой степени, что я, взрослый, современный мужчина, только и дѣлаю, что терзаюсь... тоскою по молодой дѣвушкѣ, отъ которой, въ концѣ концовъ, самъ-же я и отказался...

* * *

Февраль 1886 г.

Современныя изслѣдованія гипнотическихъ, магнетическихъ и другихъ нервныхъ явленій, пожалуй, въ концѣ концовъ, единственное, на что можно еще надѣяться. Если-же и этимъ путемъ все-таки не удастся проникнуть до «души», — этой удивительной невѣдомой силы, приводящей въ движеніе безжизненное тѣло, то, слѣдовательно, туда и нѣтъ никакого пути.

Между небомъ и землею существуетъ нѣчто большее. чѣмъ предполагаютъ доктора. До тѣхъ поръ, пока не выяснено, какимъ образомъ колебанія воздуха превращаются въ мозгу нашемъ въ звуки, пока не устраненъ еще этотъ страшный дуализмъ «матеріи» и «духа», до тѣхъ поръ и наша нервная система является не болѣе, какъ телеграфнымъ канатомъ, поддерживающимъ сношенія между этими двумя мірами. Такимъ образомъ, первымъ шагомъ впередъ и должно явиться разъясненіе того, какимъ образомъ дѣйствуетъ этотъ телеграфный аппаратъ.

Я беру читать гипнотическія и даже спиритическія книги у доктора Кволе, который только «по дружбѣ проситъ меня не терять разсудка». Ну, до этого-то еще не дойдетъ; для этого въ нихъ черезчуръ много очевидной ерунды. Но какъ много удивительнаго и загадочнаго въ томъ, что всѣ мы переживаемъ, не обращая на то никакого вниманія, и я не понимаю, почему заочное внушеніе — не только воображаемое, но реальное, между нею и мною должно быть «невозможно»?

* * *

Какъ охотно говорятъ мужчины о женщинѣ и любви, когда они не влюблены.

Георгъ Ионатанъ, который когда-то былъ столь благороденъ и наивенъ, женился на своей любовницѣ только потому, что боялся, какъ-бы дѣвушка не погибла окончательно! Господи Боже! Если такая дѣвушка погибаетъ, то очевидно она ничего лучшаго и не стоитъ, а если она стоитъ чего-нибудь лучшаго, то она очевидно и не погибнетъ... И развѣ не то же самое суждено и всѣмъ намъ? Неужели лучше сначала погибать отъ благоприличной скуки, а подъ конецъ въ качествѣ жены филистера переваливаться на ходу, какъ какая-нибудь разжирѣвшая гусыня, или-же

въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жить на всѣхъ парахъ, утопая въ шаманскомъ, а затѣмъ безъ хлопотъ отдаться на жертву смерти въ какой-нибудь больницѣ?

Однакоже, въ тотъ разъ онъ былъ влюбленъ. А тотъ, кто влюбленъ, хочетъ чтобы дѣвушка принадлежала лишь ему. Моя ненависть къ старику, уѣхавшему вмѣстѣ съ Фанни, при всей своей затаенности, до того полна яду, что иногда я представляю себѣ, какое это было-бы наслажденіе наступить каблукомъ ему на затылокъ и растоптать его, какъ какого-нибудь червя. Такимъ образомъ теперь ужъ я не терплю шутокъ въ этомъ дѣлѣ.

— Такъ, значитъ, и на этотъ разъ дѣло кончилось ничѣмъ? спросилъ Ионатанъ, многозначительно улыбаясь.

— Какое это дѣло? загорячился я.

— Я вижу, вы понимаете, что хочу я сказать, кивнулъ онъ головой. Впрочемъ поздравляю!

— Вотъ какъ? Развѣ вы знаете эту особу?

— Нѣтъ, но я знаю васъ. Вы не годитесь для единобрачія.

— Вотъ какъ?

— У васъ для этого не хватаетъ юмору. Понимаете? Надо быть юмористомъ для того, чтобы пройти цѣлымъ и невредимымъ черезъ испытаніе супружеской жизни.

— Впрочемъ, вы совершенно заблуждаетесь, предполагая, что я намѣревался жениться на этой особѣ, заговорилъ я вызывающимъ тономъ;— каждая ложь есть на половину правда. Это была умная молодая дѣвушка, и мнѣ доставляло удовольствіе гулять съ нею. Въ нашихъ отношеніяхъ положительно не было ничего такого, что вы, вѣроятно... предполагаете.

— Это была платоническая любовь, да; я это знаю.

— Знаете? Ну, звать-то это, положимъ, вы не можете...

— Вы были все это время черезчуръ элегично настроены, другъ мой. Сразу видно по самому человѣку, обладаетъ-ли онъ предметомъ своей любви, или нѣтъ.

— Ну, предметъ любви... это выраженіе тоже не вѣрно. Въ ней было слишкомъ много такого, что... у меня это не заходило дальше извѣстной степени интереса къ ней.

Вдругъ, самъ устыдившись своего малодунія, я прибавилъ:

— То-есть въ концѣ концовъ она порядкомъ-таки овладѣла моимъ воображеніемъ... Знаете, эта своеобразная головная любовь... любовь издалека... конечно, съ обязательной меланхоліей, когда предметъ любви отсутствуетъ.

— Я это-то и замѣтилъ, — сказалъ онъ тономъ пониманія, котораго я никакъ отъ него не ожидалъ, и который сразу-же заставилъ меня смягчиться.— Вамъ надо-бы постараться отдѣлаться отъ этого, добавилъ онъ.

— Ну, это легче сказать, чѣмъ сдѣлать.

— Легче сдѣлать, чѣмъ сказать,—когда она выйдетъ замужъ, предполагаю я.

— Пустяки!—съ энергіей отрицательно поводи плечами, сказала я.

— Развѣ она до такой степени добродѣтельна?

— Добродѣтельна? Это не то. Разумѣется, каждую женщину можно совратить съ истиннаго пути; вся разница тутъ лишь въ томъ, что... въ томъ, какую цѣною придется расплачиваться... Эта, видите-ли, одна изъ тѣхъ, что относятся къ подобнымъ вещамъ крайне торжественно, а этого-то, обыкновенно, и избѣгаешь, какъ можно дольше. Я слишкомъ нервень для подобныхъ исторій.

— Послѣ свадьбы, понимаете, она будетъ относиться къ этому гораздо проще. Замужество — тонкая штука. Оно разочаровываетъ молодыхъ дѣвушекъ и выѣсть съ тѣмъ дѣлаетъ ихъ беззащитнѣе. вслѣдствіе чего онѣ безъ труда становятся добычей Донъ-Жуана. Еще сильнѣе, чѣмъ замужество, дѣйствуетъ на нихъ безопасность по отношенію къ ребенку. А потому постарайтесь только явиться во время. Она сейчасъ-же отдастся вамъ и со страстью, которая испугаетъ васъ,—ужъ эти благонравныя невинныя дѣвы.

Сидя тутъ, онъ, казалось, становился мнѣ ненавистенъ.

— Что это за французскій романъ читаете вы мнѣ теперь? спросила я свысока.

Онъ пожать плечами и отвѣчалъ еще болѣе высокомернымъ тономъ:

— Романъ изъ дѣйствительной жизни,—сказалъ онъ.—Вы также его знаете. Сильно-же должны быть вы влюблены, если подобнаго рода откровенія способны сердить васъ. Мы не можемъ прибѣгать къ свободному супружескому союзу, и въ такомъ случаѣ намъ приходится довольствоваться нарушеннымъ.

Въ сущности, я какъ-то не схожусь съ этимъ человѣкомъ. Въ будущемъ моемъ романѣ онъ явится, какъ типичный представитель этого холоднаго, скучнаго, прозаическаго, дѣловитаго *matters-of-fact* времени, которое называемъ мы современностью,—вообще, представителемъ этого прямолинейнаго оптимизма и позитивизма, лишеннаго воображенія и религіознаго чувства. Въ такомъ случаѣ я предпочитаю ужъ доктора Кволе въ немъ и провижу глубины; онъ, даже при всемъ его докторскомъ материализмѣ, человѣкъ съ душой; онъ страдалъ и страдаетъ; онъ далеко заглядывалъ въ бездну вѣчной ночи и позналъ *примиреніе*.

* * *

Вотъ она... отъ этого можно просто сойти съ ума.

Она начинаетъ преслѣдовать меня даже днемъ. Едва выхожу я на улицу, она какъ разъ ужъ тутъ, въ какихъ-нибудь десяти или двадцати шагахъ за мною, и смотритъ на меня своими притягивающими, груст-

производителей въ данной отрасли. Высшимъ выраженіемъ синдикатной монополіи являются тѣ союзы промышленниковъ, которые обнимаютъ большую часть предприятий во многихъ странахъ и уничтожаютъ соперничество на международномъ рынкѣ. Въ настоящее время еще нѣтъ примѣра подобнаго синдиката. Когда подобный союзъ сложится (очень вѣроятно, что онъ сложится всего ранѣе въ нефтяной промышленности), то въ данной отрасли производства боязнь соперниковъ уже не будетъ служить мотивомъ къ техническимъ улучшениямъ. При такомъ порядкѣ вещей и производство товара и перевозка его и сбытъ будутъ построены по масштабу, требующему многомилліонныхъ капиталовъ, а потому станетъ совершенно платоническимъ предположеніе, что могутъ возникать новыя предприятия и выступать соперниками синдиката. Хотя запасъ капиталовъ возрастаетъ, однако, возникновеніе новыхъ предприятий становится съ каждымъ годомъ все болѣе затруднительнымъ; оно тѣмъ болѣе трудно, чѣмъ, въ среднемъ, предприятие крупнѣе. Ясно, что трудность образовать новое предприятие достигаетъ высшей точки именно въ томъ производствѣ, которое цѣлкомъ захвачено синдикатомъ. Разъ они не имѣютъ международного характера, а обнимаютъ большую часть туземныхъ предприятий, то боязнь соперничества не исчезаетъ: соперникъ грозитъ извнѣ; онъ является особенно страннымъ, если данное производство работаетъ не только для внутренняго, но и для вѣшняго рынка, который оно не можетъ удержать за собой съ помощью охранительныхъ тарифовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, монополія не обнаруживаетъ своего вліянія во всей полнотѣ. Наконецъ, монополія, создаваемая синдикатомъ, дѣйствуетъ всего слабѣе, если, кромѣ соперничества иноземныхъ предприятий, есть соперничество и внутри страны, если синдикату не удалось обнять всѣ предприятия. До настоящаго времени синдикаты успѣвали достигать именно этой, неполной монополіи. И даже трѣть въ американской нефтяной промышленности не захватилъ всѣхъ предприятий, а только 75% общаго ихъ числа. Такимъ образомъ, за его предѣлами остались промышленныя единицы, которыя могутъ быть серьезными его соперниками. Вотъ одно изъ важныхъ условій, въ силу которыхъ американскій нефтяной синдикатъ былъ вынужденъ дѣлать крупныя улучшения въ производствѣ.

Кромѣ соперничества со стороны однородныхъ предприятий, мотивомъ къ улучшенію производства можетъ быть чувство неудовлетворенности, принимаемое низкой прибылью, которую давитъ высокая заработная плата. Пользуясь вычислениями нѣкоторыхъ американскихъ экономистовъ, авторъ утверждаетъ, что за послѣднія десятилѣтія прибыль понизилась, что съ 1860 года до конца 80-хъ годовъ покупательная сила заработной платы возросла на 40—70%, тогда какъ прибыль уменьшилась на половину, а въ нѣкоторыхъ предприятияхъ даже на 75% (стр. 279—282).

Отсюда г. Янжуль дѣлаетъ выводъ, что капиталисты, дабы увеличить прибыль, должны стремиться къ дальнѣйшей концентраціи производства, т. е. къ образованію синдикатовъ.

Г. Янжуль, говоря это, входитъ въ то русло, которое такъ излюбилъ правовѣрные экономисты: пользоваться всѣми данными, хотя-бы ихъ малочисленность не давала права на общіе выводы, для утвержденія, что прибыль уменьшается, а заработная плата быстро возрастаетъ, что положеніе капиталиста становится затруднительнымъ, а работнику выпадаетъ все болѣе завидный удѣлъ. Автору, который считаетъ достаточными наблюденія, сдѣланныя Аткинсономъ и Дрэперомъ надъ переменами въ размѣрахъ заработной платы и прибыли (Дрэперъ сдѣлалъ выводы по поводу размѣра прибылей *только 65 акціонерныхъ обществъ!*), мы предложимъ такіе вопросы: если прибыль понижается, а заработная плата такъ быстро возрастаетъ, то кому-же достается избытокъ продукта, который связанъ съ безостановочно возрастающей производительностью труда? Заработная плата увеличилась съ конца прошлаго столѣтія въ 3—4 раза, а производительность труда (самъ авторъ приводитъ примѣры этого въ своей книгѣ о синдикатахъ) увеличилась во многихъ отрасляхъ въ десятки разъ. Если прибыль имѣетъ тенденцію уменьшаться, а заработная плата возрастаетъ, то чему приписать многочисленность милліонеровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, на которыхъ неоднократно указываетъ авторъ? Или, быть можетъ, американскіе рабочіе, благодаря высокой заработной платѣ, ухитряются обращаться за короткое время въ милліонеровъ? Нѣтъ, авторъ не подумалъ надъ фактомъ, который общеизвестенъ,—что, по мѣрѣ роста производительности труда, прибыль и поземельная рента возрастаютъ въ большей пропорціи, чѣмъ заработная плата, и что можно наблюдать обратное явленіе или въ отдѣльной ограниченной мѣстности за довольно продолжительный періодъ, или-же и въ цѣлой странѣ, но за короткое время, преимущественно то, на которое нападаютъ промышленные кризисы.

Согласимся, однако, что прибыль мала, а заработная плата чрезмѣрно высока. И на этотъ случай синдикатъ имѣетъ къ своимъ услугамъ гораздо болѣе простое средство, чѣмъ энергическое улучшеніе производства. Уже увеличеніе, вслѣдствіе образованія синдиката, самихъ размѣровъ промышленнаго предиріятія ведетъ къ увеличенію прибыли; сюда присоединяется вліяніе среднихъ техническихъ улучшеній, связанныхъ съ размѣрами производства, которыя освобождаютъ извѣстное число рабочихъ рукъ и препятствуютъ повышенію заработной платы. Наконецъ, такое-же вліяніе имѣетъ и неослабное стремленіе синдикатовъ держать производство въ границахъ, которыя опредѣляются спросомъ. Чѣмъ болѣе настойчиво будутъ проводить синдикаты эту политику, тѣмъ меньше будетъ относительное число занятыхъ рабочихъ, тѣмъ больше избытокъ

свободныхъ рабочихъ рукъ и тѣмъ менѣе благопріятны условія для повышения заработной платы.

Оцѣнивая монопольное положеніе синдикатовъ, г. Янжуль возражаетъ тѣмъ писателямъ, которые возстаютъ противъ монополій, считаютъ ихъ несомвѣстимымъ съ интересами народнаго хозяйства. «Мы видимъ и пользуемся нѣсколькими монополіями во всемъ цивилизованномъ мірѣ, не только не проклиная ихъ, но даже благословляя, какъ истинно полезныя для блага народа учрежденія, и самые рѣзкіе критики ихъ не захотятъ поставить на мѣсто этихъ монополій свободную конкуренцію: я разумѣю правительственную монополію выпуска денегъ, почтовую и телеграфную (такъ называемыя юридическія монополіи), а въ нѣкоторыхъ странахъ образуются и другія монополіи, какъ желѣзнодорожная въ Пруссіи, не менѣе удовлетворяющія общимъ народнымъ интересамъ и пр. Но если въ рукахъ правительства извѣстный промыселъ можетъ вестись хорошо и вполне удовлетворять своему назначенію, то почему такая-же монополія непременно должна представлять лишь одни недостатки, если ведется частными лицами подъ контролемъ или руководствомъ того-же правительства» (389 стр.).

Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду искусственное возвышеніе цѣны товаровъ, которое легко дается синдикатамъ и служитъ формой, въ которой ихъ монопольное положеніе причиняетъ вредъ всѣмъ потребителямъ.

Г. Янжуль не только неудачно выбралъ аналогію, но и затемнилъ ею то положеніе, которое должно служить исходной точкой при оцѣнкѣ всѣхъ монополій: созданіе монополіи сообщаетъ власть, а всегда и вездѣ на одинъ случай пользованія властью ко благу общему приходится тысячи и миліоны случаевъ злоупотребленія властью. И это положеніе примѣнимо какъ къ отдѣльнымъ людямъ, такъ къ частнымъ обществамъ и государству. Монетная, почтовая и другія монополіи государства даютъ намъ въ прошломъ картину силовныхъ злоупотребленій. Конечно, г. Янжулю хорошо извѣстно, напр., то, что исторія денегъ есть преимущественно исторія порчи денегъ правительствами, и что въ исторіи почтовой монополіи можно найти множество фактовъ, доказывающихъ, что государство пользовалось почтою совсѣмъ не такъ, какъ должно пользоваться ею. Правда, за новѣйшее время въ этомъ отношеніи совершился замѣтный поворотъ къ лучшему. Благодаря безчисленнымъ и непрерывнымъ напоминаніямъ со стороны науки и публицистики, что монета, почта, телеграфъ и пути имѣютъ значеніе для всего народнаго хозяйства, что государство выигрываетъ, если неустанно заботится объ усовершенствованіи этихъ отраслей управленія и не дѣлаетъ ихъ источниками доходовъ, не только въ странахъ, гдѣ чиновники хорошо подготовлены и хотя немного проникнуты сознаніемъ долга, но даже въ государствахъ, которыя являются царствомъ хроническаго и самаго возмутительнаго беззаконія,

казенная почта и телеграфъ, казенныя желѣзныя дороги поставлены не совѣмъ дурно. Но можно-ли сказать то-же самое о промышленныхъ монополіяхъ, которыя служатъ для казны источникомъ значительныхъ доходовъ? Можно было-бы выписать изъ учебниковъ финансоваго права длинный рядъ цитатъ въ доказательство того, какъ вредны эти монополіи для народнаго хозяйства. Не утруждая читателей, мы ограничимся ссылкой только на книгу самого профессора Янжула «Основныя начала финансовой науки». Вообще, противникъ монополій, авторъ сводитъ къ 5 пунктамъ вредное вліяніе табачной монополіи. Подъ п. 1 отмѣчается сильный ударъ, который монополія наноситъ сельскому хозяйству, ограничивая пространство культуры табаку. Пунктъ 2 признаетъ эту монополію вредною, такъ какъ она благоприятствуетъ крупному землевладѣнію и давитъ мелкое. Въ пунктѣ 3 указывается на пониженіе качества табачныхъ издѣлій. Въ пунктѣ 4 мы находимъ жалобы на злоупотребленія и ошибки чиновниковъ. А въ 5 пунктѣ читаемъ. «Казенное хозяйство табачной монополіи ведется далеко не съ такой выгодой и экономіей въ издержкахъ, какъ то же самое въ частной фабрикаціи и торговлѣ... Значительная часть ихъ (валовыхъ доходовъ) уходитъ непроизводительно на разнообразныя расходы... Казна, въ качествѣ предпринимателя-фабриканта, переплачиваетъ вездѣ и всегда... Казенная фабрикація табаку во Франціи обходится дороже частной не менѣе какъ на 50 проц.» (стр. 225—228). Итакъ, промышленныя монополіи казны вредно вліяютъ «на народное хозяйство, на нравственность населенія, на стѣсненіе частной промышленности» (тамъ-же, 229) и, тѣмъ не менѣе, г. Янжуль допускаетъ, что монополія не будетъ заслуживать такіе упреки, если частныя лица будутъ вести ее «подъ контролемъ или руководствомъ того-же правительства» (Синдикаты, 389). Это окончательно ставитъ насъ въ тупикъ: едва мы узнали отъ автора, что даже въ такой культурной странѣ, какъ Франція, казенная монополія обнаруживаетъ много злоупотребленій и ошибокъ, а онъ обнадеживаетъ насъ, что контроль чиновниковъ надъ фактической монополіей синдикатовъ можетъ устранить многіе изъ ихъ недостатковъ, т. е. что чиновники, поставленные руководителями частнаго предпріятія, обнаружатъ опытность, усердіе и сознаніе долга, которые слабо развиты у нихъ, пока они завѣдуютъ казенной монополіей. Мы недоумѣваемъ, какъ слѣдуетъ объяснить это разнорѣчіе. Пусть почтенный академикъ скажетъ, служить-ли причиной этой перемѣны быстрота, съ которой между 1890 годами—временемъ изданія учебника по финансовой наукѣ—и 1895—временемъ изданія книги о синдикатахъ—происходила *экономическая эволюція* (авторъ любитъ употреблять эти термины), совершенно перевоспитавшая чиновниковъ, или противорѣчіе г. Янжула съ самимъ собою объясняется различіемъ цѣлей, для которыхъ издавались обѣ книги, тѣмъ, что первая издана для студентовъ университета,

а вторая—въ качествѣ отчета министерства финансовъ, которое командировало автора въ Америку и внушило ему свои взгляды? Или, быть можетъ, это имѣть какую-либо иную причину.

Г. Янжуль не отказывается отъ мысли установить надъ синдикатами такой надзоръ со стороны государства, который можетъ устранить или, по крайней мѣрѣ, смягчить ихъ вредное вліяніе на народное хозяйство. Казалось-бы, что Соединенные Штаты даютъ въ этой области примѣръ, вовсе не способный поддерживать оптимистическое настроеніе. Въ 1889—92 годахъ 24 штата Сѣверной Америки издали законы, направленные противъ синдикатовъ, а 2 іюля 1890 года былъ изданъ федеральный законъ. Эти законы относятся къ трѣстамъ очень сурово: штрафъ за образованіе трѣста можетъ достигать въ Иллинойсѣ даже 15,000 долларовъ; въ случаѣ искусственнаго возвышенія цѣнъ, виновные подлежатъ наказанію срокомъ до 5 лѣтъ и проч. Эти законы повели къ тому, что трѣсты официально не существуютъ; однако, синдикаты возникаютъ, окружаютъ свою дѣятельность тайною или-же принимаютъ видъ обыкновенныхъ коммерческихъ обществъ. Г. Янжуль приписываетъ недостиженіе цѣли американскими законами тому, что законы изданы поспѣшно, безъ внимательнаго изученія трѣстовъ, что они не дѣлаютъ различія между отдѣльными видами синдикатовъ, что, наконецъ, несоблюденію этихъ законовъ способствуетъ обиліе законовъ и несовершенство судебной части въ Америкѣ.

Неудача законодателя въ Америкѣ не лишаетъ г. Янжула мужества. «Государство,—говоритъ онъ,—обязано регламентировать синдикаты не только въ той-же степени, какъ фабрики и разныя торговые и акціонерныя общества, но даже—въ большей, по степени ихъ общественной важности. Нѣтъ ни основанія, ни повода скрывать долге или не признавать и не легализировать существованіе синдикатовъ» (420). Первымъ шагомъ въ этомъ дѣлѣ является обязанность государства изучить синдикаты и строго различить промысловые, торговые и спекулятивные. Промысловые синдикаты должны быть признаны государствомъ, какъ *полезная и даже желательная форма ассоціаціи*. Торговые синдикаты могутъ быть терпимы подъ строгимъ контролемъ государства, а спекулятивные не должны быть терпимы: нужно преслѣдовать ихъ уголовнымъ порядкомъ. Какъ скоро законъ призналъ существованіе синдиката и договоръ его заключенъ, то для синдикатовъ становится обязательнымъ слѣдующее. 1) Обязательность условій договора для членовъ синдиката. 2) Охрана матеріальныхъ интересовъ синдиката и признаніе его юридическимъ лицомъ. 3) Ежегодная отчетность промышленныхъ и торговыхъ операций всѣхъ предпріятій, въ него входящихъ, съ правомъ государства на *фактическій* контроль и регулированіе цѣнъ. 4) Гласность въ дѣятельности синдиката, веденіе подробныхъ протоколовъ всѣхъ за-

сѣданій, публикація выдержекъ изъ нихъ въ официальныхъ изданіяхъ.
5) Полное обезпеченіе участи рабочихъ на фабрикахъ синдиката.

Первые два пункта говорятъ о правахъ синдикатовъ. Послѣдніе-же три опредѣляютъ ихъ обязанности. Третій пунктъ не содержитъ ничего новаго, кромѣ регулированія цѣнъ. И въ настоящее время многія промышленныя предпріятія обязаны отчетностью предъ правительствомъ; нѣсколько большая подробность въ отчетахъ не вносить въ дѣло существенныхъ переменъ. Но регулированіе цѣнъ, установленіе высшаго ихъ предѣла въ началѣ календарнаго или промысловаго года представляется новымъ мѣропріятіемъ или, точнѣе, возобновленнымъ, отголоскомъ далекой старины. Г. Янжуль говоритъ объ этой мѣрѣ крайне робко и неопредѣленно. Сюда относятся только слѣдующія строки: «высокій средней уровень прибыли (*выше нормального въ странѣ процента*), напримѣръ, *можетъ* вести къ пониженію этого максимальнаго предѣла за слѣдующій годъ» (428). Въ этихъ строкахъ вызываютъ недоумѣніе слова, которыя мы отъ себя отпечатали курсивомъ: авторъ забываетъ, что прибыль выше средняго въ странѣ процента еще не есть *высокая* прибыль; промышленныя предпріятія ведутся не только на акціонерный, но и на облигаціонный капиталъ, и дивидендъ по акціямъ, равный проценту по облигаціямъ, является очень низкой прибылью, такъ какъ приравниваетъ акціонеровъ кредиторамъ предпріятія; первые же, неся на себѣ весь рискъ, имѣютъ право и на большую прибыль. Затѣмъ мы находимъ здѣсь слово *можетъ*, а не слово *долженъ*, чѣмъ авторъ выражаетъ не довольно стойкое отношеніе къ предлагаемому средству. Требуя въ 4 пунктѣ гласности для всѣхъ важнѣйшихъ дѣйствій синдиката, г. Янжуль забываетъ, что это требованіе почти неосуществимо. Припомнимъ его-же статью («Американская ежедневная пресса, ея обычаи и нравы», *Вѣстн. Евр.* 1894, II), написанную подъ живымъ впечатлѣніемъ американской жизни. Мы находимъ въ этой статьѣ много фактовъ, доказывающихъ, что американскій репортеръ является въ буквальномъ смыслѣ слова всевидящимъ окомъ. И что-же! Въ странѣ, гдѣ издаются тысячи газетъ, гдѣ подвижность и смѣтливость репортеровъ являются чѣмъ-то сказочнымъ, гдѣ тресты, какъ крупное явленіе экономической жизни, служатъ предметомъ всеобщаго любопытства, преслѣдованіе закономъ этихъ союзовъ повело къ тому, что «заставило подобнаго рода соглашенія облекаться въ большую тайну» («Синдикаты», 368). Если тамъ, при широкомъ развитіи гласности, соглашенія членовъ синдиката могутъ быть сохраняемы въ тайнѣ, то требованія, выраженные г. Янжуломъ въ 4 пунктѣ, являются верхомъ наивности относительно страны, гдѣ свободы печати не существуетъ, гдѣ гласность неизвѣстна и гдѣ несовершенство органовъ управленія часто идетъ такъ далеко, что тайныя типографіи много лѣтъ дѣйствуютъ въ бойкихъ мѣстахъ столицы и рядомъ со зданіями полицейскихъ

управлений.—Но гвоздемъ въ требованіяхъ почтеннаго академика является 5-й пунктъ, гдѣ говорится о необходимости полного обезпеченія рабочихъ со стороны синдикатовъ. Разъ авторъ высказывается въ 3-мъ пунктѣ за полезность установленія максимальной цѣны на товары, производимые синдикатами, то читателю естественно ожидать, что, требуя обезпеченія рабочихъ, авторъ рѣшительно выступитъ за опредѣленіе заработной платы (какъ-то предлагаетъ, напр., Родбертусъ) или-же за участіе рабочихъ въ прибыли: если, думаетъ читатель, высокая прибыль синдиката оправдываетъ установленіе закономъ максимальной цѣны товаровъ, т. е. заботу о всѣхъ потребителяхъ, то не является-ли справедливымъ и необходимымъ, чтобы работники синдикатовъ, производящіе своими трудами высокую прибыль, имѣли отъ нея болшія выгоды, нежели всѣ потребители, т. е. имѣли-бы право на долю прибыли. Г. Янжуль не дѣлаетъ этого необходимаго вывода и только бѣгло упоминаетъ о составленіи какого-то «спеціальнаго фонда въ пользу рабочихъ» (429). А затѣмъ говорится объ обязательномъ страхованіи рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ синдикатовъ, о больничныхъ и пенсіонныхъ кассахъ, училищахъ, словомъ, о мѣрахъ, которыя не только нашли себѣ мѣсто во всѣхъ учебникахъ, но даже проводятся въ жизнь и, притомъ, всего болѣе въ Германіи. Германское законодательство, распространяя нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ на всѣ промышленныя предпріятія, опередило г. Янжула съ его 5-мъ пунктомъ; голосъ почтеннаго академика является анахронизмомъ.

Безцвѣтность заключительной главы должна быть приписана именно тому, что г. Янжуль не подумалъ о причинахъ, которыя и производятъ неустройство въ экономической жизни. Если-бы онъ далъ себѣ въ этомъ отчетъ, то не говорилъ-бы такъ умиленно о важномъ значеніи синдикатовъ, какъ силѣ, которая приводитъ производство въ равновѣсіе съ спросомъ. Замѣтимъ, что, какъ бы ни развились синдикаты и какъ-бы ни была точна ихъ промышленная статистика, они не въ состояніи избѣгнуть не-репродукціи, такъ какъ атмосферическія вліянія, которыя не могутъ быть точно предусмотрѣны, колеблютъ урожаи и измѣняютъ покупательныя средства многочисленнаго класса населенія, извлекающаго доходы изъ сельскаго хозяйства. Если-бы г. Янжуль вдумался въ причины хозяйственныхъ кризисовъ, то приписалъ-бы ихъ не такому вѣнному факту, какъ свободное соперничество предпринимателей, а условію, лежащему гораздо глубже — тому, что заработная плата, въ своемъ ростѣ, отстаетъ отъ роста производительности труда, тогда какъ прибыль во всѣхъ своихъ разновидностяхъ и рента возростають болѣе быстро, чѣмъ увеличивается успѣшность труда. Дай онъ себѣ отчетъ въ этихъ фактахъ, онъ пришелъ-бы къ двумъ важнымъ и вѣрнымъ выводамъ. 1) Онъ призналъ-бы, что нужно бороться не съ первымъ про-

явленіемъ чрезмѣрнаго производства—избыткомъ товаровъ по сравненію со спросомъ, а съ результатами хозяйственнаго кризиса, страданіями, которыя онъ причиняетъ тысячамъ и тысячамъ работниковъ. 2) Онъ по-нялъ-бы, что, пока держится право частной собственности на орудія производства, лучшими средствами противъ кризисовъ являются уменьшеніе класса людей, которые живутъ только заработной платой, и умноженіе классовъ, которые владѣютъ полнымъ продуктомъ своего труда. Такая оцѣнка помогла-бы автору установить правильный взглядъ и на мѣры противъ хозяйственныхъ кризисовъ и на синдикаты. Вмѣсто опредѣленія максимальныхъ цѣвъ, которое приноситъ гораздо большую пользу богатымъ потребителямъ, нежели бѣднымъ (уже потому, что первые потребляютъ больше товаровъ, производимыхъ синдикатами, нежели вторые), авторъ высказался-бы за образованіе спеціальнаго фонда, посредствомъ особаго налога или возвышенія существующихъ податей, для поддержанія всѣхъ работниковъ, которые, влѣдствіе кризисовъ, лишаются занятія и средствъ къ жизни. Одновременно съ этимъ онъ высказался-бы за строеніе на широкомъ основаніи политики, которая имѣетъ цѣлью, посредствомъ переселеній и поддержанія артелей, облегчить работникамъ доступъ къ орудіямъ производства и увеличить классъ людей, получающихъ сполна продуктъ своего труда. Ставъ на эту точку зрѣнія, авторъ оцѣнилъ-бы и синдикаты такъ, какъ они того заслуживаютъ. Будучи самой законченной формой сосредоточенія капиталовъ, они имѣютъ внутреннюю, присущую особенно имъ силу дѣлать богатыхъ богаче, а бѣдныхъ, если не абсолютно, то относительно бѣднѣе. Отсюда—такой естественный выводъ: государство должно *прямо брать въ свою пользу значительную часть этой силы посредствомъ очень крупнаго налога на доходы синдикатныхъ предпріятій*. Эта сила и должна быть направлена государствомъ на то, чтобы хозяйственно и общекультурно поднимать самую многочисленную и бѣдную массу населенія.

Если-бы авторъ выдвинулъ такое требованіе для нѣкоторыхъ государствъ, особенно для Соединенныхъ Штатовъ, то его предложеніе не было-бы однимъ платоническимъ пожеланіемъ. Въ этихъ странахъ, странахъ широкой личной свободы и умственно развитой массы населенія не далеко уже время, когда интересы бѣднѣйшихъ и, единично, слабѣйшихъ людей будутъ опредѣлять волю и цѣли государства. Относительно этихъ странъ звучитъ какимъ-то курьезомъ требованіе автора дать широкую свободу союзамъ рабочихъ, которые могутъ поставить синдикатамъ оплотъ. Для тѣхъ-же странъ, гдѣ личная свобода вовсе не существуетъ, къ требованію относительно свободы для союзовъ рабочихъ должны быть приобщены требованія и относительно другихъ элементовъ гражданственности: свободы устнаго и печатнаго слова, свободы собраний, расширенія политическихъ правъ. Пока это не осуществилось, до тѣхъ поръ смѣшно и

мечтать о борьбѣ съ синдикатами при помощи коренныхъ экономическихъ и финансовыхъ мѣропріятій: при такихъ условіяхъ не могутъ обнаружиться силы, способныя выступить борцами.

Мѣры противъ синдикатовъ (и въ ихъ лицѣ противъ всего теченія народно-хозяйственной жизни), кратко намѣченные нами, будутъ имѣть вліяніе на весь экономическій строй: онѣ существенно измѣняютъ его. Академику, большею частью, неудобно говорить о томъ, что можетъ измѣнить современный порядокъ вещей. Но не думаемъ, чтобы это обстоятельство мѣшало г. Янжулу указать на коренныя мѣры противъ синдикатовъ и заставило его ограничиться только вышностью изслѣдуемаго явленія. Нѣтъ, онъ горячо любитъ существующее; онъ переполненъ къ нему благоговѣйной признательности. И г. Янжулъ любитъ его не только за охраненіе личной свободы и собственности (за что обыкновенно прославляютъ современное государство); нѣтъ, онъ оригиналенъ: онъ любитъ его и за отдѣльныя учрежденія, которыя оказываютъ великія, незамѣнимыя услуги даже врагамъ современнаго общества, разъ они хотятъ пріобрѣсти для своей критической мысли высшую остроту, а для творческой — высшую мощь. Почтенный академикъ, испытавъ на себѣ благотворное вліяніе Британскаго Музея, выдаетъ свое міросозерцаніе въ немногихъ словахъ, которыми доказывается значеніе современнаго общества и для закоренѣлыхъ его враговъ. Если-бы не было капитала, то не было-бы и Британскаго музея. «А наиболѣе солидный трудъ по научному социализму Карла Маркса не былъ-бы мыслимъ безъ существованія такого подспорья, какъ Британскій музей». (См. *Янжулъ*. Англійская свободная торговля. Вып. второй. стр. 466).

А. А. Исаевъ.

ТУРГЕНЕВЪ И ТОЛСТОЙ *).

ОЧЕРКЪ VII.

Вѣра, героиня «Фауста».

I.

Вѣра, героиня тургеневскаго «Фауста», представляет собою любопытный образчикъ ирраціональной женской натуры, во многомъ противоположной натурѣ героини «Первой любви».

Отличительныя особенности душевнаго уклада Вѣры сводятся къ слѣдующему. Во-первыхъ, это—женщина, получившая путемъ наслѣдственной передачи, большой запасъ скрытыхъ страстей. Во-вторыхъ, Вѣра—личность не заурядная: она надѣлена выдающимися дарами ума, чувства и характера. Наконецъ, въ третьихъ, необходимо отмѣтить тотъ фактъ, что почти всѣ эти элементы ея души (кромѣ характера и стороны нравственной) находятся въ состояніи недѣятельномъ, связанномъ, какъ-бы загнаны внутрь, но однакоже отнюдь не изъяты изъ душевнаго обихода. Страсти напр. были долго подавлены въ душѣ Вѣры, онѣ безмолвствовали, но Вѣра никогда не переставала быть натурой страстной, и въ любви ея къ герою повѣсти такой укладъ ея души обнаружился съ полной очевидностью.

Онъ былъ *наслѣдственнымъ*. Тургеневъ, повидимому, придавалъ большое значеніе этой чертѣ и потому говорить съ нѣкоторой подробностью о предкахъ героини, выставляя на видъ ту роль, большую частью трагическую, какую играли въ ихъ жизни и судьбѣ страстныя чувства и страстный темпераментъ. Сюда относятся въ письмѣ второмъ подробности о дѣлѣ Вѣры (отца ея матери) Ладановѣ, долго жившемъ въ Италіи, гдѣ

*) См. «Сѣверный Вѣстникъ», 1895, Мартъ.

и родилась его дочь, мать Вѣры, «отъ простой крестьянки изъ Албано, которую, на другой день послѣ ея родовъ, убилъ транстеверинецъ, ея женихъ, у котораго Ладановъ ее похитилъ». Объ этой итальянкѣ мы можемъ составить опредѣленное понятіе по описанію ея портрета (въ концѣ письма 6-го): «...Что за лицо было у итальянки! сладострастное, раскрытое, какъ расцвѣтшая роза, съ большими влажными глазами на выкатѣ и самодовольно-улыбавшимися, румяными губами! Тонкія чувственные ноздри, казалось, дрожали и расширились, какъ послѣ недавнихъ поцѣлуевъ: отъ смуглыхъ щекъ такъ и вѣяло зноемъ и здоровьемъ, роскошью молодости и женской силы... Этотъ лобъ не мыслилъ никогда, да и слава Богу!...» Описаніе оканчивается такъ: «И что всего удивительнѣе: глядя на этотъ портретъ, я вспомнилъ, что у Вѣры, несмотря на совершенное несходство очертаній, мелькаетъ иногда что-то похожее на эту улыбку, на этотъ взглядъ... Да, повторяю: ни она сама (Вѣра), ни другой кто на свѣтѣ не знаетъ еще всего, что таится въ ней...» Безъ сомнѣнія, Вѣра, въ жилахъ которой текла эта итальянская кровь крестьянки изъ Албано, унаслѣдовала и часть этихъ жгучихъ страстей, этого южнаго темперамента. Но только у Вѣры они скрыты и подавлены, обузданы, и съ тѣмъ вмѣстѣ «ея лобъ» мыслить—и слава Богу!

Мать Вѣры, Ельцова, судя по всему, была натура очень страстная, способная, какъ и ея отецъ, къ безумнымъ увлеченіямъ; но она боялась собственныхъ своихъ страстей и обуздавала ихъ силою ума, далеко не зауряднаго, и характера, очень сильнаго. Разказчикъ характеризуетъ ее такъ: «Я боюсь жизни,—сказала она мнѣ однажды. И точно, она ея боялась, боялась тѣхъ тайныхъ силъ, на которыхъ построена жизнь, и которыя изрѣдка, но внезапно пробиваются наружу. Горе тому, надъ кѣмъ онѣ разыграются! Страшно сказались эти силы Ельцовой: вспомни смерть ея матери, ея мужа, ея отца...» (Письмо 2-е).

Итакъ, страстность чувствъ (въ томъ числѣ и отцовскихъ и материнскихъ *) и темперамента была наслѣдственной, фамильной чертою въ родѣ Вѣры, и этотъ укладъ души, если онъ не уравновѣшенъ другими силами, уже самъ по себѣ способенъ сообщить всей натурѣ характеръ ирраціональности.

Но этимъ не исчерпывается еще содержаніе того душевнаго наслѣдія, которое досталось Вѣрѣ отъ матери и дѣда. Въ его составъ входили еще два элемента: стремленіе къ самообузданію и предрасположеніе ко всему таинственному. Ладановъ, вернувшись въ Россію, послѣ трагической смерти итальянки, «не только изъ дома, изъ кабинета своего не выходилъ, занимался химіей, анатоміей, кабалистикой, хотѣлъ продлить жизнь чело-

*) Ладановъ безумно любилъ свою дочь и возненавидѣлъ ее, когда она бѣжала съ Ельцовымъ. Онъ умеръ не простивъ ее. Ельцова также страстно любила свою дочь и посвятила себя ея воспитанію.

вѣческую, воображать, что можно вступать въ сношенія съ духами, вызывать умершихъ». Въ свою очередь, Ельцова, овдовѣвъ, «посвятила весь свой досугъ на воспитаніе дочери и почти никого не принимала...» «Все у ней дѣлалось по системѣ...» «...Она до того пріучила себя не давать воли своимъ чувствамъ, что даже стыдилась выказать страстную любовь свою къ дочери... Помню одно ея слово: я какъ-то сказалъ ей, что всѣ мы, современные люди, надломленные...—Надламывать себя не для чего, промолвила она, — надо всего себя переломить, или ужъ не трогать...» (Письмо 2-е). Что Ельцова не была чужда тѣхъ-же предрасположеній, какъ и ея отецъ, это видно хотя-бы изъ того, отчасти суевѣрнаго страха передъ «тайными силами жизни», о которомъ только что была рѣчь.

Не трудно видѣть, что эти два душевныхъ стремленія (къ самообузданію и къ таинственному) въ данномъ случаѣ столь-же ирраціональны, какъ и та страстность, противъ которой они направлены. Они явились какъ реакція противъ этой послѣдней, какъ сила, которая, будучи вызвана другою силою, носить въ себѣ всѣ основныя черты ея. Оба стремленія, о которыхъ идетъ рѣчь, суть *чувства*, и притомъ—страстныя. Ладановъ запрается въ кабинетъ и погружается въ химію и анатомію—движимый вовсе не безстрастными стремленіями ума, не въ качествѣ ученаго и мыслителя, а—какъ аскетъ, вдохновляемый страстнымъ желаніемъ снастись отъ страстей и тревоженій жизни. Сама «химія» и «анатомія», которыми онъ занимается, конечно, весьма далеки отъ трезвой и точной науки, способной въ самомъ дѣлѣ дать ходъ и преобладаніе раціональнымъ силамъ ума, вѣдь Ладановъ не отдѣляетъ эти «науки» отъ кабалистики и вызыванія духовъ. Ладановъ—это въ нѣкоторомъ родѣ Фаустъ, съ той только разницею, что гетевскій Фаустъ отъ алхиміи, вызыванія духовъ и тщетныхъ усилій проникнуть въ тайну бытія переходитъ къ страстямъ и «тайнымъ силамъ жизни», жертвою которыхъ и падаетъ. Ладановъ - же, наоборотъ, отъ страстей, отъ жизни, отъ любви спасается въ алхимію и кабалистику. Вообще Ладановъ, если можно такъ выразиться, написанъ на мотивъ Фауста, какъ и вся повѣсть. Этотъ мотивъ, въ видѣ увертюры, звучитъ уже въ самомъ началѣ разсказа, когда герой находитъ въ своей библіотекѣ старое изданіе гетевского Фауста и принимается перечитывать давно знакомыя сцены. «Какъ подействовала на меня, — пишетъ онъ,—великолѣпная первая сцена! Появленіе Духа Земли, его слова, помнишь: «на жизненныхъ волнахъ въ вихрѣ творенія», возбудили во мнѣ давно-неизвѣданный трепетъ и холодъ восторга...» (Письмо 1-е). Вся повѣсть представляетъ собою какъ-бы провѣрку и разработку психологической темы «Фауста» на иныхъ натурахъ, другой среды и эпохи, и прежде всего на женской натурѣ олицетворенной въ образѣ Вѣры.

Въ связи съ этимъ осложняется и наша задача: намъ придется для

освѣщенія натуры Вѣры обратиться къ психологiи гетевского «Фауста». Мы это сдѣлаемъ ниже, а теперь у насъ на очереди вопросъ о *воспитанiи* Вѣры.

Этотъ вопросъ столь-же важенъ, какъ и вопросъ о психологическомъ наслѣдiи. Послѣднее, какъ мы знаемъ уже, состояло изъ задатковъ страстности чувствъ, стремленія или склонности къ самообузданiю и предрасположенія къ таинственному (Вѣра подвержена галлюцинациямъ и необъяснимымъ страхамъ и вообще суевѣрна). Излишне пояснять, что такiе устои души совершенно *ирраціональны*. Вотъ и посмотримъ, что именно было внесено въ эту ирраціональную душу своеобразнымъ воспитанiемъ, которое получила Вѣра.

Ельцова знала, что ея дочь получила задатки натуры страстной, бурной, увлекающейся, и поставила себѣ задачей во что-бы то ни стало парализовать эти задатки, предупредить возможный въ будущемъ взрывъ чувствъ. Съ этою цѣлью она старалась устранять все, что такъ или иначе дѣйствуетъ на воображенiе, «а потому ея дочь до 17-лѣтняго возраста не прочла ни одной повѣсти, ни одного стихотворенiя». Взамѣнъ того, она старалась развить умъ дочери изученiемъ такихъ безстрастныхъ и не волнующихъ воображенiе «предметовъ», какъ естественная исторiя и географiя. На ряду съ этимъ она оказывала огромное нравственное влиянiе на Вѣру: «дочь любила ее и вѣрила ей слѣпо. Стоило г-жѣ Ельцовой дать ей книжку и сказать: вотъ этой страницы не читай—она скорѣе предыдущую страницу пропустить, а ужъ не заглядывать въ запрещенную». (Письмо 2-е).

Не трудно показать, что такая система воспитанiя и образованiя была основана на вопiющихъ психологическихъ ошибкахъ и только кажущимся образомъ приводила къ предположеннымъ результатамъ. Вѣра, подъ влиянiемъ матери и полученнаго воспитанiя, казалось, въ самомъ дѣлѣ стала дѣвучкою и потомъ женщиною безстрастной, спокойной, разсудительной, ясной и уравновѣшенной. Но это только такъ казалось. Въ дѣйствительности она вышла не безстрастной, а только не знающей скрытыхъ въ себѣ самой страстей; воспитанiе, ей данное, не устранило, а напротивъ увеличило грозящую съ этой стороны опасность, развивъ невѣдѣнiе ея. Спокойствiе, ясность души Вѣры, основанныя на этомъ блаженномъ невѣдѣнiи, были, по необходимости, обманчивыми и временными, а ея душевное равновѣсiе оказалось крайне неустойчивымъ.

Вотъ и посмотримъ, въ чемъ именно состояли эти роковыя ошибки матери.

Прежде всего Ельцова сдѣлала грубую ошибку въ области элементарной психологiи. Она хотѣла развить умъ дочери на счетъ страстныхъ чувствъ, а *потому* устраняла все, что дѣйствуетъ на *воображенiе*: очевидно, Ельцова думала, что воображенiе или цѣликомъ принадлежитъ

къ сферѣ чувствованій, или, по крайней мѣрѣ, есть душевная сила, находящаяся въ преимущественномъ соотношеніи, въ особой близости съ этой сферой. Ельцова не подозрѣвала, что воображеніе есть неотъемлемая часть ума, и что нѣтъ никакой возможности развивать умъ, подавляя воображеніе. Она не знала, что упражняя, хотя-бы при помощи географіи и зоологіи, *память*, эту психическую основу воображенія, она ео ipso даетъ пищу и этому послѣднему, и что, развившись и окрѣпнувъ, сперва на описательномъ естествознаніи, оно впоследствии можетъ перенести свою дѣятельность и въ другія сферы. Вторая ошибка состояла въ ложномъ взглядѣ, будто можно потушить страсти путемъ суженія и ограниченія сферы мысли, искусственно отвлекаемой отъ всѣхъ вопросовъ, имѣющихъ отношеніе къ страстямъ человѣческимъ, и питаемой исключительно «сухими» географическими и естественно-историческими свѣдѣніями. Кажется удивительнымъ, какъ такая умная и мыслящая женщина, какъ Ельцова, не сообразила, что ни чтеніе путешествій, ни знаніе географическихъ именъ, ни умѣніе отличать ядовитыхъ пауковъ отъ неядовитыхъ не имѣютъ ровно никакого отношенія къ человѣческимъ чувствамъ и страстямъ, къ потребности любви, къ мечтамъ о счастіи. что наконецъ эти душевныя стремленія нельзя, да и не нужно тушить, но можно облагородить, просвѣтить, очистить отъ грубыхъ инстинктовъ, отъ эгоистическихъ примѣсей—путемъ разносторонней культуры ума и гармоническаго развитія всей личности человѣка. Не сознавая этой простой и не требующей доказательствъ истины, Ельцова сдѣлала и третью ошибку,—не оцѣнила значенія *поэзіи въ дѣлѣ облагороженія ума и чувства и ихъ подготовленія къ дѣйствительной жизни*. Въ интересахъ выясненія этого важнаго пункта, намъ придется сдѣлать здѣсь отступление—въ область психологіи искусства (въ частности поэзіи).

II.

Вліяніе поэзіи (и вообще искусства) на развивающуюся человѣческую личность можетъ быть разнообразно—смотря по человѣку, по характеру душевной организаціи, по степени воспримчивости и т. д.—Мы будемъ имѣть въ виду преимущественно натуры—въ родѣ Вѣры, чуткія, тонкія, богато-одаренныя, способныя къ большому душевному развитію, призванныя къ яркому проявленію въ жизни чувства или въ дѣятельности мысли и воли.

И прежде всего постараемся обратить должное вниманіе на двѣ стороны вопроса, часто упускаемыя изъ виду: это, во-первыхъ, свойство поэзіи *умиротворять, успокаивать душевныя волненія* и, во-вторыхъ, это ея значеніе—какъ своего рода «прививки яда», въ извѣстной мѣрѣ предохраняющей отъ возможной душевной заразы.

Для удобства анализа и самого изложенія, мы сперва рассмотримъ эти двѣ стороны или свойства поэзіи (и вообще искусства) внѣ ихъ значенія для цѣлей педагогическихъ. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ дѣло съ человѣкомъ взрослымъ, сложившимся, развитымъ, способнымъ понимать и цѣнить поэзію. Спрашивается: Шекспиръ, Байронъ, Гете, Шиллеръ, Гейне, Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Толстой, Тургеневъ, Гончаровъ и т. д. чего больше дадутъ ему,—волненій, терзаній, мечтаний, соблазновъ, восторговъ и т. д. съ одной стороны, или-же—душевнаго умиротворенія, успокоенія, спокойныхъ созерцаній—съ другой? Отвѣчаю категорически: послѣднихъ гораздо больше, чѣмъ первыхъ. Это вытекаетъ прямо изъ самой природы поэзіи. Предупреждаю читателя, что я имѣю въ виду настоящую, несомнѣнную поэзію, а не тѣ произведенія, которыя имѣютъ только форму поэтическую, но, по самой психологической своей основѣ, къ поэзіи не относятся. Всякое истинно-поэтическое произведеніе есть прежде всего попытка поставить и рѣшить какой-нибудь общечеловѣческой вопросъ. Творческая сила, которая тутъ дѣйствуетъ, есть *сила мысли* (а не чувства): это все тотъ-же синтезъ и анализъ, которые являются основами и научной, и философской мысли. Художественные образы суть умственные продукты явно *индуктивнаго* характера. Весь, стало быть, процессъ относится цѣликомъ къ области мысли. Но, конечно, онъ не отдѣленъ китайской стѣною отъ сферы чувствъ. Послѣднія въ него входятъ вмѣстѣ съ тѣмъ жизненнымъ матеріаломъ, на изученіе и объясненіе котораго направлено творчество художника. *Творя*, художникъ испытываетъ массу соотвѣтственныхъ движеній чувствующей души: онъ скорбитъ, радуется, плачетъ, смѣется, негодуетъ, жалѣетъ, любитъ, ненавидитъ, прощаетъ—все, что угодно. Спрашивается: тождественны-ли эти чувства съ тѣми скорбями, радостями, негодованіемъ, сожалѣніемъ и т. д., которыя тотъ-же художникъ испытываетъ внѣ творчества, не какъ художникъ, а какъ всякій человѣкъ? Тождества быть не можетъ, а есть только аналогія. Почему? По той простой причинѣ, что самъ воспринимающій субъектъ при творчествѣ—не таковъ, каковъ онъ внѣ творчества. При творчествѣ въ немъ работаетъ мысль, совершается анализъ и синтезъ, и работа эта—сложная, трудная, всегда—высшаго сорта, и тогда, когда она освѣщена сознаніемъ, и тогда, когда проходитъ въ душѣ безсознательной. — и, разумѣется, наличность этихъ умственныхъ процессовъ не можетъ не вліять на всю психію, на постановку въ ней и взаимныя отношенія всѣхъ ея элементовъ, въ томъ числѣ и чувствъ. Центръ тяжести всей души переносится въ умственную сферу, и что-бы ни происходило въ этотъ мигъ въ области чувства, какое-бы негодованіе тамъ ни кипѣло, какія-бы скорби или радости тамъ ни были,—все они не могутъ не подчиниться такъ или иначе измѣняющему воздѣйствію процессовъ мысли. И чувства безспорно измѣняются подъ этимъ воз-

дѣйствиємъ,—измѣняются и количественно, и качественно. Говорю «количественно»—въ смыслѣ большей силы, интенсивности. Гоголь напр., конечно, негодовалъ, скорбѣлъ, смѣялся и пр. несравненно больше—когда творилъ типы Сввозника-Дмухановскаго, Чичикова, Собакевича, чѣмъ когда встрѣчалъ въ самой дѣйствительности разрозненные оригиналы этихъ типовъ. Художникъ въ моментъ творчества долженъ чувствовать сильнѣе уже потому, что онъ сосредоточивается мыслью на извѣстномъ явленіи, устраняя тѣмъ самымъ разсѣивающее и парализующее дѣйствіе на соотвѣтственное чувство различныхъ впечатлѣній обыденной жизни. Но онъ не только сосредоточиваетъ свою мысль на извѣстномъ явленіи, напр. возбуждающемъ негодованіе и скорбь, онъ обобщаетъ множество фактовъ этого рода и собираетъ въ одномъ образѣ, какъ фокусѣ, все негодованія и скорби этихъ фактовъ, вмѣстѣ взятыхъ. Теперь уяснимъ себѣ *качественное* измѣненіе чувства. Умственная дѣятельность, въ томъ числѣ и художественная, имѣетъ свои—умственные—чувства, порождаемая самимъ процессомъ мысли, и это чувства пріятныя, доставляющія извѣстное, часто очень высокое, всегда очень чистое, наслажденіе. Въ искусствѣ оно извѣстно подъ именемъ «эстетическаго наслажденія». Часто называютъ его также «чувствомъ красоты». Я-бы охотно употреблялъ этотъ послѣдній терминъ, если-бы я зналъ, что такое «красота», т.-е. — какой именно психическій процессъ нужно разумѣть подъ «красотою». Чувствовалъ-ли Гоголь *красоту*, когда создавалъ безобразный, но несомнѣнно высокохудожественный типъ Плюшкина, — этого рѣшать не берусь. Но что онъ испытывалъ специфическую *радость творчества*, это несомнѣнно. Несомнѣнно также, что эта радость не могла остаться не у дѣлъ: она должна была такъ или иваче сказываться въ наличномъ душевномъ обиходѣ и прежде всего — вызывать *качественное* измѣненіе тѣхъ чувствъ (негодованія, отвращенія и проч.), какія внушались аперцепціей даннаго образа (Плюшкина). Примѣсь этой творческой радости не можетъ, конечно, уменьшать *силу* чувства, (иначе Плюшкинъ не вышелъ-бы такимъ яркимъ, Донъ-Кихоть—такимъ жалкимъ, смѣшнымъ и симпатичнымъ, родители Базарова—такими трогательными и т. д.)—она только измѣняетъ его качество, т.-е. превращаетъ его въ другое чувство или въ другую разновидность того-же чувства. Въ какую именно? Въ такую, что, не теряя своей силы, чувство присутствуетъ въ душѣ, не какъ диссонансъ, а какъ моментъ, звучащій въ унисонъ съ другими струнами души, сотрудничающій съ другими моментами въ дѣлѣ установленія той гармоніи, того душевнаго равновѣсія, которыя являются характерными спутниками художественнаго творчества. Это равновѣсіе ощущается какъ внутреннее удовлетвореніе, какъ миръ души, какъ спокойствіе сознанія, въ родѣ спокойствія совѣсти послѣ произнесенія справедливаго вердикта. — наконецъ, какъ тихая и само-

довлѣющая радость гуманныхъ созерцаній—съ высоты душевнаго подъема, откуда видны далекіе горизонты и гдѣ такъ легко дышится—въ чистой атмосферѣ общечеловѣческихъ идеаловъ.

Вотъ именно въ этомъ смыслѣ я и говорю, что поэзія умиротворяетъ, а не возбуждаетъ, успокоиваетъ, а не раздражаетъ, — и въ этомъ-же, чисто-психологическомъ смыслѣ понимаю (вслѣдъ за Потебней) извѣстное стихотвореніе Тютчева, въ которомъ *поэзія* характеризуется такъ:

Среди громовъ, среди огней,
Среди клокочущихъ зыбей.
Въ стихійномъ, пламенномъ раздорѣ,
Она съ небесъ слетаетъ къ намъ,
Небесная къ земнымъ сынамъ,
Съ лазурной ясностью во взорѣ.
И на бунтующее море
Льетъ примирительный елей...

Все это я говорилъ о самомъ художникѣ, о поэтѣ. Но то же самое нужно сказать и о всякомъ — взросломъ, образованномъ, развитомъ—человѣкѣ, воспринимающемъ художественное произведение, ибо читатель, скажемъ, Шекспира повторяетъ — въ извѣстномъ смыслѣ — творчество самого Шекспира и переживаетъ въ сокращенномъ видѣ тѣ-же душевныя состоянія, какія переживалъ поэтъ, когда творилъ. Вслѣдъ за поэтомъ читатель продѣлываетъ тѣ-же синтезы и анализы, вновь возсоздаетъ въ своемъ умѣ, индуктивнымъ путемъ, образъ, данный художникомъ, ставитъ вопросъ, рѣшаетъ задачу, переиспытываетъ тѣ-же чувства и обрѣтаетъ соответственныя художественныя созерцанія и съ ними связанное душевное умиротвореніе.

Вотъ теперь, послѣ этихъ соображеній, мы можемъ вернуться къ вопросу педагогическому, т. е. къ вопросу о томъ, какое значеніе можетъ имѣть поэзія для правильнаго развитія еще не сложившагося чловѣка.

Дѣти, подростки, юноши, какъ не имѣющіе необходимаго для воспріятія искусства опыта жизни, запаса впечатлѣній, наблюденій и мыслей, не могутъ понимать ни Шекспира, ни Пушкина, ни Гоголя, ни Гете, ни Тургенева, ни Толстого. Имъ лишь *кажется*, что они понимаютъ; въ дѣйствительности, *ихъ* Шекспиръ, Пушкинъ, Тургеневъ и т. д.—это сочинители болѣе или менѣе занимательные, въ родѣ Загоскина, Лажечникова и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что для юношества поэзія не можетъ служить источникомъ того душевнаго умиротворенія и успокоенія, той гармоніи духа, о которыхъ мы говорили выше. Но въ *такомъ* воздѣйствіи искусства юношество и не нуждается. Потребность въ освѣженіи, обновленіи, оздоровленіи души скажется позже, когда юноши перестанутъ быть юношами и вступятъ въ жизнь, и жизнь начнетъ ихъ

трепать, раздражать, угнетать, энервировать. Вотъ именно въ виду и въ ожиданіи этой грядущей и неизбежной—по основнымъ условіямъ всего строя жизни—отравы духа и необходимо заблаговременно озаботиться, чтобы въ распоряженіи человѣка были оздоравлиющія психическія начала, въ ряду которыхъ поэзія, по силѣ ея воздѣйствія и по ея общедоступности, принадлежитъ первое мѣсто. Это одна изъ важныхъ задачъ воспитанія и образованія—подготовлять юношество къ будущему пониманію поэзія, къ будущей [ея утилизаци] въ вышеуказанномъ смыслѣ. Не трудно видѣть, къ чему собственно сводится эта поэтическая подготовка. Какъ въ музыкѣ и пѣніи нужно развить слухъ, «поставить голосъ» и изошрить музыкальную сторону духа, такъ и здѣсь необходимо развить поэтическія стремленія души и въ своемъ родѣ «поставить мысль», направивъ ее въ сторону аперцепціи художественныхъ образовъ. Пусть цѣлое поэтическое произведеніе, его идея, его концепція, заключенныя въ немъ высшія созерцанія остаются пока недоступны юному уму,—зато отдѣльные образы могутъ быть въ извѣстной мѣрѣ понимаемы, хотя-бы только какъ конкретныя, и ихъ усвоеніе не можетъ не вліять на развитіе *симпатическаго воображенія*, безъ котораго нельзя ни понимать искусства, ни быть гуманнымъ человѣкомъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ исподоволь развивается *чувство правды и чутье дѣйствительности*. — послѣднее — тѣмъ легче, что самыя то образы поэзія воспринимаются юнымъ умомъ не какъ отвлеченія, а какъ фигуры конкретныя, т. е. — копія дѣйствительности, и развивающемуся сознанію юноши въ поэтическихъ произведеніяхъ открывается сама жизнь, какъ она есть. Вотъ именно отсюда и вытекаетъ второе важное свойство искусства вообще и поэзія въ особенности—служить въ своемъ родѣ «предохранительной прививкой» разнообразныхъ душевныхъ ядовъ жизни.

Что современная жизнь во всемъ цивилизованномъ мѣрѣ ядовита. — это не можетъ подлежать сомнѣнію. Не нужно только, какъ это дѣлаютъ пессимисты, преувеличивать бѣду и все сваливать на «цивилизацию» съ ея будто-бы разлагающимъ и переутомляющимъ «прогрессомъ». Современная цивилизація съ ея устоями, общимъ духомъ и направленіемъ есть только моментъ въ исторіи развивающагося человѣчества, пришедшій на смѣну другихъ историческихъ моментовъ, другихъ типовъ культуры и таящій въ себѣ корни иного, болѣе гуманнаго, болѣе справедливаго уклада общественныхъ отношеній.

Каждой эпохѣ въ исторіи цивилизаціи, каждому укладу общественной присущи свои психическія яды, такъ или иначе отравляющіе душевное благополучіе личности. На вопросъ: въ чемъ собственно состоитъ специфическій ядъ того фазиса общественности, который переживается нынѣ всѣмъ цивилизованнымъ человѣчествомъ? — мы отвѣтимъ такъ:

Личность достигла небывалаго развитія, какого не вѣдали предшествующіе вѣка. Наша эпоха есть эпоха *индивидуализма* по преимуществу, и притомъ — приближающаяся къ своему критическому моменту, когда воочию обнаружатся всѣ изъяны и внутреннія противорѣчія общественности, основанной на антагонизмѣ, на борьбѣ интересовъ, когда сама личность почувствуетъ мучительную жажду иного, высшаго самоопредѣленія, иныхъ, болѣе гармоническихъ отношеній къ цѣлому.

Развитіе личности ведетъ къ осложненію душевной организаціи, къ изощренію мысли и чувства, а стало быть—и къ повышеннымъ, труднѣе удовлетворимымъ запросамъ и требованіямъ. Найти свое душевное счастье, достигъ внутренняго удовлетворенія, мира чувствъ и радости мысли современному человѣку несравненно труднѣе, чѣмъ это было въ старину. Оттуда вѣчное недовольство собою, своей жизнью, другими людьми, разочарованность, пессимизмъ, болѣзненная раздражительность самолюбія и многое другое. Естественнымъ плодомъ крайняго индивидуализма въ общественномъ укладѣ и въ самоопредѣленіи личности является миражъ *личнаго счастья* и безнадежная погоня за нимъ, — откуда одинъ шагъ къ отчаянію, къ сознанію недостижимости этого эгоистическаго идеала. И при отсутствіи другого идеала, личность роковымъ образомъ становится въ положеніе Фауста, попадаетъ въ ту безотрадную психологическую коллизію, которая сказалась въ знаменитомъ восклицаніи героя гетевской драмы: *entbehren sollst du, sollst entbehren!* Эти-то слова и взялъ Тургеневъ эпиграфомъ своей повѣсти.

Вотъ именно въ роковой необходимости «*entbehren*» и въ упорномъ, эгоистическомъ нежеланіи личности примириться съ этимъ, въ ея неспособности найти высшее—*неличное*—счастье въ идеальныхъ стремленіяхъ мысли, въ альтруистическихъ движеніяхъ чувства и лежитъ источникъ всѣхъ психическихъ ядовъ современной жизни. — *Искусство* вообще и *поэзія* въ особенности обладаютъ благотѣльной силою исподволь прививать эти яды—тѣмъ, во-первыхъ, что заблаговременно приучаютъ мысль и чувство аперцепировать несовершенство, бѣды, страданія людей, трагическое въ жизни, пошлое въ человѣкѣ, смѣсь добра и зла въ природѣ и въ человѣчествѣ, — во-вторыхъ, тѣмъ, что отвлекаютъ душу человѣческую отъ эгоистическихъ помысловъ о себѣ самой и переносятъ ее въ сферу другихъ, болѣе широкихъ интересовъ, заставляютъ «перевоплощаться», мыслить и чувствовать за другихъ, радоваться и страдать вмѣстѣ съ другими людьми. На этой почвѣ и вырастаетъ противоядіе крайнему индивидуализму и эгоизму—сочувствіе, состраданіе, гуманность, общечеловѣчскій идеалъ. Все это душевныя явленія, даромъ не дающіяся; ихъ нужно воспитать, взлѣлѣять; сама жизнь, полная случайностей, противорѣчій, бѣдъ, дурныхъ вліяній, ихъ не дастъ; удаленіе отъ жизни, устраненіе живыхъ впечатлѣній еще

менѣе способно ихъ развить. Ихъ разовьетъ жизнь, возведенная въ «перль созданія», облагороженная и просвѣтленная творчествомъ,—жизнь, отраженная въ искусствѣ.

III.

Теперь намъ будетъ понятно, какую огромную и непростительную ошибку сдѣлала Ельцова, устранивъ поэзію въ воспитаніи дочери. Ядъ не былъ привить Вѣрѣ, и ея чуткая, богато-одаренная, страстная натура осталась непредохраненной отъ всегда возможной заразы, отъ рокового проявленія «тайныхъ силъ» жизни. Для Вѣры ужъ одно пробужденіе ея спящей души, ея усыпленной мысли, ея такъ долго безмолвствовавшей мечты не могло не быть фатально. Вотъ и постараемся проникнуть въ психологію этого пробужденія.

Герой повѣсти, взявъ на себя задачу пробудить эту спящую душу, средствомъ для этого избралъ поэзію и на первый разъ остановился на «Фаустѣ». Удаченъ-ли былъ этотъ выборъ? А вотъ посмотримъ. Самъ герой, повидимому, чувствовалъ, что Гетевская трагедія едва-ли годится для начала. «...Я раскаивался (пишетъ онъ въ письмѣ 4-мъ), что назвалъ именно «Фауста»; для перваго раза Шиллеръ гораздо-бы лучше годился, ужъ коли дѣло шло на нѣмцевъ. Особенно пугали меня первыя сцены до знакомства съ Гретхенъ; насчетъ Мефистофеля я тоже не былъ покоенъ. Но я находился подъ вліяніемъ «Фауста» и ничего другого не могъ-бы прочесть съ охотой...» Какъ видно изъ этихъ словъ, онъ опасался, будетъ-ли «Фаустъ» понятенъ, не покажется-ли скучнымъ — въ особенности въ философскихъ монологахъ и діалогахъ. Но онъ надѣялся на Гретхенъ.... Надежда эта, какъ извѣстно, не обманула его. «Фаустъ» произвелъ на Вѣру впечатлѣніе потрясающее—и это главнымъ образомъ благодаря Гретхенъ. Чтець торжествовалъ и былъ въ восторгѣ, что началъ именно съ «Фауста». Вотъ на этомъ-то пунктѣ я и расхожусь съ героемъ повѣсти: я утверждаю, что въ этомъ первомъ опытѣ, на этомъ чтеніи «Фауста», долженствовавшемъ приобщить душу Вѣры тайнамъ поэзіи, чарамъ искусства, — несмотря на полное торжество «старика Гете», «Фауста», Гретхенъ и самого чтеца, искусство и поэзія, со всѣми ихъ чарами и тайнами, потеряли полное фіаско. *Поэзія и не коснулась души Вѣры.* Ея душа дѣйствительно пробудилась, но только не для поэзіи, не для того просвѣтленія и расширенія мысли и чувства, о которомъ мы только-что говорили, а для совсѣмъ иныхъ «чаръ и тайнъ», аналогичныхъ тѣмъ, силою которыхъ Фаустъ запродавъ душу Мефистофелю и ринулся въ водоворотъ страстей и эгоистическихъ стремленій—къ миражу любви и счастья.—Сперва прочтемъ слѣдующія строки изъ рассказа (въ письмѣ 4-мъ) о самомъ чтеніи «Фауста»: «Вѣра Николаевна не шевелилась; два раза я украдкой взглянулъ на нее: глаза ея ви-

мательно и прямо были устремлены на меня; ея лицо мнѣ показалось блѣднымъ. *Посль первой встрѣчи Фауста съ Гретхенъ она отдѣлилась отъ спинки кресель, сложила руки и въ такомъ положеніи осталась неподвижной до конца...* Очевидно, эта сцена поразила воображеніе Вѣры въ большей степени, чѣмъ предшествующія сцены, и съ этого момента она начинаетъ съ захватывающимъ интересомъ слѣдить за развитіемъ жестокой драмы Гете. Что-же именно такъ поразило Вѣру, какія струны ея души дрогнули и зазвучали, и о чемъ собственно пѣли онѣ? Вѣра еще не знала любви (она никогда не была влюблена, — за скучнаго и ограниченнаго Примкова вышла по совѣту матери), она не вѣдала того, что называется влюбленностью, не испытала поэтической стороны этого чувства, его восторговъ, его мечты. Но не сознаваемая душевная потребность любви не была устранена этимъ невѣдніемъ. Рано или поздно она должна была заявить о себѣ. Она-то и заговорила — властно и внезапно, въ тотъ моментъ, когда на сценѣ философской трагедіи появилась Гретхенъ.

Вы ожидаете, что съ этимъ появленіемъ Вѣра почувствуетъ чистую идеальную мечту любви, что ей откроется прежде всего неизвѣданная дотолѣ поэзія этого чувства... А вотъ, посмотримъ.

Герой повѣсти читалъ:

Strasse. Faust. Margarete vorübergehend.

Faust.

Mein schönes Fräulein, darf ich wagen,
Meinen Arm und Geleit Ihr anzutragen?

Margarete.

Bin weder Fräulein, weder schön.
Kann ungeleitet nach Hause gehn.

(Sie macht sich los und ab.).

Faust.

Beim Himmel, dieses Kind ist schön!
So etwas hab'ich nie gesehn.
Sie ist so sitt—und tugendreich
Und etwas schnippisch doch zugleich.
Der Lippe Rot, der Wange Licht.
Die Tage der Welt vergess'ich's nicht!
Wie sie die Augen niederschlägt,
Hat tief sich in mein Herz geprägt;
Wie sie kurz angebunden war,
Das ist nun zum Entzücken gar!

(Mephistopheles tritt auf.).

Faust.

Hör', du musst mir die Dirne schaffen!

Такъ вотъ именно при чтеніи этой пиничной сцены, гдѣ нѣтъ и намека на поэзію любви, гдѣ Фаустъ является просто шиютомъ, преслѣдующимъ на улицѣ хорошенькую и глупенькую мѣщаночку, — Вѣра «отдѣлилась отъ спинки кресель, сложила руки»—и вся обратилась въ слухъ и вниманіе. Можетъ быть, ее заинтересовала такъ фабула? Или—помимо интереса къ фабулѣ—ее захватило открытіе одной изъ «тайныхъ силъ жизни»? Но какъ могла она не почувствовать отвращенія?

Что-бы она ни чувствовала въ эту минуту, несомнѣнно одно: ей прежде всего хотѣлось заглянуть въ душу Гретхенъ, прочесть тамъ эту таинственную повѣсть о зарождающейся любви, — подслушать первое, стыдливое признаніе чистой души... Она жадно слушаетъ—и слышитъ:

Abend.

Ein kleines reinliches Zimmer.

Margarete (ihre Zöpfe flechtend und aufbindend).

Ich gäb' was drum, wenn ich nur wüsst',
 Wer heut der Herr gewesen ist!
 Er sah gewiss recht wacker aus
 Und ist aus einem edlen Haus;
 Das konnt' ich ihm an der Stirne lesen—
 Er wär' auch sonst nicht so keck gewesen (ab.).

Не много тайнъ повѣдала Вѣрѣ Гретхенъ! Входятъ Фаустъ и Мефистофель. Послѣдній, осмотрѣвъ комнату, замѣчаетъ: Nicht jedes Mädchen hält so rein. И уходитъ. Фаустъ остается одинъ и предается сладостнымъ мечтамъ на тему:

Willkommen, süßer Dämmerchein,
 Der du dies Heiligtum durchwebst!
 Ergreif, mein Herz, du süsse Liebespein,
 Die du vom Thau der Hoffnung schmachtend lebst! и т. д.

«Благородный господинъ» расчувствовался. Пишутъ сентиментальничаетъ. O liebe Hand! so göttergleich! восклицаетъ онъ. Приподымаетъ завѣсу передъ кроватью и заявляетъ:

Hier möcht' ich volle Stunden säumen.

И тутъ-же—немножко философін:

Natur! Hier bildetest in leichten Träumen
 Den eingebornen Engel aus... и т. д.

Все это блаженство любовныхъ предвкушеній прерывается появленіемъ Мефистофеля, который принесъ ящикъ съ дорогимъ ожерельемъ и

серьгами. Ich that euch Säckelchen hinein, um eine andre zu gewinnen, поясняетъ онъ. Спрятавъ ящикъ въ комодъ Маргариты, онъ уговариваетъ Фауста уйти и не торчать тутъ съ такимъ видомъ, какъ-будто онъ собирается войти въ аудиторію.

Входитъ Маргарита. Ей что-то не-по-себѣ. Ей душно. Она томится. Какой-то страхъ овладѣваетъ ею. Она открываетъ окно, раздвѣается и поетъ пѣсенку: Es war ein König in Thule. Потомъ находитъ въ шкапу ящикъ Мефистофеля и приходитъ въ неопикуемый восторгъ. Надѣваетъ ожерелье и серьги, смотрится въ зеркало и — заканчиваетъ свой монологъ сентенціей:

Wenn nur die Ohrring' meine wären!
 Man sieht doch gleich ganz anders drein.
 Was hilft euch Schönheit, junges Blut? и т. д.

. . . . .
 Nach Golde drängt,
 Am Golde hängt
 Doch alles. Ach, wir Armen!

Во всѣхъ этихъ сценахъ нѣтъ поэзіи, ни въ самомъ сюжетѣ, ни въ его литературномъ воспроизведеніи. Психологія дѣйствующихъ лицъ мелка и неинтересна. Мефистофель, конечно, золъ и остроуменъ, но все-таки это — «мелкій бѣсъ, изъ самыхъ нечиповныхъ» *). Онъ отлично умѣетъ вліять только на очень низменные, очень пошлыя, прямо — животныя стороны человѣческой природы, и нѣтъ въ немъ ничего истинно-демоническаго, гордаго и прекраснаго — въ самомъ порокъ. Едва-ли эта фигура могла сильно поразить воображеніе Вѣры. Ужъ если дѣло пошло на демоновъ, на искуителей, то скорѣе лермонтовскій демонъ могъ-бы очаровать умъ Вѣры и вызвать въ немъ игру соответственныхъ поэтическихъ струнъ. Самъ Фаустъ въ этихъ и послѣдующихъ сценахъ выставленъ натурой мелкой, поверхностной и грубо-эгоистической. Съ легкимъ сердцемъ кидается онъ въ омутъ низкихъ страстей, — совершаетъ рядъ гнусныхъ преступленій, являетъ собою картину полного нравственнаго паденія, — и все это такъ, какъ-будто онъ никогда и не былъ мудрецомъ-затворникомъ, какъ-будто онъ — нравственный уродъ и герой — не философской и психологической драмы, а самой обыкновенной уголовной хроники. Мы не видимъ въ немъ проявленій душевной драмы, борьбы противоположныхъ чувствъ, мучительныхъ терзаній совѣсти и слѣдимъ за исторіей его грѣхопаденія безъ того участія, того сожалѣнія «по человѣчеству», какое всегда возбуждаютъ даже настоящіе злодѣи въ истинно художествен-

*) Такъ отзывается о немъ самъ Тургеневъ въ статьѣ о «Фаустѣ» Гете, написанной еще 1844 г. (томъ I, изд. 1883 г.).

номъ воспроизведеніи. Маргарита, конечно, вызываетъ сожалѣніе, какъ жертва, но она такъ проста и наивна, она—такая неинтересная дурочка, что читателю приходится самому идеализировать и поэтизировать ее, чему очень помогаютъ, конечно, превосходные стихи Гете. Образъ чистой и поэтической Гретхенъ въ гетевскомъ «Фаустѣ» есть одинъ изъ литературныхъ мифовъ, возникшій на почвѣ «культъ Гете»: его нѣтъ въ знаменитой трагедіи великаго мыслителя, — тамъ на его мѣстѣ находится нѣчто совсѣмъ другое. — фигура, въ которой нѣтъ и тѣни поэзіи, и которая годится опять-таки только для мѣщанской мелодрамы или для уголовной хроники *). Таковы главные герои. Настоящаго художественнаго эффекта они не производятъ, и чтеніе «Фауста» не даетъ въ результатѣ того душевнаго подъема, того гармоническаго состоянія духа, о которомъ я говорилъ выше, какъ о неотъемлемой принадлежности и характерной чертѣ художественнаго процесса мысли.

Но въ цѣломъ вся первая часть «Фауста» и многія мѣста второй, невзирая на нехудожественность образовъ, производятъ все-таки очень сильное, иногда потрясающее впечатлѣніе и на мысль, и на чувство,—впечатлѣніе, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ походитъ на художественное и можетъ легко быть смѣшано съ этимъ послѣднимъ. «Фаустъ»—это прежде всего одна изъ самыхъ умныхъ, самыхъ злыхъ, самыхъ жестокихъ книгъ, которыя когда-либо были написаны. Это книга, развѣнчивающая человѣка, обнажающая скрытое въ немъ животное начало; это книга, которая, съ сатанинскимъ хохотомъ Мефистофеля, злорадно утверждаетъ, что человѣкъ прежде всего — звѣрь, жестокій, злой, эгоистическій, что всѣ его высшія стремленія—къ истинѣ, къ нравственной чистотѣ, къ идеалу—являются лишь пустыми претензіями, безсильными поползновеніями подняться надъ юдолью зла и страданій. Удѣлъ человѣка—говорить эта ужасная книга—постоянно разочаровываться въ себѣ самомъ, какъ существѣ разумномъ и моральномъ, вѣчно падать въ погонѣ за счастьемъ, которое недоступно, за наслажденіями, которыя только

---

*) Въ вышеупомянутой статьѣ о «Фаустѣ» Тургеневъ отзываясь о Гретхенъ такъ: «она мила—какъ цвѣтокъ, прозрачна—какъ стаканъ воды, понятна—какъ дважды два—четыре; она безстрастная, добрая нѣмецкая дѣвушка; она дышетъ стыдливой прелестью невинности и молодости; она, впрочемъ, нѣсколько глупа». Мой отзывъ отличается отъ тургеневскаго не по существу, а, такъ сказать, въ количественномъ отношеніи. Въмѣсто «нѣсколько глупа», я скажу: «непроходимо глупа». Впрочемъ, у Тургенева мы видимъ ту идеализацію Гретхенъ, которая была свойственна нашей романтической молодежи 30-хъ и 40-хъ гг., и если приведенный отзывъ не слишкомъ восторженъ и свидѣтельствуетъ о трезвости взгляда, то это шло въ разрѣзъ съ общимъ взглядомъ на «Фауста» и культъ Гете какъ художника, оставшимся у Тургенева до конца жизни, и было проявленіемъ силы и ясности ума нашего поэта, умѣвшаго критически отнестись къ предмету въ самый разгаръ увлеченій.

ведутъ къ новымъ вождельніямъ и никогда не удовлетворяютъ *). Но это еще не все. Пессимизмъ этого рода есть явленіе очень старое (вспомнимъ буддизмъ и Экклезіаста) и способное сочетаться съ весьма разнообразными ученіями или стремленіями, философскими, религиозными, этическими и иными. Вотъ именно въ «Фаустѣ» Гете мы находимъ его въ сочетаніи съ такими идеями и стремленіями, въ союзъ съ которыми раньше онъ не вступалъ. Этотъ неожиданный союзникъ—не кто иной, какъ духъ XVIII вѣка, освободительныя идеи и разрушительныя стремленія котораго ярко сказываются не только въ сарказмахъ Мефистофеля, но и во всей концепціи произведенія, въ основномъ замыслѣ этой необыкновенной книги, въ самомъ ея тонѣ, даже въ языкѣ и стилѣ. Среди непроглядной мрачности и безотрадности пессимистическаго воззрѣнія на человѣка чувствуется трепетаніе новой жизни, молодой и смѣлой, не боящейся отрицать и разрушать, ибо она увѣрена, что таитъ въ себѣ неоскудѣвающій запасъ творческихъ, созидающихъ силъ. Оба начала перепутаны самымъ причудливымъ образомъ, при чемъ никакъ не разберешь, самил ли они такъ перепутались — въ бессознательно творившей гениальной головѣ Гете, или-же великій писатель сознательно и преднамѣренно все время держитъ читателя въ невѣдѣніи насчетъ настоящаго призванія отрицающей силы: призвана-ли она обновлять жизнь, освобождать, расчищать пути человѣчества, или-же ея удѣлъ — только губить, развращать, разнуздывать животныя инстинкты въ человѣкѣ? Въ великолѣпномъ «Прологѣ на небѣ», который самъ по себѣ есть законченная, гениально-задуманная и до дерзости смѣлая вещь, ясно указано первое призваніе отрицающей силы, олицетворенной въ Мефистофель. Der Herr къ нему благоволяетъ и даже поощряетъ дѣйствовать. Онъ говоритъ этому представителю ада:

Ich habe Deinesgleichen nie gehasst.
 Von allen Geistern, die verneinen,
 Ist mir der Schalk am wenigsten zur Last.
 Des Menschen Thätigkeit kann allzuleicht erschaffen.
 Er liebt sich bald die unbedingte Ruh:
 Drum geb'ich gern ihm den Gesellen zu,
 Der reizt und wirkt und muss als Teufel schaffen.

И читатель въ правѣ ожидать, что ему въ самомъ дѣлѣ покажутъ, какъ отрицающее начало reizt, wirkt и schafft. — какъ оно разрушаетъ дряхлыя формы и тѣмъ расчищаетъ путь новой жизни; читатель ждетъ, что ему покажутъ благотворное дѣйствіе хотя-бы и дурныхъ, эгоистиче-

*) So taumlich von Begierde zu Genuss, und im Genuss verschnaechtlich nach Begierde, говоритъ Фаустъ.

скихъ, но высшихъ, человѣчныхъ страстей, заставляющихъ лѣниваго смертнаго стремиться къ лучшему, бороться, мыслить, заблуждаться, падать и—въ концѣ концовъ совершенствоваться. Однимъ словомъ, читатель склоненъ искать въ загадочной книгѣ оправданія положеній, высказанныхъ въ «Прологѣ» и гласящихъ, что

Es irrt der Mensch, so lang'er sterbt,

но что—въ концѣ концовъ—

Ein guter Mensch in seinem dunkeln Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst.

Вотъ именно съ такими-то ожиданіями и упованіями совершенно законными, вызванными самимъ Гете, читатель и встрѣчаетъ первое появленіе Мефистофеля въ самой трагедіи; на первыхъ порахъ эти ожиданія какъ будто-бы начинаютъ оправдываться. Мефистофель рекомендуется Фаусту, говоря о себѣ, что онъ есть

Ein Theil von jener Kraft,
Die stets das Böse will und stets das Gute schafft.

Это является прямымъ продолженіемъ мысли «Пролога».—

Ich bin der Geist, der stets verneint!—

продолжаетъ Мефистофель,—и затѣмъ въ этой сценѣ съ Фаустомъ и слѣдующей—съ ученикомъ обнаруживаетъ всю силу и весь ядъ своихъ отрицаній и дерзновеній,—въ удивительныхъ, полныхъ сарказма и адскаго хохота, рѣчахъ, гдѣ безошадно развѣнчиваются старые идолы, разрушаются старыя иллюзіи и гдѣ чувствуются вѣянія вѣка энциклопедистовъ и Вольтера.—Фаустъ продаетъ свою душу Мефистофелю и идетъ за нимъ, чтобы начать новый «Lebenslauf».

Вотъ тутъ-то и конецъ всѣмъ ожиданіямъ читателя. Философская и психологическая трагедія на этомъ заканчивается. Но вѣдь читатель не предупрежденъ на этотъ счетъ и естественно ожидаетъ продолженія той же темы, а потому, читая дальше, всѣми силами старается прозрѣть въ сценахъ и образахъ, которые ему даны, какой-то глубокій и сокровенный смыслъ, не замѣчая или не догадываясь, что такого тамъ и въ поминѣ нѣтъ. А есть тамъ только та уголовная мелодрама, о которой была рѣчь выше, да еще фантастическія сцены, нарочито туманныя и переполненные разной чертовщиной и, собственно говоря, — лишнія. Суть всего этого—обнаруженіе звѣря въ человѣкѣ, полное развѣнчаніе Фауста, пизведение Мефистофеля на ступень «мелкаго бѣса», который только умѣетъ пробуждать животныя инстинкты и вовсе не «творитъ добро, желая зла», не является дѣятелемъ, возбуждающимъ какія-бы то ни было

вышяя стремленія. Онъ вовсе не «wirkt» и не «schafft». Фаустъ въ свою очередь оказывается вовсе не тѣмъ «хорошимъ человѣкомъ, который въ своихъ темныхъ стремленіяхъ все-таки сознаетъ, гдѣ правильный путь»,—отнюдь не тѣмъ дѣятелемъ, который «стремится и заблуждается»: погоня за грубыми наслажденіями—это не «стремленія», и паденіе да уголовныя дѣянія это не тѣ «заблужденія», которыя подразумѣваются въ «Прологѣ». Читатель обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ, ошеломленъ этимъ непрерывнымъ калейдоскопомъ глубокихъ мыслей, мѣткихъ словъ, злыхъ рѣчей, сарказмовъ, отдѣльныхъ дѣйствительно поэтическихъ строфъ, всякаго рода фантастикой и чертовщиной, высокимъ идеализмомъ и грубымъ реализмомъ, идущимъ вплоть до употребленія непечатныхъ словъ, смѣшеніемъ драмы и мелодрамы,—и это ошеломленіе такъ велико, что читатель готовъ забыть и простить,—что его обманули. привели не туда, куда обѣщали привести. Ему трудно даже разобраться сразу въ своихъ ощущеніяхъ, и на первыхъ порахъ одно лишь ясно ему: книга, которую онъ прочиталъ, есть книга во первыхъ жестокая, злая, безпощадная, а во вторыхъ, въ одно и то-же время и гениальная, и какая-то *ирраціональная*. Не разобравшись и не давъ себѣ отчета во всѣхъ этихъ впечатлѣніяхъ, читатель ошибочно принимаетъ ихъ за художественныя. Только послѣ тщательной провѣрки окажется, что они не были художественными и поэтическими въ собственномъ смыслѣ, что они были со-всѣмъ иныя. Какія именно, т. е. какова ихъ природа, это мы уяснимъ себѣ, если обратимъ должное вниманіе на только-что указанную сторону «Фауста»,—на *ирраціональное* въ немъ.

Безсмертная книга, во первыхъ, трактуетъ объ ирраціональномъ въ природѣ человѣка: это ея секретъ, ея тема, ея задача; во вторыхъ, она сама ирраціональна—по духу, характеру творчества, по исполненію.

Постараемся уяснить себѣ и то, и другое.

На вопросъ: чтò собственно аперцепировано образами «Фауста»?—я-бы отвѣтилъ такъ: ирраціональное въ душѣ человѣческой, какъ мыслящей, такъ и чувствующей, и при томъ разсматриваемое преимущественно въ его отношеніяхъ къ эгоистической и животной сторонѣ въ натурѣ человѣка.

Сперва взглянемъ на это ирраціональное въ мыслящей душѣ, т. е. въ умѣ познающемъ и творящемъ. Фаустъ—ученый и мыслитель. Но этого мало: нужно знать, *какъ* онъ мыслить, какого рода умственные процессы скрываются подъ той *наукою*, представителемъ которой является Фаустъ. Это—наука схоластическая, наука того фазиса въ исторіи мысли, когда химія еще не была отдѣлена отъ алхиміи, когда движущимъ мотивомъ познающаго ума было не стремленіе къ истинѣ, чистое и безкорыстное, а желаніе овладѣть тайными силами природы въ видахъ эгоистическихъ. Это было странное, фантастическое состояніе мысли, въ которомъ ужи-

вались несогласимыя противорѣчія; умъ въ своей познавательной дѣятельности еще не владѣлъ главнымъ орудіемъ, которымъ такъ сильна наука новаго времени, — орудіемъ, благодаря которому она и есть — наука, а не что-нибудь другое. Я разумѣю *методъ*. Въ зависимости отъ этого признака, отсутствія правильного научнаго метода, находился и другой—относительная слабость логической силы ума, не способной еще подчинить себѣ дѣятельность памяти, воображенія и другихъ бессознательныхъ процессовъ мысли. А эти процессы по существу ирраціональны, — въ противоположность логикѣ и методу, являющимся истинными носителями рациональнаго въ нашемъ умѣ. При слабости, невыработанности послѣднихъ, ирраціональные процессы не находили узды и удержу, дѣйствовали стихійно, слѣпо, творили неразумно и, главное, бесплодно. Вотъ именно такое состояніе мысли и воспроизведено въ первыхъ сценахъ «Фауста». Здѣсь отмѣчена пустота и бесплодность схоластическаго и алхимическаго знанія, указацы эгоистическіе мотивы въ познавательныхъ стремленіяхъ ума, наконецъ превосходно воспроизведенъ весь душевный укладъ средневѣковаго мыслителя, характеризуемый неуравновѣшенностью духа, рѣзкими переходами отъ восторговъ къ отчаянію, отъ смѣлыхъ запросовъ ума къ малодушнымъ страхамъ. Вы видите передъ собою «ученаго», который не умѣетъ мыслить спокойно, объективно, котораго умъ поработченъ различными чувствами, болѣе или менѣе страстными, а мысль, всегда окрашенная субъективными настроеніями, не въ силахъ сосредоточиться на изслѣдованіи или созерцаніи *явленія* и ежеминутно перескакиваетъ изъ объективной сферы въ субъективную; она словно—на привязи чувствъ и бьется, и мечется въ тщетныхъ усиліяхъ освободиться и воспарить въ ту—высшую—сферу умственнаго творчества, гдѣ ей привольно витать, гдѣ, безстрастная и свободная, она могла-бы развернуть свою творческую силу и — «was in schwankender Erscheinung schwebt,—befestigen mit dauernden Gedanken».

Фаусту не достаетъ прежде всего *внутренней свободы*, безъ которой немислима никакая плодотворная работа мысли, никакое творчество, ни философское, ни ученое, ни художественное. Но у него уже есть какъ-бы предчувствіе этой свободы, тоска по ней, смутное чаяніе, что она возможна, что съ ея приходомъ должна взойти заря новой—лучшей—жизни. Оттуда та раздвоенность въ душѣ Фауста, которая превосходно выражена въ знаменитыхъ словахъ его, обращенныхъ къ Вагнеру:

Du bist dir nur des *einen* Triebs bewusst.
 O lerne nie den andern kennen!
 Zwei Seelen wohnen, ach! in meiner Brust,
 Die eine will sich von der andern trennen;
 Die eine hält in derber Liebeslust,

Sich an die Welt mit klammernden Organen;
 Die andre hebt gewaltsam sich vom Dust
 Zu den Gefilden hoher Ahnen.
 O giebt es Geister in der Luft,
 Die zwischen Erd' und Himmel herrschend weben,
 So steigt nieder aus dem goldnen Duft
 Und führt mich weg zu neuem, buntem Leben!

Среди этой душевной разорванности, въ этомъ мятущемся состояніи духа, Фаустъ послѣдовательно переживаетъ цѣлый рядъ различныхъ душевныхъ состояній, цѣлую гамму чувствъ. въ ряду которыхъ громче и рѣзче звучать ноты мрачныя, ноты разочарованія и отчаянія, но между ними порою пробиваются и звуки примиренія, смиренія, любви. И вы замѣчаете, что между тѣми и другими идетъ глухая борьба, которой исходъ остается—пока—неизвѣстенъ; но вамъ отъ времени до времени даютъ понять, что какъ ни слабы эти проблески тихихъ и свѣтлыхъ ощущеній, эти приливы состраданія и любви къ бѣдному, темному, страждущему человѣчеству, — все-таки они способны одержать верхъ. внести миръ въ душу Фауста, возродить его къ новой жизни. Это нѣкоторымъ образомъ было *объяснено* знаменитой тирадой «Was sucht ihr, mächtig und gelind, Ihr Himmelstöne, mich am Staube», въ которой Фаустъ отказывается отъ мысли о самоубійствѣ:

O tönet fort (воскликаетъ онъ), ihr süßen Himmelslieder!
 Die Thräne quillt, die Erde hat mich wieder!

Далѣе это «объясненіе» было подтверждено великодушнымъ монологомъ «Vom Eise befreit sind Strom und Bäche», оканчивающимся такъ:

Hier bin ich Mensch, hier darf ich's sein.

Наконецъ въ сценѣ съ пуделемъ, непосредственно предшествующей появленію Мефистофеля, вы чуть-чуть не увѣрвали въ исполненіе этихъ обѣщаній; возрожденіе Фауста, побѣда въ немъ человѣческихъ, альтруистическихъ чувствъ надъ эгоистическими и вмѣстѣ просвѣтленіе и освобожденіе его мысли казались вамъ почти совершившимся фактомъ: вы слышали изъ устъ Фауста признанія такого рода:

Entschlafen sind nun wilde Triebe
 Mit jedem ungestümen Thun;
 Es reget sich die Menschenliebe,
 Die Liebe Gottes regt sich nun.
 . . . . .
 Vernunft fängt wieder an zu sprechen.

Und Hoffnung wieder an zu blühn;
 Man sehnt sich nach des Lebens Bächen,
 Ach! nach der Lebens Quelle hin.

Правда, васъ нѣсколько безпокоило присутствіе Пуделя; въ немъ чудилось вамъ знаменіе животныхъ началъ,—животной души, совсѣмъ ужъ ирраціональной, которой слѣпыя влеченія, стихійныя, неразумныя силы способны—пожалуй—нарушить и омрачить ясность духа и мысли, съ такимъ трудомъ возобладавшую въ душѣ Фауста. И вы вполнѣ понимаете ощущенія Фауста и сочувствуете ему, когда онъ старается успокоить Пуделя и говорить ему:

Knurre nicht, Pudel! Zu den heiligen Tönen,
 Die jetzt meine ganze Seel' umfassen,
 Will der tierische Laut nicht passen...

Но миръ души уже нарушенъ. «Schon fühl'ich»—говоритъ Фаустъ—
 «bei dem besten Willen, Befriedigung nicht mehr aus dem Busen quillen». Онъ прибѣгаетъ тогда къ послѣднему средству: онъ обращается къ откровенію и углубляется въ истолкованіе священнаго текста—«въ началѣ бѣ Слово»...

А тѣмъ часомъ Пудель не дремлетъ. Онъ все бунтуетъ, воеетъ, лаетъ, онъ точно бѣшеный, и вотъ ужъ онъ преображается въ какое-то ужасное чудовище, противъ котораго безсильны всѣ чары и заклинанія Фауста. Это чувства, чувства эгоистическія, это страсти, страсти животныя, приливаютъ и надвигаются и заполняютъ душу Фауста, вытѣсняя изъ нея все лучшее и разумное, все человѣчное, омрачая его сознаніе туманомъ слѣпыхъ влеченій, вождельній и соблазновъ, парализуя его волю. Разсѣется-ли этотъ туманъ, прояснится-ли эта мгла души? Будетъ-ли укрощено чудовище?

Повидимому, къ тому дѣло и клонится: туманъ разсѣивается, чудовище исчезаетъ—чтобы дать мѣсто представителю отрицанія, Мефистофелю. «Das also war des Pudels Kern!» восклицаетъ успокоенный Фаустъ.

Что-жь,—это не бѣда, это путь правильный: вѣдь душа Фауста, терзаемая и влекомая въ противоположныя стороны ирраціональными силами ума и слѣпыми влеченіями страстей, не могла подняться на ту умственную и нравственную высоту, къ которой она призвана стремиться и уже готова была впасть въ отчаяніе. Теперь къ ея услугамъ является новая и большая сила: сила отрицанія, сомнѣнія, скептицизма,—лучшее орудіе для расчистки путей мысли, для освѣженія ума, а стало быть и первый шагъ къ достиженію внутренней свободы. И для страстей это начало не лишено значенія: духъ, который все и всегда отрицаетъ, можетъ направить свою разлагающую критику и на эту сферу, способенъ

сорвать маску, часто прикрывающую эгонистическія влеченія, отравить сентиментализмъ грубыхъ желаній и «поэзію» низменныхъ чувствъ ядомъ рефлексіи и, если нужно, циническимъ хохотомъ. Для освобожденія человѣчества отъ темноты и безпомощности, не только умственной, но и нравственной, необходимъ и этотъ ядъ, и этотъ хохоть,—безъ рефлексіи, безъ критики, безъ отрицанія человѣчество остановилось-бы въ своемъ развитіи, не вышло-бы изъ «блаженнаго» невѣдѣнія своей умственной темноты и нравственной наготы.

Итакъ, казалось-бы, съ появленіемъ Мефистофеля для Фауста должна была-бы наступить «новая жизнь»—въ смыслѣ выхода изъ душевной тьмы на тотъ психологическій путь, который мы назовемъ развитіемъ *раціональных* силъ духа. Но *этого-то* Гете намъ и не далъ: «новая жизнь» Фауста оказалась той уголовной мелодрамою, о которой была рѣчь выше. Раціональныя силы не возобладали, и «картина» души Фауста остается до конца «картиною» той болѣзни, которую можно было-бы назвать «умственнымъ и нравственнымъ изможденіемъ», обусловленнымъ исключительнымъ господствомъ не дисциплинированныхъ ирраціональных силъ духа.

Впечатлѣніе, производимое этой «картиною», само по себѣ гнетущее, еще усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что самая трагедія Гете носитъ на себѣ явные слѣды ирраціональности творчества. «*Фаустъ*» Гете *художественъ по творческому замыслу и нехудожественъ по самому ходу творческой работы*: задумавъ «Фауста», Гете стремился къ обобщенію извѣстныхъ явленій духа человѣческаго и къ воплощенію полученныхъ выводовъ въ конкретныхъ образахъ,—стремленія, слѣдовательно, были чисто-художественныя; но эти обобщенія и ихъ конкретныя изображенія были найдены не тѣмъ путемъ, который является единственно-раціональнымъ въ искусствѣ, т. е. не путемъ *синтеза*. Путь мысли, *методъ* въ искусствѣ есть вещь столь-же первостепенная, какъ и въ наукѣ. Это огромное заблужденіе—думать, что, напримѣръ, истина все равно остается истиной, какимъ-бы способомъ она ни была получена. Въ наукахъ индуктивныхъ самая удачная, самая вѣрная мысль, выведенная априорнымъ путемъ, не будетъ имѣть *психологическаго значенія научной истины* до тѣхъ поръ, пока не будетъ вновь найдена синтетической работой мысли,—индуктивно. Такъ и въ искусствѣ: поэтическое обобщеніе, чтобы имѣть значеніе художественнаго и производить соответственное воздѣйствіе на мысль, должно быть результатомъ *синтеза*, какъ основного, руководящаго процесса мысли, *анализъ-же* служить только помощникомъ, является дѣятелемъ второстепеннымъ. Это—раціональный путь творчества. Обратный-же путь—съ анализомъ на первомъ планѣ—не даетъ въ результатѣ образовъ, способныхъ быть истинно-художественными. Не трудно видѣть, что главные образы трагедіи Гете, въ особенности-же

самъ Фаустъ и Мефистофель суть образы *аналитическіе*, а не *синтетическіе*. Это не мѣшаетъ имъ быть обобщеніями. Гете анализировалъ душу человѣческую, выдѣливъ изъ ея содержанія въ одну сторону одни элементы, въ другую—другіе. Одни онъ воплотилъ въ образѣ Фауста, другіе въ образѣ Мефистофеля. Путемъ того-же анализа, устрояя изъ этихъ образовъ все, что могло-бы сдѣлать ихъ живыми личностями, что налагало-бы на нихъ печать индивидуальности, Гете превратилъ ихъ въ блѣдныя схемы, въ говорящія абстракціи, а это-то и даетъ имъ обобщающую силу. Здѣсь мы видимъ, стало-быть, нѣчто діаметрально противоположное тому, что представляютъ намъ настоящія созданія искусства: въ этихъ послѣднихъ обобщающая сила образа вполне совмѣщается съ его полной конкретностью, съ его рѣзко выраженной индивидуальностью. Настоящему художнику, напримѣръ, Шекспиру, нѣтъ никакой надобности дѣлать фигуру блѣдной, схематичной, безжизненной, чтобы придать ей значеніе обобщающей. Но Гете, не художникъ въ тѣсномъ смыслѣ, а поэтъ-мыслитель, не могъ въ своемъ творествѣ итти по этому единственно-раціональному пути искусства, пути синтеза, и создать индуктивные образы,—онъ могъ получить свои *поэтическія* обобщенія только вышеуказаннымъ путемъ анализа, созданіемъ аналитическихъ образовъ, которые обобщаютъ только потому, что сами абстрактны. Это—не настоящее искусство, или—если угодно—это—*искусство ирраціональное* *).

Такой характеръ творчества сказывается не только въ самой природѣ образовъ, въ ихъ блѣдности, схематичности, условности, но и во многомъ другомъ. Выбитая изъ своего естественнаго русла, фантазія поэта создаетъ картины въ одно и то-же время и прихотливыя, какъ будто безсознательныя, повидимому лишеныя цѣлесообразности, и въ то-же время явно «сочиненныя», искусственныя, головоломныя. Почти вся вторая часть «Фауста» является доказательствомъ *такой* именно работы воображенія. Но и въ первой части уже замѣтны признаки этой ирраціональности творческой мысли.

Выводъ изъ всего вышесказаннаго о «Фаустѣ» Гете ясенъ: это великое произведеніе великаго ума не можетъ дѣйствовать на мысль и чувство такъ, какъ это свойственно настоящимъ художественнымъ произведеніямъ,—созданіямъ искусства раціональнаго, а должно дѣйствовать какъ-нибудь иначе. Какъ-же именно?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, лучше всего прослѣдить дѣйствіе «Фауста» на душу нетронутую, не искусственную въ искусствѣ и литературѣ, на душу свѣжую, чуткую, впечатлительную, какова Вѣра героиня Тургеневскаго «Фауста», къ которой и возвратимся теперь.

*) Такъ точно, напримѣръ, средневѣковую науку мы можемъ опредѣлять и какъ — *не настоящую*, и какъ *ирраціональную*.

IV.

Сперва взглянемъ на симптомы.

Вѣра подавлена новыми ощущеніями, не въ силахъ разобраться въ нихъ и только проситъ чтеца оставить ей «эту книгу». Она видимо уклоняется отъ разговора о прочитанномъ и уходитъ въ свою комнату. Оттуда она возвращается смущенная и съ красными глазами. «Вообразите», говоритъ ей мужъ, Пріимковъ — «я пришелъ къ ней наверхъ и застаю ее: она плачетъ. Этого съ ней давно не случалось. Я вамъ могу сказать, когда она въ послѣдній разъ плакала: когда Саша у насъ скончалась. Вотъ, что вы надѣлали съ вашимъ «Фаустомъ...» — «Стало быть» — замѣчаетъ рассказчикъ Вѣрѣ — «вы теперь видите, что я былъ правъ, когда...» — «Я этого не ожидала — перебиваетъ она: — но Богъ еще знаетъ правы-ли вы. Можетъ быть, оттого матушка и запрещала мнѣ читать подобныя книги, что она знала...» — «Что знала? Говорите.» — «Къ чему? Мнѣ и такъ совѣстно: о чемъ это я плакала? Впрочемъ, мы еще съ вами потолкуемъ. Я многое не совсѣмъ поняла...» — «Отчего-же вы меня не остановили?» — Слова-то я всѣ поняла, и смыслъ ихъ, но...» На другой день утромъ рассказчикъ встрѣчаетъ ее въ саду и узнаетъ, что она всю ночь не спала. «Неужели отъ вчерашняго чтенія?» спрашиваетъ онъ. — «Конечно (отвѣчаетъ она): я къ этому не привыкла. Въ этой вашей книгѣ есть вещи, отъ которыхъ я никакъ отдѣлаться не могу; мнѣ кажется, это онѣ такъ жгутъ голову...» — «Пойдемте, сядемте въ эту бесѣдку — продолжала она — и, пожалуйста, до тѣхъ поръ, пока я не заговорю съ вами сама, не упоминайте мнѣ... объ этой книгѣ». Она — замѣчаетъ рассказчикъ — какъ будто боялась произнести имя «Фауста». (Письмо 4-е).

Такими намеками и «умолчаніями» Тургеневъ превосходно изобразилъ тотъ процессъ, который совершался въ душѣ Вѣры, — вызванный чтеніемъ «Фауста». Это былъ процессъ темный, неясный для нея самой, это была глухая работа въ глубинѣ души, стихійное движеніе чувствъ, тревожное скопленіе мыслей. Если-бы Тургеневъ, вмѣсто намековъ и краткаго указанія на симптомы вдался въ подробный психологическій анализъ, — онъ не даль-бы художественно-правдивой картины душевнаго состоянія Вѣры: неясное, темное, глухое, несознанное казалось-бы яснымъ, понятнымъ, отчетливымъ. Раскрыть, истолковать процессъ, дать ему психологическое опредѣленіе — это уже дѣло критика или комментатора. Я говорю это только примѣнительно къ данному случаю, а не вообще *). Чутье художника подсказало Тургеневу,

*) О психологическомъ анализѣ въ искусствѣ мы будемъ говорить подробно въ статьяхъ о Толстомъ.

что на душу Вѣры въ ея новомъ состояніи необходимо набросить покровъ, что темное ея броженіе такъ и слѣдуетъ оставить въ темнотѣ: пусть самъ читатель сниметъ покровъ,—пусть онъ самъ внесетъ свѣтъ въ эту темноту душевную: вѣдь свѣточъ ему данъ, это — Гетевскій «Фаустъ». Вотъ почему мы и остановились нѣсколько дольше на изложеніи своего взгляда на знаменитую трагедію Гете: тамъ ключъ и къ психологій Вѣры, и вообще къ пониманію художественнаго значенія этого образа.

Вѣра и *поняла*, и *не поняла* «Фауста». Это значитъ: она глубоко прочувствовала трагедію Гете и даже проникла въ смыслъ ея образовъ (вспомнимъ напр. ея отзывъ о Мефистофелѣ въ Письмѣ пятомъ), но ея собственное душевное состояніе послѣ чтенія было ей непонятно. Чего не поняла она въ «Фаустѣ»,—такъ это—*самое себя*. Всякое произведеніе, раскрывающее намъ тайники души человѣческой (при чемъ все равно: будетъ-ли это вещь художественная, или иная), непременно ведетъ къ самоанализу, къ самопознанію. Читатель оглядывается на себя, узнаетъ въ психологическихъ данныхъ, предъявляемыхъ авторомъ, свои собственные душевныя состоянія, уясняетъ себѣ многое, что прежде онъ лишь смутно ощущалъ въ себѣ. И если послѣ чтенія его собственная натура и душа стала ему яснѣе, чѣмъ была прежде, онъ говоритъ, что онъ *понялъ* автора. Вотъ именно этотъ психологическій мотивъ у Вѣры проявился совсѣмъ особеннымъ образомъ. Вѣра всѣми фибрами своей души чувствовала, что загадочная книга открываетъ какую-то глубокую и страшную правду о душѣ человѣческой, и что эти загадочныя стороны души и натуры, такъ ярко воспроизведенныя поэтомъ, находятся и въ ней самой, въ Вѣрѣ. Она слушала чтеніе съ какимъ-то несознаннымъ, но упорнымъ внутреннимъ убѣжденіемъ, что это о ней рѣчь идетъ, что вотъ сейчасъ она узнаетъ о себѣ что-то такое, чего раньше и не подозрѣвала. Ей казалось, что вотъ сейчасъ будетъ разоблачена какая-то тайна, какой-то вопросъ будетъ поставленъ, какія-то скрытыя силы уже просыпаются въ душѣ, и нѣчто стихійное и роковое шевелится и бродитъ въ крови-ли, въ чувствѣ-ли, въ мозгу-ли,—не разберешь и не поймешь, но ей ясно, что она уже не та, прежняя, спокойная, свѣтлая, чистая Вѣра, а какая-то другая, съ какими-то новыми помыслами и желаніями. И—воспитанная и до сихъ поръ жившая въ невѣдѣніи себя самой и «тайныхъ силъ жизни»—она, въ своемъ новомъ состояніи, не понимаетъ самое себя. Блаженное невѣдѣніе разрушено, но самопознаніе не дано, ибо вновь-открытыя и пробужденныя силы души суть силы *ирраціональныя*, и—ихъ не поймешь, пока онѣ не скажутся болѣе определеннымъ образомъ, пока не выйдутъ изъ этого состоянія глухого броженія и не претворятся въ извѣстныя, доступныя сознанію и подлежащія нравственной и иной квалификаціи чувства, помыслы, влеченія или страсти.

Вотъ именно эта невозможность понять себя и вытекающее отсюда смущеніе или даже ошеломленіе и было основнымъ элементомъ въ новомъ душевномъ состояніи Вѣры, или исходной точкой въ развитіи психологической драмы, изображенной Тургеневымъ въ pendant къ той, которую создалъ Гете. До сихъ поръ Вѣрѣ казалось, что она отлично себя знаетъ и понимаетъ. Это была женщина — не чета гетевской Гретхенъ. Последняя, во-первыхъ, глупа и невѣжественна, во-вторыхъ, какая-то гипнотизированная, безъ проблеска воли, мысли, инициативы. Вѣра—человѣкъ мыслящій, съ сильною волею, съ правилами, съ рѣзко-выраженной нравственной индивидуальностью. Ея невѣдѣніе—искусственно, плодъ педагогической ошибки матери и подъ нимъ скрывается огромная способность глубоко чувствовать и тонко понимать многое, что для такихъ, какъ Гретхенъ, навсегда останется недоступнымъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ у Вѣры—большіе задатки къ самоопредѣленію, къ самосознанію. Она привыкла анализировать себя, задумываться надъ тѣмъ, что она такое, къ чему призвана, что должна дѣлать и т. д. И вотъ теперь ей приходится пердѣлывать заново это свое, казалось, установившееся самопониманіе, приходится считаться съ какими-то новыми данными, которыя раньше въ расчетъ не принимались, искать новой формулы самоопредѣленія, пожалуй, тронуть, и въ очень чувствительныхъ мѣстахъ, всю систему своихъ давно сложившихся нравственныхъ понятій. И она чувствовала, что для нея начинается новая полоса жизни, и Богъ вѣсть, что сулитъ эта полоса. Ей было ясно, что она наканунѣ какихъ-то переменъ, а, можетъ быть, и катастрофъ, въ своемъ внутреннемъ мірѣ... Къ чему привести, какъ скажутся онѣ?

Она вспомнила завѣты и запреты матери. Мелькнула мысль: а вѣдь не даромъ она запрещала мнѣ *это*,—она знала...

Къ непониманію себя, къ смущенію передъ своей собственной загадочностью присоединились еще *ожиданіе* и родъ суевѣрнаго страха, что это неизвѣстное, опасное, страшное, о чемъ знала и отъ чего хотѣла уберечь ее мать, вотъ вотъ объявится и... найдеть-ли она, Вѣра, силу, чтобы бороться съ *нимъ*?

И еще чувство: опасеніе, что этой силы не найти ей въ себѣ.

Съ развитіемъ (какъ извѣстно, очень быстрымъ) страстнаго чувства къ рассказчику, герою повѣсти, это опасеніе Вѣры все росло и вскорѣ превратилось въ увѣренность.

Но почему-же, однако? Вѣдь Вѣра—не дѣвочка. Это женщина сложившаяся, серьезная, съ нравственными устоями, къ тому-же мать семейства. А «культъ» покойной матери? Неужели во всемъ этомъ не могла она почерпнуть силы для борьбы съ роковой страстью? Не могла. Вотъ и постараемся прослѣдить тотъ душевный процессъ, въ силу котораго Вѣра была приведена къ этой психологической невозможности

противостоять страсти, къ роковому для нея сознанию своей обезоруженности.

Сперва прочтемъ слѣдующія строки въ Письмѣ пятомъ: «О «Фаустѣ» мы съ ней разсуждали не однажды: но—странное дѣло!—о Гретхенъ она ничего сама не говоритъ, а только слушаетъ, что я ей скажу. Мефистофель ее пугаетъ не какъ чортъ, а какъ «что-то такое, что въ каждомъ человѣкѣ можетъ быть»... Это ея собственныя слова. Я началъ было толковать ей, что это «что-то» мы называемъ рефлексіей; но она не поняла слова рефлексія въ нѣмецкомъ смыслѣ: она только знаетъ одну французскую «réflexion» и привыкла почитать ее полезной».

Кто, читая Тургеневскаго «Фауста», не обратилъ вниманія на эти слова, не оцѣнилъ ихъ значенія, тотъ не понялъ этого классическаго произведенія, которое, со всею своею содержательностью, всею сложностью и тонкостью психологической темы, умѣстилось на какихъ-нибудь 60-ти страницахъ: сжатость изложенія и экономія художественныхъ приемовъ—необыкновенныя, и ежели на что-нибудь тамъ обращено вниманіе и на это потрачено строкъ 10, то несомнѣнно это пунктъ—важный, и читателю необходимо выикнуть въ него. Вотъ и выикнемъ.

Вѣра избегаетъ говорить о Гретхенъ, т. е. высказывать свое о ней сужденіе, свое впечатлѣніе, но зато охотно слушаетъ то, что говоритъ о Гретхенъ герой повѣсти, это—психологическій симптомъ огромной важности. При всемъ своемъ отличіи отъ Гретхенъ,—воплѣ сознавая, что между нею и гетевскою героиней—цѣлая пропасть, Вѣра съ какимъ-то внутреннимъ содроганіемъ чувствуетъ въ себѣ что-то такое—сближающее ее съ несчастной жертвой Фауста. Тотъ смутный процессъ, который развертывается въ душѣ Вѣры, преобразуетъ все ея существо въ известномъ направленіи и тихо, но властно, неудержимо, какъ потокъ, влечетъ ее къ новому, невѣдомому, пугающему и чарующему душевному существованію, въ которомъ она—такъ ей чувствуется—съ ужасомъ, съ отчаяніемъ узнаетъ въ себѣ ту-же Гретхенъ. Поэтому говорить о Гретхенъ значитъ для нея говорить о себѣ, выдавать преждевременно тайну своего душевнаго броженія, своего смущенія. Наоборотъ, слушать о Гретхенъ ей любопытно и, слушая, она ждетъ, не скажутъ-ли ей что-нибудь такое, что прольетъ нѣкоторый свѣтъ на ея собственныя душевныя движенія, поможетъ ей разобраться въ себѣ самой, понять именно то, чего она не понимаетъ въ «Фаустѣ», себя самое.

Вотъ именно въ этомъ процессѣ пробужденія *другой* души въ Вѣрѣ, приближающемъ ее къ Гретхенъ, есть одинъ психологическій пунктъ, неясный для самой Вѣры, темный и загадочный самъ по себѣ. Это именно—тотъ внутренній Мефистофель, котораго Вѣра боится *не какъ чорта, а какъ что-то такое, что можетъ быть въ каждомъ человѣкѣ*. Гретхенъ—та боится Мефистофеля именно какъ чорта.—какъ соблазни-

теля, совратителя. Вѣрь на первыхъ порахъ такой Мефистофель не казался страшнѣе или опаснѣе. Тутъ между прочимъ и сказывается рѣзкое, коренное различіе между непосредственностью, ограниченностью, душевной простотою и пустотою Гретхенъ съ одной стороны и умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ, сложностью и содержательностью натуры Вѣры—съ другой. Ну, а все-таки Мефистофель пугаетъ Вѣру. Она его боится потому, во-первыхъ, что онъ ей непонятенъ, темень и представляется чѣмъ-то зловѣщимъ, и—во-вторыхъ—потому, что это темное и зловѣщее, какъ она знаетъ, находится внутри человѣка, а не внѣ его. Однакоже, имѣть въ своемъ душевномъ обиходѣ Мефистофеля не представляется ей обязательнымъ, необходимымъ: она говоритъ: «*можетъ* находиться въ каждомъ человѣкѣ»,—стало быть, можетъ и не находиться,—какъ у кого, смотря по человѣку. Вотъ напр. имѣется-ли онъ въ ней самой, въ Вѣрѣ? Она въ этомъ не увѣрена, но, очевидно, допускаетъ возможность этого, а потому—и боится. Когда разказчикъ объяснилъ ей, что этотъ внутренній Мефистофель есть *рефлексія*, то она не поняла этого, смѣшавъ понятіе рефлексіи съ французской *réflexion*. Ясное дѣло, что за этимъ непониманіемъ скрывается не только смѣшеніе терминовъ и незнакомство съ специальнымъ значеніемъ слова «рефлексія» въ нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, но также нѣчто болѣе важное: Вѣрь по самому существу ея душевной организаціи чужда и недоступна *рефлексія*—какъ извѣстный психическій моментъ. Вѣра принадлежитъ къ числу тѣхъ цѣльныхъ и глубоко-искреннихъ натуръ, въ которыхъ всякое чувство или движеніе душевное проникнуто необыкновенной жизненностью, свѣжестью, пылкостью,—и въ душевномъ обиходѣ которыхъ нѣтъ ни капли умственного яда, способнаго дѣйствовать на чувство охлаждающимъ и разлагающимъ образомъ. Поэтому, сколько ни объясняй Вѣрѣ, что такое рефлексія, она этого не *пойметъ*, т. е. не почувствуетъ. Но допустимъ, что разказчику удалось какъ-нибудь разъяснить ей это, а равно и то, что въ ней *этого* Мефистофеля нѣтъ. и стало быть, бояться его нечего,—спрашивается: какое значеніе имѣло-бы это разъясненіе для Вѣры. для дальнѣйшаго развитія совершающагося въ ней душевнаго процесса, для ея личнаго отношенія къ этому процессу? А вотъ какое.

Вѣра съ ужасомъ узнала-бы, что она гораздо ближе къ Гретхенъ, чѣмъ сама предполагала, что пропасть между ними вдругъ исчезаетъ. Вѣдь Гретхенъ также безъ рефлексіи. — а вѣдь, будь въ ея распоряженіи эта отравяющая чувствъ и страстей, она бы не была такая безпомощная, такая загипнотизированная; у нея была-бы нѣкоторая возможность борьбы и сопротивленія. Правда, у Вѣры есть умъ, воля, принципы, идеалы. а у Гретхенъ—ничего этого нѣтъ. Но она сейчасъ-бы почувствовала, что всѣ эти ея преимущества, и умъ, и воля, и принципы, и идеалы,

и даже образъ матери въ рѣшительную минуту могутъ оказаться безсильными въ борьбѣ съ ея чувствующей и страстной душою, пробуждающейся, послѣ долгой спячки, къ жизни тѣмъ болѣе кипучей, къ дѣятельности тѣмъ болѣе неустойчивой. Вотъ тутъ-то и была-бы неопѣнена помощь рефлексіи, — вотъ тутъ-то и сказалось-бы огромное преимущество—имѣть своего Мефистофеля, который со своей проницательностью, сарказмомъ, способностью ополчить, развѣнчать, даже со своимъ циническимъ хохотомъ,—былъ-бы тутъ какъ разъ кстати. И Вѣра искренно пожалѣла-бы объ отсутствіи *такого* Мефистофеля и поняла-бы роковую формулу своего душевнаго перерожденія: чѣмъ меньше Мефистофеля, какъ рефлексіи, тѣмъ больше Гретхенъ, какъ гипноза страсти,— Мефистофель и Гретхенъ обратно-пропорціональны.

Но Вѣра, какъ натура, которой совершенно чужда рефлексія, какъ «наивная и страстная» душа, неспособная выдѣлять разлагающіе яды Мефистофеля, такъ и осталась до конца въ невѣдѣніи своей безпомощности, своей обезоруженности въ этомъ отношеніи. Конечно, тутъ, кромѣ натуры, много виновато и нелѣпое воспитаніе Вѣры. Какъ-бы то ни было, но Вѣра, не сознавая, что Мефистофель могъ-бы быть ей полезенъ, въ смыслѣ рефлексіи, но къ сожалѣнію отсутствуетъ,—вскорѣ съ ужасомъ убѣдилась въ другомъ,— что у нея, какъ и у Гретхенъ, тотъ-же Мефистофель присутствуетъ самой опасной и отвратительной стороною своей— какъ чортъ, какъ искунитель.

Разъ она убѣдилась въ этомъ,—ей стало ясно, что дѣло зашло ужъ очень далеко, что ея душа быстро и неустойчиво стремится къ тому ужасному, роковому, стихійному, ирраціональному, что воплощено въ Гретхенъ.

Это приближеніе Вѣры къ Гретхенъ должно быть психологически понимаемо, какъ пробужденіе въ душѣ Вѣры, очень сложной, какъ-бы состоящей изъ напластованія нѣсколькихъ душъ,—той, которая глубоко была погребена въ самыхъ нѣдрахъ,—души ея бабки итальянки, этой Гретхенъ съ итальянской кровью въ жилахъ. Вспомнимъ здѣсь ея портретъ, описаніе котораго было приведено выше. Вспомнимъ также и замѣчаніе рассказчика, что «у Вѣры, несмотря на совершенное несходство очертаній, мелькаетъ иногда что-то похожее на эту улыбку, на этотъ взглядъ»... Но тутъ-же мы читаемъ слѣдующее: «Кстати! Ельцова, передъ свадьбой своей дочери, рассказала ей всю свою жизнь, смерть своей матери и т. д., вѣроятно, съ поучительною цѣлью. На Вѣру особенно подѣйствовало-то, что она услышала о дѣдѣ, объ этомъ таинственномъ Ладановѣ. Не отъ этого-ли она вѣритъ въ привидѣнія? Странно! сама она такая чистая и свѣтлая, а боится всего мрачнаго, подземнаго, и вѣритъ въ него»...

Такъ вотъ онъ—Мефистофель Вѣры. Посмотримъ-ка на него поближе: что онъ, кто—онъ и—was will er an dem heiligen Ort?

Прежде всего, въ противоположность гетевскому, онъ не смѣется, не хохочетъ, онъ не циниченъ, не сквернословитъ и не *буфонитъ. Онъ, очевидно, не только—не духъ рефлексіи (это мы уже знаемъ), но и не—духъ отрицанія вообще.

Вѣра, какъ мы знаемъ, была воспитана на естественныхъ наукахъ. Но это не было высшее научное—въ настоящемъ смыслѣ этого слова—образованіе, воспитывающее духъ человѣческой въ сознаниі законосообразности явленій, развивающее мысль строгой дисциплиной методовъ науки и на этой почвѣ вырабатывающее цѣльное, законченное міросозерцаніе. Вѣра не шла дальше элементарнаго описательнаго естествознанія. Тѣмъ не менѣе, и такое образованіе, при всей его недостаточности, элементарности, незаконченности, все-таки должно было дѣйствовать благотворно на живой, воспримчивый умъ Вѣры, но оно было безсильно противодѣйствовать нѣкоторымъ врожденнымъ наклонностямъ ея души, парализовать которыя (вмѣстѣ со страстями), повидимому, и хотѣла Ельцова путемъ принятой ею программы образованія. Эти наклонности были: суевѣріе, страхъ передъ таинственнымъ, «подземнымъ», адскимъ боязнью «тайныхъ силъ» жизни (какъ у матери), наконецъ прямо вѣра въ чорта, предрасположенность къ галлюцинаціямъ, принимаемымъ за дѣйствительныя «видѣнія», увѣренность въ возможность общенія съ умершими. Все это у Вѣры было наследственнымъ, оно шло отъ дѣда, Ладанова,—и, конечно, являлось душевнымъ началомъ въ высокой степени иррациональнымъ. Въ средніе вѣка такія вѣрованія и суевѣрія были, психологически говоря, рacionales, ибо логически вытекали изъ общаго міросозерцанія, находились въ согласіи съ умственнымъ достояніемъ эпохи и строемъ мысли людей того времени. Но въ настоящее время, когда этого соответствія уже нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ образованныхъ классахъ, когда всѣ эти суевѣрія находятся въ воиющемъ противорѣчій и съ общимъ міросозерцаніемъ, и съ развившимся на почвѣ научныхъ знаній и методовъ новымъ укладомъ умовъ,—эти въ своемъ родѣ рецидивы мысли должны быть признаны психологическимъ явленіемъ совершенно-иррациональнымъ и даже патологическимъ. Предрасположеніе къ такимъ рецидивамъ все еще сохраняется въ силу психологической наследственности, дѣйствующей въ данномъ случаѣ черезъ посредство *чувствъ*. Въ свое время всѣ вышеуказанныя вѣрованія и суевѣрія были связаны съ извѣстными, и очень сильными, чувствами, главнымъ образомъ—съ чувствомъ *страха* и еще съ другимъ, неяснымъ чувствомъ, въ которомъ совмѣщались особаго рода любопытство, влеченіе къ таинственному, жуткое ощущеніе близости этого таинственнаго, заманчивость дерзновенныхъ экскурсій въ эту область и т. п. (въ родѣ какъ у дѣтей, которыя и боятся войти въ темную комнату, и тинеть ихъ туда). Чувства консервативнѣе мысли: извѣстныя формы или

устои ея давно разложились и замѣнены новыми, а старыя чувства, рационально сочетавшіяся съ прежними, нынѣ упраздненными достояніями ума, продолжаютъ сохраняться, хотя бы въ скрытомъ видѣ, какъ предрасположеніе, какъ стихійная, унаслѣдованная наклонность души, и — оживая — сочетаются совсѣмъ ужъ иррационально съ новыми нормами мысли. Современный спиритизмъ и медиумизмъ представляетъ собою яркій примѣръ такого сочетанія.

У Вѣры этотъ порядокъ средневѣковыхъ чувствъ и идей составлялъ неотъемлемую часть ея унаслѣдованной души, убаюканной «трезвымъ» воспитаніемъ и монотонной жизнью, вдали отъ какихъ-бы то ни было сильныхъ впечатлѣній, — души, другую половину которой составляли спящія страсти. Стоило проснуться одной половинѣ, или хотя-бы одному элементу въ ней, и фатально — въ силу психологической ассоціаціи — должна была пробудиться и другая. Заговорила потребность любви, загорѣлась страсть, и ео ipso воскресли суевѣрные страхи, явились галлюцинаціи, — голоса и видѣнія. Но это пробужденіе, вѣроятно, не было бы такъ внезапно и фатально, если-бы оно совершилось безъ помощи того искусственнаго и очень сильнаго средства, которымъ послужило чтеніе гетевского «Фауста». Это чтеніе сразу перенесло воображеніе Вѣры въ родственную ей по духу средневѣковую сферу, въ пугающую и манищую сферу видѣній, духовъ, тайныхъ силъ, заклинаній, исчадіи ада. Первые сцены должны были вызвать въ ея памяти образъ дѣда, Ладанова, который занимался химіей и кабалистикой и вызывалъ духовъ. И въ другой «памяти» — унаслѣдованныхъ чувствъ не могли не воскреснуть до тѣхъ поръ спавшія ощущенія — страхъ, глубокое влеченіе къ таинственному и содроганіе передъ нимъ, ожиданіе, что «а вдругъ» явится духъ дѣда или матерн...» Все это, разумѣется, проходило въ душѣ пока въ видѣ смутныхъ предчувствій, неясныхъ и тревожныхъ ожиданій, невыясненныхъ опасеній. Но вотъ является на сцену Гретхенъ, и съ нею во внутреннемъ мірѣ Вѣры выступаютъ изъ мрака влеченія и стремленія, которыя кажутся ей въ одно и то-же время и чуждыми, и своими собственными, и новыми, невѣдомыми, и старыми, искони заложенными въ ея душу.

И въ душѣ Вѣры между этими двумя порядками представленій и чувствъ установилась тѣсная психологическая ассоціація. Таинственное, адское, «подземное» предстало ея сознанію въ союзѣ съ пробуждающимся чувствомъ — любви. Любовь явилась ей не какъ идеальное, мечтательное, чистое движеніе души, а въ видѣ адской силы, мрачной и гнетущей. И Вѣра знала, что не будетъ въ состояніи противостоятъ этой роковой силѣ, этому «дьявольскому навожденію».

Чтобы уяснить себѣ вытекавшее отсюда душевное состояніе Вѣры, нужно вспомнить, что не только натурамъ съ такими задатками и

субъективными предрасположеніями, какъ у Вѣры, но и людямъ съ умомъ трезвымъ и скептическимъ, не знающимъ субъективныхъ страховъ, любовь (т. е. состояніе страстной влюбленности) представляется какою-то роковою силою, слѣпою, темной, непонятной, дѣйствующей стихійно, передъ которою пасуетъ и воля, и разумъ. Въ такомъ представленіи еще нѣтъ ничего субъективнаго, но уже есть нѣкоторый проблескъ ирраціональнаго настроенія. Оно вполне законосообразно, ибо та любовь, которую мы здѣсь имѣемъ въ виду, есть чуть-ли не самое *ирраціональное* изъ всѣхъ чувствъ человѣческихъ: его корни глубоко лежатъ въ животной основѣ нашей природы, оно—въ своей простѣйшей психологической формѣ—уже было «до человѣка», его психологическая эволюція, его высшія проявленія до сихъ поръ ограничены и стѣснены закономъ біологическимъ. Вотъ именно сознаніе ирраціональности, стихійности этого чувства, его значенія—какъ общаго закона, его, такъ сказать, принудительности, неумолимости и вызываетъ въ насъ нѣкоторый страхъ по отношенію къ нему. А затѣмъ уже, смотря по человѣку, по складу его ума, по культурѣ его мысли, это отношеніе можетъ развиваться или преобразоваться въ разныхъ направленіяхъ: у одного оно перейдетъ въ тотъ рациональный, агностическій, уравновѣшенный, спокойный, свѣтлый мистицизмъ, который сопутствуетъ научному міропониманію, другой усмотритъ въ немъ какое-то загадочное начало; третій, не мудрствуя лукаво, найдетъ его источникъ въ небесахъ; четвертый, столь-же немудрствующій,—въ преисподней.

Для Вѣры оно было именно исчадіемъ ада, и у нея сильнѣе, чѣмъ у кого-либо, должно было сказаться ирраціональное отношеніе къ любви, доведенное до настоящаго субъективнаго, осложненное дѣтскими страхами и галлюцинаціями.

Эти осложненія убили въ ней *поэзію* любви, все то освѣжающее, возрождающее, свѣтлое, что несомнѣнно есть въ любви. Пусть въ своей основѣ любовь біологична, но вѣдь съ тѣмъ вмѣстѣ она — источникъ жизни и вѣчный, непримиримый и по своему могучій врагъ смерти, а въ человѣкѣ къ тому-же она давно переработана и облагорожена многовѣковой культурой мысли и чувства. Она давно уже *очеловѣчена*, она издревле одухотворена искусствомъ, просвѣтлена поэзіей и тѣмъ болѣе жизненнымъ и животворящимъ началомъ является она.

Для Вѣры она—начало *смертоносное*.

Вспомнимъ здѣсь сцену послѣдняго свиданія (Письмо 9-е).

Молча дошли мы до китайскаго домика, молча вошли въ него, и тутъ—*я до сихъ поръ не знаю, не могу понять, какъ это содѣлалось*—мы внезапно очутились въ объятіяхъ другъ-друга. *Какая-то невидимая сила бросила меня къ ней, ее—ко мнѣ*. При потухающемъ свѣтѣ дня, ея

лицо, съ закинутыми назадъ кудрями, мгновенно озарилось улыбкой самозабвенія и нѣги, и наши губы слились въ поцѣлуй...»

Ихъ вела какая-то сила, должно быть—адская, которой они не могли противиться, и шли молча, покорно, точно приговоренные или загнипнотизированные. Та-же сила бросила ихъ въ объятія другъ-другу. Это не они тутъ дѣйствуютъ, стремятся, хотятъ, любятъ. Это какой-то Мефистофель распоряжается ими, какъ пѣшками. Тотъ-же Мефистофель или та-же слѣпая сила дозволила имъ почувствовать на мгновение поэзію любви («улыбка самозабвенія и нѣги»), но съ тѣмъ, чтобы сейчасъ-же уничтожить эту поэзію, это очарованіе, грознымъ призракомъ смерти.

«Вѣра вдругъ вырвалась изъ моихъ рукъ и, съ выраженіемъ ужаса въ расширенныхъ глазахъ, отшатнулась назадъ...—Оглянитесь, сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ:—вы ничего не видите? Я быстро обернулся.—Ничего. А вы развѣ что-нибудь видите?—Теперь не вижу, а видѣла.—Кого? Что?—Мою мать, медленно проговорила она и затрепетала вся. Я тоже вздрогнулъ, словно холодомъ меня обдало. Мнѣ вдругъ стало жутко, какъ преступнику. Да развѣ я не былъ преступникомъ въ это мгновеніе?—Полноте... началъ я:—что вы это? Скажите мнѣ лучше...—Нѣтъ, ради Бога нѣтъ!—перебила она и схватила себя за голову.—Это сумасшествіе... Я съ ума схожу... Этимъ шутить нельзя—*это смерть...* Прощайте...»

Вѣра—прекрасная мать и жена. Но почему-же въ этой сценѣ она не вспомнила о своихъ дѣтяхъ,—если уже мысль о супругѣ, г-нѣ Примковѣ, по его совершенной незначительности, не могла въ эту горячую минуту шевельнуться въ ея сознаніи?

Вѣрѣ выпало на долю пережить душевную исторію дѣда и матери,—но только въ обратномъ порядкѣ: тѣ отъ страстей и бурь житейскихъ бросились въ противоположную крайность,—въ своего рода аскетизмъ,—фаустовское «*entbehren sollst du, sollst entbehren*»—стало ихъ лозунгомъ. И вотъ тутъ-то, на почвѣ этого самоотреченія, у нихъ расцвѣло новое чувство: страстная, неразумная, болѣзненно-исключительная любовь къ дѣтямъ,—вспомнимъ, какъ безумно любилъ Ладановъ свою дочь, какъ Ельцова всѣ помыслы свои и всю жизнь сузила на воспитаніи Вѣры.—У послѣдней такого страстнаго отношенія къ дѣтямъ нѣтъ — пока: оно несомнѣнно появилось-бы позже, если бы Вѣра не умерла, если бы ей пришлось испытать и пережить всѣ восторги и всю горечь страсти. Тогда у нея возникла-бы такая-же реакція, кака была у дѣда и матери: Вѣра, по ихъ примѣру, перешла-бы къ «отреченію» и вся сила ея глубокой и страстной души ушла-бы въ любовь къ дѣтямъ и въ культъ долга. Но Вѣрѣ не суждено было пережить кризисъ. Воспитанная какъ теплое растение, не предохраненная прививкою ядовъ жизни, связанная гипнотизирующей памятью матери, созданіе нѣжное и хрупкое,—

она пала жертвою *страха* передъ тѣми чувствами, которыя въ ней пробудились, тѣми галлюцинаціями, которыя она приняла за дѣйствительное явленіе матери съ того свѣта. Нервы и мозгъ не выдержали гнета этихъ психическихъ процессовъ.

Не безслѣдно прошла эта коллизія и для героя повѣсти. Онъ какъ-бы воспринялъ отъ Вѣры и ея предковъ ихъ мистическое настроеніе и, по ихъ стопамъ, приходитъ все къ тому-же «отреченію», въ которомъ усматриваетъ высшій законъ человѣчества. «Я сталъ не тотъ (пишетъ онъ въ послѣднемъ письмѣ), какимъ ты зналъ меня: я многому вѣрю теперь, чему не вѣрилъ прежде. Я все это время столько думалъ объ этой несчастной женщинѣ... объ ея происхожденіи, о тайной игрѣ судьбы, которую мы, слѣпые, величаемъ слѣпымъ случаемъ. *Кто знаетъ, сколько каждый, живущій на землѣ, оставляетъ сѣмянъ, которымъ суждено взойти только послѣ его смерти?* Кто скажетъ, какой таинственной цѣлью связана судьба человѣка съ судьбой его дѣтей, его потомства, и какъ отражаются на нихъ его стремленія, какъ взыскиваются съ нихъ его ошибки? Мы всѣ должны *смириться* и преклонить головы передъ невѣдомымъ». И далѣе: «одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь не шутка и не забава; жизнь даже не наслажденіе... *жизнь—тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное* — вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка: не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, *какъ-бы они возвышенны ни были,* — исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку: *не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ тѣпей дома,* не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща»...

Закончимъ вопросомъ: этотъ идеалъ, при послѣдовательномъ проведеніи, не возвратитъ-ли насъ къ среднимъ вѣкамъ, и не потеритъ-ли онъ то фіаско, на которое такъ хорошо указалъ Майковъ въ «Саванароллѣ»:

...Но умирая

И по слѣдамъ Твоимъ ступая,
Твой подвигъ сердцемъ возлюбя,
Христось, онъ *понялъ-ли Тебя?*
О, нѣтъ! Скорбящихъ утѣшая,
Ты чистыхъ радостей не гнаешь,
И Магдалину возрождая,
Дѣтей на жизнь благословляешь...

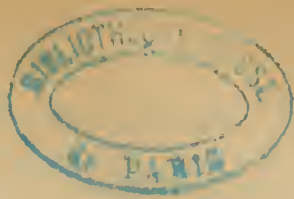
Ирраціональное въ человѣкѣ не можетъ быть обуздано никакими желѣзными цѣпями самоотреченія; оно должно быть облагорожено, просвѣтлено, очеловѣчено *раціональными* силами духа, — въ сферѣ ума — наукой и искусствомъ, въ сферѣ чувствъ и страстей — тою «нищетою» и «кро-

тостью» духа, о которыхъ говоритъ Евангеліе и источникъ которыхъ— въ сочувствіи всему живому, въ жалости и въ состраданіи. И если эти сокровища духа по преимуществу свойственны женщинамъ, то въ нихъ мы и будемъ искать «das Ewig-weibliche», идеаль Вѣчноженственнаго. Его высшее художественное воплощеніе дано Тургеневымъ въ образѣ Лизы, героини «Дворянскаго гнѣзда». Ей и будетъ посвященъ слѣдующій очеркъ.

Д. Овсянко-Куликовскій.

Избирательная реформа 1893 года въ Бельгіи.

I.

Бельгія представляетъ собою типъ государства-буфера. Она созданіе международной политики, нѣчто искусственно вставленное между государствами сильнѣйшими, на тотъ конецъ, чтобы они не могли сталкиваться, потому-что между ними обрѣтается крошка, по международнымъ трактатамъ безусловно нейтральная, а нарушающая эту нейтральность держава будетъ ответственна передъ всѣми другими гарантировавшими эту нейтральность. Въ первый разъ я посѣтилъ Брюссель и былъ въ палатѣ депутатовъ лѣтомъ 1859 г. Шла тогда война за освобоженіе Италіи; Пруссія и прирейнскія нѣмецкія государства мобилизировали свои войска, чтобы противодѣйствовать Франціи, Бельгія опасалась за себя, въ палатахъ обсуждался вопросъ объ укрѣпленіи Антверпена. Первымъ министромъ былъ Фреръ Орбанъ. Пренія шли вяло; чувствовалось, что какъ ни вооружайся Бельгія—ей учинять, если то окажется нужнымъ, насиліе, несмотря на ея нейтралитетъ и пройдуť сквозь ея территорію.

Вторично я былъ въ Брюссель 3 (15) октября 1883 г. Политическій горизонтъ былъ еще болѣе хмурень, Европа переживала бисмарковскую эпоху, имѣвшую девизомъ *Macht vor Recht*. Поговаривали о возможности присоединенія Голландіи къ Германіи, стремящейся къ морскимъ берегамъ. Несмотря на то, бельгійцы относились къ будущему съ благодушіемъ. Я былъ свидѣтелемъ великолѣпнѣйшей юридической идилліи. Крошка-государство соорудило громаднѣйшій почти что храмъ, но не Богу посвященный, почти что дворець, но не для короля. Выше онъ былъ въ два раза собора св. Гудулы въ Брюссель и занималъ пространство пообширнѣе площади храма св. Петра въ Римѣ, нѣчто въ родѣ исполинскихъ сооруженій ниневійскихъ или вавилонскихъ, стоившее 45 милліоновъ

франковъ, а на полное украшеніе его живописью и ваяніемъ требовалось-бы еще столько-же. Въ государствѣ безъ вѣроисповѣданія торжество открытіи могло быть только гражданское, со жрецами-юрстами. «Всѣ мои министры—бывшіе адвокаты», сказалъ король. Провозглашаемо было въ рѣчахъ, что *justitia regnorum fundamentum* и проповѣдуемо было, что изъ всѣхъ властей наивысшая есть судебная, какъ главный двигатель общественнаго организма. Первымъ министромъ былъ опять тотъ-же Фреръ Орбанъ, глава либераловъ-доктринеровъ, столь-же прямолинейный и неуступчивый, какъ нѣкогда Гизо. На обѣдѣ брюссельскаго барро я былъ посаженъ за почетнымъ столомъ, какъ представитель російской адвокатуры, возлѣ лица въ черной прокурорской мантии, вскорѣ потомъ смѣнившаго Фреръ Орбана, а именно Бэрнерта (Beernaert), одного изъ вожаковъ католической партіи, а наискось, у другого стола, сидѣлъ руководитель крайней палатской лѣвой стороны Жансонъ (Janson). Были опасенія, оказавшіяся напрасными, что республиканцы крайней оппозиціи съ Жансономъ во главѣ можетъ быть не подымутся, когда будетъ провозглашенъ тостъ за короля. Въ бесѣдѣ со мною Бэрнертъ объяснялъ, что какъ ни расходится онъ съ Жансономъ, а сблизился-бы онъ однако скорѣе съ нимъ, нежели съ Фреръ Орбаномъ. Бэрнертъ былъ демократъ и католикъ, а Фреръ Орбанъ былъ квинтъ-эссенція буржуазнаго либерализма.

Эти названныя мною три лица, сидяція за обѣдомъ, сдѣлались главными дѣятелями въ крупномъ фактѣ изъ области государственнаго права, въ передѣлкѣ бельгійской конституціи съ такимъ расширеніемъ круга избирателей, что оно дошло до всеобщаго голосованія, но только не простого, а *множественнаго* (suffrage universel plural), составляющаго въ настоящую минуту своего рода *уникатъ*. Жансонъ, въ тотъ моментъ, на который я указываю, потерпѣлъ 6 іюня 1883 г. неудачу съ своимъ предложеніемъ о перемятѣ въ конституціи для введенія всеобщаго голосованія. Предложеніе его было отвергнуто большинствомъ въ палатѣ, состоящимъ изъ либераловъ, предводительствуемыхъ Фреръ Орбаномъ, но либеральный кабинетъ долженъ былъ вскорѣ потомъ въ свою очередь провалиться при новыхъ выборахъ въ палату 10 іюня 1884 г., которые доставили католикамъ побѣду надъ либералами. Во главѣ управленія стало католическое министерство съ первымъ министромъ Малу (Malou), въ которомъ Бэрнертъ имѣлъ портфель земледѣлія, но вскорѣ затѣмъ при частичномъ обновленіи этого кабинета за выходомъ изъ него крайнихъ клерикаловъ Бэрнертъ выдвинулся впередъ и сдѣлался первымъ министромъ, съ портфелемъ финансовъ, какъ самый умный, разносторонне образованный и уступчивый изъ вожаковъ католической партіи. Я помню его слова ко мнѣ за обѣдомъ: «мы не боимся въ Бельгій социалістовъ, наше простонародіе сильно католично и расположено ко всевозможнымъ това-

риществамъ. У насъ каждый человѣкъ смолоду принадлежитъ къ какимъ-нибудь ассоціаціямъ. эта принадлежность есть родъ охранительнаго оспопрививанія, удерживающаго отъ социалистическихъ стачекъ и заговоровъ». Въ рѣшающей моментъ борьбы изъ-за избирательнаго права совершилось то, что предсказывалъ Бэрнертъ, либералы заупрямились. Бэрнертъ подаль руку Жансону и коренная реформа состоялась мирно, безъ революціи, реформа чреватая послѣдствіями, которыя еще и нынче далеко не опредѣлены. Постараюсь изложить ея послѣдовательный ходъ.

II.

Бельгія занимаетъ пространство въ 29,457 квадр. километровъ. Она въ 22½ раза меньше Австро-Венгрии, въ 18 разъ Германіи, въ 17½ Франціи, въ 11½ разъ меньше одной Пруссіи и въ 10 разъ Великобританіи. Она меньше даже Швейцаріи, занимающей 41 т. кв. километровъ. Она не имѣетъ никакихъ естественныхъ границъ, кромѣ коротенькой линіи поморья. Она состоитъ изъ средней части долины Мааса и низовьевъ Шельды. Оцѣнка могущества страны существенно измѣнится, если мы станемъ опредѣлять его не по пространству, но по необычайно густому ея населенію. Ея населенность (194 ч. на кв. километръ) превосходить таковую-же Великобританіи, если изъ нея не выдѣлять Шотландіи и Ирландіи (180 ч.), во Франціи эта населенность только 71, въ Австріи 58. По цифрѣ населенія Бельгія въ два раза меньше Швейцаріи (6.200,000 и 3 милліона), въ 5 разъ слабѣе Пруссіи (30 м.), въ 6 разъ Франціи (38 м.), въ 6½ разъ Великобританіи (39 м.), въ 7 разъ Австро-Венгрии (42 м.) и въ 8 только разъ совокупной Германіи. Весь край походитъ на одну колоссальную фабрику, земледѣліе имѣетъ второстепенное значеніе, аграрнаго вопроса нѣтъ, а есть только рабочій. Въ большихъ городскихъ центрахъ преобладаютъ роскошь, культура и французскій языкъ. Вамъ можетъ показаться, что вы находитесь въ одной изъ частей Парижа, но за городами, въ селеніяхъ, вамъ трудно будетъ пожалуй и объяснить. На югѣ Бельгіи населеніе *валлонское*, кельтскаго происхожденія, кто образованнѣе—тотъ усваиваетъ себѣ французскій языкъ; весь-же сѣверъ занятъ фламандцами, которые говорятъ нарѣчіемъ нѣмецкаго языка, выработали самостоятельную литературу и претендуютъ на то, чтобы даже и въ засѣданіяхъ палатъ можно было объясняться по-фламандски. Эти племенные свойства, вмѣстѣ съ привязанностью къ католицизму, произвели то, что хотя въ Брюсселѣ разыгрались первыя дѣйствія отложенія Нидерландовъ отъ Испаніи, но эти самыя «низовья» не отпали, остались при Испаніи, въ 1713 г. по утрехтскому миру переданы Австріи. Франція ихъ заняла въ 1795 г. Когда вѣнскій конгрессъ сталъ реставрировать бывшее, оттѣсня Францію до ея дореволюціонныхъ

предѣловъ, рѣшено было присоединить Бельгію къ Голландіи, чтобы поставить крѣпкій оплотъ съ сѣверо-восточной стороны противъ Франціи. Союзъ Бельгіи съ Голландіею былъ реальный, а не личный, подь одною конституціею, но при первой къ тому возможности Бельгія возмущилась, какъ только вспыхнула въ 1830 г. июльская революція въ Парижѣ. Борьба за независимость кончилась благопріятно для Бельгіи, благодаря вмѣшательству европейскихъ державъ и въ особенности вслѣдствіе заступничества за Бельгію Великобританіи. Предоставленная самой себѣ Бельгія, вѣроятно, образовала-бы республику; когда стало ясно, что она можетъ устроиться только какъ монархія, она предложила королевскую власть сыну Люи Филиппа, короля французовъ, герцогу Немурскому. Англія заставила сего послѣдняго отказаться и подь ея влияніемъ избранъ королемъ Леопольдъ I Саксенъ-Кобургскій. Еще до этого избранія собравшійся въ Брюсселѣ народный конгрессъ составилъ и утвердилъ довольно шаблонную по образцу всѣхъ того рода актовъ первой половины XIX вѣка конституцію отъ 7 февраля 1831 г., которая такъ и осталась неизмѣненною до 1890 года, такъ-что въ своемъ посланіи къ палатамъ въ 1892 г. король Леопольдъ II могъ выразиться о ней слѣдующимъ образомъ: «бельгійская конституція есть самая старѣйшая изъ дѣйствующихъ на материкѣ Европы, она доставила странѣ продолжительный рядъ годовъ мира и плодотворнаго развитія». Она была плутократическая, съ двумя палатами, избираемыми тѣми-же избирателями по непосредственнымъ выборамъ. По ея § 47 избирателями были совершеннолѣтніе граждане, имѣющіе податной цензъ, не свыше 100 гульденовъ прямыхъ податей, но не меньше 20 гульденовъ. Чѣмъ объяснить такое однообразіе ценза и такіе его предѣлы? Народный конгрессъ 1830 г. избранъ былъ и плательщиками податей и неплательщиками, но обладающими цензомъ образовательнымъ. § 47 конституціи предложенъ былъ анти-клерикаломъ Дефаксомъ (Defacqz) и клонился къ тому, чтобы не дать католицизму взять верхъ посредствомъ установленія чрезмѣрно высокаго ценза, который-бы сосредоточилъ избирательство въ тѣсномъ кругу немногихъ лицъ *). Таково назначеніе наивысшаго предѣла (100 г.); что-же касается до наинизшаго (20 г.), то авторъ предложенія хотѣлъ заручиться относительно того, что избиратели будутъ въ массѣ люди независимые, что бѣдные рабочіе въ составъ избирателей не войдутъ. Широкое разстояніе между крайними предѣлами установлено было на тотъ конецъ, чтобы доставить возможность разнообразить цензъ по мѣстностямъ, облегчать селенія, налечь на города. Особыми законоположеніями, изданными въ предѣлахъ конституціи, въ большихъ городахъ *maximum* понижено было отъ 80 до 50 гульденовъ, въ малыхъ городахъ и селе-

*) Leopold Arnaud, La révision belge. 1894. Bruxelles.

нѣхъ оно приближалось къ 20 гульденамъ. На 4 милліона тогдашняго населенія избирателей числилось 45,000. Когда въ 1848 г. революціонное движеніе охватило всю западную Европу, при чемъ и Бельгія могла заволноваться, король Леопольдъ I предложилъ палатамъ понизить повсемѣстно цензъ до наинизшаго предѣла (20 гульденовъ или 42 франка 32 сантима), вслѣдствіе чего число избирателей значительно увеличилось и въ концѣ 1850 г. съ 45,000 дошло до 78,000.

Конституція 1831 г. устанавливала двѣ палаты, избираемая тѣми-же избирателями посредствомъ того-же непосредственнаго, а не двустепеннаго голосованія, но на разное время и изъ лицъ, имѣющихъ разныя квалификаціи. Избираемыми въ палату депутатовъ могли быть бельгійцы совершеннолѣтніе, осѣдлые въ Бельгіи и неопороченные. Одинъ представитель приходится на каждыя 40 тысячъ населенія. Срокъ функционированія былъ 4-лѣтній, каждые 2 года мѣнялась посредствомъ выборовъ половина представителей. Сенаторы выбирались на 8 лѣтъ; половина ихъ выбывала каждые 4 года; сверхъ качествъ подданства и осѣдлости, отъ нихъ требовался возрастъ свыше 40 лѣтъ и цензъ не менѣе 1000 гульденовъ прямыхъ податей. Число сенаторовъ было въ половину меньше числа народныхъ представителей (1 на 80 тысячъ). Очевидно, что сенатъ по бельгійской конституціи являлся чѣмъ-то въ родѣ балласта для устойчивости законодательной власти, для того, чтобы законопроекты обсуждались два раза въ двухъ разныхъ собраніяхъ, но очевидно также, что самостоятельной роли сенатъ никогда не игралъ и не имѣлъ никакого почина въ законодательной дѣятельности, скорѣе-же дѣйствовалъ, какъ предохранительный тормозъ.

Пониженіе въ 1848 г. избирательнаго ценза до предѣла установленнаго конституціею не было вовсе уступкою передъ напоромъ общественнаго мнѣнія, но только мѣрою благоразумно предпринятою правительствомъ, чтобы не было напора, чтобы не потребовали въ Бельгіи той всеобщей подачи голосовъ, которая стала практиковаться во Франціи и въ Германіи. Далѣе того, что сдѣлано, нельзя было идти, не измѣняя конституціи, не подвергая пересмотру статей ея, согласно § 131 конституціи. По § 25 законодательная власть принадлежитъ совмѣстно королю и палатамъ. По § 131 законодательная власть въ совокупности всѣхъ трехъ ея факторовъ, можетъ объявить, что такая-то статья конституціи подлежитъ пересмотру (*il y a lieu à la révision*). Тогда существующія палаты распускаются въ силу самаго закона, а избираются новыя, которыя приступаютъ къ пересмотру указанныхъ прежними палатами статей и обсуждаютъ измѣненія, но только при наличности $\frac{2}{3}$ полного своего состава и не иначе ихъ рѣшаютъ, какъ по большинству $\frac{2}{3}$ наличныхъ голосовъ.

Въ 1848 г. теченіе общественнаго мнѣнія въ пользу всеобщаго го-

лосованія было слабое. Оно росло со временемъ и увлекало не только немногочисленныя социалистически настроенныя группы, получающія приказы изъ Лондона или изъ Женева отъ интернаціоналки, но и многія рабочія товарищества, коими полна Бельгія, потому что и конституція ихъ не запрещаетъ и въ цѣломъ народѣ силенъ духъ общинный § 47 конституціи игралъ роль мишени, въ которую стрѣляли; противъ него направлены были и усилія радикальнаго отѣнка либеральной партіи въ палатѣ представителей (Janson, Graux, Picard). Въ манифестѣ рабочихъ 1866 г. содержались слѣдующія слова: «мы желаемъ больше всего отмены ценза» (имущественнаго). Предлагаемо было нѣчто среднее между существующимъ и всеобщимъ голосованіемъ: допущеніе всѣхъ имѣющихъ цензъ не имущественный, но образовательный. «Подчиняясь условію читать и писать, сказано было въ манифестѣ, мы даемъ ручательство въ нашей умѣренности тѣмъ, которые видятъ въ насъ людей необузданныхъ» (des esprits sans mesure). На первыхъ порахъ до ревизіи конституціи не дошли, движеніе направилось на предметъ осуществимый и безъ пересмотра конституціи, а именно на выборы въ совѣты областныя и общинныя, о которыхъ въ § 108 конституціи сказано: «les institutions provinciales et communales sont réglées par les lois». Движеніе обнаружилось отчасти въ попыткахъ понизить имущественный цензъ, примѣнявшійся одинаково какъ къ палатамъ, такъ и къ областнымъ и общиннымъ совѣтамъ, съ другой стороны въ томъ, что предложено на ряду съ имущественнымъ цензомъ внести образовательный для людей, получившихъ хотя бы элементарное образованіе. Кончилось послѣ многихъ колебаній изданіемъ закона 12 іюля 1871 г., который не внесъ образовательнаго ценза, но понизилъ податной до 20 франковъ для избирателей областныхъ совѣтовъ и до 10 франковъ податей для общинныхъ. Фрееръ Орбанъ возился съ мыслию допущенія «des électeurs capacitaires» совместно съ «sensitaires», но его кабинетъ палъ и власть досталась сначала въ руки Малу и Вёсте, а потомъ въ руки Бэрнерга.

Затѣмъ прошло еще нѣсколько лѣтъ въ жестокой борьбѣ между обѣими партіями по вопросу о *народной школѣ*. Либеральный кабинетъ устроилъ въ 1879 г. народныя школы по-своему. Школа была государственная, на счетъ казны, безысповѣдная съ необязательнымъ преподаваніемъ Закона Божія для однихъ желающихъ. Разница между этою организациею и тою, которая возникла по клерикальному закону 1884 г., заключалась только въ томъ, что содержаніе школъ съ казны и государства перенесено на общины, которымъ предоставлено либо самимъ содержать элементарныя училища, либо довольствоваться даровыми школами, устраиваемыми католическимъ духовенствомъ съ преподавателями преимущественно духовными лицами обоюдо иола. Изъ экономіи большею частью общины предпочитали послѣднее, въ большихъ лишь городахъ была оппо-

зиція противъ школъ съ религіознымъ направлениемъ. Переворотъ былъ весьма чувствительный. Изъ 1933 прежнихъ общинныхъ училищъ 877 закрыты, убыло 45,000 свѣтскихъ учителей, зато открыто 1465 даровыхъ училищъ съ преподавателями большею частью монахами и монашенками. Сильное неудовольствіе въ городахъ по поводу школъ совпало съ рабочимъ движениемъ, съ забастовками, съ социалистическими конгрессами, на которыхъ всеобщее голосованіе становилось народнымъ кличемъ. Въ движеніи приняла участіе либеральная Франція либеральнаго лагеря съ Жансономъ во главѣ, который, потерпѣвъ неудачу въ 1883 г., возобновилъ опять свое предложеніе въ палатѣ въ 1887 г. о пересмотрѣ конституціи для реформы избирательнаго права. Движеніе приняло видъ коалиціи между радикалами и социалистами. Католическое большинство относилось далеко не столь враждебно къ этой коалиціи, какъ узкіе либералы доктринеры. Министерство почувствовало подъ собою колебаніе почвы. Среди громаднхъ манифестацій въ Брюсселѣ въ пользу пересмотра конституціи слышались крики: да здравствуетъ республика! Потерпѣвшій вторично неудачу Жансонъ еще разъ внесъ свое предложеніе 27-го ноября 1890 года. Тогда первый министръ Бэрнертъ сдѣлалъ крутой поворотъ, и перемѣнивъ тактику, объявилъ неожиданно, что правительство согласно на пересмотръ. Пренія въ палатѣ длились всего два часа и рѣшено единогласно 118 голосами пересмотрѣть § 47 о народномъ избирательствѣ и статьи о сенатѣ.—«Вы согласились по расчету, сказали обращаясь къ Бэрнерту Фреръ Орбанъ, съ тѣмъ, чтобы провалить затѣмъ это же предложеніе». — Бэрнертъ отвѣтилъ: «между нами та разница, что вы—лѣвая сторона—отвергли предложеніе лѣвой же стороны, а я предлагаю членамъ правой стороны пойти на предложеніе, исходящее отъ лѣвой стороны». Кости были такимъ образомъ брошены и Бельгія вступила въ ревизіонный періодъ длившійся три года (1890—1893).

III.

Если бы была правда въ томъ, въ чемъ подозрѣвалъ Фреръ Орбанъ своего противника, то Бэрнертъ могъ бы достигнуть приписываемой ему цѣли ничего не дѣлая, просто бездѣйствуя. Консервативная католическая партія вообще тяжела на подъемъ и вовсе не сочувствовала пересмотру конституціи. Она была увлечена Бэрнертомъ, подавшимъ голосъ за пересмотръ по несомнѣнному соизволенію на то самого короля. 27 ноября 1890 г. вопросъ разрѣшенъ былъ только въ одной палатѣ въ принципѣ. По регламенту палаты, предложенія поступаютъ на обсужденіе во всѣ секціи (во Франціи онѣ называются *vingeaux*), между которыми распредѣлены по жребію депутаты. По регламенту бельгійской палаты послѣ голосованія въ 6 палатскихъ секціяхъ предложеніе должно было еще по-

ступить въ седьмую—центральную, состоящую изъ 6 бывшихъ его докладчиковъ въ 6 секціяхъ. При обсужденіи вопроса въ секціяхъ обѣ главныя партіи имѣли видъ лишь спорящихъ у порога дверей о томъ, кому послѣднему войти:—Вы большинство, скажите какъ вы намѣрены измѣнить конституцію?—Нѣтъ, не отъ насъ вышло предложеніе, объясните чего вы желаете.—Если сосчитать голоса въ секціяхъ, то 17 человекъ воздержались отъ голосованія, 36 голосовъ подано за пересмотръ, 51 противъ пересмотра, значитъ принятое въ палатѣ предложеніе провалилось въ секціяхъ, что произвело самое удручающее впечатлѣніе. Можно было предвидѣть, что послѣдуютъ серьезныя осложненія и смуты. Центральная секція успѣшила наладить испорченное дѣло и единогласно признала необходимость установить прежде всего въ принципѣ, въ чемъ должно состоять преобразование системы выборовъ; она предложила кабинету объявить, какіе его виды по этому вопросу.

Бэрнертъ отвѣтилъ запискою, въ которой изложилъ не самую схему реформы, но только общій очеркъ своихъ весьма разнообразныхъ и далеко идущихъ преобразованій, которыя только отчасти осуществились впоследствии: *возрастъ* избирателей 25 лѣтъ; *цензъ*—*владѣніе* либо на правѣ собственности, либо на арендномъ извѣстномъ жилымъ помѣщеніемъ (задушевное желаніе сельскихъ землевладѣльцевъ, прямо противное интересамъ горожанъ), либо *образованіе*, удостоверяемое дипломомъ (по крайней мѣрѣ среднее). Сверхъ того, онъ предлагалъ преобразование сената съ обоснованіемъ его не на началѣ чисто-территоріальномъ, а на иномъ; притомъ и преобразование самой системы представительства, такъ называемое представительство *пропорціональное*, въ которомъ бы не пропадали многочисленные, но разбросанныя меньшинства. Наконецъ, въ программу Бэрнерта входила величайшая новость, практикуемая нынѣ только въ одной Швейцаріи, но могущая имѣть широкое примѣненіе и въ монархическихъ странахъ: королевское «referendum», передача вопроса по волѣ короля на плебисцитъ, на народное голосованіе.

Центральная секція высказалась единогласно за пересмотръ, но постановила предварительно подвергнуть его самому широкому обсужденію въ засѣданіи всей палаты (pour obtenir un accord suffisant sur la formule constitutionnelle nouvelle en ce qui concerne les bases de l'électorat). Она по предложенію Фреръ Орбана выразила желаніе, чтобы правительство выработало цѣлый планъ избирательства, начиная съ выборовъ общинныхъ и областныхъ. Бэрнертъ не далъ себя поймать на эту удочку. Пошла бы возня съ закономъ о выборахъ общинныхъ и областныхъ, не хватило бы времени на обсужденіе выборовъ въ народное представительство. Палатамъ пришлось, не осложняя такимъ образомъ своей задачи, опредѣлить статьи конституціи, подлежащія пересмотру въ новыхъ учредительныхъ палатахъ. Одно изъ предложеній Бэрнерта было тутъ же

снято съ очереди, какъ несвоевременное и едва-ли могущее привлечь къ себѣ $\frac{2}{3}$ голосовъ въ будущей палатѣ, а именно предложеніе о королевскомъ референдумѣ. Кабинетъ отказался отъ него, не желая ставить короля въ неловкое положеніе. Еще при началѣ преній по статьямъ, подлежащимъ пересмотру въ старой палатѣ, кабинетъ бросилъ такъ сказать на вѣсы одобрительное для пересмотра мнѣніе третьяго фактора законодательной власти—самого короля, удостовѣренное подписью короля и всѣхъ министровъ. Палаты въ іюнѣ 1892 г. были распущены, въ іюлѣ 1892 г. состоялись новые выборы, при чемъ численное отношеніе партій не измѣнилось. Избраны 93 консерватора (почти всѣ католики) и 59 либераловъ всѣхъ отгѣнковъ, съ радикалами включительно (всего 152 человекъ); въ сенатѣ отношенія партій опредѣлялись числами 49 и 30 (всего 79). Новыя палаты имѣющія характеръ учредительныхъ собраній отсрочили свои засѣданія до поздней осени, принявъ только при первомъ своемъ сборѣ предложенный Бэрнертомъ такой регламентъ, специально предназначенный для занятій по пересмотру конституціи, что въ каждой изъ палатъ выбраны будутъ 20 членныя комиссіи (въ обѣихъ по 12 католиковъ и по 8 либераловъ), которыя съ присоединеніемъ къ нимъ обоихъ председателей палатъ (значитъ всего 42 человекъ) разберутъ сначала всѣ проекты касающіеся пересмотра, будутъ ихъ перерабатывать и послѣ такой переработки докладывать палатамъ. Ни одно предложеніе не могло миновать комиссій и быть внесено непосредственно въ палаты.

IV.

Настоящія работы по пересмотру конституціи начались только 8 ноября 1892 г.—Ходъ работъ имѣлъ видъ упорной и страстной борьбы трехъ группъ въ палатахъ: католической съ Бэрнертомъ во главѣ, либерально-доктринерской съ Фреръ Орбаномъ и радикальной съ Жансономъ. Консерваторы-католики составляли несомнѣнное большинство, но не подавляющее, то-есть не доходящее до $\frac{2}{3}$ голосовъ. Они далеко не сочувствовали всеобщему голосованію, котораго вовсе не поддерживали сплошныя массы населенія. Кабинетъ былъ далекъ отъ мысли о весьма широкой реформѣ, его желанія не шли дальше распространенія избирательства на какихъ-нибудь 600,000 вмѣсто 133,000. изображавшихъ то, что называемо было въ Франціи при іюльской монархіи *pays légal*. Не будь умѣренные либералы-постепеновцы такіе несговорчивые люди, кабинетъ сошелся-бы съ ними и дѣло было-бы слажено посредствомъ дешеваго и для обѣихъ группъ выгоднаго компромисса. Но умѣренные либералы оказались до того сухими, неподатливыми и упрямыми доктринерами, что кабинетъ и большинство были принуждены соединиться по необходимости съ радикалами, то-есть удесятить число прежнихъ

избирателей и принять въ концѣ концовъ непріятное для себя всеобщее голосованіе, не простое, однако, а модифицированное, такъ называемое множественное (*suffrage universel plural*), такъ что въ сущности настоящимъ побѣдителемъ изъ всей этой борьбы вышелъ Жансонъ, человѣкъ созданный не для властвованія, а для оппозиціи, теоретикъ въ политикѣ и республиканецъ по убѣжденіямъ. Когда, однако, этотъ республиканецъ по ходу борьбы увидѣлъ, что въ нее вступился лично самъ король и что король существенно содѣйствовалъ правому, по убѣжденіямъ Жансона, демократическому дѣлу, то онъ перемѣнилъ свои политическія вѣрованія, изъ республиканца сталъ монархистомъ, и въ рѣчи 14 марта 1883 г. въ палатѣ произнесъ слѣдующія слова: «Мы были свидѣтелями событія, которое сильно повліяло на мою рѣшимость отказаться отъ республиканской политики. Мы услышали короля, отстаивающаго свободу бельгійскаго народа и провозглашающаго необходимость увеличенія ея словами столь возвышенными и убѣдительными, что я не могу не сказать: въ этой оградѣ никто его не превзошелъ».

Фреръ Орбанъ—прямая противоположность Жансону. Онъ проигралъ дѣло, которое несъ на своихъ плечахъ съ 1846 г., и проигралъ притомъ по своей винѣ, по своему педантству, упрямству и парламентскому рутинерству. Его можно-бы сравнить съ лѣкаремъ, который озабоченъ не тѣмъ, чтобы больной не умеръ, но тѣмъ, чтобы больной умеръ по всемъ правиламъ медицины, или съ тѣми австрійскими генералами въ Италіи, которые презирали Бонапарта за образъ его дѣйствованія не по установившимся правиламъ стратегіи или тактики. — Фреръ Орбанъ не сторонился отъ реформы, но онъ ее предопредѣлилъ неуклонно и неизмѣнно по собственному личному опыту и въ одномъ только направленіи: всѣ выборы, начиная съ общинныхъ, должны быть по одной системѣ, по малому податному цензу (10 или даже 5 франковъ прямыхъ податей) и рядомъ съ нимъ по образовательному, хотя-бы не превосходящему элементарнаго образованія. Но онъ не могъ простить Бэрнерту его пріемовъ, его неметодичности. «Такъ какъ вы большинство, говорилъ онъ,—то, согласившись на пересмотръ, вы обязаны были преподавать планъ ея, а затѣмъ наставлять и поучать». Въ своей брошюрѣ *De la révision constitutionnelle en Belgique* онъ ставитъ Бэрнерту слѣдующіе упреки: будучи противникомъ всеобщаго голосованія, вы пошли на реформу безъ всякаго плана, не зная куда зайдете, попросту на-авось. Виѣ обычнаго парламентарскаго порядка вы создали особыя комиссіи для добычи искомаго золотого руна и кликнули кличъ, на который отозвались безчисленные Язвы, каждый со своимъ особымъ предложеніемъ. Началась парламентарская свистопляска (*sarabande parlementaire*). Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ мы уподоблялись тѣмъ людямъ въ Энеидѣ, которые *ibant obscuri sola sub nocte per umbram*. Потомъ, въ минуту усталости, въ виду народнаго

уличнаго мятежа, вы смастерили наскоро то множественное голосованіе, которое есть ничто иное, какъ всеобщее голосованіе перенаряженное. Законъ этотъ вотированъ палатами противъ ихъ воли; потомъ онъ поднесенъ къ подписанію и навязанъ королю. Идя наугадъ со своею отставкою въ рукахъ, кабинетъ прижалъ большинство палатъ къ стѣнѣ и, отрекаясь отъ своихъ консервативныхъ началъ, устроилъ хилой сенатъ (*senat débile*); противопоставилъ монархію съ глазу на глазъ со всеобщимъ голосованіемъ.

Большинство этихъ нареканій свидѣлствуетъ только о безнелной злобѣ и не можетъ умалить заслугъ и значенія противника. безъ котораго и не состоялся-бы пересмотръ конституціи. Этотъ пересмотръ не вполнѣ соотвѣтствуетъ, конечно, идеямъ и программѣ Бэрнерта, тѣмъ не менѣе ему, а не Фреръ Орбану, приличествуетъ названіе настоящаго государственнаго человѣка. Оказалось, что онъ и есть требуемый минутою человѣкъ, проникательный и гибкій, способный, быстро оцѣнивъ потребности и настроеніе момента, устраивать тѣ основныя государственныя соглашенія между группами, на которыхъ все держится въ представительныхъ правительствахъ, потому что и сама жизнь ихъ состоитъ изъ непрерывнаго ряда такихъ болѣе или менѣе благополучно улаживаемыхъ компромиссовъ.

Хотя Бэрнертъ католикъ, а католики въ Бельгіи вообще консерваторы, но у него были всегда по избирательству своеобразныя идеи, сближающія его съ радикалами и опережающія современность. Одна изъ такихъ идей прошла и завесена въ § 48 пересмотрѣнной конституціи, а именно *обязательность* избирательства для всѣхъ бельгійцевъ (*le vote est obligatoire*). Была другая, а именно *возрастъ* 25 лѣтъ. Была и третья, которая вошла въ § 52 *bis*, а именно: *годовое содержаніе* для депутата въ 4,000 франковъ, вмѣсто бывшаго въ 200 гульденовъ помѣсячно въ теченіе періода засѣданій. Совмѣстно съ радикалами Бэрнертъ долго возился съ идеею референдума, то-есть съ перенесеніемъ въ крайне демократическомъ духѣ центра тяжести государства съ парламента въ самъ народъ, въ видѣ апелляціи отъ короля къ народу. Бэрнертъ мечталъ и о преобразованіи сената, о томъ, чтобы сдѣлать сенатъ не двойникомъ палаты депутатовъ, но представителемъ разныхъ крупныхъ интересовъ по областямъ, состояніямъ или занятіямъ. На осуществленіе такой задачи не хватило силъ и времени въ палатахъ, такъ что отъ этой реформы пришлось отказаться. Наконецъ у Бэрнерта была еще болѣе широкая затѣя, надъ которою работали сильныя умы современные (напримѣръ Джонъ Стюартъ Милль), мысль о такъ называемомъ пропорціональномъ представительствѣ. Нынѣ выборы производятся по округамъ, на которые дѣлится область. О выборѣ рѣшаетъ численное большинство голосующихъ въ округѣ, какимъ-бы малымъ количествомъ оно ни превозмгло. Мень-

шинство голосовъ совѣмъ пропадаетъ, хотя-бы оно имѣлось во всѣхъ округахъ. Допустимъ, что въ каждомъ округѣ ему принадлежать $\frac{1}{2}$ голосовъ, но въ палатѣ оно не получитъ ни одного представителя, хотя несомнѣнно полезно-бы было, чтобы палата представляла собою весь народъ въ сокращеніи. Уже при самой выборкѣ статей, подлежащихъ пересмотру, сказалось нежеланіе палаты мѣнять систему выборовъ по округамъ и пускаться на нововведенія, коль скоро можно ихъ избѣгнуть. Въ учредительныхъ палатахъ предложенія о пропорціональномъ представительствѣ отклонены, но подъ тѣмъ предлогомъ, что перемѣна способа выборовъ по округамъ на другую систему можетъ послѣдовать обыкновеннымъ законодательнымъ порядкомъ, не задѣвая конституціи. Когда потомъ пришлось рѣшать этотъ вопросъ обыкновеннымъ законодательнымъ порядкомъ предложеніе о пропорціональномъ представительствѣ было забаллотировано, вслѣдствіе чего предлагавшій эту реформу Бэрнертъ отказался отъ портфеля и подалъ въ отставку, а мѣсто его занялъ теперешній первый министръ Бюрле (de Burlet). Обозрѣвъ почву, на которой долженъ былъ совершаться пересмотръ, и намѣтивъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, перейдемъ къ главному и рѣшающему дѣйствию, къ преніямъ палаты по пересмотру конституціи.

V.

Посланіе короля къ учредительнымъ палатамъ склоняло ихъ къ единодушію и предваряло, что въ этомъ духѣ будутъ сдѣланы предложенія правительственныя. Сразу опредѣлилось, что изъ двухъ 21 членныхъ приготовительныхъ парламентскихъ комиссій дѣйствуетъ только одна—депутатская, потому что сенатская, сообразуясь съ второстепенною ролью сената, пожелала оставаться въ сторонѣ и взялась обсуждать только то, что разсмотрѣно и принято палатою представителей. Въ комиссіи депутатской въ теченіе двухъ мѣсяцевъ происходило, такъ сказать, бесплодное толченіе воды. Предлагавшіе проекты измѣненій упрямо и безъ предьявленія доказательствъ отстаивали свое, приберегая сильнѣйшіе доводы и средства для окончательныхъ преній въ палатѣ депутатовъ.

Группа, главою которой былъ Фреръ Орбанъ, держала себя неподвижно; онъ самъ преслѣдовалъ упорно свою мысль: связать вопросъ избирательства палатскій съ вопросомъ избирательства общиннаго и областного по программѣ, которую онъ проводилъ во всю свою политическую жизнь. Отъ Фреръ Орбана отдѣлился прежній министръ финансовъ въ его кабинетѣ Грѣ (Graux), который сознавая, что почва колеблется, что интересы крупнаго землевладѣнія и вѣроисповѣдныя могутъ взять верхъ надъ либерализмомъ и демократическими идеями, сдѣлалъ сильный скачекъ влѣво и почти примкнулъ къ крайнимъ радикаламъ. Онъ на-

прямикъ предложилъ всеобщее голосованіе, за устраненіемъ отъ избирательства: 1) безграмотныхъ и 2) немущихъ, получающихъ пособія отъ общественныхъ установленій или отъ обществъ частной благотворительности. Это предложеніе было отвергнуто не потому, что оно было радикальное, но потому, что съ его осуществленіемъ сопряжены были большія затрудненія. Гро предлагалъ, чтобы всякій, не имѣющій образовательнаго диплома чловѣкъ, являющійся къ голосованію, удостовѣрялъ свое знаніе грамоты написаніемъ требованія о допущеніи къ голосованію при должностномъ лицѣ и свидѣтеляхъ. Что касается до немущихъ лицъ, то, подъ страхомъ уголовныхъ наказаній за ложь, они должны были-бы давать подписки, что въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ не получали денежныхъ вспомоствованій.

Большинство въ палатѣ отвергало и эту систему и всякую, вообще, систему податного ценза. Мотивомъ рѣшительнаго бракованія податного ценза служилъ горькій опытъ послѣднихъ лѣтъ, когда, при смѣнахъ партій, въ кабинетѣ проектировались часто усиленіе или уменьшеніе податей съ цѣлью увеличенія или уменьшенія числа избирателей того или другаго сорта, напимѣръ горожанъ или сельчанъ. За податной цензъ всегда стояли городская буржуазія и либералы; понятно, что католики и землевладѣльцы ратовали за другія основанія и начала, за выдвигающія впередъ сельскихъ жителей и отодвигающія горожанъ на задній планъ. Таковы были излюбленные католическою партіею системы *дифференцированнаго жилья* (*habitation differentielle*) и, такъ называемой, *оккупации* или обработки почвы.

Весьма понятно основаніе *жилья*: домовитость, осѣдлость, провѣряемая по государственному кадастру. Избирателями могутъ быть одинаково и домовладѣльцы и наниматели чужихъ домовъ, снимающіе ихъ въ наемъ, цѣлкомъ или нанимающіе въ нихъ за плату отдѣльные помѣщенія. Стоимость найма домовъ и помѣщеній сильно зависитъ отъ болѣе или менѣе плотнаго скученія населенія въ извѣстныхъ пунктахъ; при чемъ можно дѣлить сельскія и городскія общины на имѣющія до 5 тысячъ, отъ 5 до 20, свыше 20 т. жителей: въ первыхъ допускать къ избирательству платящихъ до 40, во вторыхъ до 60, въ третьихъ до 80 и такъ дальше франковъ. Такова была основная идея бельгійскаго правительственнаго проекта, но при этой системѣ число избирателей мало-бы увеличилось. Не въ счетъ-бы пошли крошечныя избы, дома пустующіе, дома, принадлежащія женщинамъ, несовершеннолѣтнимъ, иностранцамъ, занятые магазинами и складами. Не были-бы избирателями промышленники и люди, работающіе по патентамъ. Бэрвертъ предлагалъ включить, такъ называемыхъ *capacitaires*: 1) людей, получившихъ, по крайней мѣрѣ, среднее образованіе или 2) такихъ, которые-бы по достиженіи совершеннолѣтія выдержали испытаніе въ знаніи читать, писать и считать. Система *жилья*

не удовлетворила большинства. И въ комиссіи, и въ палатѣ предлагаемо было многими установить избирательство на совокупномъ основаніи жилья и занятія хлѣбопашествомъ. Положимъ, что крестьянинъ имѣеть жилье въ избѣ, которой наемъ опредѣляется въ 15 фр., но онъ обрабатываетъ участокъ земли, котораго аренда опредѣляется, напримѣръ, въ 40 фр. Такимъ жильцамъ - землепашцамъ предлагаемо было многими избирательство. Либеральная партія возстала повально противъ самой идеи такой *оккупации*, по тому соображенію, что такимъ избирателямъ-съемщикамъ земель у церквей, монастырей и помѣщиковъ, недостаетъ необходимаго условія для избирательства, а именно—личной независимости отъ своихъ патроновъ, гражданской самостоятельности. Они пойдутъ вотировать по командѣ, подъ руководствомъ управляющихъ имѣніями и приказчиковъ. Депутатская комиссія отвергла идею оккупации и примкнула къ правительственному проекту.

Сторонниковъ всеобщаго голосованія оказалось весьма немного. Сторонникомъ простаго неорганизованнаго, какимъ оно проектируется во Франціи, никто себя не заявлялъ въ палатѣ. Можно было, однако, предвидѣть, что, испробовавъ всѣ виды компромиссовъ, многіе изъ его противниковъ примкнутъ въ концѣ-концовъ къ всеобщему голосованію, дифференцированному, то-есть съ примѣсю разныхъ привходящихъ элементовъ. Были уже нѣкоторыя указанія на подобный исходъ борьбы, съ одной стороны проектъ либерала Гро, который нами указанъ, съ другой—предложеніе, исходящее отъ весьма извѣстнаго католика Нотомба, клонящееся къ всеобщему голосованію съ повышеніемъ только условія возраста для избирателей съ 21 года на 25 лѣтъ.

Пока палата еще бездѣйствовала, а только комиссія работала съ успешнымъ напряженіемъ и малымъ успѣхомъ, радикальная лѣвая группа устроила большую манифестацію; она постаралась добыть по избирательному вопросу своего рода народный *референдумъ* и надѣялась заставить высказаться такимъ образомъ народное мнѣніе. Эта агитація ведена была въ чисто бельгійскомъ духѣ; она была-бы прямо невозможна въ странѣ безъ полной свободы сходокъ и ассоціацій. Либеральный союзъ въ Брюсселѣ рѣшилъ, при содѣйствіи общинныхъ властей, собрать голоса въ публикѣ по всѣмъ, имѣвшимся въ то время въ наличности, законопроектамъ Жансона, Нотомба, Гро, Фреръ Орбана (*caracitariat*), дифференціального жилья и оккупации. Въ Брюсселѣ городской совѣтъ отказалъ союзу въ своемъ содѣйствіи (бургомистръ Бульсъ), правительство приняло также мѣры, мѣшающія вмѣшательству общинныхъ совѣтовъ въ собраніи подписей. Тѣмъ не менѣе, подписи собирались на сходбищахъ, на площадяхъ, въ кофейняхъ и трактирахъ, въ частныхъ домахъ. Въ одинъ день въ Брюсселѣ собрано 60,000 голосовъ изъ числа 110,000 лицъ намѣченныхъ, которыхъ предполагалось опросить. Изъ этихъ 60

тысячъ 50, т. высказались за предложеніе Жансона, 7 тыс. за предложеніе Нотомба, остальные раздѣлились между другими проектами. Предсѣдатель либеральнаго союза представился во дворцѣ королю въ качествѣ простаго гражданина и поднесъ ему списки съ подписями.

VI.

28-го февраля 1893 г. открылись пренія въ палатахъ по избирательному вопросу, длившіяся два мѣсяца—до 18-го апрѣля и занимающія 400 страницъ въ большой листъ въ *Annales parlementaires belges*. Открыты были эти пренія рѣчью Бэрнера. Была минута, когда казалось возможнымъ соглашеніе между католиками и либеральнымъ лагеремъ на такомъ основаніи, чтобы предоставить по одному голосу 25-лѣтнимъ избирателямъ, получившимъ хотя-бы элементарное образованіе, и по два голоса, владѣльцамъ или нанимателямъ помѣщеній, превышающихъ минимальную норму. Переговоры были прерваны, потому что Фреръ Орбанъ узналъ, что министерство сноситея и съ радикалами, и произнесъ рѣчь, отвергающую всякое соглашеніе, относительно которой высказались почти всѣ газеты, что маститый ораторъ нанесъ ею смертельный ударъ своей же партіи, что онъ убилъ то парламентское доктринерство, котораго онъ былъ полюбѣйшимъ выраженіемъ. Моментъ разрыва былъ въ самомъ дѣлѣ критическій для кабинета. Министерство не знало, какъ отнестись къ проекту радикала Ферона, предлагавшаго даже по одному голосу 25-лѣтнимъ и еще сверхъ того по одному отцамъ семействъ. Подходила Пасха, глухое недовольство господствовало въ массахъ, были признаки начинающагося рабочаго движенія, на улицахъ Брюсселя приходилось укрощать беспорядки. Тотчасъ послѣ пасхальнаго перерыва разбиты были одинъ за другими проекты Гро, Нотомба, Фреръ Орбана. За правительственный проектъ поданъ только 91 голосъ, а противъ него—61, слѣдовательно ему недоставало необходимыхъ $\frac{2}{3}$ голосовъ. Всѣ парламентскіе труды могли даромъ пропасть и обратиться ни во что, при чемъ обличились-бы вполне тщета и безплодіе парламентарскаго образа правленія, несостоятельность конституціонализма. Необходимо было попытаться еще разъ устроить снова мировую. Въ депутатскую комиссію внесены еще 4 новые проекта. Одинъ, поданный Комансомъ (Coomans), возбудилъ всеобщую веселость по своей оригинальности; онъ требовалъ, чтобы въ каждой общинѣ избирательствомъ пользовались наиболѣе старыя по возрасту люди въ пропорціи 10% населенія. Другое предложеніе сдѣлано Ниссенсомъ (Nyssens), сложное, эклектическое, допускающее отъ 1 до 3 голосовъ по разнымъ признакамъ; ему-то и посчастливилось, такъ что оно и стало закономъ. Оно явилось въ добрый часъ; лишь только оно поступило въ комиссію и кабинетъ и крайняя лѣвая высказались за него,

къ министерскому большинству прибавилсь 34 голоса крайней лѣвой, такимъ образомъ большинство оказалось обладающимъ $\frac{2}{3}$ голосовъ.

Достопамятный въ исторіи Бельгій день 18-го апрѣля 1893 г. (понедѣльникъ) начался при печальныхъ и тревожныхъ предзнаменованіяхъ. Пронеслось извѣстіе, что предполагена всеобщая забастовка рабочихъ въ Бельгій. Бэрнертъ въ энергической рѣчи въ палатѣ благодарилъ, при громкихъ рукоплесканіяхъ, полицію, жандармовъ и національную гвардію за мужественное отстаиваніе ими порядка. Только къ 4 $\frac{1}{2}$ часамъ вечера депутатская коммисія справилась со своею задачею по проекту Инссенса и внесла этотъ проектъ, одобренный ею съ незначительными поправками. Злой хулитель реформы, Фреръ Орбанъ, нашелъ предметъ для осужденія и въ поспѣшности, съ которою вотпировали этотъ проектъ. По его словамъ, надо было прервать прѣнія до возстановленія порядка, укротить бушующую толпу, хотя-бы и съ кровопролитіемъ, и только послѣ этого кончать уже законодательствовать. Въ 7 часовъ вечера, послѣ самыхъ краткихъ рѣчей, необходимыхъ для соблюденія формы, приступлено къ голосованію при личномъ составѣ 145 человекъ. 119 сказали *да*, 14 въ томъ числѣ Фреръ Орбанъ *нѣтъ*, 12 воздержались отъ подачи голоса, въ томъ числѣ извѣстный клерикаль и ретроградъ Вёсте (Woeste), котораго называютъ сатирически «зеленымъ святѣйшествомъ» (*son éminence verte*). Вожди радикаловъ, Жансонъ и Феронъ, ручались, что уличная агитация прекратится; ее, дѣйствительно, точно рукою сняло. Въ сенатѣ законъ не встрѣтилъ противодѣйствія и прошелъ почти безъ преній. Стоитъ разобрать подробно весьма сложное изобрѣтеніе, составляющее нынѣшній 47 № (видоизмѣненный) бельгійской конституціи.

Однимъ голосомъ пользуются всѣ граждане бельгійскіе 25 лѣтъ мужскаго пола, проживающіе не менѣе года въ общинѣ и не лишеныя избирательнаго права въ силу закона.

Изъ голосующихъ снабжаются еще вторымъ добавочнымъ голосомъ обладающіе однимъ изъ нижеслѣдующихъ условій:

1) Достигшіе 35 лѣтъ женатые или вдовцы, имѣющіе законныхъ дѣтей и платящіе не менѣе 5 франковъ личной подати съ жилья, а также освобожденные отъ этой подати по роду своихъ занятій.

2) имѣющіе при 25-лѣтнемъ возрастѣ недвижимую собственность въ 2,000 франковъ по кадастру или правительственную ренту въ 100 руб. годового дохода по государственной долговой книгѣ, или такой-же доходъ по книжкѣ сберегательной кассы, пользовавшіеся этимъ доходомъ въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ. Имущество жены причитается мужу, а несовершеннолѣтнихъ дѣтей отцу.

Изъ голосующихъ двумя добавочными голосами пользуются:

1) имѣющіе дипломъ отъ государственнаго или частнаго высшаго или средняго учебнаго заведенія;

2) лица, отправлявшія должности общественныя или занимавшіяся профессіею, предполагающею по крайней мѣрѣ среднее образованіе. Законъ опредѣлитъ эти должности и профессіи, а также продолжительность отправленія ихъ, требуемую для пользованія тремя голосами.

Болѣе трехъ голосовъ никто имѣть не можетъ.

Такова сущность главной части законодательной работы, которая сразу перевела все взрослое 25-лѣтнее мужское населеніе Бельгіи на всеобщее голосованіе, устроенное своеобразнымъ небывалымъ доселѣ образомъ, при чемъ въ основаніе положено равенство всѣхъ гражданъ, кромѣ явно недостойныхъ, но значительный перевѣсъ данъ тѣмъ единицамъ, которыя либо матеріально болѣе другихъ заинтересованы въ устойчивости общественного порядка, либо превосходятъ другихъ умомъ образованіемъ и заслугами. Оставалось справиться съ другою половиною законодательной работы. Она производилась въ сильно утомившихся палатахъ съ апрѣля по сентябрь 1893 г., лѣнзиво, вяло и кончена кое-какъ. лишь-бы отдѣлаться, лишь-бы не пропало все то, что было сработано до 18-го апрѣля. Слѣдуетъ теперь разобрать эту часть работы, посвященную бельгійскому сенату.

VII.

Сенатъ въ Бельгіи есть учрежденіе крайне несамостоятельное, придуманное только для предохраненія страны отъ случайностей, отъ крутыхъ мѣръ и необдуманныхъ законовъ, которые были-бы неизбежны, если бы существовала единая и всевластная палата представителей. Сенатъ избирали тѣ-же избиратели, которые голосовали и на депутатовъ, но избираемы были въ сенаторы только люди пожилые (40 лѣтъ) и состоятельные или лучше сказать богатые (1,000 гульд. прямыхъ податей). Сенатъ служилъ только модераторомъ, убавляющимъ ходу слишкомъ быстро дѣйствующей машинѣ, но эта функція тормоза становилась тѣмъ существеннѣе и необходимѣе, что при всеобщемъ, хотя-бы и множественномъ голосованіи, въ палату депутатовъ должны были неминуемо проникнуть небывалые въ ней элементы демагогической и социалистической. У Бэрнера были по вопросу о сенатѣ свои личныя идеи, къ которымъ онъ постоянно возвращался, хотя не находилъ себѣ ни въ комъ поддержки. Онъ хотѣлъ создать изъ сената собраніе представителей не единой націи, а противоположныхъ интересовъ, нѣчто похожее на многословныя сеймовыя собранія въ средніе вѣка, образецъ которыхъ мелькалъ вдали въ исторіи фламандскихъ городовъ. Отдѣльныхъ состояній нынѣ нѣтъ, но есть разныя занятія, призванія, разновидности работы или культуры. Изъ такихъ группирующихся разновидностей образовалось-бы собраніе, которое-бы разбирало законопроекты со стороны противоположныхъ интересовъ. примиряло-бы эти интересы и сглаживало-бы шероховатости.

Разумѣется, что подобное устройство немислимо при избраніи обѣихъ палатъ тѣми-же избирателями, потому что нельзя отъ тѣхъ-же лицъ требовать, чтобы они раздвигались и чтобы они присеивали и наилучшихъ по ихъ мнѣнію гражданъ и наименѣе способныхъ по ихъ искусствамъ и занятіямъ специалистовъ.

Представительство противоположныхъ интересовъ въ сенатѣ возможно только при установленіи новаго порядка и системы выборовъ: либо введеніемъ двустепенныхъ выборовъ, то-есть установленіемъ, чтобы общины избирали только избирателей, которые, сошедшись потомъ въ одномъ пунктѣ, напримѣръ, въ главномъ городѣ области, избирали-бы сенаторовъ; по этому пути охотно пошли-бы умѣренныя либералы. Либо выборы сенаторовъ надлежало предоставить сеймовымъ собраніямъ или совѣтамъ отдѣльныхъ областей (французскій сенатъ представляетъ собою смѣсь обѣихъ системъ). Конечно въ Бельгіи отъ самаго ея начала нельзя было и помышлять о наследственной пэрін по пожалованію королевскому, но въ бельгійскомъ парламентѣ весьма многіе склонялись къ оказанію особаго предпочтенія пожилому возрасту, что уже выразилось въ предложеніи Команса, иными словами въ пользу того, чтобы избирателями сенаторовъ были люди не моложе не 25, а 35 лѣтъ. Этой системѣ дано было странное наименованіе, ее стали называть системою *ампутации*. Прибавимъ еще, что такъ-какъ вся вообще бельгійская реформа клонилась къ полной отмѣнѣ податного ценза, то для сенаторовъ цензъ подлежалъ по крайней мѣрѣ сильному пониженію и что король настоятельно требовалъ включенія въ сенатъ, въ качествѣ членовъ по рожденію, не одного наследника престола, какъ было до сихъ поръ, но и всѣхъ принцевъ крови и притомъ съ возможно ранняго возраста.

На этотъ разъ выработка новаго закона была неимоверно трудная: она походила на самые тяжелые роды. Всѣ предлагаемые проекты пересмотра провалились одинъ за другимъ и прежде всего упалъ безповоротнототъ, который хотѣлъ создать изъ сената своеобразный противовѣсъ палатѣ депутатовъ, сдѣлавъ его органомъ соглашенія противоположныхъ интересовъ областныхъ или профессиональныхъ. Отвергнуть былъ и проектъ ампутации, слабымъ слѣдомъ котораго остается то, что по § 53, теперешнему, особымъ закономъ безъ пересмотра конституціи можетъ быть постановлено, чтобы въ выборахъ сенаторовъ участвовали лица достигшія не 25, а 30 лѣтъ. Двустепенные выборы отвергнуты также; было время когда по забраваніи всѣхъ проектовъ предполагалось, что учредительныя палаты разойдутся не исполнивъ всей своей учредительской задачи, при чемъ возникалъ вопросъ какъ будетъ избираемъ сенатъ: по старому-ли § 47 дореформенному или по § 47 новому, который на сенатъ не распространялся. Утомленный Бэрнертъ

подумывалъ отъ отставка. Палата представителей предложила сенату, чтобы онъ взялъ на себя починъ своего собственнаго преобразованія, но сенатъ отказался. Съ неимовернымъ трудомъ удалось, наконецъ, послѣ того какъ законодатели отрелись отъ всякаго единства въ основной идеѣ, шить нѣчто цѣлое изъ самыхъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ, и образовать то, надъ чѣмъ потѣшался не безъ основанія Фреръ Орбанъ въ слѣдующихъ словахъ: «сенатъ случайный, сенатъ чудаческій, изъ большихъ и малыхъ сенаторовъ разнаго происхожденія; большая часть его выбрана всеобщимъ множественнымъ голосованіемъ, другая часть уполномочена областными совѣтами, которыхъ устройство еще ожидается отъ будущаго закона». Несмотря на то, что устройство данное сенату въ 1893 г. весьма неуклюжее, лишенное единства въ своемъ основаніи, однако, сенатъ бельгійскій не лишень значенія и уважается потому, что вліяніе и вѣсъ установленія зависятъ не отъ того, какимъ способомъ оно выбрано, но отъ того какіе люди въ немъ засѣдаютъ. По видоизмѣненному въ 1893 г. §§ 53, 55, 56 и 57 конституціи, сенатъ имѣетъ нижеслѣдующій тройственный составъ:

1) сыновья короля и принцы крови; они присутствуютъ въ сенатѣ съ исполнившимся 18 годами, но голосуютъ по достиженіи 25 лѣтъ.

2) Сенаторы въ числѣ равняющемся половинѣ числа членовъ палаты депутатовъ, избираемые на одинаковомъ, какъ и депутаты, основаніи, по § 47, съ тѣмъ, что особымъ закономъ можетъ быть установлено для избирателей условіе возраста 30 лѣтъ. Условія для лицъ, избираемыхъ въ сенаторы этой категоріи: возрастъ 40 лѣтъ и либо платежъ 1,200 фр. прямыхъ податей, либо владѣніе недвижимостями съ доходомъ въ 12,000 фр. по кадастру (всего такихъ сенаторовъ 76).

3) Сенаторы, избираемые областными совѣтами по такому расчету, чтобы въ области, имѣющей полмилліона жителей, избѣрались 2, въ областяхъ отъ половины до 1 милліона 3 и въ областяхъ свыше 1 милліона 4 сенатора (всего такихъ сенаторовъ 36). Сенаторы этой послѣдней категоріи не обусловлены въ своемъ избраніи какимъ-бы то ни было цензомъ, но они не должны принадлежать къ составу избирающаго ихъ областного совѣта ни въ моментъ избранія, ни въ продолженіе двухъ лѣтъ передъ тѣмъ.

Дополнимъ очеркъ результатовъ пересмотра конституціи еще одною характерною подробностью: съ 1893 г. установлено, что членъ которой-нибудь изъ палатъ, сдѣлавшійся министромъ, не подлежитъ новымъ выборамъ, но продолжаетъ функціонировать, какъ членъ той или другой палаты.

VIII.

Изложеніе хода и результатовъ избирательной реформы въ Бельгіи не имѣло-бы надлежащей полноты, если-бы оно не изобразило въ главныхъ чертахъ какъ она воплотилась? какіе она принесла съ собою практическіе результаты?

Мною уже замѣчено выше, что Бэрнертъ замышлялъ ввести пропорціональное представительство партій. Съ этою цѣлью онъ провелъ не безъ труда и усилій въ учредительныхъ палатахъ § 48 конституціи. Прежняя редакція этой статьи гласила, что «выборы производятся въ такихъ частяхъ областей (т. е. округахъ) и въ такихъ мѣстахъ, которыя указаны закономъ»; новая-же редакція опредѣлила, что «въ каждой области образованіе избирательныхъ коллегій должно быть установлено закономъ». Разница между обѣими редакціями заключается въ томъ, что новая редакція устраняетъ обязательное производство выборовъ по дробнымъ округамъ; она предполагаетъ устраивать выборы по цѣлымъ областямъ, которыхъ насчитывается 9 въ Бельгіи. Въ предполагаемомъ новомъ законѣ о выборахъ по цѣлымъ областямъ Бэрнертъ надѣялся привести систему пропорціональнаго представительства разныхъ партій для каждой изъ 9 областей. Надежды Бэрнерта не осуществились. 21 ноября 1893 г. правая сторона, подъ руководствомъ Вёсте, отвергла предложеніе правительства и рѣшила, что все останется по старому, по прежнему порядку выборовъ по дробнымъ округамъ. Неудача Бэрнерта была чисто личная, не раздѣляемая совокупностью католической партіи. Онъ подалъ въ отставку, но партія осталась у кормила правленія, на мѣсто его поступилъ его товарищъ по кабинету Бюрлэ, всѣ другіе министры заняли свои прежнія мѣста. Въ настоящее время Бэрнертъ занимаетъ видный постъ предѣдателя палаты представителей. Роль его далеко не конченная, онъ весьма популярный человѣкъ и естественный посредникъ между двумя главными партіями; у него есть много точекъ соприкосновенія съ каждою изъ нихъ.

Новые выборы въ палаты, по измѣненной въ 1893 г. конституціи, назначены были на 14 октября 1894 г. (воскресеніе). О совершенной новости созданнаго изложеніемъ системы выборовъ положенія можно заключить по сопоставленію слѣдующихъ цифръ. При дореформенныхъ порядкахъ вотировало на всю Бельгію около 133,000 человѣкъ, имѣвшихъ по 1 голосу. Нынѣ въ 1894 г. вотировали 1.371,000 людей (значить въ томъ числѣ 1.238,000 совсѣмъ необстрѣленныхъ новичковъ). Такъ какъ голосованіе теперь множественное, то голосовъ подано всего 2.110,000.

Понятно, что и самъ обликъ выборовъ измѣнился, не видно было обычнаго прежняго оживленія. Любопытство интересующихся выборами

не можетъ быть немедленно удовлетворяемо; только къ концу второго дня послѣ выборовъ становятся извѣстными результаты голосованія, притомъ они получаются по свѣдѣнїямъ отрывочнымъ, весьма неполнымъ.— Въ былыя времена выборамъ предшествовали шумныя народныя сходы, на эти сходы отиравались люди кортежами, съ факелами; устраивались засѣданія въ циркахъ, театрахъ; здѣсь раздавались краснорѣчивыя рѣчи популярныхъ ораторовъ, которыя выслушивались двумя, тремя тысячами человѣкъ. Для теперешнихъ десятковъ и сотенъ тысячъ избирателей такія средства агитаціи оказываются слишкомъ мелкими, не подходящими къ высотѣ задачи. Притомъ агитацію подготавливалъ въ Брюсселѣ либеральный союзъ (*association libérale*), который именно вслѣдствіе избирательной реформы упалъ и раскрошился; умѣренные прогрессисты, люди съ оттѣнкомъ государственнаго социализма и коллективисты разныхъ сортовъ пошли каждый своимъ путемъ. Крайняя лѣвая, состоящая изъ двигателей рабочаго вопроса, рѣшилась являться со своими протестами на всѣхъ сходбищахъ умѣренныхъ либераловъ и проповѣдывать прямо противоположныя начала, вслѣдствіе чего умѣренные либералы воздержались отъ всякихъ сходбищъ, прекратилось даже расклеиваніе на стѣнахъ домовъ прокламацій. Зато по деревнямъ были попытки рабочей партіи и социалистовъ дѣйствовать на крестьянъ. Сельское населеніе набожно, оно бываетъ въ церквахъ. Къ концу обѣдни налетала на велосипедахъ стая раздавателей брошюръ и прокламацій, являлись и ораторы, кто становился на стулъ, кто на поставленную стоймя бочку и зазывали расходящихся изъ церквей на социалистическую проповѣдь. Пока эти попытки неудачны, сельскій людъ стоитъ съ своими священниками заодно, но социалисты не унываютъ, они убѣждены, что и въ крестьянскую гущу просочится ихъ ученіе. На конференціи въ Шарлеруа социалистъ Вандервельдъ, превознося систему товариществъ потребителей, сказалъ недавно: «наши буржуа такіе безпечные люди; мы не имѣемъ никакой національности собственной. Бельгія была уже испанская, австрійская, французская, а въ близкомъ будущемъ она будетъ социалистическая и международная».

Неизвѣстно, сбудутся-ли эти предсказанія. Во всякомъ случаѣ опредѣлился уже, какъ прямое послѣдствіе избирательной реформы, тотъ несомнѣнный фактъ, что совершается значительный подъемъ расшевелившихся при избирательномъ движеніи нарѣчій. Югъ Бельгіи это край валлонскій (Монсъ, Шарлеруа, Льежъ), здѣсь нѣтъ особой валлонской литературы, преобладаетъ настроеніе либеральное всякихъ оттѣнковъ до социализма включительно. Сѣверъ зато край фламандскій (Брюгге, Гантъ, Антверпенъ и Брюссель), край сильно католическій, съ любовью поддерживающій литературное развитіе своего нарѣчія, какъ одного изъ отраслей нѣмецкаго языка. Старый боецъ фламандскаго нарѣчія Коре-

мансъ внесъ въ первое-же засѣданіе новыхъ палатъ по закону 1893 г. предложеніе о заведеніи особыхъ фламандскихъ стенографовъ, такъ какъ многіе депутаты могутъ выражаться только по фламандски *). Его сильно поддерживалъ такъ называемый «бельгійскій Буланже», весьма извѣстный депутатъ социалистъ Анзеель (Anseele), утверждающій, что къ нему претендуютъ многіе за грубоватость выраженій потому только, что ему трудно принесть сразу подходящія слова на французскомъ языкѣ, но онъ не грубилъ-бы, если-бы ему разрѣшено было выражаться на привычномъ фламандскомъ языкѣ. Добавимъ, что въ брюссельской консерваторіи устроена недавно особая кафедра фламандской декламации.

Обнаружился въ послѣднее время еще одинъ фактъ гораздо болѣе крупный. Въ бельгійскій парламентъ проникла и обособилась въ немъ особая партія, которой здѣсь прежде не бывало—партія социалистическая. Въ прошломъ парламентѣ были только католики и либералы (въ палатѣ депутатовъ первыхъ считалось 93, вторыхъ 59—итого 152 человекъ; въ сенатѣ первыхъ 46, вторыхъ 30—итого 76). Въ настоящемъ парламентѣ католики преобладаютъ попрежнему, численно они превосмогаютъ и либераловъ и социалистовъ вмѣстѣ взятыхъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что и въ средѣ католической партіи обозначается разница въ направленіяхъ доходящая до раскола между клерикалами-ретроградными и христіанами-демократами въ духѣ ученій папы Льва XIII, такъ что въ настоящее время кабинетъ долженъ считаться въ палатахъ по крайней мѣрѣ съ пятью группами: правительственная, правая, христіанско-демократическая, либеральная и социалистическая.

Что касается до социалистовъ то сразу ихъ прошло 26 въ палату депутатовъ, а затѣмъ послѣ перебаллотировокъ число ихъ доходитъ до 30. Въ избирательной борьбѣ съ социалистами несмотря на удивительную сноровку католической организаціи случались и для нея и для консерваторовъ неприятыя сюрпризы. Весьма извѣстный католикъ Нотомбъ забаллотированъ, первый министръ де Бюрле съ трудомъ удержался при выборахъ. Въ то же самое время при перебаллотировкѣ въ одномъ изъ католическихъ округовъ (Alost) совместно выбраны два діаметральныхъ противника де Вѣсте и аббатъ Дэнсъ (Daens) именующій себя христіаномъ-демократомъ и почти что социалистъ по убѣжденіямъ. Фреръ Орбанъ и Жансонъ не выбраны въ парламентъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что появленіе въ парламентѣ новыхъ людей изъ некультурной среды просто-народа всегда проявляется какъ нѣкоторая шероховатость, какъ нѣкоторое огрубѣніе нравовъ. Такими признаками отличались пренія въ палатѣ депутатовъ напримѣръ, по поводу королевской *liste civile*. До поры до

*) По народосчисленію 1890 г. въ Бельгіи на ея слишкомъ 6-ти милліонное населеніе считаемъ до 2.750,000 жителей, говорящихъ исключительно только по-фламандски.

времени католики правой стороны, будучи въ силѣ, даютъ чувствовать социалистамъ свое надъ ними численное превосходство. Недавно, 25 января сего года во время жаркой парламентской схватки уважаемый председатель палаты депутатовъ Ландсгеръ (Landsheere) взялъ подъ свою защиту оскорбляемаго социалиста Анзееля и лишилъ голоса его противника католика, но председателя не поддержало большинство, высказавшееся противъ его распоряженія, вследствие чего Ландсгеръ оставилъ тотчасъ же свое председательское кресло; тогда-то и избранъ на вакантный постъ Бэрнертъ.

Еще болѣе печальную побѣду одержала правительственная правая сторона при разрѣшеніи законодательнаго вопроса объ общинныхъ выборахъ въ началѣ апрѣля 1895 г. въ палатѣ депутатовъ. Теперешнее состояние Бельгии характеризуютъ такимъ образомъ парижскія газеты (J. des Débats): «реакціонное правительство сдерживаемое опасеніемъ всеобщей забастовки рабочихъ». Развязка избирательной реформы въ 1893 г. доказала повидному, что рабочее движеніе можетъ понудить парламентъ дѣлать то, на что бы онъ безъ этой опаски не рѣшился, но дѣло въ томъ, что всеобщая забастовка трудна и что она совсѣмъ недѣйствительна при ежедневномъ ея повтореніи, какъ выразился недавно кто-то на конгрессѣ рабочихъ (il ne faut pas jouer de la grève a jet continu). Эту истину постигъ вполне теперешній кабинетъ образовавшийся по выходѣ изъ него Бэрнерта, когда первымъ министромъ сдѣлался Бюрле, который и провелъ въ палатѣ депутатовъ въ апрѣлѣ 1895 г. законъ объ общинныхъ выборахъ. Казалось-бы что отъ избирателей при выборахъ въ общинные совѣты можно-бы требовать меньшихъ и болѣе льготныхъ условій нежели отъ избирателей при выборахъ въ парламентъ, довольствоваться простымъ гражданскимъ совершеннолѣтіемъ вмѣсто 25 лѣтъ, не ставить ценза и даже прибѣгать къ подачѣ одиночныхъ, а не множественныхъ голосовъ. Таковы были требованія прогрессивныхъ партій. Отъ консерваторовъ можно было ожидать что они будутъ стремиться укрѣпить законъ 1893 г. какъ совершившійся фактъ и постараются распространить его и на общинные выборы. Но большинство палаты и кабинетъ Бюрле оказались прямыми ретроgradaми, не могущими помириться съ всеобщимъ голосованіемъ хотя-бы и множественнымъ. Они постарались увеличить эту множественность и устранить отъ общинныхъ выборовъ многіе разряды избирателей, участвующихъ въ выборахъ парламентскихъ. Проектъ правительственный внесенный Бюрле требовалъ отъ общиннаго избирателя не 25, а 30 лѣтъ, вводилъ въ законъ отвергнутую учредительными палатами систему дифференцированнаго жилья, предоставляя *четвертый* дополнительный голосъ владѣльцамъ недвижимостей, приносящихъ по кадастру доходъ не менѣе 150 франковъ, наконецъ обусловливалъ пользованіе избирательствомъ не годовою, а трех-

лѣтнею ослѣдностью въ общинѣ. Последнее условіе прямо мѣтило въ наиболѣе подвижное населеніе рабочее. Этотъ несимпатичный проектъ, составляющій со стороны считающаго себя консервативнымъ большинства очевидную и грубую ошибку, былъ однако принятъ, потому что Бюрле сдѣлалъ изъ принятія его такъ называемый кабинетскій вопросъ, вслѣдствіе чего демократы христіане, осуждавшіе его при преніяхъ не рѣшились противъ него голосовать и довольствовались только прибавками, которыя увеличили еще его несообразности и противорѣчія. Этотъ законъ есть настоящая китайщина, онъ вѣроятно станетъ мишенью для оппозиціи и можно предсказать, что будущіе парламентскіе выборы въ 1896 г. состоятся при кликахъ: долой общинный законъ! (См. *J. des Débats* 8 апрѣля 1895 г.). Въ настоящее время социалисты только отбиваются, въ бельгійскомъ парламентѣ они ведутъ только оппозицію, но ихъ голоса могутъ получить большое значеніе при предстоящихъ преніяхъ по предложенію короля о приобрѣтеніи Бельгією новаго его владѣнія Конго въ Африкѣ. Они могутъ оказаться тѣмъ привѣскомъ, который разрѣшитъ въ противность волѣ короля конголезскій вопросъ, потому что всѣ социалисты антироялисты, а хотя клерикалы и либералы роялисты, но многіе изъ нихъ боятся колониальной политики и обремененія маленькаго государства колониальными владѣніями, которыя окажутся ему не по силамъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что настоящій моментъ въ Бельгіи есть время переходное, что готовится новая группировка партій, что назрѣваютъ новые вопросы, что на череду новыя программы, новые методы, для которыхъ прежнія дѣленія и прежніе приемы непригодны, при новой начинающейся эволюціи. Въ обѣихъ главныхъ дѣйствовавшихъ донынѣ большихъ партіяхъ, либеральной и католической, появились трещины, образовались скважины, сквозь которыя прошелъ и утвердился общій ихъ противникъ. Старыя ключки этого врага: социализмъ, коммунизмъ износились; то же самое дѣло продолжается подъ новымъ названіемъ коллективизма. Этотъ элементъ по природѣ своей космополитиченъ, равнодушенъ по отношенію къ государству. Онъ относится вполне отрицательно къ парламентаризму, къ отечеству, къ религіи, къ высшимъ идеаламъ человѣчества. Онъ стремится къ полному поглощенію недѣлимаго, человѣческой личности общественною средою, стадомъ. Онъ сводитъ жизнь къ антагонизму между богатыми и бѣдными и всѣ вопросы къ одному желудочному по изреченію Маркса: *die sociale Frage ist eine Magenfrage*. Этотъ социальный вопросъ нѣсколько иначе поставленъ въ Бельгіи нежели во Франціи, въ которой есть между социалистами люди теоріи и люди дѣла, собственно такъ называемые социалисты-анархисты. Въ Бельгіи нѣтъ фракціи походящей на анархистовъ, пропаганда коллективизма производится почти только въ городскихъ центрахъ и про-

тиводѣйствіемъ анархизму является традиціонная, старинная свобода образованія всякихъ товариществъ, наследственная сноровка дѣйствовать легально. Крунная либеральная партія подверглась распаденію, съ одной стороны изъ нея выдѣлился крайній радикализмъ, перешедшій въ социализмъ, съ другой стороны она не можетъ мириться съ узкимъ доктринерствомъ и неподвижностью своихъ бывшихъ предводителей. Но и въ католической партіи неминуемы подобные расколы. Трудно себѣ представить болѣе рѣзкую противоположность какъ та, которая существуетъ между людьми группирующимся около Г. Вѣсте и горячими послѣдователями христіанскаго человѣколюбія и аскетизма, склоннаго къ самоотреченію и пожертвованіямъ. Въ виду общаго врага и общихъ опасностей прогрессивныя части и католической и либеральной партій могутъ сблизиться и даже образовать союзъ. Католицизмъ обнаруживаетъ на нашихъ глазахъ удивительную способность, въ которой уже многіе сомнѣвались, мириться съ прогрессомъ, не враждовать съ наукою и быть расположеннымъ къ самымъ широкимъ реформамъ, къ преобразованію всего строя гражданскаго права, начиная съ самихъ корней. Либерализмъ перестаетъ равнымъ образомъ чуждаться религіозности, онъ только врагъ клерикализма, который былъ весьма недавно слѣдующимъ образомъ опредѣленъ Фреръ Орбаномъ (рѣчь его въ Люттихѣ въ концѣ 1894 г.): «клерикалами могутъ быть и римскіе католики и протестанты и даже евреи; клерикаломъ мы называемъ всякаго, кто требуетъ, чтобы общественная власть навязывала гражданскому обществу религіозные догматы, какъ правила для дѣйствій». Упавшее значеніе либерализма можетъ возстановиться, онъ можетъ возродиться и играть значительную роль потому, что съ поглощающимъ лицо коллективизмомъ можно успѣшно сражаться только подъ свойственнымъ либерализму знаменемъ человѣческой личности, ревниво охраняемой закономъ.

В. Спасовичъ.

1895 г., мартъ.

Изъ осеннихъ мелодій.

(Мотивъ Теннисона).

Сегодня, послѣ дней холодныхъ и ненастныхъ,
Побѣдно разогнавъ гряду тяжелыхъ тучъ,
Привѣтомъ лѣтнихъ дней, безоблачныхъ и ясныхъ,
Опять среди небесъ сіяетъ солнца лучъ.

Листва ласкаетъ взоръ богатою окраской.
И позабывъ туманъ и стужу и дожди,
Что кажутся теперь несбыточною сказкой—
Невольно ждешь тепла и свѣта впереди.

Сегодня, послѣ дней печальныхъ ожиданья,
Тревоги за тебя и ежечасныхъ мукъ,
Читаю я слова завѣтнаго посланья
И отдыхаю вновь душою, милый другъ.

Теперь недавній страхъ мнѣ кажется ничтожнымъ.
Въ душѣ, какъ въ небесахъ, становится яснѣй,
И снова счастье является возможнымъ
И вѣрю я опять возврату свѣтлыхъ дней.

О. Чюмица

ЗАПИСКИ А. О. СМИРНОВОЙ.

Смерть Пушкина.

«Одинъ изъ парижскихъ журналовъ напечаталъ «Легенды о поэтахъ». Въ нихъ говорится обо всѣхъ великихъ гевіяхъ: всѣ они страдали, всѣ испытали несправедливость современниковъ, общества и правительствъ. Нѣкоторые томилсь въ тюрьмѣ, были оклеветаны или не поняты, другіе умирали въ бѣдности. О Пушкинѣ не упомянуто, а между тѣмъ, нѣтъ ничего поэтичье его жизни и смерти. Меня оскорбляло и возмущало несправедливое отношеніе къ нему общества, поэтому я не говорю о немъ, я молчу съ тѣми, которые его не понимали, — но образъ его сохранится въ насъ чистымъ и недосыгаемымъ для клеветы».

(Письмо А. О. Смирновой къ князю Петру Вяземскому, 1837 г.).

[Прошло больше полуѣка съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Пушкинъ. Настало время выяснитъ всю правду; я, по крайней мѣрѣ, считаю возможнымъ огласитъ все, что моя мать отбѣтила въ своихъ запискахъ, — выпускаю лишь имена, которыя она зачеркнула, тѣмъ болѣе, что оба эти имени не представляютъ никакого историческаго интереса; притомъ-же, по обычаю, установившемуся съ незапамятныхъ временъ, женскія имена всегда устраниаются, когда идетъ рѣчь о дуэли. Что касается мужчинъ, то ихъ имена *связаны съ историческимъ событіемъ*; тѣмъ хуже для тѣхъ, которые поступали тогда дурно. Я добавлю даже, что недоброжелательство къ вдовѣ Пушкина (и мертвымъ его не перестали преслѣдовать въ лицѣ жены!) побуждало нѣкоторыхъ защищать противника поэта и клеветниковъ его жены. Противникъ, очевидно, долженъ былъ принять вызовъ; онъ съ легкимъ сердцемъ поставилъ себя въ эту необходимость въ то время, какъ самое родство его съ Пушкиными предписывало ему придерживаться менѣе легкомысленнаго, болѣе осмотрительнаго и честнаго образа дѣйствій. Когда Дантесъ былъ объявленъ женихомъ Catherine Гончаровой, Пушкинъ взялъ назадъ свой первый вызовъ. Въ этихъ первыхъ переговорахъ съ его стороны участвовало двое секундантовъ: сэръ

Arthur Magennis, секретарь англійскаго посольства, — человекъ тогда уже весьма солидный, серьезный, спокойный и уважаемый, — и мой дядя. Клементій Россетъ. Они уладили дѣло съ секундантомъ Дантеса, д'Аршіакомъ, секретаремъ французскаго посольства, безукоризненнымъ джентльменомъ, съ которымъ дядя мой былъ очень друженъ.

Вскорѣ по городу распространилась сплетня, нарастающая, какъ снѣжный комъ; говорили, будто Пушкинъ взялъ обратно вызовъ изъ трусости. Между тѣмъ, онъ, подобно Грибоѣдову и Лермонтову, отличался замѣчательною храбростью, спокойнымъ, холоднымъ мужествомъ, и имѣлъ много дуэлей въ Кишиневѣ.

Въ то время дуэли были очень часты, даже между военными, несмотря на не отмѣненные еще драконовскіе законы Екатерины II и Александра I. Пушкина забрасывали анонимными, русскими и французскими ругательными письмами, упрекали въ трусости. Сэръ Arthur Magennis захворалъ и отказался отъ роли секунданта; онъ сказалъ моему дядѣ, что *поэта упорно преслѣдуютъ, желая навязать ему вызовъ*, и что усилія ихъ, по его убѣжденію, не приведутъ ни къ чему. Я нашла записку моего дяди, Клементія Россетъ, въ которой сказано: «Magennis опротивѣла эта травля; онъ, наконецъ, сказалъ мнѣ: «значить, они хотятъ *довести его до крайности*, добиваются его смерти или желаютъ навлечь на него гнѣвъ Царя. Это — гнусность» (sic.).

Наконецъ, явился циркуляръ, о которомъ говоритъ моя мать; чаша переполнилась. Узнавъ, что его обвиняютъ въ трусости, Пушкинъ написалъ д'Аршіаку (письмо это, наконецъ, оглашено) и сообщилъ имена своихъ секундантовъ. Онъ отвѣтилъ этимъ письмомъ на всѣ клеветы и циркуляръ.

Вотъ записки моей матери, писанныя за границей].

«Мы страшно потрясены. Третьяго дня мой мужъ вернулся изъ канцеляріи поздно, въ сопровожденіи Николая Киселева. Какъ только они вошли, меня поразили ихъ измѣнившіяся лица. Я знала, что ожидали прибытія курьера, и подумала, не случилось-ли чего съ заболѣвшею Императрицею. Они хотѣли подготовить меня; мужъ сказалъ мнѣ, что Пушкинъ опасно раненъ на дуэли съ Дантесомъ. Однако Николай показался мнѣ такимъ взволнованнымъ и блѣднымъ, а Киселевъ былъ такъ смущенъ, что я догадалась: все уже кончено. Курьера отправили на третій день послѣ катастрофы. Графъ Петръ *) получилъ извѣщеніе отъ самого Нессельроде и прочелъ имъ письмо. Киселевъ, кромѣ того, получилъ отъ брата письмо, уже съ нѣкоторыми подробностями. Императрица не забыла обо мнѣ: она поручила Нессельроде предупредить моихъ

*) Палень, посоль.

братьевъ объ отправленіи курьера. Хорошая графиня Н. пишетъ мнѣ объ этомъ и общаетъ сообщать другія подробности о дуэли съ каждымъ изъ посольскихъ курьеровъ, нашихъ и французскихъ. Она говоритъ, что знаетъ, какъ глубоко мы будемъ огорчены. Мнѣ жаль Nathalie, ея положеніе должно быть ужаснымъ: бѣдняжку преслѣдовали клеветой два года, и притомъ-же она совѣмъ не понимала своего мужа.

Ни одна изъ разряженныхъ подругъ, мнѣніемъ которыхъ она такъ дорожила. въ своемъ наивномъ, не лишенномъ провинціализма тщеславіи, не могла дать ей хорошаго совѣта. Она не довѣряла друзьямъ своего мужа; ее возстановляли противъ нихъ, даже противъ г-жи Хитрово, увѣряя, будто Пушкинъ былъ влюбленъ въ нее, хотя она приходилась почти ровесницей его тещѣ! Ея милыя подруги разносили всѣ сплетни о ней и даже постоянно чернили ее, въ особенности XX и XXX, завидовавшія ея красотѣ. XX дѣлала это потому, что была влюблена въ Дантеса. XXX—потому, что всѣ восхищались стройностью Nathalie. потому что у нея нѣтъ ни такого стана, ни такихъ плечъ. Обѣ онѣ красивы, но Nathalie на балу затмевала ихъ. И все это стоило жизни человѣку! Бѣдная Nathalie не была ни хитрою, ни тонкою кокеткой; она передавала Пушкину всѣ пошлости, которыя ей расточали, и это невыразимо мучило его; она воображала, что это—верхъ чистосердечія, ей не приходило въ голову самой водворить дерзкаго въ приличныя границы. Сколько разъ мой мужъ просилъ ее не передавать Пушкину всѣхъ расточаемыхъ ей глупостей, убѣждалъ ее, что это раздражаетъ мужа, что женѣ слѣдуетъ самой давать нѣкоторые уроки; она досадовала на него, не обращала вниманія на его совѣты. Она говорила, что Николай всегда держитъ противъ нея сторону Пушкина,—это была одна изъ ея фантазій; но, что-же дѣлать, у несчастной такъ мало сообразительности! Николай никогда не говорилъ съ нимъ объ его женѣ, и я также, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ начиналъ разговоръ о ней.

Юлія З. *) написала мнѣ нѣсколько негодующихъ строкъ; она выражается со своею обычною рѣзкостью: «Вотъ, къ чему ведетъ то, что принято называть невиннымъ кокетствомъ. Выходя замужъ, надо посвящать свое кокетство мужу, оно неумѣстно съ вальсерами. Вы раздѣляете мое мнѣніе, дорогая Alexandrine, но мы обѣ съ вами слышимъ *ворчуньями*.—я. потому что некрасива, а вы, потому что прекрасны и исполнены ума и потому что къ вамъ не смѣютъ обращаться съ пошлыми комплиментами.—вы, и безъ помощи мужа, умѣете дать отпоръ, претянувъ нескромныхъ. Мой мужъ взбѣшенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, огорченъ. Какъ будетъ потрясенъ Баратынскій! Онъ снова уѣхалъ, и не присутствовалъ при этой трагической драмѣ, прологомъ которой послужила

*) Жена Н. В. Зинovieва, урожденная Батюшкова, сестра поэта.

серія безыменныхъ гнусностей». Я отошлю это письмо княгинѣ Зинаидѣ*) въ Римъ. Она дастъ его прочесть Гоголю.

Ослѣпленіе Nathalie привело, въ итогѣ, къ дуэли и смерти ея мужа. Я серьезно сожалѣю о ней; мы, друзья Пушкина, должны оказать ему послѣднюю дружескую услугу, поддержавъ его вдову, такъ какъ свѣтское общество, которое она такъ любила, отшатнется отъ нея съ того дня, какъ она перестанетъ блистать на маленькихъ балахъ при дворѣ и въ изящныхъ салонахъ. Какъ ненавистенъ мнѣ этотъ безпечный свѣтъ съ его насмѣшливостью, этотъ свѣтъ, гдѣ посредственность всегда права, гдѣ сплетники всегда находятъ потворствующихъ слушателей. Г-жа Нессельроде написала мнѣ нѣсколько сочувственныхъ строкъ, въ которыхъ, между прочимъ, говоритъ: «Вотъ, куда ведетъ издѣвательство, этотъ вульгарный, ненавистный тонъ, заслуживающій презрѣнія, высмѣивающій все—честь мужа, жены, матери, добивающійся скандала. Я жалѣю васъ и Смирнова: вы лишились друга. Со времени вашего отъѣзда Пушкинъ, при каждой встрѣчѣ со мною, говорилъ о васъ».

Бѣдный, милый Искра! Угасла эта прелестная искра. Какъ тяжело умирать въ 37 лѣтъ, когда жизнь еще такъ полна и столько общается въ будущемъ. Читая письма, мой мужъ, наконецъ, разрыдался какъ дитя. У Киселева прерывался голосъ, когда онъ читалъ намъ письмо Павла Дмитриевича, который утверждаетъ, что виновниками этой катастрофы были, во-первыхъ, завистники, во-вторыхъ, сплетники, клеветавшіе ради удовольствія позлословить, и наконецъ, трое наиболѣе виновныхъ, неправшихъ одновременно роли главныхъ дѣйствующихъ лицъ и орудій. Онъ видѣлъ Государя 28-го числа, и былъ пораженъ его мрачнымъ и раздраженнымъ видомъ. Въ присутствіи Киселева, принесли записку отъ Арендта съ извѣстіями о Пушкинѣ. Его Величество сказала Киселеву: «Онъ погибъ; Арендтъ пишетъ, что онъ проживетъ еще лишь нѣсколько часовъ, и удивляется, что онъ борется такъ долго. Что за удивительный организмъ былъ у него! Я теряю въ немъ самаго замѣчательнаго чело-вѣка въ Россіи». На лицѣ Государя отражалось такое огорченіе, что Киселевъ удивился,—онъ не думалъ, что Государь такъ высоко цѣнитъ Пушкина.

* * *

Меня очень тронуло посѣщеніе графа Палена. Онъ—не русскій, но преданъ Государю и сочувствуетъ національной утратѣ, такъ какъ это чело-вѣкъ цивилизованный въ истинномъ смыслѣ этого слова.

Княгиня Ливенъ**), не прочитавшая никогда двухъ строкъ изъ со-

*) Волконской.

**) Княгиня Ливенъ приходилась невесткой старой княгинѣ Ливенъ, воспитавшей дочерей императора Павла. Ея мужъ пробылъ продолжительное время посломъ въ Лондонѣ.

чиненій Пушкина, но женщина съ умомъ и сердцемъ, несмотря на свою виѣшнюю холодность, съ сочувствіемъ говорила со мной объ этомъ несчастіи,—а между тѣмъ, она имѣетъ такъ мало общаго съ Россіей и вовсе не отличается слабостью къ литературѣ. Она читаетъ только французскія и англійскія газеты и пьесы Скриба. Козловскій *) также навѣстилъ меня, и, хотя онъ все еще живетъ точно въ прошломъ вѣкѣ, былъ весьма огорченъ этимъ событіемъ.

* * *

Прибыло трое курьеровъ, доставившихъ мнѣ письма отъ Жуковскаго, который въ отчаяніи, отъ огорченнаго и негодующаго Вяземскаго, не менѣе опечаленнаго и возмущеннаго Віельгорскаго, моихъ братьевъ и графини Нессельроде, съ новыми подробностями о Геккеренѣ.

Государь отказался удостоить его прощальной аудіенціи. Онъ послалъ курьера въ Лагъ и потребовалъ чтобы Геккерена отозвали; онъ даже написалъ королевѣ.

Сесиль Фредериксъ и Марія Эльмптъ написали мнѣ. Sophie Карамзина написала Николаю. Я получила письмо отъ великаго князя и письма изъ Зимняго дворца. Послѣдними прибыли письма отъ Одоевскаго и А, Тургенева, вернушагося со Святой горы; онъ провожалъ тѣло Пушкина, такъ какъ Nathalie была слишкомъ потрясена и разстроена, чтобы ей можно было разрѣшить эту поѣздку. Она много плачетъ, терзается упрекаетъ себя за то, что не поняла намѣренія посредствомъ клеветы поразить ея мужа; она обвиняетъ себя за легкомысленность, сожалѣтъ, что не согласилась уѣхать на годъ въ деревню, когда Пушкинъ желалъ этого. Nathalie поняла, наконецъ, какова цѣна всѣмъ ея добрымъ пріятельницамъ и какую роль заставилъ ее сыграть Дантесъ.

Княгиня Вяземская не отходила отъ нея, отнеслась къ Nathalie въ высшей степени внимательно; она утѣшаетъ ее и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даетъ совѣты на будущее время, такъ какъ молодая, очень красивая вдова, безъ особенныхъ средствъ и даже связей, окажется въ весьма затруднительномъ положеніи. Она проживетъ срокъ своего траура у брата, въ деревнѣ; этого пожелалъ Пушкинъ, который сказалъ ей даже, чтобы она вторично вышла замужъ. Онъ добавилъ: «только не за негодя». Nathalie не слышала этихъ словъ, Пушкинъ прошепталъ ихъ сквозь зубы.

Она поняла теперь, что слѣдовало гордиться положеніемъ жены такого человѣка, какъ Пушкинъ. Устарѣлые взгляды родныхъ, провинціальныя и московскія воззрѣнія *въ родъ Фамусовскихъ*, внушили ей пред-

*) Князь Козловскій, отставной дипломатъ, оставилъ записки. Онъ былъ очень остроуменъ, несмотря на весьма преклонный возрастъ: онъ состоялъ секретаремъ посольства въ Парижѣ еще при Людовикѣ XVI, вмѣстѣ съ Куракинымъ, который жилъ во Франціи до революціи и, вторично, во времена Наполеона (въ 1810—1811 гг.).

ставленіе, что быть женой *писателя* унижительно и что ихъ приглашаютъ ко двору только ради ея красоты. А между тѣмъ ихъ приглашали именно изъ вниманія къ Пушкину, такъ какъ есть не мало красавицъ, помимо Nathalie, и притомъ болѣе блестящихъ, разговорчивыхъ и пріятныхъ, чѣмъ она. Бѣдная женщина убѣдилась, что Государь сдѣлалъ такъ много именно для *писателя* и для его вдовы. Онъ не сталъ-бы платить долги за кого-либо другого, не заботился-бы такъ объ обезпеченіи участи вдовы и дѣтей. Во всѣхъ пьесахъ проявляется одно и то-же чувство: Россія лишилась своего славнѣйшаго украшенія, по винѣ трехъ роковыхъ личностей, приведенныхъ несповѣдимою судьбою въ Россію и сплотившихся здѣсь. Дантесъ пріѣхалъ въ Россію искать счастья, подобно столькимъ другимъ иностранцамъ; всѣ его достоинства ограничивались красивою наружностью, хотя, въ кавалергардскомъ мундирѣ, онъ представлялъ изъ себя красавца-мужчину довольно зауряднаго типа,—и умѣемъ хорошо танцовать, говорить речгованныя остроты, двусмысленности и плоскіе каламбуры, которыми изобилуютъ нѣкоторыя французскія пьесы, плѣнять дамъ шутками въ стилѣ Vaudeville'я и Palais-Royal, а товарищей—казарменными анекдотами. Дантесъ былъ дурно воспитанъ, весьма предприимчивъ и дерзокъ, когда его не держали на извѣстномъ разстояніи. Старый Геккеренъ отличался цинизмомъ посѣдлыхъ развратниковъ прежнихъ временъ; онъ постоянно злословилъ и сплетничалъ. Товарищи по дипломатическому корпусу не любили его.

* * *

Андрей Карамзинъ пріѣхалъ и сообщилъ намъ подробности, передавъ слухи и все, что произошло до и послѣ этого въ салонахъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ, что Дантесъ шиталъ спасительный ужасъ ко мнѣ и къ графинѣ Фикельмонъ, такъ какъ она обошлась съ нимъ крайне пренебрежительно, когда онъ осмѣлился повторить въ ея присутствіи весьма рискованный анекдотъ. Я сказала, что каламбурами блистають только остряки кулисъ и кафэ, послѣ того, какъ Дантесъ отпустилъ ихъ съ полдюжины; онъ слышалъ мои слова. Поэтому онъ терпѣть не могъ меня и Долли Фикельмонъ.

* * *

«Посѣщеніе Мицкевича очень тронуло моего мужа. Когда онъ пришелъ, у насъ былъ Киселевъ. Одѣтый весь въ черное, онъ показался мнѣ нѣсколько театральнымъ. Онъ приказалъ доложить о себѣ: «Мицкевичъ, другъ Пушкина». Николай вышелъ встрѣтить его. Они пожали другъ другу руки, Мицкевичъ сказалъ мнѣ по-французски: «Я узналъ, что вы были его друзьями, и пришелъ оплакать съ вами великаго славянскаго поэта». Онъ хвалилъ Пушкина; я рассказала ему, что покойный часто говорилъ мнѣ о немъ, что онъ не забывалъ его. Мицкевичъ отвѣтилъ мнѣ: «Онъ прислалъ мнѣ стихи, которые я храню, какъ драгоценность.

Политика разъединяла насъ, но поэзія сблизила. Кончина его составляетъ огромное несчастіе для русской литературы, для русской мысли. Мнѣ передавали, что императоръ горячо чувствуетъ это и сожалѣть о немъ». Николай отвѣтилъ ему: «Въ такой-же степени, какъ вѣрнѣйшіе друзья Пушкина». Разговоръ прервался, и я представила Киселева; обмѣнявшись съ нимъ, изъ учтивости, нѣсколькими словами, Мицкевичъ обратился къ намъ: «Я пришлю вамъ нумера журнала *Le Globe*, въ которомъ я напечатаю статью. Мнѣ было-бы пріятно, если-бы многіе изъ друзей Пушкина прочли эту статью, въ томъ числѣ и Баратынскій, съ которымъ я былъ близокъ. Мнѣ хотѣлось-бы, въ особенности, чтобы ее прочли въ Москвѣ, гдѣ я жилъ въ большой дружбѣ съ русскими писателями и познакомился съ покойнымъ». Киселевъ сказалъ ему: «Пришлите нумера *in-те* Смирновой, мы отошлемъ ихъ въ Петербургъ съ курьеромъ, я позабочусь объ этомъ. Притомъ-же Смирновъ также служилъ въ посольствѣ».

Мицкевичъ поблагодарилъ меня, всталъ и сказалъ мнѣ все еще въ нѣсколько приподнятомъ тонѣ: «Сударыня, я благодарю васъ за оказанный мнѣ пріемъ. Повѣрьте, что славянскій польскій поэтъ оплакиваетъ славянскаго русскаго поэта». Николай и Киселевъ пожали ему руку, и мой мужъ проводилъ его. Когда я протянула руку Мицкевичу и сказала ему: «Во имя памяти о нашемъ общемъ другѣ, благодарю васъ за посѣщеніе и ваше сочувствіе», онъ поцѣловалъ мою руку и отвѣтилъ: «Его смерть является утратой для всѣхъ славянскихъ народовъ, и я представляю ихъ въ эту минуту». Несмотря на нѣкоторую театральность къ манерахъ, онъ былъ искренно тронутъ. У Мицкевича красивое, грустное лицо, въ которомъ сквозитъ что-то болѣзненное. Въ немъ нѣтъ естественности Пушкина. Я такъ привыкла къ простотѣ Жуковскаго и Пушкина, что впечатлѣніе мое, быть можетъ, неосновательно. Каждый народъ и каждый отдѣльный человѣкъ выражаетъ свои чувства соответственно своему характеру, и русскіе, вообще, проще, чѣмъ поляки. Во всякомъ случаѣ, эта дань вниманія къ нашему дорогому Искрѣ, къ нашему бѣдному Искрѣ, тронула-бы его. Видитъ-ли онъ все, что происходитъ въ этомъ мірѣ? Смерть—ужасная загадка; живое существо, мыслившее, дѣйствовавшее, страдавшее, внезапно исчезаетъ, мы ничего не знаемъ о немъ, когда то, что было самою сущностью его, оставляетъ тѣло и исчезаетъ, какъ падающая звѣзда. Ужасъ смерти для живущихъ состоитъ пменно въ полномъ невѣдѣніи объ участи души *покойниковъ*,—тѣхъ, которые покоются, *die haben vollendet!*

* * *

Я получила длинное письмо отъ Аллы Дурново; она пишетъ мнѣ, по обыкновенію, безъ фразъ: «Я сожалѣю, что вы лишились Пушкина. Потому что дружба съ человѣкомъ, подобнымъ ему, есть одна изъ рѣд-

кихъ радостей въ жизни. Я жалѣю Смирнова, — онъ утратилъ друга, котораго такъ высоко цѣнилъ своимъ столь добрымъ, столь рыцарскимъ сердцемъ, своимъ патриотизмомъ. Я слишкомъ люблю васъ, чтобы могла завидовать вашей дружбѣ съ Пушкинымъ, а между тѣмъ, дружба съ нимъ была достойна зависти. Я рада, что вы далеко отсюда, потому что вамъ сердце, какъ и ваша душа, были-бы возмущены. Наши изящные салоны не пропустили случая проявить свою изменность, пошлость и ограниченность. Меня пригласили на вечеръ къ Императрицѣ; гостей было довольно много. Она говорила со мной о васъ, какъ и каждый разъ, когда меня видитъ, и сказала мнѣ, что написала къ вамъ. Она даже добавила: «ее такъ огорчитъ смерть *ея* поэта».

Говорили о Пушкинѣ; видя, что Ихъ Величества жалѣютъ о немъ и хвалятъ его, тѣ самые люди, которые не далѣе какъ наканунѣ клеветали на него и яростно злословили противъ него, придали своимъ лицамъ соотвѣтствующее случаю выраженіе; мнѣ противно было смотрѣть на ихъ притворство. Искренно оплакиваютъ утрату Пушкина, считая его гордостью Россіи, во дворцѣ и у вашего вѣрнаго друга, великаго князя Михаила Павловича — оплакиваютъ въ такой-же степени, какъ друзья поэта и всѣ тѣ, кто не принадлежитъ къ числу пошлыхъ льстецовъ или модниковъ (*fashionables*) безъ мозговъ, безъ сердца, считающихъ себя цивилизованными, потому что не знаютъ родного языка, полагающихъ все свое изящество въ нарядахъ, жилетахъ, дорогой мебели.

Вы достаточно изучили нашъ любезный большой свѣтъ, чтобы догадаться, *кто* поступалъ хорошо и *кто* выказалъ свою гнусность.

Произошло еще нѣчто любопытное; нѣкоторыя личности, видя отношеніе Государя къ покойному и его вдовѣ, сдѣлали вдругъ открытіе, что Пушкинъ былъ великимъ человѣкомъ. Принялись расхваливать его передъ лицами, которыя могли передать объ этомъ во дворцѣ, — пошли даже дальше, стали дѣлать визиты вдовѣ, не принимающей никого, кромѣ самыхъ близкихъ знакомыхъ и родни; стали навѣдываться къ княгинѣ Вяземской, также не принимающей, потому что она проводитъ цѣлые дни у *m-me* Пушкиной, нервное разстройство которой внушало одно время опасенія: съ ней постоянно дѣлалось дурно. Теперь она нѣсколько оправилась. Стали посѣщать графиню Вельгорскую; она своимъ суровымъ видомъ сразу дала понять, что не скажетъ ни слова объ этихъ визитахъ въ Зимнемъ дворцѣ. Она мнѣ рассказала подробности о двухъ посѣщеніяхъ съ остроуміемъ, котораго я не знала въ ней, такъ какъ она не словоохотлива. Она нѣжно любитъ васъ».

«Я пошлю это письмо въ Римъ, для Гоголя; я отправлю его княгинѣ Зинаидѣ Волконской, она также прочтетъ его съ интересомъ».

«Я получила еще письма отъ Вяземскаго и Плетнева. вмѣстѣ съ книгой «Современникъ», въ которой помѣщенъ некрологъ. Миѣ пишутъ, что Пушкинъ оставилъ много превосходныхъ вещей; Плетневъ напечатаетъ ихъ въ журналѣ,—онъ продолжаетъ издавать его. Жуковский прислалъ миѣ «Уддину», съ посвященіемъ; она издана 29-го января. въ день рожденія Жуковскаго и смерти Пушкина, вдвойнѣ знаменательный для обонхъ друзей. Вѣльгорскій собрался устроить 29-го обѣдъ въ честь *новорожденнаго*. Государь немедленно приказалъ Жуковскому собрать всѣ бумаги Пушкина, опасаясь, чтобы онѣ не затерялись или чтобы ихъ не украли, среди наплыва посѣтителей. Графъ Бенкендорфъ вмѣшался въ это дѣло. Онъ послалъ двухъ чиновниковъ составить опись для полиціи; они перенумеровали каждый листъ, — точно бумаги о какихъ-нибудь административныхъ дѣлахъ. Маніаки бюрократіи! Онъ написалъ довольно рѣзкое письмо Жуковскому, дѣйствовавшему на основаніи приказаній, лично полученныхъ отъ Его Величества; Государь сказалъ ему: «Возьми и опечатай ихъ твоею печатью, я тебѣ поручаю ихъ». Бенкендорфъ воспользовался предложемъ, будто это необходимо для дѣтей; опека должна знать, что будетъ напечатано. Опекуномъ назначенъ Строгоновъ; онъ, конечно, знаетъ, что Жуковскому бумаги довѣрены Государемъ и что Плетневъ напечатаетъ ихъ. Но Бенкендорфъ сваливаетъ все на Строгонова и приписываетъ самому Государю распоряженія, которыхъ они вовсе не дѣлали. Это тѣмъ болѣе неосновательно, что Его Величество печатаетъ на свой счетъ собраніе прежнихъ и еще не изданныхъ сочиненій Пушкина. Строгоновъ знаетъ объ этомъ, потому что онъ опекунъ. Но цензоръ Катонъ остался до конца вѣрнымъ какой-то антипатіи, которую питалъ къ Пушкину съ 1826 г. Блудовъ однажды сказалъ при миѣ: «Государь призвалъ Пушкина, *не посоветовавшись* съ графомъ Бенкендорфомъ, воображающимъ, что съ нимъ слѣдуетъ совѣщаться по всякому дѣлу. Въ качествѣ шефа жандармовъ, онъ хотѣлъ распространить свою опеку даже на самого Государя». Catherine Мерцарская написала миѣ еще разъ. Она не стѣсняется, думаетъ и говоритъ безъ околичностей, выражаетъ свои чувства прямо въ лицо.

* * *

Андрей Карамзинъ бранить Владиміра Соллогуба. Этотъ вертопрахъ оказалъ Пушкину медвѣжью услугу. Онъ уже провинился разъ противъ Nathalie своими пошлыми остротами; онъ иногда такъ неучтивъ. Пушкинъ потребовалъ письменнаго извиненія. Соллогубъ поступилъ тогда, какъ слѣдуетъ; затѣмъ, вообразивъ, что окажется *очень полезнымъ* Пушкину и что эта услуга вернетъ ему *расположеніе* поэта, онъ снесъ ему гнусный циркуляръ, окончательно истощившій терпѣніе Пушкина. Соллогубъ сказалъ ему, что циркуляръ разосланъ по всему городу; между тѣмъ, всѣ, получившіе его, скрыли это отъ Пушкина. Онъ-же получилъ

два экземпляра,—одинъ присланъ по почтѣ, другой — принесенъ неизвѣстнымъ, передавшимъ конвертъ швейцару. Это былъ кто-то не русскій: швейцарь, увидѣвъ французскій адресъ, заговорилъ съ неизвѣстнымъ. Тотъ отвѣтилъ по-французски: «Господину Пушкину», и ушелъ. Совершивъ свой подвигъ, Соллогубъ уѣхалъ въ Москву. Какъ жаль, что онъ не отправился туда до этого злополучнаго дня! Трудно себѣ представить болѣе взбалмошнаго человѣка; кромѣ того, онъ хвастунъ. Ему нельзя отказать въ нѣкоторомъ остроуміи, но характеръ у него посредственный, сердце тщеславное и въ душѣ нѣтъ ничего возвышеннаго. Отецъ его чудакъ, старый кутила, дурной мужъ, но сердце у него гораздо лучше, чѣмъ у сына».

* * *

«Я получила письмо отъ Гоголя изъ Рима. Онъ въ отчаяніи, и пишетъ мнѣ: «Мое солнце угасло». Я не думала, что онъ такъ глубоко любить Пушкина, какъ человѣка, помимо благоговѣнія къ его генію. Николай напишетъ ему обо всѣхъ подробностяхъ, потому что я слишкомъ разстроена, чтобы писать письма; я слышу, однако, для него нѣсколько строкъ изъ писемъ, полученныхъ мною изъ Зимняго дворца и отъ Великаго Князя, потому что онъ очень скромнень и не *разласитъ* о нихъ. Николай приготовить для него копии съ наиболѣе интереснѣйшихъ изъ полученныхъ нами писемъ, или-же пошлетъ ихъ ему для прочтенія, если не успѣетъ переписать, такъ какъ теперь онъ очень занятъ въ посольствѣ, вслѣдствіе отсутствія Медема».

* * *

Я все еще не могу привыкнуть къ мысли, что все, въ самомъ дѣлѣ, конечно, что Пушкинъ умеръ, и мы больше не услышимъ его голоса, его радостнаго смѣха. Онъ былъ такимъ живымъ, полнымъ такой могучей жизни. Я вспомнила его слова, сказанныя мнѣ: онъ увѣренъ, что умереть молодымъ и что судьба задержитъ его въ Петербургѣ. Николай вспомнилъ о прощаніи въ Кронштадтѣ. Пушкинъ вторично вернулся бѣгомъ, обнялъ его, поцѣловалъ мою руку и сказала мнѣ: «*Notre Dame de bon secours*, помолитесь за бѣдныхъ грѣшниковъ». Затѣмъ онъ отошелъ, обернулся и крикнулъ намъ: «Не поминайте грѣшника лихомъ!» Теперь все это вспоминается такъ живо. Николай сказалъ, что онъ отдалъ-бы все на свѣтѣ, чтобы быть въ то время въ Петербургѣ; Киселевъ замѣтилъ ему: «А я очень радъ, что тебя тамъ нѣтъ, ты убилъ-бы Дантеса и старика Геккерена». Признаюсь, я также рада, что живу не въ Петербургѣ, потому что съ моею привычкою высказываться я стала-бы, наконецъ, дерзкою со всѣми, поддерживавшими барона Геккерена и Дантеса. Я всегда избѣгала этого стараго барона, злословящаго, распространяющаго слезлики и скандалы, и чувствовала антипатію къ Дантесу, находя его крайне пошлымъ. Его каламбуры и

двусмысленности отзываются такимъ дурнымъ тономъ. Николай также питаль отвращеніе къ отцу и сыну и никогда не говорилъ съ ними; у меня какъ-будто было какое-то *предчувствіе* относительно этой роковой парочки. Клементій пишетъ мнѣ, что великій князь обошелся очень ласково съ нимъ и даже пригласилъ его къ себѣ, чтобы поблагодарить за то, что онъ не отослалъ къ Пушкину пакета, присланнаго подъ двумя конвертами; во второмъ конвертѣ лежали циркуляры *). Клементій отнесъ пакетъ Вяземскому, который также получилъ экземпляръ, написанный тѣмъ-же почеркомъ; пасквили были разосланы по всему городу. Вяземскій рассказалъ объ этомъ великому князю, который милостиво сообщилъ Клементію, что его исполненный сердечной деликатности и такта образъ дѣйствій доставилъ удовольствіе Государю. Соллогубъ воображалъ, что отличится, отнеся гнусный циркуляръ къ Пушкину; поэтъ еще разъ засвидѣтельствовалъ свою дружбу къ моему брату, не пригласивъ его снова въ секунданты. Секундантовъ порицають за то, что они допустили столь опасную дуэль, но мой мужъ, Киселевъ и Андрей Карамзинъ говорили вчера, что нельзя воспрепятствовать противникамъ драться серьезно, если таково ихъ желаніе; странно только, почему Дантесъ выстрѣлилъ такъ скоро, если было условлено, что противники должны стрѣлять одновременно? Тутъ что-то не совсѣмъ ясно. Киселевъ говоритъ, что вмѣсто того, чтобы дать сигналъ, снявъ шляпу, слѣдовало считать до *трехъ*, послѣ чего должны были послѣдовать выстрѣлы. Во Франціи, при дуэляхъ на шпагахъ, говорятъ: «Начинайте, господа!» Когда былъ убитъ Сень-При, Николай былъ его секундантомъ. Сень-При промахнулся; противникъ его прицѣливался очень долго. Николай сказалъ мнѣ: «Я любилъ Сень-При, какъ брата, а Пушкина, какъ никогда не любилъ другого человѣка, и лишился обоихъ одинаково трагически. Онъ въ отчаяніи; что касается меня, то мнѣ кажется, что погибла цѣлая прекрасная полоса молодости,—притомъ-же, съ нимъ сошло въ могилу столько произведеній, ему оставалось сказать еще такъ много, такъ много! Онъ умеръ 37-ми лѣтъ, какъ Байронъ, и такъ-же, какъ послѣдній, испыталъ всю ненависть посредственностей,—но онъ былъ несравненно выше Байрона по столь развитому въ немъ нравственному чувству, по великой прямотѣ своей совѣсти. Онъ всегда относился къ себѣ строго,—даже къ своимъ юношескимъ продѣлкамъ.

Дипломатическій корпусъ поступилъ безукоризненно. Фикельмонъ и Барантъ лично пріѣзжали справляться о здоровьи Пушкина. Лаваль и его жена также выказали себя съ хорошей стороны; Полетика сообщилъ объ этомъ Клементію. Аркадій посѣтилъ де-Мэстра; старый графъ Ксавье

*) На 2-мъ конвертѣ значился адресъ: «г. Пушкину», (письмо было оставлено открытымъ) и второй экземпляръ для г. Клементія Россетъ—двойной конвертъ, въ расчетъ, что Клементій Россетъ передастъ циркуляръ Пушкину.

возмущенъ поведеніемъ части общества, защищающей Геккерена и въ особенности Дантеса, любимца дамъ. Аркадій пишетъ мнѣ: «Имъ придется обойтись безъ его каламбуровъ и водевильныхъ остротъ». Catherine Мещерская сдѣлала бурную сцену XX; она сказала ей: «Теперь вы довольны, вы также клеветали на Nathalie, кокетничали съ Дантесомъ и сыграли дурную роль по отношенію къ ней. Она вамъ передавала неприличные выходки этого дурно воспитаннаго господина, а вы разглашали ихъ, чтобы погубить ее. Это низко». XX была ошеломлена, но подѣломъ ей: она, въ самомъ дѣлѣ, сыграла низкую роль.

Врачи поражены силой и энергіей Пушкина. Арентъ (хирургъ Его Величества) сказалъ доктору Спасскому (домашнему врачу Пушкина) и Далю (также врачу и автору рассказовъ за подписью «Казакъ Луганскій»), что Пушкину оставалось прожить не дольше 5 минутъ послѣ полученія раны; онъ могъ сдѣлать выстрѣлъ, дойти до кареты и прожить столько времени, лишь благодаря своей силѣ воли. Аркадій присутствовалъ при этомъ разговорѣ; Арентъ сказалъ въ заключеніе: «Великолѣпная натура, mens sana in corpore sano». Да, онъ могъ-бы жить. Невольно спрашиваешь себя, почему Господь отозвалъ его, а Дантеса оставилъ въ этомъ мірѣ.

Онъ умеръ убитымъ, какъ Грибоѣдовъ, только послѣдній погибъ подъ кинжалами фанатиковъ, восточныхъ варваровъ, а Пушкинъ палъ отъ руки мнимо-цивилизованнаго выходца съ запада, авантюриста, пріѣхавшаго искать счастья въ Россіи, потому что не нашель для себя карьеры на родинѣ. Онъ даже выдавалъ себя за шуана! Онъ привезъ съ собою нѣкоего маркиза или графа Тена, опредѣлившагося въ полкъ; этотъ также назвался шуаномъ, между тѣмъ, пришлось его выслать, потому что онъ оказался шулеромъ. Соболевскій написалъ Николаю нѣсколько словъ изъ Варшавы, извѣщая о своемъ пріѣздѣ; онъ пораженъ катастрофой: «Я радъ,—пишетъ онъ,—что не былъ тамъ, потому что побилъ-бы стараго Геккерена и Дантеса. Мнѣ давно уже хотѣлось проучить Дантеса, онъ держался слишкомъ нахально. Государь выдавалъ ему пенсію изъ собственной шкатулки, а онъ, повидимому, воображалъ, что оказываетъ великую честь Россіи, нося русскій мундиръ. Этотъ военный плясунъ, этотъ офицеръ навощенныхъ паркетовъ въ мужскомъ обществѣ выдѣлялся казарменнымъ тономъ, изображалъ изъ себя рубаку, а съ женщинами былъ дерзокъ. Такого тона не потеряли-бы въ русскомъ офицерѣ, но прекрасныя дамы находили его илѣнительнымъ, потому что онъ острилъ по французски и говорилъ рискованныя каламбуры. Я не понимаю, что могло нравиться въ немъ и почему Catherine Гончарова влюбилась по уши въ этого паркетнаго полотера (sic)?»

«Соболевскій пріѣхалъ; это обрадовало насъ, онъ такъ любилъ Пушкина. Онъ обѣдаетъ у насъ почти каждый день, затѣмъ уходитъ навѣстить m-me Свѣчину и возвращается окончить вечеръ у насъ. Сколько воспоминаній возродилось въ насъ, — и какъ грустны всѣ они, потому что все это прошло, миновало безвозвратно. Чѣмъ больше времени проходитъ, тѣмъ глубже чувствуемъ мы невознаградимость утраты. Пріѣхавъ сюда, я послала Пушкину съ курьеромъ книгу и выбрала для рождественскаго подарка. Мнѣ обѣщали доставить другія книги, и сегодня утромъ книготорговецъ прислалъ мнѣ ихъ; когда я раскрыла пакетъ, глаза мои наполнились слезами».

* * *

Д'Аршіакъ выказалъ много такта; онъ доставилъ письма, которыя ему поручили передать намъ, въ канцелярію. Николай, находившійся тамъ, пожалъ ему руку и сообщилъ все, что намъ писали объ его образѣ дѣйствій. Д'Аршіакъ отвѣтилъ: «Я исполнилъ свой долгъ; зная, что Дантесъ — французъ, я не могъ отказаться быть у него секундантомъ. Въ качествѣ секретаря посольства, я оказался въ тѣмъ болѣе затруднительномъ положеніи, что долженъ былъ утаить это отъ моего начальника. Меня огорчаетъ, что я замѣшанъ въ эту катастрофу, потому что я глубоко уважалъ Пушкина. Де-Барантъ, расположеніе котораго къ поэту мнѣ было извѣстно, въ отчаяніи. Онъ чрезвычайно опечаленъ. Де-Барантъ поручилъ мнѣ передать письма вамъ и m-me Смирновой, но я не рѣшился явиться къ ней: мнѣ кажется, что мое присутствіе будетъ для нея тягостнымъ». Николай увѣрилъ его, что я хочу его видѣть и разспросить у него о подробностяхъ.

Онъ пришелъ къ намъ на слѣдующій вечеръ. Киселевъ былъ при этомъ. Д'Аршіакъ разсказалъ намъ, что Пушкинъ во время дуэли поражалъ своимъ мужествомъ и спокойствіемъ, что онъ во всемъ этомъ дѣлѣ выказалъ чрезвычайный тактъ и рыцарскую простоту, исполненную достоинства. Онъ былъ очень серьезенъ, сосредоточенъ, какъ человѣкъ, рискующій жизнью; въ немъ не было ни тѣни притворной беззаботности, разсчитанной, чтобы придать себѣ видъ похрабрѣе. Д'Аршіакъ сказалъ въ заключение: «Это былъ великій характеръ. Я не знаю русскаго языка, не читалъ ни одной строки изъ его сочиненій, я только находилъ его остроумнымъ, даже въ поверхностномъ разговорѣ, и прекрасно воспитаннымъ. Де-Барантъ сказалъ мнѣ, что въ Россіи, кромѣ Императора, никто не заинтересовалъ и не поразилъ его въ такой степени, какъ Пушкинъ. Я понималъ, что мнѣ слѣдуетъ оставить мой постъ, не дожидаясь даже пока меня отзовутъ. Мой начальникъ тотчасъ послалъ курьера въ Парижъ, такъ какъ секунданты вездѣ являются жертвами законовъ противъ дуэлей, въ особенности-же, если одинъ изъ противниковъ убитъ».

Я дорожилъ своимъ постомъ и сожалѣю, что мнѣ пришлось покинуть страну, въ которой меня приняли такъ радушно и гдѣ мое имя останется причастнымъ къ національному трауру». Вяземскій справедливо написалъ мнѣ, что д'Аршіакъ человекъ учтивый и благородный. Мы не произнесли больше ни слова о Дантесѣ; онъ также не упомянулъ о немъ. Д'Аршіакъ не былъ съ нимъ близко, будучи человекомъ довольно серьезнымъ. Онъ вручилъ намъ въ высшей степени сочувственныя письма отъ Баранта и другихъ секретарей своего посольства, а также отъ дипломатовъ англійскаго посольства. Послѣ дуэли, д'Аршіакъ не выѣзжалъ въ свѣтъ; послѣ того, какъ Пушкинъ умеръ, а Дантеса посадили подъ арестъ, онъ счелъ болѣе приличнымъ не показываться; но онъ посетилъ Вяземскихъ и Нессельроде. Къ остальнымъ онъ завезъ лишь визитныя карточки. Вотъ это настоящій тактъ!

* * *

Вяземскій, воспользовавшись французскимъ курьеромъ, прислалъ намъ стихи Лермонтова на смерть Пушкина. Стихи превосходны,—они насъ тронули, очаровали. Мой мужъ, не находившій Лермонтова симпатичнымъ, восторгался даже больше, чѣмъ я; онъ не ожидалъ, что Лермонтовъ напишетъ такъ хорошо. Sophie Карамзина написала ему всѣ подробности по дѣлу объ арестахъ и дуэли и какъ, наконецъ, все это завершилось ссылкой Лермонтова на Кавказъ.

Joseph пишетъ мнѣ, что Лермонтовъ прославился необычайно; въ полку товарищи не любили его, теперь-же онъ сталъ центромъ. Великій князь былъ очень добръ къ нему; если бы онъ самъ не разгласилъ о своемъ намѣреніи вызвать на дуэль Баранта (сына), сдѣлали-бы видъ, что ничего не знаютъ, но онъ заявилъ, что убьетъ француза. Какой безумецъ! Хотя д'Аршіакъ и Дантесъ французы, но развѣ можетъ это служить основаніемъ къ нападенію на Баранта, отецъ котораго именно выказалъ столько сочувствія къ Пушкину? Андрей Муравьевъ также написалъ Николаю. Онъ очень любитъ Лермонтова; онъ прислалъ намъ прелестныя стихи, написанныя сосланнымъ у него въ домѣ. Фикельмонъ пишетъ мнѣ, что его теща пожелала, чтобы ей представили Лермонтова, послѣ появленія его стиховъ; она прочла ихъ, рыдая. «Вѣрная Элиза» обожала Пушкина.

Я надѣюсь, что война на Кавказѣ нѣсколько успокоитъ Лермонтова. Ему будетъ тамъ гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ. Какой талантъ у него, — что могъ-бы онъ сдѣлать, если бы только захотѣлъ работать серьезно!

(Продолженіе слѣдуетъ).

„QUO VADIS“.

Романъ изъ временъ Нерона Генрика Севкевича.

Переводъ съ польскаго К. Льдова.

I.

Было уже около полудня, когда Петроній, наконецъ, проснулся; онъ чувствовалъ себя, по обыкновенію, очень утомленнымъ. Наканунѣ онъ присутствовалъ на пиршествѣ у Нерона, затянувшемся до поздней ночи. Съ нѣкоторыхъ поръ здоровье его стало расшатываться. Онъ самъ говорилъ, что по утрамъ просыпается словно одеревянѣвшимъ, не имѣя силъ собраться съ мыслями. Но утренняя ванна и тщательное растираніе тѣла, производимое руками искусныхъ рабовъ, постепенно ускоряли обращеніе какъ-будто облѣпившейся крови, освѣжали его и возвращали ему бодрость. Изъ олаотекія, то есть изъ послѣдняго отдѣленія бани, онъ все еще выходилъ точно возрожденнымъ, съ глазами, блестящими остроуміемъ и веселостью, помолодѣвшимъ, полнымъ жизни, цвѣтущимъ, столь недосыгаемымъ, что самъ Отонъ не могъ сравниться съ нимъ—и поистинѣ достойнымъ своего прозвища: «arbiter elegantiarum».

Общественныя бани Петроній посѣщаль рѣдко, — только въ тѣхъ случаяхъ, когда появлялся какой-нибудь возбуждающій удивленіе риторъ, о которомъ начинали говорить въ городѣ, или, когда въ эфебіяхъ происходили представлявшія исключительный интересъ состязанія. Онъ имѣлъ на своей «инзулѣ» собственныя бани, которыя знаменитый сотоварищъ Севера, Целлеръ, расширилъ, перестроилъ и обставилъ съ такимъ необычнымъ вкусомъ, что самъ Неронъ признавалъ ихъ превосходящими бани Цезаря, хотя императорскія были обширнѣе и отдѣланы съ несравненно большею пышностью.

Послѣ вчерашняго пиршества, на которомъ Петроній, когда наскучило шутовство Ватинія, принялъ участіе въ спорѣ съ Нерономъ, Луканомъ и Сенекой о томъ, обладаютъ-ли женщины душою,— онъ, какъ мы уже сказали, проснулся поздно и, по обыкновенію, принималъ ванну. Два огромныхъ раба положили его на кипарисный столъ, покрытый бѣлоснѣжнымъ египетскимъ виссономъ, и принялись натирать его статное тѣло ладонями, омоченными въ благовонномъ маслѣ; онъ-же, закрывъ глаза ожидалъ, когда теплота лаконика (потовая баня) и ихъ рукъ сообщится ему и разсѣетъ утомленіе.

Черезъ нѣсколько времени, онъ, однако, заговорилъ,—ц, раскрывъ глаза, сталъ разспрашивать о погодѣ; потомъ онъ спросилъ о драгоценныхъ камняхъ, которые ювелиръ Идоменъ обѣщаль прислать ему сегодня для осмотра... Оказалось, что погода, при легкомъ вѣтрѣ съ Албанскихъ горъ, стоитъ прекрасная, а драгоценные камни еще не присланы. Петроній снова сомкнулъ вѣки, приказавъ перенести себя въ тепидарій. Въ это время, изъ-за завѣсы выступилъ «номенклаторъ» и доложилъ, что Петронія пришелъ навѣстить молодой Маркъ Виницій, только что вернувшійся изъ Малой Азіи.

Петроній приказалъ впустить гостя въ тепидарій, куда перебрался и самъ. Виницій былъ сыномъ его старшей сестры, много лѣтъ тому назадъ вышедшей замужъ за Марка Виниція, служившаго консуломъ во времена Тиверія. Молодой Виницій сражался съ парянами, подъ начальствомъ Корбулона; по окончаніи войны, онъ возвратился въ Римъ. Петроній питалъ къ нему нѣкоторое расположеніе, почти привязанность, потому что Маркъ былъ красивымъ, атлетическаго сложенія юношей и, вмѣстѣ съ тѣмъ, умѣлъ не переступать извѣстной эстетической мѣры въ развращенности,— что Петроній цѣнилъ выше всего.

— Привѣтъ Петронію,— сказалъ молодой человекъ, входя увѣренною поступью въ тепидарій,— пусть всѣ боги споспѣшествуютъ тебѣ, а въ особенности Асклеій и Киприда, такъ какъ, при ихъ двойномъ покровительствѣ, съ тобой не можетъ случиться ничего дурного.

— Добро пожаловать въ Римъ и пусть будетъ тебѣ сладокъ отдыхъ послѣ войны,— отвѣтилъ Петроній, протягивая руку между сладокъ мягкаго тончайшаго полотна, въ которое былъ обернутъ — что поваго въ Арменіи? и не привелось-ли тебѣ, находясь въ Азіи, побывать въ Вѣннии?

Петроній служилъ когда-то правителемъ въ Вѣннии и, притомъ, правилъ съ твердостью и справедливо. Дѣятельность эта являлась страннымъ противорѣчіемъ по сравненію съ характеромъ человека, извѣстнаго своею изнѣженностью и пристрастіемъ къ роскоши; поэтому Петроній любилъ вспомянуть время своей службы, такъ какъ она доказывала, чѣмъ могъ-бы онъ и сумѣлъ стать, если-бы пожелалъ.

— Мнѣ пришлось побывать въ Гераклеѣ, — отвѣтилъ Виницій. — Меня послалъ туда Корбулонъ за подкрѣпленіями.

— Ахъ, Гераклея! я зналъ тамъ одну дѣвушку изъ Колхиды, — я отдалъ-бы за нее всѣхъ здѣшнихъ разведенныхъ женъ, не исключая Поппеи. Но это было уже такъ давно! Расскажи лучше, что слышно о парянахъ? Признаться, мнѣ падоѣли всѣ эти Вологезы, Тиридаты, Тиграны, всѣ эти варвары, которые, какъ говоритъ молодой Арулами, ползаютъ еще у себя дома на четверенькахъ и только среди насъ притворяются людьми. Но въ Римѣ теперь много говорить о нихъ, — быть можетъ лишь потому, что небезопасно говорить о чемъ-либо другомъ.

— Эта война ведется неудачно, и если-бы не Корбулонъ, могла-бы окончиться пораженіемъ.

— Корбулонъ! клянусь Вакхомъ, онъ — истинный божокъ войны, настоящій Марсъ! Великій полководецъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вспыльчивый, прямой и глухой человѣкъ. Я люблю его, хотя-бы за то, что Неронъ боится его.

— Корбулонъ вовсе не глухъ.

— Быть можетъ, ты правъ, хотя въ сущности, это безразлично. Глухость, какъ говоритъ Пирронъ, ничѣмъ не хуже ума и ничѣмъ не отличается отъ него.

Виницій сталъ рассказывать о войнѣ, но когда Петроній снова закрылъ глаза, молодой человѣкъ, всмотрѣвшись въ его утомленное и нѣсколько осунувшееся лицо, перемѣнилъ предметъ разговора и съ нѣкоторой озабоченностью принялся разспрашивать объ его здоровьѣ.

Петроній опять поднялъ вѣки.

Какъ его здоровье?.. Ничего. Онъ не чувствуетъ себя вполне здоровымъ. Онъ не опустился впрочемъ до такой степени, какъ молодой Сиссена, который настолько утратилъ сознание, что спрашиваетъ по утрамъ, когда его приносятъ въ баню: «снѣжу-ли я?» — Нѣтъ, онъ не чувствуетъ себя здоровымъ. Виницій поручилъ его покровительству Аскленія и Киприды. Но онъ, Петроній, не вѣритъ въ Аскленія. Неизвѣстно даже, чьимъ сыномъ былъ этотъ Асклеій, — Арсиноэ или Корониды, а когда возникаетъ споръ о матери, что-же тогда и говорить объ отцѣ! Кто теперь поручится даже за собственнаго отца!

Петроній засмѣялся; затѣмъ онъ добавилъ:

— Впрочемъ, два года тому назадъ я послалъ въ Эпидавръ три дюжины живыхъ откормленныхъ пѣтуховъ и золотую чашу, — но, знаешь почему? Я сказалъ себѣ: поможетъ это или не поможетъ, во всякомъ случаѣ, не повредитъ. Если люди и приносятъ еще жертвы богамъ, однако, я думаю, что всѣ разсуждаютъ такъ же, какъ я. Всѣ! За исключеніемъ, быть можетъ, погонщиковъ муловъ, нанимаемыхъ путешественниками у porta Carana. Кромѣ Аскленія, мнѣ пришлось

имѣть дѣло и съ Асклепіадами, когда въ прошломъ году у меня немало разстроилась дѣятельность почекъ. Они посвятили мнѣ инкубацію. Я зналъ, что они плуты, но также сказалъ себѣ: какой мнѣ вредъ отъ этого? Весь свѣтъ держится на плутовствѣ и сама жизнь есть самообманъ. Душа также одна мечта. Надо, однако, имѣть хоть настолькоъ ума, чтобы различать пріятныя заблужденія отъ непріятныхъ. Свой гипнокаустъ я приказываю топить кедровымъ деревомъ, осыпаннымъ амброй, потому что предпочитаю въ жизни ароматы зловонію. Что касается Киприды, благосклонности которой ты также поручилъ меня, то я уже настолькоъ ознакомился съ ея покровительствомъ, что приобрѣлъ колотье въ правой ногѣ. Впрочемъ, это добрая богиня! Я предвижу, что теперь и ты, раньше или позже, понесешь бѣлыхъ голубей къ ея жертвеннику.

— Ты угадалъ, — сказалъ Виницій. — Я уцѣлѣлъ подъ стрѣлами пареянъ, но Амуръ поразилъ меня... самымъ неожиданнымъ образомъ, всего въ нѣсколькихъ стадіяхъ отъ городскихъ воротъ.

— Клянусь бѣлыми колѣнями Харитъ! ты расскажешь мнѣ объ этомъ на досугѣ, — сказалъ Петроній.

— Я пришелъ къ тебѣ именно съ цѣлью попросить совѣта, — отвѣтилъ Маркъ.

Его прервали эпиляторы, тотчасъ-же занявшіеся Петроніемъ; Маркъ, скинувъ тунику, вошелъ, по приглашенію Петронія, въ ванну съ лѣтнею водою.

— Ахъ, я даже не спрашиваю, пользуешься-ли ты взаимностью, — произнесъ Петроній, посмотрѣвъ на молодое, какъ-бы изваянное изъ мрамора тѣло Виниція. — Если-бы Лизиппъ видѣлъ тебя, ты украшалъ-бы теперь, въ видѣ статуи Геркулеса въ юношескомъ возрастѣ, ворота, ведущія къ Палатинну.

Молодой человѣкъ самодовольно улынулся и сталъ погружаться въ ванну, обильно выплескивая теплую воду на мозаику, изображающую Геру въ тотъ моментъ, когда богиня проситъ Сонъ объ усиленіи Зевса. Петроній смотрѣлъ на Марка восхищеннымъ взоромъ художника.

Когда Виницій вышелъ изъ ванны и, въ свою очередь, довѣрился рукамъ эпиляторовъ, вошелъ «литоръ» съ бронзовою трубкой на животѣ, въ которой лежали свитки папируса.

— Хочешь послушать? — спросилъ Петроній.

— Если это твое сочиненіе — съ удовольствіемъ? — отвѣтилъ Виницій, — въ противномъ случаѣ, я предпочитаю побесѣдовать. Поэты ловятъ нынче людей на всѣхъ перекресткахъ улицъ.

— Это правда. Нельзя миновать ни одной базилики, ни однѣхъ бань, ни одной бібліотеки или книжной лавки, чтобы не натолкнуться на поэта, жестикулирующаго, точно обезьяна. Агриппа, пріѣхавъ съ Востока,

счелъ ихъ за бѣсноватыхъ. Такія ужъ теперь времена. Цезарь пишетъ стихи, поэтому всѣ подражаютъ ему. Запрещается лишь писать стихи лучше, чѣмъ Цезарь; по этой причинѣ, я нѣсколько побаиваюсь за Лукана... Я-же пишу прозой, которою, притомъ, не угощаю ни самого себя, ни другихъ. Лекторъ долженъ былъ читать *записки* злополучнаго Фабриція Вейента.

— Почему «злополучнаго»?

— Потому, что ему приказано развлечься ролью Одиссея и не возвращаться къ домашнимъ пенатамъ до новаго распоряженія. Одиссея эта, однако, хоть въ одномъ отношеніи будетъ для него не столь тяжелою, какъ Одиссею: жена его совсѣмъ не похожа на Пенелопу. Считаю излишнимъ пояснять тебѣ, что распорядились глупо. Но здѣсь всѣ судятъ о дѣлахъ поверхностно. Фабрицій написалъ довольно плохую и скучную книгу, тѣмъ не менѣе ею стали зачитываться съ тѣхъ поръ, какъ изгнали ея автора. Теперь только и слышишь со всѣхъ сторонъ: «скандалъ, скандалъ!» Возможно, что Фабрицій кое-что присочинилъ, но я, хорошо зная городъ, нашихъ patres и женщинъ, увѣряю тебя, что все это гораздо блѣднѣе, чѣмъ въ дѣйствительности. Это не мѣшаетъ всѣмъ отыскивать тамъ—себя съ опасеніемъ, а знакомыхъ съ злорадствомъ. Въ книжной лавкѣ Авирна сто пищовъ переписываютъ книгу подъ диктовку; успѣхъ ея обезпеченъ.

— А попали туда твои похождения?

— Какже, — только авторъ промахнулся, потому что я и гораздо хуже, и не такъ пошлъ, какъ онъ меня изображаетъ. Видишь-ли, мы здѣсь давно уже утратили способность различать, что нравственно и что безнравственно, и мнѣ самому кажется, что, въ самомъ дѣлѣ, этого различія не существуетъ, хотя Сенека, Музоній и Тразея притворяются, будто видятъ его. А мнѣ все равно! клянусь Геркулесомъ, я говорю чистосердечно! Но я сохранилъ то преимущество, что не смѣшиваю безобразнаго съ прекраснымъ,—а этого, наиримѣръ, нашъ мѣднородный поэтъ, возница, пѣвецъ, плясунъ и гистріонъ—не понимаетъ.

— Мнѣ жаль, однако, Фабриція! Онъ хороший товарищъ.

— Его сгубило тщеславіе. Всѣ подозрѣвали его, никто не былъ, однако, увѣренъ, но онъ самъ не могъ удержаться, и повсюду разбалтывалъ подъ секретомъ. Слышалъ ты объ исторіи съ Руффиномъ?

— Нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, перейдемъ въ фригидарій; мы остынемъ тамъ, и я тебѣ расскажу.

Они перешли въ фригидарій, по серединѣ котораго билъ фонтанъ съ окрашеною въ блѣдно-розовый цвѣтъ струею, распространявшею запахъ фіалокъ. Сѣвъ въ вѣши, устланныя шелковою тканью, они стали вдыхать въ себя прохладу. Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Впницій

въ раздумьи смотрѣлъ на бронзоваго фавна, перегнувшего черезъ свою руку нимфу и жадно ищущаго губами ея усть; затѣмъ онъ произнесъ:

— Вотъ, кто правъ. Это—лучшее изъ всего, что даетъ жизнь.

— Да, болѣе или менѣе. Но ты, кромѣ этого, любишь войну, къ которой я не расположенъ, потому что въ палаткахъ ногти трескаются и теряютъ розовый цвѣтъ. Впрочемъ, у каждаго есть своя слабость. Мѣднобородый любитъ пѣніе, въ особенности, свое собственное, а старый Скавръ свою коринескую вазу, которая по ночамъ ставится около его ложа и которую онъ пѣлуетъ, если ему не спится. Онъ уже протеръ подѣлуями края этой вазы. Скажи-ка, ты не пишешь стиховъ?

— Нѣтъ. Я никогда не могъ сложить ни одной строки гекзаметра.

— А не играешь-ли ты на лютнѣ и не поешь-ли?

— Нѣтъ.

— И не правишь колесницами?

— Я, въ свое время, подвизался на ристалищахъ въ Антиохіи, но не имѣлъ успѣха.

— Въ такомъ случаѣ, я за тебя спокоенъ. А къ какой партіи принадлежишь ты въ циркѣ?

— Къ партіи зеленыхъ.

— Тогда я совсѣмъ спокоенъ, тѣмъ болѣе, что, хотя ты обладаешь большимъ состояніемъ, но не такъ богатъ, какъ Палласъ или Сенека. Потому что, видишь, у насъ теперь хорошо, если кто пишетъ стихи, поетъ подъ лютню, декламируетъ и состязается въ циркѣ, но еще лучше, а главное, безопаснѣй, не писать стиховъ, не играть, не пѣть и не подвизаться на аренѣ. Полези-же всего—умѣть восторгаться, когда все это продѣлываетъ мѣднобородый. Ты красивый юноша, слѣдовательно, тебѣ можетъ угрожать развѣ лишь то, что въ тебя влюбится Пощея. Но она въ этомъ отношеніи слишкомъ опытна. Любви она извѣдала достаточно за двумя первыми мужьями; за третьимъ она добивается кое-чего другого. Знаешь-ли, что этотъ глупый Отонъ до сихъ поръ любитъ ее до безумія?.. Блуждаетъ вдаль, по испанскимъ скаламъ, и вздыхаетъ; онъ до того утратилъ прежнія привычки и настолько пересталъ заботиться о себѣ, что на прическу ему хватаетъ теперь всего трехъ часовъ въ сутки. Кто могъ-бы ожидать этого, въ особенности, отъ Отона?

— Я понимаю его,—возразилъ Виницій. — Но на его мѣстѣ я дѣлалъ-бы кое-что другое.

— Что-же именно?

— Я вербовалъ-бы преданные легіоны изъ мѣстныхъ горцевъ. Изъ этихъ иберійцевъ выходятъ славные солдаты.

— Виницій! Виницій! я почти готовъ сказать, что ты оказался-бы неспособнымъ на это. И, знаешь-ли, почему? Потому что такіа

вещи дѣлаются, но о нихъ не говорятъ, даже условно. Что касается меня, то я смѣлся-бы на его мѣстѣ надъ Поппеей, смѣлся-бы надъ мѣднородымъ и формировалъ-бы себѣ легіоны, по не изъ пберійцевъ, а изъ пберіянскъ. Самое большое, я писалъ-бы эпиграммы, да и то не читалъ-бы ихъ никому, какъ этотъ бѣдный Рүффинъ.

— Ты хотѣлъ разсказать мнѣ его исторію.

— Я сдѣлаю это въ уиктуаріѣ.

Но въ уиктуаріѣ вниманіе Виниція отвлекли прелестныя рабыни, ожидавшія тамъ купающихся. Двѣ изъ нихъ, негритянки, подобныя пышнымъ изваяніямъ изъ чернаго дерева, стали умащать ихъ тѣла тонкими аравійскими благовоніями; другія, искусныя въ причесываніи фригіянки, держали въ мягкихъ и гибкихъ, какъ змѣи, рукахъ полированныя стальные зеркала и гребни.—а двѣ, напоминавшія красотой богинь, греческія дѣвушки изъ Коса, ожидали, въ качествѣ «*vestiplicae*», когда наступитъ время живописнаго собиранія складокъ на тогахъ патриціевъ.

— Зевесъ—Тучегонитель!—возвѣликнулъ Маркъ Виницій,—какой у тебя выборъ!

— Я предпочитаю качество количеству,—отвѣтилъ Петроній.— Вся моя (фамилія *) въ Римѣ не превышаетъ четыреста головъ,—и я полагаю, что для ухода за своею личностью развѣ только выскочкамъ можетъ понадобится большее число людей.

— Прекраснѣйшихъ *тѣлъ* не имѣетъ даже мѣднородый, — сказалъ, раздувая ноздри, Виницій.

Петроній отвѣтилъ съ оттѣнкомъ дружеской беззаботности:

— Ты мой родственникъ, а я не такъ неподатливъ, какъ Бассъ, и не такой педантъ, какъ Авлъ Плавцій.

Но Виницій, услышавъ послѣднее имя, позабылъ уже о дѣвушкахъ изъ Коса и, поднявъ голову, спросилъ:

— Почему тебѣ вспомнился Авлъ Плавцій? Развѣ ты знаешь, что я, вывихнувъ руку подъ городомъ, провелъ больше двухъ недѣль въ его домѣ? Плавцій случайно проѣзжалъ въ это время и, увидѣвъ, что я очень страдаю, отвезъ меня къ себѣ; тамъ рабъ его, врачъ Меріонъ, вылѣчилъ меня. Я именно объ этомъ хотѣлъ поговорить съ тобою.

— Въ чемъ-же дѣло? Ужъ не влюбился-ли ты, чего добраго, въ Помпонію? Въ такомъ случаѣ, мнѣ жаль тебя: она не молода и добродѣтельна! Я не могу представить себѣ худшаго сочетанія.—Брр!

— Я влюбился не въ Помпонію. Еheu!—возразилъ Виницій.

— Такъ, въ кого-же?

*) Домашніе рабы назывались «*familia*».

— Я хотѣлъ-бы и самъ узнать это! Но я не знаю даже навѣрно какъ ее зовутъ: Лигіей или Каллиной? Дома ее зовутъ Лигіей, потому что она происходить изъ лигійскаго народа, но у нея есть свое варварское имя: Каллина. Что за странный домъ у этого Плавція! Въ немъ многолюдно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тихо, точно въ Субіакскихъ рощахъ. Въ теченіе двухъ недѣль я и не подозрѣвалъ, что вблизи меня обитаетъ божество. Но однажды, на разсвѣтѣ, я увидѣлъ ее, купающуюся въ садовомъ фонтанѣ. И клянусь тебѣ пѣною, изъ которой родилась Афродита, блескъ зари пронизывалъ насквозь ея тѣло. Мнѣ казалось, что вотъ, вотъ, взойдетъ солнце, и она расплывется въ его лучахъ, точно сіяніе утренней звѣзды. Послѣ того я два раза видѣлся съ нею, и съ этого времени не могу успокоиться, не знаю иныхъ желаній, пренебрегаю всѣмъ, что можетъ дать мнѣ Римъ, не хочу женить, не хочу золота, не хочу ни коринской мѣди, ни янтаря, ни жемчуга, ни вина, ни пиршествъ, жажду одной только Лигіи. Признаюсь тебѣ чистосердечно, Петроній, я тоскую по ней, какъ тосковалъ по Пазнеаѣ Сонъ, изображенный на мозаикѣ твоего тепидарія, тоскую напролетъ цѣлые дни и ночи.

— Если она рабыня, купи ее.

— Она не рабыня.

— Кто-же она? вольноотпущенница Плавція?

— Она не была никогда рабыней, поэтому не могла быть и отпущенной на свободу.

— Такъ что-же она такое?

— Не знаю: царская дочь или что-то въ этомъ родѣ.

— Ты возбуждаешь во мнѣ любопытство, Виницій.

— Если желаешь выслушать меня, я сейчасъ удовлетворю твоей любознательности. Рассказывать придется не очень долго. Ты, быть можетъ, лично зналъ Ванлія, царя свевовъ; изгнанный изъ отечества, онъ много лѣтъ прожилъ въ Римѣ и даже приобрѣлъ извѣстность счастливою игрою въ кости и умѣніемъ управлять колесницей. Цезарь Друзъ снова возвелъ его на престолъ. Ванній, который, въ самомъ дѣлѣ, былъ дѣльнымъ человекомъ, сначала правилъ хорошо и велъ удачныя войны, но потомъ, однако, сталъ ужъ чересчуръ драть шкуры не только съ сосѣдей, но и со своихъ свевовъ. Тогда Вангюнъ и Сидонъ, двое племянниковъ его, сыновья Вибилія, царя германдуровъ, рѣшились принудить его еще разъ съѣздить въ Римъ... попытать счастья въ кости.

— Я помню, это было въ недавнія времена, при Клавдіѣ.

— Да.—Началась война. Ванній призвалъ на помощь язиговъ, а его милые племянники обратились къ лигійцамъ, которые, прослышавъ о богатствахъ Ванніа и прельстившись надеждой на добычу, нахлынули

въ такомъ множествѣ, что самъ цезарь Клавдій сталъ опасаться за неприкосновенность границы. Клавдій, не желая вмѣшиваться въ войны варваровъ, написалъ, однако, Ателію Гистеру, начальствовавшему надъ придунайскимъ легиономъ, чтобы онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ войны и не дозволилъ нарушить нашего спокойствія. Тогда Гистеръ потребовалъ отъ лигійцевъ, чтобы они обязались не переходить черезъ границу; они-же не только согласились на это, но и представили заложниковъ, въ числѣ которыхъ находились жена и дочь ихъ вождя... Тебѣ извѣстно, что варвары выступаютъ въ походъ съ женами и дѣтьми... Такъ, вотъ, моя Лигія и есть дочь этого вождя.

— Откуда-же ты узналъ обо всемъ этомъ?

— Мнѣ рассказалъ самъ Авлъ Плавцій. Лигійцы, дѣйствительно, не перешли тогда черезъ границу, но варвары появляются, какъ гроза, и исчезаютъ съ такою-же стремительностью. Такъ скрылись и лигійцы, со своими турьими рогами на головахъ. Они разбили собранныхъ Ваниемъ севововъ и язиговъ, но царь ихъ былъ убитъ; вслѣдствіе этого, они удалились съ добычей, оставивъ заложницъ во власти Гистера. Мать векорѣ умерла, а дѣвочку Гистеръ, не зная, что съ ней дѣлать, отослалъ къ правителю всей Германіи, Помпонію. Послѣдній, по окончаніи войны съ каттами, вернулся въ Римъ, гдѣ Клавдій, какъ ты знаешь, разрѣшилъ ему отпраздновать триумфъ. Дѣвочка шла тогда за колесницей побѣдителя, но, послѣ торжества, и Помпоній, въ свою очередь, затруднялся, какъ поступить съ дѣвочкой, такъ какъ заложницу нельзя было считать взятой въ плѣнъ; онъ отдалъ ее, наконецъ, своей сестрѣ, Помпоніи Грецинѣ, женѣ Плавція. Въ этомъ домѣ, гдѣ всѣ, начиная съ хозяевъ и кончая курами на птичьемъ дворѣ, добродѣтельны, она выросла дѣвушкой,—увы, столь-же добродѣтельной, какъ сама Грецина, и такою прекрасной, что даже Пoppея казалась-бы рядомъ съ нею осеннею смоквой возлѣ гесперидскаго яблока.

— Ну, и что-же!

— Повторяю тебѣ: съ того мгновенія, когда я увидѣлъ, что лучи, сквозя, пронизывали ея тѣло, я влюбился въ нее безъ памяти.

— Она, слѣдовательно, прозрачна, какъ морская мпвога или молодая сардинка?

— Не смѣйся, Петроній,—а если тебя вводитъ въ заблужденіе, что я самъ такъ свободно говорю о моей страсти, вспомни, что блестящія одежды часто покрываютъ глубокія раны. Я долженъ тебѣ признаться также, что, возвращаясь изъ Азіи, провелъ одну ночь въ храмѣ Моиса, чтобы получить во снѣ откровеніе. И вотъ, во снѣ явился мнѣ самъ Моисей и предсказалъ, что любовь произведетъ въ моей жизни большую перемѣну.

— Я слышалъ, какъ Плиній говорилъ, что не вѣрится въ боговъ,

но вѣрить въ сны,—и, быть можетъ, онъ правъ. Мои шутки не мѣшаютъ мнѣ думать иногда, что, дѣйствительно, существуетъ лишь одно божество,—предвѣчное, всемогущее, зиждительное,—*Venus Genitrix*. Оно связуетъ души, соединяетъ тѣла и предметы. Эротъ извлекъ свѣтъ изъ хаоса. Хорошо-ли онъ поступилъ, это иной вопросъ, но разъ это такъ, мы принуждены признать его могущество, хотя можно это могущество и не благословлять...

— Ахъ, Петроній! философствовать легче, чѣмъ дать добрый совѣтъ.

— Скажи, чего-же ты, въ сущности, хочешь?

— Я хочу обладать Лигией. Хочу, чтобы эти руки мои, обнимающія теперь только воздухъ, могли заключить ее въ объятія и привлечь къ груди. Хочу вливать ея дыханіе. Если-бы она была рабыней, я даль-бы за нее Авлу сто дѣвушекъ, съ ногами, выбѣленными известью, въ знакъ того, что ихъ впервые выставили на продажу. Хочу обладать ею въ своемъ домѣ до тѣхъ поръ, пока голова моя не побѣлѣетъ, какъ вершина Соракты зимою.

— Она хотя и не рабыня, однако, все-таки принадлежитъ къ «фамиліи» Плавціа, а, въ качествѣ брошеннаго родными ребенка, можетъ быть сочтена за воспитанницу. Плавцій, если бы пожелалъ, могъ-бы уступить ее тебѣ.

— Видно, ты не знаешь Помпоніи Грецины. Наконецъ, они оба привязаны къ ней, точно къ родной дочери.

— Я знаю Помпонію. Настоящій кипарисъ. Если бы она не была женой Авла, ее можно было-бы нанимать въ плакальщицы. Со времени смерти Юліа, она не снимаетъ темной «стола» и, вообще, выглядитъ, словно уже при жизни блуждаетъ по дугу, поросшему «асфодалами». Притомъ-же она «универса», то-есть фениксъ среди нашихъ по четыре и пять разъ разводившихся женщинъ... Кстати, слышалъ ты, будто теперь въ Верхнемъ Египтѣ въ самомъ дѣлѣ вывелся фениксъ, что случается не чаще одного раза въ пятьсотъ лѣтъ?

— Петроній! Петроній! о фениксѣ мы потолкуемъ когда-нибудь въ другой разъ.

— Знаешь, что я тебѣ скажу, любезный Маркъ. Я знакомъ съ Авломъ Плавціемъ, который хотя осуждаетъ мой образъ жизни, однако, питаетъ ко мнѣ нѣкоторое влеченіе, а, можетъ быть, даже уважаетъ меня больше другихъ, такъ какъ знаетъ, что я никогда не былъ доносчикомъ, какъ, напримѣръ, Домицій Аферъ, Тигеллинъ и вся шайка пріятелей Агенобарба. Не выдавая себя за стойка, я, тѣмъ не менѣе, не разъ морщился отъ такихъ поступковъ Нерона, на которые Сенека и Бурръ смотрѣли сквозь пальцы. Если ты полагаешь, что я могу что-нибудь выхлопотать для тебя у Авла,—я къ твоимъ услугамъ.

— Мнѣ кажется, что ты можешь. Ты умѣешь вліять на него и, притомъ, избобрѣтательность твоя неисчерпаема. Если-бы ты вникъ въ положеніе дѣла и поговорилъ съ Плавціемъ...

— Ты преувеличиваешь и мое вліяніе, и мою находчивость,—но, если рѣчь идетъ лишь объ этомъ, я поговорю съ Плавціемъ, какъ только онъ переѣдетъ въ Римъ.

— Они вернулись два дня тому назадъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдѣмъ въ триклиній, гдѣ ждетъ насъ завтракъ, а послѣ, подкрѣпивъ силы, прикажемъ отнести насъ къ Плавцію.

— Ты всегда былъ дорогъ мнѣ,—воскликнулъ съ увлеченіемъ Виницій,—но теперь мнѣ остается лишь поставить среди моихъ ларовъ твое изваяніе,—вотъ, такое прекрасное, какъ это,—и приносить ему жертвы.

Сказавъ это, онъ повернулся къ статуямъ, украшавшимъ одну изъ стѣнъ благоухающей комнаты, и указалъ на изваяніе Петронія съ посохомъ въ рукѣ, въ видѣ Гермеса.

Затѣмъ, онъ добавилъ:

— Клянусь сіяніемъ Геліуса, если «богоподобный» Александръ былъ похожъ на тебя,—я не дивлюсь Еленѣ.

Воскликаніе это дышало въ равной степени искренностью и лестью, такъ какъ Петроній, хотя былъ старше и не столь атлетическаго сложенія, какъ Виницій, однако, лицомъ казался еще прекраснѣе. Римскія женщины восхищались не только гибкостью его ума и вкусомъ, за который его прозвали законодателемъ изящества, но и тѣломъ его. Это отражалось даже на лицахъ обѣихъ дѣвушекъ изъ Коса, укладывавшихъ теперь складки его тоги; одна изъ нихъ, по имени Эвника, втайнѣ влюбленная въ Петронія, смотрѣла ему въ глаза съ кротостью и обожаніемъ.

Но онъ, даже не обративъ вниманія на нее, улынулся Виницію и сталъ цитировать ему въ отвѣтъ изреченіе Сенеки о женщинахъ:

— *Animal imprudens...* и пр.

Затѣмъ Петроній, обнявъ рукою плечи молодого человѣка, повелъ его въ триклиній.

Въ уиктуаріѣ двѣ греческія дѣвушки фригіянки и двѣ негритянки принялись убирать благовонія. Но въ ту-же минуту изъ-за отдернутой завѣсы фригидарія высунулись головы бальнеаторовъ и раздался осторожный обликъ; одна изъ гречанокъ, фригіянки и обѣ негритянки мгновенно скрылись за завѣсой.

Въ баняхъ наступила пора веселья и разгула; надсмотрщикъ надъ рабами не препятствовалъ, потому что самъ нерѣдко принималъ участіе въ подобныхъ оргіяхъ. Догадывался, впрочемъ, о нихъ и Петроній, но, какъ

человѣкъ снисходительный и не любившій наказывать, смотрѣлъ на эти продѣлки сквозь пальцы.

Въ унктуаріѣ осталась одна Эвника. Она нѣсколько времени прислушивалась къ удаляющимся по направленію къ лаковнику голосамъ и смѣху; затѣмъ, она подняла отдѣланную янтаремъ и слоновою костью скамейку, на которой только что сидѣлъ Петроній, и бережно придвинула къ его изваянію.

Унктуарій наполнился солнечнымъ блескомъ и яркимъ отраженіемъ разноцвѣтныхъ мраморныхъ плитъ, которыми были облицованы стѣны.

Эвника встала на скамейку—и, очутившись на одномъ уровнѣ съ изваяніемъ, порывисто обвила руками шею статуи; потомъ, откинувъ назадъ свои золотистые волосы и припикнувъ розовымъ тѣломъ къ бѣлому мрамору, стала въ упоеніи осыпать поцѣлуями холодныя уста Петронія.

II.

Послѣ «завтрака», какъ выразился Петроній, хотя друзья приступили къ трапезѣ, когда простые смертные давно уже встали отъ полуденнаго обѣда, Петроній предложилъ немного вздремнуть. По его мнѣнію, было еще слишкомъ рано для посѣщенія. Есть, конечно, люди, начинающіе навѣщать знакомыхъ съ восходомъ солнца, считая этотъ обычай даже освященнымъ древностью, истинно римскимъ. Но онъ, Петроній, считаетъ его варварскимъ. Удобнѣе всего для посѣщеній время послѣ полудня, не раньше, однако, чѣмъ солнце опустится по направленію къ храму Юпитера Капитолійскаго и начнетъ бросать косые лучи на форумъ. Осенью бываетъ еще очень жарко, и люди охотно спятъ послѣ ѣды. Въ это время, пріятно послушать журчаніе фонтана въ атриѣ и, пройдя обязательную тысячу шаговъ, подремать въ багряномъ свѣтѣ, пробивающемся сквозь пурпурный, на половину задернутый веларій.

Виницій согласился съ его мнѣніемъ. Они стали прогуливаться, небрежно бесѣдуя о томъ, что слышно въ палатинскомъ дворцѣ и въ городѣ, и слегка мудрствуя о жизни. Затѣмъ Петроній удалился въ спальню, но спать недолго. Спустя полчаса, онъ вернулся и, приказавъ принести вервены, сталъ нюхать ее и натирать руки и виски.

— Ты не можешь себѣ представить, — сказалъ онъ, — какъ это бодрить и освѣжаетъ. Теперь я готовъ.

Носилки давно уже ожидали ихъ; они сѣли и приказали отнести себя на Vicus Patricius, въ домъ Авла. Вилла Петронія находилась на южномъ склонѣ Палатинскаго холма, около такъ называемыхъ Каринъ; кратчайшій путь лежалъ ниже форума, однако, Петроній,

желая, кстати, захватить къ золотыхъ дѣлъ мастеру Идомену, распорядился, чтобы ихъ несли черезъ Vicus Apollinis и форумъ, по направлению къ Vicus Sceleratus, на углу котораго помещалось много всевозможныхъ тавернъ.

Рослые негры подняли носилки и двинулись въ путь, предшествуемые рабами, называвшимися скороходами. Петроній нѣсколько времени, молча, поднималъ къ ноздрямъ свои ладони, пахнущія вервеной, и, погидимому, обдумывалъ что-то; затѣмъ онъ произнесъ:

— Мнѣ думается, что если твоя лѣсная нимфа не рабыня, въ такомъ случаѣ ничто не препятствуетъ ей покинуть домъ Плавція и переселиться къ тебѣ. Ты окружилъ-бы ее любовью и осыпалъ-бы богатствами, какъ я—мою боготворимую Хризотемиду, которою, между нами, я пресытился, по крайней мѣрѣ, въ такой-же степени, какъ она—мною.

Маркъ отрицательно покачалъ головою.

— Почему-же нѣтъ?—спросилъ Петроній.— Въ худшемъ случаѣ, дѣло дошло-бы до цезаря, а ты можешь быть увѣренъ, что, хотя-бы благодаря моему влиянію, нашъ мѣдиобородый принялъ-бы твою сторону.

— Ты не знаешь Лигіи!—возразилъ Винцій.

— Такъ позволъ-же спросить, знаешь-ли ты самъ ее болѣе, чѣмъ по одной виѣнности? говорилъ-ли ты съ нею? признавался-ли ей въ любви?

— Я сначала увидѣлъ ее у фонтана, а потомъ дважды встрѣчался съ нею. Не забудь, что, во время пребыванія въ домѣ Авла, я жилъ въ пристройкѣ, предназначенной для гостей,—и съ моею вывихнутой рукой не могъ присутствовать за общимъ столомъ. Лишь наканунѣ дня, на который я назначилъ свой отъѣздъ, я увидѣлся съ Лигіей за ужиномъ, но мнѣ не удалось обмѣняться съ ней ни словечкомъ. Я принужденъ былъ слушать повѣствованія Авла о побѣдахъ, одержанныхъ имъ въ Британіи, а потомъ—объ упадкѣ мелкаго землевладѣнія въ Италіи, предотвратить который старался еще Лициній Столонъ. Вообще я не знаю, способенъ-ли Авлъ говорить о чемъ-либо другомъ,—и не воображай, что намъ удастся отдѣлаться отъ этого, если только ты не предпочтешь слушать о современной извѣженности. Они разводять фазановъ на своемъ птичникѣ, но не ѣдятъ ихъ, исходя изъ убѣжденія, что съ каждымъ съѣденнымъ фазаномъ приближается конецъ римскаго могущества. Во второй разъ я встрѣтилъ ее возлѣ цистерны, въ саду, съ тростникомъ въ рукѣ, метелку котораго она погружала въ воду и кропила ею растущіе вокругъ присы. Посмотри на мои колѣни. Клянусь щитомъ Геракла, они не дрожали, когда на наши ряды неслись съ ревомъ полчища парфявъ,—но у этой цистерны они дрожали. И, смущенный, какъ мальчикъ, носящій еще «буллу» на

шеѣ, я только взорами молилъ о снисхожденіи, долго не рѣшаясь произнести ни слова.

Петроній посмотрѣлъ на него какъ-будто съ нѣкоторой завистью:

— Счастливецъ!—сказалъ онъ,—какъ-бы ни были дурны свѣтъ и жизнь, одно въ нихъ останется вѣчно прекраснымъ.—молодость!

Затѣмъ онъ спросилъ:

— Ты такъ и не заговорилъ съ нею?

— О, нѣтъ! Нѣсколько овладѣвъ собою, я сказалъ, что возвращаюсь изъ Азіи, что ушибъ себѣ руку подъ городомъ и жестоко страдалъ, но въ минуту, когда мнѣ приходится покинуть этотъ гостепрійный кровъ, убѣдился, что страдать въ немъ сладостнѣе, чѣмъ наслаждаться гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, и хворать отраднѣе, чѣмъ быть здоровымъ вдали отъ него. Она слушала мои слова, также въ смущеніи, опутивъ голову и чертя что-то тростникомъ по желтому песку. Потомъ она подняла глаза, еще разъ посмотрѣла на проведенныя ею черты, какъ-бы собираясь о чемъ-то спросить меня,—и вдругъ убѣжала, точно дриада отъ несмысленнаго фавна.

— У нея, должно быть, прекрасные глаза.

— Какъ море,—я и потонулъ въ нихъ, точно въ морѣ. Повѣрь мнѣ, Архипелагъ не такъ лазуренъ, какъ ея глаза. Черезъ мигъ приобѣжалъ маленькій Плавцій и спросилъ о чемъ-то. Но я не понималъ, чего онъ хочетъ.

— О, Аэина!—воскликнулъ Петроній,—сними этому юношѣ съ глазъ повязку, которую надѣлъ ему Эротъ,—не то онъ разобьетъ себѣ голову о колонны храма Венеры.

Затѣмъ онъ обратился къ Виницію:

— Слушай-же, весенняя почка на деревѣ жизни, первая зеленая вѣтвь винограда! Мнѣ слѣдовало-бы, вмѣсто дома Плавція, приказать отнести тебя въ домъ Геллоція, гдѣ помѣщается училище для незнающихъ жизни мальчиковъ.

— Я не понимаю тебя.

— А что она начертила на пескѣ? Не имя-ли Амура,—или, можетъ быть сердце, прозенное его стрѣлою, или что-нибудь такое, изъ чего ты могъ-бы узнать, что сатиры уже напештали на ухо этой нимфѣ о разныхъ тайнахъ жизни? Неужели ты не посмотрѣлъ на эти знаки?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я надѣлъ тогу, прошло больше времени, чѣмъ ты думаешь,—отвѣтилъ Виницій. Прежде чѣмъ приобѣжалъ маленькій Авлъ, я внимательно вематривался въ эти знаки. Я вѣдь знаю, что въ Греціи и въ Римѣ дѣвушки нерѣдко чертятъ на пескѣ признанія, которыхъ не хотятъ произнести ихъ уста... Однако угадай, что она нарисовала?

— Если не то, что я предполагалъ, въ такомъ случаѣ, мнѣ не угадать.

— Рыбу.

— Что?

— Я говорю—рыбу. Должно-ли было это означать, что въ жилахъ ея течетъ пока холодная кровь?—не знаю. Но ты, назвавшій меня весенней почкой на деревѣ жизни,—ты, конечно, сумѣешь лучше меня истолковать это изображеніе?

— *Carissime!* спроси объ этомъ Плинія.—Онъ знаетъ толкъ въ рыбахъ. Старый Аппіцій, если-бы онъ жилъ еще, быть можетъ, также сумѣлъ-бы что-нибудь сказать тебѣ объ этомъ: не даромъ-же, въ теченіе своей жизни, онъ съѣлъ больше рыбъ, чѣмъ можетъ вмѣстить ихъ Неаполитанскій заливъ.

Разговоръ прервался, — носилки достигли многолюдныхъ улицъ, на которыхъ мѣшалъ бесѣдовать шумъ толпы. Миновавъ *Vicus Apollinis*, они свернули на *Voacium*, оттуда-же проникли на *Forum Romanum*. Форумъ въ ясные дни, передъ закатомъ солнца, кишѣлъ празднымъ народомъ, собиравшимся во множествѣ погулять между колоннами, разсказывать и узнавать новости, посмотрѣть на проносимыя носилки со знатными людьми, потолкаться у золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ книготорговляхъ, у мѣнялъ, въ лавкахъ шелковыхъ тканей, бронзы и всевозможныхъ издѣлій; лавками этими были переполнены дома, занимавшіе часть рынка, расположенную противъ Капитолія. Половина форума, подъ скалами крѣпости, уже погрузилась въ сумракъ, тогда какъ колонны красующихся выше храмовъ утопали въ золотистомъ блескѣ и лазурь. Колонны, стоящія ниже, отбрасывали удлиненныя тѣни на мраморныя плиты,— колоннъ виднѣлось всюду вокругъ такъ много, что глазъ терялся среди нихъ, точно въ лѣсу. Эти зданія и колонны, казалось, тѣснили другъ друга. Они громоздились одни на другіе, убѣгали вправо и влево, возносились на холмы, ютились у стѣнъ крѣпости или льнули другъ къ дружку, точно большіе или меньшіе, утолщенные или тонкіе, золотистые или бѣлые стволы—то расцвѣтившіеся подъ архитравомъ цвѣтами акаѳеа, то украшенные іоническимъ завиткомъ, то завершающіеся простымъ дорическимъ квадратомъ. Надъ этимъ лѣсомъ блистали цвѣтные триглыфы, изъ тимпановъ выступали скульптурныя изображенія боговъ, крылатая золоченная колесница, запряженная четвернею, какъ-будто стремились улетѣть съ фронтоновъ на воздухъ, въ синеву, невозмутимо распростершуюся надъ этимъ городомъ скучившихся храмовъ. По срединѣ и краямъ рынка катились волны народа: толпы гуляли подъ арками базилики Юлія Цезаря, сидѣли на лѣтвицѣ Кастора и Поллукса и сновали вокругъ небольшого храма Весты, напоминая на этомъ обширномъ мраморномъ фонѣ пестрый рой бабочекъ или жуковъ. Сверху,

по огромнымъ уступамъ, со стороны храма посвященнаго «Jovі ортімо, тахіто», надвигались новыя волны; у трибуны на Ростральной площади римляне слушали какихъ-то ораторовъ; тамъ и сямъ раздавались возгласы разносчиковъ, продающихъ плоды, вино или воду, приправленную сокомъ смоквъ, зазыванія обманщиковъ, выхваляющихъ чудодѣйственныя лѣкарства, гадателей, отыскивающихъ клады, толкователей сновъ. Кое-гдѣ съ гуломъ разговоровъ и зазываній сливались звуки сестры, египетской самбуки или греческихъ флейтъ; въ другихъ мѣстахъ болныя, набожныя или скорбящія несли въ храмы свои жертвы. Среди людей, на каменныхъ плитахъ, слетались стаи голубей, жадно набрасывавшихся на жертвенное зерно; похожія на движущіяся пестрыя и темныя пятна, эти стаи то взлетали, громко шумя крыльями, то вновь опускались на освободившіяся отъ толпы мѣста. Время отъ времени народъ разступался, давая дорогу носилкамъ, въ которыхъ видѣлись цвѣтущія женскія лица или головы сенаторовъ и патрицевъ, съ чертами точно застывшими и изможденными жизнью. Разноплеменная толпа выкликала ихъ имена, добавляя прозвища, насмѣшки или похвалы. Среди беспорядочныхъ группъ протискивались иногда идущіе размѣреннымъ шагомъ отряды солдатъ или стражи, наблюдающей за порядкомъ на улицахъ. Греческій говоръ слышался вокругъ столь-же часто, какъ латинскій.

Виницій, давно уже не бывавшій въ городѣ, смотрѣлъ не безъ нѣкотораго любопытства на этотъ человѣческій муравейникъ и на знаменитый Forum Romanum, господствующій надъ всесвѣтною толпою и, вмѣстѣ съ тѣмъ, утопающій въ ней; Петроній, угадавшій, что думаетъ спутникъ, назвалъ форумъ «гнѣздомъ квиритовъ—безъ квиритовъ». Римляне, дѣйствительно, почти терялись въ этой толпѣ, состоящей изъ представителей всѣхъ расъ и народностей. Въ ней мелькали жители Эфіопіи, огромные, свѣтловолосяе обитатели далекаго сѣвера, британцы, галлы и германцы, косоглазые выходцы изъ Серикума, люди съ Евфрата и съ Инда, съ бородами, окрашенными въ кирпичный цвѣтъ, сирійцы съ береговъ Оронта, съ черными и вкрадчивыми глазами, высохшіе, какъ кость, кочевники арабійскихъ пустынь, іудеи съ впалую грудью, египтяне съ неизмѣнно равнодушною усмѣшкой на лицѣ, нумидійцы, афры, греки изъ Эллады, наравнѣ съ римлянами господствовавшіе надъ городомъ, но завоевавшіе его знаніемъ, искусствомъ, умомъ и плутовствомъ, греки съ острововъ, изъ Малой Азіи, Египта, Италіи и Нарбонской Галліи. Въ толпѣ рабовъ съ проколотыми ушами не было недостатка и въ свободномъ, праздномъ людѣ, который цезарь увеселялъ, кормилъ и даже одѣвалъ на свой счетъ; не мало толпилось здѣсь и вольныхъ пришельцевъ, привлеченныхъ въ огромный городъ возможностью пожить безъ труда и надеждами на удачу,—и перекупщиковъ, и жрецовъ Сераписа съ пальмовыми вѣтвями въ рукахъ, и жрецовъ Изиды, къ алтарямъ ко-

торой стекалось больше жертвоприношеній. чѣмъ въ храмъ Юпитера Капитолійскаго, и жрецовъ Кибеллы, носящихъ въ рукѣ золотистые плоды кубурузы, и жрецовъ странствующихъ божествъ, восточныхъ танцовщицъ въ яркихъ митрахъ и продавцовъ амулетовъ, укротителей змѣй и халдейскихъ маговъ, и, наконецъ, не мало проходивцевъ безъ всякихъ занятій, каждую недѣлю обращававшихся за хлѣбомъ въ житницы надъ Тибромъ, дравшихся въ циркахъ изъ-за лотерейныхъ билетовъ, ночевавшихъ въ постоянно обваливающихся домахъ зарѣчнаго квартала, проводившихъ солнечные и теплые дни въ криптопортикахъ, въ грязныхъ харчевняхъ Субурры, на мосту Мильвія или передъ «инзулами» знатныхъ римлянъ, откуда время отъ времени имъ выбрасывали остатки со стола рабовъ.

Петроній былъ хорошо знакомъ этой толпѣ. До Виниція со всѣхъ сторонъ доносились восклицанія: «*Nic est!*» («Это онъ!») Его любили за щедрость, но особенно возросла популярность Петронія съ тѣхъ поръ, какъ римляне узнали, что онъ ходатайствовалъ передъ цезаремъ объ отмѣнѣ смертнаго приговора, произнесеннаго надъ всею «фамиліей», т.-е., надъ всеми, безъ различія пола и возраста, рабами префекта Педанія Секунда, за то, что одинъ изъ нихъ, доведенный до отчаянія, убилъ этого мучителя. Петроній заявлялъ, впрочемъ, во всеуслышаніе, что до этого ему не было никакого дѣла и что онъ ходатайствовалъ передъ цезаремъ лишь частнымъ образомъ, какъ *arbiter elegantiarum*, потому что подобное варварское избіеніе, достойное какихъ-нибудь скивоовъ, а не римлянъ, оскорбляло его эстетическое чувство. Тѣмъ не менѣе, чернь, возмущенная этою казнью, полюбила съ того времени Петронія.

Онъ, однако, нисколько не дорожилъ популярностью. Петроній не забылъ, что народъ любилъ также и Британника, котораго Неронъ отравилъ, и Агриппину, которую цезарь приказалъ убить, и Октавію, задушенную въ горячей ваннѣ на Пандатаріи, послѣ того, какъ ей вскрыли жилы, и Рубелія Плавта, отправленнаго въ ссылку, и Тразея, которому каждое утро угрожаетъ смертнымъ приговоромъ. Расположеніе народа слѣдовало считать скорѣе дурнымъ предзнаменованіемъ, а Петроній, несмотря на свой скептицизмъ, былъ суевѣренъ. Онъ презиралъ чернь вдвойнѣ: какъ аристократъ и какъ эстетикъ. Люди, пропитанные запахомъ сушеныхъ бобовъ, носимыхъ за пазухой, и притомъ всегда охрипшіе и потные отъ игры въ «мору» на перекресткахъ улицъ и въ перистилияхъ, не заслуживали въ его глазахъ имени человѣка.

Не отвѣчая, поэтому, ни на рукоплесканія, ни на посылаемые ему воздушные поцѣлуды, Петроній разсказывалъ Марку объ убійствѣ Педанія, осмѣивая непостоянство уличныхъ крикуновъ, на другой-же день послѣ взрыва своего негодованія рукоплескавшихъ Нерону, ѣхавшему въ

храмъ Юпитера Статора. У книжной лавки Авирна онъ приказалъ остановить носилки, вышелъ изъ нихъ и, купивъ украшенную рукопись, отдалъ Виницію.

— Вотъ, тебѣ подарокъ!—сказалъ онъ.

— Благодарю!—отвѣтилъ Виницій.

Посмотрѣвъ на заглавіе, онъ спросилъ:

— Satiricon? Это что-то новое. Чье это сочиненіе?

— Мое. Но я не хочу пойти по слѣдамъ Руффина, исторію котораго я собирался рассказать тебѣ, ни по слѣдамъ Фабриція Вейента, поэтому никто не знаетъ объ этомъ. И ты не говори никому.

— Но ты говорилъ, что не пишешь стиховъ,—сказалъ Виницій, перелиставъ рукопись,—а я вижу, что здѣсь проза густо испещрена ими.

— Когда будешь читать, обрати вниманіе на пиръ у Тримальхія. Что касается стиховъ, то они опротивѣли мнѣ съ тѣхъ поръ, какъ Неронъ сталъ писать поэмы. Вителій, желая облегчить желудокъ, прибѣгаетъ къ помощи палочекъ изъ слоновой кости, всовываемыхъ имъ въ горло; другіе употребляютъ для этой цѣли перья фламинго, омоченныя въ оливковое масло или въ отваръ обладающей такими-же свойствами травы,—я-же прочитываю стихи Нерона,—и средство это мгновенно оказываетъ надлежащее дѣйствіе. Я могу хвалить ихъ потому, если не съ чистою совѣстью, такъ хоть съ чистымъ желудкомъ.

Сказавъ это, онъ снова остановилъ носилки у ювелира Идомена и, уладивъ вопросъ о драгоценныхъ камняхъ, приказалъ нести себя прямо къ дому Авла.

— По дорогѣ,—сказалъ онъ,—я расскажу тебѣ исторію Руффина, какъ примѣръ того, до чего доводитъ авторское самолюбіе.

Но раньше, чѣмъ онъ приступилъ къ повѣствованію, носилки свернули на Vicus Particus, и они очутились передъ жилищемъ Авла. Молодой и мускулистый «янитель» раскрылъ передъ ними двери, ведущіе въ остій; сорока, висѣвшая въ клѣткѣ надъ входомъ, встрѣтила гостей пронзительнымъ привѣтствіемъ «Salve».

На пути изъ второй передней въ атрій, Виницій сказалъ:

— Замѣтилъ-ли ты, что привратникъ здѣсь безъ цѣпи?

— Это странный домъ,—отвѣтилъ вполголоса Петроній.—Тебѣ, вѣроятно, извѣстно, что Помпонію Грецину заодозрили въ принадлежности къ восточной севѣрной сектѣ, поклоняющейся какому-то Христу. Кажется, ей удружила Криспинилла, которая не можетъ простить Помпонію, что послѣдняя удовлетворилась на всю жизнь однимъ мужемъ. «Универа»!.. Теперь легче найти въ Римѣ блюдо норійскихъ рыжиковъ. Ее судили домашнимъ судомъ...

— Ты правъ, это, въ самомъ дѣлѣ, странный домъ. Я послѣ расскажу тебѣ, что я тутъ слышалъ и видѣлъ.

Они вошли въ атрій. Состоящій при этомъ покоѣ рабъ, называющійся *atriensis*, послалъ номенклатора доложить о посѣтителяхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ слуги подали имъ кресла и подставили подъ ноги свамейки. Петроній, предполагая, что въ этомъ строгомъ домѣ господствуетъ вѣчное уныніе, никогда не бывалъ въ немъ; онъ осматривался съ нѣкоторымъ удивленіемъ и даже какъ-будто съ чувствомъ разочарованія, такъ-какъ атрій производилъ скорѣе веселое впечатлѣніе. Сверху, сквозь широкое отверстіе, ниспадалъ своѣмъ ярбаго свѣта, преломлявшася тысячами искръ въ фонтанѣ. Квадратный бассейнъ, имплевій съ фонтаномъ посерединѣ, предназначенный для стока дождевой воды во время ненастья, былъ обсаженъ анемонами и лиліями. Повидимому, въ домѣ особенно любили лиліи; онѣ разрослись цѣлыми кустами бѣлыхъ и красныхъ цвѣтовъ, также много было и сапфировыхъ присовъ, вѣжные лепестки которыхъ серебрились водяною пылью. Среди влажнаго мха, покрывавшаго горшки съ лиліями, и густыхъ зарослей листья, виднѣлись бронзовыя статуетки, изображающія дѣтей и водяныхъ птицъ. У одного изъ угловъ, также отлитая изъ бронзы, лань склонила свою заржавѣвшую отъ сырости, зеленоватую голову къ водѣ, точно желая утолить жажду. Полъ атрія былъ украшенъ мозаикой; стѣны, частью облицованныя красноватымъ мраморомъ, частью расписанныя изображеніями деревьевъ, рыбъ, птицъ и грифовъ, ласкали глазъ переливами красокъ. Наличники дверей, ведущихъ въ боковыя комнаты, отдѣланы были черепахой и даже слоновой костью. У стѣнъ, между дверьми, стояли статуи предковъ Авла. Во всемъ сказывался спокойный достатокъ, далекій отъ роскоши, но исполненный благородства и прочный.

Петроній, жившій среди несравненно болѣе пышной и изысканной обстановки, не нашелъ здѣсь, однако, ни одной вещи, оскорбляющей его вкусъ. Онъ собирался указать на это Виницію, но въ то-же мгновеніе рабъ «веларій» отдернулъ завѣсу, отдѣляющую атрій отъ таблина. и въ глубинѣ дома показался поспѣшно приближающійся Авлъ Плавцій.

Это былъ человѣкъ, склоняющійся къ вечеру жизни, съ головой, посеребренной сѣдиной, но тѣмъ не менѣе бодрый, съ энергичнымъ лицомъ, немного короткимъ, но зато нѣсколько напоминающимъ голову орла. Лицо его выражало теперь нѣкоторое удивленіе: неожиданное посѣщеніе пріятели, товарища и наперника Нерона какъ будто даже встревожило его.

Петроній былъ слишкомъ наблюдательнымъ и свѣтскимъ человѣкомъ, чтобы не замѣтить этого; поэтому, послѣ первыхъ-же привѣтствій, онъ заявилъ со всемъ доступнымъ ему краснорѣчіемъ и любезностью, что пришелъ поблагодарить за гостепрѣимство, оказанное въ этомъ домѣ сыну его сестры, и что посѣщеніе его вызвано одною лишь признательностью; давнишнее знакомство съ Авломъ внушило ему эту смѣлость.

Авлъ, съ своей стороны, завѣрилъ Петронія, что онъ — желанный гость; что-же касается благодарности, то Авлъ самъ считаетъ себя въ долгу, хотя Петроній, вѣроятно, не догадывается, какую услугу оказалъ ему.

Петроній, дѣйствительно, не догадался. Напрасно, поднимая къверху свои орѣховые глаза, напрягалъ онъ свой умъ, стараясь припомнить хоть самую ничтожную услугу, оказанную Авлу или кому-нибудь другому. Онъ такъ и не припомнилъ никакой услуги, — кромѣ развѣ той, которую намѣренъ оказать теперь Виницію. Быть можетъ, что-нибудь подобное и случилось помимо его желанія, — но во всякомъ случаѣ, это вышло безъ его вѣдома.

— Я люблю и чрезвычайно уважаю Веспасіана, — сказалъ Авлъ, — а ты спасъ ему жизнь, когда однажды онъ заснулъ, на свое несчастіе, во время чтенія стиховъ Цезаря.

— Заснулъ онъ къ своему счастью, — возразилъ Петроній, — потому что не слышалъ стиховъ; я не отрицаю, впрочемъ, что это благополучіе могло завершиться несчастіемъ. Мѣднородный непремѣнно хотѣлъ послать къ нему центуріона съ дружескимъ совѣтомъ вскрыть себѣ жилы.

— А ты, Петроній, осмѣялъ его.

— Да, или правильнѣе, — наоборотъ: я сказалъ ему, что Орфей умѣлъ усыплять пѣніемъ дикихъ звѣрей, — слѣдовательно, триумфъ его столь-же полонъ, если ему удалось усыпить Веспасіана. Агенобарба можно порицать, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ небольшомъ упрекѣ таилась огромная месть. Наша милостивѣйшая августета, Поппея, отлично понимаетъ это.

— Увы, такія ужъ теперь времена, — замѣтилъ Авлъ. — У меня недостаетъ напередѣ двухъ зубовъ, которые выбиты камнемъ британскаго пращника, влѣдствіе этого рѣчь моя стала свистящею, — но я, тѣмъ не менѣе, считаю дни, проведенные въ Британіи, счастливейшими въ моей жизни...

— Потому что они были побѣдоносными, — поспѣшилъ добавить Виницій.

Но Петроній, опасаясь, чтобы старому полководцу не вздумалось распространиться о своихъ былыхъ походахъ, перемѣнилъ предметъ разговора. Въ окрестностяхъ Пренесты поселяне нашли мертвѣго волченка о двухъ головахъ, а третьяго дня, во время грозы, молнія сорвала наугольникъ съ храма Луны, — явленіе небывалое въ столь позднюю осень. Нѣкто Котта, рассказавшій ему объ этомъ, добавилъ, что жрецы храма Луны предвѣщаютъ, на основаніи этихъ знаменій, паденіе города или по меньшей мѣрѣ гибель великому дому, которую можно предотвратить лишь чрезвычайными жертвоприношеніями.

Авлъ, выслушавъ слова Петронія, замѣтилъ, что такими знаменіями не слѣдуетъ пренебрегать. Неудивительно, что боги разгнѣваны превзо-

шедшими всякую мѣру злодѣяніями, — а при такихъ условіяхъ умиловательныя жертвы вполне умѣстны.

Петроній возразилъ на это:

— Твой домъ, Плавцій, не особенно великъ, хотя обитаетъ въ немъ великій человѣкъ; мой-же домъ, хотя, говоря по правдѣ, и слишкомъ обширенъ для столь ничтожнаго владѣльца, самъ по себѣ, также незначителенъ. Если-же разрушеніе угрожаетъ какому-нибудь столь большому дому, какъ, напримѣръ, «domus transitoria», — то стоитъ-ли намъ принести жертвы, чтобы спасти его отъ разрушенія?

Плавцій не отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Его сдержанность нѣсколько обидѣла Петронія, такъ какъ, не смотря на утрату способности чувствовать различіе между добромъ и зломъ, онъ никогда не былъ доносчикомъ — и говорить съ нимъ можно было съ полною безопасностью. Онъ снова перемѣнилъ разговоръ, сталъ расхваливать домъ Плавція и изящный вкусъ, господствующій во всей обстановкѣ.

— Это — старое гнѣздо, — отвѣтилъ Плавцій, — я ничего не измѣнилъ въ немъ съ тѣхъ поръ, какъ унаслѣдовалъ его.

Послѣ того какъ отдернули завѣсу, отдѣляющую атрій отъ таблина, раскрылось напролетъ все помѣщеніе дома, такъ что черезъ таблинъ, расположенные за нимъ перестиль и залъ, называвшіяся экомъ, взоръ проникалъ до самаго сада, видѣвшагося вдали, точно свѣтлая картина въ темной рамѣ. Оттуда доносились въ атрій звуки веселаго дѣтскаго смѣха.

— Ахъ, вождь, — воскликнулъ Петроній, — дозвожь намъ вблизи насладиться этимъ искреннимъ смѣхомъ, который удается слышать теперь такъ рѣдко!

— Охотно, — отвѣтилъ, поднимаясь съ кресла, Плавцій. — Это мой маленькій Авлъ и Лигія играютъ въ мячъ. Впрочемъ, что касается смѣха, то я полагаю, Петроній, что ты всю свою жизнь проводишь среди веселья.

— Жизнь достойна смѣха, поэтому я и смѣюсь, — возразилъ Петроній, — тутъ смѣхъ звучитъ, однако, иначе.

— Притомъ-же Петроній, — добавилъ Винцій, — смѣтается не по цѣлымъ днямъ, а скорѣе — по цѣлымъ ночамъ.

Бесѣдуя такимъ образомъ, они прошли вдоль всего дома и очутились въ саду, гдѣ Лигія и маленький Авлъ забавлялись мячиками: рабы, приставленные исключительно къ этой игрѣ, — сферисты, — поднимали мячи съ земли и подавали ихъ играющимъ. Петроній окинулъ бѣглымъ взоромъ Лигію; маленький Авлъ, увидѣвъ Винцію, подбѣжалъ къ нему здороваться, а молодой человѣкъ наклонилъ голову, проходя возлѣ прелестной дѣвушки, которая стояла съ мячемъ въ рукѣ и слегка развѣвающимися волосами, нѣсколько запыхавшись и раскраснѣвшись.

Въ садовомъ триклиніѣ, осѣненномъ плющемъ, виноградомъ и жимолостью, сидѣла Помпонія Грецина; гости успѣли поздороваться съ нею. Петроній, хотя и не посѣщалъ дома Плавціа, былъ знакомъ съ нею, такъ какъ встрѣчалъ ее у Антисіи, дочери Рубелія Плавта, а также въ домахъ Сенеки и Поліона. Онъ не могъ преодолѣть нѣкотораго удивленія, которое ему внушали ея печальное, но привѣтливое лицо, благородство осанки, движеній, разговора. Помпонія до такой степени шла въ разрѣзъ съ его представленіемъ о женщинахъ, что даже этотъ испорченный до мозга костей, самоувѣренный, какъ никто въ Римѣ, человѣкъ не только чувствовалъ къ ней извѣстное уваженіе, но даже терялъ иногда въ ея присутствіи самоувѣренность. И теперь, благодаря ее за пощеченіе о Виниціи, онъ какъ-бы невольно называлъ ее «домина», хотя это наименованіе даже не приходило ему въ голову, когда онъ разговаривалъ, напримѣръ, съ Кальвіей, Криспинилой, Скрибоніей, Валеріей, Соликой и другими великосвѣтскими женщинами. Выразивъ ей привѣтствіе и благодарность, Петроній сталъ жаловаться, что Помпонія выѣзжаетъ такъ рѣдко, что ее нельзя встрѣтить ни въ циркѣ, ни въ амфитеатрѣ. Она спокойно отвѣтила ему, положивъ руку на руку мужа:

— Мы старѣемся и оба начинаемъ все больше цѣнить свое домашнее уединеніе.

Петроній хотѣлъ возразить, но Авлъ Плавцій добавилъ своимъ востыющимъ голосомъ:

— И мы все больше чувствуемъ себя чуждыми среди людей, которые даже нашихъ римскихъ боговъ называютъ греческими именами.

— Боги превратились съ нѣкотораго времени въ простыя риторическія иносканія,—векользь возразилъ Петроній,—а такъ какъ риторикѣ учили насъ греки, поэтому и мнѣ самому легче произнести, напримѣръ: Гера, чѣмъ Юнона.

Сказавъ это, онъ обратилъ взоры къ Помпоніи, какъ-бы поясняя, что въ ея присутствіи не могъ и подумать о какомъ-либо другомъ божествѣ; затѣмъ онъ сталъ возражать противъ ея упоминанія о старости: «люди, дѣйствительно, скоро старѣются,—но только тѣ, которые ведутъ совсѣмъ иной образъ жизни; кромѣ того, бываютъ лица, о которыхъ Сатурнъ какъ-бы забываетъ». Петроній говорилъ это съ нѣкоторою нескрпенностью, такъ какъ Помпонія Грецина, хотя уже миновала полуденную грань жизни, однако сохранила рѣдкую свѣжесть лица; обладая небольшою головою и мелкими чертами лица, она по временамъ, несмотря на свои темныя одежды, степенность и задумчивость, производила впечатлѣніе совершенно молодой женщины.

Между тѣмъ, маленькій Авлъ, во время пребыванія Виниціи въ ихъ домѣ, чрезвычайно подружившійся съ нимъ, подошелъ къ молодому патрицію и сталъ уворачивать его поиграть въ мячъ. Велѣдъ за мальчикомъ вошла

въ триклиннй и Лигія. Подъ сѣнью плюща, съ блѣсками свѣта, трепещущими на лицѣ, она показалаь теперь Петронію болѣе красивой, чѣмъ на первый взглядъ, и, въ самомъ дѣлѣ, похожею на нимфу. Не обмѣнявшись съ ней еще ни словомъ, онъ всталъ и, склонивъ голову, началъ цитровать, вмѣсто обычнаго привѣтствія, слова, съ которыми Одиссей обратился къ Навзикаѣ:

«Если одна изъ богинь ты, владычицъ пространнаго неба, то съ Артемидою только, великою дочерью Зевса, можешь сходна быть лица красотою и станомъ высокимъ. Если-жъ одна ты изъ смертныхъ, подъ властью судьбины живущихъ, то несказанно блаженны отецъ твой и мать, и блаженны братья твои...»

Даже Помпоніи понравилась пысканная любезность этого свѣтскаго челоѣка. Лигія слушала, смѣтившись и вся вспыхнувъ, не смѣя поднять глазъ. Но мало-по-малу въ углахъ губъ ея заиграла шаловливая улыбка, на лицѣ отразилась борьба между дѣвичьей застѣнчивостію и желаніемъ отвѣтить, — послѣднее, очевидно, превозмогло, такъ какъ, взглянувъ вдругъ на Петронію, она отвѣтила ему словами той-же Навзикаи, не переводя дыханія и тономъ нѣсколько напоминающимъ урокъ:

«Странникъ, конечно, твой родъ знаменить, ты, я вижу, разумеешь...»

Затѣмъ, быстро обернувшись, она убѣжала, точно спугнутая птица.

Теперь Петронію выпалъ чередъ удивляться: олъ не ожидалъ услышать гомеровекій стихъ изъ устъ дѣвушки, о варварскомъ происхожденіи которой сообщилъ ему Виницій. Онъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Помпонію, но она не могла дать ему разъясненія, такъ какъ сама глядѣла, улыбаясь, на гордость, которую озарилось лицо стараго Авла.

Онъ не могъ скрыть своего удовольствія. Во-первыхъ, онъ любилъ Лигію, какъ родную дочь, — во-вторыхъ, несмотря на свои старо-римскія предубѣжденія, заставлявшія его громить общее увлеченіе греческимъ языкомъ, считалъ знаніе его вѣнцомъ свѣтскаго образованія. Самъ онъ никакъ не могъ научиться свободно владѣть эллинскою рѣчью, и тайнѣ скорбѣлъ объ этомъ, — поэтому онъ радовался теперь, что этому привередливому вельможѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ писателю, готовому счесть его домъ чутъ-ли не варварскимъ, отвѣтили тутъ-же на языкѣ и стихомъ Гомера.

— У насъ живетъ учитель, грекъ, — сказала Плавцій, обращаясь къ Петронію, — онъ обучаетъ нашего мальчижа, а дѣвушка прислушивается къ урокамъ. Она еще трясогузка, но славная трясогузка, и мы съ женой очень привязались къ ней.

Петроній глядѣлъ сквозь зелень плюща и жимолости на игравшую въ мячъ молодежь. Сбросивъ съ себя тогу и оставшись въ одной ту-

никъ, Виницій подбрасывалъ мячъ, который ловила Лигія, стоявшая напротивъ съ поднятыми руками. Она сначала не особенно понравилась Петронію, показалась ему слишкомъ худощавою. Но въ триклиніѣ она произвела на него совѣзмъ иное впечатлѣніе. Такою, — подумалъ онъ, — можно-бы изобразить Аврору; какъ зпатоку, онъ понялъ, что въ ней таится какая-то особенная прелесть.

Онъ на все обратилъ вниманіе и все оцѣнилъ по достоинству: и розовое, прозрачное лицо, и свѣжія уста, какъ-бы созданныя для поцѣлуевъ, и синіе, какъ морская лазурь, глаза, и алебастровую бѣлизну лба, и пышность темныхъ волосъ, отливающихъ на згибахъ узловъ отблескомъ янтаря или коринѣской мѣди, и нѣжность шеи, и «божественную» закругленность плечъ, и гибкость, стройность всего тѣла, дышащаго юностью мая и только что распустившихся цвѣтовъ. Въ немъ заговорилъ художникъ и поклонникъ красоты, почувствовавшій, что подъ статуей этой молодой дѣвушки можно-бы подписать: «весна». Ему вдругъ вспомнилась Хризотемида; Петроній готовъ былъ презрительно разсмѣяться. Со своими волосами, осыпанными золотой пудрой, и начерченными бровями, она показалась ему чудовищно поблекшей, чѣмъ-то въ родѣ пожелтѣвшей и осыпающейся розы. А, между тѣмъ, весь Римъ завидовалъ его связи съ Хризотемидой. Потомъ онъ сравнилъ съ Лигіей Поппею, — и эта прославленная красавица также представилась ему бездушною, восковою маской. Въ этой дѣвушкѣ съ танагрійскими чертами таилась не только весна, но и лучезарная «Психея», просвѣчивавшая сквозь ея розовое тѣло, какъ лучъ сквозь лампаду.

— Виницій правъ, — подумалъ онъ, — а моя Хризотемида стара, стара!.. какъ Троя!

Обратившись затѣмъ къ Помпоніи Грещинѣ и указавъ на садъ, онъ сказалъ:

— Я понимаю теперь, домина, что, возлѣ двухъ такихъ существъ, домъ кажется вамъ милѣе пришесть въ Палатинскомъ дворцѣ и цирка.

— Да, — подтвердила она, посмотривъ въ сторону маленькаго Авла и Лигіи.

Старый вождь сталъ разсказывать исторію дѣвушки и то, что слышалъ много лѣтъ тому назадъ отъ Ателія Гнетера о живущемъ на сумрачномъ сѣверѣ племени лигійцевъ.

Молодежь кончила играть въ мячъ и нѣсколько времени прохаживалась по усыпаннымъ пескомъ аллеямъ сада, выдѣляясь на темномъ фонѣ миртовъ и кипарисовъ, какъ три бѣлыхъ пзваянія. Лигія держала маленькаго Авла за руку. Погулявъ немного, они сѣли на скамью у «исцины», занимавшей середину сада. Но Авлъ почти тотчасъ-же убѣждалъ пугать рыбу въ прозрачной водѣ, а Виницій продолжалъ разговоръ, начатый во время прогулки:

— Да, это такъ,— говорилъ онъ низкимъ, прерывающимся голо-
сомъ.—Едва скинулъ я съ себя «претексту» (тогу, которую носили дѣти
свободно-рожденныхъ гражданъ до 17 лѣтъ), какъ меня послали въ
азіатскіе легіоны. Я не познакомился ни съ Римомъ, ни съ жизнью,
ни съ любовью. Я заучилъ нѣсколько стихотвореній Анакреона и Го-
рація, но не сумѣлъ-бы, какъ Петроній, читать стихи, когда умъ
нѣмѣеть отъ восторга и не можетъ подыскать своихъ выраженій.
Когда я былъ мальчикомъ, меня посылали въ школу Музонія, твердив-
шаго намъ, что счастье состоитъ въ томъ, чтобы желать того, чего хо-
тятъ боги,—и, слѣдовательно, зависить отъ нашей воли. Я думаю,
однако, что есть иное, болѣе возвышенное и сладостное счастье, не за-
висящее отъ нашей воли, такъ какъ дать его можетъ только любовь.
Къ нему стремятся сами боги,—поэтому и я, не извѣдавшій еще любви,
слѣдую ихъ примѣру, Лигія, и также ищу ту, которая пожелала-бы
одарить меня блаженствомъ...

Онъ умолкъ; нѣсколько времени слышался только легкій плескъ
воды, въ которую маленькій Авль бросалъ камни, пугая ими рыбу.
Черезъ нѣсколько мгновеній, Виницій заговорилъ, однако, снова, еще
нѣмѣе и тише:

— Ты, вѣроятно, знаешь Тита, сына Веспасіана? Говорятъ, что
онъ, едва выйдя изъ отроческаго возраста, такъ сильно полюбилъ Ве-
ронику, что тоска чуть не довела его до могилы... И я способенъ на
такую любовь, Лигія!.. Богатство, слава, власть,—все это дымъ, суета!
Богачъ найдетъ человѣка еще болѣе богатаго, знаменитаго затмить чу-
жая, болѣе громкая слава, могущественнаго побѣдитъ болѣе могуще-
ственный... Но можетъ-ли самъ цезарь, или даже какой-нибудь изъ бо-
говъ извѣдать большее наслажденіе, чувствовать себя счастливѣйшимъ,
чѣмъ простой смертный, когда у груди его дышитъ дорогая грудь,
или когда онъ цѣлуетъ любимыя уста... Слѣдовательно, любовь рав-
няется насъ съ богами,—Лигія!

А она слушала тревожно, съ удивленіемъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ—
точно внимая звукамъ греческой флейты или цитры. Въ нѣкоторыя
мгновенія ей казалось, что Виницій поетъ чудную пѣсню, льющуюся
въ ея уши, волнующую въ ней кровь, заставляющую замирать ея
испуганное и исполнившееся какой-то непонятной радости сердце... Кромѣ
того, онъ, какъ ей казалось, говоритъ о томъ, что уже раньше танцелъ
въ ней, но въ чемъ она не умѣла дать себѣ отчета. Она чувствовала,
что онъ пробуждаетъ въ ней что-то, дремавшее въ ея сердцѣ, и что,
съ этого мгновенія, смутныя грезы стали слагаться въ образъ, высту-
пающій все отчетливѣе, обаятельнѣе и прекраснѣе.

Солнце, межъ тѣмъ, давно уже закатилось за Тибръ и стояло низко
надъ Яникульскимъ холмомъ. Багряный свѣтъ озарялъ неподвижные

кипарисы, словно насыщая весь воздухъ. Лигія подняла свои голубые, какъ-бы пробудившіеся отъ усыпленія глаза на Виниція,—п, вдругъ, въ отблескъ заката, склоненный надъ нею съ трепещущею во взорахъ мольбою, онъ показался ей прекраснѣйшимъ, чѣмъ все люди и греческіе или римскіе боги, статуи которыхъ случалось ей видѣть на фронтонахъ храмовъ. Онъ-же слегка обхватилъ пальцами ея руку, повыше локтя, и спросилъ:

— Неужели ты не догадываешься, Лигія, почему я говорю тебѣ объ этомъ?

— Нѣтъ! — прошептала она такъ тихо, что Виницій едва слышалъ.

Но онъ не повѣрилъ ей, и, привлекая все сильнѣе ея руку, прижалъ-бы ее къ своему сердцу, бившемуся, точно молотъ, подъ наплывомъ страсти, возбужденной прекрасною дѣвушкой; онъ обратилъ-бы къ ней съ пламенными признаніями, если бы на дорожкѣ, обрамленной миртовыми деревьями, не показался старый Авлъ. Подойдя къ нимъ, онъ сказалъ:

— Солнце заходитъ, остерегайтесь-же вечерняго холода и не шутите съ Либитиной (богиня похоронъ)...

— Нѣтъ,—отвѣтилъ Виницій,—я еще не надѣлъ тоги и не почувствовалъ холода.

— А за холмами видѣется уже меньше половины солнечнаго диска,—продолжалъ предостерегать старый воинъ.—Вѣдь здѣсь не благодатный климатъ Сициліи, гдѣ по вечерамъ на рынкахъ собирается народъ, чтобы прощальнымъ хоромъ проводить заходящаго Феба.

И, позабывъ, что за минуту передъ тѣмъ совѣтовалъ остерегаться Либитины, Плавцій принялся рассказывать о Сициліи, гдѣ у него были помѣстья и большое сельское хозяйство, которымъ онъ очень увлекался. Онъ упомянулъ также, что ему нерѣдко приходило въ голову переселиться въ Сицилію и спокойно провести тамъ остатокъ жизни. Не надо зимнихъ вьюгъ тому, чью голову убѣлили прожитыя зимы. Листва еще не опадаетъ съ деревьевъ и надъ городомъ ласково улыбается небо, но, когда пожелтѣетъ виноградъ, выпадетъ снѣгъ въ Албанскихъ горахъ и боги навѣстятъ въ пронизывающемъ вихрѣ Кампанію, тогда, быть можетъ, онъ переберется со всею домою въ свою уединенную деревенскую усадьбу.

— Неужели, Плавцій, ты хочешь покинуть Римъ? — спросилъ, встревожившись, Виницій.

— Я давно уже стремлюсь туда,—отвѣтилъ Авлъ,—потому что тамъ спокойнѣе и безопаснѣе.

Онъ снова началъ расхваливать свои сады, стада, домъ, утопающій въ зелени, и пригорки, поросшіе кустарниками, среди которыхъ жуз-

жать рои пчелъ. Виницій не соблазнился, однако, этой буюльческой картиной, и, думая лишь о томъ, что можетъ лишиться Лиги, поспатривалъ въ сторону Петронія, какъ-бы ожидая спасенія только отъ него.

Петроній, тѣмъ временемъ, сидя возлѣ Помпоніи, любовался зрѣлищемъ заходящаго солнца, сада и стоявшихъ у садка людей. На темномъ фонѣ миртовыхъ деревьевъ бѣлая одежда ихъ отливали золотистыми отблесками заката. Вечерняя заря распѣтила край неба багрянцемъ, стала принимать фіолетовый и, затѣмъ, опаловый оттѣнокъ. Вершина небеснаго купола стала лиловой. Черные силуэты кипарисовъ выдѣлялись еще больше, чѣмъ днемъ,—среди людей, между деревьями и во всемъ саду водворилось вечернее затишье.

Петронія поразило это спокойствіе, — особенно, въ людяхъ. Въ чертахъ Помпоніи, стараго Авла, ихъ мальчика и Лиги сквозило что-то, чего онъ никогда не замѣчалъ на лицахъ, которыя каждый день, или, вѣрнѣе, каждую ночь окружали его. Образъ жизни, которую все вели здѣсь, какъ-будто просвѣтлялъ душу, вливалъ въ нее какое-то умиротвореніе и безмятежность. Онъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ, подумалъ, что существуютъ такіа красота и наслажденіе, которыхъ онъ, вѣчно ищущій красоты и наслажденій, не извѣдалъ. Онъ не могъ затанъ въ себѣ этой мысли и, обратившись къ Помпоніи, произнесъ:

— Я размышлялъ, насколько непохожъ вашъ міръ на тотъ, которымъ владѣтъ нашъ Неронъ.

Она обратила свое небольшое лицо къ вечерней зарѣ и возразила просто:

— Надъ міромъ властвуетъ не Неронъ,—а Богъ.

Разговоръ оборвался. Около триклинія послышались въ аллеѣ шаги стараго вождя, Виниція, Лиги и маленькаго Авла; но прежде чѣмъ они подошли, Петроній успѣлъ еще спросить:

— Значить, ты вѣруешь въ боговъ, Помпонія?

— Я вѣрую въ Бога, единаго, справедливаго и всемогущаго,— отвѣтила жена Авла Плавція.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Д. И. Писаревъ.

СТАТЬЯ III.

Полемика съ «Русскимъ Вѣстникомъ». — Писаревъ и Герценъ о Кирѣевскомъ. — Писаревъ о Петрѣ Великомъ. — Историческія, естественно-научныя, философскія и педагогическія статьи Писарева. — «Темное царство» въ поволѣ освѣщеніи. — Реалистическій взглядъ на любовь и ревность. — Первые нападки на искусство. — Пушкинъ и Бѣлинскій. — Разрушеніе эстетики. — Два романа съ эмансипаторскими идеями. — «Новый типъ». — Проблески новыхъ настроеній.

I.

Первый періодъ своей литературной дѣятельности Писаревъ завершилъ тремя большими статьями, напечатанными въ «Русскомъ Словѣ» 1862 года: «Московскіе мыслители», «Русскій Донъ-Кихоть» и «Вѣдная русская мысль». Въ «Московскихъ мыслителяхъ» Писаревъ подробно обобзрѣваетъ критическій отдѣлъ «Русскаго Вѣстника» за 1861 годъ. Полемизируя съ Катковымъ, онъ по пути обстрѣливаетъ ядовитыми замѣчаніями Я. Грота, Лонгинова, торжественно отрекается отъ всякаго спора съ Юркевичемъ и не безъ апломба выставляетъ свое полное разногласіе во всѣхъ литературныхъ и общественныхъ вопросахъ съ *солидными* убѣжденіями ученой редакціи «Русскаго Вѣстника». Сознвая себя дѣятельнымъ поборникомъ либеральнаго принципа, яснаго и понятнаго для всякаго безпристрастнаго ума и безъ помощи широкихъ научныхъ или философскихъ доказательствъ, Писаревъ съ юмористическою умышленіемъ проводитъ параллель между публицистическими претензіями московскаго журнала и бойкими, быстрыми приемами радикальнаго «Русскаго Слова», приемами, рассчитанными на чуткость передовыхъ читателей къ блестящимъ парадоксамъ и афоризмамъ, ко всякой ярко и пылко выраженной мысли. «Мы фантазеры, верхогляды, говоруны», восклицаетъ

Писаревъ съ отѣнкомъ явной проиіи надъ своими учеными противниками. «Мы, грѣшныя, возьмемъ въ тинѣ и барахтаемся среди всякихъ нечистотъ, а Русскій Вѣстникъ идетъ себѣ ровною дорогою и неспѣшною поступью пробирается къ храму славы и безсмертія». Собираясь дать отчетъ о нѣкоторыхъ выдающихся статьяхъ этого журнала, Писаревъ и не думаетъ вооружаться противъ нихъ серьезными аргументами. Къ чему возражать? Для кого возражать? Если его читатели не сочувствуютъ тѣмъ идеямъ, которыя онъ выражалъ въ прежнихъ своихъ работахъ, они не пойдутъ съ нимъ по одной дорогѣ и въ настоящемъ случаѣ. При различіи въ міровоззрѣніяхъ и радикально несходныхъ взглядахъ на задачу русской журналистики, между ними не можетъ оказаться ничего общаго въ пониманіи литературной дѣятельности Каткова. Если-же читатели сочувствуютъ ему, то совершенно достаточно вѣрно передать содержаніе, общій смыслъ важнѣйшихъ, руководящихъ статей московскаго журнала, чтобы отчетливо выразить извѣстное къ нимъ отношеніе. Принципательные люди поймутъ, въ чемъ дѣло.

Это—одна изъ самыхъ слабыхъ статей Писарева. Присутствуя при первыхъ рѣшительныхъ схваткахъ Каткова съ «Современникомъ», показавшихъ силы враждующихъ сторонъ въ ихъ настоящемъ объемѣ. Писаревъ не сумѣлъ вмѣшаться въ эту важную борьбу какимъ-нибудь значительнымъ, серьезнымъ заявленіемъ, смѣлою и новою мыслью, увеличивающею шансы успѣха на его сторонѣ. Полемическій походъ Каткова на петербургскихъ журналистовъ радикальнаго лагеря былъ уже въ полномъ разгарѣ, когда Писаревъ отдавалъ въ печать свою пространную статью о «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ теченіе двѣнадцати мѣсяцевъ обѣ партіи успѣли обмѣняться самыми рѣшительными возраженіями, и разрывъ «Русскаго Вѣстника» съ либеральнымъ движеніемъ общества обозначился съ полною очевидностью. Удары Каткова въ извѣстную сторону сыпались непрерывно, обнаруживая неистощимую энергію, движеніе страстей и силу къ определенной, твердо намѣченной цѣли. Пользуясь каждою оплошностью противника и превосходя его размѣрами литературнаго таланта, Катковъ все сильнѣе и сильнѣе набрасывался на главныхъ коноводовъ либеральной партіи, то уличая ихъ въ грубомъ философскомъ невѣжествѣ, то со смѣхомъ обнаруживая все жалкое ничтожество ихъ полемическихъ придиорокъ и громкихъ, нышныхъ фразъ безъ серьезнаго, внутренняго содержанія. Мы уже слѣдили за всѣми моментами этой кипучей, яркой борьбы между двумя видными журналами, борьбы, затѣянной Катковымъ и доведенной имъ до конца съ извѣстнымъ успѣхомъ. Несмотря на весь свой мятежный задоръ, Чернышевскій не только не сразилъ своего храбраго и искуснаго соперника, но, схватившись съ нимъ на опасной для него почвѣ философскихъ разсужденій, сдѣлалъ нѣсколько явныхъ промаховъ, осмѣянныхъ Катковымъ со

всю яростью безошаднаго полемиста. Отвѣты Чернышевскаго, показавшіеся молодому Писареву образцомъ литературной полемики, обнаружили только слабую сторону «Современника». О побѣдѣ Чернышевскаго надъ Юркевичемъ и Катковымъ не могло быть и рѣчи. Строго научныя возраженія Юркевича на статью «Современника» требовали объективнаго разбора, для котораго у Чернышевскаго не хватало соответствующихъ знаній, умѣнья тонко разбираться въ трудныхъ вопросахъ метафизическаго мышленія. Борьба съ Катковымъ, проигранная на философской почвѣ и чрезмѣрно запутанная ненужными изліяніями и увертками Чернышевскаго, не могла окончиться торжествомъ «Современника» даже въ самой ограниченной области. Не сознавая своего безсилія въ вопросахъ философской науки, Чернышевскій выступалъ на защиту примитивно справедливыхъ требованій русской жизни съ арсеналомъ такихъ теоретическихъ аргументовъ, которыхъ нельзя было отстоять въ серьезномъ спорѣ. Онъ шелъ впередъ, не сомнѣваясь въ успѣхѣ, но шансы побѣды — рѣшительной, исторической побѣды надъ реакціонною силою, вставшею на пути прогрессивнаго движенія, уменьшались съ каждымъ днемъ. Союзники сближались между собою, но, обезсиленные въ корнѣ фальшивымъ философскимъ ученіемъ, не прибавляли новыхъ элементовъ для побѣды, не давали свѣжихъ и свѣтлыхъ доказательствъ своей правоты передъ высшими интересами русскаго общества...

Вѣрный партизанъ Чернышевскаго въ вопросахъ философіи и эстетики, Писаревъ не могъ оказать «Современнику» серьезной поддержки въ его полемическомъ раздорѣ съ «Отечественными Записками» и «Русскимъ Вѣстникомъ». Новыхъ объясненій, по сравненію съ доводами Чернышевскаго, онъ не давалъ. По типу, всѣ его возраженія, въ «Схоластикѣ XIX вѣка», противъ Дудышкина, Альбертини, Громеки, Бестужева-Рюмина, ничѣмъ не отличались отъ жестокой расправы Чернышевскаго съ неожиданными защитниками Юркевича на страницахъ умѣреннаго либеральнаго журнала. Всѣ его доводы въ пользу матеріализма, выраженные съ необузданнымъ задоромъ, эти смѣлые скачки черезъ бездныя научныхъ затрудненій, отъ сложныхъ теоремъ философіи къ вопросамъ и событіямъ текущей жизни, каждое частное разсужденіе, отдѣльные афоризмы и замѣчанія—все обнаруживало непобѣдимое вліяніе Чернышевскаго, овладѣвшее всѣмъ его существомъ, его симпатіями и убѣжденіями. При значительномъ литературномъ талантѣ, Писаревъ этими своими статьями не могъ, конечно, смутить ни сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», ни такого сильнаго вождя начинавшейся реакціи, каковымъ былъ Катковъ. Оба журнала—петербургскій, съ представителями умѣреннаго либерализма во главѣ, и московскій, управляемый опытною рукою блестящаго публициста, не могли войти въ самостоятельную

борьбу съ молодымъ писателемъ, не показавшимъ, при видной свѣжести литературнаго дарованія, при необычайной бойкости и рѣзкости полемическаго тона, никакой серьезной умственной подготовки въ научно-философскомъ направленіи. «Схоластика XIX вѣка» произвела большую сенсацію своимъ эффектнымъ краснорѣчіемъ, задоромъ своихъ рѣшительныхъ афоризмовъ, своимъ смѣлымъ заступничествомъ за Чернышевскаго, но она не могла поколебать общаго положенія вещей въ журналистикѣ, потому что, несмотря на яркіе проблески индивидуализма, не заключала въ себѣ никакихъ новыхъ теоремъ по сравненію съ главными тезисами «Антропологическаго принципа» Чернышевскаго. А статья «Московскіе мыслители», по стилю и оригинальности содержанія, значительно уступала всему, написанному критикомъ «Русскаго Слова» въ этотъ періодъ его литературной дѣятельности.

Подъ пышнымъ заглавіемъ «Русскій Донъ-Кихоть» Писаревъ въ коротенькой статьѣ пытается набросать исчерпывающую характеристику взглядовъ и стремленій И. В. Кирѣевскаго, одного изъ самыхъ талантливыхъ представителей славянофильскаго движенія. Вышедшее въ 1861 году полное собраніе его сочиненій, въ двухъ томахъ, съ приложеніемъ обширныхъ матеріаловъ для біографіи Кирѣевскаго, собранныхъ А. П. Кошелевымъ, давало критику «Русскаго Слова» полную возможность подвергнуть обстоятельному разбору рядъ статей литературно-эстетическаго и философскаго характера, написанныхъ вдохновеннымъ языкомъ и мѣстами обнаруживающихъ поразительную глубину оригинальнаго умственнаго настроенія. Широкое образованіе Кирѣевскаго, соединенное съ удивительною чистотою нравственнаго характера, не представляло, конечно, никакого повода для легкомысленнаго, рецензентскаго юмора и дилетантскаго пустословія о постороннихъ, къ дѣлу не относящихся, вопросахъ. Въ его разсужденіяхъ о русской литературѣ, о стихотвореніяхъ Языкова, о Грибоедовѣ, о Пушкинѣ, о русскихъ писательницахъ разсѣяно столько великолѣпныхъ замѣчаній, заслуживающихъ полнаго вниманія, что, при серьезномъ пониманіи своей задачи, каждому новому критику именно на этихъ разсужденіяхъ легко было показать и развернуть свое собственное эстетическое міровоззрѣніе, свой взглядъ на искусство, свое отношеніе къ важнымъ философскимъ вопросамъ. Въ статьяхъ Кирѣевскаго подъ названіемъ: «Девятнадцатый вѣкъ», «Въ отвѣтъ А. С. Хомякову», «О характерѣ просвѣщенія Европы и о его отношеніи къ просвѣщенію Россіи», «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи» обрисовалась совершенно определенная точка зрѣнія на важнѣйшія событія европейской жизни, на задачу русской культуры, — обрисовалась цѣлая историческая система, возникшая въ умѣ, богатомъ смѣлыми и свѣтлыми мыслями. Для литературнаго критика, идущаго по самостоятельному пути, эти два тома произведеній

Кирѣвскаго представляли драгоценный случай высказаться съ надлежющею силою по цѣлому ряду вопросовъ первостепенной важности. Главнымъ тезисамъ Кирѣвскаго надо было противопоставить свои собственные теоремы, продуманныя во всѣхъ отношеніяхъ, въ ихъ ближайшихъ и самыхъ отдаленныхъ выводахъ, соединенныя въ стройное философское ученіе. Съ полнымъ вниманіемъ надо было разсмотрѣть каждый изъ элементовъ его исторической теоріи, представляющей самостоятельное, широкое обобщеніе разнообразныхъ фактовъ духовнаго и соціального характера, потому что въ спорѣ съ такимъ противникомъ, какъ Кирѣвскій, всякое дешевое глумленіе надъ враждебными новитіями, всякое легкомысленное бряцаніе воинствующими фразами не имѣло никакого смысла.

Но не рожденный для серьезныхъ споровъ и всѣмъ своимъ умственнымъ воспитаніемъ совершенно не подготовленный для пониманія такихъ натуръ, какою была Кирѣвскій, Писаревъ отнесся къ своей задачѣ съ тою же легкостью и бойкостью, съ какою онъ обрушивался на разныхъ второстепенныхъ авторовъ. Въ «Русскомъ Донъ-Кихотѣ», несмотря на кричащія, побѣдоносныя фразы, нѣтъ ни одной серьезной мысли, ни одного научнаго аргумента противъ яркихъ доводовъ Кирѣвскаго, ни одного смѣлаго и цѣльнаго обобщенія, бросающаго иной свѣтъ на историческіе факты, собранные и по своему объясненные лучшимъ изъ русскихъ славянофиловъ. Ограничиваясь мелкими по содержанію, но извѣстными по формѣ замѣчаніями, Писаревъ не разбираетъ серьезно ни одной изъ статей Кирѣвскаго, хотя каждая изъ нихъ, какъ мы уже сказали, заслуживала изученія съ пристальнымъ вниманіемъ ко всѣмъ ея литературнымъ и философскимъ особенностямъ. Богатый біографическій матеріалъ, представленный Кошелевымъ, не увлекъ его своимъ превосходнымъ психологическимъ содержаніемъ, несмотря на то, что самое славянофильство показалось Писареву «психологическимъ явленіемъ, возникшимъ вслѣдствіе неудовлетворенныхъ потребностей» русской жизни. Ничего не доказывая, Писаревъ ничего серьезно не объясняетъ своему читателю, и вся его смѣлая рецензія о важномъ литературномъ явленіи, при внимательномъ разсмотрѣніи, должна быть признана наборомъ звонкихъ, но пустыхъ фразъ, производящихъ убогое впечатлѣніе, по сравненію съ глубокими, оригинальными, мѣстами ошибочными и односторонними, но всегда возвышенными разсужденіями Кирѣвскаго.

Вотъ какими словами Писаревъ старается опредѣлить значеніе Кирѣвскаго въ движеніи русскаго просвѣщенія. Друзья и единомышленники Кирѣвскаго, пишетъ онъ, скажутъ, что его слѣдуетъ изучать, какъ мыслителя, что его должно уважать, какъ двигателя русскаго самосознанія, что принесенная имъ польза будетъ оцѣнена

послѣдующими поколѣніями. Съ подобными мнѣніями Писаревъ согласиться не можетъ. По его твердому, но ничѣмъ недоказанному убѣжденію, «Кирѣевскій былъ плохой мыслитель, онъ боялся мысли». Кирѣевскій нигде не подвинулъ русское самосознаніе, и статьи его никогда не производили серьезнаго впечатлѣнія. Пользы Кирѣевскій, категорически заявляетъ Писаревъ,—не принесъ никакой, и если послѣдующія поколѣнія, по какому нибудь чуду, запомнятъ его имя, то они пожалѣютъ только о печальныхъ заблужденіяхъ этого даровитаго писателя, хотя Кирѣевскій «былъ человекъ очень не глупый и въ высшей степени добросовѣстный». Рассказывая вслѣдъ за Кошелевымъ о заграничныхъ впечатлѣніяхъ Кирѣевскаго, Писаревъ замѣчаетъ: «мягкосердечный московскій юноша мѣрля западную мысль крошечнымъ аршиномъ своихъ московскихъ убѣжденій, которыя казался ему непогрѣшимыми и которыя раздѣляли съ нимъ все убогія старушки Бѣлокаменной». Кирѣевскій слушалъ лекціи извѣстнѣйшихъ профессоровъ, сообщалъ въ письмахъ къ родственникамъ и друзьямъ «остроумныя замѣтки о методѣ и манерѣ ихъ преподаванія», но при этомъ онъ самъ оставался «неразвитымъ, наивнымъ ребенкомъ, не умѣвшимъ ни на минуту возвыситься надъ воззрѣніями папеньки и маменьки». Въ статьѣ Кирѣевскаго «Деятнадцатый вѣкъ», по мнѣнію Писарева, не затронута ни одна реальная сторона европейской жизни. Кирѣевскій преклоняется передъ вожаками европейской мысли, не умѣя «взглянуть на умозрительную философію, какъ на хроническое повѣтріе, какъ на болѣзненный наростъ, развившійся вслѣдствіе того, что живыя силы, стремившіяся къ практической дѣятельности, были насильственно сдвлены и задержаны». Объ Европѣ и Россіи Кирѣевскій судитъ вкривъ и вкось, «не зная фактовъ, не понимая ихъ и стараясь доказать всему читающему міру, что и философія, и исторія, и политика нуждаются для своего оживленія именно въ тѣхъ понятіяхъ, которыя были привиты ему самому». Въ сочиненіяхъ его хороши только тѣ мѣста, въ которыхъ онъ является чистымъ поэтомъ, заявляетъ въ одномъ мѣстѣ Писаревъ, по тутъ же прибавляетъ: «повѣсти Кирѣевскаго очень плохи, потому что въ нихъ преобладаетъ головной элементъ, онѣ сбиваются на аллегоріи».

Въ трехъ статьяхъ Кирѣевскаго: «Деятнадцатый вѣкъ», «Въ отвѣтъ А. С. Хомякову», «О характерѣ просвѣщенія Европы» выразились съ полною отчетливостью основныя принципы его философскаго міровоззрѣнія, хотя первая изъ этихъ статей относится къ тому періоду его литературной дѣятельности, когда мысль Кирѣевскаго не достигла своего окончательнаго развитія. Въ «Деятнадцатомъ вѣкѣ» только намѣчены, въ общей, схематической формѣ, тѣ вопросы, которые занимали Кирѣевскаго до послѣднихъ минутъ его жизни. Въ ясныхъ выраженіяхъ предлагаетъ онъ на судъ философской критики опредѣленную формулу

западно-европейскаго просвѣщенія, перечисляетъ всѣ главныя силы европейской исторіи, но, обозначивъ путь и направленіе своихъ будущихъ литературныхъ работъ, онъ при этомъ не доводитъ своихъ разсужденій до послѣднихъ возможныхъ заключеній. Въ дальнѣйшихъ статьяхъ Кирѣевскій видоизмѣняетъ свой взглядъ на отдѣльные элементы европейскаго просвѣщенія, отгвняя ихъ новыми важными замѣчаніями, иначе опредѣляя ихъ природу въ блестящей параллели съ историческими силами русской народной культуры. Между первою и послѣдующими статьями легла глубокая умственная работа, въ которой міровоззрѣніе Кирѣевскаго обнаружило всѣ свои типическія черты, свою духовную мощь, въ которой этотъ несомнѣнно большой и разнообразно одаренный умъ, горѣвшій экстазомъ, получилъ свою окончательную и характерную для русскаго духа формировку.

Обрисовавъ въ крупныхъ, яркихъ чертахъ движеніе европейской мысли въ девятнадцатомъ вѣкѣ, Кирѣевскій слѣдующимъ образомъ объявляетъ положеніе Россіи въ исторіи европейскаго просвѣщенія. Между Россіей и Европой, пишетъ онъ, стоитъ какая-то китайская стѣна, которая только сквозь нѣкоторыя свои отверстія пропускаетъ къ намъ воздухъ просвѣщеннаго запада. Прѣшло уже цѣлое тысячелѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ началась историческая жизнь Россіи, но, несмотря на долгій періодъ политической дѣятельности, ея просвѣщеніе еще находится въ зародышѣ. Очевидно, говоритъ Кирѣевскій, что причины, мѣшающія правильному развитію русскаго общества, не могутъ быть случайными, но должны заключаться «въ самой сущности его внутренней жизни», въ коренныхъ, первоначальныхъ элементахъ національнаго русскаго быта. Эти причины могутъ быть опредѣлены только сопоставленіемъ западно-европейской и русской культуры. Какими силами управлялось развитіе Европы? Гдѣ главныя факторы движенія Европы по пути прогресса? Какія стихіи спасали европейское общество отъ разрушительнаго дѣйствія разныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, постоянно возрождая въ немъ духъ для уснѣшной борьбы съ враждебными ему элементами? Три начала легли въ основаніе европейской исторіи, говоритъ Кирѣевскій: христіанская религія, классическій міръ древняго язычества и духъ варварскихъ народовъ, разрушившихъ Римскую имперію. На этихъ началахъ выросло европейское общество. Классическая мысль, не переставшая участвовать во всѣхъ областяхъ научной и философской работы, вліяла постоянно не только на свѣтскую, но и на духовную жизнь европейскихъ народовъ. Самая противоположность между христіанскою и языческою культурою открывала новымъ идеямъ широкое поле развитія. Въ постоянной борьбѣ съ окружающими обстоятельствами, съ преданіями языческихъ нравовъ и влеченій, христіанство только укрѣпляло свои силы. Посреди разногласнаго, нестройнаго, невѣжественнаго бро-

женія противоположныхъ стремленій, христіанство естественнымъ образомъ становилось средоточіемъ всѣхъ элементовъ европейскаго развитія, облагораживая политическую и соціальную борьбу народовъ и увлекая къ вышнимъ цѣлямъ и задачамъ могучія силы классическаго образованія.

Въ Россіи христіанская религія, воспринятая въ самомъ чистомъ видѣ, не имѣла такого рѣшительнаго вліянія на историческое развитіе общества. Недостатокъ классическихъ преданій, классической образованности помѣшалъ христіанской мысли развернуться здѣсь во всемъ могуществѣ ея природныхъ силъ. Въ Европѣ просвѣщенное единодушіе, поддерживаемое общимъ религіознымъ идеаломъ, возбуждало постоянно одни и тѣ-же стремленія въ различныхъ политическихъ тѣлахъ, спасало ихъ отъ нашествій дикихъ племенъ. Въ Россіи народъ, раздробленный по удѣламъ на враждебныя части, не связанный общими интересами просвѣщенія, долженъ былъ очень легко подпасть владычеству татаръ, несмотря на все превосходство своихъ религіозныхъ вѣрованій надъ умственною и нравственною безкультурностью этого дикаго, развращеннаго племени. «Если-бы мы, говоритъ Кирѣевскій, наслѣдовали остатки классическаго міра, то религія наша имѣла-бы болѣе политической силы, мы обладали-бы большею образованностью, большимъ единодушіемъ и, слѣдовательно, самая раздѣленность наша не имѣла-бы ни того варварскаго характера, ни такихъ пагубныхъ послѣдствій». Только со времени Петра I начинается истинное развитіе Россіи. До Петра просвѣщеніе вводилось къ намъ, пишетъ Кирѣевскій, мало по малу, отрывисто, отчего, по мѣрѣ своего появленія, оно постоянно искажалось вліяніемъ «нашей пересиливающей національности». Но переворотъ, совершенный Петромъ, былъ неизбежнымъ, хотя и насильственнымъ переломомъ въ русской исторіи,—тѣмъ переломомъ, который открылъ классическому міру доступъ въ страну бытового и умственнаго невежества. Въ энергическихъ выраженіяхъ Кирѣевскій заступаетъ, въ концѣ статьи, за реформу, совершенную Петромъ Великимъ. Въ послѣднее время, говоритъ онъ, въ русскомъ обществѣ появилось цѣлое множество обвинителей Петровскаго дѣла. Они говорятъ намъ о просвѣщеніи національномъ, самобытномъ. Они запрещаютъ намъ всякія заимствованія, бранятъ нововведенія и мечтаютъ о коренномъ возвращеніи къ старинной русской жизни. Вотъ опасный путь для страны, которую можетъ спасти только широкое европейское просвѣщеніе. Французы, нѣмцы, англичане все болѣе и болѣе проникаются національными интересами и взглядами и это нисколько не мѣшаетъ ихъ дальнѣйшему развитію. Въ союзѣ съ народными стремленіями европейская культура достигнетъ вышшаго, самобытнаго выраженія. «Но у насъ нехотятъ національнаго значить нехотятъ необразованнаго, развивать его на счетъ европейскихъ нововведеній

значить изгонять просвѣщеніе. Не имѣя достаточныхъ элементовъ для внутренняго развитія образованности, откуда возьмемъ мы ее, если не изъ Европы *)?

Въ этихъ немногихъ соображеніяхъ заключается главная мысль статьи. Обнявъ все европейское просвѣщеніе въ одной широкой формулѣ, Кирѣевскій безъ труда отмѣчаетъ, въ чемъ заключается важная причина умственной и политической отсталости русскаго общества по сравненію съ западными народами. Въ Россіи нѣтъ просвѣщенія. Христіанской мысли не на что опереться въ борьбѣ съ темнымъ невѣжествомъ народныхъ массъ. Вся прошедшая исторія Россіи, до насильственнаго переворота, совершеннаго Петромъ, можно сказать, пропала даромъ для интересовъ высшаго христіанскаго развитія. Безъ классическаго элемента русское общество не выйдетъ на широкую политическую и умственную дорогу...

Но, какъ мы уже сказали, Кирѣевскій не остановился на этихъ важныхъ мысляхъ. Въ полемическомъ отвѣтѣ Хомякову и въ пространномъ письмѣ на имя графа Е. Е. Комаровскаго добытая имъ формула европейскаго прогресса получила новое освѣщеніе и, по отношенію къ Россіи, открыла широкую перспективу совершенно иныхъ философскихъ соображеній, политическихъ догадокъ и надеждъ. Ничего не вынимая изъ этой формулы, Кирѣевскій вошелъ въ болѣе подробный анализъ ея историческаго содержанія и, пристально всмотрѣвшись въ событія русской народной жизни, показалъ, что въ его философскихъ обобщеніяхъ нѣтъ ничего безотраднaго для Россіи. Въ самой формулѣ европейскаго развитія ничто не требуетъ никакихъ перемѣнъ, но ея частное примѣненіе къ русской исторіи должно быть сдѣлано въ совершенно иномъ направленіи. Къ этому убѣжденію привела его сосредоточенная умственная работа надъ коренными вопросами философіи и исторіи въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Послѣ тяжелой неудачи на поприщѣ журнальнаго издательства, Кирѣевскій ушелъ въ себя, забросалъ перо, замкнулся и затворился отъ міра. Медленно созрѣвала въ немъ новая мысль, новый взглядъ на русскую жизнь въ ея главныхъ историческихъ моментахъ, и въ замѣткѣ, служившей отвѣтомъ на статью Хомякова «О старомъ и новомъ», это новое направленіе Кирѣевскаго впервые обозначилось съ полною отчетливостію, иначе освѣтивъ прежнія мысли, выраженные съ громадною силою въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ». Теперь онъ рисуетъ исторію католическаго христіанства въ иныхъ словахъ, болѣе мрачными красками, съ другою философскою тенденціею. Римская церковь отличается отъ восточной только своимъ стремленіемъ къ разсудочности, къ сухому отвлеченному рациона-

*) Полное собраніе сочиненій П. В. Кирѣевскаго, томъ I, *Девятнадцатый вѣкъ*, стр. 83.

лизму, своимъ пристрастіемъ къ формальной логикѣ. На западѣ бытіе Бога доказывается силлогизмами, инквизиція, іезуитизмъ развились въ атмосферѣ, насыщенной схоластическими спорами. Логическое убѣжденіе легло въ самое основаніе европейской жизни, сузивъ ширину и свободу ея духовнаго роста, придавъ всей культурѣ западныхъ народовъ характеръ односторонней, поверхностной мудрости. Классическое образованіе, не подчинившееся христіанской мысли, проникшее въ плоть и кровь европейскаго общества, задерживало движеніе истинно религіознаго духа. «Я совѣмъ не имѣю намѣренія писать сатиру на западъ, заявляетъ Кирѣевскій, никто больше меня не цѣнитъ тѣхъ удобствъ жизни общественной и частной, которыя произошли отъ раціонализма. Я люблю западъ, я связанъ съ нимъ многими неразрывными сочувствіями». Но признавая большое значеніе за европейскою культурою, онъ думаетъ при этомъ, что «въ конечномъ развитіи» разсудочное просвѣщеніе уже обнаружилось «началомъ одностороннимъ, обманчивымъ, оболстительнымъ». Въ прошедшей исторіи Россіи Кирѣевскій находитъ нѣкоторые элементы, въ которыхъ христіанская мысль могла получить настоящую поддержку. Россія не блестяла никогда «ни художествами, ни учеными изобрѣтеніями», но въ ней постоянно хранились условія широкаго духовнаго развитія, «собиралось и жило то устронительное начало знанія, та философія христіанства, которая одна можетъ дать правильное основаніе наукамъ»*)... Въ этихъ отрывочныхъ фразахъ слышатся первые отголоски того новаго настроенія, которое съ такою силою сказалось въ статьѣ «О характерѣ просвѣщенія Европы», напечатанной спустя двадцать лѣтъ послѣ знаменитаго дебюта Кирѣевскаго на страницахъ быстро угасшаго «Европейца». Все движеніе европейской философіи представилось ему въ новомъ освѣщеніи. Его уже больше не восторгаетъ политическое могущество католической церкви, а характерныя особенности русской жизни выступили изъ мрака прошлаго въ яркомъ сіяніи цѣльной, свѣтлой, могучей вѣры, не заглушенной въ народѣ никакими виѣшними силами. Раздвоеніе и цѣльность, разсудочность и разумность—вотъ послѣднія выраженія западно-европейской и древне-русской образованности**). На западѣ христіанство приняло характеръ разсудочной отвлеченности, въ Россіи оно сохранило внутреннюю полноту духа. Въ Европѣ церковь смѣшалась съ государствомъ, въ Россіи она осталась всегда чуждою мірскимъ цѣлямъ. Мечтая о возрожденіи русскаго общества къ новой плодотворной дѣятельности, Кирѣевскій проповѣдуетъ при этомъ необходимость разумнаго, осмысленнаго отношенія къ западно-европей-

*) Полное собраніе сочиненій. Томъ I. *Въ отвѣтъ А. С. Хомякову*, стр. 198.

***) Полное собраніе сочиненій. Томъ II. *О характерѣ просвѣщенія Европы*, стр. 276.

скому просвѣщенію. Онъ хотѣлъ-бы, чтобы высшія начала жизни, которыя хранятся въ христіанскомъ ученіи, господствовали надъ элементами разсудочнаго образованія, не вытѣсняя, а обнимая ихъ «своею полнотою». Пусть христіанская мысль оживотворяетъ плодотворную, но ограниченную работу человѣческой логики, потому что вѣра не можетъ и не должна быть слѣпою.

Этимъ мыслямъ Кирѣевскій не измѣнялъ уже до конца своей жизни. Все глубже проникаясь ими, онъ хотѣлъ подвергнуть обширной критикѣ главные принципы рационализма въ цѣльномъ, законченномъ философскомъ произведеніи, съ подробнымъ изложеніемъ новыхъ началъ, на которыхъ разовьется будущая духовная работа человѣчества. Передъ самою смертію Кирѣевскому пришлось напечатать только первые наброски этой оригинально задуманной работы въ «Русской бесѣдѣ» Кошелева, и этихъ немногихъ страницъ совершенно достаточно для того, чтобы судить о необычайной смѣлости его огромнаго критическаго таланта, о поэтической свѣжести и яркости его философскаго настроенія, о могучей способности искать высшую религіозную правду въ самыхъ глубинахъ человѣческой исторіи. Отдѣльныя мысли въ этой статьѣ, носящей пространное заглавіе «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи», критика Аристотеля, краткая, но мѣткая оцѣнка Декарта, нѣсколько горячихъ разсужденій о Шеллингѣ — проникнуты духомъ смѣлаго новаторства и звучатъ агитаціоннымъ призывомъ къ свободному научному труду внѣ поработавшей власти тѣхъ или другихъ школьныхъ авторитетовъ. Основная тенденція рисуется въ каждомъ ея доводѣ, волнующемъ воображеніи, постоянно держа передъ читателемъ увлекательный образъ самого Кирѣевского, переливавшего въ свои произведенія всѣ страсти своей души, боровшагося противъ сухой разсудочности всею полнотою своихъ нравственныхъ и умственныхъ силъ.

И эти два небольшихъ тома сочиненій Кирѣевского, представляющіе огромный интересъ для пониманія русскаго просвѣщенія, Писаревъ оцѣнилъ, какъ мы видѣли, съ пренебреженіемъ передоваго мыслителя, которому незачѣмъ разбираться въ предрасудкахъ и заблужденіяхъ славянофильскаго писателя. Обвиняя «Современникъ» въ легкомысленномъ отношеніи къ дѣятелямъ славянофильскаго движенія, Писаревъ самъ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго знакомства съ ихъ лучшими статьями, съ ихъ настоящими политическими и философскими стремленіями. Онъ рубитъ съ плеча вопросы, требующіе строгаго изученія, самаго широкаго пониманія, вопросы, въ самой постановкѣ которыхъ выразилась несомнѣнно прогрессивная потребность общества — осмыслить внутреннюю исторію своего развитія, уловить, постичь и разгадать черты народной психологіи, незамѣтно направляющей его развитіе по извѣстному пути. Въ такомъ писателѣ, какъ Кирѣевскій, помимо поразительно

яркаго литературнаго таланта, помимо огромной научной образованности, нельзя не видѣть типических особенностей народнаго духа, и критическій анализъ его произведеній, сдѣланный съ необходимымъ безпристрастіемъ, вѣрнѣе всякой внѣшней пропаганды, долженъ открыть дорогу къ самому источнику національнаго самосознанія. Эта необычайная искренность его полу-лирическихъ, полу-философскихъ изліяній, окруженныхъ волнующимся туманомъ глубокихъ намековъ, не всегда ясныхъ для ума, но всегда тревожащихъ душу, этотъ патетическій тонъ, придающій любимымъ идеямъ автора характеръ убѣжденной проповѣди,— все это постоянно сближаетъ читатели не съ тѣми или другими мелкими вопросами данной минуты, а именно съ мотивами внутренней, еще не вполне развернувшейся народной жизни. Никакая разумная, сознающая свою задачу критика не можетъ пройти мимо Кирѣевского съ равнодушіемъ къ тому, что волновало его въ теченіе всей жизни, дѣлало его энергичнымъ бойцомъ за народныя вѣрованія, вливало въ его писанія святую страсть миссіонерскаго увлеченія. Въ Кирѣевскихъ выражается существенная особенность данной національной культуры, и кто хочетъ лишить ихъ обаянія въ глазахъ людей, долженъ бороться съ ними въ честномъ бою; лицомъ къ лицу съ ихъ дѣйствительными философскими взглядами и религіозными вѣрованіями, проникая до глубины ихъ логическихъ доказательствъ, не оставляя безъ самаго широкаго, систематическаго возраженія ихъ основныя теоремы, ихъ руководящія убѣжденія. Можно обойти молчаніемъ какоенибудь мелкое явленіе консервативнаго или условно-либеральнаго характера, но нельзя, безъ ущерба для литературы, для своего знамени, отдѣлываться холостыми выстрѣлами дешеваго остроумія, привлекая на судъ критики людей, подобныхъ Кирѣевскому, Хомякову и К. Аксакову. Легко блеснуть эффектнымъ изреченіемъ, когда терзаешь, какъ жалкую добычу, какогонибудь ничтожнаго журнальнаго крикуна, дерзнувшаго вступитъ въ рискованную полемику съ любимцемъ толпы, но только настоящая острота мысли, умѣющей прорѣзаться къ средоточію чужой системы, можетъ съ успѣхомъ состязаться съ выдающимся талантомъ. Но Писаревъ, такъ-же, какъ и авторъ статьи въ «Современникѣ» подъ названіемъ «Московское словенство», своимъ банальнымъ глумленіемъ надъ лучшими представителями славянофильской партіи, могъ, по закону противорѣчія, только укрѣпить то настроеніе умовъ, съ которымъ онъ боролся своими несовершенными орудіями. Обѣ статьи—«Русскій Донъ Кихоть» и «Московское словенство *)»—лишній разъ показываютъ, что въ прогрессивномъ движеніи нашей недавней исторіи не было тѣхъ силъ и знаній, которые одни могли обезпечить за нимъ настоящій успѣхъ и значеніе.

*) Современникъ 1862, январь, *Русская Литература*, стр. 15—32.

Но о герояхъ славянофильскаго движенія, въ томъ числѣ о братьяхъ Кирѣевскихъ, судили въ русской литературѣ и люди съ большими знаніями и съ большой политической и философской прозорливостью—и судили совершенно иначе. Въ немногихъ словахъ Герцена личность Кирѣевского оживаетъ во всемъ богатствѣ ея патетической природы и природныхъ талантовъ. Благородный ратоборецъ, Герценъ провожалъ въ могилу своихъ достойныхъ противниковъ торжественнымъ звономъ своего колокола, и его надробная рѣчь, сказанная по поводу смерти К. Аксакова, звучитъ высокою, свѣтлою правдою. «Кирѣевскіе, Хомяковъ и Аксаковъ, писаль онъ 15 января 1861 года, сдѣлали свое дѣло. Долго-ли, коротко-ли они жили, но закрывая глаза, они могли сказать себѣ съ полнымъ сознаниемъ, что они сдѣлали то, что хотѣли сдѣлать, и если они не могли остановить фельдъегерской тройки, посланной Петромъ, въ которой сидитъ Биронъ и колотить ямщика, чтобъ тотъ скакалъ по нивамъ и давилъ людей, то они остановили увлеченное общественное мнѣніе и заставили призадуматься всѣхъ серьезныхъ людей». Съ нихъ начинается переломъ русской мысли, и хотя между ними и Герценомъ было огромное различіе въ нѣкоторыхъ убѣжденіяхъ, но, по собственному признанію Герцена, всѣхъ ихъ соединяла общая любовь. Это было «сильное, безотчетное, физиологическое, страстное чувство, которое они принимали за воспоминаніе, а мы за пророчество, чувство безграничной, обхватывающей все существованіе любви къ русскому народу, русскому быту, къ русскому складу ума». Въ обѣихъ партіяхъ билось одно общее сердце, хотя лица ихъ, какъ у Януса или двуглаваго орла, смотрѣли въ различныя стороны. Поклонникъ свободы и великаго времени французской революціи, Кирѣевскій не раздѣлялъ пренебреженія новыхъ старообрядцевъ къ европейскому просвѣщенію, въ чемъ онъ самъ открыто сознавался съ глубокой печалью въ голосѣ при разговорѣ съ Грановскимъ. Это былъ, пишетъ Герценъ, человекъ съ необыкновенными способностями, съ умомъ обширнымъ, политическимъ, страстнымъ, съ характеромъ чистымъ и твердымъ, какъ сталь. О статьяхъ его, напечатанныхъ въ № 1 «Европейца»—«Деятнадцатый вѣкъ», «О слогѣ Вильмена», «Обозрѣніе русской литературы», «Горе отъ ума на Московской сценѣ»—Герценъ отзывался въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Статьи Кирѣевского—удивительныя, пишетъ онъ, онѣ опередили современное направленіе умовъ въ самой Европѣ. «Какая здоровая, сильная голова, какой талантъ, слогъ...» *) Оба брата Кирѣевскихъ стоятъ печальными тѣнями на рубежѣ народнаго воскресенія. Преждевременно состарившееся лицо Ивана Кирѣевского носило рѣзкіе слѣды страданій и борьбы. Жизнь его не удалась. Съ жаромъ принялся онъ за изданіе

*) «Дневникъ» А. И. Герцена, стр. 156.

журнала, но на второй книгѣ «Европеецъ» былъ запрещенъ. Въ «Денницѣ» помѣстилъ онъ статью о Новиковѣ, но «Денница» была схвачена и цензоръ Глинка посаженъ подъ арестъ. Этого твердаго и чистаго чловѣка «разъяла ржа страшнаго времени» *).

Такъ рисуетъ Кирѣвскаго и его единомышленниковъ Герценъ. Эта характеристика вполне сливается со словами самого Кирѣвскаго о той роли, какую онъ хотѣлъ-бы играть въ литературѣ своего времени и народа. «Мы возвратимъ права истинной религiи, говоритъ Кирѣвскій въ письмѣ къ А. И. Кошелеву, изящное согласимъ съ нравственностью, возбудимъ любовь къ правдѣ, глупый либерализмъ замѣнимъ уваженiемъ законовъ и чистоту жизни возвысимъ надъ чистотою слога» **). Тотъ не знаетъ Россiи и не думаетъ о ней въ глубинѣ сердца, говоритъ онъ, обращаясь къ Погодину, кто не видитъ и не чувствуетъ, что изъ нея рождается что то великое, небывалое въ мiрѣ. «Общественный духъ начинаетъ пробуждаться. Ложь и неправда, главныя наши язвы, начинаютъ обнаруживаться»... Вся страстная сила Кирѣвскаго выразилась въ этихъ яркихъ строкахъ.

Первый періодъ литературной дѣятельности Писарева—до приключенiя съ брошюрой Шедо-Фероти, т. е. до заключенiя его въ крѣпость,—Писаревъ закончилъ довольно обширной рецензiей на огромное изслѣдованiе П. Пекарскаго: «Наука и литература въ Россiи при Петрѣ Великомъ». Это—смѣло и бойко написанная статья съ проблесками свободнаго, хотя и не вполне оригинальнаго отношенiя къ нѣкоторымъ историческимъ вопросамъ, имѣвшая большой успѣхъ въ обществѣ, даже привлекавшая къ себѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, при выпускѣ въ отдѣльномъ изданiи, пристрастное вниманiе заинтересованныхъ сферъ. Писаревъ, по обыкновенiю, не орудуетъ никакими серьезными фактами, ничего убѣдительно не доказываетъ, но, давая волю чисто публицистическому порыву, играетъ дерзновенными афоризмами съ протестантскою окраской. Самое сочиненiе Пекарскаго, въ двухъ томахъ котораго разсыпано множество цѣнныхъ матеріаловъ, осталось въ сущности безъ надлежащаго разбора, но Писаревъ и не считалъ необходимымъ входить въ подробное изученiе того, что онъ сразу же, безъ всякихъ колебанiй, окинувъ орлинымъ взглядомъ безконечную библиографію изслѣдованiя, отнесъ къ «сухой и дряхлой официальной наукѣ», надъ которою, по его мнѣнiю, «можетъ и долженъ смѣяться всякій живой, энергическій чловѣкъ». Отдѣлавъ въ немногихъ словахъ Пекарскаго, щелкнувъ по дорогѣ любителей «народной подоплеки» и некстати повторивъ дрянную клевету Минаева на

*) *Изъ нашихъ, славянофилы и панславизмъ, Хомяковъ, Кирѣвскій, К. Аксаковъ, П. Я. Чаадаевъ, стр. 301.*

**) Полное собраніе сочиненiй, томъ I, стр. 13. *Матеріалы для біографіи Кирѣвскаго.*

Юркевича, Писаревъ приступаетъ къ изложенію своихъ собственныхъ взглядовъ на роль личности въ историческомъ процессѣ. По его убѣжденію, *всѣ* великіе историческіе дѣятели только «мудрили» надъ жизнью народовъ, потому что, въ сущности, въ ихъ работѣ не могло быть ничего оригинальнаго, имъ самимъ принадлежащаго. Образчики извѣстной эпохи, «безответныя игрушки событій», безвинныя жертвы случайностей и переворотовъ, которые выносили ихъ на вершины исторіи, эти титаны сами по себѣ только вредили интересамъ личной свободы и просвѣщенія. Никакая крупная личность не можетъ управлять историческимъ потокомъ. Всѣ великіе люди, совершавшіе реформы съ высоты своего умственнаго величія, всѣ «въ равной мѣрѣ достойны неодобренія». Одни изъ нихъ были очень умны, другіе «замѣчательно безтолковы», но всѣ вмѣстѣ насилывали природу вещей, вѣдя за собою общество «къ какой-нибудь мечтательной цѣли». Всѣ поголовно могутъ быть названы «врагами человѣчества». Свобода постоянно приносилась въ жертву «разнымъ обширнымъ и возвышеннымъ цѣлямъ, созрѣвающимъ въ разныхъ великихъ и высокихъ головахъ»... Подводя итогъ этимъ общимъ соображеніямъ, Писаревъ формулируетъ основную мысль статьи въ слѣдующихъ трехъ пунктахъ: во первыхъ, дѣятельность всѣхъ великихъ людей была совершенно поверхностна и проходила мимо народной жизни, не шевеля и не пробуждая народнаго сознанія, во вторыхъ, дѣятельность великихъ людей была всегда ограничена тѣмъ кругомъ идей, въ которыхъ вращалась общая мысль эпохи, и въ третьихъ, дѣятельность великихъ людей «не достигала своей цѣли, потому что претензіи этихъ господъ постоянно превышали ихъ силы» *).

Обращаясь къ главному предмету статьи, Писаревъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ отбѣиваетъ свое отвращеніе ко всякаго рода цивилизаторамъ «à la Пашинъ, или, что то же самое, à la Петръ Великій». Любя европейскую жизнь, мы не должны обольщаться тою блѣдною народіею на европейскіе нравы, которая «разыгривается высшими слоями нашего общества со временъ Петра». Съ веселымъ задоромъ Писаревъ зываетъ къ настоящему европеизму, слегка пронизируя при этомъ надъ «остроумными затѣями Петра Алексѣевича». Дѣятельность Петра вовсе не имѣла такихъ плодотворныхъ послѣдствій, какъ это кажется его восторженнымъ поклонникамъ. Его цивилизаторскія попытки прошли мимо русскаго народа. Все, что онъ сдѣлалъ, было плодомъ его личныя соображеній, не считавшихся съ волею людей, которыхъ имѣла въ виду его реформа. Человѣкъ, не имѣвшій во всю свою жизнь никакой цѣли, кромѣ «удовлетворенія крупнымъ прихотямъ своей крупной личности», онъ успѣлъ «прослыть великимъ патріотомъ, благодѣтелемъ своего народа

*) „Русское Слово“ 1862 г., май, *Русская литература*, стр. 61.

и основателемъ русскаго просвѣщенія». Нельзя не отдать Петру Алексѣевичу полной дани уваженія, насмѣшливо восклицаетъ Писаревъ, не многимъ удастся такъ ловко «подкупить въ свою пользу судъ исторіи» *). Онъ прослылъ великимъ русскимъ дѣятелемъ, хотя «жизнь тѣхъ семидесяти милліоновъ, которые называются общимъ именемъ русскаго народа, вовсе не измѣнилась-бы въ своихъ отправленіяхъ», если-бы, напримеръ, Шаковитому удалось совершить задуманное имъ преступленіе **).

Такова общая историческая философія статьи, таково примѣненіе этой философіи къ частному историческому явленію. По вѣрному замѣчанію, такъ сказать, случайнаго критика Писарева — Ф. Павленкова, — въ рецензій на книги Пекарскаго нѣтъ ничего особенно оригинальнаго, принадлежащаго собственнымъ творческимъ теоріямъ Писарева: то, что высказано Писаревымъ, въ гораздо болѣе рѣзкой и неумоллимой формѣ «можно встрѣтить на каждой страницѣ Бокля, Дрэнера и другихъ». У Бокля мы встрѣтимъ «буквально то-же самое», что такъ поразило нѣкоторыхъ читателей въ произведеніи Писарева. «Книга Бокля, говорилъ Павленковъ, была разобрана въ предыдущихъ номерахъ Русскаго Слова, положенія его цитировались чуть не въ каждой журнальной книгѣ, затѣмъ дѣятельность Петра тоже была оцѣнена въ журналъ, — такимъ образомъ задача Писарева состояла въ обсужденіи значенія Петра съ боклевской точки зрѣнія» ***). Но хотя Писаревъ и шелъ по стопамъ такого моднаго для того времени авторитета, какъ Бокль, тѣмъ не менѣе въ его разсужденіяхъ о роли великихъ людей въ исторіи человѣчества нѣтъ надлежащей отчетливости и сколько нибудь убѣдительныхъ логическихъ поясненій. Смѣшавъ воедино историческихъ героевъ, «состоявшихъ на дѣйствительной службѣ», съ тѣми великими людьми, которые въ самомъ дѣлѣ управляли судьбами и просвѣщеніемъ народовъ, не прикасаясь къ офиціальному рулю государствъ, Писаревъ не показываетъ, какими силами совершается прогрессивное движеніе всякаго общества. Въ каждомъ народѣ выдающимися работниками являются постоянно отдѣльныя личности, глубже проникающіяся его духомъ, его умственными и нравственными понятіями, ярче сознающія его потребности и счастливо отгадкою находящія новыя начала для переустройства жизни. Онѣ бросаютъ новыя идеи въ народныя массы, взбудораженныя общимъ воздухомъ эпохи, и безъ всякаго внѣшняго насилія, не прикасаясь къ железу и мечу, совершаютъ великіе умственные перевороты. Объ этихъ герояхъ никакимъ образомъ нельзя сказать, что ихъ дѣятельность поверхностна и не пробуждаетъ народнаго сознанія. Наивно утверждать, что прона-

*) „Русское Слово“ 1862 г., май, *Русская литература* стр. 63.

**) „Русское Слово“, 1862 г., апрѣль, *Русская литература* стр. 43.

***) *Материалы для пересмотра дѣствующихъ постановленій о цензурѣ и печати*, ч. III, отдѣлъ первый, 1870 г., стр. 284.

ганда этихъ людей ограничена кругомъ современныхъ понятій и никогда не достигала своей цѣли, потому-что ихъ «претензіи постоянно превышали ихъ силы». Не разобравшись серьезно въ этомъ коренномъ вопросѣ о значеніи личности въ исторіи, Писаревъ отнесся и къ дѣятельности Петра Великаго безъ должной научной осторожности въ обобщеніяхъ и характеристикахъ. Его насмѣшка не глубока и отдаетъ юношескою хлесткостью. Какъ-бы ни были различны взгляды на роль Петра въ русской исторіи, къ какимъ-бы выводамъ ни пришла серьезная научная критика, при оцѣнѣ его реформаторской дѣятельности, нельзя не видѣть, что въ бойкой статьѣ Писарева нѣтъ серьезнаго содержанія. Онъ не рисуетъ личности Петра, этой богато одаренной индивидуальности съ яркою печатью новаторскихъ стремленій, какъ это могъ-бы сдѣлать человѣкъ, глубоко и вдумчиво изучившій эпоху, уловившій сквозь туманъ историческаго отдаленія живыя настроенія современнаго общества. Можно держаться по отношенію къ Петру I и такого мнѣнія, какого держится, напримѣръ, какъ это намъ извѣстно, графъ Л. Толстой, широко изучившій документы времени для нѣкогда задуманнаго имъ романа, но тогда весь центръ тяжести долженъ быть перенесенъ отъ личности Петра въ глубину общества, потому-что нельзя не видѣть рѣзкихъ и многозначительныхъ социальныхъ переворотовъ этого яркаго историческаго момента. Есть минуты въ жизни Петра, писалъ Кирѣевскій, когда, дѣйствуя иначе, онъ былъ-бы согласнѣе самъ съ собою, согласнѣе съ тою мыслью, которая одушевляла его въ продолженіе всей жизни. Но общій характеръ его дѣятельности, по образованности Россіи, имъ начата, — «вотъ основанія его величія и нашего будущаго благоденствія». Будемъ осмотрительны, продолжаетъ Кирѣевскій, когда рѣчь идетъ о преобразованіи, имъ совершенномъ. Не забудемъ, что судить о немъ легкомысленно есть дѣло неблагодарности и невѣжества *). Не представивъ никакихъ доказательствъ, совершенно не изучивъ самостоятельно не только документовъ эпохи, но даже и обширнаго труда Печарскаго, Писаревъ не пошелъ по тому пути, по которому могъ-бы съ огромнымъ успѣхомъ идти такой талантъ, какъ Толстой, и не обнаружилъ той осмотрительности, которую проповѣдывалъ Кирѣевскій. Отрицая всякое значеніе за дѣятельностью Петра Великаго и не признавая въ то-же время во всей прошедшей жизни русскаго общества ничего отраднаго, прогрессивнаго, дѣятельнаго, Писаревъ даже не выдерживаетъ своей мысли до конца и, соглашаясь съ крайними славянофильскими мнѣніями относительно личности Петра, отрекается отъ тѣхъ посылокъ, которыя давали смыслъ и даже нѣкоторую силу ихъ историческимъ выводамъ. Мы не думаемъ, говоритъ Писаревъ, чтобы «мыслящій историкъ» могъ въ

*) Полное собраніе сочиненій, томъ I, *Девятнадцатый вѣкъ*, стр. 83.

исторіи московскаго государства до Петра подмѣтитъ какіе-нибудь симптомы народной жизни. «Мы не думаемъ, чтобы онъ нашель *что-нибудь*, кромѣ жалкаго подавленнаго прозябанія. Мы не думаемъ, чтобы мыслящій гражданинъ Россіи могъ смотрѣть на прошедшее своей родины безъ горести и безъ отвращенія» *). Но если таково было до Петра прошедшее Россіи, то какимъ образомъ при немъ что-нибудь могло сложиться въ темной жизни русскаго общества? Изъ какихъ элементовъ спрашивается, образовалась эта новая прогрессивная сила, которая безъ Петра I сломила-бы то, что разбито имъ ради новыхъ формъ государственнаго существованія? Писаревъ не видитъ, что рѣшительно отрицая всякій смыслъ въ допетровской жизни, онъ этимъ самымъ неизбѣжно возвышаетъ значеніе и силу Петра и впадаетъ въ явное противорѣчіе съ самимъ собою. Писареву кажется, что русскій народъ долженъ проснуться самъ собою и что всякая инициатива въ этомъ направленіи со стороны не имѣетъ никакого смысла. «Мы его не разбудимъ, говорить онъ, воплями и воззваніями, не разбудимъ любовью и ласками... Если онъ проснется, то проснется самъ по себѣ, по внутренней потребности». Среди множества примѣровъ, показывающихъ въ Писаревѣ отсутствіе дѣятельнаго соціальнаго инстинкта, это одинъ изъ самыхъ типическихъ, не требующій никакихъ комментариевъ.

II.

Мы разобрали все болѣе или менѣе важное, напечатанное Писаревымъ въ теченіе первыхъ лѣтъ его литературной дѣятельности. Съ 3-го іюля 1862 года по 18-ое ноября 1866 года и затѣмъ, съ этого послѣдняго момента до его смерти, передъ нами проходитъ вся его умственная работа, напряженная, кипучая, смѣлая,—сначала въ крѣпости, потомъ на свободѣ. Не покидая литературной критики, Писаревъ печатаетъ цѣлый рядъ статей по историческимъ, естественно-научнымъ, философскимъ и педагогическимъ вопросамъ, которые, повидимому, занимали его умъ, хотя и не увлекали его къ серьезному изученію науки. Онъ популяризируетъ европейскихъ авторовъ, передавая ихъ мысли въ ясныхъ выраженіяхъ, нигдѣ не критикуя ихъ по существу, никогда не поднимаясь выше или даже на одинъ уровень съ ихъ идеями. Писаревъ самъ сознавалъ ограниченность своихъ знаній и, со свойственной ему откровенностью, не стѣснялся признаваться въ этомъ передъ своими читателями въ тѣхъ самыхъ статьяхъ, которыя должны были ввести ихъ въ кругъ новѣйшихъ научныхъ идей. «Я не специалистъ, и читалъ до сихъ поръ очень мало по естественнымъ наукамъ», пишетъ онъ на за-

*) «Русское Слово», 1862 г., апрѣль, *Русская литература*, стр. 42.

ключительныхъ страницахъ своихъ пространныхъ очерковъ о Дарвинѣ подъ названіемъ «Прогрессъ въ мірѣ животныхъ и растений». Онъ отлично понимаетъ, что при наличныхъ свѣдѣніяхъ онъ не можетъ быть признанъ образцовымъ популяризаторомъ. Не видя кругомъ себя людей, которые могли-бы выполнить по отношенію къ обществу истинно просвѣтительную задачу, онъ готовъ «изобразить своей особой деревянную ложку, которую немедленно можно и даже должно бросить подъ столъ, когда на этотъ столъ явится благородный металлъ». Но при всей ограниченности научной подготовки, Писаревъ не перестаетъ занимать своихъ читателей безконечно длинными компиціями, написанными прекраснымъ слогомъ, но безъ широкихъ обобщеній, безъ опредѣленнаго историческаго или философскаго плана. Въ этихъ пространныхъ статьяхъ, составленныхъ въ большинствѣ случаевъ по двумъ-тремъ книгамъ, разбросано множество своеобразныхъ характеристикъ и не вездѣ выдержана послѣдовательность основныхъ логическихъ соображеній. Историческія темы интересовали Писарева почти столько-же, сколько и темы естественно-научныя. Напечатавъ еще въ 1861 году свое студенческое сочиненіе объ Аполлоніи Тианскомъ, не представляющее, несмотря на превосходный матеріалъ, живого изображенія этой замѣчательной, нѣсколько загадочной личности, Писаревъ сейчасъ-же вслѣдъ за этой работой помѣщаетъ въ «Русскомъ Словѣ» довольно бойкую характеристику Меттерниха. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ онъ публикуетъ свои «Очерки изъ исторіи печати во Франціи» — почему-то подъ псевдонимомъ И. П. Рагодина — и затѣмъ историческія статьи становятся его постояннымъ вкладомъ въ первый отдѣлъ журнала. Въ обширной компиціи «Очерки изъ исторіи труда» онъ излагаетъ идеи американскаго писателя Кэри, въ длинной статьѣ, озаглавленной «Историческое развитіе европейской мысли» онъ идетъ по стопамъ извѣстнаго изслѣдованія Дрэнера, въ другихъ своихъ компиціяхъ онъ передаетъ важныя, но общезвѣстные факты, относящіеся къ перелому въ умственной жизни средневѣковой Европы, и, наконецъ, въ цѣломъ рядѣ эскизовъ онъ рисуетъ событія, предшествовавшія французской революціи и создавшія ее. Несмотря на темпераментъ крайняго индивидуалиста и даже вопреки собственному убѣжденію, Писаревъ во всѣхъ этихъ статьяхъ остается въ высшей степени объективнымъ повѣствователемъ, лишь иногда выражающимъ опредѣленные, субъективные сужденія о явленіяхъ и лицахъ, пріобрѣвшихъ широкую историческую извѣстность. Опредѣливъ однажды задачу историка, какъ «осмысленіе событія съ личной точки зрѣнія *)», Писаревъ въ первой главѣ своихъ «Историческихъ эскизовъ» самъ же вооружается противъ всякаго излишняго субъективизма въ такого рода

*) «Русское Слово» 1861 г., сентябрь, *Иностранная литература*, стр. 3.

работахъ. «Дѣло историка, писать онъ, рассказать и объяснить. Дѣло читателя передумать и понять предлагаемое объясненіе *)». Въ настоящемъ историческомъ разсказѣ нѣтъ мѣста ни для похвалы, ни для порицанія, и вотъ почему можно сказать, что вся «колоссальная знаменитость» Маколея основана, въ сущности, на ложномъ приѣмѣ. Онъ рисуетъ историческіе портреты и торжественно произноситъ надъ историческими дѣятелями оправдательные или обвинительные приговоры, хотя такая адвокатская или прокурорская декламация должна быть признана вопиющею нелѣпностью. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Писаревъ сдѣлалъ впервые опредѣленіе исторической науки, онъ простираетъ свой субъективизмъ до того, что даетъ каждой политической партіи право имѣть свою собственную всемірную исторію, потому что «исторія есть и всегда будетъ теоретическимъ оправданіемъ извѣстныхъ практическихъ убѣжденій, составившихся путемъ жизни и имѣющихъ свое положительное значеніе въ настоящемъ **)». Въ своихъ «Историческихъ эскизахъ» онъ уже не считаетъ возможнымъ что-либо оправдывать или обвинять въ жизни народовъ съ современной точки зрѣнія, потому что онъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что «всякое отдѣльное событіе, какъ бы оно ни было ужасно или величественно, есть только неизбежное и очень простое слѣдствіе такихъ же неизбежныхъ и простыхъ причинъ ***»).

Не большею самостоятельностью отличаются, какъ мы это уже отчасти знаемъ, и статьи Писарева по естественно-научнымъ и философскимъ вопросамъ. Вся его обширная пропаганда идей Дарвина въ статьѣ «Прогрессъ въ мѣрѣ животныхъ и растений» не заключаетъ въ себѣ ни одной самостоятельной мысли и при томъ пестритъ совершенно наивными и ненужными изліяніями по адресу читателя. Превознеся Дарвина въ выраженіяхъ, не обнаруживающихъ настоящей, научной компетентности, и поглумившись въ заключеніе надъ его нѣмецкими оппонентами, которые фамильярно обзываются при этомъ «милашками» и приравниваются къ Пульхеріи Ивановнѣ и купчихѣ Кабановой, Писаревъ увѣреннымъ взмахомъ руки повергаетъ во прахъ гениальнаго въ своемъ родѣ Ламарка и Жофруа-Сентъ-Иллера. Разрушая старыя воззрѣнія въ естествознаніи, Писаревъ молодцовато прогуливается вокругъ побѣжденной имъ системы, восклицая: «Принципъ, принципъ! Каково ты себя, другъ мой, чувствуешь?» Въ другомъ мѣстѣ Писаревъ, желая развить самостоятельную мысль въ духѣ Дарвина, дѣлаетъ слѣдующую игривую оговорку, отличающую однако нѣкоторую неувѣренность въ своей научной правоспособности: «Если Дарвинъ, пишетъ онъ, позволяетъ медвѣдю превратиться

*) Сочиненія Д. И. Писарева, ч. VIII, изд. 1872 г., *Историческіе эскизы*, стр. 69.

**) «Русское Слово» 1861 г., сентябрь, *Иностранная литература*, 3—4.

***) Сочиненія Д. И. Писарева, ч. VIII, изд. 1872 г., стр. 70.

почти въ кита, то, пожалуй, почему бы и моему воробью не превратиться, не говорю въ крота, а въ подземное и, разумѣется, совершенно не летающее и не совсѣмъ зоркое животное? Pourquoi pas? Однако я все-таки не рѣшусь этого сказать. Дарвину хорошо храбриться, онъ знаетъ, что не навретъ. А я на этотъ счетъ, при сильной склонности моей къ широкимъ умозрѣніямъ, побаиваюсь за себя ежеминутно *)». Въ статьѣ подъ названіемъ «Подвиги европейскихъ авторитетовъ» Писаревъ передаетъ знаменитый споръ Пастера съ французскими учеными, защищавшими теорію произвольнаго зарожденія—Пуше, Жоли и Мюссе, при чемъ рисуетъ въ комическихъ чертахъ Пастера, отрицавшаго за ихъ ученіемъ научную солидность. Писареву представлялось, что механическая теорія навѣки обезпечила за собою полное господство, и знаменитыя возраженія Пастера, основанныя на блестящихъ экспериментахъ, кажутся ему какими-то подозрительными просками ловкаго чиновника отъ науки, не дорожающаго ея истинными, прогрессивными интересами. По непривычкѣ къ осторожности, необходимой въ разрѣшеніи научныхъ споровъ, онъ въ рѣшительныя минуты измѣняетъ скромному сознанию своей некомпетентности и систематически гнетъ въ сторону гетерогенистовъ, не давая при этомъ никакихъ матеріаловъ для анализа ихъ воззрѣній и въ то же время грубо размалевывая портреты ихъ противника. Замѣтимъ, кстати, въ этомъ пунктѣ, что вопросъ, не перестававшій волновать умы лучшихъ европейскихъ ученыхъ, можно сказать еще на этихъ дняхъ былъ представленъ въ его настоящей стадіи въ брошюрѣ талантливаго русскаго профессора И. П. Бородинъ «Протоплазма и витализмъ». Если бы наукѣ, пишетъ Бородинъ, удалось неопровержимымъ образомъ доказать возможность зарожденія хотя бы наипростѣйшаго живого существа изъ бездушныхъ веществъ мертвой природы, если бы ей удалось уничтожить грань, отдѣляющую въ природѣ живое отъ мертваго, подобно тому, какъ она блестяще стерла границы, раздѣлявшія нѣкогда растительное и животное царства, то пошатнулся бы одинъ изъ важнѣйшихъ оплотовъ витализма. Но механическое воззрѣніе теряетъ постоянно довѣріе ученыхъ и, говоря словами профессора К. Тимирязева, вся исторія попытокъ открыть самозарожденіе организмовъ должна быть признана рядомъ болѣе и болѣе рѣшительныхъ поражений. Послѣ блестящихъ опытовъ Пастера, заявляетъ Бородинъ, угасла всякая надежда на возможность самозарожденія даже мельчайшихъ живыхъ существъ—бактерій. Наука все рѣшительнѣе и громче провозглашаетъ, что живое порождается только живымъ. Но изображая въ такомъ видѣ положеніе главнаго вопроса, затронутаго въ свое время на страницахъ «Русскаго

*) Сочиненія Д. П. Писарева, ч. VI, изд. 1866 г. *Прогрессъ въ міръ животныя и растений*, стр. 197.

Слова», профессоръ Бородинъ дѣлаетъ при этомъ нѣкоторую фактическую ошибку — по отношенію къ Писареву. «Когда велся знаменитый споръ Пастера съ гетерогенистами, пишетъ профессоръ Бородинъ, симпатіи всего нашего либеральнаго лагеря, съ покойнымъ Писаревымъ во главѣ, были рѣшительно на сторонѣ Пастера, а Пуше, Жоли и вообще всю компанію гетерогенистовъ громили ретроgrадами, обскурантами. Вотъ уже истинно своя своихъ не познала *)». Профессоръ Бородинъ прекрасно понимаетъ, что Писареву, при его міросозерцаніи, естественно было держать сторону оппонентовъ Пастера, и, приписывая ему солидарность съ Пастеромъ, онъ отказываетъ ему въ логической послѣдовательности. Но Писаревъ въ настоящемъ случаѣ не измѣнилъ себя, и статья его «Подвиги европейскихъ авторитетовъ», напечатанная въ іюньской книгѣ «Русскаго Слова» 1865 года, служить тому неопровержимымъ доказательствомъ.

Къ попыткамъ философскаго мышленія, теоретическаго и практическаго, нужно отнести слѣдующія статьи Писарева: «Пчелы», «Историческія идеи Огюста Конта», «Времена метафизической аргументаціи» и «Популяризаторы отрицательныхъ доктринъ». «Пчелы» представляютъ довольно остроумную сатиру въ аллегорической формѣ, высмѣивающую нѣкоторыя одряхлѣвшія формы соціальной жизни. Статейка написана съ талантомъ и обнаруживаетъ въ Писаревѣ способность къ тонкому политическому юмору безъ рѣзкой гражданственной крикливости. Полная движенія, борьбы и шума, общественныхъ катаклизмовъ и торжественныхъ празднествъ, проносится передъ нами своеобразная жизнь пчелъ, во многомъ напоминая людскую жизнь. Писаревъ выдерживаетъ до конца основную тенденцію статьи, въ высокой степени сочувственную рабочимъ силамъ всякаго общества, хотя по отдѣльнымъ фразамъ можно догадаться, что его политическій индивидуализмъ не былъ особенно послѣдовательнымъ и рѣшительнымъ. «Историческія идеи Огюста Конта» составляютъ въ сущности одно цѣлое со статьею «Времена метафизической аргументаціи», напечатанною впервые въ январьской книгѣ «Русскаго Слова» 1866 года, но въ отдѣльномъ изданіи слитою съ первою. Писаревъ, не разбирая и даже не излагая главныхъ *теоретическихкихъ* началъ Контовской философіи, пространно говоритъ объ историческихкихъ идеяхъ Конта, не подвергая ихъ при этомъ никакой критикѣ. Теологическій періодъ въ жизни человѣчества не отличается въ изображеніи Писарева никакою рельефностью, и сужденія критика о первобытныхъ религіяхъ не идутъ дальше самыхъ поверхностныхъ обобщеній. Отличительныя черты позитивнаго мышленія поняты Писаревымъ

*) П. И. Бородинъ. *Протоплазма и витализмъ*, изданіе журнала «Міръ Божій», Спб. 1895 г., стр. 25—26.

по дилетантски, а основныя особенности метафизическаго направленія представлены въ его статьѣ въ такомъ извращенномъ видѣ, который, по своей наивности, не можетъ быть признанъ правильнымъ отраженіемъ даже контовской системы. Не будемъ останавливаться и на компилятивной работѣ «Популяризаторы общественныхъ доктринъ», примыкающей къ двумъ предшествующимъ очеркамъ, въ которой онъ съ необычайной развязностью издѣвается надъ «бабьей» натурой Руссо и хлещетъ за недостатокъ ума Вольтера, и отмѣтимъ, въ заключеніе настоящей главы, нѣсколько статей его по педагогическимъ вопросамъ. Объ одной изъ этихъ статей—«Наша университетская наука»—мы уже упоминали въ біографіи Писарева. Она написана прекраснымъ, спокойнымъ языкомъ и въ заключительныхъ разсужденіяхъ, посвященныхъ общему образованию, содержитъ нѣсколько мѣткихъ замѣчаній о нашемъ гимназическомъ и университетскомъ воспитаніи. Осмѣявъ старыя педагогическія приемы, Писаревъ требуетъ полной реформы низшаго образованія и расширенія свободы обученія въ университетскихъ аудиторіяхъ. Въ основу гимназической программы должно быть положено изученіе математическихъ и естественныхъ наукъ—вотъ идея, которая проходитъ по всемъ его разсужденіямъ, дѣлая его ярымъ поборникомъ реализма противъ всѣхъ видовъ современнаго классицизма. Эта же идея свѣтится въ его обширной статьѣ подъ названіемъ «Школа и жизнь», заключающей его собственную учебную программу—низшую и высшую. Она же руководитъ имъ и при изложеніи взглядовъ Вирхова на воспитаніе женщинъ, при разсмотрѣніи извѣстной книги Юманса «Modern culture», содержащей въ себѣ публичныя лекціи Тиндала, Добени, Паджета и другихъ объ умственныхъ потребностяхъ современнаго общества, при составленіи предисловія къ «Урокамъ элементарной физиологіи» Гексли. Враждою ко всякаго рода классицизму проникнута и его рѣзкая, почти взбѣшенная полемика противъ Шаврова, автора статьи «Классическое и реальное воспитаніе», напечатанной въ «Днѣ» *). Не сдерживая погода бранныхъ словъ, хотя и давая понять читателю, что соперникъ его отнюдь не принадлежитъ къ числу жалкихъ фразеровъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей», Писаревъ яростно обороняетъ свои реалистическія убѣжденія отъ всякаго компромисса, отъ всякой возможной поправки или оговорки. Въ самомъ разгарѣ своей публицистической агитаціи, развернувшись во всей своей неумолимой, но наивной приверженности къ реализму, Писаревъ не щадитъ противника, проповѣдывающаго болѣе гармоническое воспитаніе гуманныхъ и образовательныхъ стремленій. Эта статья полна шумныхъ криковъ, оскорбительныхъ придиорокъ и заносчи-

*) «День», 1865, № 16, 17, 19. Педагогическіе очерки: I *Классическое и реальное образованіе*. II *Открытія и закрытія учебныхъ заведеній*. №№ 34, 35. *Семейство и школа*. М. Шаврова.

выхъ поученій, совершенно незаслуженныхъ мало извѣстнымъ, но серьезнымъ авторомъ.

III.

Въ этомъ періодѣ своей дѣятельности Писаревъ окончательно входитъ въ кругъ своихъ любимыхъ реалистическихъ идей и понятій. Безъ малѣйшихъ сомнѣній и колебаній онъ разрѣшаетъ теперь эстетическіе и моральные вопросы, выводя на строгій, беспощадный судъ реализма лучшихъ русскихъ писателей. Всѣ прошедшія возрѣнія, юношеская склонность къ красотѣ и изяществу окончательно исчезаютъ, уступая мѣсто духу смѣлой, но прозаической публицистики, производящихъ полное замѣшательство въ его критическихъ приемахъ и сужденіяхъ. Статьи его приобретаютъ вызывающій характеръ, не смягчаемый никакими случайными проблесками эстетического чувства, а слогъ становится грубо-популярнымъ, подчасъ вульгарнымъ, несмотря на поэтическія темы критической разработки. Его мысли сосредоточиваются въ одномъ направленіи, сокращаясь въ содержаніи и, можетъ быть, вслѣдствіе исключительныхъ внѣшнихъ условій, при которыхъ онъ писалъ эти статьи, не обогащаясь никакими свѣжими, яркими, идущими изъ самой жизни впечатлѣніями. Образъ Базарова, въ томъ патетическомъ, но узкомъ истолкованіи, о которомъ мы уже говорили, завладѣлъ его умомъ. Каждое частное его соображеніе доказывается теперь ссылкой на Базарова, направляется Базаровымъ, вдохновляется Базаровымъ. Общія сужденія, до безконечности растянутыя, утомляющія своими безчисленными повтореніями, вращаются въ магическомъ кругу однихъ и тѣхъ же вопросовъ, не затрагивающихъ сущность и свойства разсматриваемыхъ художественныхъ произведеній, но глубоко волнующихъ настроенія прогрессивной толпы. Полемика съ «Современникомъ», возникшая по поводу Базарова, разожженная неожиданнымъ преступленіемъ нѣкогда вѣрныхъ вассаловъ Чернышевскаго, появленіе романа «Что дѣлать?», показавшаго новыхъ людей въ борьбѣ съ обстоятельствами жизни и бросившаго заманчивый свѣтъ отдаленной утопіи на волненія и страсти современности,—все это окончательно закалило молодого критика «Русскаго Слова». Базаровъ и Лопуховъ, Одинцова и Вѣра Павловна. взгляды Чернышевскаго на эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности—вотъ тотъ матеріалъ, которымъ Писаревъ постоянно пользуется въ своихъ новыхъ статьяхъ. Доведя до крайнихъ выводовъ главныя мысли Чернышевскаго, онъ съ неукротимою энергіею набрасывается на русскую эстетическую литературу, разнося ударами своего остраго ножа нустую, вздутую славу разныхъ литературныхъ авторитетовъ, усыпавшихъ русскую публику своимъ сладкогласнымъ нѣпиемъ, разбивая вѣковые предразсудки въ широкой области эстетическихъ пристрастій. Ни-

кому никакой пощады, ни съ кѣмъ никакого союза, кромѣ истиннаго властителя современныхъ думъ, такъ-же какъ и онъ сброшеннаго волною жестокихъ событій съ видной и твердой жизненной позиціи. Никому никакого сочувствія, кромѣ Чернышевскаго. Даже Добролюбовъ въ этотъ кипучій моментъ его умственной дѣятельности не внушаетъ ему полной симпатіи. «Если бы Вѣлинскій и Добролюбовъ поговорили между собою съ глазу на глазъ, съ полной откровенностью, заявляетъ Писаревъ въ сентябрь 1864 года въ статьѣ своей *Нерешенный вопросъ*, то они разошлись бы между собою на очень многихъ пунктахъ. А если бы мы поговорили такимъ же образомъ съ Добролюбовымъ, то мы не сошлись бы съ нимъ почти ни на одномъ пунктѣ» *). Ему представляется, что преслѣдуя эстетиковъ «мѣткими и справедливыми насмѣшками», Добролюбовъ самъ въ очень многомъ сходился со своими всегдашними противниками. восхищался «общими впечатлѣніями», не всегда отдавался спокойному, разумному анализу. Чтобы нагляднымъ образомъ показать свое полное разногласіе съ этимъ недавно умершимъ критикомъ «Современника». Писаревъ еще въ мартѣ 1864 года печатаетъ статью подъ названіемъ «Мотивы русской драмы». Добролюбовъ нашелъ какой-то свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ своеволія и насилія. Онъ поддался порыву эстетическаго чувства и возвелъ въ перлъ созданія образъ заурядной Екатерины. Намъ придется быть строже и послѣдовательнѣе Добролюбова, говорить Писаревъ. Намъ необходимо защитить его идеи противъ его собственныхъ увлеченій. Статья его объ Островскомъ была настоящею литературною ошибкою. Взглядъ Добролюбова на Катерину не вѣренъ, потому что ни одно свѣтлое явленіе не можетъ ни возникнуть, ни сложиться въ темномъ царствѣ патріархальной русской семьи. Обращаясь къ самой драмѣ Островскаго, Писаревъ слѣдующимъ образомъ низводитъ Катерину съ той высоты, на которую поставилъ ее Добролюбовъ. Во всѣхъ ея поступкахъ и ощущеніяхъ, пишетъ онъ, насъ поражаетъ прежде всего рѣзкая несоразмѣрность между причинами и слѣдствіями. Каждое внѣшнее впечатлѣніе потрясаетъ весь ея организмъ, самое ничтожное событіе, самый пустой разговоръ производитъ пѣлый переворотъ въ ея мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ. Кабаниха ворчитъ — Катерина отъ этого изнываетъ, Борисъ Григорьевичъ бросилъ нѣсколько нѣжныхъ взглядовъ — Катерина влюбляется. Варвара сказала мимоходомъ нѣсколько словъ о Борисѣ. Катерина заранѣе считаетъ себя погибшей женщиной. При свиданіи съ Борисомъ она сначала кричитъ: «поди прочь, окаянный человѣкъ», а вслѣдъ за тѣмъ кидается ему на шею. Когда пріѣзжаетъ Тихонъ, она вдругъ начинаетъ терзаться угрызениями совѣсти, доходить до полусумасшествія, хотя Борисъ живетъ въ томъ же городѣ и, «пріоб-

*) «Русское Слово» 1864 г., сентябрь, *Нерешенный вопросъ*, стр. 36.

гая къ маленькимъ хитростямъ и предосторожностямъ, можно было бы кое когда видѣться и наслаждаться жизнью». Грянулъ громъ, полоумная барыня прошла по сценѣ съ двумя лакеями,—и Катерина бросается къ ногамъ своего мужа съ полнымъ покаяніемъ въ грѣхахъ. Случайно произнесенное ею слово «могила» возбуждаетъ въ ней мысль о самоубійствѣ: «прыжокъ въ Волгу—и драма оканчивается». Обрисовавъ такимъ образомъ ничтожество Катерины и затѣмъ показавъ ея постоянныя внутреннія противорѣчія, Писаревъ схватывается съ тѣми старыми эстетическими понятіями, которыя мѣшаютъ сложиться правильному отношенію къ человѣческимъ страстямъ и которыя даже такого человѣка, какъ Добролюбовъ, поставили на узкую тропинку, ведущую «въ глушь и болото». Къ людямъ, а слѣдовательно и къ ихъ художественнымъ отраженіямъ въ поэтическихъ произведеніяхъ надо относиться съ точки зрѣнія естественно-научнаго натурализма, и тогда не трудно будетъ найти истинное мѣрило человѣческаго величія или паденія. Критикъ, чуждый эстетической рутины, слѣдующій въ своемъ міровоззрѣніи за идеями Фохта, Молашотта, Бюхнера, проникшійся ученіемъ Дарвина и Бокля, увидитъ свѣтлое явленіе только въ томъ человѣкѣ, который умѣетъ быть счастливымъ и приносить пользу себѣ и другимъ. Всякаго рода карлики и уроды, само собою ясно, только по ошибкѣ могутъ привлекать къ себѣ симпатіи мыслящаго человѣка. Люди, которымъ обстоятельства подставляютъ постоянно «разноцвѣтные фонари» подъ глаза, не могутъ служить свѣточами жизни. Способность страдать, ослиная кротость, нелѣпыя порывы безсильнаго отчаянія—только мѣшаютъ развитію реалистическихъ идей въ обществѣ. Средневѣковымъ людямъ, даже Шекспиру, было еще извинительно принимать «большія человѣческія глупости за великія явленія природы», но намъ, людямъ XIX столѣтія, пора уже называть вещи ихъ настоящими именами *).

Вотъ какъ оцѣниваетъ одно изъ замѣчательныхъ русскихъ произведеній Писаревъ. Проводя границу между собственными воззрѣніями и воззрѣніями Добролюбова и желая остаться вѣрнымъ принципамъ строгаго и въ этомъ случаѣ совершенно бесплоднаго индивидуализма, онъ пересматриваетъ старый литературный вопросъ и на яркомъ художественномъ примѣрѣ обнаруживаетъ непреклонную прямолинейность своихъ убѣжденій. Но, разойдясь съ Добролюбовымъ, Писаревъ не проливаетъ ни одного свѣтлаго луча на явленія жизни, изображенныя сильнымъ и характернымъ талантомъ. Въ извѣстной статьѣ Добролюбова слышатся живыя публицистическія ноты, открываются какіе-то просвѣты изъ мрачнаго настоящаго къ восходящему изъ-за темной тучи солнцу. При господствующемъ гражданственномъ настроеніи, Добролюбовъ, со

*) «Русское Слово», 1864, *Мотивы русской драмы*, стр. 37.

свойственной ему иногда тонкой ѣдкостью, набрасываетъ нѣсколько блестящихъ характеристикъ, прекрасно передающихъ типическія свойства разбираемаго произведенія. Постоянно держа передъ своимъ сознаниемъ мысль о живой личной работѣ, онъ правильно шель отъ освобожденія личности къ широкому социальному освобожденію. Въ разсужденіяхъ Писарева о драмѣ Островскаго, совпадающихъ съ его разсужденіями о «бѣдной русской мысли», публицистическая идея, вытѣснившая окончательно всѣ чисто критическіе приемы, приводитъ его къ такому безсодержательному индивидуализму, который оставляетъ безъ какого-бы то ни было разрѣшенія социальный вопросъ. Совершенно не вникая въ историческія затрудненія, преодолимые въ борьбѣ за освобожденіе, не признавая значенія за психологическими протестами отдѣльныхъ единицъ, Писаревъ всю надежду возлагаетъ на естественно-научное просвѣщеніе молодыхъ поколѣній, на отрезвляющее воздѣйствіе анатомическихъ вивисекцій. «Пока одинъ Базаровъ окруженъ тысячами людей, не способныхъ его понимать, восклицаетъ Писаревъ, до тѣхъ поръ Базарову слѣдуетъ сидѣть за микроскопомъ и рѣзать лягушекъ и печатать книги и статьи съ анатомическими рисунками». Только это и нужно: въ лягушкѣ заключается спасеніе и обновленіе русскаго народа. Вотъ ясная дорога къ эмансипаціи общества. А что касается страстей, тревоженій любви съ ея приливами ревности, отчаянія—все это пустые предрасудки старины, прекрасно разоблаченные въ романѣ «Что дѣлать?» Посмотрите на Вѣру Павловну: она отказалась отъ корсета, завела мастерскую и смѣло завладѣла своимъ счастьемъ, великодушно подброшеннымъ ей ея реалистически-просвѣщеннымъ мужемъ, Лопуховымъ. Для Вѣры Павловны, заявляетъ Писаревъ, даже немислимы тѣ огорченія, которыя выпадаютъ на долю ординарныхъ женщинъ. Она знаетъ наперечетъ всѣ свои нужды, умѣетъ контролировать всѣ свои желанія, сама отыскиваетъ средства для удовлетворенія своимъ потребностямъ. Ея любовныя отношенія, безъ отбѣнка пустой ревности, протекаютъ среди сознательнаго труда на свою и чужую пользу. «Я всегда смотрѣлъ на любовь, говоритъ Писаревъ, не какъ на самостоятельную цѣль, а какъ на превосходное и незамѣнимое вспомогательное средство». Какъ настоящій реалистъ, имѣющій высокія положительныя задачи, онъ совершенно застрахованъ противъ всякихъ разочарованій и охлажденій. Ощущеніе ревности обрекаетъ женщину на вѣчную, унижительную и тягостную зависимость отъ любимаго человѣка. Это уродливое психическое явленіе, указывающее «на страшную внутреннюю пустоту» тѣхъ людей, для которыхъ любовь составляетъ «высшее благо и единственную цѣль существованія». У этихъ несчастныхъ людей нѣтъ никакой любимой дѣятельности. Они не принимаютъ никакого участія въ общей работѣ человѣчества. Всѣ величайшія усилія человеческой мысли, всѣ

колоссальныя событія новѣйшей исторіи, всѣ животрепещущія надежды и стремленія лучшихъ людей совершенно имъ неизвѣстны. «Взаимная любовь, замѣчаетъ Писаревъ, конечно, даетъ много наслажденій, больше, чѣмъ хорошій обѣдъ, больше, чѣмъ роскошная квартира, больше, чѣмъ оперная музыка. Но наполнять всю жизнь взаимною любовью, не видѣть въ жизни ничего выше и обаятельнѣе взаимной любви, не умѣть, въ случаѣ надобности, отказаться отъ этого наслажденія,—это значить не имѣть понятія о настоящей жизни, это значить не подозрѣвать, какъ великъ и силенъ человѣческой умъ и какія неисчерпаемыя сокровища неотъемлемыхъ наслажденій скрыты въ сѣромъ веществѣ нашего головного мозга» *). Такъ разсуждаетъ Писаревъ о любви и о ревности въ статьѣ своей «Кукольная трагедія съ букетомъ гражданской скорби» и въ томъ-же направленіи онъ рисуетъ, съ терпѣливою постепенностью, романическія отношенія Базарова и Одинцовой въ «Нерѣшенномъ вопросѣ». Писаревъ понимаетъ причину, помѣшавшую Базарову увлечь Одинцову, онъ признаетъ, что чувство его выразилось некрасиво, въ такой формѣ, которая напугала тонкую, чуткую организацію Одинцовой. Но вѣрный своимъ реалистическимъ понятіямъ, не видя въ любви никакого высшаго элемента, онъ съ полемическимъ сарказмомъ обсуживаетъ поведеніе Одинцовой, ея кокетство, ея упорное желаніе отыскать и разбудить въ Базаровѣ скрытую поэтическую силу. Весь этотъ тонко написанный романъ, въ которомъ художникъ незамѣтно подтачиваетъ устои Базаровской философіи, заставляетъ на нашихъ глазахъ колебаться могучую, почти героическую фигуру подъ напоромъ живой струи непобѣдимыхъ душевныхъ запросовъ, въ изложеніи Писарева пріобрѣтаетъ узкій смыслъ, сводится къ простой иллюстраціи его реалистической программы. Несчастная развязка любви Базарова есть, по мнѣнію Писарева, только результатъ недомыслія Одинцовой въ этомъ вопросѣ. Ее связала эстетика: въ чувствѣ Базарова не было той «внѣшней миловидности, *joli à voir*», которую Одинцова совершенно безсознательно считаетъ необходимымъ атрибутомъ всякаго любовнаго паюса. Не будь у Одинцовой подобнаго печальнаго предрасудка, все сложилось-бы такъ, какъ это достойно двухъ мыслящихъ реалистовъ. При естественно-научномъ взглядѣ на любовь, какъ на «вспомогательное средство», при самомъ наивномъ истолкованіи глубокихъ страстей, овладѣвающихъ человѣческой душою, Писаревъ долженъ былъ легко покончить съ тѣмъ сложнымъ вопросомъ, который такъ трудно разрѣшается въ жизни и въ настоящихъ художественныхъ произведеніяхъ отражается во всей своей трагической запутанности. Съ наивностью, почти невѣроятною въ устахъ чловека, когда-либо жившаго сердцемъ, Писаревъ совершенно не допускаетъ

*) «Русское Слово» 1864 г., августъ, *Литературное обозрѣніе*, стр. 37—38.

самой возможности ревности, охлажденія, какихъ-либо недоразумѣній или драмъ въ союзѣ двухъ людей, связанныхъ между собою, при любви, общими реалистическими убѣжденіями, общимъ реалистическимъ трудомъ. «Чортъ знаетъ, что за чепуха! восклицаетъ онъ. Охлаждѣть къ другу потому, что онъ десять лѣтъ былъ другомъ. Разочароваться въ этомъ другѣ потому, что мы вмѣстѣ съ нимъ постарѣли на десять лѣтъ. Искать себѣ новой привязанности, когда старый другъ живетъ со мною въ одномъ домѣ. Скажите, пожалуйста, есть-ли человѣческій смыслъ въ подобныхъ предположеніяхъ?» *). Глубоко проникнутый своими понятіями, настоящій реалистъ, въ духѣ Базарова, какъ его понимаетъ Писаревъ, не только не долженъ, но и не можетъ терзаться какими-бы то ни было любовными неудачами, не только не долженъ, но и не можетъ ревновать. Таковы были твердыя, въ своемъ родѣ благородныя, но лишеныя глубины и пониманія души, убѣжденія Писарева въ 1864 году, выраженные имъ съ юношескою силою и пылкостью—въ статьяхъ, которыя онъ писалъ въ невольномъ уединеніи, въ тиши каземата, вдали отъ солнечнаго свѣта, отъ настоящей жизни съ ея прихотливою зыбью на поверхности, скрывающею подъ собою темную и опасную глубину. Еще за два года передъ тѣмъ Писаревъ, быть можетъ, охватывалъ этотъ вопросъ шире, чѣмъ въ указанныхъ статьяхъ. Тогда онъ думалъ о любви, какъ о чловѣкѣ, хотя и имѣющій опредѣленные убѣжденія, но безъ той прямолинейности и ограниченности, которая привела его къ ряду категорическихъ жизненныхъ выводовъ, лишеныя всякаго основанія. Коснувшись этого вопроса въ статьѣ своей «Бѣдная русская мысль», Писаревъ не безъ тонкости замѣчаетъ, что при разрѣшеніи его приходится имѣть дѣло съ цѣлою областью неизвѣстныхъ, непредвидѣнныхъ и случайныхъ силъ, о которыя часто разбиваются заранѣе придуманныя теоріи. «Кто изъ насъ не знаетъ, напримѣръ, спрашиваетъ онъ, что ревность — чепуха, что чувство свободно, что полюбить и разлюбить не отъ насъ зависитъ, и что женщина не виновата, если измѣняетъ вамъ и отдается другому? Кто изъ насъ не ратовалъ словомъ и перомъ за свободу женщины? А пусть случится этому бойцу испытать въ своей любви огорченіе... Что же выйдетъ? Неужели вы думаете, что онъ утѣшитъ себя теоретическими доводами и успокоится въ своей безукоризненно-гуманной философіи **)?» Выражая эти правдивыя, искреннія сомнѣнія, Писаревъ былъ очень близокъ къ пониманію дѣйствительной жизни и, можетъ быть, принималъ въ соображеніе личный опытъ. Онъ былъ тогда еще очень не далекъ отъ того времени, когда онъ, потерявъ господство надъ собою, въ минуту ревниваго отчаянія, явился на дебаркадеръ Николаевской желѣзной дороги, скрывъ лицо

*) „Русское Слово“ 1864, октябрь, *Нерешенный вопросъ*, стр. 55—56.

**) „Русское Слово“, 1862, апрѣль, *Русская литература*, стр. 35.

подъ маской и вооружившись хлыстомъ, чтобы выместить свою ревнивую злобу на счастливомъ соперникѣ. Въ 1864 году все непосредственный впечатлѣнія жизни, не проникая за стѣны крѣпостного заключенія, уже не шевелили въ немъ интереса къ тѣмъ психическимъ явленіямъ, которыя умъ его, лишенный отъ природы философской или художественной глубины, не постигалъ въ своемъ чисто теоретическомъ движеніи. Мысль его, достигнувъ извѣстной высоты, еще на первыхъ порахъ его литературной дѣятельности, уже больше не развивалась, не обогащалась никакими свѣжими эмпирическими матеріалами и потому должна была, въ концѣ концовъ, выродиться въ какую-то безплодную, радикальную схоластику, съ безконечнымъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ-же доводовъ и постояннымъ тяготѣніемъ къ однимъ и тѣмъ-же темамъ, при поразительной бѣдности поэтическихъ образовъ и иллюстрацій.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Писаревъ завершаетъ путь своего умственного развитія. Утвердившись въ своемъ реалистическомъ міровоззрѣніи, онъ безъ всякаго труда раскрываетъ передъ своими читателями все детали своей программы. Типическія черты человѣка изъ новаго поколѣнія вырисовываются у него съ необычайной отчетливостью, и разсужденія Писарева о нуждахъ времени, о потребностяхъ данной минуты, пріобрѣтаютъ живой колоритъ эпохи. Реалисты, съ ихъ определеннымъ отношеніемъ къ обществу и фанатическимъ убѣжденіемъ, что въ естественныхъ наукахъ заключается спасеніе людей отъ всехъ золъ, выступаютъ теперь въ качествѣ единственно «свѣтлыхъ личностей», за которыми должна послѣдовать литература, если она не хочетъ удариться въ реакцію. Самое понятіе о благородномъ человѣкѣ и полезномъ труженникѣ суживается въ тискахъ реалистическаго ученія, становится партійнымъ лозунгомъ извѣстнаго рода. Писаревъ входитъ въ опредѣленіе самыхъ мелкихъ подробностей реалистическаго образа мысли и жизни. Ничто не должно быть упущено. Все имѣетъ высокій смыслъ, если лучшія силы должны быть направлены на рѣшительную реформу старыхъ, отжившихъ понятій и привычекъ. Въ новомъ уставѣ каждый параграфъ долженъ имѣть строго утилитарный характеръ,—иначе все движеніе можетъ улетучиться въ случайныхъ проявленіяхъ безмысленныхъ, личныхъ капризовъ. У человѣка съ реалистическими убѣжденіями все должно имѣть опредѣленное значеніе. «Человѣкъ строго реальный, говоритъ Писаревъ, видится только съ тѣми людьми, съ которыми ему нужно видѣться, читаетъ только тѣ книги, которыя ему нужно прочесть, даже ѣсть только ту пищу, которую ему нужно ѣсть, для того чтобы поддерживать въ себѣ физическую силу. А поддерживаетъ онъ эту силу также потому, что это кажется ему нужнымъ, т. е. потому, что это находится въ связи съ общою цѣлью его жизни». Человѣкъ съ реальнымъ направленіемъ нуждается менѣе другихъ умныхъ и честныхъ людей въ

отдыхъ и можетъ обходиться безъ того, что называется личнымъ счастьемъ. Ему нѣтъ надобности «освѣжать свои силы любовью женщины, хорошею музыкою, смотрѣніемъ шекспировской драмы или просто веселымъ обѣдомъ съ добрыми друзьями». У него можетъ быть развѣ только одна слабость: «хорошая сигара, безъ которой онъ не можетъ вполне успѣшно работать», хотя онъ курить вовсе не потому, что это доставляетъ ему удовольствіе, а потому, что куреніе «возбуждаетъ его мозговую дѣятельность» *). Вся жизнь мыслящаго реалиста ясна и разумна. Онъ трудится только надъ тѣмъ, что имѣетъ близкое или отдаленное отношеніе къ естественнымъ наукамъ. На любовь онъ смотритъ только какъ на вспомогательное средство, отъ котораго ему не трудно отказаться при возвышенномъ образѣ мысли, устремленной къ болѣе важной задачѣ. У него нѣтъ ни единой свободной минуты, а для умственного подкрѣпленія и возбужденія достаточно затянуться хорошей сигарой. Искусство реальствъ допускаетъ въ самомъ ограниченномъ видѣ. Видъ реализма онъ не признаетъ никакой поэзіи. «Кто не реальствъ, говоритъ Писаревъ, тотъ не поэтъ, а просто даровитый неучъ или ловкій шарлатанъ, или мелкая, но самолюбивая козявка». Быстро подходя къ своимъ крайнимъ, дикимъ выводамъ. Писаревъ отказывается признать какую нибудь пользу отъ изученія русской литературы. Онъ протестуетъ противъ одного романиста за то, что тотъ приписалъ своему герою, принадлежащему къ молодому поколѣнію, интересъ къ литературнымъ занятіямъ. Если въ этомъ человѣкѣ должны воплотиться преобладающія стремленія теперешней молодежи и если онъ дѣйствительно одаренъ блестящими способностями, то изученіе русской литературы навязано ему совершенно некстати. Передовыя силы общества относятся съ полнымъ равнодушіемъ къ такимъ дѣятелямъ, какъ Тихонравовъ, Буслаевъ, Сухомлиновъ. Что можно изучать въ русской литературѣ? Какая сторона ея можетъ завлечь даровитаго представителя современности? Съ рѣшительностью убѣжденного варвара, онъ осмѣливаетъ самую возможность интересоваться народнымъ міровоззрѣніемъ, отражающимся въ народной литературѣ. Люди, посвятившіе свою жизнь на изученіе памятниковъ народного творчества, какъ, напримѣръ, знаменитые братья Гриммы, могутъ быть уподоблены Рафаэлю, за котораго Базаровъ справедливо не хочетъ дать мѣднаго гроша. Если бы въ Италіи было десять тысячъ художниковъ съ талантомъ Рафаэля, то это нисколько не подвинуло бы итальянскій народъ ни въ какомъ отношеніи, даже въ умственномъ. Если бы Германія имѣла тысячу такихъ ученыхъ, какъ Яковъ Гриммъ, она не сдѣлалась бы ни богаче, ни счастливѣе. «Поэтому, съ убійственной рѣшимостью заявляетъ Писаревъ, я говорю совершенно искренно, что желалъ бы быть лучше русскимъ сапожникомъ»

*) „Русское Слово“, 1864 г., сентябрь, *Нерешенный вопросъ*, стр. 6—7.

комъ или булочникомъ, чѣмъ русскимъ Рафаэлемъ или Гриммомъ... Я не могу, не хочу и не долженъ быть ни Рафаэлемъ, ни Гриммомъ—ни въ малыхъ, ни въ большихъ размѣрахъ». Отрицая интересъ древней и народной русской литературы, Писаревъ за произведеніями новѣйшаго искусства признаетъ значеніе только сырыхъ матеріаловъ, на которыя нечего тратить время въ безплодныхъ эстетическихъ разглагольствованіяхъ *). Къ тому, что называется русской поэзіей въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, онъ относится съ явной ироніей. У насъ были, говоритъ онъ, или зародыши поэтовъ, или пародіи на поэта. Къ первымъ относятся Лермонтовъ, Гоголь, Полежаевъ, Крыловъ, Грибоѣдовъ, а къ числу пародій надо отнести Пушкина и Жуковского. Первые, какъ бы то ни было, заслуживаютъ уваженія, какъ зародыши, хотя и не развернушіеся по недостатку благопріятныхъ обстоятельствъ, чего то полезнаго для общества. Вторые не заслуживаютъ никакой пощады. Они процвѣтали, «яко кринъ», щebetали, какъ пѣвчія птицы, имъ жилось легко и хорошо и это останется вѣчнымъ пятномъ на ихъ прославленныхъ именахъ. Хотя Писаревъ еще недавно, въ своей «Кукольной трагедіи», снисходительно допускалъ, что Пушкинъ уменъ, что стихъ его легокъ, что образы картинны, но въ «Нерѣшенномъ вопросѣ», при постепенномъ возростающемъ полемическомъ раздраженіи и задорѣ, при постоянно усиливавшемся шумѣ литературной стихіи, яростно гнавшей въ одномъ направленіи его легковѣсный и утлый челнъ, онъ уже не знаетъ удержу своему отрицанію. Онъ окончательно отвернулся отъ этой ложно вздутой славы, «ничѣмъ не связанной съ современнымъ развитіемъ нашей умственной жизни». Имя Жуковского уже забыто, говоритъ онъ, но Пушкина мы еще какъ-то не рѣшаемся забыть окончательно, хотя въ дѣйствительности онъ уже почти забытъ. Эстетическіе критики пустились въ ходъ о Пушкинѣ разные нелѣпыя слухи, прославивъ его, какъ великаго поэта, а между тѣмъ Пушкинъ только великій стилистъ—и больше ничего. Не онъ, а Гоголь основалъ новѣйшую литературу. Пушкину мы обязаны только нашими милыми лириками. Затѣмъ, какъ бы чувствуя вокругъ себя шопотъ общаго недоумѣнія, Писаревъ обѣщаетъ развернуть свои настоящіе доказательства по этому вопросу, ошибочно рѣшенному Бѣлинскимъ, въ рядѣ готовящихся статей подъ названіемъ: «Пушкинъ и Бѣлинскій» **). Отдѣлавшись пока отъ Пушкина обѣщаніемъ будущаго разгрома, Писаревъ въ небольшой главѣ выражаетъ свой взглядъ на искусства «пластическія, тоническія и мимическія». По своей эксцентричной откровенности, поддерживаемой дѣтскою наивностью совершенно неразвитаго въ этомъ отношеніи ума, эта страница

*) «Русское Слово» 1864, августъ, *Кукольная трагедія*, стр. 53—58.

**) «Русское Слово» 1864 г. Ноябрь, *Нерѣшенный вопросъ*, стр. 27—28.

останется навсегда курьезнымъ памятникомъ страннаго культурнаго періода нашей жизни, съ ея прогрессивными гражданственными стремленіями, освобожденіемъ крестьянъ, судебной реформой и грубо ошибочными, хотя и въ высшей степени вліятельными философскими и литературными теоріями, уже тогда подрывавшими успѣхи соціального развитія. Несмотря на свою краткость, эти разсужденія Писарева о различныхъ искусствахъ заключаютъ въ себѣ извѣстную силу и привлекательность новизны, которая не могла не произвести впечатлѣнія на молодое общество, искавшее новыхъ началъ для жизни. Писаревъ прямо сознается, что онъ глубоко равнодушенъ ко всемъ искусствамъ, потому что онъ не вѣритъ, чтобы они «какимъ-бы то ни было образомъ» могли содѣйствовать умственному или нравственному совершенствованію человечества. Конечно, онъ понимаетъ самыя различныя пристрастія вкусовъ: одинъ любитъ рюмку очищенной водки передъ обѣдомъ, другой увлекается взвизгиваніемъ Ольриджа въ роли Отелло. «Ну и безподобно, пускай утѣшаются». Разнообразіе вкусовъ можетъ, конечно, привести къ устройству различныхъ обществъ, какъ, на примѣръ, общество любителей водки, общество театраловъ, общество любителей слоеныхъ пирожковъ, общество любителей музыки—и такія общества стануть раздавать патенты на гениальность. «Вслѣдствіе этого могутъ появиться на свѣтъ великіе люди самыхъ различныхъ сортовъ: великій Бетховень, великій Рафаэль, Канова, великій поваръ Дюссо, великій маркеръ Тюря». Но зная настоящую цѣну всемъ этимъ обществамъ съ ихъ патентованными героями, людямъ съ просвѣтленнымъ реалистическимъ сознаніемъ остается только осторожно проходить мимо нихъ, «тщательно скрывая улыбку». Впрочемъ, для живописи, не нашедшей себѣ особеннаго наименованія въ приведенномъ перечисленіи видовъ искусства, Писаревъ готовъ сдѣлать маленькое исключеніе: черченіе плановъ необходимо для архитектуры, почти во всѣхъ сочиненіяхъ по естественнымъ наукамъ требуются рисунки,—и талантливый художникъ своимъ карандашомъ можетъ содѣйствовать архитектору въ его дѣлѣ и ученому натуралисту въ распространеніи полезныхъ знаній *).

Въ апрѣльской и іюньской книгахъ «Русскаго Слова» 1865 года появились, наконецъ, обѣщанныя статьи Писарева подъ названіемъ «Пушкинъ и Бѣлинскій». Въ первой изъ нихъ Писаревъ подробно разбираетъ «Евгенія Онѣгина», во второй лирику Пушкина. Но мы начнемъ со второй, потому что въ ней Писаревъ точно опредѣляетъ свои отношенія къ двумъ предыдущимъ русскимъ критикамъ, высказываетъ нѣсколько общихъ теоретическихъ соображеній и, наконецъ, приводитъ къ извѣстному единству всѣ разнообразныя поэтическія черты, разбросан-

*) «Русское Слово» 1864 г. Ноябрь, *Нерешенный вопросъ*, стр. 35.

ныя въ стихотвореніяхъ Пушкина. Не по таланту, а по своему историческому значенію это самыя важныя изъ статей Писарева. Вся его огромная извѣстность въ русскомъ обществѣ основана на этомъ критическомъ разборѣ поэтическихъ произведеній Пушкина, невѣроятномъ по рѣзкости тона, по открыто выраженному презрѣнію къ его свѣтлому гению. Статьи эти, такъ сказать, ввели въ литературу грубую утилитарную логику, чуждую всякихъ утонченныхъ эстетическихъ интересовъ и, забрызгавъ уличною грязью вдохновенныя поэтическія страницы, надолго убили критическое пониманіе русскаго общества. Дико насмѣявшись надъ Пушкинымъ и приложивъ къ его творчеству критерій новѣйшаго реализма, Писаревъ съ шумомъ и звономъ побѣднаго ликовація провозгласилъ полное ничтожество того, кого общественное мнѣніе до сихъ поръ считало лучшимъ представителемъ русскаго искусства. Поэтъ съ гениальнымъ умомъ и съ талантомъ свободнымъ и смѣлымъ, какъ стихія природы, былъ выведенъ на рыночную площадь и, оговоренный передъ лицомъ толпы, какъ измѣнникъ ея насущнымъ интересамъ, подвергнутъ безошадному суду ея типичныхъ, тупыхъ и нагло-самоувѣренныхъ представителей. Съ этого момента въ русской литературѣ долженъ былъ начаться тотъ разливъ вульгарныхъ притязаній и тираническихъ придирокъ по отношенію къ произведеніямъ искусства, которому присвоено наименованіе либеральной тенденціозной критики и которому русское общество обязано цѣлымъ рядомъ почти позорныхъ ошибокъ въ эстетическихъ приговорахъ и пагубнымъ предубѣжденіемъ противъ высшихъ, себѣ довлѣющихъ интересовъ человѣческой природы. До знаменитой рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ, когда съ такою силою прозвучалъ протестующій голосъ этого фанатическаго апостола истиннаго искусства, надъ развитіемъ художественной литературы тяготѣла узкая програма утилитаризма, сдавливавшая ея ростъ, сковывавшая ея воздѣйствіе на общественное сознаніе, державшая подъ страхомъ отверженія свободную работу поэтическихъ талантовъ. Слово Писарева, несмотря на всю свою внутреннюю пустоту, несмотря на явный недостатокъ мѣткости и настоящаго остроумія, произвело свое громадное вліяніе на общество; развязавъ его деспотическія стремленія, признавъ за его случайными, пристрастными и недалекими сужденіями значеніе верховнаго суда въ вопросахъ, требующихъ для своего разрѣшенія тонкаго чутья и изысканной умственной подготовки. Вся эта сѣрая накипь безсвязныхъ философскихъ идей съ отбѣнкомъ научнаго недомыслия и фанфаронской передовитости, всѣ эти заносчивые окрики на дѣятелей искусства, идущихъ къ высшей цѣли народнаго просвѣщенія по своимъ самобытнымъ путямъ, вся эта раздраженная нетерпимость, свирѣпо бичующая за малѣйшее уклоненіе отъ партійнаго шаблона—все это началось отсюда, съ этихъ двухъ знаменитыхъ статей Писарева о Пушкинѣ. И что

особенно важно замѣтить и что уже указано нами въ нашихъ предыдущихъ статьяхъ, Писаревъ, въ своихъ сужденіяхъ о Пушкинѣ, о задачахъ поэзіи шель по стопамъ не только Чернышевскаго и Добролюбова, но и Бѣлинскаго, который въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности, несмотря на свою удивительную природную чуткость въ вопросахъ искусства, оставилъ огромный матеріалъ для реалистической разработки такого именно рода. Писаревъ самъ хорошо сознавалъ выгоду своего положенія въ качествѣ открытаго партизана философскихъ идей Чернышевскаго и свободнаго отъ всякихъ эстетическихъ предразсудковъ и шелухи гегелизма преемника Бѣлинскаго. Обороняясь отъ своихъ противниковъ, онъ прямо ссылается на Бѣлинскаго, котораго называетъ при этомъ своимъ великимъ учителемъ. Въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ Бѣлинскаго онъ видитъ живые элементы, развернувшіеся въ 1855 г. въ знаменитомъ трактатѣ Чернышевскаго. Идеи Бѣлинскаго, прошедшія черезъ научную переработку Чернышевскаго и получившія при этомъ простоту и ясность общедоступной аксіомы, восприняты имъ и приложены къ оцѣнкѣ отдѣльныхъ явленій русской литературы. Въ статьяхъ Бѣлинскаго—корень того явленія, которое съ такою силою стало заявлять себя на страницахъ «Русскаго Слова», вызывая на бой все то, что стояло на пути его развитія. Осуждая приемы реалистической критики въ лицѣ Писарева, мы должны произнести безпристрастное, безобязненное слово осужденія тѣмъ многочленнымъ и, по своему яркому таланту, крайне вліятельнымъ реалистическимъ уклоненіямъ Бѣлинскаго, которыя создали извѣстную атмосферу для изступленнаго отрицанія Писарева. «Уже въ 1844 году, заявляетъ Писаревъ, была провозглашена въ русской журналистикѣ та великая идея, что искусство не должно быть цѣлью самому себѣ и что жизнь выше искусства, а слишкомъ двадцать лѣтъ спустя тотъ самый журналъ («Отечественныя Записки»), который бросилъ русскому обществу эти двѣ блестящія и плодотворныя идеи, съ тупымъ самодовольствомъ возстаетъ противъ *Эстетическихъ отношеній*, которыя цѣлкомъ построены на этихъ двухъ идеяхъ» *). Даже самыя смѣлыя и блистательныя сальтомортале Зайцева оправдываются, по мнѣнію Писарева, этими двумя идеями, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что между теперешними реалистами и Бѣлинскимъ существуетъ самая тѣсная родственная связь. Кто принимаетъ Бѣлинскаго, тотъ, во имя простой логической послѣдовательности, не можетъ отказаться и отъ философскихъ воззрѣній Чернышевскаго. Кто внимательно усвоилъ всѣ сужденія Бѣлинскаго о Пушкинѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ они отразились въ его критическихъ статьяхъ объ «Евгеніи Онѣгинѣ» и другихъ произведеніяхъ Пушкина, тотъ долженъ согласиться съ воззрѣніями Писарева.

*) „Русское Слово“, 1865, июль. *Пушкинъ и Бѣлинскій*, стр. 3.

признавъ, что они представляют собою только законченный выводъ изъ посылокъ его учителя. Оговорившись такимъ образомъ относительно главныхъ пунктовъ своего единомыслія съ Бѣлинскимъ, Писаревъ на нѣсколькихъ страницахъ приводитъ его отдѣльные теоретическіе взгляды, не выдерживающіе, по его мнѣнію, никакой серьезной критики и затѣмъ раздражается оглушительнымъ свистомъ по поводу восьми лирическихъ стихотвореній Пушкина. Онъ приводитъ небольшую цитату изъ VIII тома Бѣлинскаго, гдѣ говорится, что настоящее художественное произведеніе есть нѣчто большее, чѣмъ извѣстная идея, втиснутая въ придуманную форму. Какъ бы ни была вѣрна мысль человѣка, если у него нѣтъ настоящаго поэтическаго таланта, произведеніе его все-таки выйдетъ мелочнымъ, фальшивымъ, уродливымъ и мертвымъ. Толпа не понимаетъ искусства: она не видитъ, что безъ творчества поэзія не существуетъ. Такъ рассуждаетъ Бѣлинскій. Но Писаревъ, окончательно страшнувшій съ себя прахъ какихъ либо эстетическихъ пристрастій, свойственныхъ ему по природѣ и оживлявшихъ поэтическимъ огнемъ его юношескія замѣтки на страницахъ «Разсвѣта», не находитъ въ этихъ мысляхъ ничего, кромѣ «богатой данн эстетическому мистицизму», который держится въ обществѣ благодаря отъявленному шарлатанству однихъ и трогательной довѣрчивости другихъ. По свойственной ему наивности, Бѣлинскій думаетъ, что поэты не втискиваютъ идеи въ форму, а между тѣмъ, съ увѣренностью заявляетъ Писаревъ, «все поэтическія произведенія создаются именно такимъ образомъ: тотъ человѣкъ, котораго мы называемъ поэтомъ, придумываетъ какую-нибудь мысль и потомъ втискиваетъ ее въ придуманную форму» *).

Поэтъ, какъ плохой портной, кроитъ и перекраиваетъ, урѣзываетъ и кристаллизуетъ, сшиваетъ и утюжитъ до тѣхъ поръ, пока въ окончательномъ результатѣ не получится нѣчто правдоподобное и благообразное. Поэтомъ можно сдѣлаться, точно такъ-же какъ можно сдѣлаться профессоромъ, адвокатомъ, публицистомъ, саножникомъ, ибо художникъ такой-же ремесленникъ, какъ и все тѣ, которые своимъ трудомъ удовлетворяютъ различнымъ естественнымъ или искусственнымъ потребностямъ общества. Подобно этимъ людямъ, онъ нуждается въ извѣстныхъ врожденныхъ способностяхъ, но у каждаго «нормальнаго и здороваго экземпляра человѣческой породы» обыкновенно встрѣчается именно та доза силъ, которая нужна ему для его ремесла. «Затѣмъ все остальное совершается въ образованіи художника впечатлѣніями жизни, чтеніемъ и размышленіемъ и преимущественно упражненіемъ и навыкомъ». Послѣ такого простодушно-развязнаго вступленія, Писаревъ, подходя къ Пушкину, счищаетъ своимъ рабочимъ ножомъ шелуху гегелизма съ крити-

*) „Русское Слово“, 1865, іюнь, *Пушкинъ и Бѣлинскій*, стр. 7.

ческихъ опредѣленій Бѣлинскаго. Нашему «маленькому» Пушкину, заиѣчаетъ онъ, рѣшительно нечего дѣлать въ знатной компаніи настоящихъ, большихъ, европейскихъ талантовъ, къ числу которыхъ относить его Бѣлинскій. «Нашъ *маленькій* и *миленькій* Пушкинъ не способенъ не только вставить свое слово въ разговоръ важныхъ господъ, но даже и понять то, о чемъ эти господа между собою толкуютъ». Что такое Пушкинъ, въ самомъ дѣлѣ? спрашиваетъ Писаревъ. «Пушкинъ—художникъ?! Вотъ тебѣ разъ! Это тоже что за рекомендація?» Пушкинъ—художникъ, и больше ничего. Это значитъ, что онъ пользуется своею художественною виртуозностью, какъ средствомъ «посвятить всю читающую Россію въ печальныя тайны своей внутренней пустоты, своей духовной нищеты и своего умственного безсилія». Серьезно толковать о его значеніи для русской литературы напрасный трудъ, и въ настоящее время онъ можетъ имѣть только историческое значеніе для тѣхъ, которые интересуются прошлыми судьбами русскаго стиля. Мѣсто Пушкина не на письменномъ столѣ современнаго реалиста, а въ пыльномъ кабинетѣ антикварія, «рядомъ съ заржавленными латами и изломанными аркебузами». Для тѣхъ людей, въ которыхъ Пушкинъ не возбуждаетъ исторической зѣвоты, его произведенія оказываются вѣрнѣйшимъ средствомъ «притушить здоровый умъ и усыпить человеческое чувство» *).

Обращаясь къ отдѣльнымъ лирическимъ стихотвореніямъ Пушкина. Писаревъ съ распушенностью площаднаго оратора коверкаетъ въ грубыхъ и нелѣпыхъ фразахъ его тонкія поэтическія мысли. Онъ издѣвается надъ Пушкинымъ съ полною откровенностью. Онъ хохочетъ надъ его талантомъ, топчетъ грязными охотничьими сапогами лучшіе перлы Пушкинской поэзіи, то комкаетъ въ нѣсколькихъ фразахъ полныя глубокаго смысла лирическія строфы, то, затачиваясь для возбужденія умственныхъ силъ дозволенною реалистическимъ уставомъ хорошею сигарою, размазываетъ на многія страницы длиннѣйшій резонерскій комментарий къ какому нибудь маленькому стихотворенію. И каждое новое объясненіе того или другого поэтическаго образа сопровождается у него надменными нотаціями по адресу ловкаго, но пустого стилиста, лишеннаго образованія, чуждаго лучшимъ интересамъ своей эпохи, плохо владѣющаго орудіями простаго и яснаго логическаго мышленія. Окончательно убѣдившись въ совершенномъ ничтожествѣ Пушкина, Писаревъ уже не выбираетъ никакихъ особенныхъ выраженій для передачи своей мысли: онъ то фамильярно подступаетъ къ самому Пушкину и пускаетъ ему въ лицо густой дымъ своей сигары, какъ-бы приглашаетъ его самого понять всю глубину его нравственнаго паденія, то съ игривой ужимкой обращается къ передовой публикѣ, призывая ее въ свидѣтели

*) „Русское Слово“, 1865 г., июнь, *Пушкинъ и Бѣлинскій*, стр. 19.

недомыслия и явнаго умственного убожества поэта. Разбирая стихотвореніе Пушкина «19-ое октября 1825 года», гдѣ Пушкинъ въ трогательныхъ стихахъ воспоминаетъ нѣкоторыхъ своихъ лицейскихъ товарищей, Писаревъ приводитъ его отдѣльные куплеты и затѣмъ подвергаетъ ихъ особому, мучительно искусственному истолкованію въ нарочито-плебейскомъ стилѣ. Пушкинъ говоритъ:

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ—Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгій;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

Желая, повидимому, представить Пушкина человѣкомъ безъ гордости и чувства собственного достоинства, Писаревъ на цѣлой страницѣ допекаетъ поэта вопросами о томъ, почему бы фортуна могла испортить Горчакова и что особеннаго въ томъ, что при встрѣчѣ они дружески обнялись. Допустивъ, для реализаціи изображеннаго положенія, что Фортуна могла раздѣлить товарищей различіемъ какихъ-нибудь двухъ-трехъ чиновъ, онъ передаетъ всю соль поэтического куплета въ слѣдующихъ короткихъ словахъ: «коллежскій совѣтникъ великодушно обнялъ титулярнаго, и Пушкинъ восклицаетъ съ восторгомъ: хвала тебѣ, ваше высокоблагородіе». Приводя на другой страницѣ извѣстные слова изъ стихотворенія «Чернь», Писаревъ донимаетъ поэта слѣдующими необузданно-грубыми вопросами: «Ну, а ты, возвышенный кретинъ, ты сынъ небесъ, въ чемъ варишь себѣ нищу, въ горшкѣ или въ Бельведерскомъ кумпрѣ? Или, можетъ быть, ты питаешься только амврозією, которая ни въ чемъ не варится, а присылается къ тебѣ въ готовомъ видѣ изъ твоей небесной родины?» Писареву кажется совершенно невѣроятнымъ то презрѣніе, которое поэтъ обнаруживаетъ по отношенію къ назойливой черни. Увѣренный въ томъ, что тщеславіе составляетъ преобладающую страсть въ дѣятельности чистыхъ художниковъ, онъ не можетъ постичь, какія силы способны ихъ двинуть противъ общаго теченія? «Все отрасли искусства, провозглашаетъ онъ, всегда и вездѣ подчинялись мельчайшимъ и глупѣйшимъ требованіямъ измѣнчиваго общественнаго вкуса и прихотливой моды». Перебравъ два-три стихотворенія Пушкина и отпустивъ относительно каждаго изъ нихъ по нѣсколько вульгарныхъ шутокъ и пошловатыхъ остротъ, Писаревъ, въ заключеніе статьи, выкидываетъ рядъ неприличныхъ акробатическихъ фокусовъ по поводу знаменитаго вдохновеннаго пророчества Пушкина, начинающагося словами: «Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный»... Почти задѣтый крыломъ смерти, подъ

надвигающейся зловѣщей, грозовой тучей. дышащей влажнымъ холодомъ, изъятый изъ оживленнаго круга своихъ друзей, осыпаемый низкими подметными письмами, окруженный шипящей клеветою и уже слегка удаленный отъ зыбкой, измѣнчивой симпатіи легкомысленной толпы, Пушкинъ, въ минуту духовнаго откровенія, видитъ свою судьбу въ иномъ лучшемъ свѣтѣ. Въ этомъ поразительномъ стихотвореніи, въ которомъ, несмотря на ровный, далеко впередъ льющійся свѣтъ надежды, всѣ образы смягчены широкою благородною грустью, Пушкинъ не проронилъ ни одного лишняго слова, и его каждое выраженіе шевелитъ вѣжнѣйшія струны сердца. Но Писаревъ сдѣлалъ изъ этого стихотворенія какую-то скверную буфонаду. Дѣло Пушкина, восклицаетъ онъ, не задумываясь надъ судьбою своихъ собственныхъ словъ, проиграно окончательно. Мыслящіе реалисты имѣютъ полное право осудить его безапелляціонно. «Я буду безсмертенъ, говоритъ Пушкинъ, потому что я пробуждалъ лирой добрыя чувства. Позвольте, господинъ Пушкинъ, скажутъ мыслящіе реалисты, какія же добрыя чувства вы пробуждали? Любовь къ красивымъ женщинамъ? Любовь къ хорошему шампанскому? Презрѣніе къ полезному труду? Уваженіе къ благородной праздности?» Писаревъ увѣренъ въ полной убѣдительности своихъ доказательствъ, убійственности своихъ допросовъ и потому, подведя итогъ всѣмъ своимъ взглядамъ на Пушкина, онъ слѣдующимъ образомъ передаетъ свое настоящее мнѣніе о немъ. «Въ такъ называемомъ великомъ поэтѣ, пишетъ онъ, я показалъ моимъ читателямъ легкомысленнаго версификатора, опутаннаго мелкими предразсудками, погруженнаго въ созерцаніе мелкихъ личныхъ ощущеній и совершенно неспособнаго анализировать и понимать великіе общественные и философскіе вопросы нашего вѣка...» *) Стихотвореніе Пушкина, начавшееся торжественнымъ аккордомъ, заканчивается строфою, выражающею истинно философскую твердость, которая въ самой грусти одерживаетъ полную духовную побѣду въ настоящемъ и будущемъ. Высшее релігіозное настроеніе даетъ поэту рѣшимость мужественно встрѣтить всякій приговоръ современниковъ и потомства:

Вельнію Божию, о муза, будь послушна:
Обиды не страшись, не требуя вѣнца,
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Разборъ «Евгенія Онегина» отличается тѣми-же красотою остроумія и тонкаго пониманія, какими блистаетъ критика лирическихъ стихотвореній Пушкина. Все произведеніе кажется Писареву совершенно ничтожнымъ. Въ немъ нѣтъ даже исторической картины нравовъ, никакихъ матеріаловъ — бытовыхъ или психологическихъ, — для характеристики

*) «Русское Слово» 1865 г., июнь, *Пушкинъ и Бьлинскій*, стр. 57.

тогдашняго общества въ физиологическомъ или патологическомъ отноше-
ніи. Это какая-то коллекція старинныхъ костюмовъ и причесокъ, старин-
ныхъ прейсъ-курантовъ и афишъ, «старинной мебели и старинныхъ ужи-
нокъ». Онѣгивъ—ничто иное, какъ Митрофанушка Простаковъ, одѣтый
и причесанный по столичной модѣ двадцатыхъ годовъ, и скука Онѣгина,
его разочарованіе жизнью не могутъ произвести ничего, кромѣ нелѣно-
стей и гадостей. «Онѣгинъ скучаетъ, какъ толстая купчиха, которая вы-
пила три самовара и жалѣеть о томъ, что не можетъ выпить ихъ трид-
цать-три. Если бы человѣческое брюхо не имѣло предѣловъ, то Онѣгин-
ская скука не могла-бы существовать. Бѣлинскій любитъ Онѣгина по
недоразумѣнію, но со стороны Пушкина тутъ нѣтъ никакихъ недоразу-
мѣній» *). Онѣгинъ—это вѣчный и безнадежный эмбрионъ. Расхлеставъ
Онѣгина ходкими словами изъ современнаго естественно научнаго
лексикона, Писаревъ упрекаетъ Пушкина за то, что онъ воз-
высилъ въ своемъ романѣ такія черты человѣческаго характера, кото-
рыя сами по себѣ низки, пошлы и ничтожны. Пушкинъ, говоритъ онъ,
такъ красиво описалъ мелкія чувства, дрянныя мысли и пошлые по-
ступки, что онъ подкупилъ въ пользу ничтожнаго Онѣгина не только
простодушную толпу читателей, но даже такого тонкаго критика, какъ
Бѣлинскій. Взявъ подъ свою защиту «нравственную гнилость и тряпич-
ность», прикрытую въ романѣ сусальнымъ золотомъ стихотворной рето-
рики, Бѣлинскій восторгается Пушкинымъ тогда, когда его слѣдуетъ
строго порицать и, съ послѣдовательностью убѣжденнаго реалиста, вы-
ставить на позоръ передъ всей мыслящей Россіей.

Показавъ въ юмористическомъ свѣтѣ фигуру Онѣгина, Писаревъ на-
чинаетъ выводить на чистую воду Татьяну, эту любимицу пушкинской
фантазіи, героиню перваго русскаго романа, безсмертный типъ русскои
женщины, съ ея поэтическими грезами, схороненными въ глубинѣ души,
съ ея смѣлостью и прямою подъ юношескою бурей любви, съ ея не-
поколебимою твердостью въ борьбѣ съ нравственными искушеніями.
Съ начала романа до конца она стоитъ передъ нами живая, нѣжная,
вѣрная себѣ въ каждомъ словѣ, достигая въ послѣднемъ монологѣ ча-
рующей горделивой красоты. Она любитъ Онѣгина, но не сдѣлаетъ теперь
ему навстрѣчу ни одного шага, потому-что его неожиданно вспыхнув-
шее чувство кажется ей мелкимъ по мотиву. Она бросаетъ Онѣгину
упрекъ, пронизанный глубокой горечью, упрекъ въ томъ, что, не сумѣвъ
понять и полюбить ея душу, онъ увлекся теперь случайною эффек-
тностью ея положенія въ свѣтѣ и обстановки. Не изъ вѣрности услов-
ному долгу, а изъ нравственной гордости, не позволяющей человѣку
быть жертвой чужой измѣнчивой прихоти, она не отвѣтитъ на его

*) «Русское Слово» 1865 г., апрѣль, *Пушкинъ и Бѣлинскій*, стр. 37.

страстные мольбы. Суровость его прежнихъ холодныхъ назиданій она считаетъ болѣе благородною и потому менѣе оскорбительною для себя, чѣмъ его теперешнія письма:

Тогда имѣли вы хоть жалость,
Хоть уваженіе къ лѣтамъ...
А нынче!.. Что къ мопиѣ ногамъ
Васъ привело? *Какая малость!*
Какъ, съ вашимъ сердцемъ и умомъ,
Быть чувства *мелкаго* рабомъ?

Она любитъ Онегина, но, не любимая имъ тою любовью, которая всегда носилась въ ея мечтахъ, и презирая, какъ ветошь маскарада, весь тотъ блескъ и чадъ, который кружитъ голову Онегину, несмотря на его разочарованность, она уже не сойдетъ съ того пути, на который рѣшилась вступить въ трагическую минуту своей жизни... Писаревъ, разсматривая образъ Татьяны, не находитъ въ немъ ничего привлекательнаго и даже мало-мальски удовлетворительнаго съ точки зрѣнія новѣйшихъ требованій реализма. Голова ея «засорена всякою дрянью». Она предпочитаетъ страдать и чахнуть въ мірѣ «воображаемой» любви, чѣмъ жить и веселиться «въ сферѣ презрѣнной дѣйствительности». Комментируя «безтолковое» письмо Татьяны къ Онегину, онъ перебиваетъ приводимыя имъ цитаты грубыми обращеніями къ самой Татьянѣ: «Это съ вашей стороны очень похвально, Татьяна Дмитриевна, что вы помогаете бѣднымъ и усердно молитесь Богу, но только зачѣмъ-же вы сочиняете небывлицы?», «Да перестаньте-же, наконецъ, Татьяна Дмитриевна, вѣдь вы уже до галлюцинацій договорились!..» Передавая смыслъ послѣдняго монолога Татьяны, Писаревъ открываетъ въ немъ самое ничтожное прозаическое содержаніе. По его словамъ, Татьяна говоритъ Онегину: «Я васъ все-таки люблю, но прошу васъ убраться къ чорту. Свѣтъ мнѣ противенъ, но я намѣрена безусловно исполнять всѣ его требованія». Татьяна ничего не любитъ, никого не уважаетъ, никого не презираетъ, а живетъ себѣ, разгоняя непроходимую скуку «разными крошечными подобіями чувствъ и мыслей». Вообще говоря, Пушкинъ въ своей Татьянѣ рисуетъ съ восторгомъ «такое явленіе русской жизни, которое можно и должно рисовать только съ глубокимъ состраданіемъ или съ рѣзкою провіею*)». Такъ раздѣльвается съ Татьяною стремительный критикъ «Русскаго Слова». Представивъ въ утрированномъ видѣ нѣкоторые разсужденія о ней Бѣлинскаго, онъ сдѣлалъ два-три дополнительныхъ вывода въ реалистическомъ духѣ и свелъ все произведеніе къ заурядному и скверному по тенденціи романическому разсказу. Пушкинъ оказался разбитымъ на голову,

*) «Русское Слово» 1865 г., апрѣль, *Пушкинъ и Бѣлинскій*, стр. 38.

и его ложная слава, мѣшавшая успѣхамъ русскаго просвѣщенія, разсѣяна дуновеніемъ отрезвляющаго вѣтра.

Но Пушкинъ какъ-бы предвидѣлъ всѣ превратности судьбы «Евгенія Онѣгина», когда дописывалъ его послѣднія вдохновенныя строфы. Его не пугала никакая критика. Съ простодушіемъ молодого генія, легко и непринужденно творящаго самыя сложныя произведенія, онъ безстрашно приглашаетъ всѣхъ на судъ своего только-что оконченнаго романа. Онъ самъ почти не чувствуетъ значенія своего труда, который онъ называетъ малымъ. Онъ работалъ съ наслажденіемъ, онъ излилъ въ образахъ Онѣгина и Татьяны свою пылкую душу, и теперь онъ спокойно ждетъ приговора современниковъ и потомства:

Кто-бъ ни былъ ты, о мой читатель,
 Другъ, ведругъ,—я хочу съ тобой
 Разстаться выще, какъ пріятель.
 Прости. Чего-бы ты за мной
 Здѣсь ни искалъ въ строфахъ небрежныхъ:
 Воспоминаній-ли мятежныхъ,
 Отдохновенья-ль отъ трудовъ,
 Живыхъ картинъ, плъ острыхъ словъ,
 Иль грамматическихъ ошибокъ,
 Дай Богъ, чтобъ въ этой книжкѣ ты,
 Для развлеченья, для мечты,
 Для сердца, для *журнальныхъ* ошибокъ
 Хотя крупницу могъ найти.
 За спячъ—разстанемся, прости.

Въ этой статьѣ о Пушкинѣ и Бѣлинскомъ Писаревъ сдѣлалъ только практическое приложеніе своихъ общихъ идей, изложенныхъ въ теоретической формѣ въ разборѣ знаменитаго трактата Чернышевскаго и развившихся въ немъ подъ влияніемъ этого трактата. Разрушая всякую эстетику, Писаревъ продолжалъ дѣло своего учителя и потому имѣлъ полное право бросить критику «Современника», въ этотъ періодъ его существованія, упрекъ въ отступничествѣ отъ его прежнихъ философскихъ принциповъ. Эстетическій элементъ долженъ быть совершенно изъятъ изъ обсужденія художественныхъ произведеній, потому что эстетикъ можетъ разсматривать только то, что не существенно въ созданіяхъ искусства,—ихъ форму, вышнее выраженіе внутренней мысли. Когда между двумя критиками возникаетъ споръ по поводу какого-нибудь литературнаго явленія, имъ для разрѣшенія вопроса приходится заглядывать въ естествознаніе, въ исторію, въ соціальную науку, въ политику, но объ искусствѣ между ними не будетъ сказано ни одного слова, если только ихъ интересуетъ существо дѣла. «Именно потому, что оба критика будутъ спорить между собою не о формѣ, а о содержаніи, именно поэтому они оба окажутся адептами того ученія, которое изложено

въ *Эстетическихъ отношеніяхъ* *)). Чернышевскій своею доктриною оградилъ разумную критику отъ опасности «забрести въ пустыню стариннаго идеализма». Онъ уничтожилъ самый принципъ, самый фундаментъ эстетики вообще, потому что доказалъ пустоту и призрачность прежнихъ, старыхъ представленій о красотѣ. Писаревъ ни въ чемъ не возражаетъ Чернышевскому и, воюя съ Антоновичемъ, только усиливаетъ грубость отрицанія, только откровеннѣе и прямѣе, чѣмъ Чернышевскій, не маскируясь ученымъ челоѣкомъ, выражаетъ свои основныя убѣжденія въ этомъ вопросѣ. Статья «Разрушеніе эстетики», напечатанная между первою и второю статьею о Пушкинѣ и Бѣлинскомъ, служитъ какъ-бы соединительнымъ звеномъ между частнымъ разсужденіемъ объ одномъ изъ произведеній Пушкина—«Евгеніи Онѣгинѣ»—и главными тезисами его общихъ сужденій, выраженныхъ по поводу Пушкинской лирики. Эта статья связуетъ въ одинъ солидарный союзъ Чернышевскаго, Писарева и Бѣлинскаго, въ послѣднемъ періодѣ его литературной дѣятельности.

Статья «Пушкинъ и Бѣлинскій» была главнымъ дѣломъ Писарева въ 1865 г., но къ статьѣ этой по тенденціи примыкаютъ и такіе очерки, какъ «Мыслящій пролетаріатъ», представляющій въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ талантливую характеристику Помяловскаго, «Сердитое безсиліе»—сокрушительный разборъ обличительнаго романа Ключникова «Марево», заключающаго въ себѣ, вопреки беспощадному глумленію критика, нѣкоторыя интересныя черты современной жизни, «Посмотримъ», содержаніе котораго мы уже знаемъ, «Промахи незрѣлой мысли» (конца 1864 г.)—очеркъ, написанный въ духѣ общихъ педагогическихъ взглядовъ Писарева и, наконецъ, «Прогулка по садамъ Россійской словесности»—огромное литературное обозрѣніе, задѣвающее въ полемической формѣ рядъ текущихъ журнальныхъ вопросовъ. Въ этой послѣдней статьѣ Писаревъ даетъ характеристику Аполлону Григорьеву, этому «чистому и честному фанатику отжившаго романтическаго міросозерцанія», щелкаетъ Писемскаго за его «Взбаломученное море», поноситъ Аверкіева за духъ мракобѣсія и сикофанства, огрызается противъ Островскаго, которому пророчитъ союзъ съ Кахановскою, Аксаковымъ и Юркевичемъ, а «никакъ не съ мыслящими реалистами нашего времени». По дорогѣ онъ не вдаваясь въ серьезную критику, жестоко отдѣлываетъ Стебницкаго-Лѣскова, попрекая его даже безграмотностью, за нѣкоторыя его объясненія по поводу романа «Некуда». Не проводя никакой черты между Стебницкимъ и «съ позволенія сказать» Ключниковымъ, онъ предаетъ поруганію автора «Некуда», этого истинно талантливаго писателя, за его смѣлое и во многихъ отношеніяхъ глубоко-правдивое изображеніе современ-

*) „Русское Слово“ 1865 г., май, *Разрушеніе эстетики*, стр. 21.

ныхъ нравовъ. Свою несправедливую филиппику противъ Лѣскова Писаревъ заканчиваетъ слѣдующими двумя вопросами, на которые время уже дало свои отвѣты—и не въ томъ смыслѣ, какъ ожидалъ ихъ Писаревъ. «Меня очень интересуютъ, заявляетъ Писаревъ, слѣдующіе два вопроса: во-первыхъ, найдется-ли теперь въ Россіи, кромѣ *Русскаго Вѣстника*, хоть одинъ журналъ, который осмѣлился-бы напечатать хоть что-нибудь, выходящее изъ подъ пера Стебницкаго и подписанное его фамиліей, и во-вторыхъ, найдется-ли въ Россіи хоть одинъ честный писатель, который будетъ настолько неостороженъ и равнодушенъ къ своей репутаціи, что согласится работать въ журналѣ, украшающемъ себя повѣстями и романами Стебницкаго *)». Весь смыслъ этой странной статьи сводится къ тому, что не можетъ быть иной философіи, кромѣ реалистической, и что вѣдѣвшая критика «Русскаго Слова», связанная историческою преемственностью съ идеями Бѣлинскаго и непосредственно вышедшая изъ школы Чернышевскаго, должна быть признана самымъ прогрессивнымъ явленіемъ времени. Онъ, Писаревъ, популяризаторъ этой философіи, борецъ на поприщѣ литературной критики за трезвое пониманіе искусства и жизни. Чернышевскій — законодатель эпохи. Онъ, Писаревъ, — безпристрастный и послѣдовательный судья тѣхъ явленій, старыхъ и новыхъ, которыя возникали и возникаютъ на русской почвѣ. Никто лучше Писарева не объяснилъ романа Тургенева въ духѣ реалистическихъ идей и никто съ такою отвагою не выражалъ своихъ симпатій тому произведенію, которе при своемъ появленіи взволновало все русское общество—не своими литературными красотами, а заманчивой картиной утопическихъ нравовъ, съ загадочными намеками на жгучую современность и скрытое въ туманѣ будущее.

IV.

Статьи литературно-публицистическія, экономическія и историческія не исчерпываютъ дѣятельности Чернышевскаго на журнальномъ поприщѣ. Несмотря на фактическую принадлежность къ такъ называемой партіи прогрессивнаго движенія, несмотря на теоретическую вражду противъ искусства, онъ самъ нѣкоторыми сторонами своего характера представлялъ собою чловѣка, способнаго отдаваться мечтѣ, увлекаться беллетристическими задачами и цѣлями. Его простой слогъ, почти ничѣмъ не отличающійся отъ разговорнаго, живой и бойкій, проникнутый природнымъ сарказмомъ, позволялъ ему воспроизводить въ діалогической формѣ многія черты современнаго ему общества и смѣлыми, жгущими словами будить скрытыя симпатіи и

*) «Русское Слово» 1865 г., мартъ. *Прогнулка по садамъ Россійской словесности*, стр. 15.

стремленія молодыхъ поколѣній. Писатель, передавшій въ печати свои личныя впечатлѣнія о Чернышевскомъ, отмѣчаетъ въ немъ одну особенность, объясняющую многое въ характерѣ его дѣятельности, то впечатлѣніе, которое производили его статьи на русское общество. Развивая какую-нибудь сложную мысль, Чернышевскій, говоритъ онъ, отмѣчалъ ходъ своей аргументаціи, такъ сказать, отдѣльными вѣхами, снимая при этомъ тѣ логическіе мостики, которые облегчаютъ слушателю возможность легко и безъ труда слѣдовать за нимъ. Чтобы не отстать отъ него въ разговорѣ, приходилось дѣлать самыя неожиданныя скачки. При большой силѣ и ясности жизненно-созерцательной мысли, онъ быстро выстраивалъ свои общія положенія, часто не снабжая ихъ никакою диалектикою или замѣняя логическіе доводы яркими бытовыми иллюстраціями. Съ какимъ-то добродушнымъ лукавствомъ онъ порою мистифицировалъ собесѣдника, подставляя ему остроумные капканы, черезъ которые онъ долженъ былъ пробраться, чтобы вѣрно его понять. Работа постепенно развертывающейся изъ глубины мысли его не удовлетворяла, и каждому его оппоненту приходилось считаться съ его неожиданными, эксцентричными примѣрами, въ которыхъ основная идея пробивалась съ отгѣнкомъ своеобразнаго, подчасъ нѣсколько вульгарнаго юмора. Инымъ способомъ онъ не умѣлъ обнаруживать того, что накипало въ его душѣ, и если собесѣдникъ въ удачной репликѣ давалъ ему чувствовать свое пониманіе, въ его глазахъ вспыхивало выраженіе удовольствія, почти наслажденія. Тотъ-же авторъ приводитъ по тетради одного изъ лицъ, близко стоявшихъ нѣкоторое время къ Чернышевскому, и другіе факты, рисующіе съ необычайною отчетливостью созерцательный по существу характеръ его ума, съ чертами ясности, рѣзкости и простоты. Никогда не затрудняясь въ подборѣ вѣншихъ, конкретныхъ положеній, Чернышевскій обладалъ огромною силою импровизаціи, которая изумляла всѣхъ окружающихъ его людей. Принимая участіе въ занятіяхъ одного кружка, сомкнувшагося благодаря жизненнымъ обстоятельствамъ, онъ часто приходилъ на его засѣданія съ толстой тетрадю, изъ которой читалъ свои повѣсти, длинныя аллегоріи, притчи. Чтеніе это продолжалось иногда два, три вечера и читалъ Чернышевскій неторопливо, спокойно и плавно. Сложное дѣйствіе съ массой приключеній, отступленій научнаго свойства, психологическимъ и даже физиологическимъ анализомъ вставало передъ слушателями въ оригинальныхъ и яркихъ эпизодахъ. Но каково-же было удивленіе кружка, когда одинъ изъ его членовъ, заглянувъ черезъ плечо лектора, увидѣлъ, что Чернышевскій съ самымъ сосредоточеннымъ видомъ смотритъ въ чистую тетрадь и перевертываетъ неписанныя страницы. Разговаривая съ людьми, отстаивая любимую идею, защищаясь противъ какихъ-нибудь упрековъ, нападая на того или другого общественнаго дѣятеля, Чернышевскій постоянно прибѣгалъ къ живымъ упо-

добленіямъ. выхватывать отдѣльные факты изъ современной волны и тутъ-же обращалъ ихъ въ орудіе острой, нетерпимой борьбы съ неродственными его духу теченіями. Сатирическая нота никогда не переставала звучать въ его рѣчахъ, не ухидившихъ ни въ какую глубокую аргументацію. Обладая смѣлымъ публицистическимъ талантомъ, онъ, однако, бралъ верхъ надъ своими соперниками не силою чисто логическихъ сужденій, а именно этою почти художественною способностью быстро овладѣвать всѣми положеніями извѣстнаго ученія и затѣмъ искусно распорядиться ими передъ глазами читателя и добиваться самыхъ эффектныхъ впечатлѣній двумя-тремя удачными штрихами и параллелями.

Эти особенности его характера и толкнули Чернышевскаго на путь беллетристическаго творчества, которое до сихъ поръ еще совершенно не оцѣнено въ его литературной дѣятельности. Онъ не былъ типичнымъ художникомъ, поэтическая сторона въ его извѣстныхъ двухъ романахъ страдаетъ огромными недостатками, которые не позволяютъ поставить ихъ рядомъ съ какими-нибудь выдающимися произведеніями русскаго искусства. Но при всѣхъ своихъ чисто литературныхъ недочетахъ, несмотря на небрежную форму, испорченную кромѣ того ненужными отступленіями, длинными комментаріями собственныхъ героевъ и идей, фамильярными разговорами съ читателемъ, романы эти должны быть признаны далеко не заурядными явленіями, стоющими серьезнаго вниманія. Въ нихъ такъ или иначе пробивается живая личность автора, съ его подкупающею, нѣсколько чудаческою оригинальностью, бросается въ глаза его внутренняя, почти органическая связь съ героями повѣствованія, его то сдвленная, то широко разливающаяся рѣчь, полная намековъ и партизанскихъ эмблемъ. Несмотря на блѣдность и блѣдность художественныхъ красокъ, на совершенное отсутствіе поэтическихъ описаній, многія фигуры этихъ романовъ движутся передъ глазами, какъ живыя, въ напряженной стпхіи современныхъ идей, выраженныхъ въ первый разъ и съ дерзостною отчетливостью. Своеобразная фантазія, сухая новаторская фантазія — виситъ надъ угловатымъ, грубымъ изображеніемъ современности, смягчая диссонансы, сглаживая явныя и раздражающія шероховатости. Романы эти читаются съ огромнымъ интересомъ, потому что на нихъ вырѣзалась печать безпредѣльно энергичной и богатой натуры. Индивидуальность автора подыскала себѣ въ первомъ изъ этихъ двухъ романовъ прямое выраженіе, воплотивъ себя въ лицѣ ученаго писателя Волгина. Волгинъ живетъ среди пестрой толпы новѣйшихъ общественныхъ дѣятелей, занятыхъ проектами реформъ, не смѣшиваясь съ ними и даже представляя непримиримую оппозицію ихъ наивному жизненному оптимизму. Въ романѣ собраны образцы различныхъ отбѣнковъ общественнаго движенія: Нивельзинъ, Савеловъ, Ризанцевъ, Соколовскій и другіе. Между ними скла-

дываются разныя отношенія съ запутанными романическими интригами, которыя Волгинъ разбиваетъ при посредствѣ своей молодой, красивой жены, описанной съ трогательною любовью, съ явнымъ восхищеніемъ автора. Романъ и посвященъ «той, въ которой будутъ узнавать Волгину». Волгинъ стоитъ во главѣ передоваго журнала и слава его, по-видимому, растетъ съ каждымъ днемъ. Онъ пишетъ много, непрерывно, по текущимъ вопросамъ общественной жизни, но самъ онъ не высокаго мнѣнія о своихъ произведеніяхъ. «Литературнаго таланта у меня нѣтъ, говоритъ Волгинъ одному своему собесѣднику,—я пишу плохо, длинно, часто безжизненно. Десятки людей у насъ умѣютъ писать гораздо лучше меня. Мое единственное достоинство, но важное, важнѣе всякаго мастерства писать, состоитъ въ томъ, что я правильнѣе другихъ понимаю вещи». Видя то впечатлѣніе, которое производятъ его статьи, Волгинъ съ недоумѣніемъ качаетъ головой.

— Я золь? Я кажусь вамъ злымъ потому, что вы видите вокругъ себя все только невинныхъ младенцевъ. Умно то общество, въ которомъ я кажусь рѣзкимъ и ѣдкимъ. Я, цыпленокъ, золь! Хороши птицы, среди которыхъ цыпленокъ—ястребъ.

Въ современномъ русскомъ обществѣ нѣтъ человѣка съ настоящею свѣтлою головою, и Волгину приходится подавать свое мнѣніе по всякому болѣе или менѣе важному вопросу, чтобы своимъ протестующимъ словомъ вытѣснить ту «ахинею», которою сбиваются съ толку умы. И хотя его дѣятельность не выходитъ за предѣлы журнальной публицистики, предчувствіе подсказываетъ ему, что надъ головою его соберутся тучи. Дѣйствіе романа относится къ 1857 году, и мы находимъ въ немъ нѣсколько штриховъ, рисующихъ первыя отношенія Чернышевскаго къ Добролюбову. Волгинъ встрѣчаетъ молодого студента съ длинными, гладкими, свѣтлорусыми волосами, нѣсколько сгорбленнаго, съ блѣднымъ лицомъ и сѣрыми глазами, тускло глядящими сквозь очки въ золотой оправѣ. Они знакомятся при оригинальныхъ обстоятельствахъ, при чемъ Волгинъ даетъ ему свою визитную карточку.

— Вы Алексѣй Ивановичъ Волгинъ?—съ нѣкоторою оживленностью сказалъ студентъ, взглянувъ на карточку.

— Да-съ,—флегматически отвѣтилъ Волгинъ, и вслѣдъ затѣмъ взвизнулъ пронзительнымъ ультра-сопрано, отъ котораго зазвенѣли стекла въ сосѣднихъ окнахъ и изумительная рулада перелилась черезъ теноровые раздирающіе ухо звуки въ контрабасовой ревѣ:—ххи-ххи-ххи-хха-хха-хха-ххо-ххо-ххо... А вы, я вижу, мой поклонникъ? Вотъ находка! Драгоцѣнность! Въ цѣлой Россіи только два экземпляра: вы, да я самъ... Въ которомъ вы курсе?

— Я студентъ Педагогическаго Института, а не университета. Кончаю курсъ.

Волгинъ прощается съ Левицкимъ, который говоритъ, что придетъ

къ нему по окончаніи курса съ какой-нибудь статьей. Въ первыхъ же разговорахъ между новыми знакомыми Левицкій обнаруживаетъ умъ и талантъ. Волгинъ въ восторгѣ отъ его литературныхъ способностей. Левицкій пишетъ кратко, легко, блистательно. Онъ все понимаетъ, какъ слѣдуетъ. Холодность его взгляда, самобытность мысли убѣждаютъ Волгина, что онъ нашелъ сотоварища по убѣжденіямъ и незамѣнимаго помощника по журналу...

Волгинъ и Волгина живутъ въ самой тѣсной дружбѣ, хотя Волгина не всегда понимаетъ своего мужа, гораздо ниже его въ умственномъ отношеніи, а по привычкамъ и характеру приближается къ типу эстетической и нѣсколько свѣтской женщины. Но авторъ, сблизивъ ее съ героемъ самыхъ крайнихъ демократическихъ стремленій, долженъ былъ вложить въ нее нѣкоторыя черты прогрессивности, развившіяся подъ вліяніемъ мужа. Она пряма, рѣзка, презираетъ ловеласничанье, не носить дома корсета, легко справляется съ чужими романтическими увлеченіями, приходя на помощь знакомымъ своими здравыми натуралистическими сужденіями. Въ Волгиной авторъ уже заключилъ тѣ задатки, изъ которыхъ пышно развилась Вѣра Павловна въ романѣ «Что дѣлать?» Но вотъ что любопытно при этомъ замѣтить: Волгинъ любитъ свою жену, несмотря на свой реалистическій образъ мыслей, съ настоящимъ эстетическимъ увлеченіемъ. Въ романѣ имѣется одна поистинѣ трогательная сцена, не лишенная повидному автобіографическаго оттѣнка: когда Волгина пошла въ театръ, мужъ прибѣгаетъ туда на нѣсколько минутъ изъ типографіи, чтобы, осматрѣвъ въ бинокль публику съ верхней галлерей, въ сотый разъ убѣдиться, что красота ея привлекаетъ всеобщее вниманіе. Онъ самъ убѣждалъ ее когда-то не выходить за него замужъ и терзается мыслью, что въ его простой рабочей обстановкѣ она не пользуется всѣми тѣми удобствами жизни, которыя такъ легко могла-бы получить при иныхъ обстоятельствахъ. Онъ повсюду подчеркиваетъ ея удивительную свѣжесть и молодость и какъ-бы нарочно растягиваетъ эпизодъ, въ которомъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа не хочетъ признать въ ней замужнюю женщину. Волгина платитъ своему мужу разумнымъ уваженіемъ, попеченіемъ о его здоровьѣ, постоянными заботами о его нуждахъ и, несмотря на его мѣшковатость и неуклюжесть, никогда не теряетъ сознанія, что онъ не простой, обыкновенный работникъ, а писатель съ славнымъ будущимъ.

Таково первое беллетристическое произведеніе Чернышевскаго, къ сожалѣнію, не доведенное до конца и по яркости конценціи значительно уступающее его роману, напечатанному въ «Современникѣ» 1863 года. Дѣйствующія лица, кромѣ главныхъ героевъ, встаютъ въ туманѣ, очерченныя съ нѣкоторою сбивчивостью на тѣсномъ пространствѣ и не сгруппированныя надлежащимъ образомъ посредствомъ цѣльной внутренней идеи. Это какъ-бы только *прологъ* къ настоящему роману—съ полнымъ

раскрытіемъ эмансипаторскихъ стремленій автора, съ законченными и идеализированными типами новыхъ людей.

Во второмъ романѣ много движенія, характеры обрисованы съ своеобразною силою и своеобразными приѣмами — не художественными, но достигающими въ результатѣ цѣльныхъ и продолжительныхъ впечатлѣній. При всей скудости живописныхъ сценъ и матеріаловъ, въ авторѣ чувствуется большая способность къ беллетристическому вымыслу, умѣнье разбрасывать многочисленныя, пестрые эпизоды и черезъ нихъ вести главную нить разсказа. Всѣ важнѣйшія сцены этого романа залиты ибняющимися волнами ѣдкаго юмора, оживляющаго повѣствованіе и неволью захватывающаго и уносящаго воображеніе. Несмотря на огромную трудность задачи и на крайне узкую философскую доктрину, которую авторъ хотѣлъ пропитать свое произведеніе, его главные герои въ общемъ встаютъ живыми людьми, взятыми изъ среды молодого поколѣнія, а нѣкоторыя утопическія картины, передающія широкія мечты автора, по крайней мѣрѣ въ первыхъ частяхъ романа, нарисованы съ чувствомъ мѣры и кажутся почти возможными. Лопуховъ, Вѣра Павловна, Кирсановъ, въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ и дѣйствіяхъ. сосредоточиваютъ въ себѣ основную мысль Чернышевскаго и изображены имъ ради контраста съ представителями отживающаго поколѣнія. Они отрѣшились отъ всякаго идеализма, презрѣли условныя житейскіе шаблоны, устраняютъ свои дѣла только согласно съ собственными убѣжденіями, въ которыхъ утонченный утилитарный расчетъ играетъ роль руководящаго критерія. «Я хотѣлъ изобразить обыкновенныхъ порядочныхъ людей новаго поколѣнія, говоритъ Чернышевскій, людей, которыхъ я встрѣчаю цѣлыя сотни. Гдѣ я говорилъ о нихъ не въ такомъ духѣ? Что я разсказывалъ о нихъ не такого? Я изображалъ ихъ съ любовью и уваженіемъ, потому что каждый порядочный человѣкъ стоитъ любви и уваженія. Но гдѣ я преклонялся передъ ними?» Въ самомъ дѣлѣ, эти люди, по своимъ стремленіямъ и твердому желанію освободиться отъ тираніи житейскихъ обычаевъ, могутъ быть названы лучшими представителями эпохи, хотя, въ качествѣ творца упрощенной реалистической философіи. Чернышевскій сдѣлалъ ихъ черезчуръ прямолинейными, разсудочными, такъ сказать, докторальными. Но необходимо отмѣтить, что въ этомъ, по преимуществу, тенденціозномъ романѣ, пропагандирующемъ прозаически-трезвое отношеніе къ жизни, жизнь прорвалась сильными, играющими струями, почти наперекоръ узкой доктринѣ автора. Вѣра Павловна, съ ея любовью къ музыкѣ, оперѣ, пѣтамъ и танцамъ, съ ея непосредственнымъ, иногда бурнымъ веселіемъ, съ ея склонностью къ широкому, хотя и невинному разгулу, съ ея фантастическими, вѣщими снами, раскрывающими передъ ней новые горизонты жизни и, наконецъ, что всего характернѣе, съ ея жаждой любви, страстной любви, для которой недостаточно всей высокой порядочности Лопухова,—такая геро-

иня какъ-бы невольно раздвигаетъ рамку романа и наполняетъ его нервною жизненною тканью. И не только эти три дѣйствующихъ лица, которыя Чернышевскій самъ относитъ къ числу обыкновенныхъ людей, но даже и наиболѣе идеализированная фигура романа, Рахметовъ, съ чертами почти сектантскаго подвижничества, героическимъ самоотреченіемъ, со склонностью къ самонистязанію, которая заставляетъ его спать на гвоздяхъ, даже этотъ Рахметовъ, мыслями котораго Писаревъ наполнилъ свою статью «Нерѣшенный вопросъ», вышелъ болѣе сложнымъ и глубокимъ психологическимъ типомъ, чѣмъ это было нужно по замыслу автора. Рахметовъ понимаетъ, что его прозаическое самоограниченіе вызвано случайными жизненными обстоятельствами, что, при всей его глубокой природной склонности къ подвигамъ, его настоящій душевный обликъ, съ яркимъ выраженіемъ грубой экономіи силъ и утилитарнаго расчета въ каждомъ его движеніи, сложился подъ воздѣйствіемъ экстраординарныхъ историческихъ условій и вытекающихъ изъ нихъ задачъ.

— Рахметовъ, вы удивляете меня, говоритъ ему Вѣра Павловна, вы совсѣмъ не такой, какъ мнѣ казалось. Отчего вы всегда такое мрачное чудовище? А вѣдь вотъ теперь вы милый, веселый человѣкъ.

— Вѣра Павловна, я исполняю теперь веселую обязанность, отчего же мнѣ и не быть веселымъ? Но вѣдь это случай, это рѣдкость. Вообще видишь невеселыя вещи, какъ-же тутъ не будешь мрачнымъ чудовищемъ? Только, Вѣра Павловна, если ужъ случилось вамъ видѣть меня въ такомъ духѣ, *въ какомъ я былъ-бы радъ быть всегда*, и дошло у насъ до такихъ откровенностей,—пусть это будетъ секретъ, что я не по своей охотѣ мрачное чудовище. Мнѣ легче исполнять мою обязанность, когда не замѣчаютъ, что мнѣ самому хотѣлось-бы не только исполнять мою обязанность.

Натура Рахметова, широкая по своимъ задаткамъ, могучая по темпераменту, но сдавленная, какъ веригами, поставленной себѣ *програмою, талтъ въ себѣ нѣкоторыя противорѣчія, подрывающія утилитарную тенденцію автора. Его фактическая приверженность къ научному знанію въ первоисточникахъ, при суровой размѣренности въ употребленіи времени, его любовь къ изяществу при его нарочито нищенскомъ костюмѣ, его скрытая склонность къ килучей страсти при его аскетическомъ образѣ жизни—все эти свойства далеко выступаютъ за тѣ границы, въ которыхъ могла-бы уложиться сознательная философія романа. Корни его практической, гуманитарной дѣятельности развиваются въ таинственной духовной глубинѣ, по болѣе широкимъ и сложнымъ законамъ, чѣмъ тѣ ариометическія правила эгоистическаго расчета, къ которымъ сводитъ всю психическую жизнь философія Чернышевскаго. Рахметовъ, этотъ послѣдній аргументъ Писарева, этотъ его любимый образъ до конца мыслящаго безпощаднаго реалиста, по мѣркѣ котораго написаны наиболѣе убѣжденные страницы «Нерѣшеннаго во-

проса», вплоть до маленькой слабости Рахметова къ хорошей сигарѣ,—Рахметовъ, только въ контурѣ и нѣсколько блѣдно намѣченный Чернышевскимъ, представляетъ изъ себя матеріаль для настоящей художественной разработки—какъ это ни странно сказать,—въ духѣ Достоевскаго. Такой натурѣ, какъ Рахметовъ, съ его бурлацкой физической силой, развитоу сознательнымъ упражненіемъ для высшихъ цѣлей, нужны, какъ мотивы дѣятельности, какъ импульсъ къ подвижническому самоотреченію и страстотерпчеству, гораздо болѣе высокія убѣжденія, чѣмъ разумный эгоизмъ въ матеріалистическомъ ученіи Чернышевскаго. И можно думать, что Чернышевскій самъ инстинктивно понималъ это, когда призналъ въ разговорѣ съ «проницательнымъ читателемъ», что Рахметовъ не можетъ быть сдѣланъ героемъ въ его романѣ. Если уже Вѣра Павловна и Кирсановъ многими своими чертами, непредусмотрѣнными утилитарианскою програмою, какъ-бы увлекаютъ въ произведение Чернышевскаго болѣе широкую стихію интересовъ, страстей и стремленій, чѣмъ это могъ бы одобрить, напимѣръ, такой педантическій, но добросовѣстный ученикъ Чернышевскаго, какъ Писаревъ, то какимъ образомъ развернулся бы въ этой ограниченной сферѣ богатырь съ высокимъ духовнымъ энтузіазмомъ и трагическимъ темпераментомъ, которому хитро рассчитанное самопожертвованіе Лопухова кажется пустою, ненужною мелодрамою. Узкое философское ученіе, которое было сознательнымъ мотивомъ для написанія романа, шумное движеніе неожиданно возникающихъ, какъ бы импровизированныхъ эпизодовъ, таящихъ въ себѣ глубокой разумный смыслъ, живая и минутаи нѣжная психологія, въ которой чуть слышно пульсируетъ скрытая эстетическая жилка автора, и, наконецъ, пестро развернувшаяся экономическая утопія, согрѣтая гуманнми стремленіями,—вотъ что наполняетъ этотъ характерный романъ, обличающій въ Чернышевскомъ своеобразный талантъ, оживленный кипучимъ темпераментомъ, озаренный яснымъ и трезвымъ умомъ. Тутъ, при широкомъ замыслѣ, нѣтъ истинно художественнаго исполненія задачи, но есть могучее настроеніе, отражающее потребность живыхъ, яркихъ и сложныхъ впечатлѣній, которое не было доступно темпераменту Писарева.

Въ послѣднихъ частяхъ романа фантастическій элементъ развертывается съ огромною силою и вдохновеніемъ. Весь четвертый сонъ Вѣры Павловны, съ смутнымъ шумомъ кипящаго въ немъ водоворота идей, захватываетъ читателя какимъ-то сочувственнымъ волненіемъ къ этимъ легкимъ и прозрачнымъ утопическимъ образамъ, въ которыхъ играютъ эстетическія настроенія автора. Гимнъ любви, гдѣ въ патетическихъ монологахъ воздается должное тремъ богинямъ—Астартѣ, Афродитѣ и Непорочности—и мечта о роскошныхъ и легкихъ дворцахъ изъ серебрянаго алюминія заставляють широко разступиться холодную, узкую, головную програму оригинальнаго и талантливаго романиста. А эти опи-

санія разгульныхъ пикировъ съ перегоняющими другъ друга тройками и съ загадочной буйной дамой, носящей трауръ, потому что герой ея сердца находится въ отсутствіи—быть можетъ, тотъ самый герой, который нѣкогда съ бурлацкой силой остановилъ за ось ея экипажъ, увлекаемый взбѣсившимися лошадьми—все это вносить въ романъ широкую, мятущуюся эстетическую стихію, очевидно противъ воли автора, но не въ противорѣчій съ бьющимися въ немъ могучими инстинктами русскаго народа. Теперь понятно, почему вульгарное буфонство молодого Щедрина, съ его грубою карикатурою именно на то, что есть въ романѣ поэтическаго, должно было взорвать людей свѣжихъ и впечатлительныхъ къ новымъ настроеніямъ и послужить началомъ побойща, въ которомъ потерѣли нравственное фіаско прозаическіе и недалковидные преемники Чернышевскаго по журналу. Чернышевскій, какъ авторъ утопическаго романа, уже въ 1863 году значительно поднимался надъ своими публицистически-философскими и критическими писаніями, которыя, проповѣдуя грубый утилитаризмъ и эгоистическій расчетъ, убивали все широкія и непосредственно идеальныя стремленія общества.

Спустя много лѣтъ этотъ оригинальный человекъ самъ ощутилъ въ себѣ разладъ. Съ отбѣнкомъ скептическаго юмора оглядывался онъ на нѣкоторыя, прежде имъ излюбленныя, пути прогресса. Въ этой непосѣдившей головѣ уже не молодого человека, съ длинными, кудрявившимися волосами и съ печатью болѣзни на лицѣ, быть можетъ, складывалось что-то новое, теоретически обхватывающее тѣ горизонты, которые онъ прежде старался закрыть отъ своего сознанія. Иногда онъ раздражался нападками на свое прошлое въ рѣзкой формѣ самообличенія. «Я тотъ баранъ, который хотѣлъ кричать козломъ», говорилъ онъ о себѣ съ веселымъ юморомъ, аллегорически изображая свою жизнь въ формѣ фантастической легенды. Новые дѣятели реформированныхъ въ 1868 году «Отечественныхъ Записокъ», съ наиболѣе типическими для нихъ философскими притязаніями, не удовлетворяли его. Онъ совершенно отвергалъ «біолого-соціологическія» параллели Михайловскаго, т.-е. именно то, что несвѣдущая и не самостоятельно мыслящая толпа прокричала на всю Россію лучшимъ образцомъ новѣйшей, прогрессивной философіи, не уразумѣвъ ея обезсиляющихъ внутреннихъ противорѣчій и теоретической пустоты. Не имѣя, однако, силъ для новыхъ самостоятельныхъ трудовъ, онъ углублялся въ изученіе всеобщей исторіи, съ поразительною энергіею занимаясь переводомъ на русскій языкъ много-томнаго труда Вебера.

Писаревъ выразилъ свое глубокое сочувствіе роману Чернышевскаго, хотя при этомъ онъ не бросилъ въ своей статьѣ о «Новомъ типѣ» ни одной самостоятельной, оригинальной мысли. Онъ разсказываетъ его содержаніе, комментируетъ почти словами Чернышевскаго поступки Лопухова, Кирсанова и Вѣры Павловны, передаетъ все главныя подробности

біографіи Рахметова, но нигдѣ и ни въ чемъ онъ не поднимается на критическую высоту, необходимую для пониманія достоинствъ и недостатковъ этого произведенія. Увлеченный его тенденціею, Писаревъ находитъ даже, что Чернышевскій глубже и лучше понялъ новое движеніе русскаго общества, чѣмъ Тургеневъ, и изобразилъ его въ романѣ съ удивительнымъ художественнымъ совершенствомъ. Образы Лопухова, Кирсанова и Рахметова кажутся ему возвышеннѣе по замыслу, чѣмъ Базаровъ, которому Тургеневъ не могъ сочувствовать такъ, какъ сочувствовалъ своимъ героямъ Чернышевскій. Писаревъ не указываетъ ни на какія погрѣшности и недочеты Чернышевскаго въ художественномъ отношеніи, и вся его пространная рецензія представляетъ собою довольно блѣдную популяризацію того, что, какъ мы видѣли, выражено въ романѣ съ настоящимъ огнемъ въ цѣломъ рядѣ фантастическихъ картинъ, залитыхъ своеобразнымъ вдохновеніемъ *).

Если не считать обширнаго, хотя и довольно безсодержательнаго разбора повѣсти Слышцова «Трудное время», въ статьѣ подъ названіемъ «Подростающая гуманность», двухъ небольшихъ рецензій о стихотвореніяхъ Гейне и краткаго отзыва съ полемическимъ отвѣтомъ о «Сатирической небывальщинѣ» Гермогена Трехзвѣздочкина, то мы пересмотрѣли все, напечатанное Писаревымъ вплоть до 1866 г. Въ это время дѣятельность Писарева уже близилась къ концу. Въ 1866 г. было закрыто «Русское Слово». Его новыя работы, напечатанныя въ «Дѣлѣ» и «Отечественныхъ Запискахъ», не теряя общаго характера талантливости и публицистической бойкости, становились все болѣе и болѣе однообразными по темамъ и аргументаціи. Все та же проповѣдь женской эмансипаціи, борьба съ разными «усыпителями» русской общественной мысли, все та же пропаганда реализма и разумнаго эгоизма подъ знаменемъ Чернышевскаго. Мысли Писарева не прогрессируютъ, критическое дарованіе, не освѣжаемое какимъ-либо глубокими идеями и впечатлѣніями, не дѣлаетъ никакихъ успѣховъ въ пониманіи и оцѣнкѣ литературныхъ явленій. Можно подумать, что при новыхъ обстоятельствахъ—при необходимости писать въ чуждомъ ему органѣ, подъ руководствомъ людей, которымъ онъ не во всемъ симпатизировалъ, Писаревъ почувствовалъ какъ бы нѣкоторую неувѣренность. Но не имѣя привычки сидѣть сложа руки, онъ бросается къ иностраннымъ сочиненіямъ, подробно разбираетъ романы Андре Лео, занимается Эркманомъ-Шатрианомъ, пересказываетъ въ статьѣ «Мистическая любовь» интересное изслѣдованіе англійскаго писателя Уильяма Диксона «Духовныя жены», пишетъ длинныя журнальныя замѣтки, не поражающія никакими новыми или даже свѣжими мыслями и настроеніями. Онъ какъ бы въ замѣшательствѣ нащупываетъ какіе то новые пути для своего блестящаго природнаго таланта. Долгая уединенная работа, съ огромнымъ партизанскимъ увлеченіемъ, должна была наложить

*) „Русское Слово“, 1865, октябрь, *Новый типъ*, стр. 1—54.

на него глубокою печать, а рѣзкая переменна всѣхъ внѣшнихъ обстоятельствъ не могла не отразиться на немъ тягостнымъ внутреннимъ разстройствомъ, превозмочь которое можно было только рядомъ значительныхъ умственныхъ усилій. Но все, напечатанное Писаревымъ за короткое время, которое ему суждено было прожить послѣ выхода изъ крѣпости, не представляетъ признаковъ новаго умственного движенія. Даже такія статьи его, какъ очеркъ «Погибшіе и погибающіе», напечатанный въ учено-литературномъ сборникѣ «Лучъ» и проводящій собою параллель между «Очерками бурсы» Помяловскаго и «Записками изъ мертваго дома» Достоевскаго, эту же «Образованная толпа»; заключающій въ себѣ анализъ сочиненій О. М. Толстого, и даже разборъ первыхъ трехъ томовъ «Войны и мира» подъ названіемъ «Старое барство»—не представляютъ собою, несмотря на общую талантливость, ничего характернаго и оригинальнаго по сравненію съ прежними статьями Писарева. Единственнымъ исключеніемъ является его большая статья о «Преступленіи и наказаніи», начатая печатаніемъ въ «Дѣлѣ» 1867 года и законченная только послѣ смерти автора, въ августѣ 1868 года. Въ этой статьѣ, написанной съ явнымъ подъемомъ всѣхъ литературныхъ силъ Писарева, яркимъ и мѣткимъ языкомъ, съ признаками непосредственнаго душевнаго волненія, попадаютъ мысли, какъ-бы не идущія въ струѣ его прежнихъ понятій и не совпадающія съ новымъ движеніемъ общественныхъ элементовъ. Съ необычайною энергіею Писаревъ вооружается противъ всякаго грубаго насилія даже во имя идеи. «Необыкновенные люди, которыми можетъ и должно гордиться человѣчество, не являются любителями и виновниками кровопролитія», говоритъ онъ. Кровь льется не для того, чтобы содѣйствовать успѣхамъ человѣчества, и настоящія побѣды на пути прогресса одерживаются не *вслѣдствіе* кровопролитій, а, такъ сказать, *вопреки* кровопролитію. Тѣ, которые препятствуютъ движенію общества, держатся на своихъ мѣстахъ благодаря толпѣ и, устраняя ихъ насильственными средствами, мы не преодолеваемъ настоящей причины ихъ силы. «Изъ любви къ истинѣ необыкновенные люди становились иногда мучениками, но никакая любовь къ идеѣ никогда не могла превратить ихъ въ мучителей—по той простой причинѣ, что мученія никого не убѣждаютъ и слѣдовательно никогда не приносятъ ни малѣйшей пользы той идеѣ, во имя которой они производятся» *).

Весьма возможно, что эти мысли и фразы были выраженіемъ какихъ-нибудь новыхъ, назрѣвавшихъ въ Писаревѣ понятій. Но судить объ этомъ съ увѣренностью трудно: эти мягкія, гуманныя слова прозвучали тогда, когда занавѣсъ уже уналь, скрывъ отъ публики любимаго ею героя короткой, но болѣзненной драмы.

А. Волинскій.

*) Сочиненія Д. И. Писарева, изд. 1868 г., ч. IX, *Борьба за жизнь*, стр. 240.

ОБЛАСТНОЙ ОТДѢЛЪ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ.

Очищеніе русскаго языка. — Слова католикоса редакціи «Привазовскаго Края» о призваніи печати. — Какъ пныя газеты понимаютъ это призваніе. «Сарат. Листокъ» о «Сарат. Дневникъ». — Итальянцы въ Сибири и итальянцы въ Одессѣ. — Въ защиту «мазинистокъ». — Двѣ выставки въ Одессѣ и будущая въ Нижнемъ. — «Самарская Газета» о томъ, какъ пють въ Балаковѣ. — «Водка новой моды». — «Сибирскій Вѣстникъ» о доходѣ общественныхъ кабаковъ. — Несчастный случай на дорогѣ въ Ковнѣ и общество «Россія». — Ивановъ самоубійца и Ивановъ виновникъ самоубійства. — Подлогъ, въ которомъ можно было оправдать. — Оставленная богатыми родныи.

Въ Петербургѣ образовался «союзъ любителей русскаго слова» имѣющій цѣлью очищеніе русскаго языка отъ излишнихъ иностранныхъ словъ. По извѣстію «Нов. Времени», кружокъ этотъ намѣренъ составить «словарь русскихъ словъ, виолнѣ точно обозначающихъ тѣ понятія, которыя принято образованнымъ классомъ выражать иностранными словами. на-примѣръ: цикль вмѣсто—кругъ, социальный—общественный, анализировать—разбирать» и проч. Мимоходомъ скажу, что эти примѣры выбраны не особенно удачно. Приведенныя иностранныя слова употребляются съ инымъ оттѣнкомъ, чѣмъ соотвѣтствующія русскія, и вотъ почему тѣ и другія не тождественны. «Первое петербургское общественное собраніе (клубъ)» не есть «петербургское социальное собраніе», окорока заготовляемые къ Пасхѣ анализировались на санитарныхъ станціяхъ (все иностранныя слова), а не разбирались. «Цикль» также употребляется въ особомъ значеніи и если это выраженіе изгнать только потому, что есть слово «кругъ», то слѣдуетъ изгнать и «циркуль», т. е. *circulus*, и говорить: я взялъ кругъ и начертилъ имъ кругъ.

Перелистывая цѣлые ворохи газетъ, въ которыхъ языкъ иногда уродуется непростительно, я не могу не сочувствовать стараніямъ о противодѣйствіи этому уродованію, о чистотѣ русскаго языка и долженъ признать, что языкъ портятъ именно—газеты, какъ столичныя, такъ и въ особенности провинціальныя. Во всѣхъ—спѣшная работа, а во многихъ

отдѣлы ведутся такими «публицистами (глашатаями?)», которые еще не освободились от синенькаго мундирчика и болѣе всего думаютъ именно о подборѣ «литературныхъ» словъ. Гипнозъ, альтруизмъ, неврастения, декадентство, детерминизмъ, интенсивность—какъ они безъ всего этого обойдутся—трудно сказать, ибо вся задача ихъ—въ составленіи сочиненій по примѣрамъ тѣхъ великихъ популяризаторовъ, которые специально завѣдуютъ послѣдними словами науки, иногда не зная сами только ни первыхъ, ни десятыхъ ея словъ. Но кто пишетъ «анализировать» и «соціальный» гораздо менѣе портитъ русскій языкъ, чѣмъ тотъ, кто употребляетъ «обязательно», вмѣсто «непремѣнно», «сейчасъ» вмѣсто «теперь», «очистка нечистотъ» и т. п. А къ сожалѣнію, журналистовъ, которые-бы соблюдали чистоту въ собственномъ писаніи уже почти нѣтъ. Газетчикъ привилъ порчу языка и литературѣ.

Я не спору, часто иностранныя слова употребляются безъ нужды и неправильно. Но это не такія, какъ «анализировать» или «соціальный». а въ такомъ родѣ: послышалась «нецензурная» брань, онъ вынесъ «массу» впечатлѣній. Затѣмъ, употребляются и такія иностранныя слова, которыя вовсе не существуютъ въ томъ языкѣ, откуда они будто-бы заимствованы. Таково слово «интеллигентъ». Мензелнскій корреспондентъ, у котораго я заимствую упоминаемый ниже рассказъ объ образованной казенной кабатчицѣ, называетъ еѣ «интеллигентомъ». Да это слово вообще уже нерѣдко встрѣчается въ печати. Между тѣмъ, ни въ латинскомъ, ни въ французскомъ языкахъ нѣтъ такого имени, а есть только прилагательное, которое по-латинѣ значитъ «понимающій». а по-французски «понятливый, способный». По-французски «intelligent» ни въ какомъ случаѣ не значитъ «образованный». А у насъ изъ него сдѣлали даже существительное, означающее именно человѣка образованнаго и преимущественно — получившаго высшее образованіе. Хотя, конечно, если-бы посмотрѣть по дипломамъ, то огромное большинство газетчиковъ, которые ужъ конечно считаютъ себя «интеллигентами», не вошли-бы въ категорію «интеллигенціи», такъ какъ многіе учились или недоучились въ корпусахъ, духовныхъ семинаріяхъ, даже уѣздныхъ училищахъ. Но потомъ, благодаря старательному чтенію ими нашихъ Боклен и Спенсеровъ (изъ коихъ иные также недоучились), они овладѣли «литературнымъ» языкомъ и пошли валять, ничего въ сущности не зная, кромѣ затверженныхъ журнальныхъ статей.

Нѣтъ никакой нужды «очищать» русскій языкъ отъ иностранныхъ словъ; вѣдь научныхъ терминовъ все-равно не изгнать, но надо искоренять излишнее и неправильное употребленіе этихъ словъ. Вѣдь смѣшно же было-бы изобрѣтать новыя словопроизводства для русскаго переименованія картъ, ботинокъ, апельсинъ, билетовъ, марокъ, номеровъ, бланковъ, потъ и т. п. Излишне и неправильно употребляютъ иностранныя слова именно тѣ, кто не знаетъ иностранныхъ языковъ. Малообразованный сочинитель сыплеть иностранными словами потому, что счи-

таетъ это «литературнымъ». Онъ ни за что не напишетъ «число образованныхъ» въ нашей мѣстности, а непременно «контингентъ интеллигентовъ». Особенно «контингентъ» они ужасно любятъ и не дурно-бы изъ этого слова сдѣлать прозваніе для нихъ самихъ. Напр. такъ: «контингентъ, пишущій въ «Тмутараканскомъ Вѣстникѣ», очевидно далеко не — интеллигентъ». Впрочемъ, такихъ «контингентовъ» и въ столичной печати не мало. Такъ, иной пишетъ «контрастируетъ», да еще прибавляетъ «вполнѣ». Ужъ если контрастъ, т.-е. противоположность, то кажется напрасно «вполнѣ». Слова-же «контрастируетъ» вовсе не существуютъ.

Вообще у насъ стали писать неряшливо и неправильно. Просмотрите нѣкоторые спеціальныя курсы и военныя сочиненія и вы увидите цѣлый лѣсъ «солецизмовъ». Послѣдній терминъ у насъ не употребителенъ, а жалъ, такъ какъ прегрѣшенія противъ синтаксиса въ нашемъ печатномъ языкѣ столь же нерѣдки, какъ и «варваризмы», то-есть употребленіе словъ въ несвойственномъ имъ значеніи или въ неправильныхъ сочетаніяхъ. Что касается собственно словъ иностранныхъ, то если бы они употреблялись только тѣми, кто владѣетъ языками, изъ которыхъ они берутся, тогда, во-первыхъ, они приводились бы правильно, а во-вторыхъ, самое употребленіе ихъ сократилось бы на половину, именно на ту половину, въ которой они приводятся изъ хвастовства и желанія блеснуть «литературностью».

Пусть кружокъ любителей объявить войну невѣжественному употребленію словъ иностранныхъ и искаженію смысла словъ русскихъ, а не научнымъ терминамъ, взятымъ съ иностраннаго. Если остается слово химія, то какъ же не остался бы анализъ? Неразборчивая борьба противъ всякихъ иностранныхъ словъ всегда ведетъ къ смѣшному. Такъ прусскій главный директоръ почтъ Стефанъ, подъ вліяніемъ національной сѣси, вызванной побѣдами, замѣнилъ слова «poste-restante» никому вначалѣ непонятнымъ выраженіемъ «postlagernd». Надѣюсь, что кружокъ любителей русскаго слова не пойдетъ по слѣдамъ Шишкова. Совершенно напрасно было бы замѣнять калоши «мокроступами», пальто — балахономъ, солдата — воиномъ, генерала — воеводой, камеръ-юнкера — рындой, оперу — пѣснопѣіемъ, редакцію — сочинительской управой и тому подобное. Кстати, попеченія о чистотѣ русскаго языка съ пользою могли бы распространиться на злополучную русскую орфографію, которой законы диктуются «измѣнчивою модой», почти такъ же неустойчиво, какъ медицинскія средства. Въ послѣднее двадцатилѣтіе дважды и трижды измѣнялись правила о томъ, какъ писать: лекаръ или лѣкаръ, втеченіи или въ теченіе и т. п.

Замѣчательно отозвался недавно о назначеніи печати новыи католикосъ всѣхъ армянь. Выписываю нѣсколько словъ изъ этого отзыва, переданнаго «Прлазовскимъ Краемъ». «Разумно направленное, проникнутое духомъ истиннаго христіанства печатное слово имѣетъ полную воз-

возможность приносить огромную пользу людямъ, просвѣщать общественное самосознаніе, распространять идеи прогресса, вносить свѣтъ науки и знанія во все сферы жизни, вѣдрять сѣмена добра, мира и братской любви въ человѣческихъ сердцахъ. Въ этомъ смыслѣ пресса, безъ сомнѣнія—сила созидательная, благотворная и священной обязанности тѣхъ лицъ, которыя въ ней подвизаются...» Вотъ что говорилъ членамъ редакціи ростовской газеты армянскій патриархъ. Въ томъ же смыслѣ, какъ армянскій католикосъ, отозвался о назначеніи печати православный священникъ въ Самарѣ, послѣ молебна по случаю 20-ти лѣтняго юбилея «Самарск. Вѣстника»: «истинное назначеніе печати вообще и мѣстной въ частности—говорилъ онъ—служить истинѣ и добру, безъ примѣси какихъ-либо своекорыстныхъ побужденій. Истинный дѣлатель служить самому принципу, извѣстной высокой мысли, а не стороннимъ побужденіямъ, тѣмъ менѣе—какого-либо низменнаго свойства». Жаль, что у насъ далеко не все ставятъ такъ высоко призваніе печати. Да и въ средѣ ея самой иными назначеніе печати понимается не въ смыслѣ «вѣдренія сѣмянъ добра», какъ говоритъ католикосъ, а скорѣе такъ, какъ Петръ I опредѣлялъ дѣятельность полиціи, именно, что она «всякіе беспорядки отгоняетъ». Въмѣсто «распространенія идей прогресса, началъ мира и братской любви», нѣкоторые органы избрали себѣ прямой задачей именно отрицаніе всякаго общественнаго прогресса, усиленное сѣяніе тревоги, злобы и ненависти.

Какъ различно можно понимать одни и тѣ же слова—доказывается сѣтованіями «Южнаго Края» на «нетерпимость», которая будто бы особенно свойственна нашей либеральной печати. Объ этомъ харьковская газета говоритъ довольно пространно и затѣмъ, въ видѣ «очень не дурной иллюстраціи ко всему сказанному», приводитъ разсказъ сотрудника «Моск. Вѣдомостей» г. Тихомірова о томъ, какъ онъ не былъ принятъ въ члены московскаго отдѣленія литературной кассы взаимопомощи. Я этого дѣла не знаю и буду говорить о тѣхъ общихъ разсужденіяхъ, къ которымъ случай съ г. Тихоміровымъ былъ присоединенъ въ видѣ иллюстраціи. О самомъ же случаѣ замѣчу только слѣдующее. Пусть въ забаллотированіи г. Тихомірова проявилась нетерпимость. Но когда г. Тихоміровъ, сотрудникъ «Моск. Вѣд.», говоритъ по этому поводу объ «узкой партійности нашихъ либеральныхъ журналистовъ, которые въ этомъ гораздо непримиримѣе самыхъ рѣзкихъ консерваторовъ», то онъ, очевидно, забываетъ о всей дѣятельности «Моск. Вѣд.», какъ при прежней, такъ и при нынѣшней редакціяхъ. Если не принять литератора въ общество значитъ выказывать нетерпимость, то какъ же назвать усиленное требованіе консервативною газетою мѣропріятій противъ того или другаго литературнаго изданія? Неужели въ забаллотированіи проявилась гораздо большая «непримиримость», чѣмъ въ цѣломъ рядѣ указаній въ печати на вредность самаго существованія той или другой газеты? Напомню о походахъ прежнихъ «Моск. Вѣд.» противъ «Голоса», «С.-Петербур. Вѣд.» Корни и многихъ другихъ изданій.

Это обстоятельство даетъ отвѣтъ и на общія сѣтованія «Южнаго Края». Харьковская газета упрекаетъ либераловъ въ «глубокомъ убѣжденіи, что несогласно съ ними мыслящіе по меньшей мѣрѣ не заслуживаютъ никакого уваженія», «что каждый порядочный человѣкъ долженъ придерживаться ихъ узенькихъ доктринъ». Въ назиданіе нашимъ либераламъ, газета указываетъ, что «на Западѣ люди, стоящіе подъ взаимно-исключающими знаменами, умѣютъ съ уваженіемъ относиться одинъ къ другому» и приводитъ намъ въ примѣръ Гладстона и Дизраэли. Но я не помню, чтобы хотя-бы и наши либералы признавали Дизраэля человѣкомъ незаслуживавшимъ уваженія. Развѣ-же онъ когда-либо, въ качествѣ журналиста или въ званіи члена палаты общинъ, не говорю уже добивался, но хотя-бы только желалъ, чтобы «Daily News», «Daily Telegraph» и проч. газеты не симпатичнаго ему лагеря прекратили свое существованіе и чтобы остались только консервативныя «Standard» и «Pall Mall?» Примѣръ Гладстона и Дизраэли въ данномъ случаѣ совѣтъ некстати. Нашимъ либераламъ—по крайней мѣрѣ въ выраженіи положительной программы—далеко до Гладстона. Но еще безъ всякаго сравненія дальше отъ Дизраэли до наушниковъ, крѣпостниковъ и проповѣдниковъ народной порки. Да, вотъ какъ различно можно понимать одно и то же слово. Не принять литератора въ члены кассы это нетерпимость. А систематически призывать бѣды на литературныя изданія, кляузничая на нихъ, травить цѣлмя корпораціи, обвиняя ихъ въ неблагонамѣренности, при каждомъ случаѣ доказывать необходимость неравноправности инородцевъ, перетолковывая каждое слово и движеніе каждаго изъ нихъ, какъ явное посягательство на государство, все это—не нетерпимость. Должно быть, по мнѣнію «Южнаго Края», «Моск. Вѣд.» и проч. такова именно и есть «истинная терпимость», какъ и «истинная свобода», и таковы какъ разъ тѣ приемы, которые даютъ наиболѣе правъ на уваженіе, подобное тому, какое чувствовали Дизраэли къ Гладстону, а Гладстонъ къ Дизраэли. Взглядъ во всякомъ случаѣ самобытный, истекающій изъ гордаго пренебреженія къ тому, какъ думаютъ всѣ на свѣтѣ. и въ томъ числѣ почти все русское общество.

Примѣровъ такой «истинной терпимости» можно приводить хоть по десяти въ день, такъ-какъ нѣкоторыя газеты служатъ спеціальными органами терпимости этого рода. Да вотъ въ Москвѣ стала выходить съ января при редакціи «Русскаго Обзоренія» газета «Русское Слово». Она стоитъ съ доставкой 5 рублей и, конечно, отъ дешевки нельзя требовать высокаго достоинства. Но напрасно дешевая консервативная газета усвоила себѣ названіе журнала, которому принадлежитъ видное мѣсто въ исторіи литературы. Вѣдь «Свѣтъ» не назвался-же «Современникомъ», а «Московский Листокъ»—«Москвитяниномъ». И новая московская газета сдѣлала-бы лучше, если бы назвалась иначе. А то въ Москвѣ выходятъ теперь «Русская Мысль» и—«Русское Слово», которое не что иное, какъ дешевый снимокъ съ «Московскихъ Вѣдомостей».

Выходитъ какъ-будто русское слово чуждо русской мысли, будто русская мысль можетъ быть выражена не чаще 12 разъ въ году, а 360 разъ болтается дешевое во всѣхъ отношеніяхъ русское слово.

Но я хотѣлъ привести образчикъ «истинной терниности». Въ одномъ и томъ-же номерѣ «Русск. Слова» нахожу ихъ два. Одинъ—перепечатка мнимо-патріотическаго приговора «Моск. Вѣд.» надъ разрѣшеніемъ телеграфнаго вѣдомства «въ предѣлахъ Царства Польскаго принимать депеши на польскомъ языкѣ при сношеніяхъ внутри Царства Польскаго и съ Петербургомъ». «Моск. Вѣд.», конечно, осуждаютъ это, такъ-какъ въ Царствѣ будто-бы «каждый ремесленникъ, каждый рабочій, даже всѣ извозчики говорятъ по-русски», что довольно сомнительно. Газета предвидитъ теперь бѣды: «не есть-ли это шагъ назадъ для интересовъ русскаго дѣла въ Привислянскомъ краѣ?—вопрошаетъ она.—Вѣдь грузины съ Кавказа и эсты и латыши изъ Курляндіи не посылаютъ депешъ въ Петербургъ по-грузински, по-эстонски и латышски, а телеграфируютъ по-русски. Отчего-же для поляковъ такое исключеніе, почему-же имъ давать почву для сепаратизма?» Хороша «почва для сепаратизма»—въ томъ, что полякъ поздравитъ поляка съ праздникомъ по телеграфу по-польски, какъ можетъ это сдѣлать по телефону или письмомъ, которое перешлетъ тоже почтово-телеграфное управленіе. А «Русск. Слово» сопровождаетъ перепечатку многосодержательнымъ собственнымъ мнѣніемъ: «все это дѣйствительно способно вызвать только недоумѣніе!..» Но дѣло въ томъ, что какъ «Рус. Слово», такъ и «Моск. Вѣдомости» въ данномъ случаѣ сами проявили сплошное недоумѣніе. Никакого новаго разрѣшенія относительно подачи телеграммъ на польскомъ языкѣ въ предѣлахъ Царства и въ Петербургъ не требовалось просто по той причинѣ, что во всей имперіи, безъ исключенія какой-либо мѣстности, принимаются телеграммы на какомъ-бы то ни было языкѣ, если только онѣ написаны алфавитами русскимъ, латинскимъ или нѣмецкимъ (готическимъ). Допросные пункты «Моск. Вѣдомостей»—почему грузины съ Кавказа и эсты изъ Курляндіи не телеграфируютъ по-грузински и эстонски, лишены смысла, такъ-какъ грузины употребляютъ особый алфавитъ, для котораго нѣтъ телеграфическихъ знаковъ, а эсты не телеграфируютъ «изъ Курляндіи» потому, что эстовъ нѣтъ въ Курляндіи. Но и эсты и латыши, тамъ гдѣ они живутъ, невозбранно телеграфируютъ на своихъ языкахъ, притомъ не только въ Петербургъ, но хотя-бы и въ Иркутскъ. То же самое могутъ дѣлать и грузины, если только будутъ писать грузинскія слова такимъ алфавитомъ, для котораго есть соотвѣтственные знаки въ нашемъ телеграфномъ ключѣ. Неправда, будто эсты и латыши телеграфируютъ только по-русски. Да и почему-же «Моск. Вѣд.», донося, будто для однихъ поляковъ «сдѣлано исключеніе», упомянули о грузинахъ, эстахъ и латышахъ, но не упомянули о балтійскихъ нѣмцахъ и о финнахъ? Потому, что это обнаруживало-бы нелѣпность всей придири, такъ-какъ «Моск. Вѣд.» отлично знаютъ, что нѣмцы и финны

телеграфируютъ на своихъ языкахъ. Такое намѣренное умолчаніе однихъ фактовъ и измышленіе фактовъ несуществующихъ издавна составляютъ всю силу аргументаціи большой и дорогой московской газеты. И такъ, если съ самаго начала дѣятельности нашихъ телеграфовъ, свободно телеграфировали на своихъ языкахъ нѣмцы, финны, латыши, эсты и поляки, то—повторю теперь вопросъ, поставленный «Московск. Вѣдомостями»:—отчего-же впредь для однихъ поляковъ было-бы установлено исключеніе изъ общаго, вполне благоразумнаго и совершенно безвреднаго права?

Отъ крупныхъ и дорогихъ надзирателей надъ «интригами» перехожу къ мелкимъ и дешевымъ. «Русское Слово» видитъ ужасное преступленіе въ томъ, что авторъ музыкальной рецензій въ «Gazeta Polska» выразилъ удивленіе, почему въ одномъ концертѣ варшавскаго музыкальнаго института, о какой-то перемѣнѣ въ программѣ было сообщено публикѣ распорядителемъ по-русски. Положимъ, это—пустякъ, о которомъ не стоило писать. Но развѣ высказать удивленіе, что извѣщеніе было сдѣлано не какъ всегда по-польски, а по-русски, въ самомъ дѣлѣ составляло «преступленіе»? Между тѣмъ, корреспондентъ газетки прямо бьетъ на то, что это представляло будто-бы «пробу почвы» со стороны «патріотовъ» и что отчетъ о концертѣ былъ помѣщенъ «въ музыкальномъ отдѣлѣ, съ вѣрнымъ расчетомъ»... Но въ какомъ-же отдѣлѣ было помѣстить отчетъ о концертѣ—въ отдѣлѣ японско-китайской войны, что-ли? И вотъ такой радѣтель «истинной терпимости» еще воображаетъ, что выставленный имъ жалкій крючекъ составляетъ великую патріотическую заслугу. «Наша доброта—пишетъ онъ—излишняя и ложная щепетильность, а часто и безхарактерность, а всего болѣе боязнь, что скажутъ о насъ. не назвали-бы «варварами» болѣе всего вредятъ дѣлу, на правильную постановку котораго» и т. д. Такой господинъ говоритъ объ «излишней щепетильности»! Пора, наконецъ, очищать печать отъ прискорбныхъ уклоненій нѣкоторыхъ ея органовъ съ одной стороны—въ «распивочность», а съ другой—въ лживое крючкотворство. Здѣсь отмѣчу довольно рѣдко встрѣчающійся въ нашей печати примѣръ отношенія къ противнику, который лишень возможности возражать на предъявляемые ему упреки или обвиненія. Въ «Саратовскомъ Листкѣ» читаю: «хотя «Саратовскій Дневникъ» не можетъ похвастаться особымъ расположеніемъ къ нашей газетѣ... тѣмъ не менѣе, мы не можемъ не высказать своего сожалѣнія «Сарат. Дневнику». Читатели нашей газеты уже знаютъ, что «Сарат. Дневникъ» приостановленъ на четыре мѣсяца... Теперь не время вести споры, да г. М. О. и лишень возможности отвѣчать въ своей подвергшейся запрещенію газетѣ».

Выше говорилось о представляющейся необходимости замѣтывать слова изъ иностраннаго языка, несмотря на богатство русскаго. Это можно пояснить и на людяхъ. Намъ необходимо было выискивать ученыхъ иностранцевъ по разнымъ специальностямъ, хотя свои умные люди

всегда были. И выписывать приходилось не однихъ ученыхъ. Недавно въ Самарѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, показались чернорабочіе итальянцы. Ихъ выписали на постройки при сибирской желѣзной дорогѣ. «Итальянцы—говоритъ «Сам. В.»—считаются добросовѣтѣйшими рабочими, которые не пойдутъ на сдѣлку съ инженерами и плохой камень употреблять на такія капитальныя работы, какъ облицовка устоевъ желѣзнодорожныхъ мостовъ, они не станутъ». Итальянскіе рабочіе отправляются для постройки мостовъ чрезъ Иртышъ, Тоболъ и другія рѣки.

Но быть можетъ именно потому, что намъ у иностранцевъ пришлось учиться, у насъ доселѣ, особенно въ нѣкоторыхъ сословіяхъ, держится несомнѣнно непріязненное къ нимъ чувство. Въ прошломъ мѣсяцѣ Одессу посѣтилъ извѣстный пѣвецъ Мазини. И вотъ, въ одной телеграммѣ явился такой отзывъ, что на данномъ имъ концертѣ онъ былъ принятъ недружелюбно и не имѣлъ успѣха. «Од. Листокъ» и «Новоросс. Телеграфъ» рѣшительно опровергли это извѣстіе, утверждая, что успѣхъ былъ огромный, при чемъ «Новоросс. Телеграфъ» даже высказалъ слѣдующее курьезное ожиданіе: «эта выходка (телеграмма) просто безобразна и можно выразить надежду, что полиція разслѣдуетъ эту недостойную мистификацію и это возмутительное злоупотребленіе печатнымъ словомъ для распространенія завѣдомой неправды, дабы на будущее время не повторялся такой шантажъ». Сейчасъ ужъ и «полиція». Да развѣ у насъ не злоупотребляютъ гораздо хуже «печатнымъ словомъ»? Но любопытнѣйшій фактъ и этотъ фактъ вовсе не является единичнымъ.

Итальянскіе пѣвцы имѣютъ у насъ многочисленныхъ и горячихъ поклонниковъ и поклонницъ. Но и въ петербургскихъ газетахъ вовсе не рѣдкость встрѣтить проявленіе какой-то не то досады, не то зависти по поводу совершенно естественнаго большого успѣха того или другого необыкновеннаго иностраннаго артиста, а хотя-бы даже и крайнихъ, но совсѣмъ невинныхъ увлеченій его талантомъ. «Мазинистки—психопатки» это выраженіе установлено газетными репортерами, которые къ «мазинисткамъ» относятся съ особой ненавистью. А тѣ консерваторки, которыя цѣловали руки Рубинштейну и называли его «богомъ»—не психопатки? Пѣтъ, какъ можно: то поклонницы великаго артиста. Но почему-же не признавать великимъ артистомъ итальянскаго пѣвца, какъ и русскаго пианиста? Оттого только, что онъ иностранецъ, что-ли? Или мнѣ скажутъ, что самыя заявленія восторга пѣвцамъ, эти крики, цѣлты, эти ожиданія у театральнаго подъѣзда—слишкомъ неумѣренны. Но это всего менѣе ктати говорить у насъ, гдѣ людей, въ знакъ уваженія къ нимъ и удивленія, принято даже бросать по нѣсколько разъ на воздухъ и ловить на руки. Недавно въ Петербургѣ по случаю юбилея любимаго профессора, его торжественно несли на рукахъ изъ одного зданія въ другое. Никакой психопатіи и въ такихъ крайнихъ, но невинныхъ и даже симпатичныхъ увлеченіяхъ молодежи я не вижу. Ужъ конечно они лучше

того азарта, съ какимъ всё газеты порою бросаются на кого-нибудь, отданнаго имъ на съдѣніе, забѣгая впередъ и отличаясь одна передъ другой. И симпатичнѣе той назойливости, съ какой репортеры лѣзутъ «интервьюировать» какую-нибудь извѣстность.

«Вотъ,—пишутъ часто, денегъ нѣтъ, а на итальянскую оперу ихъ всегда хватитъ»... Это—обычный мотивъ газетъ и столичныхъ, и провинціальныхъ. Но вѣдь расходятся-же въ большомъ числѣ рояли, которымъ цѣна 1000 рублей; неудивительно, что и за абонементъ въ театрѣ платятъ по 100 рублей. Вѣдь платили-же 100 рублей за абонементъ на курсъ Рубинштейна по исторіи музыки, сопровождавшійся исполненіемъ пьесъ. Конечно, если разсуждать, какъ недавно «Новое Время», что было-бы лучше деньги, употребляемыя на вѣнки покойникамъ, раздавать бѣднымъ, ибо покойники не нуждаются въ вѣнкахъ, тогда очень многое можно признать излишнимъ. Но спрашивается, въ самомъ-ли дѣлѣ деньги, «береженныя на отказѣ отъ покупки вѣнка покойнику-ли или артисту, непременно пошли-бы на дѣло скрытаго благотворенія? А издержать деньги на вѣнокъ все-таки благороднѣе, чѣмъ пропить ихъ или купить себѣ лишнюю тряпку. Вѣдь большинство тѣхъ, кого газеты называютъ психопатками не только отказывали себѣ въ иномъ удовольствіи, но даже переносили прямые лишенія, для того, чтобы послушать того-то, или ту въ такой-то роли, да еще въ другой, да въ третьей. Если человѣкъ недостаточный откажетъ себѣ въ обѣдѣ, чтобы имѣть возможность слушать пьесу въ превосходномъ исполненіи, то въ этомъ рѣшительно нѣтъ «психопатіи». Наоборотъ, плоха та молодежь, которая не такова и шаркастый галстукъ предпочитаетъ участію въ вѣнкѣ. Нѣтъ спора, благотворительность дѣло священное. Но благотворительность выиграла-бы гораздо больше отъ добровольнаго налога съ газетныхъ объявленій въ ея пользу, чѣмъ отъ газетныхъ совѣтовъ не подносятъ вѣнковъ покойникамъ, ни артистамъ. Въ этой неприязни къ иностраннымъ пѣвцамъ, къ вѣнкамъ и цвѣтамъ, какъ хотите, отзывается нѣчто бурсацкое.

Въ Одессѣ были въ мартѣ двѣ выставки. Мѣстное отдѣленіе технического общества устроило выставку техники военной: всякаго рода оружія, дровяно и современнаго, электрическихъ приборовъ для военныхъ цѣлей, моделей бараконъ, полевыхъ защитъ, шатровъ, палатокъ и т. п. На ряду съ этими образцами усовершенствованной «техники» истребленія, находились образцы оружія полудикихъ народовъ и богато украшеннаго стараго ручнаго оружія, съ дорогими камнями, артистической рѣзбой. Другая выставка была мирная, художественная—эскизовъ, этюдовъ и набросковъ южно-русскихъ художниковъ. Противъ своего обыкновенія, одесскія газеты не особенно возгордились такимъ свидѣтельствомъ о величіи «южной Пальмиры», какъ двѣ одновременныя выставки. Правда, въ «Новоросс. Телеграфѣ» было сказано: «Южно-русское искусство! Эге, значить, и мы южане не лыкомъ шиты! Цѣлая выставка твореній южанъ и только южанъ... Почему-бы намъ не создать собственной

Италіи? И гдѣ эта Италія болѣе у мѣста, чѣмъ здѣсь на югѣ, въ южной Пальмирѣ» и т. д., послѣ чего слѣдовали два десятка стиховъ совершенно лишенныхъ размѣра. Но, затѣмъ, сотрудникъ «Н. Т.» объявлялъ нѣчто неожиданное, именно, что «каждая южная выставка оставляетъ въ немъ какой-то крайне непріятный осадокъ, а послѣдняя выставка его совсѣмъ огорошила». Вотъ поймите-же неожиданности мѣстнаго патриотизма. То онъ съ гордостью указываетъ вамъ на тощія акаціи и на столики, которые стоятъ передъ кондитерской «совсѣмъ какъ за границей», то вдругъ всѣ выставки южныхъ художниковъ оставляютъ въ немъ непріятный осадокъ. Быть можетъ, нынѣшняя оказалась плохой, но почему же всѣ? И если всѣ, то, очевидно, излишне мечтать о «собственной Италіи».

Затѣмъ, вотъ отзывъ того-же рецензента о произведеніяхъ, выставленныхъ художниками на этотъ разъ: «ихъ работы и стары, и некрасивы, и неблагородны, и тягучи и, главное, безтолковы, безсодержательны». Что-же дѣлать, если выставленные работы были нехороши; мнѣ приходится вѣрить на слово. Но судья мнѣ не кажется достаточно компетентнымъ. Въ работахъ южно-русскихъ художниковъ онъ видитъ «какое-то метаніе изъ стороны въ сторону, какое-то блужданіе, безъ всякой руководящей мысли, безъ всякаго сознанія *цѣли*». Оговорившись, что онъ «не сторонникъ тенденціозности въ искусствѣ», и признавая за южными художниками «сносный глазъ и нѣсколько выработанную руку», авторъ тѣмъ не менѣе находитъ, что у нихъ «нѣтъ самаго существеннаго—нѣтъ развитой, интеллигентной мысли... Мысль атрофирована не только у южанъ, она покинула всѣхъ нашихъ художниковъ... Всѣ они «кинулись въ море чистаго некуства, чистаго отъ всякой человѣческой мысли и стали писать бабъ, моющихъ печь».

Очевидно, и въ стихотворномъ искусствѣ авторъ придерживается тѣхъ-же антипатій къ «безсодержательности» и «чистотѣ отъ всякой человѣческой мысли». Какой горькой ироніей звучатъ его собственные стихи: «мы въ споры съ думой не вступаемъ—водопроводный нашъ вопросъ—мы не толкуемъ вкривь и вкосъ.—Нашъ міръ фантазія, не болѣ—и даже на ржаное поле—какъ на ненужный смотримъ винегретъ—такъ вотъ-съ, любуйтесь люди прозы—что значить современнѣйшій поэтъ». Хотя здѣсь нѣтъ «чистоты отъ всякой человѣческой мысли», ибо ясно выражены упрекъ, зачѣмъ «современнѣйшая» поэзія не занимается водопроводнымъ вопросомъ и не вступаетъ въ споры съ городской думой, однако всякъ скорѣе признаетъ художественнымъ произведеніемъ даже бабъ, моющихъ печь, если онѣ написаны по-человѣчески, чѣмъ лубочные стихи, содержащія человѣческія мысли о водопроводѣ и о томъ, что ржаное поле и винегретъ—двѣ вещи разныя.

Не довѣряя такому критику искусства, я обратился къ другому—къ сотруднику «Одесскаго Листка». Тотъ описываетъ этюды такъ: «оранжевый мальчикъ за голубымъ столомъ сидитъ при свѣтѣ розовой лампы,

разливающей коричневый свѣтъ, и читаетъ голубую книгу». Специальность одного художника авторъ опредѣляетъ такъ: «жанръ, которому не хватаетъ юмора». Но у этого критика, по крайней мѣрѣ, есть у самого то, въ отсутствіи чего онъ упрекаетъ художника, а именно нѣкоторый юморъ. Вотъ его отзывъ о другомъ этюдѣ: «по Черному морю плыветъ черный корабль подъ чернильнымъ дождемъ. Воображаемъ, какъ-бы онъ (художникъ) написалъ, напримѣръ, битву негровъ въ темную ночь». Но этотъ-же фельетонистъ «Одесскаго Листка» о нѣкоторыхъ изъ бывшихъ на выставкѣ произведеніяхъ отзывається, какъ о хорошихъ картинахъ, даже какъ о «настоящихъ стихотвореніяхъ въ краскахъ». Стало быть, несомнѣно ужъ такъ плоха была одесская выставка, какъ о ней отзывался авторъ стихотворенія безъ красокъ, но съ водопроводомъ и винегретомъ.

Нижній занятъ приготовленіями къ всероссійской выставкѣ будущаго года. Вокзалъ желѣзной дороги будетъ расширенъ, вблизи самой выставки будетъ построена крытая платформа и при ней ресторанъ, выстроится два каменные зданія для квартиръ служащимъ при дорогѣ, но эти зданія будутъ сперва приспособлены, на время выставки, подъ гостиницы съ болѣе 200 комнатъ въ обѣихъ вмѣстѣ. Гостиницы эти будутъ отданы особымъ предпринимателямъ, но съ установленіемъ средней цѣны за номеръ—въ 4 рубля въ день, при чемъ только 22% изъ этой платы пойдутъ въ пользу содержателей, а остальная часть—въ возмѣщеніе затратъ казны на постройку. Къ нынѣшней ярмаркѣ будетъ готовъ бѣговой ипподромъ, который уже строится. Таковы извѣстія «Нижегор. Листка».

Введеніе казенной продажи водки—какъ сообщаетъ «Самар. Газ.»—отразилось въ селѣ Балаковѣ настоящимъ бѣдствіемъ: на мельницѣ не достало водки! Замѣчательное это село выпиваетъ въ годъ болѣе 100 тысячъ ведеръ водки и въ немъ прежде было двѣнадцать винныхъ складовъ, вмѣсто которыхъ открылся одинъ казенный. «Балаковцы бѣдствовали»... Они ожидали, что казенный складъ «хотя и одинъ, но такой, который-бы могъ замѣнить собой всѣ упраздненные склады—и ошиблись въ ожиданіи». Открытый складъ таковъ, что отпускаетъ всего по 100 ведеръ въ день, т. е. 3 тысячи въ мѣсяць, а по расчету газеты, балаковцамъ необходимо по 10 тысячъ ведеръ въ мѣсяць. Природа, какъ извѣстно, имѣетъ *hottogem vacui* (не допускаетъ пустоты). И у балаковцевъ такая природа, по спиртной части. Надъ физической природой еще можно сдѣлать такое насиліе, при помощи особыхъ приспособленій, что въ лонѣ океана будетъ безводное пространство, напримѣръ, въ закупоренной пустой бутылкѣ. Но гораздо труднѣе сдѣлать нѣчто подобное съ природой нравственной. Гдѣ водки нѣтъ, туда она безусловно проникаетъ, какія-бы ни были положены преграды. Она проникаетъ въ тюрьмы и больницы, какъ-же ей было не проникнуть въ село Балаково. Особенно на масленицѣ, возможно-ли было даже допустить мысль о закупоренной пустой бутылкѣ? «Потребность въ винѣ настолько велика, — писалъ корреспондентъ, — что нѣкоторые не страшатся наказанія... Бла-

годаря отсутствію надзора, вино изъ Саратовской губерніи идетъ бойко». Идетъ, наиримѣръ, такимъ образомъ: въ бочку изъ-подъ смолы вставляется боченокъ съ водкой и проѣзжаетъ въ видѣ смолы. Еще-бы; водка проѣдетъ, пройдетъ туда, куда вода не просочится, не проникнуть ни воздухъ, ни свѣтъ. Едва-ли есть на свѣтѣ сила большая, чѣмъ горяго вазіи въ желудкахъ, привыкшихъ къ водкѣ.

Естественно, что съ установленіемъ казенной продажи вина въ однихъ губерніяхъ должна была появиться контрабанда изъ другихъ губерній въ смежные съ послѣдними уѣзды тѣхъ губерній, гдѣ введена монополія. Во-первыхъ, потребителямъ нужно было нѣкоторое время, чтобы привыкнуть къ казенному вину; нные тосковали по прежнемъ. Изъ Мензелинска пишутъ «Самарской Газетѣ», что «деревенскій потребитель водкой новой моды оставался очень недоволенъ. «Нешто это водка!—восклицаетъ онъ съ презрѣніемъ. — Дуешь ее, какъ воду, проснешься на другой день и никакого похмѣлья званья нѣтъ. Нѣтъ, какая нынче водка—говорили мужики.—Бывало, когда мы еще молоды были, какъ дернешь «дворянской», такъ сразу глаза и вылушишь». Стали-было покупать водку въ складчину въ сосѣднемъ уѣздѣ Вятской губерніи. Но затѣмъ, по словамъ корреспондента, вскорѣ перестали жаловаться на казенную водку и о контрабандѣ не стало слышно.

Но отчего-же въ сосѣднихъ уѣздахъ губерній съ вольной продажей водка могла быть дешевле казенной и болѣе ея нравиться крестьянамъ? Объясненіе тому даетъ другой мѣстный органъ—«Самарскій Вѣстникъ», указывая на умноженіе кабаковъ и пьянства въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, смежныхъ съ райономъ монополіи. Прежніе частные монополисты должны были перенести свою дѣятельность за этотъ районъ и тамъ вступали въ борьбу другъ съ другомъ. Такъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ западной Сибири цѣна водки упала теперь до 4 р. за ведро; «народъ напалъ съ жадностью на дешевку и пропиваетъ свои гроши». При борьбѣ между крупными заводчиками, мелкіе, которые прежде получали отъ первыхъ отступное и бездѣйствовали, стали выкуривать вино. «Отсюда—заключаетъ «Сам. Вѣстн.»—выводъ пока только тотъ, что существованіе боко-о-бокъ монополіи съ свободной продажей вина неудобно». Но дѣло въ томъ, что въ тѣхъ восточныхъ губерніяхъ, гдѣ теперь введена казенная продажа, прежде дѣйствовала частная монополія. Если теперь монополисты, перенеся свои дѣйствія на ближайшія губерніи съ свободной продажей, вступаютъ тамъ въ борьбу одинъ съ другимъ, то это показываетъ, что частная монополія тамъ не устанавливается вновь или разрушается, если была прежде. Конкурирующіе заводчики не могутъ долго продавать водку въ убытокъ, и когда цѣны ея станутъ нормальными, то нѣтъ причины, чтобы онѣ были непремѣнно ниже, чѣмъ цѣны казенныя въ сосѣднихъ губерніяхъ. Казна, которая не гонится за непомѣрными барышами, должна держать цѣны ниже нормальныхъ частныхъ и давать вино лучшаго качества.

Но въ вопросѣ о казенной монополіи есть еще другая сторона. При ней отпадаетъ право сельскихъ обществъ разрѣшать или не разрѣшать открытіе на ихъ землѣхъ питейныхъ заведеній, а за такое разрѣшеніе общества получали значительныя, говоря относительно, деньги. изъ которыхъ иногда составлялась даже главная часть мірскихъ средствъ. А сколько можно выручить питейнаго дохода съ села или деревни? Чтобы составить себѣ понятіе объ этомъ, справимся съ интересною таблицей, которая дана «Сибирскимъ Вѣстникомъ». Это таблица селеній Війскаго уѣзда Томской губерніи, въ которыхъ въ 1893 году были общественныя питейныя заведенія, съ показаніемъ противъ названія каждаго села или деревни точной цифры чистой прибыли въ рубляхъ и даже копѣйкахъ. Всего было 70 общественныхъ заведеній, которыя дали въ годъ чистой прибыли 58,869 рублей, значить, въ среднемъ 841 р. Но есть такія, которыя даютъ гораздо больше. Такъ ренсковой погребъ въ селѣ Змѣиногорскомъ далъ чистой прибыли 3,417 р., а въ томъ-же селѣ находилось еще питейное заведеніе, которое дало прибыли 2,197 р. Вообще въ 4 селахъ и даже въ одной деревнѣ чистая годовая выручка съ питей превышала 2,000 рублей.

При этомъ надо имѣть въ виду, что доходъ частныхъ кабатчиковъ долженъ быть гораздо значительнѣе, чѣмъ питейныхъ мѣстъ общественныхъ, такъ какъ въ послѣднихъ надо нанимать сидѣльцевъ, при чемъ бываютъ и растраты ими части выручки, наконецъ, въ общественныхъ заведеніяхъ, по всей вѣроятности, и цѣны ниже. Частные-же кабатчики, сверхъ того, прибѣгаютъ къ злоупотребленіямъ. Въ селѣ Змѣиногорскомъ, до открытія общественного заведенія, общество получало отъ частныхъ кабатчиковъ по 2—3 т. р. за разрѣшеніе, и кстати замѣтить: деньги эти «неизвѣстно куда расходились, но только общество почти ничего не получало». Теперь-же, изъ прибылей общественныхъ заведеній, по словамъ газетъ, сверхъ издержекъ по ихъ содержанію, оплачиваются часть податей за недостаточныхъ, расходы на земскую гоньбу, на поправку мостовъ и дорогъ, на постройку училищъ и содержаніе учителей, на постройку и поправку домовъ приходскихъ священнослужителей, на постройку и ремонтъ церквей, на погребеніе безродныхъ, на содержаніе вдовъ и сиротъ «и многія другія нужды». Короче, изъ питейныхъ денегъ покрывается чуть-ли не весь сельскій бюджетъ. Но чѣмъ-же онъ оплачивается теперь въ селеніяхъ тѣхъ губерній, гдѣ со введеніемъ казенной монополіи, общества ничего уже не получаютъ за разрѣшенія?

Возвращусь еще на минуту къ свѣдѣніямъ «Сам. Газеты» изъ Мензелинска. Какъ я уже передавалъ прежде, по другому источнику, служить въ казенные кабаки пошли, по нуждѣ, и нѣкоторые образованные люди, въ числѣ ихъ даже женщины, но послѣднія убѣдились въ невозможности выдержать обстановку и собирались уйти. Въ Мензелинскѣ оказалось нѣчто совсѣмъ иное: всѣ условія, поставленныя мужикамъ сидѣльцами, выполняются безукоризненно. «Мало того, люди вполне интеллигентные, за-

брошенные судьбою въ сидѣльцы деревенскихъ питейныхъ заведеній, сообщаютъ весьма отрадныя факты». Затѣмъ слѣдуетъ разсказъ объ одной образованной женщинѣ, поступившей на мѣсто сидѣльца, которая пріобрѣла привязанность крестьянъ. Они приходили къ ней бесѣдовать о разныхъ мелочахъ, и узнавъ, что у нея есть хорошія книжки (комитета грамотности и фирмы «Посредникъ»), просили продать имъ, вслѣдствіе же настойчивыхъ просьбъ, «ей пришлось не только продать находившіяся въ рукахъ книжки, но еще и прикупить значительное количество въ городѣ». Затѣмъ крестьяне стали просить «казеннаго сидѣльца» почитать имъ что-нибудь вслухъ.

Перейдемъ теперь къ драмамъ въ обывательской жизни. Условія ея не мѣняются и описывая ее, надо возвращаться все къ тѣмъ-же мотивамъ—борьбѣ изъ за хлѣба, грубымъ обычаямъ, злоупотребленіямъ, жертвами которыхъ дѣлаются лучшіе люди, насиліямъ, горю слабыхъ... Дѣтей учать, что побѣдитель Рима Бреннъ, когда побѣжденные взвѣшивали количество золота, потребованное имъ въ контрибуцію, на чашку вѣсовъ, гдѣ были гири, положилъ еще свой тяжелый мечъ, возгласивъ *vae victis* (горе побѣжденнымъ). А на глазахъ взрослого нынѣ поколѣвія точно такъ-же, какъ нѣкогда гальскій вождь поступилъ съ римлянами, обошелся съ побѣжденными «галлами»—Бисмаркъ. И *vae victis!* онъ произносилъ не разъ, на нѣсколько ладовъ, оправдывая захватъ пяти миллиардовъ золота. Мнѣ думается, что это сходство поразило императора Вильгельма и онъ именно его и выразилъ въ эмблемѣ золотого меча, который онъ поднесъ германскому Бренну. Но не завоеватели только, древніе и новыя, а весь складъ жизни общественной, пока она является неумолимой безпощадной борьбой, постоянно провозглашаетъ этотъ приговоръ: горе побѣжденнымъ, горе слабымъ!

Начну, впрочемъ, съ такого случая, въ которомъ — къ сожалѣнію о «побѣжденномъ» существѣ примѣшивается подозрѣніе, что въ «борьбѣ» было употреблено нечестное средство. Но если такъ, зато это уже была не борьба на жизнь или смерть, а безусловно—на смерть. Въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» нахожу отчетъ о гражданскомъ процессѣ, который заслуживаетъ особаго вниманія. Дѣло недавно рѣшилось въ сенатѣ, но истекло оно изъ несчастнаго случая который произошелъ въ маѣ 1891 г. Виленская мѣщанка Тауба Юнгерманъ ѣхала по желѣзной дорогѣ изъ Вильны въ Ковно. Въ вокзалѣ, въ Вильнѣ, она застраховала свою жизнь у агента общества «Россія» за 10 тысячъ рублей на 24 часа, и получила полисъ, на которомъ рукою агента общества «Россія», по за подписью Т. Юнгерманъ, сдѣлана была такая надпись: «въ случаѣ несчастія, полисъ этотъ принадлежитъ дочери моей Рахили Юнгерманъ», которой этотъ полисъ и былъ переданъ. Кажется, все было въ порядкѣ, если только не допустить, что полисы получаемые страхователями должны неизмѣнно оставаться у нихъ въ карманѣ и въ случаѣ несчастія уничтожаться или теряться. Удостоверено, что пассажирка на поѣздѣ спала

и проснулась только тогда, когда онъ сталъ уже приближаться къ станціи Ковно. Кто-то сказалъ: «пріѣхали»; тогда Юнгерманъ встала, взяла свой узелокъ и вышла на площадку вагона. «Послѣ того она замѣчена была лежащею на рельсахъ съ переломленными ногами». Она могла только объяснить, что «полагала что поѣздъ прібылъ на станцію и хотѣла выйти». Вскорѣ по доставленіи въ госпиталь, она умерла. Дочь ея представила полицію къ уплатѣ, но общество «Россія» отказало. Повѣренный его объяснялъ въ окружномъ судѣ, что общество отвѣчаетъ за несчастія только въ двухъ случаяхъ, а именно, если несчастіе произошло съ самымъ поѣздомъ или случилось съ пассажиромъ на станціи, при входѣ въ вагонъ или выходѣ. Въ данномъ случаѣ жертва вышла изъ вагона въ то время, когда поѣздъ еще шелъ, значитъ паденіе ея представляло или неосторожность, или самоубійство, а въ обихъ этихъ случаяхъ общество не обязано платить. Повѣренный объяснилъ еще, что общество выдаетъ вознагражденіе наслѣдникамъ потерпѣвшаго, между тѣмъ дочь покойной требуетъ его по передаточной надписи, а не какъ наслѣдница. Судъ, палата и сенатъ отказали Рахили Юнгерманъ въ ея жалобѣ, возложивъ на нее до 640 р. судебныхъ издержекъ.

Но на мой взглядъ, общество «Россія» напрасно отказываетъ въ уплатѣ вознагражденія въ случаяхъ, какъ неосторожности, такъ даже и самоубійства. Тотъ, кто передъ отправленіемъ поѣзда подходитъ къ будкѣ общества и беретъ полицію не имѣетъ времени дѣлать справокъ съ уставомъ общества и платить обществу деньги въ полномъ убѣжденіи, что оно уплачиваетъ вознагражденіе безусловно за смерть или увѣче, причиненныя пассажиру поѣздомъ, отъ какихъ-бы причинъ несчастіе ни произошло: отъ столкновенія съ другимъ поѣздомъ, схода съ рельсовъ, пожара, собственной неосторожности или хотя-бы даже наѣреннаго паденія подъ рельсы. Несомнѣнно, что самоубійство съ цѣлью обезпечить свою дочь на счетъ общества—если только оно было въ данномъ случаѣ, что не могло быть доказано—составляло-бы преступное покушеніе на сумму общества, хотя въ то-же время должно-бы назваться пожертвованіемъ жизнью въ пользу дорогого существа. Но вѣдь такія покушенія могутъ представляться лишь весьма рѣдко; общество достаточно ограждено отъ нихъ—смертної казнью, которая фактически грозитъ ихъ виновникамъ. И именно, если Тауба Юнгерманъ, взявъ страховой полицію съ переводомъ на дочь, бросилась съ поѣзда на рельсы, то это доказывало-бы глубокое убѣжденіе ея, что общество вознаграждаетъ за всѣ несчастные случаи, причиненные поѣздомъ. И такого убѣжденія, конечно, держатся почти всѣ тѣ пассажиры, которые платятъ страховую премію. Если-же потомъ общество изворачивается ссыпками на большинству неизвѣстный уставъ, да еще приводитъ такіе юридическіе «крючки», какъ тотъ, что дочь требуетъ вознагражденія не какъ наслѣдница, а какъ владѣлица полиціи по передаточной надписи, хотя и сдѣланной агентомъ самаго-же общества, то это должно подрывать охоту публики страховаться

въ немъ. Въ данномъ случаѣ, оно оспорило искъ по такимъ-то доводамъ, а у него могутъ быть еще десятки иныхъ доводовъ, которыми оно будетъ оспаривать другіе иски. Надо желать, чтобы общество было понуждено написать на своихъ будбахъ крупными буквами о тѣхъ «единственныхъ *двухъ* случаяхъ», когда оно платитъ вознагражденіе, а именно: если несчастію подвергся самый поѣздъ или если оно произошло при выходѣ изъ вагона на станціи. Невелика надпись и общество должно быть *обязано* ее выставить. А пока этого не сдѣлано, желательно, чтобы процессы общества «Россія» со страхователями получали какъ можно большую извѣстность.

Само собою разумѣется, что покушеніе на чужую собственность не похвально, чѣмъ-бы оно ни объяснялось. Но если допустить, что въ данномъ случаѣ было самоубійство, то какая сила любви къ дочери и какой характеръ проявились въ немъ... Впрочемъ, можно предположить и иное—желаніе бросить дочери свою жизнь вмѣстѣ съ деньгами, если дочь довела мать до отчаянія попреками. Но въ такомъ случаѣ, хотя жизнь потеряна, а деньги всетаки невозвращены.

Какъ-бы то ни было, самоубійцамъ, если только они не были въ состояніи невмѣняемости, нельзя отказывать въ выходящей надъ общій уровень чувствительности къ тому или иному обстоятельству, которое людьми обыкновенными переносится благополучно, хотя-бы обстоятельство это унижало ихъ въ ихъ собственныхъ глазахъ, а даже обращало жизнь въ одно страданіе. Въ прошломъ мѣсяцѣ застрѣлился губернской инженеръ Ивановъ вслѣдствіе паденія строившагося подъ его наблюденіемъ предпринимателемъ работъ Смѣльницкимъ барака, причемъ нѣсколько рабочихъ получили ушибы не представляющіе, впрочемъ, опасности для жизни. По разсказу «Нижегородскаго Листка», паденіе барака объяснялось тѣмъ, что части барака еще не скрѣпленныя, вслѣдствіе недоставки строителемъ Смѣльницкимъ необходимыхъ матеріаловъ, не могли устоять при чрезвычайно сильномъ вѣтрѣ. «Изъ показаній прокурорскому надзору выяснилось—говоритъ газета—что покойнымъ было уже нѣсколько разъ высказано опасеніе за постройку, такъ какъ верхнія балки не были связаны желѣзными связями, а купить ихъ не было возможности за недостаткомъ средствъ у предпринимателя». Конечно не опасеніе наказанія могло вызвать самоубійство. При данныхъ обстоятельствахъ инженеръ могъ быть приговоренъ только къ аресту на мѣсяць и даже менше. Но онъ не перенесъ нравственной отвѣтственности за увѣчые нанесенное рабочимъ, а сверхъ того и униженія его профессиональнаго самолюбія. Главный поваръ Людвика XIV Ватель закололся шпагой по такому случаю, что рыбная провизія, заказанная имъ къ королевскому обѣду не поспѣла во время. Во сколько-же разъ тяжелѣе было для добросовѣстнаго и образованнаго человѣка крушеніе его постройки, съ вредомъ для здоровья нѣсколькихъ человѣкъ.

Но вотъ другой Ивановъ. не изъ тѣхъ, которые убиваютъ себя изъ-за

жалости къ ближнимъ, а изъ тѣхъ, кто безжалостно терзаетъ ближняго изъ-за удовольствія мучить слабое существо и становится непосредственнымъ виновникомъ самоубійства его жертвы. Беру изъ «Волжскаго Вѣстника» дѣло крестьянина Иванова, недавно разбивавшееся въ Казанскомъ окружномъ судѣ. Жена Иванова, молодая женщина, 4 года переносила постоянные побои и истязанія мужа, которому теперь 57 лѣтъ: послѣдствіями побоевъ были четыре раза преждевременные роды. Всѣ свидѣтели согласно показывали противъ Иванова, удостовѣряя его жестокое и совершенно безпричинное обращеніе съ кротокою и доброю женой. Наконецъ, подъ страхомъ обѣщаннаго имъ новаго наказанія, несчастная женщина повѣсилась. Одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что однажды, будучи въ гостяхъ у Иванова, онъ видѣлъ, какъ этотъ безъ всякаго повода разбилъ о голову жены бутылку. Жертва, у которой полилась кровь, упала передъ мужемъ на колѣни и сказала: «за что ты бьешь меня, Егоръ? Прости, ежели чѣмъ не угодила». Тогда мужъ сталъ совать ей въ ротъ обломокъ бутылки острымъ концомъ, искровянилъ лицо, облилъ раны водкой и наконецъ разбилъ о голову жены остатокъ бутылки. Жена, обнимая его колѣни, лишилась чувствъ. «Мы ушли отъ него сейчасъ послѣ этого—говорилъ свидѣтель,—а потомъ слышали, что онъ въ этотъ вечеръ шибко побилъ ее еще послѣ нашего ухода».

Не знаю, дождусь-ли я когда той мѣры, о необходимости которой я писалъ столько разъ: авторитетнаго разъясненія мужьямъ, что они *не имѣютъ* права бить, а тѣмъ болѣе истязать своихъ женъ, съ прочтеніемъ такого объявленія приходскими священниками. А то не только темные, неграмотные люди, но и множество господъ торговцевъ, носящихъ визитки и котелки на головѣ, убѣждены, что имъ принадлежитъ *право* «учить» женъ и «учать», просто когда рука зачешется. Да и окружающіе ихъ увѣрены въ этомъ «правѣ», а потому и не препятствуютъ самому усиленному поученію. Въ настоящемъ случаѣ Иванова судили только за «явное, соединенное съ жестокостью злоупотребленіе супружеской властью», послѣдствіемъ коего произошло самоубійство его жены. Изъ этого опредѣленія какъ-бы слѣдуетъ, что мужъ имѣетъ власть бить жену, лишь-бы безъ жестокости.

Этого звѣря, несомнѣннаго истязателя и убійцу, приговорили — къ тюремному заключенію на 8 мѣсяцевъ, т.-е. къ такому наказанію, которому можетъ быть подвергнутъ уличенный въ третій разъ въ безпатентной продажѣ водки (Улож. о наказ. разд. VII гл. 6 ст. 692). Я постоянно говорю, что у насъ крайняя несоразмѣрность въ наказаніяхъ и что имущество охранено слишкомъ строго, а личность слишкомъ слабо. Вотъ другое дѣло въ томъ-же Казанскомъ судѣ (по «Астрах. Вѣстнику»). Мѣщанинъ Хинелевъ обвинялся въ томъ, что явился къ купчихѣ и просилъ ее дать ему что-нибудь на праздники, при чемъ назвалъ себя княземъ. а въ рукахъ имѣлъ фуражку съ кокардой. Его «за присвоеніе ненадлежащаго званія» присудили къ 2 мѣсяцамъ и 10 днямъ тюремнаго за-

ключенія. Итакъ, сдѣлай это Хинелевъ во второй и въ третій разъ, онъ за такое «преступленіе» понесъ-бы бѣдшую кару, чѣмъ Ивановъ, тиранившій жену цѣлыхъ четыре года и бывшій виновникомъ ея смерти.

Да вотъ еще того лучше. Немного меньшему наказанію, чѣмъ истязатель, *загубившій* жену, а именно не 8-ми, но 5-ти мѣсяцамъ и 10-ти днямъ заключенія въ тюрьмѣ подвергся, по приговору екатеринодарскаго суда крестьянинъ Бондаревъ за то, что *спасъ* свою невѣсту отъ попрековъ и насмѣшекъ, вызываемыхъ прижитіемъ ребенка. Случай этотъ передаю по пересказу «Приазовск. Края». Самое-же «преступленіе» совершено въ Кубанской области и описано въ «Куб. Обл. Вѣд.». Феофанъ Бондаревъ и дѣвица Татьяна Зарубаева полюбили другъ друга и получили согласіе родителей на бракъ. Но паспорту невѣсты вышелъ срокъ, пришлось послать его на родину для обмѣна. И вотъ, родная волость Татьяны не выслала, несмотря на нѣсколько писемъ, новаго паспорта въ теченіе *полутора года*. Когда Зарубаева уже готовилась сдѣлаться матерью, а паспорта все не было, отецъ ея упрекалъ жениха, что онъ погубилъ его дочь и даже билъ своего будущаго зятя. «Станичные люди—народъ безжалостный,—говоритъ ростовская газета,—тычуть пальцами, поютъ непристойныя пѣсни и мажутъ ворота дегтемъ». Такой «позоръ» угрожалъ Татьянѣ, а паспортъ все не приходилъ. Бондаревъ, вмѣсто того, чтобы оставить свою невѣсту на произволъ судьбы, что было-бы согласно съ безучастнымъ къ ней отношеніемъ ея волостного начальства и не наказуемо, счелъ своимъ долгомъ спасти дѣвушку. Бумагу надо!.. Вѣдь она есть, но нѣтъ возможности добыть ее. Бондаревъ совершилъ тяжкое преступленіе, именуемое подлогомъ; совершилъ, конечно, грубо, неумѣло, и понесъ фальшивый паспортъ, прося повѣнчать себя съ Татьяной, къ батюшкѣ. «А батюшка, какъ человекъ справедливый,—говоритъ «Приазовскій Край»,—и съ законами имперіи въ достаточной мѣрѣ знакомый, представилъ подложный паспортъ начальству». Въ результатѣ—лишеніе правъ и тюрьма на 5 мѣсяцевъ и 10 дней. Ну какъ было не оправдать человека въ подобныхъ исключительныхъ условіяхъ? Нѣтъ, если бы онъ судился за убійство, то скорѣе оправдали-бы, чѣмъ за составленіе фальшиваго документа. Вѣдь такъ и вексель поддѣлываетъ; документъ—это стражъ имущества.

«Нравы, сударь, у насъ жестокіе», говоритъ одно лицо у Островскаго. А кто наиболѣе страдаетъ отъ жестокихъ нравовъ — женщина и дѣти. Въ другомъ номерѣ той-же ростовской газеты описанъ слѣдующій случай, бывшій въ Новочеркасскѣ. Въ газетѣ «Донская Рѣчь» появилось объявленіе о бѣдственномъ положеніи проживающей на такой-то улицѣ жены есаула Каливиной, урожденной Муженковой, съ шестью малолѣтними дѣтьми, изъ которыхъ одного, грудного, она не можетъ кормить, не имѣетъ средствъ и окрестить. «Это заявленіе—сказано въ «Пр. Краѣ»—въ новочеркасскомъ обществѣ произвело сенсацію; фамиліи Ка-

лининныхъ и Муженковыхъ въ городѣ очень извѣстны; всѣ носящіе эти фамиліи—люди вполне обеспеченные, а нѣкоторые даже очень богатые». У Калининой комната оказалась уже много дней нетопленной; вся мебель—даже образа—продана; все семейство безъ обуви; старшій мальчикъ поступилъ куда-то на кухню, для черной работы. Та-же газета говоритъ еще: «не будемъ разбирать причины, которыя повергли семью Калининныхъ въ такую ужасную нищету». Но разсказъ свой объ этомъ случаѣ кончаетъ такъ: «къ великому позору, мы должны сознаться, что богатые люди современнаго общества почти всегда остаются глухи къ воплямъ чловѣка, угнетаемаго нищетою, даже тогда, когда этотъ чловѣкъ близокъ имъ, когда онъ имъ товарищъ или другъ, родственникъ... Жалкое время, жалкіе люди, жалкіе нравы!..» восклицаетъ авторъ статьи. Но мнѣ кажется, болѣе подходит то опредѣленіе, которое дано однимъ изъ «дѣйствующихъ лицъ» Островскаго. При всей хваленой нашей добротѣ, сердечности, задушевности, правъ тотъ, кто сказалъ, что «нравы у насъ жестокіе».

Л. Прозоровъ.

ПИСЬМО ИЗЪ АМЕРИКИ.

Положеніе женщины въ Соединенныхъ Штатахъ.

(Путевыя замѣтки *).

Само собой разумѣется, что духъ общности, столь всеобщій среди американокъ, главнымъ образомъ проявляется у людей зрѣлыхъ, избавленныхъ вдовствомъ или безбрачіемъ отъ обязанности хозяйки дома, и у матерей семействъ, которымъ школа, куда посылаются всѣ дѣти безъ исключенія, оставляетъ долгіе свободные часы; однакоже онъ не вполне отсутствуетъ и у молодыхъ дѣвушекъ. Я очень-бы желала, чтобы наши барышни могли увидать все то, что наполняетъ жизнь ихъ сестеръ въ Америкѣ кромѣ знаменитаго flirt'a, и даже часто вполне исключаетъ его. Во-первыхъ, само собой разумѣется онѣ почти всѣ состоятъ членами нѣсколькихъ клубовъ, безъ этого человекъ ничто, а работа въ клубѣ вѣдь очень поглощаетъ. Она одновременно носитъ характеръ образовательный и благотворительный; развѣ члены одного изъ этихъ клубовъ не играли какъ-то разъ трагедію Софокла? Примѣръ былъ взятъ съ Harvard'a, гдѣ студенты въ концѣ моего пребыванія въ Бостонѣ играли Теренція по латыни, согласно всѣмъ указаніямъ ученаго архаизма; молодья-же дѣвушки, къ моему удивленію, скромно придерживались переводовъ съ греческаго. Безспорно самая красивая изъ актрисъ, пластическую позу которой, съ глазами и руками поднятыми къ небу, изобразила кисть м-съ Whitman, молодая Діана, которая могла бы удовлетвориться ролью богини,—но доброй волѣ, исключительно изъ желанія быть полезной, проводитъ лучшую часть своихъ дней въ школѣ, въ качествѣ бесплатной преподавательницы; все это дѣлается безъ шума, даже безъ разговоровъ. Другая, также имѣющая право гордиться своей красотой, такъ-какъ знаменитый скульпторъ St. Gaudens просилъ ее по-

*) См. «Сѣверный Вѣстникъ», апрѣль.

зировать для фигуры ангела, вся отдалась больницѣ для дѣтей и пишетъ совѣты по гигиенѣ маленькихъ дѣтей. Очень многія другія интересуются «college settlements». Онѣ прониклись словами одного англійскаго филантропа: «Наши тонкія, неосязаемая огорченія» говоритъ онъ, — «наши дорогія намъ душевныя движенія, такія острые, такія болѣзненныя, все это намъ покажется страннымъ, почти воображаемымъ, рядомъ съ массою ужасныхъ страданій, въ которыхъ погрязла жизнь большихъ городов!»

Изъ устъ м-ра Robert Woods'a раздался изъ Andover House'a, этого очага бостонской благотворительности, краснорѣчивый протестъ противъ науки эгоистической и бездушной. Можно пожелать, чтобы онъ достигъ ушей всѣхъ гордецовъ, думающихъ, что интеллектуальный трудъ избавляетъ ихъ отъ обязанности любить человѣчество, посвящать себя служенію ему. Вотъ этотъ протестъ вкратцѣ: «Современное общество имѣетъ большія средства, до сихъ поръ плохо примѣняемая къ удовлетворенію многообразныхъ нуждъ; надо уравновѣснить потребность и средства къ ихъ удовлетворенію, мобилизовать силы цивилизаціи; въ этомъ заключается лучшая политика. Но общество будетъ спасено не средствами, а личностями; необходимо личное вліяніе, постоянная близость, участіе въ человѣческихъ дѣлахъ тѣхъ, кто пилъ изъ источника науки, кто достигъ философской и исторической широты воззрѣній, необходимой, чтобы хорошо любить своего ближняго. Приобрѣтенныя знанія не только не отклоняютъ человѣка отъ дѣятельной филантропіи, они придадутъ лишній стимулъ къ природной жалостливости. Всякій изъ насъ безъ исключенія долженъ быть апостоломъ». Мнѣ-бы хотѣлось привести цѣликомъ все написанное м-ромъ Woods'омъ объ университетскихъ поселеніяхъ (settlements); тутъ много сходства съ социальнымъ settlement'омъ миссъ Adams и та-же цѣль—сдѣлать работу бѣдныхъ привлекательною, жизнь ихъ пріятною. Требуется, чтобы человѣкъ вездѣ посѣщалъ другихъ людей, его братьевъ, чтобы всякій посѣтитель былъ-бы воплощеніемъ силы, показывающимъ своему болѣе слабому брату вредъ низменной жизни и дающимъ ему своею собственной жизнью понятіе о лучшемъ существованіи. М-ръ Woods хотѣлъ-бы имѣть по два такихъ поселенія въ каждомъ населенномъ участкѣ города, одно—мужское, другое—женское. Ужъ нѣсколько подобныхъ учрежденій существуетъ въ Бостонѣ. Первое, которое я посѣтила, было очень маленькое, если судить по размѣрамъ занимаемаго дома, но не меньше всякаго другого, если измѣрять по рвенію его обитательницъ; такъ-какъ само собою разумѣется временныхъ посѣтительницъ недостаточно, въ поселеніи должны жить лица, посвящающія ему все свое время, готовыя съ утра до ночи сообщаться съ своими разнообразными сосѣдями. Нѣкоторые обитатели и обитательницы, имѣющіе собственные средства, обходятся безъ жалованія, иныхъ поддерживаютъ члены университетовъ и другіе добрые люди города. Я пріѣхала въ сумерки въ это поселеніе, оставшееся для меня навсегда

связаннымъ съ воспоминаніемъ о маленькой слѣпой. Эта дѣвчурка шести или семи лѣтъ сидѣла свернувшись на колѣняхъ у молодой женщины, рассказывающей ей разныя исторіи, качаясь вмѣстѣ съ нею на качалкѣ. При нашемъ приближеніи она однимъ прыжкомъ вскочила, со свободой, свойственной счастливымъ дѣтямъ, побѣжала къ намъ навстрѣчу, вытянувъ свои бѣдныя руки, какъ усики насѣкомаго, которыми оно ощущаетъ препятствія. Въ одну минуту она насъ пересчитала, выбрала наиболѣе ей симпатичныхъ, попросила насъ снять перчатки, чтобы осязать наши руки, въ то-же время болтая о массѣ вещей, которыя она, казалось, видѣла. «Это радость всего дома», сказала намъ одна изъ его обитательницъ.—«Ея родители отдають намъ ее потому, что у нихъ много мальчиковъ, дѣлающихъ изъ своей сестры маленькую мученицу».

Другія дѣти выходятъ и входятъ съ улицы, гдѣ идетъ снѣгъ, въ эту небольшую, теплую залу. Нѣкоторые приносятъ нѣсколько прикопленныхъ су въ кассу, гдѣ хранятся ихъ сбереженія. Быть можетъ это положить начало добродѣтели, о которой долго не имѣли понятія въ Америкѣ, этой странѣ, по преимуществу, безпечнаго мотовства. Посѣтительницы также смѣняются; это молодыя женщины средняго класса, блѣдныя, усталыя; онѣ послѣ трудового дня стараются принести свою долю пользы; одна даетъ уроки, другая служить въ какомъ-то правленіи, но живя въ этомъ околоткѣ, она хочетъ мимоходомъ, до возвращенія домой, навѣдаться о многочисленной семьѣ. Обладательница ученой степени высшаго учебнаго заведенія доказываетъ также, что четыре года занятій наукой не отдалили ее отъ простыхъ смертныхъ.

Второй settlement, гдѣ я была, заключалъ въ себѣ нѣсколько хорошихъ комнатъ; каждая изъ нихъ снабжена мебелью на средства одного изъ женскихъ колледжей Массачусетса. Завѣдующая поселеніемъ сообщала намъ, что она предоставляет полную свободу своимъ помощникамъ, не считаетъ необходимою узкую регламентацію, а думаетъ, что надо только противопоставить организованныя силы добра организованнымъ силамъ зла, не боясь запачкать рукъ, соприкасаясь съ нравственной нищетой, являющейся часто неизбѣжнымъ послѣдствіемъ крайней бѣдности. Она и ея товарки для начала занялись основательнымъ изученіемъ социальныхъ условій даннаго околотка; разъ ознакомившись съ привычками, съ занятіями своихъ сосѣдей, все остальное они считали легкимъ; имъ оставалось только войти въ сношенія съ уже существующими по близости благотворительными учрежденіями, съ trade unions'ами, съ рабочими клубами, обществами трезвости, посѣщать больныхъ, бесѣдовать съ ними, давать книги для прочтенія, устраивать здоровыя увеселенія. Изъ сосѣдняго помѣщенія до насъ доносится неясный говоръ; эта комната полна маленькими дѣтьми; они проводятъ свое послѣобѣденное время за занятіемъ пустымъ на видъ, но имѣющимъ, въ сущности, свою серьезную сторону. Одна изъ дамъ учитъ ихъ какъ сдѣлать знамя, какъ обстругать дерево, шить матерію, правильно располагая цвѣта;

тотъ, чьи усилія увѣнчаются успѣхомъ, можетъ унести знамя домой; а дѣлая его, онъ прослушаетъ исторію или, вѣрнѣе, главнѣйшія событія изъ исторіи Америки.

Дверь поминутно хлопала; матери семействъ приходятъ за указаніями по хозяйству, за справками, за всякаго рода совѣтами. Иногда по вечерамъ занимаются музыкой; конечно, эти собранія происходятъ совѣмъ запросто; однако, ихъ стараются сдѣлать по возможности пріятными: много цвѣтовъ, много заботъ объ изяществѣ обстановки, но гости всему этому не завидуютъ, потому-что они сами всемъ этимъ пользуются. Въ мужскихъ поселеніяхъ капиталисты, ученые и рабочіе случайно встрѣчаются на нейтральной почвѣ, какъ равный съ равнымъ, и результаты этого сближенія могутъ имѣть значеніе для будущаго.

Не надо думать однако, что американскія молодыя дѣвушки ограничиваются такъ сказать научной и разсудочной благотворительностью; онѣ подобно нашимъ занимаются и свѣтской филантропіей. Мнѣ приходилось посѣщать базары въ пользу бѣдныхъ, такіе-же блестящіе, какъ въ Парижѣ, особенно одинъ изъ нихъ, гдѣ исключительно японскія вещи продавались самыми прелестными бостонками въ японскихъ костюмахъ; въ убранствѣ кіосковъ и въ общемъ расположеніи базара была соблюдена строгая этнографическая точность и общій видъ былъ очень живописенъ. Ни добрыя дѣла, ни страстная любовь къ научнымъ занятіямъ не мѣшаютъ однако веселиться; надо видѣть, какъ общество стремится увидать во время его *tournee* великаго американскаго комика Jefferson'a, какъ оно аплодируетъ пріѣзжимъ изъ Франціи знаменитымъ актерамъ. Обширная зала, гдѣ каждую недѣлю можно слышать превосходную оркестровую музыку, всегда полна. Общая сосредоточенность не позволяетъ сомнѣваться въ искренности интереса аудиторіи къ этимъ концертамъ, длящимся приблизительно 1, 1½ часа. Многія молодыя дѣвушки прекрасныя музыкантши; онѣ пользуются первой возможностью съѣздить въ Мюнхенъ и Байрейтъ; тѣ, кто рисуетъ, ѣдутъ изучать живопись во Францію, въ Италію—хорошій предлогъ для путешествій. Вернувшись, онѣ работаютъ безъ отдыха, соперничая въ рвеніи и усидчивости съ профессиональными артистами. «Ничего въ половину»—кажется, служить девизомъ этихъ умныхъ, упорныхъ и честолюбивыхъ личностей.

Но я угадываю вопросъ моихъ читателейницъ: какъ здоровье женщинъ, какъ-бы онѣ ни были геркулесовски сильны, можетъ выдержать такую трату энергіи, это проживаніе на всѣхъ парахъ двухъ, трехъ, четырехъ жизней сразу?

Примемъ во вниманіе возбуждающее и веселящее вліяніе климата, сухого и какъ-бы вливающего вамъ въ жилы ртуть. Однако иногда, даже очень часто, нервная сила, поддерживающая человѣка, уступаетъ сразу. подламываются несущія его крылья и онъ падаетъ изнеможенный. Какъ часто встрѣчаются признаки чахотки, подозрительныя красныя чахоточныя пятна на щекахъ, истощенныя лица, впалыя щеки, бѣлыя губы,

ввалившіеся глаза! Повсюду встрѣчаешься съ нервными заболѣваніями; вотъ почему въ такой модѣ «уроки покоя», даваемые миссъ Payson Call. Америка вѣроятно единственная страна въ мірѣ, гдѣ искусство чему-нибудь отдаваться подчинили правиламъ гигиены.

У меня передъ глазами любопытная книга миссъ Call «Power through repose» (сила посредствомъ покоя); въ ней разсказывается, чему я охотно вѣрю, какъ одинъ нѣмецкій врачъ, поселившійся въ Америкѣ, былъ положительно озадаченъ количествомъ и разнообразіемъ представившихся ему нервныхъ разстройствъ. Въ концѣ-концовъ онъ объявилъ объ открытіи новой болѣзни, названной имъ «americanitis». Напрасно медицина напрягаетъ свои силы противъ americanitis, тщетно увеличивается число специальныхъ лѣчебныхъ заведеній. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ предписывается лѣчение холодной водой, а въ Америкѣ—покоемъ. Миссъ Call вполне основательно замѣчаетъ, что страданія, вызванныя долгимъ пренебреженіемъ законовъ природы, могутъ быть излѣчены только возвращеніемъ къ этимъ забытымъ законамъ. Надо слѣдовательно учиться—и ея обученіе къ этому и сводится—вполнѣ предаваться сну, избѣгать всякихъ нервныхъ сотрясеній во время ѣзды въ экипажѣ или верхомъ, спокойно размышлять, не употребляя на это излишнихъ усилій, слушать и смотрѣть безъ ненужнаго напряженія, разговаривать безъ чрезмѣрной болтливости, управлять своимъ голосомъ согласно правиламъ здоровой физиологій, при писаніи не доводить себя до судорогъ и т. п. Для насъ, европейцевъ, самая интересная изъ главъ книги, характеризующихъ степень возбужденія, до какого можетъ дойти американка, та, гдѣ говорится о ложныхъ эмоціяхъ: о страсти ученицъ къ наставницамъ, о болѣзненной привязанности молодыхъ дѣвушекъ другъ къ другу, объ искусственной влюбленности, заключающейся въ любви къ самому чувству, а не къ лицу, или, передавая все однимъ выразительнымъ словомъ, резюмирующимъ высшій предѣлъ нервнаго перевозбужденія и полной потери самообладанія, о «сухомъ опьяненіи» (ivresse sèche).

Миссъ Call лѣчитъ тѣло и душу; она намъ сообщила, что къ ней обращалась за совѣтомъ дама, желающая излѣчиться отъ чрезмѣрной обидчивости; миссъ Коэль посовѣтовала ей при всякомъ обидѣ для нея словъ вообразить, что у ней отяжелѣли ноги: это должно произвести ослабленіе мышечнаго и нервнаго напряженія, вызываемаго слишкомъ сильною впечатлительностью. Повидимому, этотъ совѣтъ сдѣлалъ чудеса. Но намъ понятнѣе слѣдующіе совѣты: не боритесь никогда съ печалью, она увеличивается отъ того усилія, какое вы дѣлаете, чтобы ее превозмочь; тѣло должно быть воспитано, чтобы повиноваться разуму, разумъ долженъ быть воспитанъ такъ, чтобы давать тѣлу приказанія, заслуживающія быть исполненными; избѣгайте слишкомъ много заниматься собой, безуміе быть можетъ не что иное, какъ расцвѣтъ эгоизма; чѣмъ больше вы употребляете слово *я*, тѣмъ больше увеличивается ваша нервная болѣзнь; принимайте спокойно то, что природа постоянно вамъ даетъ, и поль-

зуйтесь этимъ для той цѣли, которую она предполагаетъ самой лучшей изъ всѣхъ и самой вѣрной; вы будете тогда жить какъ малыя дѣти, имѣя сверхъ того мудрость.

Ясность души малаго ребенка—вотъ идеаль, предлагаемый м-сь Call ея воспитанницамъ. Одна изъ нихъ рассказывала мнѣ, что обучая ее покою, полной свободѣ всѣхъ членовъ, ея наставница довела ее до возможности скатиться съ лѣстницы сверху внизъ, не причинивъ себѣ вреда; она предложила мнѣ присутствовать при упражненіяхъ, на что я охотно согласилась. Я пошла съ нею къ м-сь Call. Я увидала молодую женщину со спокойной и изысканной внѣшностью, ознакомившую меня въ двухъ словахъ и безъ всякаго шарлатанства съ тѣмъ, что она не хотѣла однако называть своей методой, не видя въ этомъ никакой новой идеи, а только возвращеніе къ природѣ. Возстановленіе физическаго и нравственнаго равновѣсія посредствомъ искусства ничего не дѣлать—*l'art de ne rien faire*—можетъ сохранить жизнь многимъ надорваннымъ американкамъ; оно должно быть въ недалекомъ будущемъ введено и въ Европѣ. Быть можетъ самыхъ кокетливыхъ парижанокъ соблазнить костюмъ, надѣтый въ этотъ день миссъ Call: трико, задрапированное туникой изъ легкой шелковой матеріи, оставляющей свободными руки и ноги. Нѣтъ необходимости въ этомъ греческомъ одѣяніи: гимнастическія панталоны и блуза достаточны, но насъ просили внимательно слѣдить за игрой мускуловъ, которая пропала-бы подъ матеріей. Лежа на полу или стоя въ позахъ, исполненныхъ граціи, миссъ Call дѣйствительно производила на насъ успокоительное впечатлѣніе—отрѣшенія отъ всякихъ усилий и отъ воли. Закрывъ глаза, она воображаетъ себя налитой свинцомъ. потомъ медленно совершаетъ движенія, исполняемые всякимъ изъ ея членовъ какъ будто они, выражаясь ея словами, составляли часть мѣшка наполненнаго костями, связанными между собой очень свободными связками. Результатомъ этого является большая гибкость.—Она воспользовалась, значительно расширивъ ее, системой Delsarte'a, очень распространенной въ Америкѣ, но Delsarte слѣдовалъ только буквѣ, а она приписываетъ себѣ проникновеніе въ самый духъ системы. Конечно искусство можетъ воспользоваться ея изслѣдованіями и она вѣритъ, что на сценѣ результатомъ ихъ будетъ школа естественности, въ противоположность слишкомъ распространенной теперь драматической истеріи. Свобода, ритмъ, равновѣсіе — вотъ тѣ качества, какія она стремится привить посредствомъ нормальныхъ упражненій, одновременно укрѣпляющихъ тѣло и возбуждающихъ мозгъ. Я могла судить только о сторонѣ пластической и должна сознаться, что она была безупречна.

Быть можетъ существуетъ связь, болѣе чѣмъ это съ перваго взгляда кажется, между лѣченіемъ покоемъ миссъ Call и принципами новой «христіанской науки», также предписывающей извѣстнаго рода квіэтизмъ—необходимая реакція противъ неустаннаго «хотѣнія» цуританства.

«Христіанская наука», на которую м-сь Coolidge, одна изъ ея adeptокъ,

указываетъ намъ, какъ на современное выраженіе самой древней философіи, какъ бы иные ее ни критиковали, начинаетъ конкурировать съ медициной въ нѣкоторыхъ кружкахъ Нью-Йорка и Бостона. Особенный успѣхъ она имѣетъ въ Бостонѣ, такъ сильно пропитанномъ трансцендентализмомъ и постоянно помнящемъ наставленіе Эммерсона: «Припрягите вашу телѣжку къ звѣздѣ». Въ томъ-же Бостонѣ великій проповѣдникъ, уважаемый епископъ Ph. Brooks, произнесъ эти прекрасныя слова: «Есть только одна жизнь—жизнь вѣчная». Все это вполне согласуется съ новой или обновленной наукой, гласящей, что не существуетъ разныхъ принциповъ для вещей духовныхъ и тѣлесныхъ; одинъ и тотъ-же законъ дѣйствуетъ во всемъ мірѣ; матерія одушевлена той-же духовной жизнью, какъ и духъ; продукты создающей мысли, мы раздѣляемъ ея безпредѣльную жизнеспособность; наше здоровье, какъ физическое, такъ и нравственное, зависитъ отъ этого установившагося теченія. Испытаніе физическихъ страданій—вещь второстепенная, тѣлесное здоровье явится слѣдствіемъ здоровой души. Соломонъ также считалъ, что смерть не отъ Бога, а вошла въ міръ черезъ зависть дьявола и что она грозна только для слѣдующихъ за нимъ.

Я пошла на пріемъ къ одной изъ проповѣдницъ христіанской науки: «Правда-ли, сударыня,—спросила я ее,—что въ Бостонѣ и въ другихъ мѣстахъ многія молодыя женщины обходятся во время родовъ безъ врачебной помощи, мотивируя это тѣмъ, что мы должны жить какъ полевые лиліи?»

— Это фактъ. Женщины, управляемыя предписаніями христіанской науки, забываютъ въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ прочихъ о томъ, что у нихъ есть тѣло. Онѣ обходятся безъ обычныхъ предосторожностей: удивляешься, видя какъ онѣ встаютъ, выходятъ, дѣлаютъ то, что публика называетъ неосторожностями, и не чувствуютъ отъ этого вреда.

— Но однако, напримѣръ, сломанную ногу надо вылѣчить? Что я должна сдѣлать, если я себя сломаю ногу?

— Вы должны себя сказать, что она не сломана, что страданіе—это одна иллюзія, и ваша нога излѣчится. Отъ послѣдствій нелѣпой случайности гораздо легче излѣчиться, чѣмъ отъ хроническихъ болѣзней, представляющихъ изъ себя дурную умственную привычку. Я недавно поранила себя руку, но продолжала поступать, отказываясь вѣрить въ мою болѣзнь и говоря себя, что все хорошо при Божьей помощи; два дня спустя ужъ не было слѣдовъ болѣзни. Ужъ много лѣтъ тому назадъ я такимъ образомъ вернула себя свое утраченное по мнѣнію врачей здоровье; я его завоевала для своего ребенка, для многихъ другихъ...

— Не могу-ли и я быть изъ числа этихъ избранныхъ?

— Все зависитъ отъ состоянія вашей души. Я начну на этихъ дняхъ рядъ уроковъ; если хотите, присутствуйте на нихъ.

— Вы значить совѣтуете тѣмъ, кто страдаетъ, увѣрить себя, что ихъ страданія не существуютъ, и вы стараетесь заставить ихъ настолько

проникнуться вашимъ убѣжденіемъ, что для нихъ наступаетъ облегченіе? Вы ихъ магнетизируете...

— Въ этомъ нѣтъ никакого магнетизма или это тотъ невольный магнетизмъ, который каждый изъ насъ оказываетъ на своихъ братьевъ. Мы не пользуемся ни гипнотизмомъ, ни внушеніемъ. Мы лѣчимъ тѣло черезъ посредство души.

— Религія повелѣваетъ покоряться (*se résigner*), я съ вами согласна, что въ этомъ заключается средство меньше страдать, устраняя отъ себя муки нетерпѣнія и возмущенія. Мнѣ кажется, что не достаточно религіи, и я прибавила-бы къ внушаемой ею силѣ и хирургическую операцію, если бы имѣла несчастіе въ ней нуждаться.

Докторесса новой формации съ снисходительной жалостью улыбулась надъ моимъ ослѣпленіемъ.

— Мы не можемъ разсуждать съ вами ранѣе, чѣмъ вы прослушаете мой курсъ и подвергнетесь небольшому испытанію.

— Моей совѣсти? Вы будете оскультивать мою душу.

— Только въ общихъ чертахъ и съ величайшей осторожностью, единственно, чтобы узнать находитесь-ли вы въ состояніи необходимомъ для выздоровленія и помочь вамъ достигнуть его.

У нея было выраженіе глубокой честности. У нея — глаза медіума, мутные и блуждающіе и болѣзненный цвѣтъ лица, хотя она и утверждаетъ, что совершенно здорова съ тѣхъ поръ, какъ познала истину.

Я кладу на камнѣ плату за консультацію и ухажу, вспоминая объ одной пріятельницѣ, увѣровавшей въ такого рода духовное лѣченіе и допустившей у себя развитіе внутренней болѣзни, отъ которой она бы умерла, если бы не прибѣгла къ поздней земной помощи.

«Это произошло отъ того, что ея вѣра была слаба» скажутъ нѣкоторые; другіе удовольствуются усмѣшкой, упрямой усмѣшкой, подобно той прекрасной молодой женщинѣ, которая нѣсколько дней спустя послѣ рожденія у нея ребенка, съ непокрытой головой, съ открытой шеей, провожая меня на крыльцо своего дома, стояла тамъ, не боясь простуды въ морозный мартовскій день.

Эти примѣры послужатъ къ открытію того, что составляетъ въ Бостонѣ оборотную сторону медали, — медали впрочемъ весьма интересной и носящей на себѣ одновременно печать энергіи и утонченности. Здѣсь царствуетъ увлеченіе, доходящее до крайности, вошедшее даже въ поговорку: вся Америка будетъ вамъ говорить о бостонскихъ «fads'axъ». Во время моего пребыванія тамъ, мнѣ пришлось ихъ констатировать два или три, и если я ихъ больше не замѣтила, то это вѣроятно по недостатку вниманія. Самымъ любопытнымъ мнѣ показался *fad*, предметомъ котораго былъ индусскій реформаторъ *Mozoomdar*. Конечно, религіозный конгрессъ въ Чикаго былъ великимъ дѣломъ; на этомъ добровольномъ свиданіи присутствовали служители всѣхъ существующихъ въ мірѣ культовъ; ихъ дружескій обмѣнъ мыслей служилъ превосходнымъ

свидѣтельствомъ терпимости нашего времени и духа искренности, получающаго все большее и большее преобладаніе; быть можетъ онъ является эрой извѣстнаго духовнаго единенія. Но чтобы это единеніе столь недавняго происхожденія давало право на произнесеніе буддистскихъ проповѣдей съ христіанской кафедры—вотъ что, казалось бы, труднѣе допустить. А между тѣмъ тѣ сопоставленія, которыя дѣлался въ Unity Church въ Чикаго нѣкимъ Dharmapala изъ Цейлона между Христомъ и Буддой, менѣе меня удивляли, чѣмъ благоговѣйное вниманіе, оказываемое бостонскими дамами открытію новаго христіанства, христіанства восточнаго, противоположняющаго устарѣвшимъ формамъ нашего свою лучезарную славу.

Слѣное увлеченіе Mozoomdar'омъ служить примѣромъ *fad'a* по отношенію къ людямъ; увлеченіе «Intruse» и «Aveugles» Метерлинка—примѣръ *fad'a* относительно книгъ. Злоупотребленіе клубами представляется въ Бостонѣ также *fad'омъ*. Я указала, мнѣ кажется, на ихъ хорошія стороны, но, увеличиваясь въ числѣ, они порождаютъ партійность. Развѣ, судя по статистическимъ даннымъ, не существуетъ двухъ клубовъ женщинъ-юристовъ — *Portia* и *Pentagon*? Это конечно не пропорціонально при незначительномъ числѣ женщинъ адвокатовъ и студентокъ юристовъ. Лица одной профессіи, образуя такимъ образомъ спеціальную категорію людей, рискуютъ впасть въ односторонность. Хорошо иногда на время позабыть, что ты знаешь и что ты есть. Непосредственность, полная естественность, слишкомъ драгоценныя качества, чтобы женщинѣ слѣдовало рисковать потерять ихъ благодаря избытку методы и исключительности. Когда мы, европейки, хотимъ насладиться книгой, мы читаемъ ее, сидя у горящаго камина, имѣя цѣлью только наше личное удовольствіе, не чувствуя потребности, въ качествѣ пропаганды, повторять всякому входящему знаменитое: «Читали-ли вы Баруха?» Въ Бостонѣ читательницы образовали бы ассоціацію для комментирования и обсужденія этой книги; вотъ и возникъ бы новый клубъ во имя того или другого автора. Результатомъ является то, что здѣшніе разговоры, несмотря на указанные мною ихъ хорошія стороны, замѣтуютъ у клубовъ почти столько же недостатковъ, сколько достоинствъ; имъ не хватаетъ свободы, легкости; здѣсь избѣгаютъ скорѣе, чѣмъ вызываютъ, тотъ быстрый переходъ отъ одной темы къ другой, порождающій неожиданныя остроты. Рѣчь—искусство, доведенное нѣкоторыми мужчинами и женщинами до высокой степеніи; но по бѣльшей части въ формѣ монологовъ. Къ тому же господствующая здѣсь чрезмѣрная вѣжливость не допускаетъ даже въ интимной бесѣдѣ чего-либо похожаго на прерываніе ея; боясь остано-вить своего собесѣдника, вы даете остыть своему возраженію, и слишкомъ часто на нашъ взглядъ повторяются слова «*Pardon! Извините!*» Отсюда происходитъ нѣкоторый формализмъ и дѣланность. Удачныя же остроты заучиваются, повторяются, съ ними носятся, особенно если онѣ исходятъ отъ офиціально признанныхъ остряковъ. Этнхъ послѣднихъ

врядъ-ли могли бы больше лелѣять въ Hôtel Rambouillet, чѣмъ это дѣлають бостонскія «gracieuses». Мы умоляемъ американскихъ дамъ, знакомыхъ съ этимъ словомъ, только въ соединеніи съ оскорбительнымъ эпитетомъ, постараться забыть ихъ любимца Коклена въ роли Mascarille'a и вспомнить, что раньше, чѣмъ Мольеръ сдѣлалъ ихъ «смѣшными» (ridicules) gracieuses были прославлены Корнемемъ. Непрístupность, аффектація, педантизмъ, за которые упрекали выродившихся подражательницъ того перваго кружка, душой котораго былъ Вуатюръ, были только буржуазнымъ преувеличеніемъ очень похвальной изысканности и утонченности, противопоставленныхъ дамами высшаго свѣта, бывшими въ то же время прекрасными женщинами,—общей распущенности нравовъ и языка. Подобно Бостону, Hôtel Rambouillet представлялъ собою центръ умственной культуры и оглядываясь на него, въ одномъ находишь многое такое, что въ наши дни наблюдается въ другомъ: тотъ же культъ дружбы, то-же презрѣніе къ вещамъ грубымъ или хотя бы слишкомъ земнымъ; то-же добровольное забвеніе потребностей тѣла и старости; та-же изысканность условнаго языка, награждающаго людей, посвященныхъ въ его тонкости, мѣткими прозвищами и т. п. Какъ дворъ и городъ когда-то завидывали Hôtel Rambouillet, такъ теперь соперничающіе съ ними другіе большіе города направляютъ стрѣлы зависти въ американскія Аены; все это не мѣшаетъ тому, что Новая Англія вообще, и Бостонъ въ частности, являются источникомъ того возвышающаго и облагораживающаго вліянія, которое когда-то и у насъ въ началѣ XVII вѣка изъ дворца Arthenice'ы, распространившись на всю Францію, создало въ ней умѣнье держать себя въ обществѣ, вѣжливость и свѣтскій умъ,—качества до того времени почти неизвѣстныя даже по имени.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Реформы нашей денежной системы.—Рѣчи ген. Кирѣева и полк. Комарова въ славянскомъ благотворительномъ обществѣ.—Назначеніе въ Сибирь высшей комиссіи по постройкѣ желѣзной дороги.—Синдикатъ сахарозаводчиковъ.—Общій вопросъ о стачкахъ промышленниковъ и торговцевъ.—Дѣло по иску съ заводчицы Баскаковой.—Публичныя чтенія.—Организація мѣстной юстиціи.—Судебная служба.

Девальюація—вотъ о чемъ больше всего говорили въ первой половинѣ минувшаго мѣсяца. Высказывавшіяся по этому вопросу недоразумѣнія отчасти зависѣли, быть можетъ, отъ неправильнаго написанія по-русски французскаго неологизма dévaluation. Многіе не отдавали себѣ отчета ни въ происхожденіи слова «девальвація», ни въ дѣйствительномъ его значеніи. Подъ «девальваціей» они разумѣли какое-то произвольное дѣйствіе, коимъ рубль будетъ обращенъ въ 67 копѣекъ. Правда, газеты ясно говорили о рублѣ кредитномъ въ 67 коп. золотомъ. Но все-таки многіе видѣли въ «девальваціи»—мѣру *обращенія* кредитнаго рубля въ 67 коп. зол. и спрашивали—къ чему такая мѣра и не поведетъ-ли она къ вздорожанію покупаемыхъ предметовъ, а одновременно къ уменьшенію окладовъ и цѣнности самыхъ капиталовъ, коль скоро 1000 рублей *будутъ сведены* на 670.

Справимся съ тѣмъ, какъ поступилъ Канкринъ при девальюаціи прежнихъ ассигнацій. Въ 1839 году рубль, который въ ассигнаціяхъ упалъ было до 25 коп. на серебро, а къ 1839 г. нѣсколько поднялся, былъ принятъ окончательно въ около 0,29 серебрянаго рубля, иначе сказать. серебряный рубль былъ объявленъ стоящимъ $3\frac{1}{2}$ ассигнаціонныхъ рубля. Это была девальюація слишкомъ на *дѣть трети*, а не на треть, какъ оказалось-бы теперь, при принятіи курса 67. Въ манифестѣ 1 іюня 1839 г. было сказано, что «въ возстановленіе правила» прежняго времени, «серебряный рубль, настоящаго достоинства и съ настоящими его подраздѣленіями, устанавливается главною, непремѣняемою законною мѣрою (монетною единицею) обращающихся въ государствѣ денегъ, соотвѣтственно чему всѣ подати, повинности и сборы, а также разные платежи и штатные расходы въ свое время имѣютъ быть исчислены на

серебро... Государственныя ассигнаціи остаются вспомогательнымъ знакомъ цѣнности, съ опредѣленіемъ имъ отнынѣ впредь единожды навсегда постояннаго и непремѣняемаго на серебро курса, считая серебряный рубль, какъ въ крупной, такъ и въ мелкой монетѣ, въ 3 руб. 50 коп. ассигнаціями». На этомъ основаніи, манифестомъ предоставлялось, «на волю плательщиковъ» вносить серебряною монетой или ассигнаціями по означенному курсу всѣ подати и всякіе сборы, платежи казнѣ и кредитнымъ установленіямъ и частнымъ банкамъ, а также повелѣвалось всѣ платежи изъ казны, жалованья и т. д. производить или серебромъ, или ассигнаціями по тому-же курсу, со дня обнародованія манифеста. Согласно этому, жалованья и пенсіи были переложены на серебро, при чемъ оклады исчислялись въ 1 руб. сер. за каждые 3¹/₂ рубля ассигнаціонныхъ, такъ, что тотъ, кто прежде получалъ жалованья въ 3,500 рублей ассигнаціи, сталъ получать 1,000 р. сер. Накопленіе серебра было произведено посредствомъ учрежденія въ 1840 г. депозитной кассы, которая принимала вклады серебромъ, выдавая за нихъ депозитные билеты, подлежавшіе обмѣну въ кассахъ на серебро рубль за рубль. Затѣмъ, манифестомъ 1 іюня 1843 года, повелѣно было кредитные билеты, которыхъ сумма составляла 595³/₄ милл. руб., или по курсу, на серебро — 170¹/₂ милл. руб., постепенно замѣнить «кредитными билетами», относительно которыхъ и было дано то общаніе, которое и доселѣ на нихъ значится «государственные кредитные билеты обезпечиваются всѣмъ достояніемъ государства и безостановочнымъ, во всякое время размѣномъ на звонкую монету».

Если сравнивать операцію 1843 года, съ первымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ при Екатеринѣ II въ 1775 году, когда предполагалось, что ассигнаціонный рубль останется равенъ серебряному, то надо признать, что посредствомъ девальюаціи 1843 года, государство сложило съ себя безпроцентнаго долга 426 милл. руб., такъ какъ вмѣсто бывшей его суммы 596 милл. руб., его осталось только 170 милл. руб. Но это — расчетъ по сравненію съ тѣмъ, что было въ 1775 г., то-есть за 68 лѣтъ до девальюаціи. Въ отношеніи-же къ данному времени, обращеніе 1 асс. рубля въ 0,29 коп. серебромъ не производило ничего новаго, такъ какъ такова была дѣйствительная цѣнность ассигнаціоннаго рубля. То-же самое пришлось-бы сказать и о девальюаціи въ наше время по курсу 67 коп. зол. за 1 руб. кред. Это было-бы сложеніе съ государства изъ около миллиарднаго безпроцентнаго долга примѣрно 330 милл. руб. кред. въ сравненіи съ тѣмъ, что было установлено въ 1843 году, т. е. 52 года тому назадъ.

Въ настоящее время толки о девальюаціи были вызваны извѣстіемъ о внесеніи министерствомъ финансовъ проекта закона о разрѣшеніи заключать сдѣлки на золото съ правомъ уплаты по нимъ кредитными билетами по курсу. Заключеніе такихъ сдѣлокъ доселѣ не допускается закономъ, который признаетъ монетной единицей рубль серебряный, а кредитный

рубль приравнивается къ металлическому, на основаніи лежащей на банкѣ обязанности обмѣнивать кредитный рубль на металлъ. Хотя размѣна давно не существуетъ, но законодательство продолжаетъ считать рубль кредитный равноцѣннымъ металлическому, то-есть поддерживаетъ принудительный курсъ кредитнаго рубля. Правда, различіе въ цѣнности между ними давно признано фактически—выпусками процентныхъ бумагъ, писанныхъ на золотую валюту, по которымъ и проценты уплачиваются или золотомъ, или-же кредитными рублями по курсу, а также взиманіемъ таможенныхъ пошлинъ золотомъ. Но въ уплату податей и другихъ обязательствъ казнѣ кредитный рубль принимается по номинальной цѣнѣ, а не по курсу, и таково-же должно быть, по закону, его значеніе въ обязательствахъ частныхъ. Такимъ образомъ, если бы было предъявлено въ судъ взысканіе по частному обязательству, написанному на 500 р. золотомъ, то судъ долженъ допустить уплату по этому обязательству кредитными рублями по номинальной цѣнѣ, то-есть взыскать съ отвѣтчика только 515 рублей кредитныхъ.

Естественно, что при такомъ принудительномъ курсѣ бумажнаго рубля, золото и серебро должны были совершенно исчезнуть изъ обращенія и единственной расчетной единицей остался рубль кредитный. Съ тѣхъ поръ, какъ это случилось, произошло еще новое явленіе: обезцѣненіе самаго серебрянаго рубля по отношенію къ «рублю золотому», то-есть къ $\frac{1}{5,15}$ доли полуимперіала. Вслѣдствіе усиленія добычи серебра, оно стало падать въ цѣнѣ въ сравненіи съ золотомъ и большинство государствъ Европы перешли къ валютѣ золотой, что произвело дальнѣйшее пониженіе цѣнности серебра, обусловленное уже самой его демонетизаціею, то-есть исключеніемъ его изъ монетной системы. Дошло до того, что у насъ въ настоящее время серебряный рубль стоитъ даже значительно ниже кредитнаго и въ уплату податей не принимается, что прямо противорѣчитъ самому основанію нашей монетной системы. Замѣтимъ здѣсь только мимоходомъ, что въ такомъ размѣрѣ обезцѣненія серебрянаго рубля, какъ монеты, является значительная доля элемента искусственнаго, который создается именно лишеніемъ серебрянаго рубля его полноправности, какъ монеты. Это искусственное явленіе выражается въ такихъ неестественныхъ фактахъ, что рубль, составленный изъ монеты размѣнной, то-есть изъ пяти двугривенныхъ серебра 48-й пробы, стоитъ дороже полнаго серебрянаго рубля 84-й пробы, между тѣмъ, какъ за вещь изъ серебра 48-й пробы вы заплатите гораздо дешевле, чѣмъ за вещь пробы 84-й. Дѣло въ томъ, что рубль, состоящій изъ размѣнной низкопробной монеты, служитъ представителемъ рубля кредитнаго, который хотя самъ неразмѣненъ и лишенъ всякой внутренней цѣнности, но принимается въ уплату податей по номинальной цѣнѣ и по фикціи, которая удерживается въ законѣ, онъ-то и остается будто-бы равнымъ «рублю золотому», т. е. пятой, примѣрно, части полуимперіала, между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности, по курсу, эта пятая часть полуимпе-

ріала равняется 1 рублю 48 копѣйкамъ кредитнымъ, а не 1 рублю кредитному.

Итакъ, въ настоящее время предполагается допустить производство платежей золотомъ по курсу и заключеніе на золото всякихъ сдѣлокъ: писаніе векселей, контрактовъ, купчихъ крѣпостей и проч. съ тѣмъ, что за должникомъ сохраняется право производить платежи, вмѣсто золота—кредитными билетами, но по курсу, какой отмѣченъ на бюллетенѣ послѣдней биржи. Разрѣшеніе сдѣлокъ на золото предположено не распространять на мѣщанъ и крестьянъ, которые обязаны будутъ и впредь производить свои расчеты только на кредитные рубли; это исключеніе сдѣлано съ цѣлью охранить людей несвѣдущихъ отъ какихъ-либо продѣлокъ аферистовъ. Вслѣдъ за изданіемъ этого закона, предполагается допустить и уплату акцизовъ, а затѣмъ и другихъ налоговъ—золотомъ, по временному курсу, который будетъ опредѣляться министерствомъ финансовъ. Такимъ образомъ, новымъ закономъ была-бы уже признана въ принципѣ девальюація, то-есть обезцѣненіе кредитнаго рубля. Затѣмъ, осуществленіемъ того, что называется девальюаціею въ просторѣчій бы-ло-бы уже возстановленіе обмѣна кредитнаго рубля на золото, но по курсу, принятому однажды за окончательный, напр. по курсу 67 коп. зол. за 100 коп. кред. Объ этой второй и главной мѣрѣ, пока нѣтъ однако готоваго проекта. Ближайшей цѣлью разрѣшенія сдѣлокъ на золото и пріема кредитныхъ рублей въ платежи не по номинальной цѣнѣ, а по курсу является ожиданіе, что, благодаря этой мѣрѣ, у насъ явится золото въ обращеніи, на ряду съ бумажными деньгами, находясь въ такомъ отношеніи къ нимъ по цѣнѣ, какое будетъ опредѣляться курсомъ дня.

Но нужно замѣтить, что золото, при возстановленіи размѣна, вслѣдствіе существующихъ условій и неимѣнія полного довѣрія къ устойчивости монетной системы и къ отсутствію новыхъ выпусковъ кредитныхъ рублей, легко можетъ выйти изъ Россіи, какъ было въ 1862—63 годахъ.

Наше славянское благотворительное общество получаетъ дохода и производитъ расхода на 20—30 т. р. въ годъ, выдавая на эти деньги стипендіи 26 славянамъ, заботясь о снабженіи читателей за границею русскими книгами и посылая иногда въ славянскія земли колокола. Главный же его расходъ именно—на 26 стипендій. Но шума оно производитъ столько, какъ будто-бы совершало въ самомъ дѣлѣ великія дѣла. Въ этомъ отношеніи оно представляетъ нѣкоторое сходство съ «обществомъ содѣйствія русск. пром. и торг.», съ которымъ имѣетъ и общаго, краснорѣчиваго предсѣдателя. Но различіе въ томъ, что хотя число словъ ежегодно произносимыхъ въ обществѣ содѣйствія много превышаетъ словопроизводство славянскаго общества, зато рѣчи въ послѣднемъ гораздо широкорѣчительнѣе. Славянское общество чуть-ли даже не единственное у насъ, которое имѣетъ засѣданія, официально именуемая «торжественными».

Въ торжественномъ засѣданіи общества, бывшемъ 7 апрѣля, послѣ прочтенія графомъ Н. П. Игнатьевымъ дѣлового отчета о дѣйствіяхъ общества, числящійся по пѣхотѣ генераль Кирѣевъ произнесъ рѣчь о «формулѣ ученія славянофиловъ», какъ онъ ее понимаетъ. «Наша опора—говорилъ онъ—есть святость и неизблемость отношеній государства къ церкви догматически непогрѣшимой». Этой формулѣ ораторъ противопоставлялъ такія явленія на Западѣ, что протестантизмъ «разсыпался», а католицизмъ дошелъ до абсурда, — до догматической непогрѣшимости папы. Не совсѣмъ ясно, какое отношеніе имѣло все это собственно къ дѣятельности благотворительнаго общества на пользу славянъ. Но почтенный генераль, очевидно, считаетъ себя авторитетомъ въ религіозной полемикѣ. Такъ онъ-же недавно въ «Моск. Вѣдомостяхъ» (29 марта) старался уличить въ неправославіи священника Толстого, за то только, что тотъ представлялся папѣ, и несмотря на увѣренія священника, «что онъ былъ, есть и будетъ православнымъ». Нынѣ въ своей рѣчи ген. Кирѣевъ сказалъ между прочимъ: «западники спрашиваютъ: не слишкомъ-ли много мы беремъ на себя, надѣясь быть мессіями (?) Запада. Доля правды въ этомъ есть—согласился онъ—но намъ оправдываться незначѣмъ (въ отчетѣ «Нов. Вр.», по которому мы цитируемъ, очевидно по ошибкѣ сказано «нечѣмъ»)). Но не меньшая доля правды можетъ быть и въ такомъ вопросѣ — не слишкомъ-ли много беретъ на себя генераль Кирѣевъ? Какъ онъ самъ отнесся-бы ко взглядамъ того-же священника Толстого напр. на вѣроятную роль пѣхоты въ будущей войнѣ, если бы только поражаемый имъ противникъ вздумалъ выступить съ такими взглядами? Обсужденіе предметовъ, которыхъ касался г. Кирѣевъ, требуетъ духовно-академическаго образованія, котораго онъ не имѣетъ, да обсужденіе ихъ и не входитъ въ задачи славянскаго благотворительнаго общества.

Другой ораторъ въ торжественномъ засѣданіи, полковникъ Комаровъ, выступилъ защитникомъ войны 1877—78 годовъ, противъ профессора В. И. Ламанскаго, который въ предшествовавшемъ собраніи того-же общества утверждалъ, что она была дѣломъ «мечтательности и сентиментализма»—Прежде всего, мы должны признать за полковникомъ Комаровымъ полное право говорить о войнѣ, тѣмъ болѣе о той, которая послѣдовала за неудачными военными дѣйствіями сербской арміи, имѣвшей во главѣ членовъ нашего славянскаго общества: генерала М. Г. Черняева и его начальника штаба В. В. Комарова. Мы въ свое время говорили о рѣчи г. Ламанскаго и соглашаясь съ нимъ въ нѣкоторыхъ вопросахъ, замѣтили однако, что войнѣ предшествовала рѣзня въ Болгаріи. Итакъ, мы считаемъ себя обязанными упомянуть теперь и о рѣчи г. Комарова, прославлявшей ту войну. «Божья некра—сказалъ ораторъ — пробѣжала по тѣлу русскаго народа.... русскій народъ пошелъ на врага какъ одинъ человекъ... Русскій народъ удивилъ тогда міръ своимъ геройствомъ и своимъ высшимъ божественнымъ разумомъ!» Кромѣ послѣднихъ словъ,

остальное мы вполне понимаемъ. Г. Комаровъ хотѣлъ сказать, что та война была популярна и это справедливо; этого, впрочемъ, не отрицалъ и г. Ламанскій, который заявлялъ, что самъ въ то время сочувствовалъ войнѣ, но что ея результаты его разочаровали, а поводовъ къ такому разочарованію не могъ оспорить и г. Комаровъ. Затѣмъ, что русскія войска сражались мужественно — также справедливо; но надо отдать справедливость и побѣжденнымъ туркамъ, и сами почтенные члены нашего славянскаго общества, служившіе въ сербскихъ рядахъ, лучше кого-либо могутъ отдать эту справедливость бывшимъ врагамъ.

Признавая за полк. Комаровымъ полное право выступать защитникомъ войны 1877—78 годовъ, мы затрудняемся сдѣлать то же по отношенію къ его словамъ о «паразитной части славянской интеллигенціи, которая стыдится славянской идейной самобытности, считая ее за шовинизмъ» и «является подручницей нѣмецкаго дѣла, глашатаемъ духовнаго преимущества нѣмцевъ передъ славянами», «не сознаетъ своего уничтоженія передъ германской культурой», въ чемъ ораторъ видитъ даже «измѣну народу». Во-первыхъ, едва-ли умѣстно для иностранца, говорящаго съ каедры общества, которое работаетъ, какъ оно понимаетъ, для пользы славянъ, объявлять «паразитною» ту или другую часть интеллигенціи сербской и болгарской. Самъ г. Комаровъ, вѣроятно, нашель-бы неумѣстнымъ, если-бы членъ какого-либо руссофильскаго союза въ Софіи «торжественно» провозгласилъ «паразитною» любую часть русской интеллигенціи. Во-вторыхъ, учиться у нѣмцевъ и даже искать союза съ ними еще не значитъ измѣнять народу. Россія съ Петра I училась у нѣмцевъ и несомнѣнно эта наука помогла ей сдѣлаться «могущественною». Она-же подолгу бывала и въ союзахъ съ нѣмцами. Наконецъ, даже то военное устройство, которое позволило намъ бросить на Балканы и за Балканы 400 т. чел. войска, и тѣ орудія и ружья, которыми мы побѣдили турокъ, были прямо заимствованы у Запада, а вовсе не явились плодомъ «идейной самобытности». Но какъ-бы то ни было, мы должны признать, что горячая, высокопарная рѣчь полк. Комарова въ защиту войны 1877—78 гг. все-таки гораздо болѣе подходила къ дѣятельности славянскаго общества, чѣмъ вторженіе генерала Кирѣева въ такую область, гдѣ одна смѣлость городовъ не беретъ.

Изъ опубликованнаго журнала засѣданія 8 марта соединеннаго присутствія комитета сибирской дороги и департамента государственной экономіи стало извѣстно, что при этой постройкѣ встрѣтились затрудненія, для устраненія которыхъ отправляется въ Сибирь особая высшая коммиссія подъ предѣлательствомъ товарища министра путей сообщенія, безъ опредѣленія срока для пребыванія этой коммиссіи на мѣстахъ постройки. Въ своемъ представленіи о назначеніи такой коммиссіи министр путей сообщенія указывалъ на необходимость «ближайшаго на мѣстахъ ознакомленія, какъ съ современнымъ положеніемъ работъ на строящейся

линии, такъ и съ дальнѣйшею ихъ постановкою», при чемъ объяснялъ, что «центральныймъ вѣдомствамъ весьма затруднительно составить себѣ точное представленіе о ходѣ работъ, а тѣмъ болѣе контролировать дѣйствія строителей и распорядителей денежными кредитами». Отсюда слѣдуетъ заключить, что представлявшіеся съ мѣста постройки донесенія и отчеты не были признаны достаточными для сужденія о ходѣ работъ и распоряженіи средствами. Затѣмъ, въ постановленіи самого присутствія сказано, что «на южно-уссурійскомъ участкѣ, отъ Владивостока до ст. Графской было допущено значительное превышеніе издержекъ сравнительно съ первоначальными предположеніями», а при сопоставленіи свѣдѣній о ходѣ постройки за 1893 и 1894 годы, «была усмотрѣна сравнительно меньшая успѣшность за послѣднее время нѣкоторыхъ работъ по уссурійской дорогѣ». «Новое Время» замѣтило, что «командировка особой комиссіи на постройку Сибирской дороги совпала съ неблагоприятными толками о ходѣ этой постройки», при чемъ газета прибавляла такое замѣчаніе: «опытъ уже доказалъ, что особая сибирская атмосфера до извѣстной степени захватываетъ и свѣжкихъ людей, привлеченныхъ къ дѣлу постройки и что вообще далеко за глазами многое можетъ складываться—понемногу и незамѣтно—иначе, чѣмъ на виду». Газета считала даже «не невѣроятнымъ», что комиссія генерала Петрова, въ качествѣ вышней административной инстанціи, сохранится до окончанія постройки.

Не входя въ разсужденіе о толкахъ и объ «особой сибирской атмосферѣ», нельзя не согласиться съ трудностью для центральныхъ вѣдомствъ слѣдить за дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла и не признать, что сибирскія газеты могли-бы, при извѣстныхъ условіяхъ, значительно облегчить эту задачу. Между тѣмъ, мы не находимъ въ нихъ не только никакихъ критическихъ отзывовъ объ успѣшности работъ, но даже и сколько-нибудь обстоятельныхъ свѣдѣній о дѣйствительно достигнутыхъ доселѣ результатахъ. Именно печать могла-бы «далекое дѣлать близкимъ». Какъ-бы то ни было, остается признать съ тою-же газетой, что «такъ какъ далекое нельзя сдѣлать близкимъ, то всего удобнѣе, чтобы лица обреченныя работать въ далекой сибирской глуши чувствовали себя не совсемъ закрытыми для вышшаго и притомъ постояннаго надзора».

Комиссія, подъ предѣлательствомъ товарища министра, состоитъ изъ 7 инженеровъ, 2 лицъ отъ государственнаго контроля и по одному—отъ министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ. На нее возложено и вообще изученіе на мѣстѣ вопросовъ касающихся сибирской дороги, между прочимъ—объ устройствѣ въ Владивостокѣ коммерческаго порта, о заселеніи мѣстностей вдоль амурской линии, о примѣненіи труда ссыльно-каторжныхъ къ работамъ на восточныхъ участкахъ пути. Такимъ образомъ, комиссія явится въ Сибиріи какъ-бы делегаціею центральныхъ управленій, что во всякомъ случаѣ, облегчитъ для послѣднихъ надзоръ за дѣйствительнымъ производствомъ работъ и контроль надъ денежными

операціями. Оказавшаяся необходимость въ такой особой мѣрѣ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что одного бумажнаго дѣлопроизводства въ разныхъ инстанціяхъ недостаточно, чтобы имѣть вѣрныя и полныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ. Конечно, это можно объяснять отдаленностью мѣстъ постройки отъ Петербурга. Но донесенія и вѣдомости несколько не измѣняютъ своего характера соответственно разстояніямъ. Дѣловыя бумаги имѣютъ совершенно одинаковое значеніе, присылаются-ли онѣ изъ-за тысячъ или изъ-за сотенъ верстъ и судить по нимъ одиѣмъ о дѣйствительномъ ходѣ того или другого дѣла не всегда можетъ быть достаточно. даже и при условіи гораздо меньшей отдаленности мѣстъ дѣйствія.

Наши газеты неоднократно обращали вниманіе на такъ называемый «синдикатъ», т. е. собственно на договоръ, которымъ сахарозаводчики установили для своихъ заводовъ норму годового производства съ правомъ выпуска определенной его части на внутренній рынокъ и съ обязательствомъ вывоза остальной его части за границу. Въ такомъ договорѣ вполне основательно указывали стачку заводчиковъ, направленную къ поддержанію цѣны сахара на извѣстномъ уровнѣ и противъ удешевленія этого продукта, которое сдѣлало-бы его доступнымъ для болѣе обширнаго круга потребителей. При нынѣшнихъ цѣнахъ сахаръ остается недоступнымъ для большинства населенія. Указывалось и на то, что закономъ воспрещаются такого рода торговыя соглашенія, которыя направлены къ повышенію цѣны на жизненные припасы и предметы первой необходимости, при чемъ газеты причисляли и сахаръ къ такимъ предметамъ. По нашему мнѣнію, самому законодательству слѣдовало-бы высказаться положительно противъ какихъ-бы то ни было соглашеній, имѣющихъ цѣлью возвышеніе цѣны или препятствованіе пониженію ихъ вслѣдствіе конкуренціи, хотя-бы такимъ соглашеніемъ устанавливалась только нормировка размѣровъ производства. При отсутствіи определеннаго и возможно всеобъемлющаго законодательнаго воспрещенія подобнаго давленія, которое вноситъ искусственный, произвольный элементъ въ отношеніе между сбытомъ и потребностью, суды могутъ оказаться въ разныхъ случаяхъ этого рода въ затруднительномъ положеніи и приходять къ различнымъ рѣшеніямъ по дѣламъ болѣе или менѣе однороднымъ. Въ поясненіе этого приведемъ два примѣра. Извѣстная стачка между крупными винокурными заводчиками и оптовыми виноторговцами въ Пермской губерніи, существовавшая много лѣтъ и установившая настоящую частную монополію питейнаго дѣла въ нѣсколькихъ восточныхъ губерніяхъ, вызвала, наконецъ, правительственныя мѣры, которыя заключились установленіемъ съ нынѣшняго года въ четырехъ восточныхъ губерніяхъ монополюющей казенной продажи питей. Противъ существовавшей прежде стачки дѣло было поведено судебнымъ путемъ, и судебная власть признала вино предметомъ первой необходимости, а соглашенія объ удержаніи его въ извѣстной цѣнѣ незаконными. Но совершенно такого-же рода соглашенія существуютъ и въ нѣкоторыхъ иныхъ

отрасляхъ торговли или промышленности. Такъ страховыя общества заключили конвенцію, которою обязались не понижать страховыхъ премій ниже опредѣленнаго и для всѣхъ общаго уровня. Противъ этой конвенціи печать почему-то не возражаетъ. Но если бы дѣло по нарушенію этой конвенціи однимъ изъ страховыхъ обществъ поступило въ судъ, спрашивается, рѣшился-ли-бы судъ признать страхованіе отъ огня предметомъ первой необходимости и конвенцію поддерживающую дороговизну страхованія—незаконной?

Ясно, что ко всѣмъ дѣламъ этого рода трудно примѣнять тотъ законъ, который направленъ собственно противъ искусственнаго поднятія цѣнъ на хлѣбъ и дрова и что, стало-быть, необходимо дополнить законодательство болѣе общимъ опредѣленіемъ. Иначе могутъ остаться невозбранными стачки еще болѣе несправедливыя по самой сущности, чѣмъ договоръ о вывозѣ за границу опредѣленныхъ количествъ вывареннаго сахара. Представимъ себѣ, что нѣсколько крупнѣйшихъ фабрикъ одного производства сговорились, въ виду какого-либо обстоятельства, понизить заработную плату, то-есть платить меньше за то-же число часовъ или за прежнее количество работы поштучной. Законъ, воспреещающій соглашенія объ искусственномъ возвышеніи цѣнъ въ этомъ случаѣ не примѣнимъ уже потому, что условіе состоялось именно о пониженіи цѣны. А между тѣмъ, изъ самаго того факта, что у насъ есть особый законъ, прямо воспреещающій стачки между рабочими слѣдуетъ, что и интересы послѣднихъ должны быть ограждены отъ произвольнаго и искусственнаго пониженія платы. Въ самомъ дѣлѣ, если законъ воспрещаетъ стачку хлѣботорговцевъ для поднятія цѣны на хлѣбъ, то какъ-же не устранить возможность сговора объ уменьшеніи средствъ не только на покупку хлѣба, но и на наемъ квартиры, словомъ на существованіе. Повторяемъ, для того, чтобы отвратить неизбѣжныя иначе разногласія въ практикѣ судовъ относительно исковъ по нарушенію договоровъ о промышленныхъ и торговыхъ стачкахъ разнаго рода, необходимо дополненіе существующаго законодательства болѣе точнымъ, а вмѣстѣ и по возможности полнымъ запретительнымъ опредѣленіемъ.

Въ кievскомъ окружномъ судѣ разбиралось въ прошломъ мѣсяцѣ дѣло по иску семи сахарозаводчиковъ, представителей союза, неустойки въ 101 тыс. рублей съ владѣлицы Андрушковскаго завода г-жи Баскаковой. Заводъ перешелъ къ ней по наслѣдству отъ прежняго владѣльца Попова, ея отца. Поповъ принадлежалъ къ союзу и исполнялъ договоръ, а г-жа Баскакова, хотя не выражала, что признаетъ договоръ обязательнымъ и для себя, но внесла слѣдовавшія съ нея деньги на содержаніе бюро синдиката, а сверхъ того, признала обязательность для себя договора уже тѣмъ, что просила синдикатъ о разрѣшеніи ей продать большее противъ нормы количество сахара внутри Россіи. Только вслѣдствіе отказа ей синдиката въ этомъ, г-жа Баскакова перестала исполнять договоръ, то-есть совсѣмъ уже не вывозила сахара за-границу. По дого-

вору, Андрушковскому заводу предоставлено было продавать въ Россіи 100,800 пудовъ, а остальное количество сахара онъ обязанъ былъ вывозить или, въ противномъ случаѣ, платить союзу неустойку въ 2 руб. 50 к. съ пуда. Договоръ формальный, совершенный нотаріальнымъ порядкомъ. Въ настоящее время 7 заводчиковъ предъявляли искъ о взысканіи съ г-жи Баскаковой неустойки за тѣ 40,641 пудъ сахара, которые составляли излишекъ, подлежащій вывозу за-границу, но владѣлицею не вывезенный.

Газеты пзъявляли надежду, что судъ рѣшитъ по существу это дѣло, въ которомъ впервые представлялся вопросъ о законности или незаконности договора о нормировкѣ внутренняго сбыта, и ставили такую альтернативу: если судъ признаетъ самый договоръ несогласнымъ съ законами и откажетъ въ искѣ, то союзъ сахарозаводчиковъ распадется и сахаръ подешевѣетъ въ интересахъ публики; если-же договоръ будетъ признанъ обязательнымъ и неустойка будетъ присуждена, тогда во всѣхъ родахъ промышленности не замедлятъ образоваться союзы, преслѣдующіе общую цѣль—возвышеніе цѣнъ продуктовъ въ ущербъ для потребителей. Адвокаты обѣихъ сторонъ, кромѣ вопроса о самомъ договорѣ, заявляли еще аргументы частные. Такъ повѣренный синдиката г. Гольденвейзеръ доказывалъ, что такъ какъ само правительство поощряло вывозъ сахара за-границу, то стало быть, законно и поддержаніе его цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ преміями для того, чтобы отвратить кризисъ, который иначе несомнѣнно произойдетъ въ сахароваренномъ дѣлѣ, при его нынѣшнихъ размѣрахъ, вслѣдствіе перепроизводства. На это адвокатъ отвѣтчицы г. Куперникъ возражалъ, что однако правительство не удовлетворило ходатайствъ сахарозаводчиковъ о томъ, чтобы нормировка была установлена административнымъ распоряженіемъ. Онъ-же доказывалъ необязательность для его довѣрительницы договора, въ составленіи котораго участвовалъ прежній владѣлецъ Андрушковскаго завода, ея отецъ, и непмѣніе законныхъ полномочій повѣреннымъ синдиката, который предъявилъ довѣренности только отъ 7 заводчиковъ: графовъ Бобринскаго и Потоцкаго, гг. Маньковскаго, Симеренко, Вертгейма, Козаковскаго и Эблина, а не отъ всѣхъ участниковъ договора. Названныя лица являются представителями его участниковъ, но нотаріусъ, засвидѣтельствовавшій ихъ подписи, не объяснилъ, чтобы ему были предъявлены полномочія отъ другихъ участниковъ договора. Въ довѣренности-же, выданной 7-ми лицамъ, они называютъ себя представителями всѣхъ участниковъ договора по 15 параграфу его, а стало быть, они должны быть рассматриваемы, какъ уполномоченные участниковъ и, въ этомъ качествѣ, обязаны были для веденія этого дѣла представить сами довѣренности отъ всѣхъ участниковъ.

Судъ на этомъ формальномъ соображеніи и остановился, отказавшись войти въ разсмотрѣніе дѣла по существу. Судъ принялъ во вниманіе, что, по смыслу договора, судебное взысканіе неустоекъ предоставлено

только «избраннымъ ими и уполномоченнымъ особыми довѣренностями представителямъ въ составѣ не менѣе 6-ти лицъ». Между тѣмъ, самъ повѣренный синдиката, Гольденвейзеръ объяснилъ на судѣ, что искъ предъявленъ не отъ имени представителей и уполномоченныхъ всѣми участниками, согласно парагр. 15 договора, а отъ имени семи лицъ, лично за себя, какъ участниковъ договора и распорядителей неустойкою. По этому соображенію, не входя въ обсужденіе основательности исковыхъ требованій по существу, судъ призналъ искъ не подлежащимъ удовлетворенію (отчетъ газеты «Жизнь и Искусство» № 89). Истцы переносятъ это дѣло въ палату. Газеты довольны и такимъ рѣшеніемъ суда, основаннымъ на несоблюденіи формальности, высказывая увѣренность, что соблюденіе ея, т.-е. выдача довѣренностей отъ всѣхъ участниковъ договора на взысканіе, окажется невозможной. «Намъ думается—говорить «Новое Время»—что весьма многіе участники синдикатовъ воздержатся отъ подписанія искового прошенія, явно поближающаго стачку... Подписать такое исковое прошеніе это значитъ рисковать попасть на скамью подсудимыхъ». «Виржевыя Вѣдомости» полагаютъ, что рѣшеніе суда «не останется безъ вліянія на всю дальнѣйшую судьбу крѣпкаго пока своей организаціею синдиката сахарозаводчиковъ». Указавъ, что договора не исполнила не одна владѣлица Андрушковскаго завода и что представители синдиката были уполномочены предъявить, вслѣдъ за этимъ первымъ искомъ, еще 13 такихъ-же исковъ къ неисправнымъ заводчикамъ, газета говоритъ, что если подобные иски не будутъ удовлетворяться судомъ, «то дисциплина будетъ нарушаться заводчиками при каждомъ удобномъ случаѣ и не трудно предвидѣть, что станется тогда съ синдикатомъ». При этомъ подразумѣвается, конечно, не синдикатъ, какъ представительство союза, но самый союзъ сахарозаводчиковъ, связавшихъ себя договоромъ. Но хотя-бы рѣшеніе кіевскаго суда и было утверждено слѣдующими инстанціями, оно составляетъ все-таки отказъ отъ рѣшенія принципиальнаго вопроса и очень возможно, что этотъ отказъ въ дѣйствительности былъ вызванъ неясностью самыхъ законодательныхъ опредѣленій въ данномъ отношеніи. Повторяемъ, что представляется необходимымъ изданіе общаго закона, который-бы воспрещалъ промышленникамъ и торговцамъ, страховымъ обществамъ и банкамъ всякія стачки, имѣющія предметомъ какое-либо ограниченіе операцій, возвышеніе или поддержаніе цѣнъ.

Необходимъ законъ, направленный къ противодѣйствію по возможности всякой стачкѣ, монополіи, нормировкѣ производства, всего того, что вноситъ произвольный, искусственный элементъ въ дѣло свободной конкуренціи. Защитники союза сахарозаводчиковъ говорятъ, что въ этомъ дѣлѣ есть огромное перепроизводство и что, безъ условія объ обязательномъ вывозѣ за границу, промышленность эта подвергнется кризису, при которомъ именно менѣе капитальные заводы закроются, а затѣмъ оставшіеся, болѣе сильные подымутъ цѣны выше нынѣшнихъ. Однако акціонерные сахарные заводы да-

уть по 12 и 15 проц. дивиденда, а были годы, когда они давали по 30 и даже до 50 проц. Развѣ-же такое положеніе извѣстнаго производства, при которомъ оно, благодаря запретительному таможенному тарифу, давало годовой барышъ въ 50 проц. не представляло своего рода кризиса? Говорятъ, что воспрещеніе особыхъ соглашеній являлось-бы стѣсненіемъ свободы промышленности. Но неограниченная свобода производителей должна была-бы предполагать свободу отъ законодательнаго стѣсненія не только ихъ, но также и потребителей, т. е., отмѣну таможеннаго покровительства производителямъ насчетъ потребителей. А когда такое покровительство существуетъ, а фабриканты и заводчики еще постоянно ходатайствуютъ о его усиленіи, то съ ихъ стороны было-бы нелогично отвергать всякое законодательное воздѣйствіе въ промышленномъ дѣлѣ.

«Мертвые сраму не имуть» — вотъ то изреченіе, которое заняло весьма опредѣленное мѣсто въ нашей жизни. Совѣсть, убаякиваемая такими изреченіями мудрости, не смущается судомъ исторіи, да и самое понятіе объ отвѣтственности предъ судомъ исторіи у насъ принадлежитъ къ числу наименѣ распространенныхъ. Она предоставляетъ самому историкъ придти въ смущеніе. Представьте себѣ черезъ 100 лѣтъ положеніе историка нашихъ дней. Прочитывая журналы и газеты нашего времени, онъ несомнѣнно смутится, узнавъ, что наканунѣ XX с. русская печать вынуждена была вести самые горячіе споры о спасительномъ значеніи розги и просвѣтительномъ значеніи школы вообще и публичныхъ чтеній въ частности. Отрадно, по крайней мѣрѣ, то обстоятельство, что если по вопросу о розгѣ у насъ образовались въ печати двѣ (если не три) разныя школы, то по вопросу о публичныхъ чтеніяхъ всѣ органы печати съ большей или меньшей настойчивостью отстаиваютъ ихъ пользу. Однако, и этотъ вопросъ сохраняетъ за собою до сихъ поръ какую-то чисто политическую окраску. Не говоря уже о тѣхъ извѣстныхъ условіяхъ, которыми у насъ обставлены публичныя чтенія для народа въ городахъ и деревняхъ, нельзя не отмѣтить, что на степень политическаго событія у насъ возведены и публичныя лекціи въ городахъ для образованныхъ слоевъ городского общества. Въ послѣднее время въ нашей повседневной печати обсуждался вопросъ объ организаціи систематическихъ публичныхъ лекцій въ крупныхъ провинціальныхъ городскихъ центрахъ. Авторы газетныхъ статей развивали самые обширныя планы по чтенію такихъ лекцій, рисовали ихъ благодѣтельныя послѣдствія и взывали къ представителямъ науки и публицистики, упрекая ихъ въ косности и преступномъ равнодушіи къ просвѣтительнымъ запросамъ провинціального городского населенія. Мы не знаемъ, какое вліяніе произвели эти воззванія печати на закоснѣвшихъ въ своемъ равнодушіи ученыхъ публицистовъ, но считаемъ нужнымъ для болѣе полнаго освѣщенія вопроса привести одно сообщеніе «Одес. Нов.». «Одес. Нов.» сообщаютъ, что

министръ народнаго просвѣщенія прислалъ попечителю одесскаго учебнаго округа экземпляръ сообщеннаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ предложенія губернаторамъ о порядкѣ разрѣшенія публичныхъ лекцій и литературныхъ чтеній.

«Высочайшимъ повелѣнiемъ, послѣдовавшимъ 25 iюня 1863 г., сказано въ этомъ циркулярѣ,—разрѣшенiе публичныхъ лекцій и литературныхъ чтенiй предоставлено попечителямъ учебныхъ округовъ, по соглашенiю съ подлежащими губернаторами. Правило это не распространяется только на Петербургъ, гдѣ порядокъ разрѣшенiя тѣхъ и другихъ чтенiй опредѣляется особыми узаконенiями. Между тѣмъ, въ послѣднее время, какъ видно изъ полученныхъ свѣдѣнiй, въ одномъ изъ губ. городовъ были допущены публичныя лекцiи, несмотря на то, что попечителемъ учебнаго округа не было сдѣлано по сему предмету надлежащаго сношенiя съ мѣстнымъ губернаторомъ. Сообщивъ министру народнаго просвѣщенiя о несоблюденiи въ означенномъ случаѣ требованiя закона 25 iюня 1863 г. о порядкѣ разрѣшенiя публичныхъ лекцій и литературныхъ чтенiй, г. министръ вмѣстѣ съ тѣмъ проситъ не допускать на будущее время такихъ публичныхъ лекцій и литературныхъ чтенiй, относительно разрѣшенiй которыхъ не послѣдовало указаннаго въ законѣ соглашенiя. Въ случаѣ сомнѣнiя въ возможности удовлетворенiя ходатайства о разрѣшенiи публичной лекцiи—или по характеру избранной для чтенiя темы, или-же въ виду имѣющихся неблагопрiятныхъ указанiй относительно благонадежности лектора, надлежитъ, прежде сообщенiя попечителю учебнаго округа просимаго имъ заключенiя, входить въ сношенiя съ департаментомъ полицiи».

Это распоряженiе, конечно, нельзя признать особой новостью болѣе или менѣе неожиданнаго характера. Оно не вскрываетъ предъ нами какую-либо новую сторону нашей общественной и административной жизни, а характеризуетъ будничную обстановку одной и обычное проявленiе другой. Странно только, что недовѣрие и контроль составляютъ характерную черту въ проявленiяхъ этой другой жизни, при чемъ недовѣрие и контроль выражается уже во взаимныхъ отношенiяхъ одного вѣдомства къ другому. Одно вѣдомство можетъ держать данное лицо на государственной службѣ, можетъ считать его даже драгоцѣннымъ приобрѣтенiемъ и для службы, и для дѣла, и въ то-же самое время другое вѣдомство можетъ относиться къ такой аттестацiи съ полицiйскимъ недовѣрiемъ и считать того-же самага человека даже болѣе, чѣмъ не полезнымъ. Лицо можетъ состоять университетскимъ преподавателемъ въ Петербургѣ и въ то-же самое время будетъ признано неблагонадежнымъ для прочтенiя по своей специальности публичной лекцiи въ Саратовѣ или Рыбинскѣ. Едва-ли можно доказывать, что такой контроль и недовѣрие не наносятъ вреда престижу другого вѣдомства и не нарушаютъ его компетенцiи. Такое развѣнчиванiе власти и раздѣргиванiе компетенцiи разныхъ вѣдомствъ можетъ ослаблять самое сильное правительство. При

такомъ отношеніи къ компетенціи разныхъ вѣдомствъ, отдѣльные органы власти и лица, облеченныя этою властью, при самыхъ широкихъ полномочіяхъ, не въ состояніи держать общій авторитетъ власти на должной высотѣ, а могутъ лишь его компрометировать, ведя между собою безконечную войну при полномъ соблазнѣ ко всякимъ произвольнымъ дѣйствіямъ надъ обывателями. Въ виду этого, и отмѣченный нами вопросъ указываетъ на существенную потребность для министерства народнаго просвѣщенія позаботиться о «собраніи» принадлежащихъ ему правъ и дѣлъ путемъ округленія и упроченія своей компетенціи среди другихъ вѣдомствъ.

Исполнѣ подходящимъ примѣромъ борьбы противъ раздергиванія компетенціи отдѣльныхъ вѣдомствъ и какого-то недовѣрія одного вѣдомства къ другому служатъ заботы министерства юстиціи по устройству мѣстной юстиціи. Исторія и мотивы изыятія мѣстной юстиціи изъ министерства юстиціи съ передачей ея министерству внутреннихъ дѣлъ и подчиненнымъ ему земскимъ начальникамъ всѣмъ извѣстны. Теперь министерство юстиціи поставило себѣ задачей «собрать» и вновь округлить предѣлы своей компетенціи. Въ послѣдней (апрѣльской) книгѣ «Журнала министерства юстиціи» напечатана рѣчь Н. В. Муравьева, произнесенная имъ 24 марта въ засѣданіи комиссіи для пересмотра законоположеній по судебной части. Изъ этой рѣчи мы узнаемъ, что комиссія, между прочимъ, поставила своей задачей: «объединеніе судебного устройства въ различныхъ частяхъ имперіи посредствомъ выработки такого общаго и нормальнаго типа мѣстной юстиціи, который могъ-бы быть примѣненъ съ нѣкоторыми лишь видоизмѣненіями и приспособленіями: а) какъ къ центральнымъ мѣстностямъ, такъ и къ окраинамъ; б) какъ къ мѣстностямъ, *гдѣ введенъ законъ 12 іюля 1889 г.*, такъ и къ тѣмъ, гдѣ онъ не дѣйствуетъ». Первый отдѣлъ комиссіи и остановилъ свое вниманіе на вопросѣ о примѣненіи проектируемыхъ «схемъ судопроизводства въ мѣстностяхъ, въ коихъ введено положеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ». Мы не сомнѣваемся, что министерство юстиціи отстоитъ, опираясь на общественное мнѣніе, проектируемое имъ преобразование мѣстной юстиціи и что въ скоромъ времени у насъ всѣ судебныя дѣла будутъ вѣдаться однимъ министерствомъ юстиціи и подчиненными ему органами судебной (а не административной) власти. Все это, конечно, далеко не оживитъ тѣхъ элементарныхъ истинъ, извѣстныхъ и нашему законодательству, что правосудіе мыслимо только въ той странѣ, гдѣ «наказанія за преступленія и проступки опредѣляются не иначе, какъ на точномъ постановленіи законовъ» (90 ст. Улож. о нак.) и не иначе, какъ послѣ судебного разбирательства съ соблюденіемъ всѣхъ формъ и обрядностей судебного процесса. И тутъ самъ собою возникаетъ вопросъ, насколько одно простое изыятіе судебныхъ функцій у нѣкоторыхъ административныхъ органовъ можетъ способствовать прочному установленію указанныхъ истинъ и упроченію интересовъ правосудія? У нѣкоторыхъ

органовъ административной власти административныя правомочія могутъ быть такъ широки и неопредѣленны, что они могутъ парализировать, предупреждать и измѣнять рѣшенія органовъ низшей мѣстной юстиціи. Этотъ вопросъ уже былъ подробно выясненъ въ «Съверномъ Вѣстникѣ» *) и мы остаемся при прежнемъ мнѣніи, что одно изъятіе судебной власти изъ рукъ земскихъ начальниковъ не гарантируетъ ни интересовъ правосудія, ни силу, ни престижъ новыхъ органовъ мѣстной юстиціи.

Само собою понятно, что самыя наилучшія схемы устройства мѣстной юстиціи всецѣло зависятъ отъ схемы, принимаемой въ интересахъ обезпеченія для этой юстиціи надлежащаго личнаго состава. Вопросъ о порядкѣ замѣщенія должностей по судебному вѣдомству обсуждался на совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ подъ личнымъ предсѣдательствомъ Н. В. Муравьева **). Открывая засѣданіе совѣщанія, Н. В. Муравьевъ сказалъ: «сущность предложеннаго на обсужденіе вопроса о судебной карьерѣ сводится къ установленію гарантій правильнаго, т. е. согласно съ пользою судебной службы, порядка замѣщенія должностей. Польза службы требуетъ: 1) чтобы назначеніе и движеніе по судебному вѣдомству получали только лица достойныя, т. е. заслуженныя и способныя и 2) чтобы судебныя дѣятели, бывшіе когда-то достойными, но утомившіеся, ослабленные возрастомъ или болѣзнью, уступали мѣсто другимъ, получая при оставленіи службы достаточное матеріальное обезпеченіе». Этотъ послѣдній вопросъ объ установленіи предѣльнаго возраста по судебной службѣ имѣетъ у насъ свою длинную исторію, но и теперь на совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ не получилъ вполне яснаго и опредѣленнаго рѣшенія. Какъ сообщаетъ «Журн. м-ва юстиціи», въ принципѣ «17 изъ числа 20 старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ высказались въ пользу принятія означенной мѣры въ той или иной формѣ, при чемъ нѣкоторые (двое) согласились на это лишь какъ-бы «скрѣпя сердце», на тотъ случай, если не окажется другихъ средствъ борьбы противъ обремененія судебного вѣдомства неспособными по дряхлости къ работѣ членами». Кромѣ того, большинство находило необходимымъ сильно повысить нормы предѣльнаго возраста, при чемъ высшій предѣлъ возраста нѣкоторые предлагали установить въ 70 лѣтъ. Одновременно было заявлено желаніе, чтобы судебнымъ учрежденіямъ было предоставлено право ходатайствованія за тѣхъ изъ своихъ членовъ, достигшихъ предѣльнаго возраста, которые окажутся достаточно сохранившими силы и энергію для продолженія судебной дѣятельности. Такими оговорками и повышеніемъ предѣльнаго возраста до 70 лѣтъ, очевидно, ногашается весь вопросъ о предѣльномъ возрастѣ. Лица, достигшія 70 лѣтъ, на дѣйствительной службѣ являютя рѣдкостью, а суды всегда будутъ склонны хо-

*) См. „Земскіе начальники и судебная реформа“ въ 10 кн. «Съв. Вѣстн.» за 1894 г.

**) Отчетъ объ этомъ засѣданіи напечатанъ въ апрѣльской книгѣ «Журн. м-ва юстиціи».

дѣйствовать за своихъ членовъ, достигшихъ предѣльной нормы возраста. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что такой замаскированный протестъ противъ назначенія предѣльнаго возраста вызванъ боязнью за матеріальное положеніе лицъ, назначаемыхъ къ увольненію за достиженіемъ извѣстнаго возраста. Нужно, прежде всего, установить въ законѣ, что всѣ лица, подлежащія увольненію на основаніи нормъ предѣльнаго возраста, сохраняютъ пожизненно тотъ окладъ жалованья, которымъ они пользовались на послѣднемъ (предъ увольненіемъ) мѣстѣ. Въ такомъ случаѣ судъ дѣйствительно будетъ избавленъ отъ переполненія его членами, неспособными «къ работѣ по своей дряхлости». Въ то-же самое время законъ о предѣльномъ возрастѣ не долженъ скрывать въ себѣ никакихъ обходовъ основного начала судебной службы, такъ называемой несмѣняемости судей. Упроченіе этой несмѣняемости является весьма важнымъ для удовлетворительнаго разрѣшенія перваго вопроса о назначеніи и движеніи по судебному вѣдомству только лицъ достойныхъ. Повидимому, на совѣщаніи этому вопросу не придавалось никакого значенія и предсѣдатель остановилъ вниманіе членовъ совѣщанія на мотивахъ къ законопроекту Flaunin'a, внесенному въ 1892 г. во французскую палату депутатовъ. Во вступленіи къ этому законопроекту вопросъ о несмѣняемости ослабленъ вопросомъ о движеніи по судебной службѣ. «Неумѣренное желаніе повышенія, которое замѣчается иногда у нѣкоторыхъ чиновъ судебного вѣдомства, представляетъ на дѣлѣ, безъ сомнѣнія, самую серьезную опасность для независимости судьи. Несмѣняемость ограждаетъ судью отъ страха понести несправедливое наказаніе за исполненіе долга, но что значить этотъ страхъ предъ отрѣшеніемъ отъ должности, на практикѣ непримѣняющимся, въ сравненіи со страхомъ иного рода—не получить повышенія, который служитъ въ одно и то же время и уздой для французскаго должностнаго лица и постоянно дѣйствующимъ стимуломъ его усердія». Дѣйствительно страхъ не получить повышенія, имѣетъ свое самостоятельное значеніе, но только тамъ, гдѣ отрѣшеніе отъ должности на практикѣ не примѣняется. Такимъ образомъ, и вопросъ объ этомъ второмъ страхѣ нельзя ставить впереди вопроса о первомъ страхѣ, вызываемомъ нарушеніемъ начала несмѣняемости. Только тамъ, гдѣ нарушеніе несмѣняемости не примѣняется, тамъ можетъ быть выдвигаемъ на первое мѣсто вопросъ о страхѣ не получить повышенія. Противъ этого страха существуютъ свои мѣры, а именно предоставленіе чинамъ судебного вѣдомства чрезъ извѣстное число лѣтъ права на определенное повышеніе, независимо отъ усмотрѣнія центральнаго вѣдомства. Далѣе, опасность для интересовъ правосудія, вызываемая стремленіемъ выслужиться, вездѣ порождается и развивается прямо пропорціонально тому давленію, которымъ пользуется и можетъ пользоваться центральное вѣдомство.

Н. В. Муравьевъ на совѣщаніи самъ поставилъ вопросъ объ ослабленіи давленія центральнаго вѣдомства хотя только при одномъ назна-

ченій на разныя должности по судебному вѣдомству. «Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе, сказала Н. В. Муравьевъ, значительное преобладаніе элемента случайности, бороться съ которымъ очень затруднительно; кругозоръ начальственныхъ учреждений и должностныхъ лицъ, руководящихъ назначеніемъ, по необходимости весьма ограниченъ: одни представляютъ только тѣхъ лицъ, которые находятся, такъ сказать, у нихъ подъ руками, другіе могутъ назначать лишь представляемыхъ кандидатовъ или вмѣсто нихъ лицъ, случайно извѣстныхъ центральной власти. А тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто случайность, находятъ себѣ просторъ и другія нежелательныя обстоятельства и соображенія. Не говоря уже о протекціи и искательствѣ, совершенно недопустимыхъ въ такомъ важномъ и святомъ дѣлѣ, какъ дѣло правосудія,—при самомъ честномъ исполненіи обязанностей начальствомъ, назначающимъ на судебныя должности, оно само не можетъ быть всегда свободно отъ справедливаго опасенія, что въ данномъ случаѣ лицо дѣйствительно достойное обойдено, что сдѣланное назначеніе при другихъ условіяхъ могло-бы не состояться». Со всѣмъ этимъ, конечно, нельзя не согласиться, но всѣ отмѣченныя недостатки едва-ли могутъ быть устранены какимъ-либо простымъ механическимъ способомъ. Совѣщанію было предложено обсудить французскій проектъ Flaundin'a о составленіи списка лицъ, способныхъ занимать должности по судебному вѣдомству и примѣнимости этого способа въ Россіи. Однако, прежде всего, было заявлено, что въ измѣненіе французскаго проекта «у насъ министръ юстиціи долженъ имѣть право при назначеніи на судебныя должности не стѣсняться указаніями списка». Поправка весьма существенная, да и самый списокъ едва-ли можетъ составляться при полномъ освобожденіи отъ всѣхъ указанныхъ недостатковъ, не исключая и протекціи. И тутъ особенно важно вспомнить, что затруднительное положеніе центральнаго вѣдомства по укомплектованію членовъ низъ ей мѣстной юстиціи можетъ быть облегчено самымъ простымъ и испытаннымъ способомъ. Онъ прекрасно выясненъ въ извѣстномъ журналѣ государственнаго совѣта 1862 г. «Мировые судьи, сказано въ этомъ журналѣ,—должны быть по преимуществу мѣстными судьями и охранителями мира; общее довѣріе мѣстныхъ обывателей составляетъ необходимое условіе ихъ назначенія, а потому правительство было-бы поставлено въ крайне затруднительное положеніе, если бы приняло на себя ихъ избраніе, ибо начальствующимъ лицамъ, во всякомъ случаѣ, труднѣе найти столь значительное число вполне достойныхъ лицъ для замѣщенія всѣхъ должностей мировыхъ судей, чѣмъ обывателямъ каждой мѣстности прискаты людей для опредѣленнаго округа».

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Дипломатическая интервенція въ дѣлѣ мира между Японіею и Китаемъ.—Преждевременная военная тревога нашихъ газетъ.—Вопросъ о Памирахъ и походъ англичанъ на Читраль.—Новый спикеръ и новые законы въ палатѣ общинъ.—Законопроектъ противъ партій переворота въ Германіи.—Кн. Гогенлоз, г. фонъ-Келлеръ и гр. Эйленбургъ.—Нѣсколько новыхъ спичей Бисмарка.—Выборы въ Сербіи и одобреніе скупщиной переворота.—Генераль Баратьери и пересмотръ избирательскихъ списковъ въ Италіи.

Европейская дипломатія признала необходимымъ сдѣлать японскому правительству представленія вообще въ смыслѣ умѣренія его требованій отъ Китая, какъ то обыкновенно бываетъ при заключеніи мира побѣдителя съ побѣжденнымъ. Но мы еще не знаемъ, какой именно «средній терминъ» совѣтуютъ Японіи европейскія державы, и ничто не показываетъ, чтобы этотъ совѣтъ имѣлъ сколько-нибудь императивный характеръ, то есть соединялся бы съ угрозою войной. Три великія державы сдѣлали такія представленія, а три остальныхъ не приняли въ нихъ участія. Сверхъ того, самое согласіе въ данномъ дипломатическомъ дѣйствіи съ Россіей—Германіи и Франціи уже исключало вѣроятность войны. Въ самомъ дѣлѣ, не легко представить себѣ «братство по оружію» французскихъ моряковъ съ германскими, когда одни приготовления къ Кильскому празднику надѣлали во Франціи столько шума. Но не слышно было, чтобы правительства заявили Японіи даже какую-либо угрозу.

Другое дѣло—газеты. Наши газеты относились спокойно къ китайско-японской войнѣ, хотя въ ней обнаружился фактъ немаловажный, а именно—полное безсиліе Китая противъ организованныхъ по-европейски силъ Японіи. Неизбѣжное затѣмъ преобладаніе ея на крайнемъ Востокѣ, да и самое появленіе на свѣтѣ седьмой великой державы съ постоянной арміею и значительнымъ флотомъ, снабженными средствами новѣйшей военной техники, объясняютъ нѣкоторыя опасенія европейской дипломатіи. Послѣ овладѣнія Портъ-Артуромъ и Вей-Хай-Веемъ, морскими крѣпостями на мысахъ полуострововъ Ляо-Тонскаго и Шантунскаго, которые закрываютъ

заливы Ляо-Тонскій и Печилійскій, ничто ужъ не препятствовало движенію сильнаго десантнаго японскаго флота къ устью рѣки Пейхо, при которой стоитъ Пекинъ. Стянуть къ своей столицѣ всѣ войска изъ Манджуріи китайцы не могли, потому что успѣшнымъ движеніемъ на сѣверъ Ляо-Тонскаго полуострова японцы угрожали Мукдену, первопрестольной столицѣ Манджурской династіи, которая царствуетъ въ Китаѣ. И вотъ, наши газеты равнодушно толковали о вѣроятностяхъ взятія японцами Пекина, о такомъ событіи, которое могло повлечь за собой распаденіе китайской имперіи, то есть полный переворотъ на пространствѣ почти третьей части всей Азіи.

Довольно неожиданно пришло извѣстіе, что микадо Мутсу-Хито соглашается заключить съ Китаемъ миръ. Явилось-ли такое внезапное рѣшеніе, противорѣчившее порыву національнаго честолюбія и упоенію побѣдами, которыя охватили японцевъ — результатомъ непріятнаго впечатлѣнія, испытаннаго императоромъ при покушеніи въ Японіи на жизнь китайскаго посла, печилійскаго вице-короля Ли-Хень-Чана, или послѣдствіемъ проявившейся среди японскихъ войскъ въ Китаѣ холеры — рѣшить нельзя. Если вѣрно послѣднее предположеніе, то можно, конечно, разсчитывать на бѣольшую готовность Японіи къ уступкамъ. Но вполне допустимо и первое. Микадо—преобразователь Мутсу-Хито, можно сказать творецъ современнаго японскаго государства—личность, во всякомъ случаѣ, столь значительная, что и одно нравственное его побужденіе могло отразиться на ходѣ дѣлъ. Какъ бы то ни было, но при первыхъ извѣстіяхъ объ условіяхъ мира, нѣкоторыя изъ нашихъ газетъ, спокойно смотрѣвшихъ на приближавшійся разгромъ Китая—взятіемъ его столицы, бѣгствомъ и возможнымъ низложеніемъ богдыхана Куанъ-Сю — внезапно и сверхъ всякой мѣры возмущились предположенной уступкой японцамъ части полуострова Ляо-Тона. Между тѣмъ, эта часть имѣетъ средней длины всего до 150, а наибольшую ширину (по 40° параллели) — до 250 верстъ, то-есть составляетъ незначительную береговую полосу громадной территоріи Китая. Правда, эта полоса важна по своему положенію, но важна только для Китая, а для Россіи не имѣетъ ровно никакого значенія. Отъ нея до крайняго пункта русской прибрежной границы съ Кореей—болѣе 600 верстъ въ прямой линіи, а отъ точки наибольшаго изгиба рѣки Амура къ югу—1100 верстъ, то есть дальне, чѣмъ отъ Петербурга до Варшавы и гораздо дальне, чѣмъ отъ Петербурга до границы Пруссіи. Измѣренія эти мы дѣлаемъ по картѣ, но они все-таки даютъ приблизительное понятіе объ отдаленности. Россія живетъ бокъ-о-бокъ съ великими военными державами Германіей и Австріей; русскій жандармъ въ Вержболовѣ видитъ прусскаго жандарма въ Эйдукуненѣ, и никакого неудобства это, повидимому, не представляетъ. А тамъ, на крайнемъ востокѣ Азіи, газеты считаютъ опаснымъ допустить и такое «сосѣдство» Японіи съ Россією на материкѣ, которое бы выразилось въ слишкомъ 1000 верстномъ разстояніи, при чемъ на всемъ этомъ протя-

жеви 1000 верстъ японскую военную колонію отдѣляли бы отъ русской границы китайское владѣніе—Манджурія и независимая Корея!

Внезапность, съ какою нѣкоторыя газеты вдругъ увидѣли опасность въ этомъ континентальномъ приобрѣтеніи Японіи, послѣ того, какъ онѣ же хладнокровно описывали такія военныя событія, которыя угрожали самому существованію китайской имперіи въ ея настоящемъ видѣ, явилась какъ бы результатомъ какого-то взаимнаго толчка или сговора. Формозу онѣ охотно уступаютъ Японіи, уступаютъ и Рыбачьи острова, но—ни пяди земли на материкѣ. Между тѣмъ, ужъ скорѣе же Формоза имѣеть для Россіи значеніе, такъ какъ она находится на пути постоянного морскаго сообщенія Петербурга и Одессы съ Владивостокомъ, чѣмъ часть по 40° широты Ляо-Тонскаго полуострова, лежащая совсѣмъ въ сторонѣ, во внутреннихъ водахъ Китая, далеко за Корею. За Корею, правда, тѣ же газеты безпокоились при самомъ началѣ войны, доказывая, что ни въ какомъ случаѣ Россія не должна допускать захвата граничащаго съ Россіей полуострова и что только признаніе японцами полной независимости Кореи можетъ устранить вмѣшательство Россіи. Положимъ, и въ этомъ уже было нѣкоторое преувеличеніе, такъ какъ огромный корейскій полуостровъ, имѣющій въ длину около 1000 верстъ, соприкасается съ русскими владѣніями лишь въ крайнемъ сѣверовосточномъ углу, да и то всего на 80 верстномъ протяженіи, между тѣмъ, какъ русское владѣніе—островъ Сахалинъ прямо прилегаетъ къ Японіи. Но все равно, пусть крайне важна представлялась газетамъ независимость Кореи. Нынѣ японское правительство объявляетъ независимость Кореи, которую оно, однако, отвоевало у китайцевъ. Но эта уступка оставляетъ наши газеты неудовлетворенными: ихъ интересуетъ теперь не Корея, а именно и только—та полоса на полуостровѣ Ляо-Тонѣ, до которой отъ рѣки Амура тысяча верстъ!

Положимъ, газеты увѣрили, что если японцы будутъ имѣть полосу земли на полуостровѣ Ляо-Тонскомъ, то независимость Кореи обратится въ призрачную, ибо японцы будутъ держать Корею въ тискахъ. Но такъ-какъ по 40° широты, Корею отдѣляетъ отъ Ляо-Тонской полосы заливъ Ялу, въ который истекаетъ рѣка того-же имени, то это континентальное владѣніе Японіи вовсе не прикасалось-бы на сухомъ пути, даже ни въ одной точкѣ съ Корею. А во всю длину своей сухопутной границы, Корея прилежитъ къ Манджуріи, которая остается китайскою, и затѣмъ—къ русскимъ владѣніямъ. При этихъ географическихъ условіяхъ, почему-же полагать, что Корея оказалась-бы «въ тискахъ» именно у Японіи, съ которою она-бы вовсе даже не соприкасалась?

Затѣмъ, все то, что газеты говорили о необходимости для Россіи приобрѣсть на крайнемъ востокѣ незамерзающій портъ, можетъ быть и основательно, но вѣдь это не имѣеть отношенія къ Японіи, такъ-какъ такой портъ, очевидно, оказался-бы на восточномъ берегу Кореи, которую Японія оставляетъ независимой. Стало-быть, зачѣмъ-же воевать съ

Японіей для добытія порта отъ Кореи? Между тѣмъ, «Московскія Вѣдомости» положительно угрожали Японіи войной. Наиболѣе «воинственнаго азарта», какъ водится, когда бываетъ спросъ на этотъ «азартъ», проявляла именно эта газета; за нею слѣдовали «Новое Время» и что болѣе удивительно—«Новости». Но политическіе виды «Моск. Вѣдомостей» довольно несоизмѣрны. Онѣ, которые видятъ такую опасность въ утвержденіи японцевъ въ Ляо-Тонѣ, на огромномъ разстояніи отъ Россіи, что вызываютъ къ войнѣ съ Японією, онѣ-же, «Московскія Вѣдомости», радовались въ свое время созданію вилоть у русской границы могущественной Германской имперіи, то-есть тому событію, которое повлекло за собой въ послѣдствіи и пересмотръ санъ-стефанскаго трактата, и занятіе Босніи и Герцеговины австрійцами, и неблагодарность Болгаріи, и заключеніе тройственнаго союза, словомъ—всѣ факты, нынѣ уже съ большей основательностью «Московскими Вѣдомостями» неодобряемые. «Моск. Вѣд.» видѣли залогъ мира въ основаніи Германской имперіи, которая вырѣзала живой кусокъ изъ тѣла Франціи—Эльзасъ и Лотарингію, захвативъ въ самомъ сердцѣ Европы область, которой длина превышаетъ ширину требуемаго Японіей Ляо-Тонскаго участка, а по ширинѣ равняется длинѣ послѣдняго.

Отъ послѣдней войны между европейскими государствами протекли 17 лѣтъ и, несмотря на незаконченные счеты между народами и несогласія между правительствами Европы, казалось, что самое нагроможденіе страшныхъ средствъ для борьбы является препятствіемъ къ ея началію и побудитъ къ мирному исходу многихъ столкновеній прежде, чѣмъ какая-либо сторона рѣшится пустить въ ходъ современные средства истребленія. И вдругъ, изъ-за такого повода, какъ уступка полу-губерціи китайцами японцамъ, нѣкоторыя газеты не только угрожаютъ войной Японіи, но принимаютъ вызывательный тонъ и въ отношеніи къ Англіи, говорятъ о возможности движенія русскихъ войскъ къ остъ-индской границѣ... Впрочемъ, и оставляя въ сторонѣ эту крайность, спросимъ—сколько-же времени потребовалось-бы для того, чтобы доставить во Владивостокъ на судахъ или сухимъ путемъ изъ Россіи тысячъ пятьдесятъ пѣхоты съ соответственнымъ числомъ орудій и лошадей? Признаемся, что, находя естественнымъ дипломатическія представленія токіюскому правительству объ умѣреніи требованій, мы все-таки считаемъ совсѣмъ невѣроятною войну даже въ томъ случаѣ, если бы Японія отказалась отъ всякихъ уступокъ, что само по себѣ уже едва-ли мыслимо. Если-же Японія будетъ настаивать на владѣніи Портъ-Артуромъ и на временномъ занятіи Вей-Хай-Вей, то какой-же собственно русскій интересъ могъ-бы потребовать войны?

Объ опасности для Россіи отъ владѣнія Японіи Портъ-Артуромъ нельзя говорить серьезно. Тотъ «общій интересъ всей Европы», на который ссылалась «Кельнская Газета» и который заключается въ томъ, чтобы не допустить изолированія Китая Японією и замкнутія его въ кругъ

исключительнаго вліянія Японіи, не нарушается условіями мира, насколько они извѣстны. Одинъ Портъ-Артуръ вовсе не командуетъ даже и проходомъ въ Печилійскій заливъ, и между тѣмъ, южнѣе этого залива остается открытымъ весь берегъ Желтаго моря. Могутъ сказать —общій интересъ Европы представляется въ томъ, чтобы отвратить распространеніе европейскаго военнаго устройства на всемъ востокѣ Азіи по примѣру Японіи. Но это—перспектива столь отдаленная, что она едва-ли можетъ явиться мотивомъ практической политики. Да и Японія едва-ли будетъ стараться о лучшемъ вооруженіи Китая и о содержаніи имъ постоянной арміи въ два милліона солдатъ.

Европейскія государства, конечно, не допустятъ, чтобы Японія навязала Китаю такія условія, которыя предоставили-бы ей что-либо въ родѣ монополіи торговли. Въ этомъ болѣе кого-либо заинтересована сама Англія, такъ-какъ торговля съ Китаемъ составляетъ значительную часть всей суммы оборотовъ ея внѣшней торговли. Но вопросъ торговый касается коммерческихъ портовъ и низовьевъ рѣкъ Китая, а вопросъ о Ляо-Тонскомъ полуостровѣ здѣсь ни при чемъ. Что касается русской торговли съ Китаемъ, то она идетъ сухимъ путемъ, преимущественно черезъ Кяхту, и условія мира, каковы-бы они ни были, ея не коснутся. Вывозъ нашъ черезъ Кяхту незначителенъ. Такъ, по даннымъ «Вѣстника Финансовъ», отпускъ русскихъ товаровъ черезъ Кяхту за первую треть 1894 года составлялъ всего 964 тыс. руб., и уменьшился въ сравненіи съ тѣмъ-же періодомъ 1893 года. Привозъ изъ Китая черезъ Кяхту составилъ за третью года до 5,4 милл. р. и увеличился противъ 1893 г. слишкомъ на четверть. Но въ этомъ привозѣ главную роль игралъ чай, который одинъ составилъ въ приведенномъ итогѣ привоза до $4\frac{3}{4}$ милл. р. Между тѣмъ, какъ извѣстно, чай сухопутной доставки, идущій къ намъ изъ Китая непосредственно, составляетъ лишь малую часть всего привоза чая въ Россію, который направляется главнымъ образомъ моремъ, то-есть идетъ чрезъ Англію и находится въ рукахъ англичанъ. Непосредственной-же сухопутной русской торговли съ Китаемъ несколько не угрожаютъ какія-либо территоріальныя уступки на Ляо-Тонскомъ побережьи.

Итакъ, даже торговыя сношенія Россіи съ Китаемъ вовсе не таковы, чтобы они могли оправдывать тѣ зазыванія къ войнѣ, которыми въ прошломъ мѣсяцѣ отличались нѣкоторыя наши газеты. Мы считаемъ войну вполне невѣроятною и надѣемся, что еще ранѣе выхода въ свѣтъ настоящей книги, Японією будутъ сдѣланы нѣкоторыя уступки по представленіямъ державъ, такъ что и самая мысль о войнѣ будетъ уже казаться странною нашей публикѣ, которая относится очень впечатлительно къ сенсационнымъ статьямъ, но потомъ замѣчательно скоро забываетъ о нихъ, какъ-бы ихъ вовсе не бывало. Если ожиданіе наше оправдается и въ первыхъ числахъ мая будетъ уже забыто объ этой газетной тревогѣ, то доводы наши противъ войны по поводу трактата Японіи съ

Китаемъ могутъ все-таки пригодиться, какъ разъясненіе, насколько искусственны и намѣренно раздуты бываютъ подобныя «громы», составляющіе «спеціальность» нѣсколькихъ газетныхъ Калхасовъ.

Въ своихъ преждевременныхъ угрозахъ Англіи наши газеты упоминали и о томъ, что столкновеніемъ съ ней по японскому дѣлу было-бы удобно воспользоваться для уничтоженія подписаннаго всего въ концѣ февраля соглашенія съ ней о Памирахъ. Недовольство этимъ соглашеніемъ мотивировалось тѣмъ, что за Россіею признано право занятія только сѣвернаго, верхняго Памира, а не южной памирской долины, изъ которой, по словамъ «Свѣта», «первый русскій отрядъ, спустившійся черезъ перевалы Гиндукуша въ Читраль, а отсюда перешедшій 200 верстъ до перваго большаго города въ Кашмирѣ, Гилгита, могъ-бы зажечь пожаръ по всеѣмъ англо-индійскимъ владѣніямъ». Легко говорить: спуститься черезъ перевалы Гиндукуша, да еще пройти 200 верстъ. Если разсуждать такъ, то все окажется недалекимъ. Но перейти черезъ Гиндукушъ, это одно уже составляетъ трудное предпріятіе, а затѣмъ — еще 200 верстъ! По какому пути пришлось-бы проходить—это мы видѣли изъ недавней экспедиціи англичанъ къ Читралу, при которой въ колоннѣ полковника Келли, двинутой туда именно изъ Гилгита, на соединеніе съ главными силами, т. е. тремя бригадами сэра Р. Лоу, шедшими на Читраль съ юга, изъ Пешавера—людямъ пришлось несть горныя орудія на рукахъ на разстояніи 14 верстъ въ Шандорскомъ проходѣ, въ глубокомъ снѣгѣ, на высотѣ 12 тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, такъ какъ верблюдовъ нельзя было провезти тамъ. При этомъ изъ 600 человекъ отряда тридцать были ослѣплены блескомъ солнца на снѣгахъ и 26 отморозили себѣ руки и части лица.

Какова-же была цѣль труднаго похода англичанъ на Читраль? Дѣло въ томъ, что Англіею былъ признанъ владѣтель Читраля, къ которому она тотчасъ, по обыкновенію, приставила своего резидента, д-ра Робертсона съ малымъ военнымъ отрядомъ. По наущенію дяди читральскаго мехтара, въ область эту вторгнулся джандольскій владѣтель Умра-Ханъ... Робертсонъ выслалъ поручика Гордона, чтобы помѣшать этому вторженію, но кашмирцы прогнали его спнаевъ, при чемъ онъ былъ убитъ. Тогда на выручку къ англійскому гарнизону въ Читраль двинулись слабѣе ближайшіе снайскіе отряды, но кашмирцы, подъ предлогомъ перемирія, заманили къ себѣ поручиковъ Фуулера и Эдвардса и взяли ихъ въ плѣнъ. Послѣ того, какъ генераль Лоу соединился съ колонной Келли, они скоро овладѣли Читралемъ, освободили Робертсона, а Умра-Ханъ бѣжалъ, возвративъ англійскимъ офицерамъ свободу. Здѣсь заслуживаетъ удивленія только преодоленіе трудностей пути. Вѣроятно было-бы достаточно и одной бригады, вмѣсто трехъ, чтобы прогнать Умра-Хана. Замѣчательно, что индійское правительство бросило далеко за Гималаи, подъ самый Гиндукушъ и на недалекое разстояніе отъ Памировъ столь значительныя силы.

Не означаетъ-ли это намѣренія присоединить Читраль къ англійскимъ владѣнιάмъ, хотя такое предположеніе и отвергалось передъ предпріятіемъ похода? Если-бы это случилось, тогда пришлось-бы признать, что англійскія военныя власти слѣдуютъ той самой, довольно своеобразной системѣ обороны, которую, съ своей стороны, рекомендуютъ и русскія газеты, именно системы заключающей въ томъ, чтобы для обезпеченія себя отъ возможнаго въ будущемъ противника — какъ можно ближе подойти къ нему. Наши газеты отзываются съ неудовольствіемъ о томъ безыменномъ горномъ хребтѣ, который замыкаетъ верхній Памиръ и составляетъ теперь русскую военную границу; онѣ указываютъ какъ на «естественную» границу русскихъ владѣній—на великій хребетъ Гиндукушъ. А англичане не удовольствовались охраной высочайшаго гималайскаго хребта, но подошли подъ самый Гиндукушъ въ Гилгитъ и Читраль, даже зачислили въ сферу своего вліянія долину Пампра.

Итакъ, вмѣсто того, чтобы оставить возможно большее и наиболее непроходимое пространство между владѣніями той и другой стороны, какъ буферъ противъ возможности столкновенія, обѣ онѣ какъ-бы стремятся къ наиболѣе тѣсному сосѣдству. Различіе проявляется только въ мотивировкѣ такихъ постепенныхъ шаговъ навстрѣчу другъ друга. Англійскія газеты, сообразуясь съ дипломатическими приѣмами своего правительства, каждое новое занятіе къ сѣверу оправдываютъ необходимою обезпечить какую нибудь дорогу или наказатъ какихъ-нибудь хищниковъ, обижающихъ дружественныхъ Англій хановъ и эмпровъ. Наши-же газеты, непривыкшія къ политической сдержанности, прямо твердятъ, что Россіи необходимо подвинуться какъ можно ближе къ британскимъ владѣніямъ, для того, чтобы въ случаѣ нужды «зажечь въ нихъ пожаръ». Никогда еще доселѣ виды на расширеніе владѣній не оправдывались желаніемъ приобрести болѣе удобства для нападенія на сосѣда. На дипломатическомъ, да и на газетномъ языкѣ это обыкновенно объяснялось иначе.

Такъ, князь Бисмаркъ доселѣ твердитъ, что Эльзась и Лотарингія съ Мецомъ были взяты Германію единственно для ея-же защиты. А наши газетные завоеватели такъ прямо и объявляютъ о мнимой необходимости отмѣнить только что заключенное соглашеніе о Памирахъ — для того, чтобы было легче напасть на англичанъ въ Индіи. Это ужъ слишкомъ откровенно и нельзя удивляться, что англичанамъ такой аргументъ никакъ не можетъ казаться убѣдительнымъ. Совсѣмъ въ иной формѣ оправдываютъ расширеніе сферы британской власти газеты англійскія. Напр. вотъ какъ «Standard» представлялъ тѣ обстоятельства, которыя были первой причиной нынѣшняго похода на Читраль: «онѣ служили рассадникомъ и сборнымъ пунктомъ для фанатическихъ агентовъ, которые распространяли мятежи по нижнему Гангею... По общимъ условіямъ стратегической политики (on general conditions of strategic policy)

признано было нужнымъ имѣть въ Читралѣ нашего агента и пользоваться тамъ вліяніемъ». Это—гораздо деликатнѣе.

Переходя къ внутреннимъ англійскимъ дѣламъ, начнемъ съ того, что упомянутый въ прошлый разъ вопросъ о выборѣ новаго президента въ палатѣ общинъ получилъ разрѣшеніе, которое не удовлетворило никого. Мы уже говорили, что спикеръ признается стоящимъ выше или вѣднѣ партій, такъ какъ долгъ его—полное безпристрастіе, и что по обычаю, кандидата рекомендуетъ правительство. Вполнѣ согласно съ такими традиціями, правительство конфиденціально предложило кандидатуру члену оппозиціи, а именно уніонисту Кортнэ. Но на нее не согласились консерваторы, ссылаясь на прежнее свое соглашеніе съ уніонистами, въ силу котораго депутатское мѣсто вышедшаго въ отставку спикера Пля, уніониста, должно быть сохранено за кандидатомъ той-же партіи, съ тѣмъ, что спикера уніонисты будутъ избирать вмѣстѣ съ консерваторами, изъ числа послѣднихъ. Въ качествѣ такого консервативнаго кандидата въ спикеры выдвинутъ былъ сэръ М. Ридли. Такимъ образомъ, консерваторы, вопреки традиціямъ, сдѣлали изъ избранія спикера вопросъ о пораженіи для министерства. Тогда оно было уже принуждено рекомендовать кандидата изъ либеральной правительственной партіи, адвоката Гэлли. Онъ и оказался избраннымъ, но—большинствомъ только 11-ти голосовъ, такъ что побѣда эта почти столь-же неудовлетворительна для министерства, какъ для консерваторовъ ихъ пораженіе. Къ тому-же, новый спикеръ, по профессіи адвокатъ—менѣ выдающійся членъ палаты. Тѣмъ оба кандидата, названные выше.

Между тѣмъ, билль объ отнѣиіи господства англиканской церкви въ княжествѣ Уэльскомъ, съ сохраненіемъ за ней ея капиталовъ, но съ обращеніемъ на мірекія нужды принадлежащихъ ей земельного сбора и пособій изъ мѣстныхъ суммъ, прошелъ во второмъ чтеніи—такимъ большинствомъ, какого либеральное министерство не имѣло ни разу со времени выборовъ 1892 года, а именно 304 голосами противъ 260, то-есть 44-мя голосами перевѣса надъ оппозиціею. Это неожиданное большинство составилось, во-первыхъ, оттого, что изъ 34 представителей самого Уэльса за законъ вотировали 31, что показываетъ, какъ онъ популяренъ на мѣстѣ; а во-вторыхъ отъ той еще причины, что уніонисты, хотя и состоя въ оппозиціи, но называя себя либералами, не посмѣли подать голосовъ противъ мѣры, за которую прежде стояли сами, и совѣмъ воздержались отъ голосованія; вождь-же ихъ Чэмберленъ даже подавъ голосъ за проектъ, хотя и внесенный кабинетомъ ненавистнаго ему home-rule'a. Но хотя второе чтеніе биллей обыкновенно считается рѣшающимъ ихъ судьбу, однако въ данномъ случаѣ самыя обстоятельства, которыя его сопровождали не позволяли имѣть этой увѣренности. Уніонисты изъ принципа не рѣшились выступить противъ билля открыто, но они все-таки были-бы рады неуспѣху г. Асквита, министра внутреннихъ дѣлъ и при обсужденіи билля по статьямъ могутъ создать затрудненія. Впро-

чемъ, полагають, что билль пройдетъ и въ третьемъ чтеніи, хотя и менѣе значительнымъ большинствомъ, такъ какъ уніонистамъ представится возможность оправдывать свою оппозицію—тѣмъ или другимъ второстепеннымъ пунктомъ, не высказываясь противъ основного принципа. Но затѣмъ, палата пэровъ несомнѣнно отвергнетъ этотъ билль, противъ котораго возстаетъ все высшее англиканское духовенство, съ архіепископами кэнтвѣрійскимъ и йоркскимъ во главѣ.

Той-же судьбѣ, вѣроятно, подвергнется въ верхней палатѣ и другой законопроектъ, внесенный министерствомъ въ палату общинъ въ прошломъ мѣсяцѣ. Это проектъ такой реформы въ законахъ о питейной торговлѣ, что мѣстнымъ представительствомъ населенія предоставлялось бы отказывать въ открытіи питейнаго заведенія въ томъ или другомъ пунктѣ, несмотря на патентъ (licence) и кѣмъ-бы онъ ни былъ выданъ, а также право надзора за самымъ производствомъ торговли питьями. Эта мысль была усвоена либеральной партіею уже лѣтъ 20 тому назадъ и она несомнѣнно способствовала къ усиленію партіи консервативной, которая приняла кабатчиковъ подъ свою защиту. Питейный акцизъ въ бюджетѣ Соединеннаго королевства далеко не играетъ такой роли, какъ въ нашемъ. А именно, у насъ онъ составляетъ болѣе четверти всего обыкновеннаго бюджета, а въ великобританской росписи — лишь около десятой части ея итога, примѣрно 15 милл. фунтовъ изъ 150 м. ф. Однако и 15 м. ф.—большая сумма. Мѣра направлена къ уменьшенію ньянства и консерваторы опасаются, что она повлечетъ за собой уменьшеніе акцизнаго дохода, а стало бытъ, и возмѣщеніе его новыми налогами на имущество. Билль о предоставленіи общественнымъ властямъ права не допускать продажи питей въ мѣстахъ, гдѣ ими будетъ признано вреднымъ, вносился нѣсколько разъ, между прочимъ и при послѣднемъ министерствѣ Гладстона, которое не успѣло провести его, такъ какъ пало по другому, болѣе крупному вопросу. Между тѣмъ, содѣйствіе кабатчиковъ, которые вліятельны на выборахъ, навѣрное провело нѣсколькихъ лишнихъ консерваторовъ въ палату общинъ. Ожидаютъ, что билль этотъ пройдетъ въ пей въ нынѣшнюю сессію, но будетъ отвергнутъ лордами, благодаря систематической оппозиціи которыхъ либеральному министерству, вся сессія обѣщаетъ остаться безплодной.

«Новѣйшій курсъ» въ Германіи все еще не выяснился сколько-нибудь рельефно. Повидимому, этому мѣшаетъ самое состояніе князя Гогенлоэ во главѣ имперскаго управленія. Болѣе яркимъ представителемъ новѣйшаго курса могъ-бы быть бывшій сотрудникъ Гогенлоэ въ Эльзасѣ-Лотарингіи, нынѣшній прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ Келлеръ, бюрократъ въ старомъ прусскомъ духѣ. Собственно, въ его назначеніи и былъ смыслъ произошедшей перемѣны, а кн. Гогенлоэ только «вѣнчаетъ зданіе». Оба эти министра лишены искусства устраивать парламентскія комбинаціи и можно сказать, что въ настоящее время не существуетъ правительственнаго большинства. Большинство оказываются

случайными. и та комбинація партій, при которой можно провести одинъ законопроектъ, является неподходящею для проведенія другого. Такъ, доселѣ не видно, на какое большинство рассчитываетъ правительство для проведенія закона, направленнаго противъ «партіи переворота». Этотъ законопроектъ значительно передѣланъ въ комисіи, подъ влияніемъ центра. Изъ проекта выкинуты все тѣ мѣры, которыя ограничивали права печати и общественныхъ союзовъ или сходокъ, словомъ, исключено все то, что могло быть употребляемо противъ всякихъ оппозиціонныхъ организацій и заявленій вообще, а оставлены только мѣры противъ призыва къ бунту, подговора солдатъ къ непослушанію, восхваленія «измѣны», то-есть собственно то, что можно будетъ, хотя и съ нѣсколькими распространительными толкованіемъ, примѣнять къ агитаціи однихъ социалистовъ.

Вслѣдствіе того, разнесся-было слухъ, что законопроектъ этотъ будетъ взятъ назадъ. Слухъ этотъ былъ опровергнутъ въ офиціальномъ «Reichsanzeiger», при чемъ выражалось ожиданіе правительства, что при обсужденіи въ рейхстагѣ будутъ восстановлены нѣкоторыя статьи, измѣненныя комиссіею, и что законъ пройдетъ въ формѣ болѣе близкой къ первоначальной редакціи. Но вотъ при этомъ и возникаетъ вопросъ: на какое-же большинство возлагаетъ правительство такое свое ожиданіе? Во всякомъ случаѣ, оно не можетъ рассчитывать на центръ, подъ влияніемъ котораго измѣненія тѣ состоялись. Если-же центръ въ данномъ случаѣ окажется въ оппозиціи, то вмѣстѣ съ прочими оппозиціонными партіями: прогрессистами, социалистами, поляками и другими «партикуляристами» онъ и составитъ большинство. Слухъ о взятіи закона назадъ опровергнутъ, но любопытны тѣ мотивы, которые принимались въ основаніе этого слуха. Говорили, что императоръ недоволенъ измѣненнымъ проектомъ, какъ полумѣрою и склонился теперь къ взгляду, что лучше ввести новый проектъ, который былъ-бы направленъ прямо и исключительно противъ социалистовъ, такъ какъ центръ не противился-бы ему, а между тѣмъ такой исключительный законъ могъ-бы быть гораздо строже, чѣмъ нынѣшній, имѣющій характеръ мѣры общей, противъ «стремленій къ перевороту» съ какой-бы то ни было стороны, то есть къ чьей-бы то ни было нѣсколькими живой агитаціи. По тому-же разказу, канцлеръ Гогенлоэ, наоборотъ, не расположенъ къ исключительному закону, въ родѣ прежняго, бисмарковскаго, и выражаетъ увѣреніе, что въ собраніи удастся устранить нѣкоторыя передѣлки. Но Бисмаркъ впередъ уговаривался съ тѣми партіями, которыя ему были для чего-нибудь нужны, предоставляя, а еще чаще — только суля имъ уступки по другимъ вопросамъ и потому его «ожиданія» обыкновенно имѣли фактическое основаніе, чего въ данномъ случаѣ, повидимому, вовсе не имѣется. Кн. Гогенлоэ не имѣетъ инициативы и рассчитываетъ на комбинацію случайную.

Официальное опроверженіе показываетъ, что императоръ еще на этотъ

разъ согласился съ канцлеромъ. Но если вѣрно, что самъ Вильгельмъ II предпочиталъ внесеніе закона исключительнаго характера, то это-бы предвѣщало, что кн. Гогенлоэ не долго останется канцлеромъ и будетъ замѣненъ такимъ лицомъ, которое придастъ «новѣйшему курсу» болѣе ясное реакціонное значеніе. Такимъ лицомъ можетъ быть и г. Келлеръ, хотя противъ этого предположенія говорятъ не только личныя отношенія между нимъ и начальникомъ, который выдвинулъ его на важнѣйшій министерскій постъ, но еще и соображеніе, что Келлеръ не имѣетъ никакого авторитета ни въ рейхстагѣ, ни въ странѣ, еще менѣе свѣдуя въ парламентской тактикѣ, чѣмъ самъ Гогенлоэ, и совершенно лишентъ даже того «декоративнаго» значенія, какое имѣетъ князь, стоящій въ первомъ ряду государственныхъ дѣятелей болѣе 25 лѣтъ. Вотъ почему не лишена вѣроятности догадка, что преемникомъ нынѣшняго канцлера будетъ графъ Эйленбургъ. Это было-бы логично. Умный и благонамѣренный Каприви, несомнѣнный консерваторъ, но прямой противникъ бисмарковой системы раздраженія, заподозрѣванія, обузданія — во всѣ стороны, по предвзятымъ понятіямъ, а часто и личнымъ нерасположеніямъ, былъ смѣненъ вслѣдствіе разногласія именно съ гр. Эйленбургомъ, въ то время президентомъ прусскаго совѣта министровъ. Эйленбургъ уживался съ Бисмаркомъ, онъ близокъ къ аграріямъ. Итакъ, при самомъ увольненіи графа Каприви, который, вопреки собственному мнѣнію о себѣ и просто въ силу оставленныхъ Бисмаркомъ условий, сдѣлался какъ-будто либераломъ, логично было прямо назначить канцлеромъ графа Эйленбурга. Вильгельмъ II благоволилъ къ послѣднему, бывалъ у него на охотѣ, и хотя считъ нужнымъ уволить его, вмѣстѣ съ Каприви, но и доселѣ относится къ Эйленбургу, какъ къ одному изъ своихъ приближенныхъ. Если-же графъ дѣйствительно займетъ постъ канцлера, тогда «новѣйшій курсъ» и получитъ полную опредѣленность или, лучше сказать, онъ окажется не «новѣйшимъ», а старымъ прусскимъ курсомъ, болѣе или менѣе полнымъ возвращеніемъ, если не ко всѣмъ приемамъ, то къ основному направленію Бисмарка.

Между тѣмъ маститый «желѣзный канцлеръ» и «творецъ Германской имперіи» все еще продолжаетъ праздновать свой день рожденія, хотя съ того дня успѣлъ постарѣть еще на цѣлый мѣсяць. Онъ принимаетъ одну за другой всевозможныя поздравительныя депутаціи отъ разныхъ областей, городовъ и корпорацій, депутаціи мужскія и женскія, и — «добродушно съ ними болтаетъ», прославляя самъ свои дѣла въ благодарность за воздаваемый ему культъ. Какъ онъ ни ссылается на свою старость, но въ этомъ занятіи онъ неутомимъ. Впрочемъ, многочисленныя его аллюціи къ приходящимъ пилигримамъ добродушными можно назвать только въ такомъ смыслѣ, что онѣ иногда бывали фамплярны. Такъ, послѣ одной изъ нихъ, въ которой онъ говорилъ о томъ, насколько «новый идеаль», то-есть общегерманское сознаніе, выше прежнихъ, партикулярнестскихъ идеаловъ (представлялась депутація изъ Ангальтъ

Дессау), онъ обратился къ стоявшему передъ нимъ мальчику съ вопросомъ: «а ты, какъ полагаешь?», что вызвало общій смѣхъ; «а скоро и онъ будетъ имѣть объ этомъ свое мнѣніе», заключилъ бесѣду «легендарный» канцлеръ. Но въ большинствѣ его отвѣтныхъ спичей вполнѣ нестати, по поводу поздравленій и благожеланій, затрогиваются всякія раны, бросаются шпильки во все стороны. Такова внутренняя природа этого отставного дѣятеля «железомъ и кровью». Иногда онъ не отказывалъ себѣ даже въ легкой проинѣ надъ самими поздравителями.

Однимъ изъ образцовъ могла служить рѣчь къ депутаціи отъ Кельна. Князь Бисмаркъ заявилъ ей свое удовольствіе, что они «черезъ 25 лѣтъ выражаютъ ему свое согласіе (*Zustimmung*) со сдѣланнымъ». При этомъ случаѣ онъ напомнилъ, что въ теченіе 300 лѣтъ французы 30 разъ нападали на Германію, объяснилъ, что присоединеніе къ ней Эльзаса-Лотарингіи «совершилось вѣдь не вслѣдствіе привязанности къ намъ населенія той области, но потому, что представлялось географической необходимостью», и что «было-бы нескромно насъ спрашивать, много-ли мы справляемся о томъ, охотно-ли эльзасцы проявляютъ германское чувство»... и т. п. Любопытна была рѣчь, обращенная къ депутаціи, ораторъ которой объявилъ, что выражаетъ Бисмарку добрыя пожеланія 9-ти тысячъ «старыхъ», то-есть бывшихъ студентовъ. На ряду съ такимъ фантастическимъ курьезомъ, что выходя изъ гимназій, онъ былъ настроенъ «довольно республикански», даже питалъ нѣкоторое сочувствіе къ Гармодію и Аристокитону, высказана была Бисмаркомъ основная правда о его участіи въ созданіи германскаго единства. «Я, состоя во Франкфуртѣ, понялъ одно: что если для этой цѣли не будетъ употреблена прусская армія, то и самое дѣло не пройдетъ.... Итакъ, я долженъ былъ склонить къ этому дѣлу (*für die Sache gewinnen*) прусскаго короля; это дѣлалось постепенно и съ осторожностью, и удалось; безъ стараго государя, съ его своеобразнымъ характеромъ (*Natur*), твердостью, надежностью (*Zuverlässigkeit*), прямою и честностью, *кто-бы ни былъ министромъ*, онъ никогда не достигъ-бы тѣхъ цѣлей, при коихъ мы нынѣ находимся». И въ концѣ рѣчи Бисмаркъ повторилъ: «если-бы за дѣло не стала прусская армія, то и самое дѣло-бы не прошло». Вотъ это—совершенная правда. Какъ мы говорили и при описаніи самого торжества, главная «заслуга» Бисмарка заключалась именно въ томъ, что онъ убѣдилъ короля предпринять войну съ Австріей. А разъ дѣло созданія единства было поручено прусскою армію, то все остальное совершилось само собою, и, прибавимъ, совершилось-бы «кто-бы ни былъ министромъ».

Депутаціи отъ одесскихъ нѣмцевъ онъ поручалъ «пещись о политической дружбѣ Россіи съ Германіею», совѣтовалъ имъ пребывать добрыми нѣмцами, но такъ, чтобы ничѣмъ не вредить упомянутой дружбѣ, которая будто-бы всегда была цѣлью «честнаго маклера» берлинскаго трактата, автора «боевыхъ пошлостей» противъ Россіи, запретившаго приемъ

русскихъ бумагъ въ залогъ въ германскомъ банкѣ. Австрійской депутаціи изъ Граца оны похвалился, что Германія сильнѣе Австріи и замѣтилъ, что вся связь Австріи заключается въ нѣмецкой бюрократіи, а сила — въ арміи, организованной на подобіе германской. При томъ-же случаѣ, оны похвалился еще перевѣсомъ нѣмцевъ надъ славянами, зависящимъ будто-бы не просто отъ того, что нѣмецкія государства присоединили славянскія области, но отъ такого факта, что у славянъ «болѣе женскихъ, а у нѣмцевъ болѣе мужскихъ качествъ». Однимъ словомъ, ораторъ — въ отставку, какъ и на службѣ — старался безъ всякой пужды задѣть возможно больше интересовъ и самолюбій.

Нѣкоторыя нѣмецкія газеты относятся съ пренебреженіемъ къ конституціоннымъ формамъ и парламентской дѣятельности въ государствахъ балканскаго полуострова. Всякая оцѣнка должна быть сравнительной и, конечно, если сравнивать конституціонную жизнь Сербіи, Болгаріи, даже Греціи съ дѣйствіемъ политическихъ учреждений въ Великобританіи, то иное въ балканскомъ конституціонализмѣ окажется неправильнымъ и даже призрачнымъ, однако далеко не все. Давленіе производимое правительствами на выборы и даже самые перевороты свидѣтельствуютъ, что законныя формы недостаточно обезпечены, но никакъ не призрачны. Иначе ихъ не стоило-бы насилывать и нарушать. Такъ, въ прошломъ мѣсяцѣ въ Сербіи произведены были выборы въ скупщину при условіяхъ полного нарушенія законности и насилія надъ свободою избирателей. Однако въ Сербіи министерство не можетъ оставаться въ должности, если скупщина выскажетъ ему свое недовѣріе, а въ Пруссіи и въ Германской имперіи — можетъ. Несомнѣнно, что прусскіе ландраты хотя и прилагаютъ старанія къ тому чтобы вліять на выборы въ угодномъ правительству смыслѣ, но дѣлаютъ это безъ всякаго нарушенія законности, между тѣмъ, какъ въ Сербіи агенты власти избирателямъ угрожали, разгоняли оппозиціонныя сходки подъ предлогомъ безпорядковъ, даже подсылали шайки, производившія насилія. Но зато, скупщина, если захочетъ, можетъ свалить Христича, а берлинскій рейхстагъ не имѣетъ никакого вліянія на выборъ канцлера, который вовсе и не отвѣтственъ передъ нимъ. Въ Болгаріи часто слышались обвиненія, что съ лицами арестованными обращались дурно, даже жестоко. Но надо отмѣтить и то, что подобныя обвиненія могли высказываться газетами и депутатами — въ самой Болгаріи, даже во время Стамбуловскаго режима.

Нынѣшніе выборы въ скупщину — первые послѣ второго государственнаго переворота, который былъ произведенъ королемъ Александромъ въ прошломъ году. Первый переворотъ состоялся въ 1893 году, когда юный король, пригласивъ къ себѣ въ гости регентовъ и членовъ тогдашняго кабинета Авакумовича, приказалъ арестовать гостей и объявилъ себя совершеннолѣтнимъ за 15 мѣсяцевъ до законнаго срока. Тотъ переворотъ низложилъ правленіе «либераловъ», т. е. западниковъ, изъ которыхъ состояли регенты и большинство только что передъ тѣмъ избран-

ной скупщины. Затѣмъ, настало господство «радикаловъ», т.-е. сербскихъ самобытниковъ или народниковъ, склонныхъ болѣе къ Россіи, чѣмъ къ западу и назначено было радикальное министерство королевскаго воспитателя, покойнаго Докича, непосредственнаго автора того переворота, который, впрочемъ, по всей вѣроятности былъ внушенъ отцомъ короля Миланомъ. Политической партіею въ европейскомъ значеніи являются въ Сербіи именно либералы. Она имѣетъ опредѣленную программу въ смыслѣ утвержденія парламентаризма и готовые образцы для развитія жизни видить на западѣ. Эта партія имѣетъ и историческое значеніе, такъ какъ она возвела Обреновичей на сербскій престолъ. Опора ея — въ городахъ; у партіи этой есть давняя организація и традиція.

«Радикалы» также имѣютъ свою партію, то-есть извѣстные кружки людей уже выступавшихъ на политической сценѣ со знаменемъ сербской національной самобытности. Но опорю этой партіи составляетъ сельская масса, которую нельзя разсматривать какъ партію, такъ какъ она способна слѣдовать лишь за настроеніемъ, а не за опредѣленной усвоенной программой. Для тѣхъ радикаловъ—политиковъ, которые были назначены въ кабинетъ Докича, и затѣмъ составили, благодаря обычному давленію на выборахъ, почти всю живую скупщину (къ оппозиціи принадлежали всего 11 чел.), первый государственный переворотъ былъ вполне благопріятенъ. А на сельскую массу, которую радикалы зачисляють въ свою партію, онъ не произвелъ, да и не могъ произвести дурного и опаснаго для правительства впечатлѣнія. Затѣмъ, король лавировалъ между радикалами и либералами, съ которыми не хотѣлъ разойтись окончательно, но, наконецъ, преобладаніе радикаловъ ему надошло. По внушеніямъ того-же эксъ-короля Милана, будто среди радикаловъ существуетъ антидинастическій заговоръ, король Александръ, годъ тому назадъ, совершилъ второй государственный переворотъ, а именно самовольно отмѣнилъ либеральную конституцію 1889 года и возстановилъ уставъ 1869 года, на основаніи котораго нынѣ впервые и происходили выборы.

При этомъ явилась нѣкоторая логическая необходимость: такъ какъ переворотъ 1893 г. совершенъ былъ противъ либераловъ, а переворотъ 1894 г. — противъ радикаловъ, то изъ этого слѣдовало, что власть затѣмъ должна была перейти къ третьей партіи—«прогрессистамъ» или напредникамъ. По своей программѣ напредники—тѣ-же либералы, и они не столько партія, сколько кружокъ политическихъ дѣятелей, выдвинувшійся, а затѣмъ и выдѣлившійся изъ состава либеральной партіи. Во главѣ управленія сталъ Христичъ. По конституціи 1869 г., треть членовъ скупщины назначается правительствомъ, а прямые выборы происходятъ только въ городахъ; въ сельскихъ-же округахъ они производятся въ двухъ степеняхъ, т. е. имѣющіе цензъ избиратели, избирають выборщиковъ, которые уже избирають народныхъ представителей. Какъ радикальная, такъ и либеральная партіи рѣшили не принимать участія въ выборахъ, основанныхъ на нару-

шеи конституции. Въ силу правительственнаго давленія почти вездѣ избирались только удобные избиратели и затѣмъ депутаты. Но именно потому, что напредники составляютъ лишь группу людей, выдѣлившуюся изъ либеральной партіи, Христичу непременно хотѣлось привлечь въ составъ новой скупщины нѣкоторое число либераловъ изъ наиболѣе скромныхъ, т. е. такихъ, которые не стали-бы добиваться участія во власти. Такъ, тѣмъ чиновникамъ, которые уцѣляли на службѣ со временъ прежнихъ, либеральныхъ кабинетовъ было приказано баллотироваться въ скупщину. Сверхъ того, въ числѣ 60 членовъ, которыхъ назначило правительство, находятся 20 такихъ-же, безпритязательныхъ либераловъ. Дѣлиться властью и мѣстами съ либеральной партіей Христичъ не намѣренъ и огромное большинство въ скупщинѣ принадлежитъ напредникамъ, къ которымъ примкнули нѣкоторое число кандидатовъ доселѣ не принадлежавшихъ ни къ какой партіи; затѣмъ есть нѣсколько десятковъ либераловъ и даже радикаловъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, комитетъ либеральной партіи обратился къ либераламъ принявшимъ избраніе съ приглашеніемъ выйти изъ скупщины, угрожая исключить ихъ, въ противномъ случаѣ, изъ состава партіи, а не принадлежащіе къ партіямъ члены скупщины сдѣлали попытку организовать въ особый клубъ. Въ своемъ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь скупщина высказала одобреніе прошлогоднему государственному перевороту.

Итальянцы сдѣлали въ минувшемъ мѣсяцѣ еще одинъ шагъ впередъ на абиссинской почвѣ. Въ нашихъ газетахъ была телеграмма, что генералъ Баратьери возвратился въ Массову и былъ восторженно встрѣченъ населеніемъ. Между тѣмъ, телеграфнымъ агентствомъ не было раньше передано тотъ фактъ, безъ знанія о которомъ, пріемъ оказанный командующему войсками въ Эритреѣ не имѣлъ для читателей никакого значенія. Дѣло въ томъ, что Баратьери занялъ еще одинъ важный пунктъ въ тигринскомъ владѣніи, подвластномъ абиссинскому царю, а именно городъ Адигратъ. Этотъ городъ расположенъ на высотѣ 8,250 футовъ надъ уровнемъ моря, у прохода, который составляетъ главное сообщеніе Абиссиніи съ Эритреей. Владѣя Адигратомъ, итальянцы обезопасены отъ какого-либо неожиданнаго нападенія съ той стороны. Пунктъ этотъ былъ занятъ безъ сопротивленія, такъ какъ войска владѣтели Тигре, раса—Мангани не оправившись послѣ прежняго пораженія и ближайшіе ихъ остатки легко были прогнаны летучимъ отрядомъ, который выслалъ Баратьери. Хотя раса—Мангаша просилъ помощи у своего сюзерена, но Менеликъ доселѣ не обнаружилъ никакихъ наступательныхъ намѣреній противъ итальянцевъ. Весьма вѣроятно, что Баратьери не ограничился-бы однимъ занятіемъ Адиграта. Но онъ былъ телеграммой правительства отозванъ изъ Адиграта въ Массову. Это отозваніе опровергло слухъ о намѣреніи Криспи учредить Эритрейское вѣцекоролевство, а съ расширеніемъ его—даже имперію, такъ чтобы итальян-

скій король былъ императоромъ въ Эритреѣ, какъ королева Викторія называется императрицею Индіа.

Впрочемъ, въ подобныхъ слухахъ только отражается предположеніе, что Криши нуждается въ какомъ-нибудь блестящемъ эффектѣ для выхода изъ запутаннаго положенія внутреннихъ дѣлъ. Палаты были отерочены въ такой моментъ, когда министерству угрожало паденіе по поводу дѣла Джолитти—прежняго перваго министра, который выступилъ съ обвиненіями противъ Криши по отношенію къ операціямъ римскаго банка. Какъ мы уже говорили, парламентская коммиссія, назначенная для просмотра представленныхъ Джолитти документовъ и писемъ, признала, что они не компрометируютъ Криши. Между тѣмъ, противъ самого Джолитти было начато уголовное слѣдствіе по обвиненіямъ, какъ въ скрытіи нѣкоторыхъ документовъ при ликвидаціи банка, такъ и въ клеветѣ на Криши. Джолитти протестовалъ противъ привлеченія себя къ суду безъ согласія палаты депутатовъ и жалоба его, отвергнутая въ одной судебной инстанціи была признана въ другой подлежащею удовлетворенію.

Такимъ образомъ, продолжительный перерывъ въ парламентской дѣятельности не измѣнитъ положенія: какъ сессія прервалась на обсужденіи вопроса о взаимныхъ обвиненіяхъ нынѣшняго и прежняго премьеровъ, такъ она и возобновится на этомъ самомъ дѣлѣ. Различіе лишь въ томъ, что палата депутатовъ явится въ новомъ составѣ. Послѣдніе мѣсяцы были посвящены тщательному и даже придирчивому пересмотру, на основаніи закона 11 іюля 1894 года, избирательныхъ списковъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ округахъ числа исключенныхъ изъ списковъ, за недостаточностью ценза или по несоответствію другимъ законнымъ условіямъ, составляли по нѣскольку десятковъ тысячъ человекъ. По словамъ корреспондента «Journal des Débats», въ Туринской провинціи, изъ 156601 избирателя, остались всего 72916. Теперь можно предположить одно изъ двухъ: или, благодаря столь энергическому пересмотру, въ новой палатѣ окажется сильное министерское большинство, или численное соотношеніе партій не измѣнится существенно. Въ первомъ случаѣ, министерству не будетъ нанесено пораженіе по дѣлу Джолитти, но зато оппозиція не преминетъ представить пересмотръ избирательскихъ списковъ, какъ маневръ сходный съ тѣми избирательными приемами, какіе употребляютъ въ Сербіи. Если-же министерское большинство въ новой палатѣ не окажется компактиѣе, чѣмъ въ прежней, то раздраженіе, вызванное пересмотромъ списковъ, можетъ обратиться въ поводъ для низверженія Криши, даже независимо отъ согласія или несогласія новой палаты на судебное преслѣдованіе Джолитти.

Положеніе дѣлъ во всякомъ случаѣ затруднительное и хотя новѣйшія извѣстія о поступленіи доходовъ благоприятны, но нельзя сомнѣваться, что и будущій бюджетъ заключится съ дефицитомъ, а страна положительно уже не въ силахъ выносить дальнѣйшее возвышеніе налоговъ. Любопытно,

что на предстоящіе выборы въ Италиі выступаютъ, средней цифрой, по шести кандидатовъ на округъ, то-есть, что на 500 депутатскихъ мѣсть являются 3 тысячи кандидатовъ! Это указываетъ на одну изъ слабыхъ сторонъ политической жизни, свойственную не одной Италиі, но и Испаніи, Франціи и Соединеннымъ Штатамъ, а именно на образованіе цѣлаго класса или особаго сословія «politicians», какъ ихъ называютъ въ Америкѣ, людей, которые профессионально занимаются «политикой», то естъ составляютъ, подъ знаменами разныхъ партій, цѣлые персоналы—нищущіе мѣсть.

Л. Половскій.

СУДЪ ПРИСЯЖНЫХЪ.

Среди разныхъ отечественныхъ теорій сложилась и особая отечественная «теорія доказательствъ». Эта теорія, какъ и всякая отечественная теорія, отличается простотой и неостроумной фальсификаціей. Основное положеніе практической политики, дающее поводъ ко всякимъ не практичнымъ выводамъ и гласящее, что все зависитъ отъ условій времени и мѣста, давно передѣлано на отечественный жаргонъ и теперь особенно пускается въ ходъ. «Что нѣмцу здорово, то русскому смерть» лежитъ и въ основѣ особой отечественной «теоріи доказательствъ». Она ставитъ силу и характеръ доказательствъ въ зависимость не только отъ національныхъ особенностей, но и отъ климатическихъ условій и географическихъ широтъ. Если при извѣстномъ климатѣ и подъ извѣстными широтами требованія теоріи, данныя науки и указанія исторіи культурныхъ народовъ признаются подходящими доказательствами какого-либо положенія, имѣющаго прямое отношеніе къ вопросамъ и задачамъ практической политики, то въ отечественномъ климатѣ и подъ русскими широтами всѣ эти требованія, данныя и указанія пріобрѣтаютъ чисто отрицательное значеніе. Если въ защиту предлагаемаго вами рѣшенія по данному вопросу нашей внутренней политики вы будете ссылаться на требованія теоріи и науки, то это будетъ служить лишь доказательствомъ вашей наивности и полнаго незнанія условій мѣста и времени. Разъ вы докажете и притомъ съ полнымъ успѣхомъ, что предлагаемое вами рѣшеніе вытекаетъ изъ требованій теоріи и данныхъ науки, то этимъ самымъ вы докажете, что подъ русскими широтами оно не должно получить примѣненія. Подъ русскими широтами должны царить чистый, здравый русскій смыслъ, не зараженный ни теоріями, ни наукой.

Трудно думать, что это гоненіе на теорію и науку не является приспособленіемъ къ условіямъ времени — приспособленіемъ тѣмъ болѣе вреднымъ, что нашу практическую политику и такъ нельзя заподозрить въ особо благосклонномъ отношеніи къ требованіямъ теоріи, даннымъ науки и опыту культурныхъ народовъ. Темпъ и послѣдствія такого отно-

шенія настолько выяснились во всѣхъ сферахъ жизни (политической, административной и общественной), что ежедневно нужно быть ко всему готовымъ. Въ виду этого, поощреніе такого болѣе чѣмъ не успокоительнаго вѣянія въ печати является особенно тревожнымъ и грустнымъ. Трудно себѣ представить, что станется съ основными, пожалуй, даже чисто элементарными условіями общежитія, если ихъ начнутъ фильтровать согласно требованіямъ здраваго русскаго смысла, въ пику наукѣ, теоріи и опыту исторіи культурныхъ народовъ. Къ большому прискорбію и судъ присяжныхъ, какъ основная опора общежитія, остановила на себѣ вниманіе добровольцевъ, желающихъ на немъ попытаться силу и запасъ имѣющагося у нихъ здраваго русскаго смысла.

Къ числу такихъ добровольцевъ принадлежитъ и г. Дейтрихъ *). Фамилія его ничего не говоритъ хорошаго національному русскому уму и сердцу, зато именно сердцемъ и душой онъ можетъ перешеголять даже издателя газеты «Свѣтъ». Онъ противъ науки и теоріи, наводящихъ туманъ на институтъ суда присяжныхъ. Вопросъ объ этомъ судѣ онъ считаетъ возможнымъ разрѣшить, лишь попроцавшись съ наукой и теоріей и давъ свободу здравому практическому смыслу. Онъ утверждаетъ, что вопросъ о судѣ присяжныхъ, «сложный самъ по себѣ, усложняется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что разсматриваютъ институтъ присяжныхъ не съ точки зрѣнія практической, о правильномъ отправленіи правосудія, а съ отвлеченно-теоретической, ничего въ сущности не разрѣшающей и лишь затемняющей обсуждаемый вопросъ.. Очевидно, что ставъ при обсужденіи интересующаго насъ вопроса на эту общую отвлеченную почву, мы ни на шагъ не подвинемъ его къ разрѣшенію и запутаемся лишь въ чисто теоретическихъ положеніяхъ, имѣющихъ весьма мало отношенія къ практическому, возможно совершенному устройству у насъ уголовного суда по важнѣйшимъ преступленіямъ».

Вотъ какія положенія приходится оспаривать. Приходится доказывать, что чисто теоретическія положенія и идеи, лежащія въ ихъ основаніи, имѣютъ и у насъ, какъ и вездѣ, самое ближайшее отношеніе къ практическому возможно совершенному устройству суда по всякаго рода важнѣйшимъ уголовнымъ преступленіямъ. По всей вѣроятности, только у насъ въ серьезныхъ юридическихъ журналахъ, редактируемыхъ профессорами-юристами, можно доказывать, что отвлеченныя теоретическія точки зрѣнія и чисто теоретическія положенія въ сущности ничего не разрѣшаютъ, а лишь затемняютъ обсуждаемые вопросы права и судопроизводства и, ни на шагъ не подвигая ихъ разрѣшенія, производятъ общую путаницу. Фактъ существованія серьезныхъ юридическихъ журналовъ, отрицающихъ смыслъ и значеніе теоріи и науки права при разрѣшеніи стоящихъ на очереди вопросовъ практической политики въ области судопроизводства и судостройства—фактъ безспорно гармонирующій

*) «О судѣ присяжныхъ» въ апрѣльской книгѣ «Журнала министерства юстиціи». Кн. 5. Отд. II.

съ общимъ теченіемъ, но все-таки примириться съ нимъ — и больно, и страшно. Самая ближайшая исторія суда присяжныхъ достаточно показываетъ, чего можно ожидать отъ дальнѣйшихъ экспериментовъ надъ этимъ судомъ въ шку теоріи и въ удовлетвореніе требованіямъ здраваго смысла. Бѣда, конечно, состоитъ въ томъ, что при отсутствіи какого-либо аппарата для выраженія этого смысла, каждый по своему, самовольно расправляется съ этимъ смысломъ, предъявляетъ во имя этого смысла свои требованія и подыскиваетъ по своему средства, подходящія для ихъ удовлетворенія, выдавая ихъ за продиктованныя здравымъ русскимъ смысломъ. Однако, ни съ предъявленными имъ требованіями, ни съ подысканными имъ способами ихъ удовлетворенія не соглашаются люди, претендующіе на наличность у нихъ и здраваго смысла вообще и русскаго въ частности. Остается назначить какую-то компичную экспертизу съ цѣлью выяснить, кто есть носитель доподлиннаго здраваго русскаго смысла и кто — фальсифицированнаго. Не можетъ-же быть, чтобы, при всѣхъ невысокихъ достоинствахъ здраваго русскаго смысла, онъ являлся-бы варварски закоренѣлымъ, отрицающимъ значеніе науки исторіи при разрѣшеніи вопросовъ практической политики. И замѣчательно, что даже въ такомъ официальномъ собраніи, какъ совѣщаніе председателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, при нѣкоторой свободѣ сужденій и коллегіальности ихъ выраженія, русскій смыслъ оказывается далеко не такимъ, какимъ онъ проявляется въ фальсификаціяхъ равныхъ добровольцевъ, выступающихъ на защиту здраваго смысла за свой собственный страхъ и рискъ. Такъ, г. Дейтрихъ находитъ, что судъ присяжныхъ у насъ страдаетъ теперь такими «недостатками, которые если не будутъ своевременно устранены, должны привести его къ гибели и повсемѣстному упраздненію». Какіе-же такіе роковые недостатки таитъ въ себѣ судъ присяжныхъ? «Первое, что бросается въ глаза всякому внимательному и непредубѣжденному въ ту или другую сторону наблюдателю, — это, говоритъ г. Дейтрихъ, полная безпомощность и неспособность присяжныхъ (мы, разумѣется, говоримъ не объ исключительныхъ составахъ присяжныхъ, а о среднихъ) справиться со слѣдственнымъ матеріаломъ въ сложныхъ и запутанныхъ процессахъ». Такъ думаетъ г. Дейтрихъ, но совершенно инныя думы сложились на совѣщаніи председателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ. «По вопросу объ удовлетворительности дѣятельности суда присяжныхъ, какъ уже извѣстно, большинство членовъ совѣщанія (18) пришло къ выводу, что по дѣятельности своей этотъ судъ не только является вполне удовлетворяющимъ своей цѣли, но и вообще представляетъ собою лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія большей части серьезныхъ дѣлъ, особливо въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ тонкими ушками, требующими житейской вдумчивости» *). Г. Дейтрихъ, конечно,

* Журналъ м-ва юстиціи, февраль 1895 г.

заявить, что большинство совѣщанія было заражено наукою и запуталось въ дебряхъ тесрин. Онъ съ немовѣрной настойчивостью желаетъ сбить все положенія, выставленныя большинствомъ совѣщанія въ подтвержденіе незамѣлимыхъ достоинствъ суда присяжныхъ. Если совѣщаніе нашло, что судъ присяжныхъ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ «при сравненіи съ судомъ короннымъ болѣе репрессивенъ и *устойчивъ*», то г. Дейтрихъ выставить противъ суда присяжныхъ, выражаясь его словами, такое обвиненіе, въ «капитальнѣйшемъ изъ недостатковъ, которое только можетъ быть къ нему предъявлено», т. е. обвиненіе въ «неодинаковости его репрессіи и измѣчивости и неустойчивости его приговоровъ». Все эти недостатки коренятся все въ томъ-же прародительскомъ грѣхѣ присяжныхъ, т. е. въ ихъ неспособности справиться со слѣдственнымъ матеріаломъ въ сложныхъ и запутанныхъ процессахъ.

Грѣхъ этотъ снятъ съ суда присяжныхъ большинствомъ членовъ, участвовавшихъ въ совѣщаніи прокуроровъ и старшихъ председателей судебныхъ палатъ. Однако, это снятіе грѣха встрѣчаетъ противниковъ въ авторахъ статей, помѣщаемыхъ на страницахъ официального журнала министерства юстиціи. Слѣдовательно, вопросъ объ этомъ грѣхѣ считается еще весьма спорнымъ и требующимъ на страницахъ официального изданія обмена разныхъ мнѣній, а «мнѣніе» совѣщанія старшихъ председателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ считается не окончательнымъ и безиоворотно принятымъ. Конечно, обменъ разныхъ мнѣній—пріемъ весьма полезный для разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Однако, нельзя относить все выдвигаемое подъ флагомъ требованій здраваго практическаго смысла къ ряду «мнѣній» и притомъ могущихъ занять свое мѣсто въ ряду другихъ мнѣній по тому-же вопросу. «Гражданинъ» высказываетъ разныя сужденія о спасительномъ значеніи розги для мужика. Неужели эти сужденія серьезно можно назвать мнѣніями и давать имъ опредѣленное мѣсто въ ряду другихъ, при практическомъ разрѣшеніи вопроса о примѣненіи тѣлесныхъ наказаній въ крестьянской средѣ? Точно также не все сужденія о судѣ присяжныхъ можно называть мнѣніями, заслуживающими какого-бы то ни было вниманія. Конечно, мы не думаемъ стоять за разныя запрещенія какихъ-бы то ни было сужденій по какому-бы то ни было вопросу. Но мы думаемъ, что сужденія «Гражданина» о розгѣ могутъ быть съ такимъ-же правомъ игнорируемы, съ какими и сужденія о неустойчивости, произволѣ и неспособности суда присяжныхъ разобратца въ важнѣйшихъ запутанныхъ уголовныхъ дѣлахъ. Награждающіе судъ присяжныхъ такими достоинствами должны придти къ тому заключенію, что приговоры присяжныхъ только въ исключительныхъ случаяхъ отвѣчали интересамъ правосудія, а въ большинствѣ случаевъ являлись прямымъ ихъ нарушеніемъ. Такое заключеніе было-бы равносильно полному отрицанію суда присяжныхъ. Г. Дейтрихъ, очевидно, этого не понимаетъ. Заявивъ, что объ въ принципѣ признаетъ большія заслуги суда присяжныхъ въ управленіи отечественнаго правосудія, г. Дейтрихъ въ то же

время энергично твердить (а не доказывать), что судъ присяжныхъ не способенъ разобраться въ дѣлахъ серьезныхъ, что этотъ судъ несправедливый (неодинаковость репрессій), неустойчивый и измѣнчивый, приговорамъ котораго управляетъ случай. Очевидно, такой судъ не могъ оказать никакихъ услугъ интересамъ правосудія въ прошломъ, да и насчетъ будущаго, послѣ какихъ-бы то ни было исправленій, онъ обѣщаетъ очень мало хорошаго. Было-бы болѣе логично со стороны г. Дейтриха, вмѣсто разныхъ починокъ суда присяжныхъ, предложить полное и безповоротное его упраздненіе. Такой выводъ, прямо вытекающій изъ представленной имъ характеристики суда присяжныхъ, отодвигаетъ на задній планъ всѣ предлагаемыя имъ починки этого суда. Въ то-же самое время, независимо отъ того или иного сужденія объ этихъ починкахъ, становится явно проблематичнымъ расширеніе компетенціи суда присяжныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, умѣстнымъ-ли является вопросъ о расширеніи компетенціи суда присяжныхъ, когда для одного обезвреженія этого суда нужны починки многочисленныя и капиталныя? Очевидно, нѣтъ. О расширеніи компетенціи суда присяжныхъ рѣчь можетъ идти лишь въ томъ случаѣ, если заключеніе совѣщанія, что этотъ судъ *по своей дѣятельности вообще* представляетъ лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить, будетъ признано безспорнымъ и неподлежащимъ никакой дальнейшей проверкѣ путемъ какого-бы то ни было обмѣна разныхъ мнѣній. Весьма продолжительный опытъ достаточно свидѣтельствуетъ, что въ подобныхъ случаяхъ обмѣнъ разныхъ мнѣній выдвигается только для того, чтобы въ общемъ потокѣ этихъ мнѣній потонуло и было отложено на неопредѣленное время мѣропріятіе первостепенной важности. Расширеніе компетенціи суда присяжныхъ именно принадлежитъ къ числу такихъ неотложныхъ мѣропріятій первостепенной важности.

Если мы остановимся только на приведенномъ заключеніи «совѣщанія», что судъ присяжныхъ есть вообще лучшая форма суда, какую только можно себѣ представить по дѣламъ серьезнымъ, то значить у насъ, при существующихъ тѣсныхъ границахъ для компетенціи суда присяжныхъ, по многимъ и многимъ серьезнымъ дѣламъ дѣйствуетъ не наилучшая форма суда. Однако наилучшей формой суда мы не только можемъ воспользоваться, но и не такъ давно пользовались по этимъ многимъ серьезнымъ дѣламъ. Что же намъ мѣшаетъ расширить компетенцію суда присяжныхъ на всѣ эти важнѣйшія дѣла?

По поводу одной части этихъ важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ, изъятыхъ изъ компетенціи суда присяжныхъ и переданныхъ суду съ участіемъ сословныхъ представителей и другимъ судамъ, мы уже высказали опредѣленный взглядъ въ предшествовавшей (апрѣльской) книгѣ. Но въдѣ судъ присяжныхъ замѣненъ судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей и по массѣ другихъ дѣлъ, перечисленныхъ въ ст. 201¹ уст. уг. суд. Ст. 201 устанавливаетъ общее правило, что «дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ, за которые въ законѣ положены наказанія, со-

единенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, вѣдаются окружнымъ судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей». Ст. 201¹ добавляетъ: «изъ правила, содержащагося въ предшествующей (200) статьѣ, изъемятся дѣла о преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ статьями 263—272, 274, 276, 282, 286¹ (по прод. 1890 г.), 304, 315, 618, 633, 755, 756, 803, 823, 824, 830¹, 1083, 1085, 1143, 1144, 1154—1156, 1225, 1236, 1241, 1254, 1262, 1554 уложенія о наказаніяхъ, а также объ убійствѣ или покушеніи на убійство должностныхъ лицъ, по всякаго рода насильственныхъ противъ нихъ дѣйствіяхъ, совершенныхъ при исполненіи или по поводу исполненія должностными лицами служебныхъ обязанностей. Всѣ эти дѣла, въ тѣхъ случаяхъ, когда виновному грозитъ наказаніе, соединенное съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, вѣдаются судебною палатою съ участіемъ сословныхъ представителей». Всякій, даже не знакомый съ содержаніемъ перечисленныхъ статей, будетъ удивленъ множествомъ этихъ статей. Ознакомленіе съ содержаніемъ этихъ статей, какъ увидимъ ниже, можетъ лишь усилить удивленіе. Правда, такое увѣреніе, быть можетъ, окажется преждевременнымъ. Тутъ многое зависитъ отъ взгляда на замѣну суда присяжныхъ судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей.

Однако, какой-бы то ни былъ взглядъ на судъ съ участіемъ сословныхъ представителей признается въ нашей печати *преждевременнымъ*. «Болѣе чѣмъ четырехлѣтнее существованіе новой формы уголовного суда для извѣстнаго разряда преступленій (законъ 7-го іюля 1889 г.) даетъ возможность, говорить г. Громницкій *), отмѣтить нѣкоторыя особенности. присущія именно этому только суду. Высказать рѣшительное мнѣніе о новой формѣ уголовного суда—положительное или отрицательное—преждевременно, да и едва-ли по силамъ одного человѣка; новая форма суда дѣйствуетъ на огромномъ пространствѣ восьми судебныхъ округовъ, и такимъ образомъ продолжительное личное наблюденіе надъ отправленіемъ правосудія въ многочисленныхъ и далеко стоящихъ другъ отъ друга пунктахъ одному человѣку физически невозможно. Рѣшительное же мнѣніе о такомъ важномъ предметѣ, не имѣющемъ пока своей литературы, можетъ быть составлено послѣ тщательнаго изученія на мѣстѣ дѣйствія этого суда во всѣхъ судебныхъ округахъ». Г. Громницкій жестоко ошибается, укорочивая исторію суда съ участіемъ сословныхъ представителей. Этотъ судъ дѣйствуетъ не 4 года и далъ себя узнать не со времени изданія закона 7 іюля 1889 г. Вѣдь этотъ законъ есть расширеніе и превращеніе изъ временнаго въ постоянный извѣстнаго закона 9 мая 1878 г. Съ 1878 г. судъ съ участіемъ сословныхъ представителей могъ дать и далъ массу матеріаловъ для сужденія о его при-

*) Ж. м. в. юстиціи, 1895 г., мартъ.

годности. Н. В. Муравьевъ на основаніи тѣхъ матеріаловъ, которые накопились о судѣ съ участіемъ сословныхъ представителей съ 1878 г. по 1880 годъ, опредѣленно и рѣшительно высказался противъ замѣны суда присяжныхъ судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей *). Кромѣ того, могутъ создаваться и такія учрежденія, опредѣленное мнѣніе о которыхъ не можетъ быть преждевременнымъ, будучи высказано даже до начала дѣятельности такихъ учреждений. Судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, по своей констукціи, принадлежитъ именно къ числу такихъ учреждений, о значеніи которыхъ безусловно отрицательное мнѣніе, высказанное даже до начала ихъ дѣятельности, не могло быть ни ошибочнымъ, ни преждевременнымъ. Открытая дѣятельность этихъ судовъ лишь могла обнаружить и обнаружила «нѣкоторыя особенности, присущія именно этому только суду», которые могли лишь усилить безусловно отрицательное къ нему отношеніе. И нельзя сказать, чтобы вопросъ о судѣ съ участіемъ сословныхъ представителей былъ такъ мало у насъ разработанъ, чтобы его можно было считать вовсе не тронутымъ.

Давно уже у насъ циркулируетъ такое мнѣніе, что передача дѣлъ, перечисленныхъ въ ст. 201¹ уст. уг. суд., есть все-таки передача ихъ не какому-бы то ни было суду, а суду съ участіемъ общественнаго элемента въ лицѣ сословныхъ представителей. Это тоже судъ присяжныхъ, но нѣсколько видоизмѣненный. При такомъ взглядѣ на отношеніе суда присяжныхъ къ суду съ участіемъ сословныхъ представителей, высказанная нами надежда на удивленіе, безспорно, окажется преждевременной. Но, вѣдь, на судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, при сравненіи его съ судомъ присяжныхъ, существуетъ и другой взглядъ. Н. В. Муравьевъ признаетъ судъ съ участіемъ сословныхъ представителей «*суррогатомъ*» суда присяжныхъ **). При такомъ взглядѣ на судъ присяжныхъ, дѣло усложняется. Оказывается, что по вѣсьмъ важнымъ дѣламъ, въ такомъ громадномъ количествѣ перечисленныхъ въ ст. 201¹, у насъ дѣйствуетъ не «наилучшая форма суда», а ея суррогатъ. Понятіе-же о суррогатѣ настолько ясно и опредѣленно, что не представляется никакой надобности разъяснять вопросъ объ удовлетвореніи интересовъ правосудія не настоящими судами, а суррогатами судовъ. Интересы правосудія должны сильно пострадать въ особенности въ томъ случаѣ, если судъ съ участіемъ сословныхъ представителей не имѣетъ никакого права даже и на названіе «суррогата суда присяжныхъ». Однако, есть основанія думать, что такое названіе имъ не заслужено.

Сравнивая судъ присяжныхъ съ судомъ сословныхъ представителей, Н. В. Муравьевъ писалъ еще 1881 г. слѣдующее: «органы эти въ сущности такъ различны, что могутъ быть даже противопоставлены другъ другу. Это—коронные суды, судъ техниковъ-юристовъ, противопоста-

*) Ж. гражд. и уг. права 1881 г., № 2.

**) Ibid.

вленный суду гражданъ, представителей общественной совѣсти. А присоединяемые къ присутствію палаты сословные представители? — уже слышу я возраженіе! Ограниченная, сравнительно весьма небольшая практика этихъ своеобразныхъ русскихъ шеффеновъ скрывается тайною совѣщательной комнаты и даетъ весьма скудные данныя для оцѣнки ихъ роли и процессуальнаго значенія. Но нѣсколько нижеислѣдуемыхъ замѣчаній позволяютъ, пока противное не будетъ доказано, считать судъ, въ составѣ котораго они находятся, все-таки судомъ короннымъ и думать, что представляемое ими общественное, не юридическое начало, то, что немцы мѣтко называютъ *Laienlement*, всецѣло поглощается преобладаніемъ противоположныхъ свойствъ, элемента юридическаго и техническаго. Трудно допустить, чтобы это было иначе, такъ какъ сословные представители, хотя и являются дѣятелями общественными и притомъ избранными самимъ обществомъ, но все же состоятъ на государственной службѣ и по существу обязанностей, на нихъ лежащихъ, по своимъ должностямъ, даже являются отчасти органами правительственными (напр. предводитель дворянства, предсѣдательствующій въ разныхъ административныхъ присутствіяхъ, волостной старшина, отправляющій чисто-полицейскія функціи), что не можетъ не обближать ихъ съ коронными судьями, членами палаты и *легко смалчиваетъ ихъ и другихъ въ одну коллегію, однородную по характеру и составу* *)».

Такой характеръ суда съ участіемъ сословныхъ представителей отнимаетъ у него всякое право на признаніе его судомъ съ участіемъ представителей общественной совѣсти. Кроме того, сословные представители всегда будутъ именно сословными представителями. Судъ же и какое бы то ни было сословное начало нельзя примирить никакими средствами. Вносить сословное начало въ отправленіе правосудія — значитъ отрицать то основное положеніе, что судъ долженъ быть равнымъ для всѣхъ безъ различія сословій и положеній. Практика же показываетъ, что сословные представители вносятъ сословныя чувства въ отправленіе правосудія. На совѣщаніи старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ было отмѣчено на ряду съ равнодушнымъ и «упорно тенденціозное отношеніе» сословныхъ представителей къ дѣламъ, разбирающимся при ихъ участіи. Отчетъ о засѣданіяхъ «совѣщанія» умалчиваетъ о томъ, къ какимъ именно дѣламъ и въ какихъ случаяхъ сословные представители проявляютъ упорно тенденціозное отношеніе и въ чемъ выражается эта тенденціозная упорность. Конечно, это не загадка, но мы все-таки считаемъ долгомъ въ данномъ случаѣ неопекать объясненій у людей, завѣдомо, сочувствующихъ суду съ участіемъ сословныхъ представителей. Г. Громницкій **) говоритъ, что «каждая группа сословныхъ представителей имѣетъ свои отличительныя черты: губернскіе пред-

*) Ibid.

**) Ж. м.—ва юстиціи, апрѣль 1895 г.

водители являются горячими сторонниками своего сословія. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, гдѣ обвиняемые были дворяне, они ратовали за нихъ до послѣдней крайности». Г. Громницкій умалчиваетъ о томъ, какъ они ратовали за крестьянъ, когда дѣло шло о нарушеніи крестьянами помѣщичьихъ интересовъ. За предводителями слѣдуютъ городскіе головы, которые не безучастно относятся къ обвиняемымъ изъ крупнаго и средняго купечества. О волостныхъ старшинахъ г. Громницкій говоритъ много хорошаго, но умалчиваетъ о томъ, пробуждаются-ли у нихъ сословныя чувства при разбирательствѣ тѣхъ или другихъ дѣлъ. Быть можетъ, воспоминанія г. Громницкаго относятся къ первымъ шагамъ суда съ участіемъ сословныхъ представителей, но произведенная въ послѣднее время земскими начальниками реформа личнаго состава волостныхъ старшинъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ихъ сословныя чувства пробуждаются при слуханіи дѣла, но далеко не окрашиваются въ крестьянскій цвѣтъ. Теперешніе волостные старшины принадлежатъ къ той деревенской аристокраціи, которая не питаетъ дружелюбныхъ чувствъ къ той средѣ, изъ которой она сама вышла. Кромѣ того, громадная масса дѣлъ, разбираемыхъ судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей, принадлежитъ къ разнымъ сопротивленіямъ волостнымъ старшинамъ и другому сельскому начальству. Можно себѣ представить игру чувствъ у волостныхъ старшинъ при слуханіи такихъ дѣлъ. Позволительно думать, что обмѣнъ интересовъ правосудія на игру сословныхъ чувствъ вовсе не входилъ въ задачи законодателя. Точно также можно категорически утверждать, что законодателю были совершенно чужды стремленія путемъ тѣхъ или иныхъ формъ судоустройства и судопроизводства поддерживать и растравлять сословныя чувства и сословную рознь.

Пожалуй, вытекающей отсюда выводъ можетъ ослабляться въ своемъ значеніи ссылкой на то, что не всѣ дѣла, подвѣдомственные суду съ участіемъ сословныхъ представителей, даютъ поводъ и основаніе для сословно-тенденціознаго къ нимъ отношенія. Во всѣхъ этихъ послѣднихъ дѣлахъ сословные представители могутъ сохранить за собою значеніе активнаго общественнаго элемента въ отправленіи правосудія. Разъясненіе этой роли сословныхъ представителей мы предоставляемъ сторонникамъ этой формы суда.

Г. Громницкій энергично доказываетъ, что сословные представители могутъ играть и дѣйствительно играютъ роль активнаго общественнаго элемента на ряду съ коронными судьями. Начинаетъ онъ свои разсужденія съ общихъ и совершенно вѣрныхъ посылокъ. «Для того, чтобы быть образцовымъ, истиннымъ судьей, говоритъ онъ, недостаточно быть образованнымъ юристомъ и честнымъ человѣкомъ (хотя эти условія безусловно необходимы); нужно имѣть и еще кое-что, и это кое-что чрезвычайно важно,—это ясное и широкое знаніе жизни. Послѣднее же дается не каждому: имъ обладаютъ люди, отдающіеся съ юныхъ лѣтъ преимущественно практическимъ занятіямъ или постоянно живущіе среди такихъ

людей и такой обстановки; а также, независимо отъ занятій, люди особеннаго склада ума—такъ называемаго практическаго жизненнаго, хотя послѣднихъ встрѣчается не особенно много. Наши судьи юристы, по моему мнѣнію, страдаютъ именно этимъ недостаткомъ — отсутствіемъ яснаго широкаго знанія жизни... Вотъ для восполненія этого-то крупнаго недостатка у коронныхъ судей на помощь имъ и являются сословные представители въ лицѣ предводителя дворянства, городского головы и волостного старшины». Интересно теперь поближе взглянуть на этихъ знатоковъ жизни и на степень потребности въ такихъ знатокахъ у членовъ судебной палаты. Особымъ знаніемъ жизни предводители дворянства никогда не отличались, да и выбираются они изъ тѣхъ лицъ, которыя застрахованы отъ нужды ознакомиться съ жизнью. Предводители принадлежатъ къ тѣмъ богатымъ дворянскимъ родамъ, которые сохраняютъ возможность, благодаря своему имущественному положенію, по дворянски знакомиться съ жизнью во всей ея неприглядной и сложной обстановкѣ. Вообще же теперь представители дворянства весьма склонны всѣ проходящія чрезъ ихъ руки дѣла разсматривать не съ точки зрѣнія жизненныхъ интересовъ, а исключительно интересовъ дворянскихъ. Что же касается городскихъ головъ, то въ крупныхъ городскихъ центрахъ они принадлежатъ къ числу лицъ вовсе не знакомыхъ съ той жизненной обстановкой, среди которой возникаетъ большинство дѣлъ, разбирающихся судомъ съ участіемъ сословныхъ представителей, такъ какъ, за рѣдкими исключеніями, такія дѣла возникаютъ въ деревнѣ среди крестьянъ и на почвѣ условій крестьянской жизни. Въ мелкихъ уѣздныхъ городахъ постъ городского головы обычно занимаютъ торговцы средней руки или отставные чиновники—люди, тоже не богатые знаніемъ условій крестьянской жизни. Что же касается волостныхъ старшинъ, то они, при существующихъ отношеніяхъ, мало склонны проявить свое знаніе деревенской жизни въ пользу подсудимыхъ-крестьянъ, которые главнымъ образомъ, и фигурируютъ на судѣ съ участіемъ сословныхъ представителей.

Такимъ образомъ, всѣ эти знатоки дѣйствительной жизни, фигурирующіе въ роли сословныхъ представителей, явно приставлены къ неподходящему для нихъ дѣлу. Между тѣмъ, коронные судьи, принимающіе участіе въ судѣ съ сословными представителями, нуждаются въ особомъ давленіи со стороны дѣйствительныхъ знатоковъ жизни, среди которой возникаетъ большая часть дѣлъ, подлежащихъ ихъ разсмотрѣнію. «Большинство ихъ (т. е. судей), если не всѣ, говоритъ г. Громницкій, прямо по выходѣ изъ высшаго юридическаго училища отдается всецѣло службѣ по судебному вѣдомству; чтобы достигнуть положенія члена судебной палаты, требуется прослужить 20 или около того лѣтъ. Понятно, что молодой человѣкъ, проработавшій въ теченіе 20 лѣтъ въ одномъ направленіи, за однимъ и тѣмъ-же дѣломъ, хотя-бы и на различныхъ стадіяхъ его—такой человѣкъ, при всѣхъ его познаніяхъ въ этомъ дѣлѣ, при всей

его честности, при вѣхъ его прирожденныхъ и приобрѣтенныхъ прекрасныхъ качествахъ, неизбежно долженъ сдѣлаться болѣе или менѣе одностороннимъ человѣкомъ, а затѣмъ также долженъ болѣе или менѣе страдать отсутствіемъ широкаго и яснаго пониманія жизни. Такая односторонность, такое отсутствіе знанія жизни у судей-юристовъ непременно должно отзываться на ихъ приговорахъ по дѣламъ уголовнымъ и отражаться само собою невыгодно, въ ущербъ справедливости... Многолѣтнимъ, упорнымъ и честнымъ выполненіемъ своихъ судейскихъ обязанностей они развили въ себѣ привычку смотрѣть на все не судебное — на дѣло и на лица — пѣскольго свысока, подчасъ даже пренебрежительно. Проникнутые несомнѣнною важною своихъ судейскихъ обязанностей, погрузившись цѣлкомъ исключительно въ дѣла уголовныя, они едва-ли въ силахъ допустить мысль о слабомъ пониманіи ими жизни, а тѣмъ паче, чтобы люди, внѣ судебного вѣдомства, могли имѣть на нихъ вліяніе, могли оказать имъ помощь при разрѣшеніи уголовныхъ дѣлъ!»

Вотъ какими особенностями отличаются тѣ коронныя судьи, которые засѣдаютъ съ сословными представителями. Г. Громницкому не хочется допустить мысли о томъ, что сословные представители не могутъ оказывать давленія на такихъ коронныхъ судей. Желая доказать, что такое давленіе несомнѣнно проявляется весьма сильно, онъ потомъ заявляетъ, что ему «думается, что совмѣстная съ сословными представителями дѣятельность не пропала даромъ, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ изъ судей». Блаженъ—кто вѣруеть, а г. Громницкій все-таки долженъ проверить свои сужденія и надежды не на единичныхъ случаяхъ, а на общихъ показаніяхъ опытныхъ людей, близко сталкивавшихся съ сословными представителями. И въ этомъ пунктѣ г. Громницкій съ наибольшимъ удобствомъ могъ-бы проверить свою ошибку насчетъ преждевременности какихъ-бы то ни было заключеній о судѣ съ участіемъ сословныхъ представителей. Еще въ 1881 г. вся структура суда съ участіемъ сословныхъ представителей и его дѣятельность были охарактеризованы Н. В. Муравьевымъ слѣдующимъ образомъ: «въ этой коллегіи всевозможное превосходство и преобладаніе, и количественное и нравственное и умственное должно быть и всегда будетъ на сторонѣ коронныхъ судей. Четыре, обязательно засѣдающихъ въ особомъ присутствіи члена палаты, съ пятымъ старшимъ предсѣдателемъ во главѣ, составляютъ законное большинство, мнѣніемъ котораго дѣло можетъ рѣшиться несогласно съ даже единогласнымъ мнѣніемъ четырехъ сословныхъ представителей. Еще важнѣе тотъ несомнѣнный нравственный и умственный авторитетъ, который члены присутствія — юристы, знающіе и законы, и данное дѣло, не могутъ не имѣть передъ непосвященными, случайными членами—сословными представителями. Последніе естественно и притомъ невольно и незамѣтно могутъ подчиняться мнѣнію первыхъ, довѣряясь ихъ знанію и опытности и устраняя всякія свои сомнѣнія путемъ обмѣна мыслей и полученныхъ разъясненій. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и не-

нормальнаго, потому-что въ дѣлѣ, значительная часть котораго касается спеціальной области и спеціальныхъ свѣдѣній, не спеціалисту всегда свойственно прибѣгать къ помощи и авторитету спеціалиста, вмѣстѣ съ нимъ это дѣло обсуждающаго и рѣшающаго. Отъ помощи-же авторитета не далеко и до полнаго первенства. На дѣйствительное существованіе такого пассивнаго положенія сословныхъ представителей даетъ косвенныя указанія и самая практика, а именно: судебное слѣдствіе въ за-сѣданіяхъ особаго присутствія происходитъ обыкновенно безъ всякаго участія или при самомъ незначительномъ участіи этихъ представителей общественнаго элемента. Не предлагая вопросовъ свидѣтелямъ, они вѣроятнo предоставляютъ разъясненіе дѣла предѣлателю, членамъ палаты и сторонамъ. Если-же такіе вопросы изрѣдка и предлагаются, то они обыкновенно исходятъ отъ губернскаго предводителя, рѣже отъ уѣзднаго предводителя и никогда отъ волостного старшины, который, повидимому, до послѣдняго рѣшительнаго момента отобранія голосовъ играетъ роль лица безъ рѣчей» *).

Такъ проявляли свое вліяніе сословные представители въ началѣ 80-хъ годовъ и съ тѣхъ поръ вплоть до даннаго времени сила этого вліянія нисколько не увеличилась. Большинство участвовавшихъ въ совѣщаніи прокуроровъ и старшихъ предѣлателей судебныхъ палатъ удостовѣряло, что «пріобщаемые къ составу палатъ временные члены почти никогда не вносятъ въ дѣло самостоятельныхъ взглядовъ и сужденій» и что «волостные старшины на вопросъ объ ихъ мнѣніи обращаются въ свою очередь къ предѣлателю съ вопросомъ.—какъ прикажете?» Члены совѣщанія, какъ представители короннаго суда, всего скорѣе были-бы склонны стушевать явную бездѣятельность сословныхъ представителей, позволяющую имъ рѣшать дѣла по своему собственному усмотрѣнію. Однако, и они заявили, что сословные представители до такой степени бездѣятельны, что «въ сущности дѣла рѣшаютъ коронныя суды, присутствие которыхъ вызываетъ во временныхъ членахъ равнодушное отношеніе къ подаваемому имъ мнѣнію, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, гдѣ оно упорно тенденціозное и слѣдовательно несправосудное». Мало того, сословные представители прямо-таки желаютъ отказаться отъ какого-бы то ни было вліянія на рѣшеніе дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію палаты съ ихъ участіемъ. На совѣщаніи было признано, что «надлежащія сословные представители отъ дворянства и городовъ всемірно уклоняются отъ исполненія своихъ служебныхъ обязанностей, замѣняя себя, въ порядкѣ обратной постепенности, совершенно неподходящими лицами, въ родѣ секретарей дворянскихъ депутатскихъ собраній и членовъ городскихъ управленій по надзору за торговлею» **).

Было-бы, однако, несправедливо такое отклоненіе отъ исполненія

*) Ил. гражд. и уг. права. 1881 г. № 2.

**) Ил. м-ва юстиціи, февраль 1895 г.

обязанностей приписывать одному непониманію смысла и значенія этихъ обязанностей. Предводители дворянства завалены отсиживаніемъ въ разныхъ учрежденіяхъ и собраніяхъ. Городской голова, помимо своихъ прямыхъ обязанностей, точно также долженъ присутствовать въ разныхъ засѣданіяхъ. Штъ ничего удивительнаго въ томъ, что и у предводителя и у головы весьма часто не хватаетъ времени для присутствованія на засѣданіяхъ палаты. Они не виноваты въ томъ, что, при массѣ разныхъ обязанностей, на нихъ возложили еще и новую серьезную обязанность быть на судѣ представителями «общественной совѣсти». Всякій человѣкъ, имѣющій не мало своихъ прямыхъ обязанностей, ко всякой новой добавочной обязанности относится спустя рукава. Но правосудіе, конечно, не можетъ отправляться спустя рукава и не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ тысячи разныхъ случайностей. Представьте себѣ, что присутствовавшій на засѣданіи городской голова или предводитель заболѣлъ, когда дѣло еще не окончилось. Заболѣвшихъ нужно экстренно замѣнить другими представителями дворянства или городского общества. Для вновь прибывшаго въ засѣданіе палаты сословнаго представителя нужно начинать дѣло съ начала, хотя оно уже слушалось день, два, три, или заставить его участвовать въ разрѣшеніи дѣла, которое ему извѣстно только со середины или съ конца.

Независимо отъ этихъ случайностей, отправленіе правосудія при помощи суда съ участіемъ сословныхъ представителей вообще не можетъ быть поставлено въ надлежащіе условія. Округи каждой судебной палаты равняются территоріи цѣлыхъ европейскихъ государствъ. Дѣла, въ виду другихъ сложныхъ обязанностей палаты, поневолѣ скопляются. Между возбужденіемъ дѣла и назначеніемъ его къ судебному разбирательству проходятъ значительные промежутки времени, въ теченіе которыхъ дѣла «выцвѣтаютъ» и утрачивается вся та живая обстановка, среди которой было совершено преступленіе. Въ силу этихъ-же условій и особенно дороговизны суда съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣла во время выѣздныхъ сессій разбираются съ необыкновенной торопливостью. Самъ г. Громницкій свидѣтельствуетъ, что «судебная палата выѣзжаетъ въ каждый пунктъ на два, на три, рѣдко на четыре дня; каждый день слушается три, а иногда четыре и даже пять дѣлъ; засѣданія нерѣдко затягиваются до ночи; перерывовъ на обѣдъ почти не бываетъ. Нуженъ большой навыкъ, чтобы стойко выносить такіа утомительныя засѣданія» *). Но если нуженъ большой навыкъ, чтобы стойко выносить такіа утомительныя засѣданія, то, спрашивается, не могутъ-ли вредить эти утомительныя засѣданія интересамъ подсудимыхъ и интересамъ правосудія? Утомленные и полуголодные судьи все-таки люди. Необходимость торопиться съ разсмотрѣніемъ дѣлъ, необходимость разобратъ въ сутки возможно большее количество дѣлъ—такія условія, ко-

*) Ж. министерства юстиціи, мартъ, 1895 г.

торыя нельзя отнести къ категоріи благопріятныхъ интересамъ правосудія.

Къ этимъ условіямъ присоединяются еще новыя невыгодныя условія по освѣщенію дѣла свидѣтельскими показаніями. Большая часть дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію суда съ участіемъ сословныхъ представителей, относится къ категоріи деревенскихъ. Свидѣтели-крестьяне, въ виду значительнаго промежутка времени, протекшаго со времени совершенія преступленія, утрачиваютъ къ нему интересъ и въ своихъ показаніяхъ часто ссылаются на запамятованіе. Кромѣ того, будетъ-ли разбираться дѣло въ мѣстѣ постоянного пребыванія палаты или въ выѣздныхъ пунктахъ, свидѣтелей приходится вызывать изъ далекихъ мѣстъ. Казна несетъ большія затраты по вызову свидѣтелей, а домохозяинъ, отвлекаемый на далекое разстояніе отъ своего хозяйства, терпитъ убытки. Говорятъ, что на сессіи суда съ участіемъ сословныхъ представителей свидѣтели идутъ съ большою охотою именно затѣмъ, чтобы получить большіе прогоны по дальности разстоянія, но это невѣрно и несправедливо. Только несчастная голытьба охотно идетъ свидѣльствовать ради прогоновъ. Заботы о сокращеніи расходовъ казны и объ ослабленіи охоты «свидѣльствовать» за большіе прогоны вызываютъ стремленіе сокращать число свидѣтелей, подлежащихъ вызову. Прокурорскій надзоръ, заботясь о казенномъ интересѣ, уже въ достаточной мѣрѣ практикуетъ экономію въ числѣ вызываемыхъ свидѣтелей. Обвиняемые, конечно, не сообразуются съ интересами казны и охотно пользуются своимъ правомъ вызывать въ судъ всѣхъ свидѣтелей, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи. Сохраняя судъ съ участіемъ сословныхъ представителей, приходится думать объ ограниченіи правъ подсудимаго по вызову свидѣтелей, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи... Такое удобство суда съ участіемъ сословныхъ представителей не требуетъ особыхъ поспешеній.

Однако, несмотря на всѣ отмѣченные и общеизвѣстные недостатки суда съ участіемъ сословныхъ представителей, находятся такіе оптимисты, которые его упраздненіе и возвращеніе дѣлъ, перечисленныхъ въ ст. 201¹, суду присяжныхъ не считаютъ безусловнымъ и безотлагательно необходимымъ. Г. Громницкій говоритъ, что «такія быстрыя перемѣны по крупнымъ общественнымъ вопросамъ, такія возвращенія вспять немислимы и если бывають въ дѣйствительности, то во всякомъ случаѣ очень рѣдко. Я думаю, что новая форма уголовного суда, разъ она явилась на свѣтъ Божій, просуществуетъ, по всей вѣроятности, очень долгое время и, если существованіе ея будетъ не особенно продолжительно, то развѣ отъ чрезмѣрной ея дороговизны. Велики расходы на прогоны членамъ и предсѣдателямъ судебной палаты, секретарю, канцелярскому чиновнику и товарищу прокурора, но несравненно больше расходы по вызову свидѣтелей. Бывають такіе выѣзды судебной палаты на три, на четыре дня (стало быть на 12—16 дѣлъ), когда одинъ вызовъ

свидѣтелей обходится болѣе чѣмъ въ 2,000 р. А такъ какъ если не всё обвиняемое, то громадное ихъ большинство люди несостоятельные, то всё эти расходы въ концѣ концовъ ложатся на государство *)».

Только въ виду такой дороговизны суда съ участіемъ сословныхъ представителей, г. Громницкій соглашается допустить мысль о томъ, что существованіе этого суда будетъ не особенно продолжительнымъ. Если и на самомъ дѣлѣ финансовыя соображенія послужатъ ближайшей причиной скорѣйшей смерти суда съ участіемъ сословныхъ представителей и возвращенія къ старымъ порядкамъ, то и на это никто сѣтовать не станетъ. По какимъ-бы тамъ соображеніямъ, финансовымъ, принципиальнымъ или инымъ не состоялось возвращеніе къ старымъ порядкамъ, къ суду присяжныхъ, но важно, чтобы оно состоялось, въ виду указанныхъ свойствъ суда съ участіемъ сословныхъ представителей, въ возможно скорѣйшемъ времени. Правда, противъ такого рѣшенія вопроса могутъ быть сдѣланы возраженія. Вѣдь можно находить сословныхъ представителей излишнимъ и даже вреднымъ балластомъ, но отсюда до возвращенія присяжнымъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ суду съ участіемъ сословныхъ, еще далеко. Если сословные представители являются излишнимъ и даже вреднымъ балластомъ, то ихъ слѣдуетъ вычеркнуть, а дѣла, перечисленные въ ст. 201¹ оставить за однимъ короннымъ судомъ.

Но вѣдь такое рѣшеніе вопроса должно быть доказано. Нужно доказать, что дѣла, перечисленные въ ст. 201¹, должны быть предоставлены разсмотрѣнію одного короннаго суда. Неизбѣжность такого рѣшенія не признана даже въ официальномъ порядкѣ. Предсѣдатель «совѣщанія» А. О. Коннъ предложилъ на разрѣшеніе его членовъ слѣдующій вопросъ: «не представляется-ли желательнымъ вернуть на разсмотрѣніе этого суда, т. е. присяжныхъ, нѣкоторые изъ дѣяній, изъятыхъ изъ него въ 1882 г. при окончательномъ начертаніи ст. 201¹ уст. угол. суд. съ ея широкою и пестрою по своимъ основаніямъ безприсяжною подсудностью?» **). Желаящіе отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно должны доказать, что вообще имѣются такія важныя уголовныя дѣла, которыя, по ихъ природѣ, не должны подлежать суду присяжныхъ. Но такое положеніе не можетъ быть доказано въ виду явной его несообразности. Представимъ себѣ, однако, что оно было доказано. Въ такомъ случаѣ пришлось бы еще доказывать, что дѣла, перечисленные въ ст. 201¹, по своему характеру, подходят къ категоріи тѣхъ дѣлъ, которыя, по своей природѣ, должны быть подвѣдомственны одному коронному суду. Это положеніе, въ свою очередь, не можетъ быть доказано въ виду того, что ст. 201¹, какъ справедливо выразился А. О. Коннъ, является весьма пестрою по содержанію, т. е. въ ней перечислены дѣла самаго разнообразнаго характера. Противникамъ возвращенія суду присяжныхъ всѣхъ

*) Ж. министерства юстиціи, мартъ 1895 г.

**) Ibid., февраль, 1895 г.

дѣлъ, перечисленныхъ въ ст. 201¹, остается доказать, что такое возвращеніе немыслимо и не должно состояться по особымъ мотивамъ и по особому характеру каждаго изъ тѣхъ дѣлъ, которыя перечислены въ ст. 201¹ уст. угол. суд.

Конечно, особые мотивы у насъ имѣють большое практическое значеніе. Какіе особые мотивы выставляютъ противники возвращенія суду присяжныхъ всѣхъ дѣлъ, перечисленныхъ въ ст. 201¹, покажетъ будущее. Однако, подыскивая эти мотивы, они должны остановиться на историческомъ происхожденіи той широкой компетенціи суда съ участіемъ сословныхъ представителей, которая очерчена въ ст. 201¹ уст. угол. суд.

Редакція ст. 201¹ или списка тѣхъ уголовныхъ дѣлъ не политическаго характера, которыя отбирался у суда присяжныхъ и передавались суду съ участіемъ сословныхъ представителей, имѣеть свою исторію. Окончательно дѣйствующая теперь редакція статьи установлена закономъ 7-го іюля 1889 г. Самый-же законъ 7-го іюля 1889 г. является расширеніемъ закона 9-го мая 1878 г. и превращеніемъ этого закона изъ *временнаго* въ постоянный. Временная и довольно широкая компетенція суда съ участіемъ сословныхъ представителей, установленная за счетъ компетенціи суда присяжныхъ закономъ 9-го мая 1878 г. превращена закономъ 7-го іюля 1889 г. въ нормальную и чрезвычайно широкую. Само собою понятно, что если временная компетенція суда съ участіемъ сословныхъ представителей была превращена въ постоянную и нормальную, то, значить мотивы, вызвавшіе законъ 9-го мая 1878 г. были болѣе чѣмъ одобрены закономъ 7-го іюля 1889 г. Такимъ образомъ, мотивы закона 9-го мая 1878 г. являются вообще основными мотивами передачи суду съ участіемъ сословныхъ представителей тѣхъ или иныхъ дѣлъ, подлежащихъ суду присяжныхъ.

Законъ 9-го мая 1878 г. есть одинъ изъ законовъ эпохи конца 80-хъ годовъ. Въ то время разные уголовные законы издавались съ необыкновенною быстротой по поводу какого-нибудь единичнаго, хотя и болѣе или менѣе выдающагося случая. При такихъ-же условіяхъ былъ изданъ и законъ 9-го мая 1878 г. о временной подсудности. Согласно этому закону, временно отбѣялся судъ присяжныхъ и устанавливался судъ съ участіемъ сословныхъ представителей по дѣламъ: 1) о тѣхъ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ раздѣломъ 4-мъ («о преступленіяхъ и проступкахъ противъ порядка управленія») въ главѣ 1-й («о сопротивленіи распоряженіямъ правительства и неповиновеніи установленнымъ отъ оного властямъ»), 2-й («объ оскорбленіи и явномъ неуваженіи къ присутственнымъ мѣстамъ и чиновникамъ при отиравленіи должности») и 5-й («о взломѣ тюремъ, уводѣ и побѣгѣ находящихся подъ стражею или надзоромъ»), которыя подвергають ограниченію или *лишенію правъ состоянія*; 2) подвергающія тому-же наказанію посягательства на жизнь, телесную или личную неприкосновенность должностныхъ лицъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей или вѣдствіе этого исполненія, а

именно: убійство, покушеніе на убійство, нанесеніе ранъ, увѣчій и угрозы; 3) нанесеніе подчиненнымъ оскорбленія дѣйствіемъ начальнику, предусмотрѣнное ст. 395 улож. о наказ. Въ силу какихъ-же мотивовъ всѣ эти преступленія были тогда изъяты изъ вѣдѣнія суда присяжныхъ и переданы суду съ участіемъ сословныхъ представителей? «Мотивы закона 9-го мая 1878 г., говоритъ Н. В. Муравьевъ, въ самомъ текстѣ его не приведены, какъ это сдѣлано, напр., въ законѣ 9-го августа 1878 г., выдѣлившемъ часть подсудности, установленной первымъ изъ этихъ законовъ во временную юрисдикцію судовъ военныхъ. Но эти мотивы не трудно вывести изъ самого содержанія закона, изъ общаго его значенія, а также изъ сопоставленія его съ нѣкоторыми современными его изданію и официально констатированными общественными явленіями. Прежде всего законодатель, очевидно, признаетъ за перечисленными имъ преступленіями *особый специфическій характеръ и особую важность*, которые требуютъ для успѣшнаго осуществленія репрессіи особыхъ органовъ, особыхъ средствъ и особыхъ условій судебной дѣятельности, не позволяющихъ, по его мнѣнію, оставить отправленіе правосудія по такимъ дѣламъ, въ рукахъ общихъ, ординарныхъ учрежденій. Далѣе, законодатель считаетъ эти преступленія имѣющими *известный политическій оттъюнкъ*, что ясно изъ подчиненія ихъ, въ отношеніи преданія суду и судебного разсмотрѣнія, тому-же особому учрежденію и тому-же особому порядку, которые установлены для преступленій государственныхъ. Наконецъ—и этому третьему и послѣднему мотиву слѣдуетъ съ большою вѣроятностью приписать рѣшающую силу—едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что законъ 9-го мая 1878 г. былъ вызванъ, между прочимъ, и заключеніемъ законодателя о неудовлетворительности и неправильномъ направленіи дѣятельности суда присяжныхъ по дѣламъ, которыя этотъ законъ исключилъ изъ его подсудности». Масса оправдательныхъ приговоровъ, вынесенныхъ судомъ присяжныхъ по дѣламъ, перечисленнымъ въ законѣ 9-го мая 1878 г., легче всего могла быть объяснена «оправдательною наклонностію» присяжныхъ по всѣмъ этимъ дѣламъ. Принимая это легкое объясненіе за настоящее, «законодатель,—по словамъ Н. В. Муравьева,—рѣшился временно замѣнить судъ присяжныхъ такою обезпеченною отъ указанной наклонности формою суда, которая 1) была бы достаточно компетентна для рѣшенія дѣлъ политическаго характера, въ которой 2) вопросъ о виновности рѣшался бы коронными судьями, поставленными достаточно высоко въ судебной іерархіи, для сознанія всей важности этихъ дѣлъ и 3) не безъ участія, однакоже, общественнаго элемента въ лицѣ четырехъ сословныхъ представителей» *).

Что касается участія этого общественнаго элемента, то все вышесказанное достаточно свидѣтельствуетъ, насколько въ этомъ отношеніи надежды не оправдались. Это и есть основное разногласіе между мотивами закона 9 мая 1878 г. и дѣйствительностью. Оно было констатировано

*) Журн. гражд. уг. права, 1881 г., № 2.

Н. В. Муравьевымъ, какъ мы видѣли, вскорѣ послѣ изданія закона 9 мая 1878 г. Поэтому, возложеніе болѣе широкихъ надеждъ на судъ съ участіемъ сословныхъ представителей по закону 7 іюля 1889 г. являлось уже явнымъ недоразумѣніемъ. Не меньшимъ недоразумѣніемъ является признаніе за преступленіями перечисленными въ законѣ 9 мая 1878 г. какого-то политическаго характера. Пожалуй, при извѣстномъ тенденціозномъ толкованіи имъ можно было-бы придать политическую окраску, если бы велѣдъ за закономъ 9 мая 1878 г. не былъ изданъ указъ 9 августа 1878 г. Именнымъ Высочайшимъ указомъ 9 августа 1878 года было повелѣно: «въ случаяхъ совершенія преступленій, посредствомъ которыхъ тайные злоумышленники, подъ вліяніемъ соціально-революціонныхъ и другихъ разрушительныхъ ученій, стремятся къ ниспроверженію государственнаго строя, передать военному суду для сужденія по законамъ военного времени, всѣхъ лицъ, обвиняемыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ или-же нападеніи на войска, полицію и всѣхъ вообще должностныхъ лицъ при исполненіи ими обязанностей службы, когда эти преступленія сопровождались убійствомъ, или покушеніемъ на убійство, нанесеніемъ ранъ, увѣчій, тяжкихъ побоевъ или поджогомъ». Благодаря этому указу изъ числа преступленій, указанныхъ въ законѣ 9-го мая 1878 года, были исключены изъ компетенціи суда съ участіемъ сословныхъ представителей, какъ говоритъ Н. В. Муравьевъ, «всѣ преступныя дѣянія дѣйствительно политическаго характера, внутренними политическими мотивами, выросшія на политической почвѣ и получившія при самомъ совершеніи ихъ политическую окраску. Въ вѣдѣніи-же судебныхъ палатъ остались только преступленія неквалифицированныя никакими политическими признаками и не направленныя къ разрушенію государственнаго строя» *). По закону 7 іюля 1889 г. компетенція суда съ участіемъ сословныхъ представителей сильно расширена на рядъ многихъ новыхъ преступленій по сравненію съ закономъ 9 мая 1878 г., но также не имѣющихъ никакой политической окраски.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ мотивовъ, вызвавшихъ изданіе закона 9 мая 1878 г. и усвоенныхъ закономъ 7 іюля 1889 г. остается одинъ, а именно: признаніе перечисляемыхъ въ этихъ законахъ преступленій имѣющими «особый специфическій характеръ» и особую важность». Для уразумѣнія этого мотива необходимо подвергнуть детальному разсмотрѣнію преступленія, перечисленные въ ст. 201 устава. угол. суд. Этотъ детальный анализъ намъ покажетъ, какой именно специфическій характеръ имѣютъ эти преступленія. Быть можетъ, они, именно, благодаря своему специфическому характеру, должны подлежать разсмотрѣнію не какого-либо иного суда, а именно суда присяжныхъ. Вопросу объ этомъ специфическомъ характерѣ преступленій, перечисленныхъ въ ст. 201¹ уст. угол. суд., мы посвятимъ слѣдующую статью.

М. Стасалѣ.

*) Ibid.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Б. Библиографія.

I. ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДѢТЕЙ И ДЛЯ НАРОДА.

В. П. Авенариусъ. Въ львиной пасти. Историческая повесть для юношества изъ эпохи основанія Петербурга. Спб. Изданіе Н. Н. Морева. 1895.

Г. Авенариусъ приобрѣлъ себѣ извѣстность нѣсколькими очень хорошими книгами для дѣтей «и для юношества», которому назначается и послѣдній его трудъ. «Львиная пасть»—это шведская кривость Нипшанца, куда забрался, возвращаясь изъ-за границы, двое отважныхъ русскихъ; ихъ приключенія, взятіе Нипшанца русскими и основаніе Петербурга,—вогь содержаніе книги, которая, конечно, съ интересомъ и пользою будетъ прочитана тѣми, для кого написана. Какъ историческія, такъ и вымышленныя авторомъ сцены живо характеризуютъ эпоху; дѣйствіе развертывается бойко и увлекательно, вся книга написана легкимъ и колоритнымъ слогомъ. Текстъ иллюстрированъ 19-ю отдѣльными рисунками Р. Э. Штейна; кромѣ того, въ книгѣ находится планъ устьевъ Невы до основанія Петербурга, и снимокъ съ современной гравюры, изображающей взятіе Нотебурга.

Послѣдній изъ рода Гортензіевъ. Рассказъ изъ римской жизни начала императорскаго періода. Перевѣдка съ нѣмецкаго *Л. Н. Модзалевскаго*. Изданіе М. М. Ледерле и К^о. Спб. 1894. Цѣна въ иллюминированной папкѣ 1 р. 50 к. Стр. 283.

Рекомендуемъ эту книгу для подростковъ, знающихъ уже съ древней исторіей и крайне нуждающихся въ иллюстраціяхъ къ безжизненнымъ курсамъ гг. Иловайскихъ, забывающихъ, что каждый авторъ любого учебника долженъ быть непременно живымъ излагателемъ: учебникъ дается въ руки дѣтямъ, а дѣтямъ претитъ отъ безжизненной

суши, которою ихъ можно отратить отъ науки, а не привлечь къ ней. Эти маленькіе пузыри—народъ живой, подвижной; имъ и книжку подавай живую, а не то они будутъ зубрить по книгѣ ради того только, чтобы не хватить единицы, — зубрить съ сонными глазами и страдальчески наморщеннымъ лбомъ, съ отвращеніемъ, съ истомою скуки, чуть ли даже не съ икотой, — зубрить такъ, какъ они уже въ теченіе многихъ лѣтъ зубрятъ разныхъ гг. Рождественскихъ, Преображенскихъ, Белларминовыхъ, Иловайскихъ...

Да, книга г. Модзалевскаго именно иллюстрація къ римской исторіи. Составленная по книгѣ д-ра Шепера «Der letzte Nottensinn», она даетъ широкую картину быта при началѣ римской имперіи и представляется въ истинно лучшее смыслѣ историческое повѣстіе, читая которую ребята могутъ проникнуться духомъ античной старины и заинтересоваться ею настолько, что у нихъ явится желаніе перейти въ своемъ чтеніи и къ болѣе обширнымъ сочиненіямъ уже чисто-научнаго характера и содержанія. Рассказъ объ интригахъ при дворѣ Августа, о заговорѣ Рабрія противъ императора и борьбѣ партій—интересуетъ здѣсь не столько фабулой, обставленной нѣсколькими вымышленными лицами и придуманной, правда, нѣсколько искусственно, сколько самою историческою обстановкой, вставоющей въ воображеніи читателя, переносящей его въ иной міръ, раскрывающей ему этотъ міръ съ его своеобразнымъ содержаніемъ и самобытными особенностями, о которыхъ дѣти ни малѣйшаго понятія не могутъ имѣть, пользуясь одними только гг. Иловайскими и пль подобными сушителями старины. Охотно причисляемъ эту книгу къ серіи извѣстныхъ уже повѣстей изъ жизни древняго міра: *Акса* Сысоевой, *Катакомбы*

Турь, *Два міра* Бекетовой, *Девъ тысячи лѣтъ назадъ* Черча и *Галль* Бэккера.

Добримъ дѣтямъ. Задушевные рассказы *А. В. Круглова*, въ прозѣ и стихахъ. Съ рисунками. Изданіе В. К. Губинскаго. Спб. 1894. Стр. 230.

Раскрываемъ книжку, приобретенную нами подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, и не безъ удивленія видимъ, что это не болѣе, какъ маргаринъ. Въ вѣкъ всяческой фальсификаціи оказывается, что маргаринъ забрался и въ область литературы, и находится у насъ и такіе маргариновые, съ позволенія сказать, поэты, которые, ничуть не стѣсняясь, комплиментуютъ самихъ себя и старья свои измышленія выпускаютъ теперь подъ другими заглавіями. Читатель приобретаетъ книжку, надѣясь найти въ ней что-нибудь новое, но... видитъ, что онъ обманутъ самымъ рыночнымъ образомъ. Это— совершенно новый видъ плагиата: то писатели тащили у другихъ и выдавали за свое, и это считалось чрезвычайно неблаговиднымъ; а теперь они привалясь за самихъ себя— у себя тащатъ, и старье продаютъ за новинку... 15 лѣтъ тому назадъ г. Кругловъ выпустилъ книжку подъ заглавіемъ: *«Подарокъ на елку»*, *Рассказы и стихотворенія для дѣтей*, *А. В. Круглова*. Изданіе книгопродавца *Ф. А. Витенасжа*. Спб. 1880. Теперь онъ выпускаетъ книжку подъ заглавіемъ *Добримъ дѣтямъ*, гдѣ добрая часть рассказовъ перепечатана изъ того сборника, а также изъ очерковъ г. Круглова *Въ гостяхъ*. А чтобы «новый» сборникъ, дѣйствительно, походилъ на новый, г. Кругловъ свои старые рассказы озглавилъ по новому: вмѣсто *Няня* назвалъ *Уродъ*, вмѣсто *Добрушка* и *Злобоя*— *Индчерина*; впрочемъ, пощадилъ *Рождественскіе подарки*, оставивъ ихъ подъ тѣмъ-же заглавіемъ. И что всего безцеремоннѣе, такъ это то, что тутъ-же, въ концѣ этого новаго сборника, помѣщено объявленіе, гдѣ значится всѣ книги г. Круглова и между прочими также и *Подарокъ на елку* и *Въ гостяхъ*. Такъ что читателю предоставляется купить всѣ эти три книги съ одинаковымъ содержаніемъ, какъ совершенно разные. Даже и заглавіе-то для своего «новаго» сборника г. Кругловъ похитилъ: подъ заглавіемъ *Добримъ дѣтямъ* существуютъ уже у насъ книжки для дѣтей, точно такъ-же, какъ заглавіе *Задумевшіе рассказы* давно уже принадлежитъ известному сборнику г. Засодимскаго. Не хорошо, г. Кругловъ, очень даже не хорошо. Такими подвигами можно стяжать себѣ славу, но не литературную.

Дѣтямъ Изъ стихотвореній *Александра Круглова*. Съ портретомъ (!) автора. Изданіе дѣтскаго журнала «Прущечка». Спб. 1894. Стр. 97.

Дѣтямъ г. Круглова лучше, чѣмъ *Добримъ дѣтямъ* его-же. Тутъ— также старье, понабранный изъ разныхъ прежнихъ сбор-

никовъ г. Круглова; но оно повадерегано съ большимъ искусомъ и съ большою добросовѣстностью, безъ переименованій старыхъ произведеній по-новому и вообще безъ признаковъ маргарина. Въ похвалу г. Круглову можно отнестъ, что на этотъ разъ онъ построже отнесся къ тексту и пообработалъ свои, когда-то неотдѣланные стихи. Во всякомъ случаѣ, книжка эта хороша тѣмъ, что въ ней авторъ собралъ свои наиболѣе удачныя вещицы, составившія собою сборникъ не лишенный достоинствъ и могущій быть рекомендованнымъ какъ для семьи, такъ и для школы. Въ общемъ сборникъ производитъ хорошее впечатлѣніе своимъ задушевымъ тономъ, иногда, впрочемъ, переходящимъ въ излишнюю, даже смѣшную слащавость и слезливость, когда авторъ старается блеснуть предъ читателемъ своими призракомъ и лѣзетъ съ шимъ слишкомъ ужъ назойливо въ душу къ бѣднымъ дѣтямъ (особенно къ своей дашнѣйшей лирической поэмѣ *Изъ золотого дѣтства*). Наиболѣе удачны у г. Круглова мелкія стихотворенія, гдѣ у него пороку хватаетъ; а за большіе стихи лучше-бы ему не браться. Для этого нужно быть поэтомъ по-латы, чѣмъ слабенкій, жиденькій г. Кругловъ.

Тѣмъ. или о томъ, что произошло-бы въ землѣ, если-бы потухло солнце. Рассказъ *А. И. Лововича-Кострихи*. 2-е изданіе. М. М. Ледерзе и К^о. Спб. 1894. Цѣна 40 коп. Стр. 69.

Преоригинальный рассказъ. Онъ уже лѣтъ 15 тому назадъ появился въ *Семь и Школѣ*, потомъ былъ изданъ отдѣльно, но въ маломъ количествѣ экземпляровъ и, къ сожалѣнію, послѣ того долго не былъ въ продажѣ. Теперь издательская фирма Ледерзе и К^о выпустила его заново, и отлично поступила, потому что рассказъ вполне заслуживаетъ распространенія. Еще лучше было-бы, если бы она пустила его въ свѣтъ подешевле и изящнѣе, напр., украсила-бы рисунками, на которые такъ и напрашиваются многія мѣста рассказа. Потому что, повѣряемъ, онъ заслуживаетъ всевозможнаго вниманія. Это— не пустая, жиденькая беллетристическая водня, какой много распыляется въ нашей литературѣ для юношества: нѣтъ, тутъ беллетристика— дѣль форма для оживленія научнаго матеріала, содержаніе котораго вполне выяснено и переплавлено вышеприведеннымъ подробнымъ заглавіемъ книжки. Благодаря этой формѣ, которую авторъ воспользовался весьма искусно, повѣствованіе держитъ читателя все время въ напряженномъ вниманіи и ожиданіи послѣдующихъ физическихъ явленій при угасаніи солнца, заставляя читателя пережить всѣ перипетіи, которыя могла-бы совершиться на землѣ, если-бы въ дѣйствительности солнце стало потухать.

Васино письмо. Рассказъ *К. А. Лебедева*. Спб. 1895. Цѣна 31 коп. Стр. 24.

Есть известный французскій рассказъ о

томъ, какъ дѣтя посыладо письмо къ Богу; есть и русскій прелестный разсказъ недавно умершаго поэта Иванова-Классика подъ заглавіемъ *Письмо къ Богу*. Не мудро, что и г. К. Лебедевъ, въ наше время вслѣдственной фальсификаціи и чичиковщины, «сочинилъ (?) разсказъ про Васю Васьлыва, которому еще «шести лѣтъ не будетъ» и который тѣмъ не менѣе написалъ и опустилъ въ церковную кружку письмо къ «Матери Божіей Царицѣ Небесной» — написалъ его сложными, правильно построенными синтаксически предложеніями, въ стилѣ самого композитора художественныхъ произведеній, г. К. Лебедева, папъ такъ:

«Сдѣлай-же, Матерь Божія, такъ, *чтобъ опять дѣла паны поправились*; тогда оуп не будетъ скучнымъ и повеселымъ, и мама не будетъ такая печальная, и я, *глядя на нязь, перестану плакать*».

Такъ писать пятилѣтній Вася, котораго г. Лебедевъ, очевидно, не сумѣлъ отличить отъ влодѣтъ уже грамотнаго ребенка. Молодець, Вася! пять съ плюсомъ! Самъ-же г. К. Лебедевъ пишетъ хуже: ни психологич., ни правды въ его разсказѣ нѣтъ, а есть какая-то вялая, слезливая мазня бездарнаго автора, у котораго не имѣется рѣшительно никакихъ данныхъ къ писательству.

Изданія С.-Петербургскаго Комитета Грамотности: № 55. *Саша*. Разсказъ Марка-Вовчка. Цѣна 3 к. № 56. *Козачка*. *Одарка*. *Горница*. Разсказы Марка-Вовчка. Цѣна 4 к. № 57. *Сестра*. *Ледичан*. Разсказы Марка-Вовчка. Цѣна 4 к. № 58. *Скряга Скруджъ*. Святочныя разсказы Ч. Диккенса. Цѣна 9 к.

С.-Петербургскій Комитетъ Грамотности, въ послѣдніе годы проявляющій особенную энергію въ своей полезной дѣятельности, хорошо сдѣлалъ, остановивъ свой выборъ на разсказахъ Марка-Вовчка. Произведенія талантливой писательницы найдутъ доступъ къ сердцу простаго читателя и своей хватающей за душу правдой еще разъ напомнятъ народу, чѣмъ оуп обязанъ своему Царю-Освободителю. Вѣрвая завѣтамъ своего учителя Тургенева, Марко-Вовчекъ повѣстила не мало силъ на изображеніе крѣпостнаго права и по мѣрѣ своего таланта сдѣлала въ этомъ направлеши что могла. Несмотря на то, что изображаемая авторомъ эпоха отстоитъ отъ нашего времени почти на пятьдесятъ лѣтъ, разсказы Марка-Вовчка читаются съ большимъ интересомъ и особенно должны привлечь вниманіе того читателя, котораго предки вывели на своихъ плечахъ весь ужасъ дореформенныхъ порядковъ.

„Скряга Скруджъ“ принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ святочныхъ разсказовъ Ч. Диккенса и много разъ издавался въ русско-мъ переводѣ и цѣлкомъ и въ передѣлкахъ. По нашему мнѣнію при всѣхъ достоинствахъ этого разсказа оуп все-таки-бы

выигралъ при большемъ сокращеніи нѣкоторыхъ подробностей, которыя затрудняютъ чтеніе для простаго читателя, несмотря на многочисленныя примѣчанія.

Изданія Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности: № 18.

Изданія Харьковскаго Общества распространенія въ народѣ грамотности: № 18. *Дѣва Орлеанская*. № 19. *Ошелкъ*. М. Н. Евшко. № 20. „*Прекрасная Нивернеза*“ по Доде. № 22. *Швейцарія*. А. С.—чъ и Е. Р.—ой. № 24. *Жельзныя дороги*. № 28. *Друзья*. № 21. *Добрыя люди*. Историческій очеркъ. С. Р. № 23. *Могометъ*. Историческій разсказъ. № 25. *Перекопиноле*. Повесть Кивтяка-Освовяиенко. № 27. *Г. С. Скворода*. Биографическій очеркъ С. Р.

Просвѣдительная дѣятельность «Харьковскаго Общества» началась сравнительно недавно, но оно уже успѣло зарекомендовать себя на этомъ поприщѣ съ самой лучшей стороны. Первые шесть изъ перечисленныхъ нами брошюръ выходятъ уже вторымъ изданіемъ и на этомъ конечно не остановится ихъ распространеніе. Издаемыя новыя книжки также заслуживаютъ вниманія.

Наибольшей популярности послѣ бедетристичныя пользуются какъ у интеллигентныхъ, такъ и у простыхъ читателей книги историческія. Къ сожалѣнію, большинство составителья такихъ книгъ увлекаются громкими вѣдшними событіями, увлекаются войнами, полководцами и забываютъ о скромныхъ дѣятеляхъ, которые собственно только на своихъ плечахъ и выносятъ весь прогрессивный ходъ челошества. Въ мрачныхъ страницахъ нашей исторіи особенно трудно отыскивать такихъ дѣятелей, на памяти которыхъ не лежитъ ни одного темнаго пятна и тѣмъ болѣе приходится дорожить этими людьми. Въ книжкѣ «Добрыя люди» разсказывается о такихъ мало замѣтныхъ дѣятеляхъ, работавшихъ на Русь въ мрачную допетровскую эпоху.

Такимъ же свѣтлымъ явленіемъ «въ громкій славою Екатериныи вѣкъ» былъ и украинскій философъ Г. С. Скворода, біографію котораго напечатало «Харьковское Общество». Къ сожалѣнію, эта біографія не можетъ считаться въ числѣ удачныхъ изданій Общества. Составитель біографіи далеко не использовалъ богатый матеріалъ, которымъ долженъ былъ располагать. Оригинальная личность Сквороды обрисована недостаточнo характерно. Пронужены нѣкоторыя интересные эпизоды изъ жизни украинскаго философа, не приведены особенно удачныя его прреченія, —однимъ словомъ, нельзя не пожелать, чтобы въ слѣдующемъ изданіи біографіи была значительно пополнена. Свѣтлая личность Сквороды влодѣтъ этого заслуживаетъ.

Изъ быта крестьянъ. Разсказъ для крестьянъ и дѣтй крестьянскихъ школъ. Про-

тоиерея В. Владиславлева, Москва, Издание К. И. Тихомирова, Цѣна 50 к.

Когда Скворода захотѣлъ обучать учениковъ Переяславльскій духовной семинаріи тоническому стихосложенію, то епископъ переяславльскій потребовалъ, чтобы философъ не вводилъ новшествъ, а обучалъ бы по старинѣ сплалбическому стихосложенію. Скворода далъ понять епископу, что въ вопросѣ о стихосложеніи епископъ можетъ оказаться профаномъ.

«Иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное дѣло пастушья свирѣль», сказалъ Скворода, п за откровенность и прямоту лишился мѣста. «Иное дѣло пастырскій жезлъ, а иное дѣло пастушья свирѣль». Если-бы г. Владиславлевъ усвоилъ себѣ эту фразу, онъ бытъ можетъ не потратилъ-бы столько труда на сочиненіе правоучительныхъ разсказовъ для пейзажъ. Разсказы эти, написанные на различные тексты изъ Св. Писанія, обнуаживаютъ полное отсутствіе не только таланта у ихъ автора, но даже знакомства съ тѣмъ міромъ, который онъ беретъ описывать. Кромѣ этого, въ книгѣ г. Владиславлева нами замѣчено сообщаемое свидѣніе, которое можетъ сдѣлаться прямо историческимъ смуты среди доврѣчиваго крестьянскаго населенія. На стр. 169 сказано, что у насъ все избавлено отъ тѣлеснаго наказанія. Если книга эта попадетъ въ деревню и будетъ прочтена со вниманіемъ, то первое-же примѣненіе тѣлеснаго наказанія можетъ вызвать сцены, которыя конечно не-иже всего желательны самому автору!

Изданія «посредника». № 181. *Настасья Болшевица*. Разсказъ С. Т. Семенова. Цѣна 3 к. № 184. *Стриженое дѣло*. Разсказъ С. Т. Семенова. Цѣна 3 к. № 186. *Плени горя-злосчастья*. Стихотворенія И. Сурикова. Цѣна 3 к. № 187. *Дѣтскіе годы*. Стихотворенія И. Сурикова. Цѣна 9 к. № 188. *Сиротская доля*. Разсказы Л. Львова и Е. С.—ва. Цѣна 3 к. № 194. *Необыкновенный случай*. Быль А. Аполлова. Цѣна 1½ к. №№ 195, 196, 197 и 198. *Малымъ ребятамъ*. Книжки четвертая, пятая, шестая и седьмая. Разсказы и стихи. Цѣна по 1½ к.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ исполнится десятилѣтіе дѣятельности фирмы «Посредникъ». Десять лѣтъ тому назадъ появились первыя четыре книжки этой фирмы. То были разсказы Л. Н. Толстого: «Чѣмъ люди живы», «Богъ правду вѣщаетъ, да не скоро скажетъ», «Кавказскій плѣнникъ» и разсказъ такъ недавно умершаго П. С. Лѣвова «Христосъ въ гостяхъ у мужика». За десять лѣтъ, несмотря на всевозможныя препятствія дѣло «Посредника» расширилось и продолжаетъ расти, и нѣсколько миллионовъ выпущенныхъ фирмой экземпляровъ сдѣлали свое дѣло. Мы не будемъ здѣсь разсматривать дѣятельность Посредника, но не можемъ не указать, между

прочимъ, на писателя изъ крестьянской среды, развившагося благодаря первоначальному знакомству съ изданіями этой фирмы и впоследствии ставшаго однимъ изъ ея дѣятельныхъ сотрудниковъ. Это С. Т. Семеновъ, авторъ двухъ вышеизванныхъ разсказовъ. Что особенно отрадно видѣть въ г. Семеновѣ, это его постоянное правдолюбие, по несомнѣнному совершенствованію. Если сравнить его первыя произведенія съ вышеизванными послѣдними разсказами, то нельзя не замѣтить, что г. Семеновъ сдѣлалъ крупный шагъ впередъ. Слогъ его сдѣлался гораздо свободнѣе, слыше и образнѣе, изложеніе стало болѣе ежато и ярко и самые разсказы интереснѣе. Г. Семеновъ еще молодой человѣкъ и отъ его таланта мы въ правѣ ожидать и дальнѣйшаго развитія.

Г. Суриковъ—самоучка, какъ и его болѣе знаменитые и талантливые предшественники Коллдовъ и Никитинъ, конечно въ-высшестепъ нашимъ читателямъ и распространяться о немъ не приходится. Талантомъ Суриковъ обладаетъ весьма небольшимъ, но въ пѣсняхъ его слышалось неподдѣльное мужицкое горе, перекривая любовь къ природѣ и къ людямъ. Эти качества вызываютъ невольную симпатію къ безыскусственнымъ пѣснямъ народнаго поэта.

Разсказы Л. Львова и Е. С.—ва правдо рисуютъ тяжелое положеніе крестьянскихъ дѣтей, такъ рано вступающихъ обиды, непосильный трудъ и другія невзгоды крестьянской жизни. Въ «Необыкновенномъ случаѣ» г. Аполлова разсказывается дѣйствительно рѣдкій случай, а именно празднованіе свадьбы безъ водки. Употребленіе спиртныхъ напитковъ при всехъ выдающихся случаяхъ жизни сдѣлалось у насъ до того обычнымъ явленіемъ, что люди нарушающіе обычай кажутся окружающимъ одессельчанамъ какими-то не то новѣрцами, сектантами, не то прямо нехристями. Переполохъ, вызванный на селѣ такой страшной свадьбой, изображенъ авторомъ чрезвычайно правдиво и ярко. У автора замѣтны несомнѣнный талантъ и можно было-бы ожидать отъ него и лучшихъ произведеній,—но чихотка преждевременно оборвала эту жизнь и заманчивые планы, рождавшіяся въ головѣ будущаго писателя, остались невыполненными.

Книжки «Малымъ ребятамъ» представляютъ цѣлую библиотечку небольшихъ разсказовъ и стихотвореній, рассчитанныхъ на пониманіе самыхъ молодыхъ читателей. Разсказы и стихотворенія подобраны довольно умѣло, хотя и попадаются въ нихъ слова едва-ли понятныя для молодыхъ читателей крестьянскаго соловья. Въ книжкахъ попадаются небольшіе разсказы, подписанные именами небезызвѣстныхъ писателей, какъ напр., Засодимскій, Гаршинъ, Андерева и др.

II. ОБЩЕСТВЕННЫЯ НАУКИ.

М. Гредингеръ. Основы питейной монополии въ Россіи. Рига. 1895. II. 75 к.

Г. Гредингеръ, по его собственнымъ словамъ, поставилъ себя задачей «не всестороннюю научную обработку столь важной и трудной темы, какъ винная монополия, а желаетъ лишь свести восдвигъ тѣ отрывки (?) о казенной продажѣ вина, которые до сихъ поръ пролкли въ печать, разсматривая ихъ чрезъ призму науки». Несмотря на такое неудачное опредѣленіе своей задачи авторъ «Основы питейной монополии» является довольно смѣлымъ въ исторіи вопроса объ этой монополии въ Россіи. Практическое же значеніе монополии для него осталось невыясненнымъ. Г. Гредингеръ выражаетъ пожеланіе, чтобы вводимая теперь въ Россіи питейная монополия «приводилась въ исполненіе достолюбымъ образомъ. Да не отложится повсеместное введеніе ея въ долгій ящикъ!» Восклицаніе довольно странное, принимая во вниманіе, что Г. Гредингеру извѣстны тѣ возраженія противъ питейной монополии въ Россіи, которыя были своевременно сдѣланы лучшими органами періодической печати. Не общія «обыхъ выгоды казны, питейная монополия далеко не достигнетъ тѣмъ социально-этическимъ цѣлямъ, о которыхъ было официально объявлено. Всякому извѣстно, что пьянство идетъ не отъ кабацкиновъ, а отъ той бѣдности и невѣжества, въ которыхъ находится деревенскія массы нашего населенія. Г. Гредингеръ это прекрасно понимаетъ, но обходить такую тяжелую хотя и единственно вѣрную постановку вопроса, заявляя, что извѣстную пользу могутъ принести и «вишнія мѣропріятія»...

В. П. Касперевъ. Цѣны на пшеницу на современномъ международномъ рынкѣ. Спб. 1895 г. II. 5 р.

Это изданіе департамента торговли и мануфактуръ поражаетъ своей роскошностью, которая опредѣляетъ и назначеніе высокой за него цѣны. Спрашивается, для чего тратятся большія деньги и притомъ деньги казенныя на такая роскошныя изданія? Неужели только для того, чтобы они по своей высокой цѣнѣ оказались недоступными для большей части людей теоретически и практически занимающихся сельскимъ хозяйствомъ!

Странно распределены въ этомъ изданіи и авторскія права. Авторомъ выставленъ Г. Касперевъ, но въ его объясненіи оказывается, что онъ самъ себя выставилъ авторомъ, не имѣя на то никакого права и преславая права другихъ лицъ. Оказывается, что «подъ руководствомъ автора (т. е. Касперева), были собраны и обработаны обширный матеріалъ, приложенный къ сему изслѣдованію». Значитъ, автору принадлежатъ, по большей мѣрѣ, одно «изслѣдованіе», т. е. жиденькій текстъ пани-

саппый въ объясненіе къ таблицамъ и диаграммамъ, составляющимъ большую часть книги и единственную ея цѣнность. И тутъ оказывается, что настоящимъ авторомъ является собственно Г. Брошнівскій. Самъ главный авторъ, т. е. Касперевъ, говоритъ: «особенно пѣныя услуги оказалъ А. К. Брошнівскій, пересмотрѣвшій весь матеріалъ, подбравшій данныя въ обширной литературѣ какъ книжной такъ и журнальной и лично просмотрѣвшій всѣ статистическіе подсчеты». И пужно сказать, что Г. Брошнівскій подобралъ и сгруппировалъ, при содѣйствіи Г. Геккера и Г. Недоброво, весьма обширный матеріалъ о цѣнахъ на пшеницу за десятилѣтіе съ 1863 г. по 1892 г. После 1892 г. на всемірномъ рынкѣ какъ въ проваодствѣ, такъ и въ торговлѣ пшеницею скоплась такая масса новыхъ условий, которыя придаютъ работѣ Г. Брошнівскаго въ значительной степени значеніе лишь полезной исторической справки.

В. В. Очерки теоретической экономіи. Спб. 1895 г. II. 2 р.

Къ двумъ статьямъ («Роль рынка» и «Что такое цѣнность»), помѣщеннымъ въ «Свѣ. Вѣстн.», Г. В. В. добавилъ двѣ новыя статьи («Капиталистическая эволюція промышленности» и «Русскій марксизмъ») и объединилъ ихъ подъ общимъ заглавіемъ «Очерки теоретической экономіи». Изъ двухъ послѣднихъ статей, первая — «Капиталистическая эволюція промышленности» — посвящена доказательству того положенія, что эта эволюція вообще дѣло естественное и, къ счастью, надежда на ея водвореніе въ Россіи «съ каждымъ годомъ становится слабѣе». Мы съ этимъ послѣднимъ положеніемъ Г. В. В. вполне соглашаемся, хотя и по совершенно инымъ соображеніямъ, которыя, въ предѣлахъ возможности, были нами изложены въ статьѣ «По поводу модныхъ разговоровъ». Во второй статьѣ «Русскій марксизмъ» прежде всего Г. В. В. желаетъ убѣдить читателей, что «поклоненіе» автору «Капитала» было «безплоднымъ». Покончивъ съ безплоднымъ поклоненіемъ автору «Капитала», Г. В. В. переходитъ къ Г. Николаю — онъ и разбирательство его «Очеркъ нашего пореформеннаго хозяйства». Въ замѣчаніяхъ на «Очерки» Г. В. В. обнаружилъ такія особенности, которыя являются довольно удивительными у лица, тщательно слѣдящаго за земской статистикой и составившаго 1-й томъ «Итоговъ экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики». Такъ, напр., Г. Николай — онъ утверждаетъ, что крестьяне теперь бросаютъ землю и не «обрягаютъ ея». Г. В. В. удивляется и заявляетъ, что такое теченіе если и замѣчалось, то 10—15 лѣтъ тому назадъ. Въ данное-же время, наоборотъ, «крестьяне возвращаются къ землѣ. Столо-бы Г. В. В. просмотрѣть послѣдніе земскіе сельско-хозяйственные обзоры, чтобы увидѣть, на-

сколько, къ сожалѣнію, онъ не правъ и правъ г. Николай—онъ. — Покончить съ г. Николаемъ—онъ, г. В. В. переходитъ въ «марксизму буржуазному», представителями котораго, по его мнѣнію, являются г. Скворцовъ съ своими «экономическими причинами голодовокъ въ Россіи» п г. Струве съ своимъ «Критическими замѣчаніями по вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи». На г. Скворцова онъ мечетъ огни п молніи за общину, хотя тѣмъ дѣлу не помогаетъ. Г. В. В. слѣдовало-бы обнаружить большую дальновидность. Если мы все будемъ впадать въ издѣшій оптимизмъ п говорить о несокрушимой живучести общины, то вѣдь этотъ дорогой институтъ нашего поземельнаго права можетъ сильно пошатнуться. Не лучше-ли прямо смотреть въ глаза дѣйствительности п признать, что дорогая для всѣхъ насъ община переживаетъ критическую минуту? Такая постановка вопроса, помимо своего прямого соотвѣтствія съ дѣйствительностью, должна вызвать борьбу за цѣлостъ общины, а толки о ея несокрушимой живучести неизбежно приводятъ къ благодушному оптимизму: община, не беспокойтесь, переживетъ! А если не переживетъ?... Кто будетъ виновать въ такомъ случаѣ: г. Скворцовъ или г. В. В.?

Замѣчаніе г. В. В. на книгу г. Струве отличается обычнымъ, шаблоннымъ характеромъ. Г. Струве хочетъ отдать Россію на съдѣніе капитализму, погубить отечество п т. д. и что это ему—г. Струве—не удастся. Такая критика г. Струве уже была озвѣнена нами по достоинству въ той-же статьѣ «По поводу модныхъ разговоровъ».

Юридическая бібліотека. № 3. Общественное мнѣніе. Проф. Ф. Гольцендорфа. Переводъ съ нѣмецкаго *Н. О. Цера*. Спб. Изданіе Я. Канторовича. 1895. Цѣна 80 к.

Существуютъ различные взгляды на общественное мнѣніе: иногда оно восхваляется, какъ выраженіе высокой справедливости, какъ гласъ Божій, иногда порицается, какъ деспотическое угнетеніе толпою отдѣльных личностей или какъ мятежное вторженіе въ сферу правительственной дѣятельности. Но врядъ-ли кто сомневается въ томъ, что въ наше время общественное мнѣніе представляегь фактическую силу, съ которою государственными дѣятелями приходится считаться. Что именно слѣдуетъ считать общественнымъ мнѣніемъ? какъ оно зарождается въ современныхъ обществахъ? въ какихъ отношеніяхъ къ нему должно стать государство?—вотъ вопросы, которымъ задается въ своей брошюрѣ проф. Ф. Гольцендорфъ. Все, что говорится имъ по этому поводу, относится преимущественно къ Германіи, затѣмъ къ государствамъ западной Европы п Сѣв.-Ам. Штатамъ. Но очень многое въ этой брошюрѣ будетъ интереснымъ п вазидательнымъ п для рус-

скаго читателя. Какъ ни самобытна, по мнѣнію нѣкоторыхъ, Россія, но п для насъ чужіе примѣры не вовсе безцѣльны. Было время, когда въ зап. Европѣ государственные люди рѣшались не обращать вниманія на общественное мнѣніе или даже подавлять его силою; но общественное мнѣніе, окрѣпшее въ школѣ гуманизма, вооруженное типографскимъ станкомъ, добилося признанія п одержало немаловажныя победы въ сферѣ законодательства. Подавить общественное мнѣніе уже невозможно, но есть попытательное. вѣрное средство къ тому, чтобы направить его вѣрнымъ путемъ п оградить общество, особенно низшіе его классы, отъ злопамятенныхъ вліяній: п это единственное средство состоитъ въ томъ, чтобы поднять уровень образованія въ народѣ.

Д. П. Эваринскій. Исторія запорожскихъ козаковъ. Томъ второй. Спб. 1895. Цѣна 4 р.

Второй томъ труда почтеннаго изслѣдователя запорожской старшины, труда, несомненно слишкомъ громкое названіе исторіи, содержитъ въ себѣ разсказъ о событіяхъ въ Украйнѣ отъ 1471 г. по 1688 г., п начинается съ самаго начала.—съ происхожденія казаковъ (авторъ находитъ, что правильно писать «казакъ», но почему-то вездѣ пишетъ «козакъ»). Авторъ предпосылаетъ въ предисловіи, что избѣгалъ давать обобщенія событіямъ; п дѣйствительно, среди утомительно-однообразнаго п вялагаго по тону разсказа, составленнаго исключительно только по напечатаннымъ уже матеріаламъ п по сочиненіямъ другихъ изслѣдователей, мы не встрѣчаемъ не только широкихъ обобщеній п смѣлыхъ параллелей, но п сколько-нибудь живыхъ картинъ п яркихъ характеристикъ. Все добросовѣстно, достаточно подробно п документально однообразно, стро. Весь этотъ томъ, по словамъ автора, написанъ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ: авторъ жилъ то въ Таиженѣ, то въ Самаркандѣ, п невозможность имѣть одновременно подъ руками необходимыхъ справкъ сильно затрудняла работу. Къ этому псевдобыту присоединялось отсутствіе въ краѣ людей, интересующихся исторіей: не у кого было спросить совѣта, не съ кѣмъ подѣлиться мыслями, не отъ кого выслушать дѣльное замѣчаніе. Странно, что при такихъ условіяхъ п сознавая, что въ книгѣ найдется не мало пробѣловъ, авторъ все-же такъ спѣшилъ печатаніемъ своего труда: ни ученый мѣръ, ни любознательная публика ничего не потеряла-бы, если-бы этотъ отвѣчный томъ запорожской «исторіи» полежалъ еще въ которое время въ рукописи, хоть-бы до того времени, когда почтенный авторъ удостоится побывать въ столпчныхъ книгохранилищахъ. Можетъ быть, къ тому времени у автора созрѣли-бы п тѣ обобщенія, которыхъ онъ избѣгалъ, но безъ ко-

торыхъ всякое «историческое» сочиненіе представляетъ кладку изъ кирпичей, не связанныхъ цементамъ.

Ж. Масперо. Древняя исторія народовъ Востока. Переводъ съ IV французскаго изданія. Изданіе К. Т. Солодатовъ. Цѣна 3 рубля. Москва. 1895.

Книга Ж. Масперо пользуется въ исторической литературѣ большою извѣстностью, что вполнѣ объясняется ея выдающимися достоинствами,—рѣдко встрѣчающимся въ такой степени сочетаніемъ глубины научныхъ познаній автора въ области исторіи древняго Востока съ изящною простотою изложенія; авторъ обладаетъ искусствомъ въ немногихъ словахъ мягко и образно передать характерныя особенности времени и людей, о которыхъ ему приходится разсказывать. Русскій переводъ предназначается, по словамъ издателя, для учащейся молодежи, которая не всегда обладаетъ достаточнымъ знаніемъ языковъ, а также и для той части любознательной публики, которая пишетъ серьезнаго, но доступнаго для себя чтенія. Переводъ сдѣланъ удовлетворительно, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчается наклонность къ недостаточному осмотрительному употребленію иностранныхъ словъ. Для удешевленія изданія не напечатаны приложенныя къ французскому изданію 3 географическія карты, о чемъ приходится пожалѣть: историческіе атласы не у всѣхъ бываютъ подъ руками, а при чтеніи многихъ мѣстъ книги справка по картѣ положительно необходима для отчетливаго пониманія.

Иванъ Щегловъ. О народномъ театрѣ Москва 1895. Цѣна 1 р.

Въ книжкѣ г. Ив. Щеглова замѣтки о народныхъ развлеченіяхъ какъ-то странно переплетаются съ сердитыми выходками противъ гг. педагоговъ. Автору очень не нравится педагогическая рутинка. Можетъ быть, онъ и правъ. Но следовало-бы евои обвиненія формулировать яснѣе. А то выходитъ, какъ будто авторъ сердится на то, что въ одномъ собраніи, гдѣ было много педагоговъ, не захотѣли выслушать его разсужденій: они показали собранію мало относящихся къ дѣлу. Много еще есть въ этой книжкѣ сердитыхъ побрянокъ на прессу, на «жидовъ», на либераловъ, на петербургскихъ «трезвенниковъ». Если-бы всю эту необузданность изъ книжки выпнуть, осталось-бы въ ней нѣсколько небезынтересныхъ наблюденій надъ веселіями «народомъ» столичныхъ окрестностей. Теперь-же едва-ли найдется много охотниковъ покупать скучно-сердитую книжку за такую дорогую цѣну: 1 р. за 148 маленькихъ страницекъ.

Здравый смыслъ и женскій вопросъ. Сочиненіе Т. Хитинова. Переводъ и изданіе Д. Л. Муратова. Цѣна 1 р. Москва. 1895.

Эта книга появилась на свѣтъ въ Аме-

рику въ началѣ семидесятыхъ годовъ, но и теперь читается съ интересомъ. Въ ней приведено не мало примѣровъ униженнаго положенія женщинъ въ современномъ обществѣ, которое еще сохранило отъ давнихъ лѣтъ полупрезрительное отношеніе къ нимъ. Примѣры взяты, конечно, изъ американской и отчасти изъ англійской жизни; но взгляды на женщинъ и на женскій вопросъ въ существенномъ вездѣ одинаковы, и тамъ, и у насъ. Собственные разсужденія автора любопытны въ томъ отношеніи, что они представляютъ рядъ очень разнообразныхъ аргументовъ въ пользу равноправности женщинъ съ мужчинами. Можетъ быть, слѣдствіемъ этого стремленія сказать побольше доводовъ въ пользу женщинъ явилась нѣкоторая разбросанность и даже вебрежность изложенія: одинъ примѣръ, впрочемъ, безусловно весьма интересный, приведенъ даже два раза (на стр. 28—29 и 160—161). Тяжеловатый, хотя и правильный слогъ перевода дѣлаетъ особенно утомительнымъ многословіе нѣкоторыхъ страницъ. Издатель назначилъ 10% съ объявленной цѣны въ пользу женскихъ врачебныхъ курсовъ.

III. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ И МЕДИЦИНА.

Модестъ Богдановъ, профессоръ Сиб. университета. **Разсказы о птицахъ.** Для юности. Москва. 1895. Цѣна 75 к

Новая книжка пр. Богданова отличается тѣмъ-же достоинствомъ, какъ и предыдущіе труды его. Живое и увлекательное изложеніе, глубокое знаніе того міра, который описываетъ авторъ, искренняя любовь къ природѣ и къ дѣтямъ,—все это дѣлаетъ автора истиннымъ другомъ дѣтей, а книги его—радостными и желанными для юныхъ читателей. Разсказы о птицахъ—это, безспорно, одна изъ тѣхъ книгъ, которымъ слѣдуетъ желать возможно большаго распространенія въ виду ея воспитательнаго значенія: отъ каждой страницы ея вѣетъ такія бодрыми и млыми настроеніями. Когда просматриваешь книжку, открывая ее то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, то взгляды невольно, такъ сказать, зацѣпляются за нѣкоторыя, повидимому, слишкомъ развязныя выраженія,—«мордочки», «обезьяны» въ примѣненіи къ мальчикамъ, и т. п.—и это кажется сначала неужными вычурами. Но когда прочитаешь нѣсколько страницъ, то чувствуешь себя какъ-бы захваченнымъ волною живого дѣтскаго радости, и за страницами книги начинаютъ грезиться такіа веселія улыбки на загорѣлыхъ лѣтомъ дѣтскихъ лицахъ: тема книги совсѣмъ дѣлая,—какъ ловить птицъ и держать ихъ, чтобы отъ чувствовали себя въ невольномъ сносіи. Забавя, конечно, немного жестокая, но авторъ научить юныхъ читателей, предаваясь этой забавѣ, по крайней мѣрѣ, не топтать своихъ любимчиковъ лишними му-

ченіям, и не ожесточать сердца грубымъ избіеніемъ бѣдныхъ птицекъ.

Д-ръ А. И. Макиевскій. Гигиеническія бесѣды. Москва. 1894. Ц. 30 к.

Брошюра содержитъ девять очерковъ о гигиенѣ школьной жизни, одеждѣ и обуви, общихъ правилахъ повседневной жизни, о спиртныхъ напиткахъ, куреніи табаку и т. п. Каждый очеркъ изложенъ толково и интересно, въ виду чего мы и рекомендуемъ сочиненіе г. Макиевского вниманію читателей. Нѣсколько странныхъ показались намъ взгляды, что «спичка облагораживаетъ людей» (31) и нѣсколько неумѣстными въ популярной брошюрѣ подробности о супругахъ, увлекавшихся куреніемъ и «пользованныхъ» авторомъ. Въ брошюрѣ много опечатокъ, иногда мѣняющихъ смыслъ фразы, напр. напечатано: «смѣсь изъ разныхъ частей», тогда какъ слѣдуетъ читать: *разныхъ*. Если изданіе плохо корректровано, слѣдовало-бы хоть приложить списокъ главнѣйшихъ опечатокъ.

О прорѣзываніи зубовъ у дѣтей. Прив.-доп. *Н. П. Гундобина.* Спб. 1894. Ц. 40 коп.

Брошюрка представляетъ изъ себя собраніе нѣсколькихъ лекцій о прорѣзываніи зубовъ. Послѣ выдающейся книги проф. Кассовича, отзывъ о которой мы давали прошлымъ лѣтомъ, въ одно сочиненіе по тому-же вопросу не можетъ быть признано заслуживающимъ особеннаго вниманія.

Лекціи г. Гундобина представляютъ главнымъ образомъ изложеніе взглядовъ проф. Кассовича, что впрочемъ и не удивительно, такъ какъ этотъ послѣдній совершенно перевернулъ своимъ изслѣдованіемъ такъ прочно установленное въ публикѣ и даже у многихъ врачей мнѣніе, по которому чуть ли не всѣ дѣтскія болѣзни имѣютъ тѣсную связь съ прорѣзываніемъ зубовъ.

Изложеніе г. Гундобина довольно ясное, но лицамъ, желающимъ получить основательное понятіе объ этомъ интересномъ вопросѣ, мы все-же рекомендуемъ обстоятельный трудъ Кассовича «Лекціи по болѣзнямъ перваго дѣтскаго возраста».

Д-ръ К. Г. Змиродскій. Простуда. Какъ мы простужаемся и какъ уберечься отъ простуды? Спб. 1894.

Въ концѣ брошюры авторъ пишетъ: «Не боги горшки обжигали, и потому я, не будучи специалистомъ по гигиенѣ, осмѣляюсь писать о простудѣ, сказавъ вамъ, читатель, то, что я самъ вычиталъ изъ медицинскихъ книжекъ». Г. Змиродскій исполнилъ свое намѣреніе въ точности: 6 страницъ брошюры (6—12) выписалъ изъ общей патологіи бывшаго профессора г. Пашутяна, 2 страницы (14—15) изъ руководства проф. Самуэля. На остальныхъ страницахъ сообщается то, что г. Змиродскій вычиталъ изъ другихъ медицинскихъ книгъ. очевидно самыхъ популярнѣйшихъ, такъ какъ

въ его изложеніи нѣтъ ничего такого, чтобы не было давно всѣмъ извѣстно,

Есть, правда, нѣсколько оригинальныхъ замѣчаній, напр. о томъ, что носить резиновые калоши вредно, такъ какъ онѣ «непропускаемы для воздуха и воды» (33). При чемъ человѣкъ, ходящій по грязи въ калошахъ, сравнивается съ животнымъ, умирающимъ послѣ лакированія кожи! Затѣмъ г. Змиродскій совѣтуетъ носить «по преимуществу шерстяное бѣлье и платье» (36).

За удовольствіе узнать, что для предохраненія отъ простуды надо ходить по лужамъ безъ калошъ и въ шерстяномъ бѣльѣ, авторъ назначилъ цѣну 20 копѣекъ за 37 страницекъ самаго мельчайшаго разбѣра, какой намъ когда-либо приходилось видѣть.

Мы, пожалуй, согласимся съ г. Змиродскимъ, что «горшки не боги обжигали», но только съ тѣмъ условіемъ, если онъ согласится, что ему не слѣдовало выступать въ печати съ такимъ безсодержательнымъ произведеніемъ.

Спутникъ священника во время разбѣздовъ его по приходу или простые домашніе врачебные совѣты, испытанные на практикѣ. Составилъ священникъ Евгеній Ландышевъ. М. 1894.

Спутникъ г. Ландышева составленъ съ похвальной цѣлью искоренить захарство, но составленъ онъ такъ неудачно, что трудно даже сказать, не будетъ-ли онъ способствовать уменьшенію довѣрія къ врачебной помощи. Г. Ландышевъ не рекомендуетъ многихъ дѣйствительно доступныхъ средствъ первой помощи, но зато даетъ иногда такіе изумительные совѣты, надъ которыми приходится серьезно задуматься.

На стр. 7 онъ совѣтуетъ при *сильномъ* кровотеченіи изъ раны прикладывать ватный компрессъ и камфарный спиртъ, и въ одномъ словѣ не упоминаетъ о сдавленіи и перетягиваніи вышедекающихъ частей, которое представляетъ единственно вѣрный изъ общедоступныхъ способовъ остановки *сильнаго* кровотеченія. На стр. 10 авторъ называетъ александрийскій листъ «самымъ легкимъ, безвреднымъ и приятнымъ слабительнымъ» и даже не предупреждаетъ, что настои его надо пить не горячими, а холодными: очевидно, самъ онъ не попытался на собственномъ опытѣ *приятности* названнаго средства. На стр. 16 отъ зубной боли рекомендуется прижиганіе креозота: по счастью, вредъ этого совѣта парализуется тѣмъ, что аптеки не должны продавать ядовъ безъ рецепта врача, но все-же нельзя быть такъ непростительно неосторожными. На стр. 20 данъ совѣтъ принимать противъ инфлюэнцы (болѣзнь не описана вовсе) саллициловый натръ по 10 грапъ черезъ 2 часа (выходитъ, что можно принимать каждый день чуть не 100 грапъ безъ рецепта врача!) На стр. 30 г. Ландышевъ свалить деготь «при выпутіи явозъ», а

также при «кашлѣ, чахоткѣ и сухоткѣ». На стр. 33 сказано, что кислая капуста «совершенно уничтожаетъ желтуху», а также «изгоняетъ изъ желудка разныя *мокро-ты и желчи*» (sic). На стр. 38 рекомен-дуется давать «маковое масло по чайной ложкѣ дѣтямъ при трудномъ высыпаніи кори». На стр. 39 авторъ настаиваетъ на пользѣ сырой моркови «отъ мелкихъ гли-стовъ», при сухоткѣ и всѣхъ *вообще* груд-ныхъ болѣзняхъ» п т. п.

Ограничимся этими выписками, хотя при желаніи можно было-бы наполнить разными неправдыностями п неточностями нѣсколь-ко столбцовъ журнала.

Совѣты г. Ландышева изложены вообще безъ всякой системы, п на ряду съ попыт-ками поддѣлаться подъ научную медицину въ его «спутникѣ» даются также рецепты «отъ сосковъ или собачьяго вымя (sic) подъ пазухой» (стр. 10).

Несмотря на столь неудачное выполне-ніе г. Ландышевымъ предпринятой задачи, мы не можемъ не признать заслуживающей вниманія основную мысль его труда. Свя-щенники безусловно могли-бы оказывать народу въ извѣстныхъ случаяхъ первую помощь, п для народа было-бы полезно, если-бы они не увлекались, какъ теперь дѣлаютъ многіе, проповѣдью гомеопатовъ п разныхъ самозванныхъ цѣлителей, а изу-чили-бы дѣло общедоступной помощи со-гласно послѣднимъ даннымъ науки.

Само собой разуміется, однако, что свя-щенникъ не въ состояніи составить руко-водство по медцивѣ, что это можетъ сдѣ-лать только врачъ, и что общедоступное изложеніе медицинскихъ вопросовъ пред-ставляетъ изъ себя даже болѣе трудное дѣ-ло, чѣмъ составленіе specialнаго руко-водства для врачей.

Вотъ почему мы думаемъ, что г. Ланды-шевъ взялся совсѣмъ не за свое дѣло. Мы высказываемъ это, несмотря на предисловіе автора, въ которомъ сказано, что критико-вать всякое произведеніе гораздо легче, чѣмъ написать его.

Краткій учебникъ нервныхъ болѣз-ней. Д-ра *П. Н. Булатова* и *Н. П. Степанова*. Спб. 1894. Цѣна 1 р.

Среди всѣхъ «краткихъ учебниковъ», «конспектовъ» п тому подобныхъ изданій, которыя послѣ введенія государственныхъ экзаменовъ стали расти, какъ грибы послѣ дождя, учебникъ д-ровъ Булатова п Степа-нова пр. представляетъ отрядное явленіе. Необ-ходимыя свѣдѣнія изложены кратко, но ясно п толково, вмѣстѣ съ тѣмъ въ учеб-никѣ нѣтъ ошибокъ, которыя такъ часто совершенно сбиваютъ съ толку студентовъ, набрасывающихся на «краткіе учебники» въ припадкѣ предъэкзаменаціонной горячки. Для большей полноты учебника слѣдовало-бы включить въ него главу объ алького-лизмѣ, морфинизмѣ п другихъ модныхъ са-моотравленіяхъ, прающихъ такую круп-ную роль въ происхожденіи нервныхъ бо-лѣзней.

Проф. *Rauzier*. **Неврастенія.** Перев. съ франц. д-ра В. Вальтера. Спб. 1894. Изд. Н. П. Петрова.

Небольшая брошюра даетъ довольно ле-гкое понятіе о модной современной болѣзни. Переводъ не дурень, но изданіе плохо кор-ректировано. Особенно много опечатокъ въ иностранныхъ словахъ, опечатокъ наглядно доказывающихъ, что корректура была по-ручена лицу, совершенно не знакомому съ медицинскими терминами. Это тѣмъ болѣе печально, что разбираемая брошюра пред-ставляетъ отпскъ изъ *медицинскаго* жур-нала: «Современная Клиника».

ИЗЪ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРЫ.

Бисмаркъ на судѣ общественнаго мнѣнія. — А. Ф. Федотовъ и первая попытка основанія народнаго театра. — С.-Петербургскій женскій медицинскій институтъ.

Бисмаркъ на судѣ общественнаго мнѣнія.

Торжество Бисмарка, еще недавно такъ волновавшее Германію, подало поводъ нѣмецкому журналу «Gegenwart» сдѣлать опросъ разныхъ нѣмецкихъ и европейскихъ знаменитостей относительно роли этого политическаго гения въ исторіи цивилизаціи. Отвѣты нѣмецкихъ писателей оказались при этомъ довольно благоприятными для славы канцлера, но приговоръ иностранцевъ въ большинствѣ случаевъ суровъ. Не только французы, но и англичане и итальянцы высказались, въ очень ограниченномъ смыслѣ относительно знаменитаго политическаго дѣятеля нашего вѣка, показывая этимъ, что человѣчество тяготеетъ прежними формами жизни и международныхъ отношеній и вѣрится въ лучшее будущее.

Приведемъ нѣкоторыя изъ мнѣній, опубликованныхъ въ «Gegenwart». *M. de Vogüé* говоритъ, что гербъ, украшающій одинъ изъ старыхъ домовъ въ Магдебургѣ: *Intraque fortunam ipsius fortunae memoraesto*, представляетъ изъ себя воплощеніе девиза и жизни Бисмарка. При этомъ почтенный академикъ опираясь на Ж. Ж. Вейса и его книгу о Германіи, высказываетъ, что въ крови Бисмарка кроются задатки безумія. Безуміе Бисмарка заключается въ какой-то «прямолинейной дерзости», говорилъ Вейсъ, сумѣвшій найти безумцевъ и среди предковъ канцлера; такое безуміе, крайне напряженное, усиливающееся до послѣднихъ предѣловъ, обыкновенно увѣячивается успѣхомъ.

Это «прямолинейная дерзость» явилась у него по-временя. Какъ Дизрели, какъ Гладстонъ, Бисмаркъ понялъ, что хитростью и обманомъ теперь ничего нельзя достигнуть. Среди современныхъ намъ людей всѣхъ національностей слишкомъ много лицъ, предпочитающихъ дѣйствовать осмотрительно и осторожно, и государственныи чловѣкъ не можетъ руководить ими иначе, какъ высказывая съ самаго начала простыя, всѣмъ понятныя идеи. Въ этомъ онъ можетъ не смущаться, если даже осуществленіе этихъ идей связано со скандаломъ, если оно находитъ отпоръ въ массѣ предубѣждений, въ интересахъ и страстяхъ противоположныхъ мнѣній. Чловѣкъ, который проводитъ свои идеи настойчиво и съ ожесточеніемъ, имѣетъ много шансовъ за то, что ему удастся склонить большинство на свою сторону.

Нельзя себѣ представить, какое вліяніе можетъ имѣть характеръ одного чловѣка на нерѣшительную толпу, и какую силу представляетъ изъ себя это вліяніе. Подобная

игра, конечно, опасна, но несравненно менѣе опасна, чѣмъ заигрываніе съ капризами толпы изъ опасенія обнаружить свои дѣйствительныя планы. Ко всѣмъ примѣрамъ откровенности Бисмарка я могу присоединить еще слѣдующій: я имѣю достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что еще двадцать лѣтъ тому назадъ, во время свиданія въ Гаштейнѣ въ 1865 г., прусскій министръ говорилъ графу Прокель-Остену: «Я желаю войны, чтобы сдѣлать моего короля императоромъ, чтобы короновать его въ Римѣ императоромъ протестантской Германіи».

Еще одна особенность этого страннаго человѣка, это—постоянная провія, съ которой онъ относится къ своимъ собственнымъ дѣйствіямъ и какъ-бы сознаніе ничтожества тѣхъ важныхъ событій, которыми онъ руководитъ. Его легче представить себѣ лишающимъ Элезиастъ или еще лучше роль Мефистофеля въ Фаустѣ. Въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ принадлежитъ своему времени. Въ немъ есть нѣчто въ родѣ гипнотизма; даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ жизни онъ съ улыбкою смотритъ на свое желѣзное кольцо, привезенное изъ Россіи, на которомъ вырѣзано слово: *ничего*.

Анатолий Леруа Болье пишетъ слѣдующее:

«Германія Бисмарка, какъ мнѣ кажется, представляетъ изъ себя что-то слишкомъ разпородное. Для союзнаго государства въ ней слишкомъ мало пропорціональности и симметріи. У нея какъ будто голова больше всего туловища, потому что Пруссія одна имѣетъ болѣе значенія, чѣмъ все остальные провинціи вмѣстѣ. Германія Бисмарка представляетъ изъ себя что-то плохо сложенное. Она была бы стройнѣе и казалась бы болѣе жизнеспособной, если бы желѣзный канцлеръ болѣе считался съ правами германскихъ князей и свободнымъ управленіемъ германскихъ провинцій. Но именно въ этомъ и заключается слабость сторона его политики. Онъ никогда не имѣлъ достаточно уваженія къ праву, было-ли то древнее династическое право, которое онъ неоднократно нарушалъ безъ всякой цѣлительности, или право современное, право народовъ, которымъ нельзя располагать безъ вѣдома самаго народа. Такъ онъ лишалъ германскихъ князей ихъ владѣній и присоединялъ эти владѣнія къ Пруссіи, заботясь только о кажущемся интересѣ ея и опираясь только на силу.

Это презрѣніе къ старымъ и новымъ правамъ остается для насъ, французовъ, самую характерною чертою политики Бисмарка. Въ предѣлахъ Германіи, какъ и въ предѣлахъ ея, ради расширенія границъ Пруссіи, какъ и ради расширенія границъ всего германскаго государства, онъ никогда не останавливался передъ нарушеніемъ этихъ правъ. Датчане съвершаго Шлезвига и французы изъ Метца могутъ это засвидѣтельствовать. Политика Бисмарка совершенно лишена была принципіальнаго основанія она вся была построена на силѣ и руководящимъ началомъ ея были эгоистическіе интересы. Вотъ почему мы не можемъ относиться къ нему такъ, какъ онъ бы заслуживалъ того въ силу своихъ дарованій.

Другіе иностранцы, высказывающіе свое мнѣніе о Бисмаркѣ, оказались болѣе снисходительны къ нему. Такъ напр., по мнѣнію *Ламброзо*, Бисмаркъ добивался своихъ задачъ грубою силою, не останавливаясь ради своихъ цѣлей даже передъ тѣмъ, чтобы возстановить одни классы общества противъ другихъ. Сравнивая его съ Кавуромъ, который не прибѣгая къ силѣ освободилъ Италію, или съ Гладстономъ, который сналъ Ирландію отъ жестокой революціи, человѣчество всегда будетъ на сторонѣ дѣятелей послѣдняго типа.

Извѣстный итальянскій романистъ *Антоніо Фогациаро* видитъ въ Бисмаркѣ не болѣе какъ человѣка, одареннаго громадною силою воли. Но политическая дѣятельность его, по мнѣнію Фогациаро, могла бы служить примѣромъ того, какъ не слѣдуетъ поступать:

Патріотизмъ, способный подыпать все интересамъ одного момента—ничтоженъ и носитъ въ себѣ зачатки смерти. Таковъ патріотизмъ князя Бисмарка, безсмертная сила котораго была провозглашена во всей Германіи, но слабость котораго обнаружилась въ подчиненіи французской Лотарингіи.

Извѣстный польскій писатель *Генрикъ Сенкевичъ* говоритъ, что князь Бисмаркъ былъ не болѣе, какъ политикъ съ значительными практическими способностями.

«Если бы идея объединенія Германіи не существовала до него, то она не зародилась бы въ его головѣ. Онъ не способенъ что-либо создавать и обогащать человечество новыми идеями. Практическій политикъ убилъ въ немъ великаго человѣка. Чѣмъ болѣе онъ приближался къ своей цѣли, чѣмъ болѣе торжествовала его сила, тѣмъ менѣе становился онъ способенъ понимать, что сила должна обладать душою чистою и нравственною, что безъ этой души все дѣло его жизни только повредитъ цивилизаціи его нѣмецкаго отечества. Одинъ французскій епископъ воскликнулъ однажды: «если бы Германія могла стать на столько же доброю, на сколько она могущественна!.. Увы! Германія Бисмарка не можетъ стать доброю. Германія сама это чувствуетъ и, несмотря на свое преклоненіе передъ Бисмаркомъ, не можетъ отдѣлаться отъ мысли, что она не въ состояніи будетъ идти влослѣдствіи по слѣдамъ, намѣченнымъ Бисмаркомъ».

Гербертъ Спенсеръ, который не хотѣлъ сказать о Бисмаркѣ ничего дурного, тѣмъ не менѣе не нашелъ ничего, что бы могъ сказать въ его пользу:

«Его уже совершенно достаточно прославили. Къ тому же я не думалъ еще о немъ въ окончательной формѣ».

Въ этихъ словахъ сквозитъ жестокая провія философа-эволюціониста.

Георгъ Брандесъ, знаменитый скандинавскій критикъ и идолъ современной Германіи, замѣчаетъ о Бисмаркѣ слѣдующее:

«Да, Бисмаркъ—это счастье Германіи, говоритъ онъ, но его пельза было бы назвать благодѣтелемъ человечества. Онъ для Германіи то же, что очки для человѣка который безъ нихъ плохо видитъ. Конечно, очень приятно имѣть хорошіе очки, но было бы гораздо лучше совсѣмъ не имѣть въ нихъ необходимости».

Внѣ Германіи, среди людей, высказывавшихъ свое мнѣніе о Бисмаркѣ, нашелся только одинъ, высказавшійся въ его пользу и даже безъ мѣры превозносящій его; это извѣстный ученый Стенли.

А. Ф. Фетодовъ и первая попытка основанія народнаго театра.

11-го февраля, утромъ, неожиданно скончался извѣстный драматическій артистъ и драматургъ Александръ Филипповичъ Фетодовъ. Покойный давно уже страдалъ астмой, которая и свела его въ могилу.

А. Ф. Фетодовъ, сынъ помѣщика Клинскаго уѣзда Московской губерніи, родился 4 ноября 1841 года въ Москвѣ; первоначальное образованіе получилъ въ Московской 4-й гимназіи. 16-ти лѣтъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ находился на медицинскомъ факультетѣ до 4-го курса. Въ 1862 г., по независящимъ отъ него обстоятельствамъ долженъ былъ оставить университетъ. Съ самаго ранняго возраста единственною его страстью былъ театръ; будучи гимназистомъ онъ уже игралъ на всевозможныхъ дѣтскихъ и любительскихъ спектакляхъ. Когда онъ былъ гимназистомъ 7-го класса, онъ уже игралъ въ Запасномъ дворцѣ на сценѣ извѣстнаго тогда любителя Н. И. Давыдова, съ А. Н. Островскимъ, неигравшую еще въ то время комедію «Свои люди, сочтемся», при чемъ самъ А. Н. Островскій игралъ Подхалиюзина, а г. Фетодовъ Ризположенскаго. На этой же сценѣ, въ ту же зиму, поставилъ А. Н. Островскій «Картину семейнаго счастья», въ которой самъ игралъ роль Пузатова, а г. Фетодовъ—Шырялова. Похвалы А. Н. Островскаго и другихъ членовъ «Давыдовскаго» маленькаго кружка несомнѣнно были стимуломъ, вы-

завшимъ въ молодомъ человѣкѣ стремленіе играть и разрабатывать свои сценическія способности. Когда организовался знаменитый «Секретаревской кружокъ», А. Ф. сразу занялъ тамъ, благодаря своему дарованію, очень видное мѣсто. Въ это время репутація г. Ѳедотова, какъ талантливаго актера, настолько распространилась въ Москвѣ, что тогдашній управляющій Императорскимъ театромъ г. Львовъ прислалъ къ нему чиновника театральнoй конторы съ предложеніемъ дебютировать. Весной 1862 года г. Ѳедотовъ дебютировалъ на московскомъ Маломъ театрѣ. 20-ти-лѣтній юноша появился впервые передъ московскою публикой, въ роли 80-ти лѣтняго старика закладчика Дряжина, въ комедіи «Кашей». Типичная характерность исполненія и трагическая сила въ сценѣ сумасшествія и смерти, которыми заканчивается пьеса, произвели на публику такое сильное впечатлѣніе (смотри ст. Баженова въ журналѣ «Антрактъ»), что съ перваго же дебюта судьба молодого артиста была рѣшена: дирекція заявила ему, что онъ принять. Второй дебютъ г. Ѳедотова былъ въ комедіи А. Потѣхина «Чужое добро въ прокъ не идетъ», въ роли Мишаньки. Успѣхъ этого дебюта тоже былъ выдающійся. Третьимъ дебютомъ была роль Ризположенскаго, въ комедіи «Свои люди, сочтемся». И въ роли Ризположенскаго, которая до сихъ поръ была исполняема знаменитымъ В. И. Живокини, г. Ѳедотовъ имѣлъ такой успѣхъ, что г. Живокини долженъ былъ навсегда уступить ему эту роль. За болѣзнью М. С. Щепкина, въ то время уже рѣдко принимавшаго участіе въ спектакляхъ Малаго театра, г. Ѳедотову была передана роль Заичикова-отца, въ комедіи Потѣхина «Мишура». Не отличавшійся большимъ тактомъ и совершенно незнакомый съ тогдашними закулисными правами, только соскочившій со студенческой скамейки г. Ѳедотовъ отважился заявить желаніе сыграть даже одну изъ ролей, грѣмѣвшаго въ то время, П. М. Садовскаго, а именно роль Разгильдяева, въ комедіи «Виць-мундиръ». Закулисный міръ пришелъ въ ужасъ отъ такой дерзости, но исполненіе было такъ удачно и самъ П. М. Садовскій былъ такъ непохожъ на остальную театральную братію, что роль Разгильдяева перешла г. Ѳедотову *по просьбѣ* самого П. М. Садовскаго.

Играя въ первое время своей службы, на Маломъ театрѣ, онъ не прерывалъ своихъ прежнихъ отношеній съ Марковскимъ кружкомъ любителей, гдѣ на его долю вышло не малое счастье сыграть первому въ Россіи роль Анапія Яковлева, въ знаменитой комедіи Писсемекаго «Горькая судьбина». Шумный успѣхъ этой пьесы, въ это время еще не разрѣшенной для представленія въ публичныхъ спектакляхъ, вызвалъ непріязненные разговоры за кулисами Малаго театра и г. Ѳедотову, игравшему роль Анапія, по секрету отъ дирекціи, подъ фамиліей Александрова, послѣ трехъ, четырехъ представленій «Горькой судьбины», было воспрещено играть на частныхъ театрахъ. Чтобы утѣшить молодого человѣка въ этой неожиданной потерѣ блестящей роли Анапія, тогдашній управляющій репертуаромъ Н. И. Пельтъ предложилъ играть роль Тихона, въ «Грозѣ»—Островскаго. Эта роль, по нашему мнѣнію и по мнѣнію всѣхъ, кто помнитъ московскій Малый театръ того времени, стала короною ролью г. Ѳедотова.

Въ 1864 г. г. Ѳедотовъ былъ приглашенъ на гастроли въ Нижній-Новгородъ, на время ярмарки. Въ 1869 г. гастролитровалъ въ Саратовѣ въ театрѣ Медвѣдева, а въ 1870 г. въ Петербургѣ на Александринскомъ и Михайловскомъ театрахъ.

Въ концѣ 1871 г. въ Москвѣ учреждалось общество «Попеченія о рабочихъ», во главѣ учредителей стояли: князь Б. А. Черкасскій, профессора: А. Н. Богдановъ, Г. Е. Щуровскій и А. Ю. Давидовъ, крупные московскіе фабриканты гг. Морозовъ, Саложниковъ, Лнетъ и т. и.

Г. Фодотовъ представилъ собранію учредителей свой проектъ *перваго Русскаго Народнаго театра*. Несмотря на оппозицію со стороны одного весьма важнаго лица, состоявшаго въ числѣ учредителей, въ вопросѣ о пользѣ этого учрежденія, оказавшейся за короткій срокъ существованія театра, нѣкоторые изъ крупныхъ московскихъ фабрикантовъ присоединили свои заявленія о томъ же предметѣ. Московскій генералъ-губернаторъ въ представленіи своемъ подтвердилъ справедливость ходатайства комитета; г. министръ внутреннихъ дѣлъ и шефъ жандармовъ присоединили свои заключенія о пользѣ народнаго театра для бѣднѣйшихъ и среднихъ классовъ населенія большихъ городовъ. Но монополія казенныхъ театровъ возетала въ лицѣ тогдашнихъ ея представителей: Министра Двора графа Адлерберга и, главнымъ образомъ, контролера министерства Двора барона Кистера и все это кончилось тѣмъ, что народный театръ приказано было закрыть въ день закрытія выставки, такъ какъ онъ былъ разрѣшенъ на время выставки въ видѣ исключенія.

Не въ характерѣ г. Фодотова было покорно склонить голову передъ такимъ рѣшеніемъ. Со всей настойчивостью челоуѣка убѣжденнаго, со всей энергіей молодости, онъ отстоялся на защиту этого дѣла. Почетный президентъ политехнической выставки Великій Князь Константинъ Николаевичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ А. Е. Тимашевъ и с.-петербургскій градоначальникъ Ф. Ф. Треповъ обѣщали ему свое содѣйствіе въ этой далеко неравной борьбѣ его съ казенной монополіею, охраняемой такимъ многоголовымъ черберомъ, какъ баронъ Кистеръ съ цѣлою арміею своихъ чиновниковъ. Когда дѣло было доведено до того, что назначена была коммисія изъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, шефа жандармовъ и г. министра двора для окончательнаго рассмотрѣнія и рѣшенія этого дѣла, министерство двора тотчасъ же выдало разрѣшеніе гг. Урусову и Танѣеву на открытіе въ Москвѣ «Общедоступнаго театра», съ платою въ доходъ дирекціи по 50 рублей отъ спектакля и всевозможными ограниченіями, а министру внутреннихъ дѣлъ прислало увѣдомленіе, что такъ какъ въ Москвѣ дешевой частный театръ уже разрѣшенъ, то въ соображеніяхъ Высочайше разрѣшенной коммисіи надобности больше не предстоитъ. Тогда г. Фодотовъ одержалъ блестящую побѣду на диспутѣ, происшедшемъ въ залѣ Московской думы, въ общемъ собраніи учредителей, между однимъ старовѣромъ-оппонентомъ и имъ: проектъ народнаго театра былъ принятъ большинствомъ 63 голосовъ противъ одного. Увлеченный успѣхомъ на попріщѣ новой еще въ то время для него общественной дѣятельности, г. Фодотовъ всецѣло отдался ей. Онъ былъ приглашенъ въ число учредителей общества попеченія о рабочихъ и избранъ въ коммисію для выработки проекта устава этого общества. Коммисія состояла изъ гг. Черкасскаго, Морозова, Давидова, Вилькенса и Фодотова. Члены коммисіи избрали секретаремъ г. Фодотова и возложили на секретаря, какъ это обыкновенно водится, всю работу. Кромѣ проекта народнаго театра имъ были составлены проекты новыхъ, до сихъ поръ еще не существовавшихъ учрежденій, каковы народныя читальни, чайная и воскресная школа для обученія церковному и духовному пѣнію.

Пока шли ходатайства о разрѣшеніи этого поваго общества, большинство его учредителей приступило къ организаціи *московской политехнической выставки*.

Такъ какъ общество попеченія о рабочихъ не было разрѣшено правительствомъ, то его учредители организовали на Политехнической выставкѣ 1872 года отдѣлъ попеченія о рабочихъ, въ составъ котораго и вошли учрежденія, проектированныя г. Фодотовымъ, съ присоединеніемъ къ нимъ народнаго училища для малолѣтнихъ фабричныхъ и народная столовая.

Отдѣлъ попеченія о рабочихъ и народный театръ были открыты 30-го мая

1872 года, зданіе театра было выстроено извѣстнымъ архитекторомъ Гартманомъ, предсѣдателемъ отдѣла былъ избранъ заслуженный профессоръ Киттара, а директоромъ театра г. Фетотовъ. Успѣхъ народнаго театра Политехнической выставки настолько общезвѣстенъ, что мы полагаемъ излишнимъ распространяться о немъ въ настоящемъ краткомъ очеркѣ, считаемъ необходимымъ указать только на то обстоятельство, что къ концу выставки, ея комитетъ возбудилъ ходатайство объ упроченіи народнаго театра навсегда; ходатайство это было подкрѣплено постановленіемъ Московской думы, предприняли новое ходатайство, и на этотъ разъ уже о русскомъ народномъ театрѣ въ Петербургѣ, въ зданіи бывшаго театра «Цирка», на Александринской площади. На этотъ разъ онъ соглашался даже на поспектакльный платежъ 50 руб. въ доходъ дирекціи, но съ тѣмъ, чтобы ему было дозволено вести дѣло театра по той же самой программѣ, по которой онъ велъ Московскій Народный театръ. Баронъ Кистеръ при личномъ свиданіи съ В. К. Константиномъ Николаевичемъ и петербургскимъ градоначальникомъ *объясилъ* выдать наконецъ такое разрѣшеніе. На основаніи этого обѣщанія, г. Фетотовъ заарендовалъ зданіе театра на 3 года съ платою по 15,000 руб. въ годъ, и вотъ на прошеніе его, вопреки этому обѣщанію, баронъ Кистеръ прислалъ ему разрѣшеніе приблизительно такого содержанія: «Разрѣшается такому-то давать въ С.-Петербургѣ, въ зданіи театра «Цирка» 2-го участка Спасекой части, представленія, на французскомъ, нѣмецкомъ и другихъ иностранныхъ языкахъ—представленія состоящія изъ танцевъ, музыки, пѣнія куплетовъ и отрывковъ изъ сценъ изъ оперетъ, фокусоевъ, акробатическихъ, карійскихъ и другихъ игръ, но безъ національныхъ и вообще безъ костюмовъ. съ платою впередъ въ доходъ дирекціи Императорскихъ театровъ по 50 руб. за каждое представленіе». Что было дѣлать несчастному г. Фетотову, очутившемуся съ такимъ разрѣшеніемъ и съ трехгодичнымъ контрактомъ, по которому уже онъ внесъ 5 тысячъ руб. Выручилъ его изъ этой бѣды с.-петербургскій градоначальникъ г. Треповъ. Онъ убѣдилъ его подождать болѣе благоприятнаго времени для открытія Русскаго Народнаго театра, а пока, чтобы не погибнуть окончательно, открыть Французскій театръ и играть на немъ оперетку и комическую оперу. «Играйте пьесы пѣликомъ!»—прибавилъ онъ, «а остановить ваши представленія дирекція театровъ сама, безъ меня, не можетъ, а если вздумаетъ ихъ закрыть, такъ я имѣю полное право вступиться въ это дѣло и сказать, что безмысленныхъ отрывковъ играть нельзя и безъ костюмовъ тоже я въ Петербургѣ играть не позволю. Напорются они на меня, плюнуть на вашъ театръ и будете вы играть что захотите, хотя только по французски и только пьесы музыкальнаго репертуара». И такимъ образомъ, совершенно случайно, только для того, чтобы не застрѣлиться или не повѣситься, онъ сталъ директоромъ Французскаго театра «Opéra Bouffe». (Названіе Opéra Comique, котораго добивался г. Фетотовъ, барону Кистеру не понравилось и онъ посоветовалъ г. Фетотову о немъ даже и не ходатайствовать).

Какъ ни трудна была новая задача, предстоявшая г. Фетотову, въ то время даже мало знакомому съ французскимъ языкомъ, но и на этотъ разъ его художественный вкусъ и энергія выручили его: Петербургъ до сихъ поръ съ восторгомъ воспоминаетъ этотъ блестящій театръ «Bouffe», гдѣ онъ веселился на представленіяхъ Жюдикъ, Норде, Дарто, Вангель, Буфаръ, Эме, Грапье и проч. Но мысль о русскомъ театрѣ, несмотря на успѣхъ французскихъ представлений, продолжала преслѣдовать г. Фетотова, онъ ждалъ только удобнаго случая, чтобы опять вернуться къ русскому театральному дѣлу. Такой случай представился ему въ 1875 году. Великій Князь Константинъ Николаевичъ обратился къ нему съ предложеніемъ устроить и организовать театръ въ Павловскѣ, подъ Петербургомъ. Зданіе театра было выстроено правленіемъ Царско-

сельской жел. дор., согласно указаніямъ г. Фетодова, по проекту архитектора Бенуа; устройство сцены и декораціи г. Фетодовъ принялъ на свой счетъ. Въ труппѣ Павловскаго театра принимали участіе: г-жа Фетодова, покойный Н. Х. Рыбаковъ, Васильевъ-Гладковъ, г-жа Очкина, г. Сазоновъ, г-жа Стремляпова; здѣсь же петербургская публичка впервые увидала, только-что начинавшихъ свою артистическую карьеру, гг. Иванова-Козельскаго, Киселевскаго и г-жу Щепкину. вмѣстѣ съ русской труппой, была приглашена и французская съ знаменитой парижской актрисой Селиной Шомонъ во главѣ.

1877 году г. Фетодовъ, осенью, заболѣлъ въ Парижѣ, куда отправился, по обыкновенію, для ангажемента артистовъ. Болѣзнь его удержала въ Парижѣ почти всю зиму, въ концѣ которой доктора отправили его въ Ниццу. Два года онъ не могъ возвратиться въ Россію. Въ это время помощники его и компаньоны по содержанію французскаго театра въ Петербургѣ такъ повели дѣло, что театръ прекратилъ свое существованіе.

Осень 1884 года можно считать началомъ театрално-литературной дѣятельности А. Ф. Фетодова. Онъ привезъ въ Москву свою первую стихотворную комедію «Про Бѣлаго бычка», которую продалъ Лентовскому.

Слѣдующей за «Бѣлымъ бычкомъ» его пьесой была ком. въ 4-хъ дѣйств. «Рубль», поставленная на Московск. Императ. театрѣ, зимой 1885 г. Затѣмъ слѣдуютъ въ хронологическомъ порядкѣ: «Волкъ», ком. въ 4-хъ д.; «Въ деревнѣ», др. въ 5-ти д.; «Люди», сцены въ 3-хъ д.; «Хрущевскіе помѣщики», ком. въ 4-хъ дѣйств.; «Въ Шильонскомъ замкѣ», др. въ 5-ти дѣйств., въ стихахъ; «Викторъ Павловичъ Пичужкинъ», ком. въ 4-хъ д.; «Итоги прошлаго», ком. въ 3-хъ д. (фабула заимствована); «Дѣти отцовъ своихъ», ком. въ 4-хъ дѣйств.; «Братья Одоевы», ком. въ 5-ти д.; «Славны бубны за горами», сцены въ 3-хъ д.; «Пріятное семейство», эскизъ въ 1 д. Изъ переводовъ его намъ извѣстны только стихотворные переводы: «Нобъжденный Римъ» (игранный въ 1-й разъ осенью 1885 г. въ Моск. Маломъ театрѣ); «Сутяги» и сцены Ф. Коппе «Прохожій».

Въ 1888 году г. Фетодовъ совместно съ гг. Алексѣевымъ и Комиссаржевскимъ основалъ въ Москвѣ общество искусства и литературы, въ дѣлахъ котораго принималъ весьма энергичное участіе. Главнымъ образомъ онъ былъ занятъ изслѣдованіемъ сценическаго искусства въ драматической школѣ этого общества, которой состоялъ директоромъ. Въ 1889 году открылъ свое драматическое училище, носившее названіе «Драматическое училище въдомства министерства народнаго просвѣщенія». Весною 1893 года ему была предложена дирекціей Импер. театровъ кафедра преподавателя драматическаго искусства въ С.-Петербург. Император. театральномъ училищѣ. Кроме того дирекція Импер. театровъ предложила ему возвратиться къ его прежней актерско-сценической дѣятельности. Предложеніе дирекціи было имъ принято. Свое московское училище онъ закрылъ и переѣхалъ въ Петербургъ. 31-го августа 1893 года онъ снова появился передъ публикой въ одной изъ своихъ излюбленныхъ ролей—Испаньки въ комедіи А. Потъхина «Чужое добро въ прокъ нейдетъ».

Превосходный преподаватель драматическаго искусства и рѣдкій знатокъ сцены, А. Ф. выработалъ свою систему преподаванія, которую онъ умѣлъ передавать своимъ ученикамъ живо, остроумно и оригинально. Процессъ влчпванія въ роль А. Ф. раздѣлялъ, такъ сказать, на три фазиса: I. Усвоеніе построенія *безлично*. II. Усвоеніе настроенія и *лица*. III. Усвоеніе деталей. Ученикамъ рекомендовалось усваивать не слова, а прежде всего настроеніе. Слова сами шли тогда рука объ руку съ настроеніемъ. Роль ученики могли произносить громко только послѣ усвоенія двухъ первыхъ фазисовъ. Искусство читать состоитъ, говорилъ А. Ф., прежде всего въ томъ, чтобы *не читать* и

видѣть то, что говоришь». А. Ф. прекрасно иллюстрировалъ примѣрами свои положенія.

Его лекціи были всегда остроумной, въ высшей степени живой и интересной бесѣдой, лишенной всякаго педантизма, бесѣдой неподготовленной и всегда вызывавшейся самимъ ходомъ дѣла. Слушатели А. Ф. не замѣчали, какъ проходили часы на его урокахъ. Пишущій эти строки, будучи преподавателемъ въ школъ А. Ф. не разъ засиживался на его лекціяхъ и заслушивался его эскиптомъ.

Н. Г.

Женскій медицинскій институтъ.

Въ «Новомъ Времени» отъ 23-го апрѣля напечатано слѣдующее интересное сообщеніе:

Вопросъ объ открытіи женскаго медицинскаго института въ Петербургѣ разсматривался 22-го сего апрѣля въ соединенномъ засѣданіи департаментовъ законовъ и государственной экономіи государственнаго совѣта. Предсѣдательствовалъ М. Н. Островскій. Кромѣ членовъ государственнаго совѣта присутствовали въ засѣданіи въ качествѣ свѣдущихъ лицъ: директоръ народнаго просвѣщенія Н. М. Анчиковъ, членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія В. К. Аврепъ и начальникъ военно-медицинской академіи В. В. Пашутинъ.

Обсужденіе проекта организациі и устройства института началось рѣчью М. Н. Островскаго, въ которой предсѣдатель собранія обстоятельно и подробно выяснилъ, въ какомъ положеніи находится этотъ вопросъ въ настоящее время. Слишкомъ три года тому назадъ, когда открытіе женскаго медицинскаго института было встрѣчено государственнымъ совѣтомъ сочувственно, для осуществленія этого института требовались затраты со стороны казны, что и явилось препятствіемъ къ открытію института. Въ настоящее время частными пожертвованіями обеспечивается не только устройство курсовъ, но ихъ содержаніе и развитіе въ будущемъ. Отнесясь съ полнымъ сочувствіемъ и одобреніемъ къ необходимости учрежденія института, собраніе перешло къ разсмотрѣнію деталей проекта. Нами уже были приведены основныя положенія медицинскаго института, поэтому позволяемъ себѣ ограничиться тѣми изъ нихъ, которыя вызвали пренія и измѣнены государственнымъ совѣтомъ. Отъ желающихъ поступить въ институтъ рѣшено требовать представленія, помимо прошенія на имя директора и свидѣтельства о возрастѣ, званіи и вѣроисповѣданіи,—письменнаго разрѣшенія родителей или попечителя, если родители не находятся въ живыхъ и просительница не достигла 21-го года; замужнія женщины предъявляютъ разрѣшеніе мужей. Вопросъ о требованіи при поступленіи въ институтъ отъ лицъ, кончившихъ курсы въ женскихъ гимназіяхъ и равныхъ имъ женскихъ учебныхъ заведеній, свидѣтельствъ объ испытаніи изъ обоихъ древнихъ языковъ, по правиламъ, установленнымъ для поступленія въ студенты университетовъ,—вызвалъ оживленныя пренія. Многіе высказывались особенно противъ испытанія по греческому языку. Большинство признало нужнымъ требовать испытанія по обоимъ древнимъ языкамъ и безъ экзамена принимать въ институтъ только кончившихъ курсы на с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсахъ, по выдержаніи тамъ же установленнаго испытанія по латинскому и греческому языкамъ, а также кончившихъ курсы въ женскихъ гимназіяхъ, которымъ предоставлено право выдавать аттестаты зрѣлости.

При разсмотрѣніи программы преподаванія замѣчено отсутствіе ушныхъ и горловыхъ болѣзней и вслѣдствіе этого рѣшено предоставить министру народнаго просвѣщенія выдѣлять изъ перечисленныхъ въ програмѣ предметовъ пре-

подаванія особыя кафедры по мѣрѣ надобности и развитія средствъ института. Въмѣсто проектированнаго четырехлѣтняго, курсъ преподаванія признанъ необходимымъ пятилѣтній, какъ на медицинскихъ факультетахъ университетовъ. Преподаваніе распредѣляется такимъ образомъ на десять полугодій. Женщинъ-врачей, кончившихъ курсъ въ институтѣ, предположено было не допускать къ завѣдыванію общими городскими больницами и къ дежурству въ нихъ, а также къ исполненію обязанностей врачей въ присутствіяхъ по воинской повинности и къ производству судебно-медицинской экспертизы по требованію судебныхъ учрежденій. Рѣшено допускать женщинъ-врачей, извѣстныхъ своею практическою дѣятельностью, къ производству судебно-медицинской экспертизы; подобности же тѣхъ случаевъ, когда женщина-врачъ можетъ произвести судебно-медицинскую экспертизу, поручено выработать министру народнаго просвѣщенія по соглашенію съ министрами внутреннихъ дѣлъ и юстиціи. При разсмотрѣніи правъ и преимуществъ служащихъ въ институтѣ по учебной части, выдвинулся вопросъ о правѣ на полученіе пенсіи изъ государственнаго казначейства. Такъ какъ во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на частныя средства, педагогическій составъ пользуется правомъ получать пенсіи, то выражено желаніе, чтобы предоставить такое право и служащимъ въ институтѣ по учебной части. Подробная разработка правъ на полученіе пенсіи поручена министрамъ народнаго просвѣщенія и финансовъ.

Женскій медицинскій институтъ будетъ находиться въ вѣдѣніи министра народнаго просвѣщенія, подъ попеченіемъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. Непосредственное управленіе институтомъ, съ находящимся при немъ интернатомъ, принадлежитъ согласно положенію, директору, избираемому министромъ народнаго просвѣщенія изъ опытныхъ во врачебныхъ наукахъ профессоровъ. Въ управленіи участвуютъ: 1) совѣтъ преподавателей; 2) правленіе изъ четырехъ профессоровъ, назначаемыхъ попечителемъ округа; 3) попечительный совѣтъ изъ лицъ, назначаемыхъ министромъ народнаго просвѣщенія и могущихъ содѣйствовать успѣшному удовлетворенію хозяйственныхъ нуждъ института и увеличенію его средствъ, и 4) инспектрисы съ помощницами.

Итакъ, вопросъ объ открытіи женскихъ медицинскихъ курсовъ или женскаго медицинскаго института, послѣ долгихъ искусственныхъ откладываній и затягиваній, рѣшенъ утвердительно. Остается только пожелать, чтобы признаніе насущной потребности для общества и государства въ женщинахъ-врачахъ побудило лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу, какъ можно скорѣе осуществить утвержденный проектъ. Женщинъ, съ нетерпѣніемъ ожидающихъ открытія института и безплодно тратящихъ силы въ ожиданіи того, когда имъ позволятъ быть полезными, очень много, и хотя, по утвержденному проекту, имъ предстоитъ преодолѣть для этого еще весьма существенныя препятствія, которыя заставятъ ихъ безплодно истратить еще не мало силъ,—въ изученіи ненужныхъ для медицины древнихъ языковъ,—не подлежитъ сомнѣнію, что многія пожелаютъ и смогутъ превзойти и эти испытанія. Къ сожалѣнію «Новое Время», изъ котораго мы заимствуемъ вышеприведенное сообщеніе оставляетъ далеко не вполне выясненнымъ вопросъ о *правахъ* женщинъ-врачей.

Изъ дневника журналиста.

Пьеса Гаутмана «Ганнеле».

22-го апрѣля, С.-Петербургъ.

Вотъ уже болѣе недѣли, какъ столичная печать занимается пьесой Гаутмана «Ганнеле», поставленной на сценѣ Панаевского театра русскимъ музыкально-артистическимъ кружкомъ. Poleмика между «Новымъ Временемъ», «Сыномъ Отечества» и «Гражданиномъ» по вопросу о моральности и такъ сказать благовѣдности этой пьесы взбудоражили публику. Публика волновалась, жадно раскупала билеты на всѣ самыя неудобныя мѣста нелѣпо построеннаго Панаевского театра и, возвращаясь съ представлений, говорила о высокомъ и своеобразномъ художественномъ наслажденіи. Во вторникъ, 19-го, было объявлено о четвертомъ представленіи «Ганнеле» на 21-ое апрѣля. Ходили слухи, что представленіе будетъ послѣднимъ, и уже въ среду почти всѣ билеты были расхвачаны. Въ пятницу со всѣхъ сторонъ слышались вопросы: вы достали билеты на «Ганнеле»? Вы видѣли «Ганнеле»? Общее влеченіе на это представленіе было такъ велико и заразительно, что уже вечеромъ я рѣшилъ пойти въ театръ «постоять» въ проходѣ верхней галлерей. Пьеска «Прохожій», которая идетъ для начала спектакля и о которой почти всѣ отзываются, какъ о скучноватой, уже кончилась, и занавѣсъ только-что поднялся для начала «Ганнеле». Сцена представляла грязную «брюю и пустую комнату «пріюта для бѣдныхъ». На авансценѣ—узкая деревянная кровать, прикрытая лохмотьемъ, въ глубинѣ растопленная круглая печка—все очень простое, реальное и безобразное, какъ всякая нищенская реальность. По сценѣ суетятся немногочисленные обитатели «пріюта для бѣдныхъ»: какая-то маленькая старушонка въ темномъ, старикъ, не вполне естественно трясущийся и подыргивающій отъ старости или отъ холода, бойкая и грубая дѣвчонка съ подозрительными манерами, то грѣющая руки у печки, то убѣгающая въ какую-то маленькую дверь. На сценѣ сумерки, голоса звучатъ рѣзко и глухо. Въ словахъ,

которыя произносятся. чувствуется жесткость и шероховатость старательнаго перевода съ нѣмецкаго. Вдругъ поднимается суматоха, дверь открывается, молодой мужчина вноситъ на рукахъ и кладетъ на кровать маленькую женскую фигуру въ сѣромъ, которая непрерывно издаетъ короткій, глухой стонъ. Это Ганнеле: ея вотчимъ, каменщикъ Матернъ, злой и грубый пьяница, доколотилъ ее до того, что она бросилась въ прорубь. Проходящій мимо школьный учитель спасъ и принесъ ее сюда, на эту постель, и теперь ея попытка на самоубійство вызываетъ переполохъ не только въ пріютѣ для бѣдныхъ. О здоровьѣ и прошедшей жизни Ганнеле, доведшей ее до самоубійства, справляется самъ бургомистръ. Къ Ганнеле призываютъ доктора. Всѣ хлопочутъ вокругъ нея. Но она лежитъ на постели и отъ нея съ трудомъ можно добиться человѣческаго слова. Она стонетъ, плачетъ и вздрагиваетъ. Реалистическій стонъ артистки, исполняющей роль Ганнеле, напоминающій стоны челоуѣка, у котораго нестерпимо болитъ зубъ, нервно настраииваетъ всю публику. Становится тяжело и жутко отъ этого стоны, выражающаго неутрахающее страданіе. Здѣсь нѣтъ искусства съ его чарами, но общее настроеніе возбуждено и вниманіе натянуто. «Страшно... Холодно...» говоритъ Ганнеле плачущимъ голосомъ, и въ публикѣ чувствуется симпатія и жалость къ ней. «Отець... придетъ... прибѣдетъ... страшно... холодно...» Съ Ганнеле пробуетъ говорить бургомистръ и докторъ, но она отвѣчаетъ только своему спасителю — учителю. Бургомистръ уходитъ, и старый обитатель «пріюта для бѣдныхъ» намекаетъ, что Ганнеле ему не чужая... Наконецъ, приходитъ сестра милосердія. Всѣ уходятъ. Сестра садится у ея изголовья и ласкаетъ Ганнеле, убѣждая ее заснуть, потомъ на минуту выходитъ за питье для больной. Ганнеле остается одна, въ полуснѣ. Свѣтъ рампы тухнетъ, на сценѣ наступаетъ мракъ, среди котораго вдругъ раздается страшный крикъ, крикъ внезапнаго ужаса. Въ углу шевелится фигура пьянаго отца Ганнеле. Это видѣніе, это галлюцинація, это сонъ Ганнеле. Но грубая фигура съ косматыми рыжими волосами шевелится и испускаетъ хриплыя ругательства, а Ганнеле, какъ загнипнотизированная, съ выраженіемъ застыващаго ужаса на лицѣ, приподнимается, садится, спускаетъ ноги, встаетъ... Дверь раскрывается, входитъ сестра милосердія, рампа вспыхиваетъ, фигура отца безмолвно проваливается, а Ганнеле съ крикомъ распростирается на полу. Зрителямъ жутко и тяжело. Ганнеле переносятъ на постель и опять укладываютъ. Сестра опять уговариваетъ ее заснуть и успокоиться. «Спой мнѣ пѣсенку», проситъ Ганнеле, ласкаясь къ ней. Сестра опять садится у ея изголовья и поетъ. На сценѣ полумракъ, голосъ сестры, слабый и неровный, чуть слышно звенитъ въ залѣ. Маленькая измученная Ганнеле тихо засыпаетъ на своей узкой и жесткой кровати. Что-то нѣжное и тихое, что-то доброе, забытое проносится теплымъ дуновеніемъ по залѣ. Ничего новаго, ничего яркаго, ничего сильнаго—напротивъ что-то очень старое и простое, какъ воспоминаніе о дѣтствѣ, какъ воспоминаніе о колыбель-

ной пѣсенкѣ, которую кто-то когда-то пѣлъ надъ изголовьемъ во мракѣ ночи, какъ сказка старой няни, рассказанная зимнимъ вечеромъ при свѣтѣ лампы, мигающей передъ образомъ. Это почти не искусство — это напоминаніе. Но публика, современная, первая, взвипченая и пущая новизны публика тронута этимъ напоминаніемъ... Ганнеле спить. Сестра замолкаетъ, припавъ головой къ постели. Рампа опять тухнетъ. за сценою раздается тихая музыка и среди полного мрака показывается ярко освѣщенная электрическимъ свѣтомъ фигура въ бѣломъ... Это покойная мать Ганнеле, сошедшая къ своей большой дѣвчкѣ, чтобы утѣшить ее и позвать съ собою. Это тоже видѣніе. сонъ Ганнеле, галлюцинація ея больного воображенія. Все, что будетъ дальше, до самаго конца пьесы—все это сонъ, фантастическій, но примитивный, какъ всѣ понятія простой бѣдной дѣвушки. Все это—фейерія по обстановкѣ и въ нѣкоторомъ родѣ мистерія по содержанию: исторія смерти молодой дѣвушки, какъ она сама представляетъ себѣ эту смерть, исторія, въ которой страшное перемѣшано съ прекраснымъ и трогательнымъ, реальное съ божественнымъ. Въ этомъ сплетеніи и чередованіи разныхъ элементовъ заключается все искусство автора и вся красота произведенія. Несмотря на довольно грубую, хотя и старательную любительскую постановку, нарушающую подчасъ иллюзію, въ воображеніи остается впечатлѣніе настоящего сна съ его расплывающимися, переливающимися другъ въ друга образами, то нѣжными, то осязательно-реальными, съ его то смутными, то музыкально-грустными настроеніями. Ганнеле больная, умирающая—дѣйствующее лицо этого сна и этой мистеріи, и мы видимъ ее все время на сценѣ, то разговаривающей съ являющимися ей видѣніями, то замирающей отъ ужаса при приближеніи къ ней мрачнаго крылатаго «вѣстника смерти», то бездыханною въ ея постели, потомъ перенесенною въ длинный серебряный гробъ, окруженною суетливой жужжащей толпой обитателей «дома призрѣнія», собравшихся на похороны, наконецъ возставшей изъ гроба и уводимой въ вѣчное жилище загадочнымъ Странникомъ, похожимъ лицомъ на любимаго ею учителя, и сонмомъ маленькихъ ангеловъ, при звукахъ органа и тихаго церковнаго пѣнія... Ни одна изъ картинъ предсмертнаго сна Ганнеле въ отдѣльности не производитъ впечатлѣнія. Исполненіе артистовъ посредственное и многія детали въ обстановкѣ грубы. Три ангела съ ярко-розовыми крыльями, усыпанными бумажными звѣздами, не совѣмъ хорошо декламируютъ шероховато переведенные монологи, вѣстникъ смерти картоненъ, посланецъ, приходящій съ погребальнымъ нарядомъ Ганнеле, вульгаренъ, и платье, которое онъ ей приноситъ, сдѣлано изъ какой-то мятой свинцовой бумаги или фольги; учитель, повидимому любившій Ганнеле, спасшій ее изъ проруби и приходящій теперь вмѣстѣ со своими учениками проститься съ ея тѣломъ, говорить неприятнымъ плаксивымъ тономъ, а тотъ-же артистъ, переодѣтый таинственнымъ Странникомъ, въ одеждѣ францисканскаго монаха, производитъ даже во внѣшнемъ отношеніи какое-то незаконченное впечатлѣніе.

Наконецъ, громъ, какъ всегда грубо разражающійся гдѣ-то на потолкѣ сцены, въ ту минуту, когда пьяный вотчимъ Ганнеле ругается и божится въ своей невинности надъ ея гробомъ, рѣзко пугаетъ, оставляя въ нервахъ непріятное содроганіе. Но среди всей этой вереницы не вполне законченныхъ и не гармоническихъ впечатлѣній свѣтятся моменты, когда невольное, непосредственное, почти дѣтское умиленіе охватываетъ публику. Она прощаетъ погрѣшности исполненія, дополняетъ и смягчаетъ собственнымъ воображеніемъ недочеты постановки. Вѣдь это сказка, а сказка всегда волнуетъ и возбуждаетъ фантазію. И главное въ этой сказкѣ есть какое-то воспоминаніе и напоминаніе, и различные моменты ея, передающіе вѣчно-повторяющуюся и вѣчно-новую и вѣчно-загадочную драму смерти, каждому говорить что-нибудь и заставляютъ о чемъ-нибудь вспоминать. Я смотрѣлъ, какъ клали Ганнеле въ гробъ и оправляли ея погребально-вѣнчалый вуаль, когда меня поразили глухія рыданья. Сидѣвшая не далеко отъ меня молодая женщина, уже не глядя на сцену, отдалась слезамъ и плакала, откинувъ голову и закрывая лицо платкомъ... Занавѣсъ на минуту падаетъ послѣ того, какъ Ганнеле съ пріемомъ увели ангелы, потомъ опять поднимается: Ганнеле опять покорится въ постели, подлѣ нея сестра и докторъ, удостоверяющій ея смерть. Занавѣсъ опускается, уже окончательно. Въ залѣ ярко вспыхиваютъ газовые рожки и на темномъ фонѣ шевелящейся толпы повсюду мелькаютъ бѣлые платки, которыми отираются съ глазъ набѣжавшія слезы. Публика постепенно расходится, но надъ пустѣющимъ театромъ еще долго носится ревъ и стонъ несмолкающихъ вызововъ.

Ганнеле имѣеть настоящій успѣхъ, и «Новое Время», дѣлающее широкую рекламу этой пьесѣ, только отражаетъ настроеніе массы зрителей, побывавшихъ на представленіи. «Прекрасная, истинно-моральная и гуманная пьеса. писалъ Суворинъ, защищая произведеніе Гауптмана отъ доносящихъ нападокъ «Сына Отечества». «Пьеса съ гуманной идеей» говорили другіе. «Нѣтъ, это что-то удивительное, рассказывали третьи, — что-то оригинальное, новое». Нѣтъ, скажу я, тутъ не при чемъ мораль, авторъ ею не занимался—иначе онъ, какъ современный писатель съ широкими социальными взглядами, предпочелъ-бы оправдать грубаго и несчастнаго вотчима Ганнеле, снять съ него отвѣтственность за его невѣжество и дикость, а не карать и не устрашать его раскатами театральнаго грома. Идея... Въ чемъ-же эта идея? Новизна, оригинальность... Нѣтъ, это старо, какъ народная сказка. Но ново тутъ именно то, что это сценическая *сказка*,—послѣ того, какъ мы привыкли въ театрѣ къ самой педантической реальности, ново то, что авторъ все время говоритъ съ нами о смерти, тогда какъ мы привыкли видѣть въ смерти только заключительный моментъ, не имѣющій самостоятельнаго содержанія. Ново и неожиданно для многихъ сознание, что мы можемъ волноваться сказкой, плакать надъ сказкой, что подобная сказка близка

нашей душѣ, такъ шевелить ея живыя струны. Вѣдь большинство современныхъ людей думаетъ, что сказки годны только для младенческаго возраста, что все разумное и серьезное можетъ быть выражено въ трезвой, реалистической формѣ. А тутъ — самая грубая реальность, которой нарочно не упускалъ изъ виду авторъ, и рядомъ съ ней, почти сплетаясь съ ней—нѣчто, столь фантастическое, хотя и столь примитивное. При всемъ этомъ нужно сказать правду: сценическая сказка Гауптмана не представляетъ какихъ-нибудь исключительныхъ достоинствъ. Ничего, особенно выдающагося. Среди сказокъ Андерсена найдется много, гораздо болѣе оригинальныхъ, яркихъ и глубокихъ.

Л. Г.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

«Записки А. О. Смирновой», полученныя въ февралѣ 1893 г. отъ покойной О. Н. Смирновой издательницей «Сѣвернаго Вѣстника», Л. Я. Гуревичъ, для напечатанія въ журналѣ, были временно прекращены печатаніемъ въ виду невыяснивагося вопроса, кто будучи наслѣдникомъ О. Н. Смирновой, имѣетъ право на полученіе гонорара за печатаемыя «Записки». Но послѣ дважды сдѣланной въ газетѣ «Новое Время» публикаціи, съ приглашеніемъ въ редакцію законныхъ наслѣдниковъ О. Н. Смирновой, мы считаемъ себя, по прошествіи полу-года, въ правѣ продолжать прерванное печатаніе «Записокъ», съ новымъ приглашеніемъ для разчета по гонорару лицъ, имѣющихъ надлежащее удостовѣреніе въ утвержденіи ихъ законными наслѣдниками О. Н. Смирновой.
